

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СЕДМЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К^о).

1866.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**въ томъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Декабря 18 дня
1865 года.**

Цензоръ Священникъ *С. Зерновъ.*

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА VIII. (*)

Состояніе русской земли подъ игомъ Монголовъ.—В. кн. Ярославъ Всеволодовичъ.—Состояніе Церкви.—Блажен. митропол. Кириллъ.—Побѣда св. Александра Невского надъ Шведами и Ливонскими рыцарями.—Мученичѣскій подвигъ св. кн. Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора.—Св. Александръ на великомъ княженіи.—Кочина его.

Страшное иго порабощенія легло на Русскую землю. Болѣе двухсотъ лѣтъ Церковь русская, князья и народъ наслаждались свободою: но князья кровопролитными распрями, а народъ грубыми пороками и суевѣріями, со~~м~~ненными изъ язычества, навлекли на себя наказаніе Божіе. Наступило время тяжкихъ и продолжительныхъ страданій.

Поработитель Руси — Батый основалъ свое пребываніе на берегахъ Волги, назвавъ столицу свою Сараемъ. Здѣсь кочевала орда его, пзвѣ-

(*) Предшествующія главы см. въ книжкахъ «Душеп. Чтенія» за 1865 годъ.

стная подъ именемъ Золотой или Кипчакской. Но и самъ Батый не былъ полновластнымъ повелителемъ: онъ зависѣлъ отъ великаго хана, наслѣдника Чингиса, который кочевалъ съ Большою ордою въ пустыняхъ средней Азій.

Особенно тяжело и безотраднo было положеніе князей. Покорностью дикимъ завоевателямъ опредѣлялась не только участь самихъ князей, но и участь народа: по судьбамъ Вышняго, это было для князей урокомъ — дорожить счастьемъ народа. И когда, для спокойствія христіанской земли своей, князья жертвовали своимъ самолюбіемъ, имуществомъ, здоровьемъ и самою жизнію — это была жертва чистая, высокая, христіанская (*).

Въ 1243 году Батый назначилъ въ города русскіе своихъ надзирателей — баскаковъ, а князьямъ приказалъ являться къ нему съ изъявленіемъ покорности. Прежде всѣхъ подвергся этому униженію великій князь Ярославъ Всеволодовичъ: онъ долженъ былъ сначала отправиться въ Золотую орду къ Батю, а одного изъ сыновей своихъ послать въ Татарію, къ великому хану Монголовъ — Октаю. Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ «главою всѣхъ князей русскихъ», отдавъ ему Кіевъ. Поступокъ великаго князя служилъ примѣромъ для князей удѣльныхъ: они также били челомъ надменному Татарину, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

(*) Преосв. Филарета Истор. Рус. Церкви, пер. II. стр. 11.

Мало-по-малу князья начали устроиваться въ своихъ удѣлахъ; мало-по-малу начали оживать города и селенія Русской земли, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ. Ростовская область поступила въ наслѣдство малолѣтнимъ сыновьямъ князя-мученика, Борису и Глѣбу Васильковичамъ, подѣлюсь онекою матери (6): въ послѣдствіи младшій изъ нихъ получилъ въ удѣлъ Бѣлозерскую область и сдѣлался родоначальникомъ князей Бѣлозерскихъ (7). Также и въ Ярославлѣ стали княжить сыновья князя Всеволода Константиновича, падшаго на берегахъ

(6) Супруга князя-мученика Василька, Марія, была дочь князя Михаила черниговскаго. Оставшись вдовою въ молодости, она посвятила себя воспитанію сыновей, не принявъ постриженія надъ гробомъ супруга по обычаю княгинь того времени. Она скончалась въ 1271 году и погребена въ Ростовѣ, въ построенной ею церкви Спасскаго Княгинина монастыря. Это замѣчательное зданіе XIII вѣка вполнѣ уцѣлѣло до нашего времени и принадлежитъ теперь къ Спасо-Иаковлевскому монастырю.

(в) Глѣбъ Васильковичъ, будучи княземъ бѣлозерскимъ около 1260 года, путешествовалъ водою съ Бѣлозера къ Устюгу, и былъ застигнутъ бурей на Кубенскомъ озерѣ. Принесенный къ Каменному острову, онъ нашелъ тамъ 23 пустынниковъ, давно уже жившихъ на островѣ и проходившихъ апостольское служеніе среди окрестныхъ язычниковъ. Князь Глѣбъ воздвигъ для нихъ на островѣ храмъ и монастырь во имя Преображенія Господня, названный по мѣсту Спасо-Каменнымъ. — Тотъ же князь Глѣбъ, въ 1551 году, основалъ на устьѣ р. Шексны, въ 17 верстахъ отъ Бѣлозерска, Троицкій-Усть-Шехонскій монастырь, съ великолѣпною (по тому времени) деревянною церковью. Ист. Росс. Іер. VI, стр. 585.

Сити (°), святые князь Василій и Константинъ (°). На югѣ князь Михаилъ Всеволодовичъ долженъ былъ, по волѣ хана, уступить Кіевъ великому князю и возвратился въ Черниговъ. Храбрый Даниилъ Галицкій, послѣ опустошенія земли своей Монголами, долженъ былъ смириться и идти на поклонъ къ Батю, который въ знакъ особеннаго благоволенія впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ православнымъ князьямъ. «Ты долго не хотѣлъ меня видѣть, сказалъ Батый, но теперь загладилъ вину повиновеніемъ» (°). Впрочемъ Даниилъ мечталъ объ освобожденіи, при помощи западныхъ государей, входилъ даже въ сношенія съ папою и

(г) Князь Всеволодъ Ярославскій, второй сынъ великаго князя Константина, убитъ на Ситскомъ побоищѣ и тѣло его тамъ не найдено.

(д) Старшій изъ сыновей Всеволода, св. князь Василій собралъ народъ, разѣянный варварскимъ нашествіемъ и милостиво заботился о вдовахъ и сиротахъ ратниковъ, павшихъ съ отцомъ его на берегахъ Сити. Онъ былъ женатъ и оставилъ послѣ себя одну дочь Марію, окончивъ жизнь, испытанную скорбями, въ 1249 году. Братъ и наследникъ его св. князь Константинъ убитъ въ 1257 году, въ битвѣ съ шайками татарскихъ грабителей на горѣ, близъ Ярославля, которая поныѣ зовется «Туговою», какъ мѣсто туги (горести) и слезъ, пролитыхъ осиротѣвшими Ярославцами. Оба св. князя были погребены въ соборной церкви, при перестройкѣ которой, въ 1501 году, обрѣтены нетлѣнныя ихъ мощи.

(е) Представляясь Батю, Даниилъ пилъ кумысъ, стоя на колѣнахъ и славя величіе хана. Батый похвалилъ его за соблюденіе татарскихъ обычаевъ, однако велѣлъ подать ему кубокъ вина, говоря: «ты не привыкъ въ молоку нашихъ кобылъ».

хитрилъ предъ нимъ, изъясняя расположеніе къ покорности римскимъ догматамъ. Папа Инокентій IV съ своей стороны нарекъ его королемъ русскимъ, прислалъ ему корону и скипетръ, разрѣшилъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ и наблюдать обычаи, непринятыя римскою церковію. Храбрый и умный король Галицкій ожидалъ помощи отъ западныхъ сосѣдей, которыхъ папа побуждалъ къ всеобщему ополченію противъ Монголовъ; но какъ это ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и смѣялся надъ гнѣвомъ папы (*).

Состояніе Церкви было также скорбно, какъ и состояніе государства. На огромномъ пространствѣ, отъ Бѣлаго озера до южнаго Галича, Батый оставилъ за собою пепель и пустыню: храмы Божіи истреблены огнемъ, или остались грудами камней; священныя утвари, иконы и книги сдѣлались добычею богохульныхъ хищниковъ; украшенные сѣдиною служители алтарей умерщвлены, а молодые отведены въ плѣнъ (?). Не легко было

(ж) Даніилъ галицкій скончался около 1240 года. Не вставая открыто противъ хана и держась союза государей западныхъ, онъ умѣлъ крѣпко утвердиться въ своемъ княжествѣ: преемники его около ста лѣтъ владѣли его наслѣдіемъ и рабствовали менѣе другихъ князей русскихъ, уважаемые и ханами и сосѣдними христіанскими державами запада, которые считали княжество Галицкое оплотомъ со стороны Монголовъ.

(з) При нашествіи Батыя сторѣлъ блаж. епископъ владимірскій Митрофанъ, въ соборномъ своемъ храмѣ (см. гл. VII); умерщвленъ св. Симеонъ, епископъ переяславскій; при взятіи Чернигова, плѣнень, истомлень скорбями и вскорѣ скон-

возобновить храмы и все нужное къ богослуженію; еще труднѣе—найти способныхъ священнослужителей среди всеобщаго опустошенія и нищеты, тѣмъ болѣе, что образованіе болѣе или менѣе сохранилось только на югѣ — въ Галичѣ и Волыни, странахъ менѣе угнетенныхъ дикими завоевателями. Митрополиты и прочіе архипастыри должны были, подобно князьямъ, являться съ поклономъ въ орду для утвержденія на своихъ кафедрахъ. Монголы не поднимали явнаго гоненія на христіанскую вѣру, какъ нѣкогда римскіе императоры въ первые вѣка христіанства. Чингисъ въ «Ясѣ», принятой преемниками его за основной законъ государства, признавалъ единаго высочайшаго Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ чтить всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были; отсюда толпы жрецовъ идольскихъ въ ордѣ и уваженіе къ жрецамъ всѣхъ религій. Въ ярлыкахъ, выдаваемыхъ ханами русскимъ святителямъ, запрещалось хулить вѣру русскую подъ страхомъ смертной казни, но произволъ дикаго завоевателя былъ для него выше всякой религій: онъ говорилъ: «Богъ владѣсть небомъ, а сынъ Божій ханъ—землею». Естественно, что ему не могли быть пріятными тѣ, которые не признавали мнимо-божественнаго его достоинства. Естественно, что тотъ же неукротимый произволъ принуждалъ иногда христіанъ слѣдовать суевѣріямъ языческимъ. Много страдала русская Церковь и отъ чаша епископъ Порфирій; въ Кіевѣ замучены пресвитеры нечерскіе: препод. Лукіанъ и Памво и многіе другіе подвиж.

ненасытной алчности Татаръ. — Они нападали внезапно безъ всякой причины на города, покорные ихъ власти, грабили церкви, монастыри, отнимали все, что понадалось въ руки.

Въ премудромъ намѣреніи промысла ига Монголовъ было мѣрою любви, врачевствомъ для нравственныхъ болѣзней народа Русскаго. Какое же было дѣйствіе ига на народъ? Общее бѣдствіе прежде всего пробудило въ народѣ чувство покаянія: люди Русскіе примѣняли къ себѣ покаяніе Ниневитянъ и каялись; вспоминали о рабствѣ Израиля въ Египтѣ и возносились мыслію отъ земли къ небу. Народъ сознавалъ, что онъ народъ христіанскій, а лютые властители его — невѣрные, ненавидимые Богомъ. Такимъ образомъ утвердилась вѣра въ превосходство христіанскаго ученія. Эта вѣра ободряла народъ въ скорбяхъ, въ трудахъ самыхъ тяжкихъ; она заставляла дорожить тѣмъ, что внушало ему христіанство. Благодаря вѣрѣ Христовой, народъ Русскій удержалъ любовь къ разоренной родинѣ и не черпалъ дикой хищности отъ Монголовъ.

Къ довершенію бѣдствій русской Церкви она, въ первые, самые тяжкіе годы порабощенія Руси, оставалась безъ первосвятителя. Митрополитъ Іосифъ Грекъ, прибывъ изъ Царяграда предъ самымъ нашествіемъ Батыя, пропалъ безъ вѣсти (*). Управление митрополіей съ 1243 года принялъ на себя Кириллъ, епископъ холмскій, по выбору

(*) Можетъ-быть, онъ погибъ въ развалинахъ Кіева или утонулъ въ другое мѣсто и тамъ скончался.

южныхъ князей. Но всеобщее разстройство дѣлъ не прежде дозволило ему принять посвященіе отъ патріарха, какъ въ 1250 году. Возвратясь оттуда въ Кіевъ, онъ отправился обозрѣвать сѣверныя епархіи своей митрополіи, посѣтилъ Черниговъ, Рязань, Владиміръ и наконецъ Новгородъ, который не видалъ у себя Батыя, и только одинъ изъ престольныхъ городовъ Руси оставался еще независимымъ и нераззореннымъ.

Можно думать, что самъ Господь хранилъ Новгородъ вмѣстѣ съ Псковомъ и другими его пригородами, какъ оплотъ со стороны запада, болѣе опаснаго для Руси, нежели орды монгольскія: Татары раззоряли государство и губили народъ, а латинство грозило опасностію для самой чистоты вѣры православной. Папы старались воспользоваться для своихъ цѣлей общими бѣдствіями русской земли и поднимали на нее крестовые походы то изъ Швеціи, то изъ Ливоніи. Но на западныхъ предѣлахъ Руси, въ великомъ Новгородѣ княжилъ тогда юный князь Александръ, сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, одаренный необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, величественною красотою и крѣпкими мышцами Самсона: голосъ князя, по выраженію лѣтописца, гремѣлъ какъ труба на вѣчѣ.

Въ 1240 г. шведскій король, вслѣдствіе папской буллы, отправилъ многочисленное войско подъ начальствомъ зятя своего Биргера на ладьяхъ въ Неву, къ устью Ижоры; при войскѣ были епископы, чтобы крестить Русскихъ. Благо-

вѣрный Александръ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ малою дружиной, но съ твердою надеждою на Бога. На берегахъ Невы, гдѣ Шведы стояли уже станомъ, встрѣтилъ Александра начальникъ приморской его стражи, Ижорянинъ Целгуй, ревностный христіанинъ, и повѣдалъ ему чудное видѣніе, котораго удостоился наканунѣ. Ожидая князя, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива въ бдѣніи и молитвѣ. Мракъ ночной исчезъ, и солнце озарило поверхность тихаго моря. Вдругъ Целгуй услышалъ шумъ на морѣ и увидѣлъ ладью съ гребцами, одѣянными мглою, и двухъ лучезарныхъ витязей въ ризахъ червленыхъ; витязи походили на св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, какъ изображались они на иконахъ. Одинъ изъ витязей сказалъ другому: «братъ Глѣбъ, вели гребсти скорѣе, да поможемъ сроднику нашему Александру». Битва началась 15 іюля въ день памяти св. Владиміра, просвѣтителя Руси, въ началѣ дня и продолжалась до ночи. Шведы бились упорно, но потерпѣли страшное пораженіе. Александръ собственнымъ копьемъ «возложилъ печать на лице» Биргера. Темная ночь спасла остатки Шведовъ, они снѣшили бѣжать во свояси, наполнивъ три судна тѣлами лучшихъ своихъ мужей и оставивъ поле битвы, усѣянное трупами своихъ собратій⁽¹⁾. Эта славная побѣда доставила Александру прозваніе «Невскаго».

(1) При Александрѣ, по словамъ лѣтописца «бѣ множество храбрыхъ якоже древле у Давида царя; бяху бо сердца ихъ, аки сердца львовъ.» Одинъ изъ нихъ Гаврило Олексичъ вско-

Кончивъ со Шведами, Невскій витязь долженъ былъ поспѣшить противъ ливонскихъ рыцарей, которые завладѣли Изборскомъ, разбили Псковитянь и при помощи измѣнника Твердислава ворвались въ самый городъ Псковъ. Александръ двинулся на защиту Пскова и разбилъ Нѣмцевъ на весеннемъ льду Чудскаго озера. Пятсотъ рыцарей пало въ битвѣ, около пятидесяти попало въ плѣнъ. Когда Александръ съ торжествомъ вошелъ въ городъ св. Ольги, ведя за собою плѣнныхъ рыцарей, весь Псковъ съ восторгомъ встрѣчалъ его. Онъ завѣщалъ Псковичамъ любовь къ своему потомству. «Если кто изъ позднѣйшихъ моихъ потомковъ прибѣжитъ къ вамъ въ печали», сказалъ онъ, «или просто придетъ пожить къ вамъ и вы не примите, и не почтете его какъ князя, то назоветесь вторыми іудами.»

члѣ въ Шведскую шнеку (судно), бился тамъ съ восводою, убилъ его и бискупа латинскаго. Другой Новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ вѣзжалъ въ густые ряды непріателей съ однимъ топоромъ, рубилъ направо и налево, ужасая всѣхъ своею силою и храбростію. Яша Полочанинъ, ловчій князя, ударилъ съ мечемъ, на цѣлый полкъ непріательскій. Миша Новгородецъ бросилъ плѣшій въ море съ товарищами и потопилъ три шнеки съ Шведскими воинами. Подобные подвиги намъ кажутся невѣроятными; имъ дивились современники и даже очевидцы. По словамъ лѣтописца, Новгородцы не смѣли приписывать себѣ побѣды, но говорили, что за нихъ и вмѣстѣ съ ними сражались ангелы Божіи. Указывая на другой берегъ Ижоры, покрытый непріательскими трупами, они утверждали, что полки Александровы тамъ не были и не могли пройти туда, но силы небесныя избивали тамъ Шведовъ (Лавр. Лѣт. стр. 206).

Это знаменитая побѣда защитника православія надъ ливонскими рыцарями (современники прозвали ее «Лѣдовымъ побойщемъ») заставила орденъ трепетать за собственное существованіе ^(к); папа принужденъ былъ до времени отложить свои виды на присоединеніе Русской земли къ латинству. Александръ послѣ того недолго оставался въ Новгородѣ. Отецъ его, великій князь Ярославъ, долженъ былъ ѣхать въ большую орду, на берега Амура, гдѣ Монголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго великаго хана. Онъ въ послѣдній разъ простился съ отечествомъ; сквозь степи и пустыни достигнувъ до ханскаго стана, въ числѣ многихъ другихъ данниковъ, смирился предъ трономъ новаго хана Гаяюка и скончался въ ордѣ 30 сентября 1246 года, какъ увѣряютъ, отъ яда, даннаго ему матерью хана ^(д). Тѣло его было привезено и погребено во Владимірѣ, въ соборной церкви.

Почти въ тоже время, въ золотой ордѣ Мухамедъ Всеволодовичъ, князь черниговскій и бояринъ его Феодоръ явились исповѣдниками и му-

(к) По свидѣтельству ливонскихъ хроникъ, магистръ меченоснаго ордена, разбитый на Чудскомъ озерѣ, опасался даже за Ригу и просилъ помощи у датскаго короля.

(д) «Ярослава великаго князя велиемъ умориша» (Волынск. Лѣт. стр. 182). О томъ, что ядъ былъ данъ Ярославу матерью хана, свидѣтельствуемъ латинскій монахъ Шано-Карпини, бывшій въ то время въ великой ордѣ посланникомъ отъ папы. Въ Степенной книгѣ сказано о Ярославѣ: «причте его Богъ ко избранному своему стаду». Въ Рукоп. Святцахъ (книга глаголемая о Россійскихъ Святыхъ.) онъ включенъ въ число святыхъ.

чениками святой вѣры. Потребованный къ Батю, Михаилъ просилъ благословенія у отца духовнаго, епископа Іоанна. «Многіе князья ѣздили въ орду—сказалъ ему епископъ—и прельстятся славою міра сего, ходили сквозь огонь, кланялись идоламъ, вкушали оскверненную пищу; но ты, князь, не подражай имъ». — Князь отвѣчалъ: «я желаю пролить кровь мою за Христа и за вѣру чистую». То же сказалъ и бояринъ Θεодоръ. Епископъ далъ имъ св. дары на путь и отпустилъ съ молитвою. Когда Михаилъ прибылъ въ станъ Батия съ юнымъ внукомъ Борисомъ Ростовскимъ и бояриномъ Θεодоромъ, Батый приказалъ жрецамъ совершить надъ Михаиломъ все, что слѣдуетъ по языческимъ уставамъ и потомъ уже представить его въ ханскую ставку. Жрецы потребовали, чтобы князь и бояринъ прошли сквозь огонь (*). Михаилъ отвѣчалъ: «христіанинъ поклоняется Творцу, а не твари». Узнавъ о непокорности Русскаго князя, Батый озлобился и велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ: или поклониться богамъ, или умереть. «Я готовъ поклониться царю, отвѣчалъ Михаилъ—ему вручилъ Богъ судьбу царствъ зе-

(м) Что должно разумѣть подъ названіемъ прохода черезъ огонь? Полевой, Арцыбышевъ и другіе полагаютъ, что это была одна только маловажная формальность, суевѣрная предосторожность Татаръ противъ злаго умысла являющихся къ хану. Но современный западный миссіонеръ (Плаво-Карпини), который самъ въ ордѣ проходилъ чрезъ огонь, пишетъ, что отъ Михаила требовали поклоненія на югъ — могилѣ Чингисхановой, поклоненія огню и войлочнымъ идоламъ.

ныхъ: но я христіанинъ и не могу поклоняться тому, чему поклоняются жрецы». Напрасно юный Борисъ со слезами умолялъ дѣда побереечь жизнь свою, напрасно бояре ростовскіе вызывались принять на себя и на весь народъ епитимію за князя: Михаилъ, подкрѣпляемый благочестивымъ Θεодоромъ, не хотѣлъ слушать ихъ. Онъ сбросилъ съ плечъ княжескую шубу и сказалъ: «не погублю души моей; прочь слава міра сего тлѣннаго, не хочу ея».

Покуда вельможи ханскіе относили къ Батью отвѣтъ князя-христіанина, блаж. Михаилъ и достойный бояринъ его начали пѣть псалмы и, окончивъ пѣніе, приобщились св. Таинъ. Татарскіе чиновники еще разъ сказали имъ: идутъ отъ хана убить васъ; покоритесь и останетесь живы. Михаилъ и Θεодоръ отвѣчали въ одинъ голосъ: «не слушаемъ васъ, не хотимъ славы міра сего». Скоро явились убійцы. Соскочивъ съ коней, татарскіе палачи схватили Михаила, растянули за руки и за ноги и вачали бить кулаками и палками по груди, потомъ повернули лицомъ къ землѣ и били ногами. Долго длилось это звѣрство. Наконецъ какой-то отступникъ Доманъ, уроженецъ Путивля, отрѣзалъ ножомъ голову св. мученику. Послѣднее слово его было: «я христіанинъ!» (").

(н) Сказаніе о мученическомъ подвигѣ Михаила и Θεодора написано духовникомъ ихъ епископомъ Іоанномъ; нѣтъ сомнѣнія, что съ того же времени стали чтить память ихъ въ Черниговѣ.

Тогда стали уговаривать боярина Θεодора и обѣщали ему почести: онъ отвѣчалъ: «не хочу кланяться твари, хочу страдать за Христа моего, какъ и государь мой, князь». Его мучили также какъ и князя, и наконецъ отрѣзали ему голову. Это было 20 сентября 1246 года. Тѣла исповѣдниковъ Христовыхъ брошены были въ пищу псамъ, но остались цѣлы и невредимы. Господь, за Котораго пострадали мученики, явилъ Свое знаменіе въ подкрѣпленіе вѣры слабыхъ и въ униженіе язычеству. Надъ св. мощами стоялъ столпъ свѣтлый, горѣли огоньки и слышалось небесное пѣніе. Богобоязненные христіане тайно взяли ихъ и принесли въ Черниговъ (°).

Вскорѣ по страдальческой кончинѣ, св. князь Михаилъ, вмѣстѣ съ св. бояриномъ Θεодоромъ, явился въ сіяніи небеснаго свѣта дочери своей,

(°) Св. мощи Михаила и Θεодора въ 1572 году, по волѣ царя Іоанна, были перенесены въ Москву изъ опасенія, чтобы онѣ не подверглись поруганію со стороны папистовъ, по переходѣ Чернигова подъ власть Польскую. Онѣ были положены подъ спудомъ въ соборной церкви черниговскихъ чудотворцевъ, находившейся въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ. Когда же упраздненъ былъ этотъ соборъ для закладки Кремлевскаго дворца, по плану Баженова, тогда онѣ, повелѣніемъ императрицы Екатерины II, торжественно перенесены въ 1770 году, августа 25, въ Срѣтенскій соборъ на сѣнахъ, откуда въ 1774 г. перемѣщены въ Архангельскій соборъ, гдѣ почивали сначала въ великолѣпной серебряной ракъ, устроенной въ память мира съ Турціей, а послѣ 1812 года (когда эта рака похищена была неприятелями) донинѣ покоятся въ мѣдной посеребренной (Памяти. Моск. Древн. стр. 67).

блаж. Евфросиніи (п) и возвѣстилъ ей, что они оба, мученическимъ подвигомъ, стяжали вѣчное блаженство. За великій подвигъ свой, князь-мученикъ и на землѣ былъ награжденъ благословеніемъ небеснымъ: въ потомкахъ его постоянно сохранялось живое благочестіе (р). Между тѣмъ

(п) Старшая дочь св. князя Михаила, княжна Феодулія отличалась искреннимъ благочестіемъ. Родители желали выдать ее замужъ за князя, Мину Ивановича, потомка благочестиваго Варяжскаго князя Шимона, жившаго въ Суздаль. Покорная дочь не противилась волѣ родителей, но тайно молила Господа сохранить ее въ дѣвствѣ. Молитва чистой души была услышана: женихъ ея скончался, когда она была на пути къ Суздалью; не возвращаясь къ родителямъ, княжна рѣшилась вступить въ Суздальскій Рязположенскій монастырь, и приняла постриженіе съ именемъ Евфросиніи. Тамъ провела она цѣлую жизнь въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ, была настоятельницею обители, и сохранила ее своими молитвами отъ разоренія при нашествіи Батыя на Суздаль. Она преставилась 25 сентября 1250 г. Мощи ея обрѣтены нетлѣнными въ 1698 году и положены въ соборномъ храмѣ ея обители.

(р) У св. Михаила было пять сыновей: Романъ княжилъ въ Брянскѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Юрій въ Торусѣ; старшій изъ нихъ Ростиславъ, зять короля Белы, остался въ Венгріи. Отъ сыновей его, Белы и Михаила, произошли герцоги Маховскіе и Боснійскіе. — Особенно подражалъ въ благочестіи великому родителю князь Романъ Брянскій, а еще болѣе внукъ—князь Олегъ—Леонтій Романовичъ. Онъ уступилъ княжество Черниговское брату, а самъ рѣшился въ одеждѣ инока, съ именемъ Василія, служить Господу построилъ Петропавловскій монастырь близъ Брянска и тамъ скончался строгимъ подвижникомъ, въ концѣ XIII вѣка. Въ древнемъ синодикѣ Елецкомъ поминаются имена потомковъ св. Михаила: князя Димитрія Мстиславича Черниговскаго и князя Іоанна Романовича Путивльскаго, «страстотерпца и чудотворца» — убиенныхъ отъ Татаръ за православную вѣру;

какъ роды многихъ другихъ потомковъ равноапостольнаго Владиміра давно уже угасли, вѣтви св. князя по нынѣ зеленѣютъ на землѣ Русской (°).

Почти въ то же время, какъ св. Михаилъ Черниговскій замученъ въ ордѣ Кипчакской, въ большой ордѣ преставился, какъ мы уже видѣли выше, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Послѣ непродолжительнаго правленія брата его Святослава, престолъ великаго княженія достался по праву престолонаслѣдія Александру Невскому.

Теперь побѣдителю Шведовъ и рыцарей предстояла другая болѣе трудная побѣда — побѣда надъ самимъ собою. Доселѣ онъ не преклонялъ выи своей въ ордѣ и Русскіе люди съ гордостію называли его своимъ независимымъ княземъ. Теперь онъ долженъ былъ пожертвовать своею воинскою славой и идти на поклонъ къ Батью, который давно слышалъ о немъ и желалъ его видѣть. Александръ любилъ отечество болѣе княжеской чести своей, болѣе самой жизни, не хотѣлъ подвергнуть Русскую землю новымъ бѣдствіямъ и смиренно поѣхалъ въ станъ Монгольскій, гдѣ Батый принялъ его съ ласкою и освободилъ отъ исполненія обрядовъ языческихъ (въ

князя Романа Новосильскаго и князя Іоанна Титовича Козельскаго, «пріимшихъ Ангельскій образъ» (Русскіе Святые. Сентябрь стр. 121).

(с) Отъ св. Михаила Черниговскаго произошли князья Бояринскіе, Волконскіе, Горчаковы, Долгорукіе, Елецкіе, Звѣнигородскіе, Кольцовы - Мосальскіе, Оболенскіе, Одоевскіе и Щербатовы.

увѣренности, что герой-христианинъ отвергнетъ ихъ и предпочтетъ смерть за вѣру Христову). Узнавъ Александра, Батый сказалъ, что молва не преувеличила достоинствъ доблестнаго князя, что онъ дѣйствительно человекъ необыкновенный. Оттуда Александръ долженъ былъ принять путешествіе въ глубину Татаринъ къ великому хану. И тамъ онъ нашелъ такой же приемъ, какъ у Батыя: великій ханъ утвердилъ Александра на престолѣ владимірскомъ, поручивъ ему всю южную Россію и Кіевъ.

Прямо изъ орды Александръ съ торжествомъ прибылъ во Владиміръ, гдѣ радостно встрѣтили его митрополитъ Кириллъ съ духовенствомъ, бояре и народъ. Вскорѣ прибыло къ новому великому князю посольство отъ папы: отчаявшись водворить латинство въ Россіи оружіемъ крестоносцевъ, папа надѣялся еще успѣха отъ хитрыхъ обольщеній. Онъ увѣрялъ Александра, что Ярославъ—отецъ его, находясь въ Татаріи у великаго хана, далъ слово монаху Карпини принять вѣру латинскую, и, безъ сомнѣнія, исполнилъ бы свое обѣщаніе, еслибы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастья, что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не повинуюсь Богу и Его намѣстнику (папѣ), что князь и народъ Русскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію римской Церкви. Александръ посовѣтовав-

шись съ мудрыми людьми, написалъ папѣ отвѣтъ, въ которомъ изложилъ подробно всю исторію ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви, и догматы семи вселенскихъ соборовъ, заключивъ свое посланіе такъ: «все это мы вѣдаемъ, а отъ васъ ученія не приемлемъ». Этотъ отвѣтъ обличаетъ высокую умѣренность благовѣрнаго князя и истинно-христіанское желаніе правды и мира въ дѣлахъ вѣры: Александръ не думалъ укорять Римлянъ, но только доказывалъ, что вѣра Русскихъ чиста и православна.

Южная Россія давно уже была обложена данью: новый ханъ золотой орды Сартакъ, сынъ недавно умершаго Батыя, захотѣлъ распространить эту мѣру въ сѣверной Россіи и въ Новгородѣ. Александръ снова ѣздилъ въ орду и старался яснѣе опредѣлить отношенія Руси къ хану: ему удалось придать дѣлу такую форму, что только исчисленіе народа и раскладка дани были поручены татарскимъ чиновникамъ, а всѣ прочія дѣла по управленію государствомъ остались въ завѣдываніи природныхъ русскихъ князей; они сохраняли свое право суда по роднымъ законамъ, право войны и мира безъ вѣдома хана и наконецъ — что всего важнѣе — неприкосновенность не только вѣры, но и церковнаго устройства. Такимъ образомъ Александръ достигъ того, что Русь, совершенно покоренная Монголами и не имѣвшая возможности бороться съ ними, получила отъ своихъ сильныхъ и дикихъ властителей права державы почти самостоятельной. Конечно

подати, поборы и разныя повинности, наложенныя Монголами были очень тяжелы для народа, особливо въ началѣ, но за то Русь сохранила свою народность — душу и жизнь государства. Можетъ быть современники не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, этого великаго дѣла, но мудрый ратоборецъ за Русскую землю зналъ чего добивался и вполне заслужилъ благоговѣйную благодарность потомства.

Зимою 1257 года прибыли чиновники татарскіе, сочли народъ въ областяхъ сѣверной Руси и поставили сборщиковъ дани поголовной, отъ которой было избавлено одно только духовенство. Дань поголовная требовалась и отъ Новгорода: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ новгородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло тяжкое и непріятное — склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною вольностію. Александръ отправился въ Новгородъ, едва успѣлъ усмирить народъ и подчинить его общему закону. Баскаки сочли жителей Новгорода, распредѣлили налоги и удалились, потому что Новгородцы обязались доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду, или чрезъ великихъ князей, не имѣя дѣла съ татарскими сборщиками.

Не надолго могъ успокоиться во Владимірѣ защитникъ земли Русской; онъ снова долженъ былъ отправиться въ орду, чтобъ избавиться отъ обязанности присылать Татарамъ вспомога-

тельное войско и оправдать изгнаніе изъ городовъ Суздальской области «бесерменскихъ купцовъ»—Хивинцевъ—мусульманъ, которые откупили тогда у Монголовъ дань русскихъ княжествъ и мучили христіанъ безчеловѣчнымъ сборомъ податей. Ханъ принялъ оправданіе, согласился не требовать войска, но продержалъ великаго князя въ ордѣ всю зиму и лѣто. Освѣнюю Александръ возвращался въ Россію успокоить народъ и обрадовать его новою милостію хана. Близокъ былъ конецъ путешествія; Александръ уже миновалъ монгольскія пустыни и достигъ Нижняго-Новгорода, но жестокой недугъ сокрушалъ тѣло, изнуренное трудами. Отдохнувъ здѣсь нѣсколько времени, онъ доѣхалъ до Городца, но тамъ, чувствуя приближеніе кончины, поспѣшилъ принять схиму съ именемъ Алексія и преставился въ ночь на 14 ноября 1263 года, на 45 году отъ рожденія. Въ продолженіе не многолѣтней своей жизни Александръ участвовалъ болѣе нежели въ двадцати битвахъ, четыре раза ѣздилъ въ орду, гдѣ многіе изъ современныхъ князей сложили свои головы подъ ножами убійць; но онъ, хранимый самимъ Богомъ, вездѣ былъ цѣлъ и невредимъ, мечи враговъ и ножи убійць щадили его, только онъ самъ не щадилъ себя. Истопивъ силы въ ревностномъ служеніи отечеству, онъ не давалъ себѣ покоя, и отягченный трудами непомѣрными, скончался въ цвѣтѣ лѣтъ (*).

(*) Александръ Невскій былъ женатъ два раза: первая суи-

Горестная вѣсть о кончинѣ Александра достигла Владимира въ то самое время, когда народъ молился въ соборномъ храмѣ о благополучномъ возвращеніи его на родину. Блаж. митрополитъ Кириллъ съ слезами воскликнулъ къ народу: «чада мои милыя, закатилось солнце земли Русской!» Слезы и рыданія народа прервали рѣчь первосвятителя; всѣ поняли горькій смыслъ словъ его и въ одинъ голосъ завопили: «погибаемъ, погибаемъ!» Митрополитъ съ духовенствомъ, князья, бояре и народъ въ глубокомъ уныніи встрѣтили останки любимаго князя у Боголюбова; по словамъ лѣтописца, земля стонала отъ вопля и рыданій. Наконецъ тѣло великаго труженика за Русскую землю было привезено въ Владиміръ и 23 ноября погребено въ соборной церкви Рождественскаго монастыря. Современники повѣствуютъ, что усопшій великій князь, когда при отпѣваніи хотѣли разнять руку его для вложенія разрѣшительной грамоты, самъ, какъ бы живой, распростеръ руку и принялъ грамоту изъ руки митрополита (у). Всѣ присутствующіе поражены были ужасомъ при этомъ чудесномъ событіи и увѣрились, что Богъ желаетъ прославить своего угодника.

Съ того времени благовѣрнаго князя Алексан-

руга его Александра — дочь Полоцкаго князя Брячислава, и вторая — княгиня Васса погребены, подлѣ прежней могилы его, въ Рождественскомъ монастырѣ. Тамъ же погребена и дочь его княжна Евдокія.

(у) Соф. врем. Т. I. стр. 273.

дра Ярославича называли святымъ и чтли въ ликѣ ангеловъ - хранителей Русской земли (*). Святая Церковь, восхваляя память благовѣрнаго князя Александра, взываетъ такъ: «Драгоценная отрасль священнаго корня, блаженный Александръ, тебя явилъ Христосъ Русской землѣ, какъ нѣкое божественное сокровище, какъ новаго чудотворца, преславнаго и Богопріятнаго. Ты невидимо посѣщаешь людей Христовыхъ и щедро подаешь исцѣленія всѣмъ усердно приходящимъ къ тебѣ и единодушно вопіющимъ: Радуйся столпъ пресвѣтлый, просвѣщающій насъ свѣтлостію чудесь! Радуйся побѣдившій помощію Божіей гордаго короля! Радуйся свободившій городъ Псковъ отъ невѣрныхъ! Радуйся презрѣв-

(*) Благоговѣнное уваженіе къ памяти св. Александра Невскаго, особенно оправдалось при вел. кн. Дмитріи Донскомъ. Предъ началомъ битвы съ Мамаемъ, ночью въ храмѣ, гдѣ лежало тѣло Александра, загорѣлись свѣчи, и два старца, вышедъ изъ алтара, подошли къ гробу его и сказали: «Александръ! возстани и спаси правнука твоего Дмитрія, одоляемаго иноплемennыми». Александръ всталъ и удалился. Благочестивый инокъ — причетникъ, видѣвшій и слышавшій все это, сказалъ о чудѣ начальникамъ обители; они нашли негнѣнныя мощи витязя Невскаго и поставили ихъ открыто въ ракъ. Въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовали исцѣленія больныхъ (Степ. кн. I. 374, 375). Въ 1724 году императоръ Петръ I, перевезъ изъ Владиміра мощи св. Александра на берега Невы, въ сооруженный имъ Александро-Невскій монастырь и установилъ праздновать память его, кромѣ древняго праздника 23 ноября, еще 30 августа, въ день заключенія мира со Швеціей. Св. мощи почиваютъ въ ракъ, сооруженной императрицею Елизаветою въ 1753 году, изъ перваго серебра, добытаго въ ея царствованіе.

шій догматы Латинянъ и вмѣнившій въ ничто всѣ ихъ обольщенія! Радуйся облако росы, орошающее мысли вѣрныхъ! Радуйся прогонитель темныхъ страстей! Радуйся заступникъ Русской земли! Моли Господа, даровавшаго тебѣ благодать, содѣлать державу сродниковъ твоихъ Богоугодною и сынамъ Россіи даровать спасеніе» (х).

Графъ М. Толстой.

(х) Икосъ и тропарь изъ службы 23 ноября по старопечатной Минееѣ 1652 года.

ОТЕЦЪ ІОАННЪ БОРИСОВЪ,

СВЯЩЕННИКЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ГОРОДЪ ЕЛЬЦѢ.

Память объ отцѣ Іоаннѣ Борисовичѣ, священникѣ Елецкой Преображенской церкви, несмотря на его давнюю кончину, такъ высоко чтится въ народѣ, что день его поминовенія считается у жителей города Ельца почти днемъ праздничнымъ: тысячи народа стекаются въ Елецкій Троицкій мужской монастырь и присутствуютъ при отправленіи соборной панихиды надъ его могилой. Изъ предлагаемыхъ читателямъ свѣдѣній о жизни и дѣяніяхъ его, надѣюсь, будетъ видно, чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое почтеніе къ своей памяти.

За достовѣрность сообщаемыхъ мною свѣдѣній объ отцѣ Іоаннѣ могу поручиться: онъ былъ современникомъ моимъ, жилъ въ одномъ со мною городѣ; я былъ лично знакомъ съ нимъ и очень близокъ къ нему; кромѣ того я пользовался свидѣтельствами другихъ, также лично его знав-

шихъ,—они передали мнѣ и теперь передаютъ, что видѣли или вѣрно слышали о немъ.

Итакъ, благослови мнѣ Господи, во славу твоего имени и на душевную пользу читающимъ, повѣдать о жизни и дѣяніяхъ блаженной памяти раба твоего іерея Іоанна.

Отецъ Іоаннъ родился около 1750 года. Родители его были: Борисъ—священникъ при одной изъ приходскихъ церквей въ городѣ Воронежѣ, а мать Анна. По окончаніи семинарскаго курса въ Воронежѣ онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Дарьею изъ духовнаго званія и произведенъ во священника въ г. Воронежъ; прослуживъ здѣсь не болѣе одного года, онъ былъ переведенъ въ городъ Елецъ къ Архангельской церкви, а потомъ къ Преображенской.

Усердно желая вполнѣ знать должность священническую и быть добрымъ пастыремъ стада Христова, онъ съ самаго начала своего священства, еще будучи въ Воронежѣ, двумя письмами просилъ святителя Тихона, бывшаго тогда на покоѣ въ Задонскѣ, дать ему въ томъ наставленіе. Святитель Тихонъ удовлетворилъ его желанію, прислалъ ему совѣтъ при письмѣ своемъ. Предлагаемъ вниманію читателей и письмо и совѣтъ.

«Отецъ Іоаннъ! писалъ святитель: два письма я отъ тебя получилъ, за оба благодарствую. Посылаю тебѣ, по твоему желанію, мой совѣтъ, читай его и разсуждай, и поступай такъ; а болѣе самъ читай книги и отъ нихъ учись и себя пасти и люди тебѣ порученныя отъ Бога,

и молись Богу прилежно, чтобы Самъ Богъ наставилъ тебя пасти стадо Христово. При томъ помни: ищи людей, а не людскихъ, т. е. ищи спасенія душъ, а не денегъ и богатства, и почитанія. Спасайся о Христѣ и о мяѣ грѣшнѣмъ Богу молись.

Вашъ бывший пастырь, недостойный епископъ Тихонъ. Октября 24-го 1776 года. Задонскъ.»

Совѣтъ мой.

1. «Страхъ Божій всегда тщись имѣть и молись Богу о томъ, чтобы самъ вселилъ въ тебя свой страхъ; рождается страхъ съ помощію Божіею отъ вниманія: кто ты? и что поручено тебѣ хранить? ты іерей и пастырь, хранижь овецъ Христовыхъ, которыхъ Онъ стяжалъ кровію своею, и за нихъ дашь Христу отвѣтъ, какъ ты ихъ хранилъ: поминай смерть, судъ Христовъ, небесное царство и муку вѣчную.»

2. «Юнь еси, храни чистоту души и тѣла, на лица дѣвическія и женскія не смотри прилежно, да не сатана сердце твое возмутитъ; слова празднаго, шутокъ, смѣховъ и всякихъ игръ берегись; думай всегда, что предъ лицемъ Божіимъ ходишь и Богъ всегда на тя смотритъ; дѣло, слово и помышленіе твое все ясно видитъ. Отъ обѣдовъ и собраній удаляйся, да убѣжишь грѣха; гдѣ смѣхи, шутки и рѣчи о людяхъ бываютъ, отъ того мѣста убѣгай; на помины и прочіе обѣды не ходи; а только отправивъ погребеніе въ церкви—въ домъ бѣги; понеже въ тѣхъ поминахъ обѣденныхъ много бываетъ соблазна, и словомъ и дѣломъ; горе бо тому, имже соблазнъ приходитъ, глаголетъ Христось. Чтѣ священники, братья твои дѣлають и прочія лица, не смотри, но внимай, чтѣ Христось учитъ и повелѣваетъ; часто поминай Христовы страсти: чтѣ Онъ и сколь страшное подъялъ за насъ мученіе? Нищихъ не забывай, но чѣмъ можешь снабдѣвай; въ служеніи, а паче въ литургіи, всегда тщись со умиленіемъ и страхомъ стоять; помни, что предъ Богомъ страшнымъ стоишь и

молишься о себѣ и о людяхъ; также тайны святаго совершай весьма благоговѣнно. Безъ дѣла никогда не бывай, часто Богу молись; читай часто первое Іоанна Богослова посланіе, тамо вся должность христіанина изображена; такжеде къ Тимошеею посланія оба и къ Титу посланіе, тамо служителей Христовыхъ должность описана; читай и прочія книги, и что ни читаешь, достойно вписывай въ тетради, дабы могъ въ случаѣ людей наставлять.

3. «Съ женою живи по-христіански, а не такъ, какъ скоты. Во время служенія и предъ служеніемъ отъ нея удайся. Знаешь, что здѣсь пишу. Увѣщавай и ее, чтобы чистоту любила, читай 1-е Коринѳ. посланіе гл. 7, а паче ст. 29-й».

4. «Въ исповѣди весьма опасно поступай, чтобы грѣшника въ отчаяніе не привести; такжеде берегись, чтобы и во обычай грѣховный не вошелъ грѣшникъ; во обычай грѣшникъ удобно приходитъ, когда грѣхъ безъ наказанія бываетъ. Обыкновенно священники говорятъ: Богъ проститъ, Богъ проститъ: но смотри, каково его покаяніе, истинно ли кается, и впредь отъ грѣха обѣщается ли отстать. Такжеде во отчаяніе можетъ придти грѣшникъ, когда съ нимъ жестоко поступаетъ іерей; грѣха тяжесть показываетъ, а о великомъ Божіемъ милосердіи не объясняетъ. Надобно въ семъ случаѣ іерею и праведный судъ Божій грѣшникамъ представить не кающимся; а истинно кающимся несповѣдимое Божіе милосердіе. Молодыхъ, женъ и дѣвицъ берегись исповѣдывать, — молодъ ты самъ, — чтобы сатана плевела не посылъ на сердце; пусть ихъ другой священникъ исповѣдуетъ».

5. «По обѣдни всегда что-нибудь прочитай, хотя краткое, ради поученія людей, а праздника никогда не оставляй безъ поученія, и гдѣ бываешь въ приходѣ, въ чьемъ-либо домѣ, всегда что-нибудь душеполезное скажи, чтобы люди духовно созидались; ежели кого знаешь въ чемъ грѣшаща, увѣщавай его и моли, чтобы пересталъ отъ грѣха и судомъ Божіимъ устрашай и мукою вѣчною и

неизвѣстною житія его копчиною; горе христіанамъ неисправнымъ и попомъ петщашимся исправлять ихъ! Лица сильнаго не стыдись, и не бойся, по всѣхъ, кто грѣшить, обличай, сіе бо есть званіе священническое, и всѣмъ помощи у Бога проси, хотя и будутъ тебя за то ненавидѣть злые и злословить, не бойся ихъ; ты дѣлай свое, Богъ тебя защититъ.»

6. «Обычай злы, какъ-то божбу: ей-Богу, па то Богъ свидѣтель, и прочая, призыванія имени Божія въ подлыхъ вещахъ обличай и искореняй, понеже въ семъ люди тяжко грѣшатъ. Богъ, который повелѣваетъ: да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене, Тойже повелѣваетъ: не приѣми имени Господа Бога всуе. Также, когда единъ съ другимъ говоритъ: судить-де ему Богъ и прочая, все сіе зло искореняй и обличай.»

7. «Напоминай всѣмъ, что судъ Христовъ есть при дверяхъ, уже насталъ день Христовъ, уготовилъ Господь на судъ престолъ Свой. Оттуда страхъ родиться можетъ.

8. «Заповѣди святыя десять и самъ часто прочитывай, съ толкованіемъ и людямъ своимъ прочитывай; изрядно протолкованы оныя въ книжкѣ Платона, учителя великаго князя; думаю, что есть она у многихъ въ Воронежѣ.

9. «Богатымъ, другомъ, почтеннымъ лицамъ не угождай—грѣхъ великъ есть человѣкомъ угождать; но что видишь въ нихъ худо—обличай, и страхомъ суда Божія грози неисправнымъ.»

10. «Тако, ежели, по должности своей поступаая, презрѣнъ будешн, и злословіе, клевету и прочія гоненія отъ беззаконныхъ будешь терпѣть, небреги о томъ, но паче радуйся по Христову словеси: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ! Аминь.»

«Поминай и мене грѣшнаго. Спиши здѣ увѣщаніе преподобнаго Моисея — оно написано въ Прологѣ, декабря 15 дня, и прочитывай часто, и внимай, и тщиись поступать такъ! Богъ милостивый, видя твое усердіе и тща-

ніе, просвѣтитъ умъ твой своею благодатію и поможетъ тебѣ. Чего тебѣ усердно желаю» (а).

О. Іоаннъ, получивши такой благой и назидательный совѣтъ, старался при помощи Божіей исполнить и дѣйствительно исполнилъ его.

Службы Божіи совершалъ онъ съ великимъ тщаніемъ. Самый приступъ его къ той или другой службѣ—призывъ народа къ церкви, былъ не совсѣмъ обыкновенный: удареніе въ колоколъ было не частое, но рѣдкое, похожее на благовѣсть въ какой-либо пустыни; литургію совершалъ онъ всегда поздною, а послѣ литургии читалъ акаѳистъ Божіей Матери со звономъ. Во время служенія являлъ великое благоговѣніе и умленіе, и примѣромъ своимъ возбуждалъ страхъ Божій въ сердцахъ присутствующихъ въ храмѣ. Кто же изъ числа ихъ былъ не внимателенъ, стоялъ безстрашно, вращалъ головою своею туда и сюда и разговаривалъ, тѣхъ онъ обличалъ, а иныхъ и высылалъ изъ церкви. Впрочемъ, сей строгости подвергались большею частию вновь пришлые и пріѣзжіе, не знавшіе о. Іоанна. Для исправленія неблагоговѣйно стоящихъ въ храмѣ, особенно мальчиковъ-шалуновъ, онъ иногда прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ. Для сей цѣли онъ устроилъ въ колокольнѣ, съ дозволенія святителя Тихона, цѣпь съ ожерельемъ, съ слѣдующею надписью: «сія цѣпь прибита повелѣніемъ преосвященнаго Тихона 1-го, епископа воронежскаго и елецкаго». Эта цѣпь долго висѣла на томъ

(а) «Воскресное Чтеніе», годъ 5-й, стр. 421—423.

же мѣстѣ и послѣ смерти о. Іоанна и только недавно уничтожена. Надпись же и теперь существуетъ.

При каждомъ служеніи божественной литургіи въ будни и въ праздникъ онъ говорилъ поученіе, иногда по книгѣ, а иногда отъ себя по рукописи. Покойный архіепископъ херсонскій Иннокентій, родственникъ его, проѣзжая черезъ Елецъ, всѣ эти рукописи взялъ къ себѣ. Между ними были найдены приведенныя нами выше письмо святителя Тихона и совѣтъ его къ Іоанну и потомъ отпечатаны въ *Воскресномъ Читаніи*.

О храмѣ Божіемъ о. Іоаннъ имѣлъ великое попеченіе. Приходскій храмъ его былъ тѣсенъ и не благолѣпенъ; о. Іоаннъ расширилъ его, и внутри росписалъ житіями святыхъ. На свой же домъ онъ мало обращалъ вниманія. Сначала придомѣ его были плетневые сѣни. Святитель Тихонъ, посѣтивъ однажды о. Іоанна, взглянулъ на нихъ и сказалъ ему: «не скорби о. Іоаннъ, поживешь и тесовыя наживешь». По слову угодника Божія онъ со временемъ и устроилъ тесовыя сѣни съ чуланомъ и приличнымъ корридормъ. Но болѣе сего въ теченіе всей своей жизни онъ не производилъ никакихъ улучшеній по устройству своего жилища. Когда же оно обветшало и въ крышѣ показались трещины, случилось придти къ о. Іоанну преосвященному Іонѣ, епископу орловскому и сѣвскому. Смотри на крышу и на потолокъ дома, онъ сказалъ: «тебя, о. Іоаннъ, я думаю, дождь мочитъ, течь бываетъ съ

худого потолка». — «Нѣтъ, владыко, отвѣчалъ онъ, меня не беспокоитъ дождь, я всегда бываю сухъ». Во время этого самаго разговора вдругъ полилъ сильный дождь. Земля покрылась водою, въ покой же чрезъ худую крышу и потолокъ ни одной капли не кануло; даже самая крыша была суха. Удивился владыка и воскликнулъ: «Вотъ какъ чудно Царь небесный покоитъ и спасаетъ вѣрныхъ рабовъ своихъ!» Затѣмъ, благословивъ отца Іоанна и попросивъ святыхъ его молитвъ о себѣ, преосвященный пошелъ отъ него со слезами умиленія и радовался, что онъ въ епархіи своей обрѣлъ такого дивнаго мужа. Сему происшествію былъ свидѣтелемъ я и другіе.

О. Іоаннъ велъ жизнь крайне воздержную. Трапеза его состояла изъ одного насущнаго хлѣба и соли съ небольшимъ припасомъ, несмотря на то, что приходъ его былъ хорошъ, и онъ пользовался отъ него большимъ доходомъ. Куда же онъ значительный денежный доходъ, при незначительномъ домашнемъ расходѣ, употреблялъ? Раздавалъ бѣднымъ и нищимъ. Онъ былъ очень милостивъ. Часто бывало, что, за неимѣніемъ денегъ, онъ послѣдній носовой платокъ имъ отдавалъ. Не отказывая въ подаяніи просящимъ, онъ и самъ розыскивалъ по домамъ бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ, и помогалъ имъ, посѣщалъ тюремные замки и заключеннымъ здѣсь подавая лепты, онъ въ то же время училъ ихъ терпѣнію и убѣждалъ къ раскаянію.

Не рѣдко жена о. Іоанна, укоряя его за его безмѣрную щедрость: «что ты дѣлаешь? говорила ему, или ты не помнишь, что у тебя есть свое семейство, есть дѣти? Въмѣсто того, чтобы чужихъ награждать, ты бы своимъ кровнымъ что-нибудь приберегъ и собралъ». А онъ ей отвѣчалъ на это: «не думай, что я, расточая добро свое, дѣлаю дѣтей своихъ на будущее время скудными. Нѣтъ, не будутъ они бѣдны. Ибо я весь свой избытокъ въ лицѣ нищихъ и бѣдныхъ даю въ заемъ самому Богу, Его дѣлаю должникомъ своимъ, въ твердой надеждѣ, что, Онъ въ свое время, когда мои нужды будутъ велики, заплатитъ мнѣ. Итакъ, я не расточаю, а собираю для дѣтей». Слова о. Іоанна оправдались. У него было два сына и двѣ дочери: сыновья, по окончаніи семинарскаго ученія, заняли хорошія должности: одинъ изъ нихъ былъ священникомъ на его мѣстѣ, а другой по гражданской части служилъ счастливо; дочери же обѣ выданы были за отличныхъ, добрыхъ и умныхъ священниковъ въ томъ же городѣ Ельцѣ.

Поистинѣ дающая рука не оскудѣетъ. Въ доказательство сей истины упомяну еще объ одномъ изъ многихъ случаевъ промышленія Божія объ о. Іоаннѣ.

У жены о. Іоанна не было денегъ на покупку съѣстнаго припаса къ празднику Рождества Христова. Почему она просила мужа, чтобы онъ далъ ей денегъ на этотъ предметъ; а онъ, отказывая ей въ томъ, говорилъ: «у меня нѣтъ де-

негъ, помолись Богу и потерпи—и Онъ тебѣ безъ денегъ пошлетъ нужное для праздника, какъ это и прежде не разъ случалось съ нами». «Нестану ждать, давай мнѣ денегъ», безотвязно приставала она къ нему. Отецъ Иванъ рѣшительно сказалъ ей, что нѣтъ у него ничего. Но лишь только онъ сіе выговорилъ, вдругъ растворились ворота и цѣлый возъ всего имъ къ празднику было привезено. Тутъ о. Іоаннъ, обращаясь къ женѣ и уличая ее въ невѣріи въ благодать Божию, говоритъ ей: благодари за сіе Господа и впредь будь скромнѣе предо мною и терпѣливѣе въ случаѣ недостатковъ нашихъ.

Но Дарья Ивановна права своего не измѣняла. Языкъ ея, какъ слышно было, никакъ не удерживался въ предѣлахъ скромности. Она даже во время келейныхъ молитвенныхъ его занятій не была молчалива и часто своимъ ворчаньемъ вынуждала его, особенно въ вечернее время, удаляться изъ дома для молитвы въ приходскую свою церковь, которая не далеко была отъ нихъ, ибо домъ ихъ былъ въ оградѣ церковной.

Согласно совѣту Святителя Тихона о Іоаннѣ никогда по окончаніи службы церковной, находясь въ своемъ домѣ, не былъ празднымъ, но занимался или молитвою, или чтеніемъ книгъ, или другими какими-либо богоугодными дѣлами. Смѣха и шутокъ онъ не любилъ; при исправленіи требъ былъ нестяжателемъ, всѣ таинства совершалъ съ благоговѣніемъ; по окончаніи погребенія и панихидъ по домамъ на обѣды не ходилъ, а

прямо уходилъ въ свой домикъ, или чуланъ, въ которомъ обыкновенно любилъ уединяться. Но по обязанности пастыря-учителя онъ многихъ навѣщалъ, а особенно тѣхъ, которые, замѣчены имъ въ дурномъ поведеніи. Пришедъ къ нимъ въ домъ, онъ обличалъ ихъ, увѣщевалъ, угрожалъ имъ гнѣвомъ Божиимъ и—нерѣдко, при помощи Божіей, склонялъ ихъ къ покаянію. Хаживалъ онъ и въ тюремный замокъ, въ больницы и въ бѣдные дома и вездѣ, гдѣ только было нужно и можно, вездѣ онъ, какъ добрый пастырь и сѣрдобольный отецъ, съ назиданіемъ и утѣшеніемъ являлся. Равно и тѣхъ, которые приходили къ нему въ домъ съ намѣреніемъ насладиться его духовною бесѣдой, онъ принималъ привѣтливо и ласково и безъ пользы душевной никого отъ себя не отпускалъ.

Однажды пришелъ къ нему Кононъ Никитичъ Кожуховъ, для взаимной духовной бесѣды, посидѣлъ у него, поговорилъ и между прочимъ сказалъ о себѣ, что онъ, слава Богу, во всю жизнь свою живетъ покойно, счастливо, всего у него довольно, недостатковъ ни въ чемъ нѣтъ, бѣдъ и скорбей никогда съ нимъ не случалось. Отецъ же Іоаннъ, выслушавъ это, воскликнулъ : «О! жаль мнѣ тебя, счастливецъ несчастный!» «Чѣмъ же я несчастливъ?» спросилъ Кожуховъ. Тѣмъ, отвѣчалъ онъ ему, что не посѣщенъ Божіимъ наказаніемъ, тогда какъ эти наказанія суть вѣрные знаки Божіей любви къ намъ: ego-

же любитъ Господь, говоритъ писаніе, того и наказуетъ. А вѣдь ты, я знаю, не малый грѣшникъ. Какже можешь считать себя счастливымъ, когда утопаешь во грѣхахъ, пієшь иногда беззаконіе какъ воду, а живешь безъ наказанія, безъ вразумленія, безъ бѣдъ и скорбей, которыя спасительны, потому что побуждаютъ грѣшника къ покаянію: многими скорбми, глаголетъ Писаніе, подобаетъ внити въ царствіе небесное» Выслушавъ эти слова, Кононъ Никитичъ задумался и скоро за тѣмъ, принявъ отъ своего наставника благословеніе, пошелъ домой съ поникшею главой. Чтò же послѣ случилось съ нимъ? Не болѣе какъ недѣли черезъ двѣ загорѣлся у него домъ; прочіе бросились тушить пожаръ, а онъ выбѣгъ на улицу, сталъ на колѣна, воздвигнулъ руки къ небу и воскликнулъ: «благодарю, слезно благодарю Тебя, Господи, что Ты наказуешь меня, великаго грѣшника; чувствую теперь, что Ты не забылъ меня, вижу, что Ты любишь меня, пробуждаешь меня окаяннаго. Благодарю же Тебя Господи, благодарю и съ усердіемъ лобзаю десницу Твою, достойно меня карающую». Видно, что сѣмя духовнаго сѣятеля прямо пало на сердце Конона Никитича и принесло плодъ благой. Подобное духовное плодотвореніе и во многихъ случаяхъ радовало сѣятеля Божія слова о. Іоанна.

Онъ ненавидѣлъ ложь и тѣхъ, которые мали, умьѣ обличать во лжи. Живописецъ Алексѣй Прохоровичъ Щучкинъ, нуждаясь въ провіантѣ

для пропитанія своей артели, пришелъ къ нему просить денегъ впередъ за свою работу, ибо онъ расписывалъ приходскую церковь о. Іоанна. О. Іоаннъ, предузнавъ о его нуждѣ и предваривъ его прошеніе, вдругъ спрашиваетъ у него: «Алексѣй! читалъ ли ты книгу: Новый Завѣтъ»? «Читалъ, батюшка,» отвѣчалъ тотъ. Хорошо, что читалъ, продолжалъ о. Іоаннъ, но я тебя прошу, еще прочти ее и что найдешь въ ней полезнаго для себя, о томъ при свиданіи скажи мнѣ... возмижь ты се у меня и иди домой». Нечего дѣлать, Алексѣй, не объяснивъ ему о своей нуждѣ, ушелъ съ прискорбіемъ отъ него и пришедъ домой, положилъ книгу на полку, не читавъ ее. Недѣли двѣ спустя является къ нему о. Іоаннъ и говоритъ ему: «что, Алексѣй, прочиталъ книгу?» «Прочиталъ», отвѣчаетъ ему. «Гдѣ же она. Подай ее мнѣ!» Тотъ подалъ, а онъ прямо развертываетъ ее въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ написаны слова: «просите и дастся вамъ», а тутъ же еще прежде, когда о. Іоаннъ вручалъ книгу Алексѣю, онъ тайно положилъ деньги двадцать пять рублей для живописца. Живописецъ палъ къ нему въ ноги и сказалъ: «прости меня отче святыи, виновать, не читалъ книгу». — Богъ тебя да проститъ, отвѣчалъ отецъ Іоаннъ, отдавая ему деньги, только впередъ не лги и никого не обманывай, ибо ложь, этотъ самыи гнусныи и обычныи у многихъ людей порокъ, есть порожденіе сатаны: *отецъ лжи есть діа-*

воль. Послѣ этого живописецъ самъ боялся лгать и другихъ старался воздерживать отъ сего большаго грѣха.

О. Іоаннъ умѣлъ истреблять предрасудки въ народѣ. Купецъ Василій Родіоновичъ Расихинъ со двора своего выѣхалъ на ярмарку. Отецъ Іоаннъ попался ему на встрѣчу. Расихинъ воротился назадъ, думая, что встрѣча священника будетъ для него несчастлива. Спустя немного времени опять выѣхалъ. Отецъ же Іоаннъ опять ему на встрѣчу. Расихинъ по прежнему воротился назадъ, выжидая, когда онъ пройдетъ, или куда-нибудь скроется отъ глазъ его. Въ третій разъ Расихинъ выѣзжаетъ. Отецъ же Іоаннъ, и конечно съ намѣреніемъ, въ третій разъ ему на встрѣчу. И тутъ, подозвавъ его къ себѣ, говоритъ ему: «что у васъ это за предрасудокъ, что встрѣча священника будто бы есть признакъ несчастія, или неудачи по вашимъ дѣламъ! Брось ты это суевѣріе, прими отъ меня благословеніе и возвратись домой, я тамъ отслужу для тебя напутственный молебень и ты отправишься въ путь съ благими надеждами» Молебень о. Іоаннъ отслужилъ; Расихинъ отправился на ярмарку и тамъ отлично торговалъ. И съ тѣхъ поръ Расихинъ не боялся встрѣчи іерейской.

О. Іоаннъ имѣлъ характеръ прямой и нельстивый, не боялся обличать и большихъ богачей, коль скоро замѣчалъ за ними какіе-либо худые поступки. Былъ въ городѣ Ельць богачъ, Кириллъ

Петровичъ Жалудковъ. Онъ былъ охотникъ между прочимъ до статуй, и особенно до изваяній языческихъ боговъ. Непріятно было это для о. Іоанна, подобно тому, какъ святителю Митрофану неприятно было видѣть таковыя изваянія при домѣ Петра Великаго въ Воронежѣ. И вотъ онъ приходитъ къ любителю статуй и говоритъ: «Кирилль! Истреби эсаула мѣднаго, который стоитъ у вратъ твоихъ, высунувъ языкъ на храмъ Божій; истреби и другія статуи — эти идольскія изваянія на балконѣ твоего дома. За чѣмъ они тебѣ? Или ты забылъ, что ты христіанинъ, а не язычникъ! Истреби ихъ, не соблазняя ими народъ и не срами себя». Кирилль Петровичъ послушался его, только не вполне: эсаула уничтожилъ, а прочія статуи остались цѣлыми.

Оскорбительно было для о. Іоанна такое неполное послушаніе. Впрочемъ очень скоро послѣ того нечаянный случай увѣнчалъ успѣхомъ его желаніе. Идетъ мимо дома Жалудкова мѣщанинъ Тулиновъ и встрѣтившись съ о. Іоанномъ, говоритъ ему: «батюшка! благослови меня разбить статуи на балконѣ. Эти идолы насъ православныхъ христіанъ смущаютъ». «Хорошо, благословляю, разбей». Тотъ бросилъ большой камень въ одну, и съ Венеры голова соскочила. «Благослови мнѣ разбить другую.» «Благословляю». Тотъ опять бросилъ другой камень и Юпитеръ разсыпался. Жалудковъ вскипѣлъ гнѣвомъ, велѣлъ поймать виновнаго, его поймали и, какъ преступника, повели въ поли-

цію, а изъ полиціи скоро препроводили въ тюремный замокъ. О. Іоаннъ, узнавъ объ этомъ, послалъ записку къ Жалудкову — и виновнаго тотчасъ освободили. Изваяній же идольскихъ Жалудковъ впередъ съ тѣхъ поръ уже не заводилъ и даже тѣ, которые въ саду стояли, уничтожены.

Другой купецъ, такой же богачъ И. В. Ш... пригласилъ о. Іоанна посмотрѣть церковь, имъ выстроенную. О. Іоаннъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе и войдя въ церковь, съ удивленіемъ воскликнулъ: слава Богу! Очень великолѣпный храмъ сей; сердечно радуюсь и благодарю Господа Бога за сей молитвенный домъ. Благодарю и ты Его благость, И. В-чъ. Но благодарю не языкомъ однимъ и сердцемъ, но самымъ дѣломъ. Благодарю Господа Бога по примѣру Закхея мытаря, который, когда Господь пришелъ въ домъ его, обѣщался въ знакъ благодарности *полъ имѣнія своего раздать нищимъ и если кого чѣмъ обидѣлъ, вчетверо возвратить.* Вотъ какъ онъ былъ признателенъ за Божіе посѣщеніе его! За то отъ Господа излилась великая благодать на него: *днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть,* изрекъ ему Господь. Совѣтую и тебѣ, И. В-чъ, послѣдовать примѣру Закхея: раздай половину часть изъ милліоновъ своихъ на нищую братію, а изъ другой части расплатись съ тѣми, которыхъ ты обидѣлъ. Вѣдь обиженныхъ тобою въ теченіе твоей жизни, плачущихся на тебя, я думаю, столько, что ихъ, по многочислен-

ности, невозможно помѣстить и въ храмъ семь. Вспомни, какъ ты поступалъ съ бѣдными торговцами, которымъ за годъ впередъ раздавалъ деньги подъ сало; по истеченіи года сверхъ вычета неимовѣрнаго процента за свой капиталъ, ты принималъ отъ нихъ сальнѣйшій товаръ по цѣнѣ не той, какая въ то время была и за какую они покупали, а по той, какую тебѣ угодно имъ было назначить. Кромѣ того вспомни, какъ ты поступалъ съ тѣми же бѣдняками, если имъ не удавалось къ сроку поставить тебѣ товаръ и взятыя у тебя деньги они затрачивали на какуюнибудь свою нужду, въ надеждѣ сдѣлать оборотъ и рассчитаться съ тобою: ты въ такихъ случаяхъ былъ неумолимъ, хотя бы до этого несчастія эти люди лѣтъ по десяти и по двадцати работали на тебя, приносили тебѣ великіе барыши и умножали твои милліоны. Сколько такого рода людей ты совершенно разорилъ, лишилъ крова и пріюта и заставилъ съ семействами ихъ, иногда съ малютками, бродить по міру съ сумою! Жестокій, жестокий!!! Побойся Бога, побереги свою душу, опомнись, войди въ себя самого и въ благодарность за особенную милость къ тебѣ Господа, избравшаго тебя орудіемъ постройки сей благолѣпной церкви и благословившаго тебя именоваться храмоздателемъ, въ благодарность за эту милость, совѣтую тебѣ отечески, раздай полъ имѣнія своего нищимъ, а изъ второй половины расплатися съ тѣми, кого ты обидѣлъ. Поступивъ такимъ образомъ, получишь ты спасеніе отъ Господа Бога. Въ против-

номъ случаѣ жертва твоя на храмъ сей будетъ не благоугодною жертвою Богу, и весь твой огромный капиталъ, все твое серебро и золото, при внезапной, чего храни Боже, смерти твоей, расхитится и поступитъ, въ укоръ твой, въ чужія руки». — Слушая пастырское увѣщаніе Ив. В-чъ плакалъ и обѣщался, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ хотя сколько-нибудь вознаградить обиженныхъ имъ и впредь быть милостивымъ.

Въ своемъ немилосердіи къ бѣднымъ онъ самъ сознавался близкому къ нему Н. К. К-хову, которій былъ человѣкъ умный и даровитый. Онъ говорилъ: на постройку церкви я большія тысячи охотно жертвую, а для нищаго и гроша жаль; при дачѣ пяти копѣекъ бѣдному человѣку рука моя словно отъ судороги сжимается. Чувствую, что я дурно дѣлаю, грѣшу: вижу, что это вражья сила меня опутала, но никакъ себя не заставлю быть милостивымъ.

— Точно, дядюшка, вражья, но не безъ нашего согласія на то, — бѣсъ насильно не заставитъ худо дѣлать.

— Почему же врагъ не останавливаетъ мою руку жертвовать на постройку храма и благолѣшіе онаго, а бѣдному подать препятствуетъ?

— Потому, дядюшка, что въ нашихъ пожертвованіяхъ на церковь, если съ ними не соединена благотворительность ближнимъ, нѣтъ прямой любви къ Богу; бѣсъ это знаетъ и потому не препятствуетъ такимъ жертвамъ, особенно когда видитъ, что онѣ приносятся изъ тщеславія.

— Какъ же бы мнѣ избавиться отъ насилія бѣсовскаго?

— Надобно поусерднѣе молиться Богу, Царицѣ небесной и всѣмъ святымъ; попросите также о. Іоанна Борисовича, чтобы онъ помогъ вамъ; вѣдь онъ, вы сами знаете, человѣкъ жизни святой, весь городъ нашъ и даже другіе города уважаютъ его. Его молитва доходна Богу, обратитесь къ нему.

— Все это такъ, я вѣрю тебѣ и самъ знаю, только я боюсь подступить къ нему и вполнѣ исповѣдать ему свою душевную немощь.

— А понимаете ли, почему вы боитесь подступить къ о. Іоанну?

— Почемужь бы это?

— Все по тому же, почему нѣтъ у васъ расположенія къ милосердію; все врагъ дѣйствуетъ, вѣдь онъ хитеръ и дальновиденъ; онъ знаетъ, что о. Іоаннъ будетъ для васъ полезенъ, а для него опасенъ и потому онъ, замѣчая намѣреніе ваше поговорить отъ души съ о. Іоанномъ, и наводитъ на васъ ложный страхъ. Онъ самъ его какъ огня боится.

— Хорошо, другъ, благодарю тебя за хорошіи совѣтъ. Выберу время побывать у о. Іоанна, рассказать ему все о себѣ и попросить его святыхъ молитвъ.

Тѣмъ кончился и весь разговоръ. Его слово въ слово передалъ мнѣ самъ И. К. К-ховъ.

(Окончаніе до слѣдующей книжки).

Протоіерей Лука Ефремовъ.

**ЧТО ЭТО ЗНАЧИТЬ, ЧТО МЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ НАЧИНАЕМЪ
ВСЕ СЪ БЛАГОСЛОВЕНІЯ БОЖІЯ?**

БЕСЪДА.

Что это значитъ, слуш., что мы, православные, все начинаемъ съ благословенія Божія, т. е. съ прославленія Божія? Съ благословенія Божія начинаемъ литургію, съ благословенія Божія начинаемъ и прочія службы церковныя; и за службами разныя дѣйствія, моленія, чтенія, пѣнія начинаемъ тоже съ благословенія Божія; даже вещи, употребляемыя при Богослуженіи, на прим., одежды, ладанъ, воду, хлѣбъ, вино, елей, и все прочее, не иначе употребляемъ, какъ съ благословенія Божія; съ благословенія же Божія, помолясь, перекрестясь начинаемъ дѣла мірскія и житейскія, занятія умственныя и тѣлесныя; съ благословенія Божія начинаемъ ястіе и питіе, съ благословенія Божія и всѣмъ въ жизни и для жизни пользуемся. Итакъ что это значитъ? Почему, т. е., мы всегда сначала Бога благословляемъ, имя Его призываемъ, вспоминаемъ, а потомъ уже и дѣйствуемъ, дѣлаемъ что нужно?

Мы этимъ показываемъ, что мы все дѣлаемъ въ славу Божию, какъ заповѣдывалъ апостоль Павелъ (1. Кор. 10, 31). Что же это значитъ? Какъ это въ славу Божию все дѣлать? Какъ это, на примѣръ, въ славу Божию служить, молиться Богу, пѣть, читать Божественное, въ славу же Божию пить и ѣсть, работать, трудиться для себя, другихъ?—А что значитъ славить Бога? Славить Бога значитъ съ благоговѣніемъ говорить, возглашать, пѣть о Его бытіи и свойствахъ, дѣлахъ и дѣйствіяхъ. Въ славу Божию все дѣлать, значитъ, по сему, все дѣлать съ мыслию о Богѣ, все дѣлать душою благословляя Бога, духомъ радуясь и устами исповѣдуя, что Богъ есть, что Онъ Отецъ, Сынъ и св. Духъ, Творецъ, Вседержитель, всего Податель, всѣхъ Хранитель, Спаситель, Освятитель, что Онъ вездѣсущъ, всемогущъ, премудръ, пресвятъ, премилостивъ. Да, когда начиная что нибудь дѣлать, я имѣю въ мысляхъ Бога, мысленно благословляю Его, духомъ радуюсь о Немъ, тогда дѣлаю я свое дѣло въ славу Божию, въ славу Отца, и Сына, и св. Духа.

Почему же, слуш., мы все должны такъ дѣлать, т. е., въ славу Божию, въ прославленіе, благословеніе Божіе?—Чтобы Богъ благословлялъ насъ всегда и во всемъ. Да, Богъ насъ благословляетъ въ нашихъ дѣлахъ Божественныхъ и Богоугодныхъ, житейскихъ и мірскихъ, когда мы Его благословляемъ, когда мы въ славу Его, съ мыслию о Немъ дѣлаемъ, дѣйствуемъ. *Благословляяй благословляющія Тя, Господи,* взываетъ къ

Нему св. Церковь въ молитвѣ заамвонной. Богъ благословляетъ благословляющихъ Его... Что это значитъ?—Божіе благословеніе на насъ—это Божія намъ помощь, подкрѣпленіе, оживленіе, очищеніе, освященіе при всѣхъ и всякихъ нашихъ дѣлахъ и занятіяхъ. И потому-то, слуш., кто съ Божіа благословенія все начинаетъ, съ креста, съ молитвы, тотъ и дѣлаетъ все чисто, свято, благополучно, успѣшно, тому и служитъ все въ пользу, во благо, въ здравіе, въ спасеніе, въ радость, въ утѣшеніе, тотъ и съ слабыми силами и чрезъ малое дѣланіе достигаетъ многого, тотъ и не многимъ вполнѣ бываетъ доволенъ. Съ мыслію о Богѣ и черный хлѣбъ и вода простая намъ вкусны и здоровы; въ славу Божію и не богатое одѣяніе бываетъ для насъ одеждою веселія.

Впрочемъ и неуспѣхъ нашъ въ дѣлахъ, и огорченія, и неудачи въ жизни не могутъ мѣшать намъ дѣлать все въ славу Божію, не могутъ, потому что всѣ мы и сотворены для того, чтобы славить Бога.

Да, мы сотворены для славы Божіей, какъ и все существующее сотворилъ Богъ для своей славы, *Себе ради* (Прит. 16, 4). Мы сотворены для славы Божіей, какъ и все существующее.... Что это значитъ? Небо и земля и всѣ существа неразумныя, безсловесныя сотворены для славы Божіей, т. е., такъ сотворены, устроены, что своимъ существованіемъ невольно повѣдаютъ славу Божію, невольно какъ бы говорятъ, радуются, поютъ, что есть Богъ, что Онъ благъ, премудръ, всемогущъ, говорятъ дру-

гимъ, сами того не сознавая, не чувствуя: мы, существа разумныя, сотворены тоже для славы Божіей, но сотворены такъ, чтобы намъ славить Бога съ сознаниемъ, съ чувствомъ, чтобы намъ сердцемъ и устами говорить, пѣть, радоваться, что есть Богъ, что Онъ благъ, премудръ, всемогущъ. Мы сотворены такъ... т. е., Богъ при сотвореніи перваго человѣка, нашего праотца, далъ ему такую душу, которая можетъ жить, усовершенствоваться, блаженствовать только тѣмъ, что Бога славить разумно, сознаетъ, чувствуетъ, что Богъ есть. Да, славить Бога, радоваться о Немъ, это врожденная наша потребность, это жизнь нашей жизни. *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого, истиннаго Бога* (Іоан. 17, 3). И не отъ того ли мы такъ любимъ смотрѣть на небо и смотримъ туда до слезъ иногда, до самыхъ радостныхъ? Не отъ того ль мы особенно такъ любимъ бывать въ церкви Божіей, служить, или слушать служеніе здѣсь, и служимъ и слушаемъ здѣсь до упоенія иногда, до забвенія, гдѣ мы, не на небѣ ли? По всему видно, что слава Божія родное намъ веселіе.

Такъ, мы все должны дѣлать въ славу Божию, чтобы Богъ благословилъ насъ, чтобы помогъ намъ, оживилъ, укрѣпилъ насъ, чтобы очистилъ, освятилъ насъ и дѣла наши, но главное вотъ почему мы все должны дѣлать въ славу Божию: потому что мы сотворены для славы Божіей, сотворены славить Бога; мы не будемъ существами разумными, совершенными, блаженными, если не будемъ Его единого славить. И благословеніе

Божіе для чего собственно намъ необходимо? Для чего благодать Божія? Для чего намъ здравіе и спасеніе? Для чего всякое благополученіе, всякое радованіе? Для чего это утѣшеніе пищею и питіемъ и другими благами? Все единственно для того, чтобы мы съ дерзновеніемъ могли Бога славить, благословлять, пѣть, радоваться о Немъ. И потому-то чѣмъ мы, православные, обыкновенно оканчиваемъ все, и служеніе Божественное, и дѣланіе богоугодное, и занятіе житейское, и наслажденіе земное?—Славословіемъ Богу. Да, начиная все съ благословенія Божія, мы все дѣлаемъ такъ, чтобы подъ конецъ благословить Бога, чтобы отъ души сказать: слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже!

О, дай намъ, Господи, чтобы мы никогда не переставали начинать все съ Твоего благословенія, съ креста, съ молитвы, чтобы, такимъ образомъ, намъ никогда не переставать Тебя славить, чтобы намъ вѣчно не переставать славить Тебя единаго Бога нашего. Вразуми, Господи, и тѣхъ изъ насъ, которые не считаютъ нужнымъ предъ дѣлами своими благословлять Тебя, молиться, креститься, вразуми ихъ, что мы и въ этой жизни, временной, живемъ и оживляемся только Твоимъ благословеніемъ, и въ жизни вѣчной будемъ жить и радоваться только тѣмъ, что будемъ благословлять, непрестанно благословлять, во вѣки вѣковъ все благословлять и благословлять Твое царство Отца, и Сына и св. Духа.

Аминь.

Протоіерей Родіонъ Пуштинъ.

НОЧЬ ХРИСТІАНИНА.

«Ночь несвѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе». (Пѣснь церкви.)

Свѣтла, повидимому, ночь и у невѣрныхъ. Свѣтлы ночи и у маловѣрныхъ, и у невѣрующихъ. Случалось мнѣ ходить по стогнамъ города въ ночное время: иной домъ такъ блистаетъ свѣтомъ, что и на улицѣ свѣтло, какъ будто днемъ. Но освѣщеніе не то, что просвѣщеніе. Жилища мусульманъ въ ночи рамазана, можетъ-быть, освѣщаются еще болѣе яркимъ свѣтомъ. Но этотъ искусственный свѣтъ освѣщаетъ только темныя дѣла ихъ, во мракѣ ночи.

Ночь для всѣхъ людей земнаго шара есть время успокоенія послѣ дневныхъ трудовъ ихъ. Но для христіанина она имѣетъ и другое высшее значеніе. «Отъ ноши утреннюетъ къ тебѣ, Боже, духъ мой, зане свѣтъ повелѣнія твоя», взываетъ онъ изъ глубины сердца. Въ размысленіи о заповѣдяхъ Божіихъ, въ чтеніи и изученіи слова Божія, душа христіанина обрѣтаетъ ночью просвѣщеніе и необыкновенное услажденіе. Голосъ Божій, глаголющій въ Писаніи, слышнѣе бываетъ для него тогда, когда замолкаетъ шумъ суеты.

ты дневной. Но не менѣ свойственно христіанину заниматься по ночамъ молитвою. Въ Евангеліи не на одной страницѣ читаемъ, что Самъ Господь Іисусъ Христосъ ночное время проводилъ не въ успокоеніи только тѣлесномъ, но особенно въ молитвѣ. Этимъ Онъ показалъ намъ живой примѣръ, что ночь назначена христіанину не для успокоенія только послѣ труженической его дѣятельности, но и для молитвы. Вы, благочестивые читатели, согласитесь со мною, если позволите обратить ваше вниманіе на состояніе наше въ продолженіе ночи и особенно на судьбы Божіи, открытыя или еще имѣющія открыться намъ во время ночи.

Разсѣянный среди дневныхъ занятій духъ нашъ никогда не можетъ съ такою удобностью сосредоточиться въ себѣ самомъ, остановить внимательную мысль на душѣ своей, какъ во время ночи. Когда тьма ея закрываетъ отъ глазъ нашихъ всѣ развлекающіе насъ предметы, когда отсутствіе свѣта необходимо прекращаетъ большую часть обыденныхъ нашихъ занятій: въ это время естественно и очень прилично обратить вниманіе на состояніе души своей, взглянуть на нее ея же духовными очами. Тогда нельзя не увидѣть намъ болѣе или менѣ темныя пятна въ душѣ своей, тогда нельзя не услышать тяжелыхъ вздоховъ ея подъ тяжкою работою грѣховною, тогда вообще каждый изъ насъ безпристрастно можетъ судить о поведеніи своемъ въ продолженіе дня, такъ что многія дѣла предъ судомъ

совѣсти явятся тогда совсѣмъ не такими, какими казались въ минуту совершенія ихъ днемъ. Посему-то царь-псалмопѣвецъ, увѣщевая враговъ своихъ быть справедливыми къ нему, совѣтуетъ имъ подумать о своемъ поведеніи ночью: «гнѣваясь не согрѣшайте; размыслите въ сердцахъ вашихъ на ложахъ вашихъ и утишитесь» (Пс. 4, 5). Посему-то и святые отцы совѣтуютъ намъ, когда въ тишинѣ ночной отходимъ мы ко сну, обозрѣвать состояніе души нашей. Это, повторяю, и естественно, и полезно для христіанина: подобно Давиду, каждую ночь, при воспомнаніи о грѣхахъ омочавшему слезами ложе свое (Пс. 6, 7), онъ восчувствуетъ на своемъ ночномъ ложѣ всю тяжесть своихъ грѣхопаденій, содѣланныхъ днемъ, и изъ глубины души своей молитвенно воззоветъ ко Господу: *азъ нищъ есмь и убогъ, Боже, помози ми. Исцѣли мя, Господи, яко душа моя смятеса зло* (Пс. 69, 6 и 6, 34. Оба чит. на велик. повеч.).

На землѣ, осужденной за грѣхъ, человѣкъ очень часто подвергается бѣдствіямъ, съ которыми онъ встрѣчается вездѣ и во всякое время, и днемъ и ночью. Но не такъ страшно несчастіе во время дня — въ часы нашего бодрствованія, какъ во время ночи: тогда все въ природѣ замолкаетъ, наконецъ и самъ человѣкъ погружается въ мертвый сонъ, и, если пробуждается отъ внезапнаго несчастія, нескоро можетъ прійти въ себя, а между тѣмъ тьма ночи закрываетъ отъ него многія средства, нужныя для отраже-

нія бѣдствія. И знаемъ ли мы, что наступающая ночь не принесетъ намъ труднаго обстоянія? Знаемъ ли, что время сна будетъ для насъ совершенно спокойно? Какъ же, отходя ко сну, не обратиться намъ съ молитвою къ Тому, Кто можетъ сохратитъ насъ подъ кровомъ Своей благодости невредимыми, — Кто и во тьмѣ ночной бодрствуетъ надъ нами несравненно болѣе, чѣмъ мать надъ колыбелью своего дитяти? О, какъ благовременна здѣсь молитва, внушаемая намъ св. Церковію: «Господи, еже согрѣшихъ во дни семъ, прости ми; послѣ ми ангела хранителя, покрывающа и соблюдающа мя отъ всякаго зла, яко Ты еси хранитель душамъ и тѣлесамъ нашимъ» (Молитв. на сонъ грядущ.).

Если одно ожиданіе бѣдствія, могущаго случиться ночью, располагаетъ насъ къ молитвѣ, то еще болѣе призываетъ къ ней дѣйствительное бѣдствіе. Есть много больныхъ, которыхъ страданія увеличиваются безсонницею. Вмѣстѣ съ Іовомъ они говорятъ: «ночь сверлитъ кости мои во мнѣ (Іова 30, 17). Если я легъ, то говорю: скоро ли встану? и долго тянется вечеръ; ворочаюсь, и пресыщаюсь тревогами до разсвѣта» (Іова 7, 4). Какъ тяжело такое состояніе! Днемъ больной можетъ отвести душу въ бесѣдахъ съ ближними, но въ бессонную ночь не съ кѣмъ побесѣдовать, не съ кѣмъ раздѣлить свою скорбь: всѣ спятъ. Но есть одно недремлющее Око, *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля*. Пусть къ нему съ молитвенною бесѣдою обратится

страждущій безсонницею христіанинъ. Кто привыкъ къ такой бесѣдѣ, тотъ и не замѣтитъ, какъ пролетитъ въ ней длинная безсонная ночь. А кто не привыкъ, тому, для возбужденія молитвеннаго духа, весьма полезно произносить почаще ночью краткія молитвы, особенно молитву Иисусову: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя», — или молитву Господню: «Отче нашъ».

Потрудитесь во время ночи выйти изъ вашего жилища подъ открытое небо: на землѣ все покрыто какимъ-то таинственнымъ полумракомъ; а тамъ, въ высотѣ, все дышетъ радостною жизнію; тамъ свѣтятся мириады звѣздъ, никогда, въ продолженіе столькихъ вѣковъ, не уклоняющихся отъ пути своего. Смотри на нихъ, я всегда вспоминаю слова Спасителя: «въ дому Отца Моего обителей много; Я приду къ вамъ опять и возму васъ къ Себѣ» (Іоан. 14, 2. 3). До слезъ умилительны и вмѣстѣ утѣшительны слова сіи; тутъ невольно преклонишь колѣна и воздѣнешь руки къ Отцу небесному, и скажешь отъ полноты чувства сердечнаго: «желаю разрѣшиться отъ узъ тѣла и быть со Христомъ».

Рожденный вдали отъ шумныхъ городовъ, я любилъ выходить въ ночное время изъ-подъ крова домашняго, чтобы посмотреть на звѣздное небо и подышать чистымъ воздухомъ. Сядешь, бывало, подъ вѣтвистое дерево: все тихо и спокойно, только изрѣдка, въ чашѣ лѣса, раздастся крикъ хищной птицы, завоетъ голодный волкъ или зареветъ другой свирѣпый звѣрь. И поспѣ-

шишь, бывало, уйдти въ домъ и неволью припомнишь слова Писанія: *положилъ еси тму, и бысть пощь, въ нейже пройдутъ вси звѣріе дубравнии, скимни рыкающіи восхитити пищу себѣ* (Пс. 103, 20. 21). Подобное происходитъ и въ душѣ человѣка во время ночи. Тогда особенно бывають въ ней слышны вопли нечистыхъ страстей, какъ будто лѣсныхъ хищниковъ. И кудажь укрыться христіанину отъ дикаго воля ихъ, какъ не подъ кровъ Отца небеснаго?. Замѣчено естествоиспытателями, что принятая нами пища съ особенной удобностью и быстротой во время сна претворяется въ плоть и кровь нашу: почему подобнаго не можетъ быть и въ душѣ нашей? Всѣ мысли и желанія, которыя мы питали въ себѣ въ бодрственномъ состояніи, всѣ дѣла и поступки, которые совершили мы въ прошедшій день, не могутъ ли, во время сна, привиться къ существу души нашей такъ же, какъ и принятая нами пища обращается въ существо тѣла? Когда наше тѣло покоится сномъ, душа не перестаетъ дѣйствовать; она продолжаетъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занята была въ продолженіе нашего бодрствованія, и этою дѣятельностію усвояетъ себѣ дневную работу. Но хорошо, если кругъ дневной нашей дѣятельности составляли мысли и дѣла благочестивыя; а что, если все занятіе души нашей ограничивалось желаніями грѣховными, дѣлами неправды и беззаконія? — Что тогда, если мысли и дѣла тьмы сrostутся съ существомъ души нашей?... О, какъ естествен-

но внимательному къ судьбѣ своей, и отходя ко сну, и пробуждаясь ночью, взывать ко Господу: *Помилуй мя Боже! Омый мя отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти мя, яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну* (Пс. 50).

Тишина ночи и ея мракъ, скрывающій отъ взоровъ нашихъ живыя картины природы, не напоминаютъ ли намъ о безмолвномъ мракѣ могилы, въ которую мы должны слечь непременно? Да и самый сонъ, какъ еще замѣтили древніе мудрецы, не есть ли изображеніе смерти? И не часто ли съ ночнаго ложа сводитъ онъ многихъ въ холодную землю? Какъ же, отходя ко сну, не осѣнить намъ себя знаменіемъ крестнымъ, какъ не вздохнуть къ Отцу небесному: *призри, услыши мя, Господи Боже мой!* «Просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть». (Псал. 12, чит. на велик. повеч. и молитв. на сонъ гряд.).

Такъ естественно размышляющему о судьбѣ своей во время ночи возбуждать въ себѣ духъ молитвы: въ тишинѣ ночной слышнѣе голосъ души подъ гнетомъ грѣховнымъ, и представленіе величія Творца, сознаніе нашего одиночества, нашей духовной бѣдности и оброка грѣха, смерти невольно движетъ сердце и уста на молитву.

Но чувство молитвы еще болѣе развивается въ христіанинѣ при размышленіи о судьбахъ Божіихъ, открытыхъ или еще имѣющихъ открыться во время ночи. Ночь, въ этомъ отношеніи, для христіанина есть, какъ бы свѣтозарный

столпъ, сіяющій лучами спасенія. Во мракъ ночи возсіяла нѣкогда предвозвѣщенная и всѣми ожидаемая Звѣзда изъ потомства Израиля. *Тихому молчанію, содержащу вся, и ноци въ своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее Слово съ небесъ отъ престоловъ царскихъ въ средину пошибельныхъ земли сице* (Ир. Сол. 18, 14. 15). И среди ночи сошедшее на землю Слово во тьмѣ же ночной спасается отъ дышащаго убійствомъ Ирода; въ ночномъ уединеніи Спаситель нашъ неоднократно молится Отцу небесному о нашемъ спасеніи; ночью въ саду Геосиманскомъ, въ пламенной о насъ молитвѣ, Онъ проливаетъ потъ и кровь Свою; ночью во дворѣ архіерея принимаетъ поруганіе и біеніе Праведникъ за грѣшниковъ; ночью погребается Онъ въ нѣдрахъ спасенной Имъ земли, но, какъ солнце, постоянно свѣтящее, блистаетъ Своимъ живоноснымъ воскресеніемъ. Такъ ночь несвѣтла невѣрнымъ, а намъ, вѣрнымъ, просвѣщеніе. И искупленному ли кровію Богочеловѣка забыть дѣла Божіи, совершившіяся для его спасенія, во время ночи! Какъ не воздѣтъ ему рукъ и не открытъ устъ для молитвы въ полночное время, ознаменованное для насъ животворнымъ свѣтомъ спасенія и столь дивными дѣлами Бога Искупителя! *Въ ноцехъ воздѣжите руки ваша во святая и благословите Господа.* (Пс. 133, чит. на полун.).

Наконецъ рано или поздно наступитъ для всѣхъ насъ ночь, страшная и вмѣстѣ отрадная—страшная для невѣрующихъ, отрадная для вѣрующихъ.

Какъ первое смиренное явленіе Бога во плоти послѣдовало въ ночи, такъ и второе славное пришествіе Его на землю, по вѣрованію св. Церкви, будетъ во время ночи. *Кослящу жениху*, сказалъ Самъ Господь въ притчѣ о десяти дѣвахъ, *воздремашася вся и спяху: полунощи же вопль бысть: се Женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе Его* (Матѣ. 25, 5. 6). Но христіанинъ не знаетъ, какая именно ночь возбудитъ его для срѣтенія небснаго Жениха: ему открыто только то, что Господь придетъ въ другой разъ на землю, во время ночи. Поэтому ложится ли христіанинъ на ночную постель свою, онъ представляетъ себѣ, что, можетъ быть, наступающая ночь предълицемъ всѣхъ ангеловъ и людей откроетъ всѣ темныя дѣла его. Пробуждается ли отъ сна ночью, тотчасъ рождается въ немъ мысль, не ангелъ ли Божій возбудилъ его для срѣтенія Судіи небснаго? Услышитъ ли вночной звонъ колокола, призывающій вѣрныхъ въ храмъ Божій, спѣшитъ туда съ радостью, и слышитъ утѣшительный голосъ матери—Церкви: «Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща». (Троп. полунощн.). И молится тамъ усердно, чтобы не остаться внѣ брачнаго чертога, подобно пяти юродивымъ дѣвамъ, но чтобъ встрѣтить Господа съ елеемъ маслитымъ и войти въ Божественный чертогъ Его славы (Троп. полунощн.).

Д—нъ В. Никольскій.

ПАРЕМІИ.

Пареміями называются чтенія изъ ветхозавѣтныхъ, а иногда новозавѣтныхъ книгъ, положенныя на великихъ вечерняхъ въ праздники съ поіелеемъ или бдѣніемъ, на всеневныхъ вечерняхъ во дни четырехдесятницы, на часахъ такъ-называемыхъ царскихъ, на часахъ во дни четырехдесятницы, на нѣкоторыхъ молебствіяхъ (напр. въ чинѣ великаго освященія воды, въ благодарственномъ молебствіи 25 декабря).

Паремія — слово греческое, значитъ притча (2 Петр. 2, 22), т.-е. такое ученіе, въ которомъ содержится истина прикровенно, подъ покровомъ ли иносказанія, или подъ видомъ сжатаго, многознаменательнаго изреченія. Собраніе такихъ притчей представляетъ извѣстная книга Соломонова—Притчи. Чтенія изъ этой книги чаще чѣмъ изъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ предлагаются въ церковныхъ службахъ. Отъ книги притчей, по Преимущественному ея употребленію, названіе паремій могло распространиться на церковныя чтенія, взятая изъ прочихъ священныхъ книгъ, подобно тому, какъ и псалмы въ книгѣ Псалтирь называются иногда псалмами Давидовыми не потому, чтобы въ составъ ея входили одни псалмы Давидовы, — въ ней цѣлая половина псалмовъ принадлежитъ и другимъ пѣснопѣвцамъ, — а потому, что никто болѣе Давида не писалъ псалмовъ. Кромѣ того чтенія, извѣстныя подъ именемъ паремій, и потому такъ называются,

что многія изъ нихъ содержаніемъ своимъ, пророчесственнымъ или прообразовательнымъ, указываютъ прикровенно, подобно притчамъ, на лица или событія, воспѣваемая въ той церковной службѣ, въ составъ которой входятъ.

Не считаемъ нужнымъ распространяться касательно того, почему пареміи требуютъ истолкованія. Слово Божіе, приближенное къ нашему разумѣнію посредствомъ истолкованія, болѣе для насъ спасительно, чѣмъ еслибы мы слушали или читали его безъ надлежащаго разумѣнія.

Есть пареміи рядовыя, которыя берутся изъ той или другой книги свящ. Писанія подрядъ, напримѣръ пареміи изъ книги Бытія, Притчей, пророчествъ Исаи, читаемая въ продолженіе поста четырехдесятиницы. Другія же пареміи взяты изъ Св. Писанія примѣнительно къ тому или другому воспоминаемому въ церковной службѣ событію. Каждая изъ такихъ паремій кромѣ того, что должна быть изъясняема сама по себѣ, требуетъ еще замѣчаній, почему она введена въ ту или другую церковную службу, что можетъ быть общаго между содержаніемъ пареміи и воспоминаемымъ событіемъ. Но относительно рядовыхъ паремій нѣтъ необходимости дѣлать подобныя замѣчанія; достаточно сказать только нѣсколько словъ о томъ, почему изъ книгъ Св. Писанія, изъ которыхъ взяты рядовыя пареміи, избрана та, а не другая.

Для ближайшаго знакомства съ Священнымъ Писаніемъ, для изученія въ послѣдовательномъ порядкѣ содержащихся въ немъ откровеній Божіихъ и событій, мы будемъ излагать пареміи въ порядкѣ книгъ Св. Писанія, начиная съ книги Бытія.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

Книга Бытія занимаетъ первое мѣсто въ порядкѣ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Она написана Моисеемъ. Онъ же есть писатель книгъ: Исходъ, Числь, Левитъ и Второзаконія. Всѣ сіи пять книгъ Моисеевыхъ издревле извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ *Закона, Закона Господня*, также *книги Моисеевой* (Второз. 31, 26. 1. Нав. 6, 34. 2 парал. 34, 14. Лук. 24, 27. 44). Изложеніе законовъ, данныхъ Богомъ чрезъ Моисея, содержится собственно въ книгахъ: Исходъ, Числь, Левитъ и Второзаконія, но наименованіе Закона относится не къ нимъ однимъ, а вмѣстѣ къ книгѣ Бытія, потому что въ ней указываются первоначальныя основанія для законовъ Моисеевыхъ, для закона вѣры въ единого истиннаго Бога, Творца и Владыки всяческихъ, для законовъ нравственныхъ и обрядовыхъ (Быт. 1, 14; 2, 3; 4, 3. 4; 7, 2. 3; 17, 11). Со времени перевода свещ. книгъ съ еврейскаго языка на греческій собраніе книгъ Моисеевыхъ именуется еще Пятоквизиємъ.

Названіе первой книги Моисеевой: *Бытіе*, дано ей переводившими Свещ. Писаніе съ еврейскаго на греческій языкъ. *Бытіе* (γενεσις) значитъ рожденіе, происхожденіе. Книга, носящая сіе имя, потому такъ названа, что изображаетъ первоначальную исторію міра, человѣческаго рода и первоначальныя судьбы избраннаго народа, въ лицѣ его родоначальниковъ.

I. Паремія за вечернею въ навечеріе праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи, также въ понедѣльникъ первой седмицы четырнадцатниці. Быт. 1, 1—13.

Въ сей пареміи содержится повѣствованіе о первыхъ трехъ дняхъ творенія міра.

1. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.

Въ началѣ. Единъ Богъ безначаленъ. «Той есть прежде всѣхъ» (Кол. I, 17). Все, что существуетъ въ Бога, получило начало бытія, произошло во времени. Дѣйствительному бытію существъ, наполняющихъ міръ, предшествовало небытіе, хотя вѣтъ сомнѣнія, что они отъ вѣчности существовали въ умѣ Божиѣмъ, какъ предопредѣленные къ дѣйствительному бытію. Слово *въ началѣ* указываетъ на первое мгновеніе перехода изъ небытія въ бытіе, и значить: въ началѣ времени, и всего временнаго.

Какъ же совершился переходъ отъ небытія къ бытію? Какъ произошелъ міръ? Какъ началъ свое существованіе? Творческою силою Существа безначальнаго: *въ началѣ сотвори Богъ.* Подъ сотвореніемъ здѣсь разумѣется дарованіе бытія тому, что не существовало, или, какъ выражается Апостоль, «устроеніе вѣковъ, такъ что изъ невидимаго произошло видимое» (Евр. 11, 3). Древніе языческіе мудрецы говорили: изъ ничего не бываетъ ничего. Дѣйствительно, само собою изъ ничего никогда не можетъ произойти что-либо, слѣдственно и міръ *самъ собою* не могъ произойти изъ ничего, или самъ себя дать бытіе. Но тѣмъ-то и отличается откровенное ученіе о происхожденіи міра отъ мудрованій непросвѣщеннаго откровеніемъ разума, что оно не признаетъ самобытности міра, что самобытность оно приписываетъ одному Богу (Исх. 3, 15. Пс. 35, 10. Дѣян. 17, 15), а міръ называетъ произведеніемъ Его всемогущества. Для Всемогущаго вѣтъ ничего невозможнаго, слѣдственно для Него возможно и

изъ ничего произвести все. «Онъ нарицаетъ не сущая, яко сущая» (Рим. 4, 17).

Сотвори Богъ. Зnamenательно сочетаніе сихъ понятій въ еврейскомъ текстѣ Библии. Подлежащее *Богъ* употреблено во множественной формѣ Elohim, тогда какъ сказуемое *сотвори*—въ единственномъ числѣ. Какъ могло произойти такое сочетаніе понятій? Нельзя въ объясненіе этого сказать, что еврейское имя Бога Elohim не употребляется въ единственномъ числѣ; въ Писаніи неоднократно встрѣчаются примѣры употребленія въ единственномъ числѣ сего имени (Eloah), напр. объ Израилѣ сказано: «оставилъ Бога (Eloah) Создателя своего» (Второз. 32, 15. Слич. Пс. 49, 22). По вѣроятному мнѣнію въ некоторыхъ множественнымъ именемъ Бога выражается отчасти соединеніе въ единомъ Богѣ высочайшихъ свойственныхъ Ему совершенствъ, отчасти особенная почительность къ Нему. Въ знакъ почительности иногда и о человѣкѣ говорится во множественномъ числѣ: такъ братья Юсифа, рассказывая отцу своему о своемъ свиданіи съ Юсифомъ въ Египтѣ, называютъ его *господами земли* (въ подлинномъ текстѣ Библии) (Быт. 42, 30). Къ сему можно присовокупить, что указаннымъ сочетаніемъ словъ намекается также на единство Творящаго по существу, и на множественность лицъ, т.-е. на таинство пресвятыя Троицы. И дѣйствительно, твореніе міра есть дѣло всѣхъ Лицъ Святой Троицы. О Богѣ Отцѣ въ Писаніи сказано: *намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся* (Кор. 8, 6). О Сынѣ: *Тьмъ создана быша вселенная, яже на небеси и на земли* (Кол. 1, 16). Объ участіи Св. Духа въ твореніи сказано, какъ увидимъ, въ слѣдующемъ стихѣ.

Небо и землю. Имена сіи, вмѣстѣ взятыя, знаменуютъ всю вселенную (Быт. 24, 3. 2 Парал. 2, 12. Пс. 68, 35. Мѡ. 5, 18; 24, 35). Правда, въ составѣ вселенной земля составляетъ самую незначительную по своимъ размѣрамъ часть, но священныя писатели, когда

вселенную называютъ небомъ и землею, примѣняются къ обычному словоупотребленію, и въ то же время даютъ внимательнымъ разумѣть, что предъ величіемъ Творца одинаково ничтожны огромныя и безчисленныя небесныя тѣла и едва примѣтная въ сравненіи съ ними земля. Должно полагать, что бытописатель, сказавъ, что Богъ сотворилъ небо и землю,—имѣлъ также въ виду весь міръ, и въ частности имѣлъ въ виду наполняющія небесное пространство неподвижныя, сначала темныя, звѣзды, къ числу которыхъ принадлежитъ наше солнце, и планеты, къ числу которыхъ относится земля. И звѣзды, и планеты, по мавію Творца, вдругъ получили бытіе, хотя еще не были разграничены рѣзкими очертаніями и не получили надлежащей плотности въ своемъ устройствѣ. То и другое, какъ увидимъ послѣдовало во второй день творенія. Кромѣ того, говоря о сотвореніи неба, Бытописатель, вѣроятно, имѣлъ въ виду не одно вещественное небо, но и такъ называемое небо небесъ (3 Цар. 8, 2), т. е. высочайшее небо, или третье небо (2 Кор. 12, 2), именуемое такъ въ отличіе отъ воздушнаго неба (отсюда выраженіе: *птицы небесныя*), и отъ звѣзднаго неба. Это высочайшее небо есть собственно духовное небо, жилище безплотныхъ и мѣсто преимущественнаго обитанія Божія (Іов. 22, 12), отъ чего и произошло выраженіе: Отецъ небесный. Моисей не упоминаетъ о времени сотворенія Безплотныхъ, хотя въ книгѣ Бытія они нерѣдко встрѣчаются; но можно догадываться, что они созданы были если не прежде, то и не послѣ сотворенія небесъ и земли, ибо, по слову Самого Бога въ книгѣ Іова, они уже восклицали (гласомъ хвалы и родованія), когда Онъ основывалъ землю (Іов. 38, 4—7). Къ періоду существованія новосотворенныхъ неба и земли въ ихъ первоначальномъ состояніи можно также отнести возмущеніе противъ Творца нѣкоторыхъ ангеловъ и наказаніе ихъ.

2. И земля бѣ невидима и не устроена, и тма верху бездны, и Духъ Божій ношашеся верху воды.

Сими словами изображается первоначальное состояніе новосотворенной земли. Она была невидима, т. е. поверхность земнаго шара находилась глубоко подъ водами, и потому очертанія ея нельзя было разсмотрѣть даже въ томъ случаѣ, еслибы было кому смотрѣть и былъ свѣтъ. Она была *неустроена*, т. е. совсѣмъ не представляла того благообразія, какое явилось на ней въ третій и послѣдующіе дни, со времени появленія на ней царства растительнаго и разныхъ животныхъ. Кромѣ того, можно думать, что и во внутреннемъ своемъ составѣ она еще не имѣла надлежащей плотности и сосредоточенности. Она была въ разжиженномъ состояніи *И тма верху бездны*. Не только не было свѣта на самой землѣ, покрытой водою, но и надъ самою водою носился непроницаемый мракъ, отъ ней высоко поднимались пары, а густотѣ которыхъ самое слабое понятіе даютъ бывающіе теперь густые, непроницаемые туманы и облака. Въ подобномъ вѣрояно состояніи находились и прочія планеты и звѣзды. Посему и сказано въ посланіи ап. Петра: «Въ началѣ Словомъ Божиимъ небеса и земля составлены изъ воды и водою» (2 Петр. 3, 5). *И Духъ Божій ношашеся верху воды*. Здѣсь идетъ рѣчь объ участіи Св. Духа, третьяго лица Пресвятыя Троицы, въ твореніи. Духъ Святой *ношашеся верху воды*, или, точнѣе съ еврейскаго текста, осыпалъ ее на подобіе гнѣздящейся птицы (Второз. 32, 1); это значитъ, что Духъ Святой согревалъ и оживотворялъ водное естество и находящуюся подъ водою землю, для дальнѣйшаго образованія ихъ въ продолженіе шести дней, которое описывается въ слѣдующихъ стихахъ. Можно думать, что точно также Духъ Святой, дѣйствовалъ и въ отношеніи къ другимъ мірамъ.

3. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ.

И рече. Для Всемогущаго достаточно изречь одно часть 1.

слово, чтобы дать бытіе той или другой твари. «Той рече, и быша; повелѣ и создашася» (Пс. 148, 5). Впрочемъ подъ творческимъ *словомъ*, какъ замѣчаютъ отцы церкви, не должно разумѣть какой-либо членораздѣльный звукъ или слово, подобное нашему: нѣтъ, это творческое слово знаменуетъ только мановеніе всемогущей воли, произведшее изъ ничего всю вселенную (Вас. Вел. Шестод.).

Да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. Свѣтъ сотворенъ еще въ первый день творенія, тогда какъ солнце и другія небесныя свѣтила сотворены въ четвертый день. Какъ объяснить это? какъ могъ существовать свѣтъ безъ свѣтилъ? — Исслѣдованіями ученыхъ открыто, что солнце не все состоитъ изъ свѣтящей матеріи, а что внутри оно есть темное тѣло, и только снаружи окружено жидкою или, можетъ-быть, газообразною свѣтящею матеріей. Если предположить, что эта свѣтящая матерія, при своемъ сотвореніи, еще не была собрана около темнаго солнечнаго тѣла, а находилась въ разрѣженномъ состояніи, въ видѣ свѣтящаго тумана и наполняла собою, можетъ-быть, все то пространство, которое теперь занимаетъ солнечная система, то становится понятнымъ, какимъ образомъ свѣтъ могъ существовать безъ солнца. Солнца не было, т. е. свѣтящая матерія не собралась еще около темнаго солнечнаго тѣла, но она производила уже свѣтъ. То же самое можетъ быть примѣнено и къ другимъ неподвижнымъ звѣздамъ, потому что онѣ по своей природѣ сходны съ нашимъ солнцемъ. Еслибы можно было видѣть ихъ въ то время съ земли, то онѣ представлялись бы подобными тѣмъ небеснымъ явленіямъ, которыя называются туманными пятнами, а можетъ-быть всѣ онѣ вмѣстѣ составляли одинъ сплошной свѣтящійся туманъ, подобный по своему виду млечному пути.

4. 5. Видѣ Богъ свѣтъ, яко добро: и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою. И нарече Богъ

СВѢТЪ ДЕНЬ, И ТМУ НАРЕЧЕ НОЩЬ. И БЫСТЬ ВЕЧЕРЬ И БЫСТЬ УТРО ДЕНЬ ЕДИНЬ.

И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро. Видѣ,—это не то значить, что Богъ до сихъ поръ не видѣлъ, и только теперь усмотрѣлъ. Нѣтъ, Богъ, отъ вѣчности предопредѣлившій сотворить міръ, отъ вѣчности предначертаншій устройство его въ цѣломъ и частяхъ, безъ сомнѣнія отъ вѣчности зналъ, что свѣтъ будетъ добро, т.-е. вполне будетъ соответствовать Его премудрости и благодати. И вотъ, сотворенный свѣтъ дѣйствительно явился такимъ, какимъ ему надлежало быть по предначертанію Божию. Теперь если сказано: И увидѣлъ Богъ, что свѣтъ добро,—это значить, что Богъ съ такимъ же удовольствіемъ взрѣлъ на осуществленіе своего предначертанія о свѣтѣ, какъ былъ доволенъ самымъ предначертаніемъ. — Въ какомъ же отношеніи свѣтъ добро?—Свѣтъ составляетъ необходимое условіе для жизни растений, безъ свѣта они не могутъ развиваться. Отраженіе свѣта производитъ разноцвѣтность въ предметахъ: она пріятно насъ поражаетъ въ радугѣ, въ капляхъ росы, въ облакахъ. Свѣтъ есть самый сильный химическій дѣятель, такъ что можетъ превращать въ пыль алмазь, сопротивляющійся всякому другому давленію. Свѣтъ даетъ вамъ возможность посредствомъ зрѣнія ощущать отдаленные предметы, открываетъ предъ нами красоту созданій Божіихъ и возбуждаетъ въ созерцателѣ ихъ багоговѣніе и любовь къ Создателю.

И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь. Въ первоначальномъ состояніи своемъ свѣтъ не былъ еще отдѣленъ отъ тьмы, потому что свѣтящая матерія окружала собою землю и прочія планеты со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ свѣтъ былъ повсюду, но онъ былъ смѣшанъ съ тьмою, потому что при чрезвычайной разрѣженности свѣтящей матеріи свѣтъ не имѣлъ той яркости, какую онъ получилъ въ послѣдствіи. Отдѣ-

леніе свѣта отъ тьмы началось вмѣстѣ съ сгущеніемъ свѣтящей матеріи; при этомъ сгущеніи, съ одной стороны, свѣтъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе яркости, съ другой стороны, наша земля и другія планеты, одна за другою, стали выходить изъ свѣтящаго тумана, такъ что онъ окружалъ ихъ уже не со всѣхъ сторонъ, а сталъ являться имъ съ одной стороны, тогда какъ другая сторона была во мракѣ; такимъ образомъ свѣтъ былъ отдѣленъ отъ тьмы, и произошло различіе между днемъ и ночью; на той сторонѣ земли и другихъ планетъ, которая была обращена къ свѣтящей матеріи, былъ день, а на противоположной сторонѣ — ночь.

И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ. Когда свѣтящая матерія перестала окружать земной шаръ со всѣхъ сторонъ, то одна сторона земли мало-по-малу лишилась свѣта, и такимъ образомъ произошелъ вечеръ; но вслѣдствіе обращенія земли около своей оси эта часть земли опять обратилась къ свѣтящей матеріи, наступило утро, и такимъ образомъ исполнился первый день мірозданія, и начался второй.

6. 7. И рече Богъ: да будетъ твердь посреде воды: и да будетъ разлучающа посреде воды и воды: и бысть тако. И сотвори Богъ твердь: и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію, и между водою, яже бѣ надъ твердію.

Хотя земля и, можетъбыть, другія планеты существовали еще до начала втораго дня міра, иначе не могло бы быть различія между днемъ и ночью; но эти планеты еще не были совершенно отдѣлены одна отъ другой, потому что пространство, находящееся между ними, не было пустымъ, но было наполнено испареніями водъ и другихъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ планеты. При такомъ состояніи солнечной системы на землѣ еще не могло быть голубаго небеснаго свода, который называется твердію, но небо представлялось въ туманномъ видѣ, подобно какъ теперь

въ пасмурные дни. Во второй день по повелѣнію Божию, пространство между планетами очистилось отъ испареній; эти испаренія, сосредоточенныя около различныхъ планетъ и сгустившись, перешли изъ парообразнаго состоянія въ жидкое; такъ что влажность, которая была разлита прежде по всей солнечной системѣ, теперь раздѣлилась по различнымъ планетамъ; и такимъ образомъ отдѣлились воды, которыя подъ твердію т. е. воды принадлежащія земному шару, отъ водъ, которыя надъ твердію, т. е. отъ водъ или какихъ-либо другихъ жидкостей, находящихся на другихъ планетахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ образовался около земли голубой небесный сводъ, подобно какъ и въ настоящее время онъ является экраномъ нашимъ по очищеніи воздуха отъ тумана и облаковъ.

8. И нарече Богъ твердь небо: и видѣ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ, и бысть утро, день второй.

И нарече Богъ твердь небо, т. е. Богъ устроилъ такъ, что и въ будущее время небо казалось на землѣ, какъ голубой сводъ; потому что пространство между планетами и впредь оставалось чистымъ отъ наполняющихъ его прежде испареній.

И видѣ Богъ, яко добро. Сотвореніе тверди есть великое добро для тварей въ томъ отношеніи, что твердь составляеть удобную среду для распространенія свѣта, и чрезъ то служить источникомъ всѣхъ благъ, происходящихъ отъ свѣта. Притомъ, съ образованіемъ тверди открылось свободное пространство для воздуха, вполнѣ необходимаго для дыханія, для распространенія звука и свѣта. До сотворенія тверди воздухъ находился въ разрѣженномъ состояніи и не имѣлъ той плотности и сосредоточенности, какая нужна для благотворности его дѣйствій. Онъ могъ сгуститься и получить надлежащую плотность только тогда, когда занимаемое имъ теперь пространство очистилось отъ наполнявшихъ его дотолѣ испареній, только тогда, когда сотворена твердь.

И бысть вечеръ и бысть утро, день второй. Во время образованія тверди еще разъ земля успѣла совершить кругообращеніе около своей оси, такъ что въ томъ мѣстѣ земли, въ которомъ въ первый разъ появился вечеръ,—и въ другой разъ зашелъ свѣтъ и по прошествіи ночи настало утро третьяго дня.

9. И рече Богъ: да соберется вода, яже подѣ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша: и бысть тако: и собрася вода: яже подѣ небесемъ въ собранія своя, и явися суша.

Земной шаръ со всѣхъ сторонъ покрытъ былъ водою; кромѣ неба ничего не было видно надъ водою, а изъ-подъ воды нигдѣ не показывался материкъ. И вотъ по глагу Всемогущаго выдвинулся материкъ изъ-подъ облежавшихъ его водъ. Явились горы, поднятыя, можетъ-быть, землетрясеніемъ, открылись долины и равнины, образовались на поверхности земной значительныя углубленія и скважины, куда и стекли воды; такъ произошли моря, озера, рѣки, источники. Какъ ни многочисленны и разнообразны эти *собранія*, т.-е. вмѣстилища водъ, Творецъ называетъ ихъ собраніемъ единымъ, имѣя въ виду океанъ, съ которымъ всѣ воды на землѣ имѣютъ видимое, или подземное сообщеніе.

10. И нарече Богъ сушу землю: и собранія водъ нарече моря: и видѣ Богъ, яко добро.

Нарече, т.-е. опредѣлилъ, чтобы люди осушенную поверхность земнаго шара называли землею, а главныя и огромныя вмѣстилища водныя, съ которыми имѣютъ связь меньшія,—морями. *И видѣ Богъ, яко добро.* Образованіе суши есть великое добро въ томъ отношеніи, что чрезъ это приготовлено мѣсто для растений и животныхъ, водящихся на сушѣ. Самое распределеніе водъ между частями материка сдѣлано съ мудрою и благою цѣлю: если-

бы материкъ составлялъ вѣчто сплошное, еслибы не раздѣлялся на извѣстные теперь участки, называемые Европою, Азією, Африкою, Америкою, Океанією, то жизнь на сушѣ возможна была бы только на окраинахъ, а въ среднѣхъ, по причинѣ удаленія отъ океана, доставляющаго влажность для находящихся на сушѣ растений и животныхъ, все было бы мертво, какъ напр. и теперь въ срединной Африкѣ, слишкомъ удаленной отъ моря.

11. 12. И рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же сѣмя его съ немъ по роду на земли: и бысть тако. И изнесе земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же сѣмя его въ немъ по роду на земли: и видѣ Богъ, яко добро.

Богъ повелѣваетъ землѣ по осушеніи ея, произвести растенія, именно растенія травянистыя (*быліе травное*), хлѣбныя, огородныя, луговныя, болотныя, сорныя, и растенія древесныя, — кустарники и прямоствольныя деревья, растуція въ лѣсахъ. Всѣмъ этимъ растеніямъ Творецъ сообщилъ силу поддерживать родъ свой, чрезъ нарожденіе подобныхъ имъ. Отдѣльныя растенія исчезаютъ, но отъ нихъ остается сѣмя, изъ котораго образуются новыя растенія тогоже рода и подобія.

И видѣ Богъ, яко добро. Какое добро заключается въ растеніяхъ? Они даютъ пищу безчисленнымъ тварямъ, матеріалъ для жилищъ, для ихъ отошленія, для тканей и разныхъ производствъ, доставляютъ краску для живописцевъ и фабрикантовъ, лекарства для больныхъ. Они очищаютъ и освѣжаютъ воздухъ, выдыхая посредствомъ листьевъ живительный для насъ кислородъ и вбирая въ себя углеродъ, излишнее накопленіе котораго въ воздухѣ было бы вредно для насъ. Кромѣ того, растенія служатъ лучшимъ украшеніемъ для земли, словно коверъ, покрывая

ея поверхность, и красотою своихъ формъ, разнообразіемъ и правильностію въ своемъ строеніи возбуждаютъ въ зритель чистѣйшее духовное удовольствіе и благоговѣніе къ Творцу. Что касается до растений, повидимому, бесполезныхъ и вредныхъ, какъ тернія и волчцы и ядовитыя растенія, то и они сотворены не безъ благотворной цѣли. Многіе яды заключаютъ въ себѣ врачебную силу. Растенія бесполезныя и вредныя для человѣка бываютъ полезны для другихъ животныхъ. Притомъ умноженіе вредныхъ для человѣка растеній явилось какъ слѣдствіе его паденія для его наказанія и вразумленія.

13. И бысть вечеръ и бысть утро, день третій.

Смотря по тому, что земля составляетъ малѣйшую часть въ составѣ мірозданія, трудно удостовѣриться, что ею одною ограничивалось въ третій день творческая дѣятельность. Можно полагать, что въ тотъ же день и прочія темныя тѣла небеснаго пространства, однородныя и неоднородныя, получили болѣе опредѣленное, имъ собственное устройство.

На какомъ основаніи изложенная нами паремія назначена для чтенія въ навечеріе праздниковъ Рождества Христова, Крещенія и Пасхи?—Дни сихъ праздниковъ и ихъ навечерія посвящены воспоминанію важнѣйшихъ событій въ дѣлѣ нашего искупленія, безъ которыхъ оно не могло бы совершиться. Ибо для искупленія нашего потребно было, чтобы Самъ Богъ содѣлался человѣкомъ, облекся въ наше естество, чтобы просвѣтилъ насъ свѣтомъ истины, чтобы пострадалъ за насъ, умеръ и воскресъ. Первое событіе составляетъ предметъ праздника Рождества Христова, второе праздника Крещенія, ибо крещеніемъ Спаситель нашъ посвященъ былъ въ должность общественнаго учителя и просвѣтителя, а страданіе, смерть и воскресеніе Господа Иисуса — прославляются въ навечеріе Пасхи. Та-

кимъ образомъ, празднуя Рождество Христово, Крещеніе, и побѣду надъ смертію, мы празднуемъ наше искупленіе. Но дѣло искупленія сходствуетъ съ дѣломъ творенія, потому что какъ чрезъ твореніе даруется жизнь и благоустройство твари, такъ чрезъ искупленіе человѣчество, духовно умершее грѣхомъ, лишенное жизни божественной, призвано къ жизни новой, совершенно не похожей на жизнь въ состояніи отпаденія отъ Бога. Почему само слово Божіе повятія о сотвореніи міра сближаетъ съ ученіемъ о искупленіи, когда человѣка возрожденнаго во Христвъ называютъ *новою тварью* (2 Кор. 5, 17. Гал. 6, 15), внутреннее *просвѣщеніе* отъ Бога уподобляетъ происхожденію первоначальнаго *свѣта* отъ всемогущаго слова Божія (2 Кор. 4, 6). Теперь повятно, почему святая церковь положила часть повѣствованія о твореніи міра читать въ праздники, посвященныя прославленію важнѣйшихъ событій въ дѣлѣ нашего искупленія: она видитъ въ твореніи образъ нашего искупленія, и сближеніемъ одного съ другимъ побуждаетъ насъ къ вѣншему прославленію всемогущества, премудрости и благодати Божіей, явленныхъ въ нашемъ духовномъ оживотвореніи во Христвъ Іисусѣ.

Въ частности повѣствованіе о твореніи имѣетъ особенное отношеніе къ каждому изъ помянутыхъ праздниковъ.

Первымъ дѣломъ Всемогущаго, по сотвореніи неба и земли въ началѣ, было дать бытіе свѣту, или свѣтящему веществу. Но этотъ свѣтъ былъ еще въ разрѣженномъ состояніи, и потому не могъ свѣтитъ съ такою яркостію, какую онъ могъ получить въ четвертый день по сосредоточеніи его въ солнцѣ. Нѣтъ ли въ этомъ сходства со Христомъ—Свѣтомъ міра? Христось въ качествѣ просвѣтителя міра явился собственно чрезъ тридцать лѣтъ по рожденіи. Но начатки Его просвѣтительной дѣятельности обнаружались уже при самомъ рожденіи, подобно тому, какъ и вещественный свѣтъ началъ производить свойственныя ему дѣйствія еще за три дня до окончательнаго сосредоточенія его въ солнцѣ. Эти благословенныя ва-

чатки являются въ лицѣ пришедшихъ на поклоненіе поворженному Христу пастырей вилеемскихъ и волхвовъ: одни—представители міра іудейскаго, другіе—міра языческаго. Надъ тѣмъ и другимъ уже занималась заря духовнаго просвѣщенія съ первыхъ минутъ земной жизни Божественнаго Просвѣтителя.

Въ повѣствованіи о твореніи міра, о Святомъ Духѣ сказано: *Духъ Божій носашеся верху воды*. Нѣчто подобное представляетъ намъ Евангельское сказаніе о крещеніи Христовомъ. И здѣсь, какъ и тамъ, мы видимъ воду; и здѣсь, какъ и тамъ, является осязающимъ ее Духъ Святой, который въ видѣ голубя нисходилъ на Христа, когда Сей выходилъ изъ воды. Святая Церковь могла имѣть въ виду эти сходныя обстоятельства при твореніи міра и крещеніи Христовомъ, когда повѣствованіе о семъ твореніи назначила для чтенія въ навечеріе праздника Крещенія.

Твореніе міра совершилось въ шесть дней, въ седьмой день Творецъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ творенія, въ память чего установлено праздновать субботу. Изъ сего открывается, что первый день творенія соотвѣтствуетъ нашему первому дню седмицы, назначенному для воспоминанія воскресенія Христова. Чиноположители богослуженія вѣроятно не чужды были желанія указать на совпаденіе перваго дня творенія съ днемъ воскресенія, когда повѣствованіе о твореніи назначили для чтенія въ предназначающееся празднованіе Свѣтлаго Воскресенія Христова.

Этою же самою паремією съ понедѣльника первой седмицы четырехдесятницы начинается рядъ чтеній изъ книги Бытія во все продолженіе времени четырехдесятницы. Въ сихъ чтеніяхъ указываются поразительныя примѣры Божескаго всемогущества, особенно въ міротвореніи, Божескаго правосудія въ отношеніи къ падшимъ прародителямъ и ихъ потомкамъ, Божія милосердія къ грѣшникамъ, открывшагося преимущественно въ обѣтованіяхъ о Иисусѣ Христѣ, (Быт. 3, 18; 22, 18), въ пророчествахъ о Немъ (9, 26.

27; 49, 10), въ прообразованіяхъ Его историческихъ (Гл. 22) и обрядовыхъ (17, 10 и 14). Отсюда становится понятнымъ, почему книга Бытія (не вся впрочемъ) читается во дни четырехдесятницы, дни поста и покаянія. Сими чтеніями возбуждается и поддерживается духъ истиннаго покаянія. Чудеса Божія всемогущества располагаютъ грѣшника къ смиренію и благоговѣнію предъ Всемогущимъ. Примѣры правосудія Божія удерживаютъ безпечныхъ отъ коснѣнія въ грѣхѣ страхомъ наказанія. Примѣры Божія милосердія утѣшаютъ истинно кающихся, какъ бы ни были велики и многочисленными ихъ грѣхи, надеждою помилованія и спасенія. Эти краткія замѣчанія объ употребленіи книги Бытія въ продолженіе четырехдесятницы, сдѣланныя нами по поводу первой пареміи изъ сей книги, читатель можетъ имѣть въ виду, не требуя повторенія и распространенія ихъ, — при чтеніи истолкованій на дальнѣйшія пареміи изъ книги Бытія, положенныя въ четырехдесятницу. Съ какого времени принято книгу Бытія употреблять при богослуженіи во дни черычедесятницы, можно судить по тому, что Св. Злотоустъ въ 4 вѣкѣ говорилъ объ этомъ употребленіи, какъ уже бывшемъ издревле (въ 14-й бѣс. по случаю визверженія царскихъ статуѣ).

Свящ. В. Нечаевъ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ,

УПОМИНАЕМЫЯ ВЪ СВ. ПИСАНІИ (*).

Терны и волчцы. — Репейникъ. — Кропива. — Куколь. — Шелевы.

На обработанныхъ поляхъ каждый Израиль-тянинъ - земледѣлецъ высѣвалъ только *доброе сѣмя*. При всходѣ сѣмянъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, нерѣдко появлялись сорныя травы, которыми жнецъ не наполнить руки своей, и горсти своей вяжущій снопы (Пс. 128, 7.).

Первое упоминаніе о сорныхъ травахъ сдѣлано въ первой книгѣ Священнаго Писанія, въ исторіи о тяжкихъ послѣдствіяхъ грѣхонаденія прародителей. Первому преступнику на землѣ и вмѣстѣ первому земледѣльцу правосудный Богъ опредѣлилъ слѣдующее наказаніе: *Тернія (терны) и волчцы возрастутъ тебѣ земля. Въ потъ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 18. 19.) Не должно думать, чтобы тернія и волчцы произо-

(а) Продолженіе статей по естественной библейской исторіи. См. Душен. Чт. 1865 г.

шли на землѣ именно въ то самое время, когда Господь произносилъ свое грозное проклятіе надъ трудами земледѣлія. «И благословенная земля могла произращать тернія и волчцы, но для тѣхъ тварей, которымъ они служили въ пользу и благо: теперь она произращаетъ ихъ чело-вѣку и притомъ тамъ, гдѣ онъ насаждаетъ цвѣты или сѣетъ пшеницу, дабы память грѣха преслѣдовала его и въ нуждахъ, и въ удовольствіи» (Зап. на кн. Быт. 1, 114).

Колючіе травянистые терны и волчцы росли въ Палестинѣ по развалинамъ (Ос. 10. 8), и на мѣстахъ необработанныхъ. Такъ какъ земля, износящая тернія и волчець, не годилась для посѣва (Евр. 6, 8.), то каждый земледѣлецъ-Израильтянинъ старался очищать отъ нихъ поле или огородъ, выжигая ихъ на корнѣ (Исаин, 33, 12. Евр. 6, 8.)

Въ Палестинѣ и доселѣ находится не мало мѣстъ съ тернами и волчцами. Ими нынѣ покрыты развалины Капернаума и во многихъ мѣстахъ равнина Саронская. Входъ на гору блаженствъ, по словамъ А. С. Норова (2, 234), довольно труденъ по причинѣ густыхъ терніевъ, репейника и обвалившихся съ высоты большихъ камней.

Къ сорнымъ травамъ, упоминаемымъ въ Библии, относятся также:

1. *Репейникъ* (по Слав. *repie* (Мѡ. 7, 16, *Var-dana*), одно изъ цѣпкихъ растеній (Притч. 26, 9.); онъ ростъ не только на пашняхъ среди хлѣбныхъ растеній (Іов. 31, 40), но и на Ливанѣ между ке-драми (4 Царст. 14, 9.), въ садахъ среди лилей

(Пѣсн. пѣсней 2, 2), преимущественно же въ мѣстахъ дикихъ и пустынныхъ (Исаи 34, 13. Ос. 9, 6.). Путешественники, посѣщающіе развалины Капернаума сильно терпятъ отъ колючихъ иголъ ренейника. Прибрежные холмы около этого города, вмѣсто виноградныхъ лозъ, покрыты также репейникомъ. Онъ такъ густъ и высокъ въ этихъ мѣстахъ, что Норовъ и его спутники пробирались свозъ него съ большимъ трудомъ; онъ доставалъ имъ выше колѣнъ, хотя они были на лошадяхъ.

2. *Кропива* (*urtica urens* L.) Эта бесполезная и колючая трава свойственна запустѣвшихъ мѣстамъ (Притч. 24, 31. Исаи. 34, 13. Ос. 9, 6.).

3. *Куколь*, извѣстная сорная трава, растущая на пахатныхъ поляхъ. Объ ней упоминается только однажды въ Священномъ Писаніи, именно въ книгѣ Іова (31, 40).

4. *Плевелы* (по-греч. *зизаніа*), означаютъ вообще всѣ сорныя травы, растущія на пашнѣ; но отцы Церкви, описываютъ плевелы, какъ особенное, частное, растеніе, нѣсколько похожее на пшеницу и вредное по своимъ сѣменамъ. Св. Кириллъ іерусалимскій въ одномъ изъ огласительныхъ поученій своихъ, между прочимъ, пишетъ: «и плевелы стараются показаться пшеницей; по виду, правда, походятъ они на пшеницу; но способные различать, узнаютъ ихъ при вкушеніи» (*).

(*) 4, 1. Св. Іоаннъ Златоустъ бес. на Мѡ. 13, 24—30, пишетъ: «плевелы съ виду походятъ нѣсколько на пшеницу».

Сѣмена плевелъ весьма трудно и почти невозможно совершенно отдѣлить отъ сѣмянъ пшеницы. Плевелы, по словамъ св. Макарія египетскаго, незамѣтны во множествѣ пшеницы. «Хлѣбъ, испеченный изъ пшеницы, неочищенной отъ сѣмянъ плевела, не такъ питателенъ, вредно дѣйствуетъ на голову и желудокъ, и производитъ иногда тяжкій обморокъ и смерть». Нынѣ въ Сиріи и Палестинѣ нерѣдко пекутъ хлѣбы съ примѣсю сѣмянъ плевела, потому что чрезвычайно трудно отличать и отдѣлять ихъ отъ хлѣбныхъ зеренъ, особенно если плевелъ снять съ корня вмѣстѣ съ самымъ хлѣбомъ. Вольней говорить: «восточные жители, какъ я самъ видѣлъ, не очищаютъ хлѣба отъ плевелъ, опасаясь чрезъ то лишиться нѣсколькихъ хлѣбныхъ зеренъ, отчего испеченный изъ такой муки хлѣбъ причиняетъ головокруженіе и одуреніе».

БОЛОТНЫЯ ТРАВЫ, УПОМИНАЕМЫЯ ВЪ СВ. ПИСАНИИ.

Къ болотнымъ травамъ, упоминаемымъ въ Библии, относятся тростникъ, ситникъ, папиръ и лучица.

1) Въ Палестинѣ тростникъ росъ при рѣкахъ и озерахъ (3 Цар. 14, 15. Исаіи 35, 7.). Рѣчка Кана, составлявшая сѣверозападную границу колѣна Ефремова, получила свое названіе именно оттого, что по берегамъ ея расло много тро-

стнику. Берега свящ. рѣки Иордана, какъ во времена Саввы Освященнаго, такъ и нынѣ покрыты тростникомъ разнаго рода. Путешественникъ Сольси (6) не подалеку отъ Мертваго моря изумленъ былъ видомъ настоящаго тростниковаго лѣса, вышиною почти въ три сажени.

Тростникъ издревле почитался за символъ Египта точно также, какъ и пальма признавалась символомъ Иудей. О нынѣшнемъ обилии тростника въ Египтѣ свидѣтельствуя всѣ путешественники. А. С. Норовъ (*) писалъ: «Берега знаменитаго канала Иосифова въ Египтѣ осѣнены густыми тростниками; тростникъ растетъ въ окрестностяхъ Дамьеты и Розетты, также и близъ нѣкоторыхъ озеръ пустыни Ливійской; ниже Дамьеты онъ прекращается».

Виды тростника извѣстны слѣдующіе:

Рѣчной и озерный камышъ, (*arundo fluvialis*) росъ по берегу рѣки Нила и водопроводовъ египетскихъ въ такомъ обилии, что въ немъ свободно могли обитать крокодилы (Ис. 67, 31). Длинный, тонкій стебель камыша легко колебался отъ всякаго вѣтра (3 Цар. 14, 15): символъ души, влающей всякимъ вѣтромъ ученія.

Собственно камытъ (*arundo donax* L.) бываетъ вышиною болѣе сажени при соразмѣрной толщинѣ. Изъ него дѣлали линейныя мѣры, его употребляли вмѣсто посоха (Исаин 42, 3. Мѡ. 27,

(б) «Соврем.» 1852 г. Том. 32. Отд. 6, стр. 64.

(в) Е. и Н. 1, 347. 2, 358. Въ Египтѣ нынѣ обильно растутъ *arundo aegyptiaca* и *ar. donax*. Кл. Б. 1, 93. 96.

29. 30). Впрочемъ тростниковыя палки не отличались особенною прочностію. Рапсакъ, военачальникъ царя ассирійскаго, говорилъ посланникамъ царя Езекии: «скажите Езекии, такъ говоритъ великій царь, царь ассирійскій: какая это опора, на которую ты надѣешься? Ты вѣрно надѣешься на Египеть, на эту палку камышевую, разбитую, которая, кто на нее опирается, тому войдетъ въ руку и проколетъ ее? Таковъ Фараонъ, царь египетскій для всѣхъ, надѣющихся на него» (Исаи 36, 6). Пророкъ Іезекииль, возвѣщая гнѣвъ Божій на Фараона и на весь Египеть, изъясняетъ, что этотъ гнѣвъ постигнетъ всѣхъ населяющихъ Египеть за то, что «они дому Израилеву были посохомъ изъ тростника. Когда они ухватились за тебя рукою, ты расщепился, и все плечо искололъ имъ; и когда они оперлись о тебя, ты сломился, и всѣ чресла изранилъ имъ» (Іез. 29, 6. 7). Нынѣ, по словамъ Норова, «во всѣхъ деревняхъ нижняго Египта ткуть тростниковыя цыновки для устилки половъ: эти цыновки находятся въ общемъ употребленіи въ Египтѣ и турецкихъ владѣніяхъ».

Писцій тростникъ (*arundo scriptoria*) отличается мягкимъ стеблемъ съ мозговою сердцевиною. Объ употребленіи этого тростника для письма, вмѣсто пера, можно заключать изъ посланія св. Іоанна Богослова (3 Іоан. 1, 13).

Благовонный ирь (*acorus calamus L.*) никогда не былъ въ Палестинѣ растеніемъ туземнымъ (Іер. 6, 20) и цѣнился здѣсь весьма дорого (Исаи 43, 24).

Соломонъ насадилъ это растеніе въ своемъ заключенномъ вертоградѣ (Пѣс. 4, 14). На тирскій рынокъ доставляли ирь иностранцы и мѣняли его на другіе товары (Іез. 27, 19). При Моисеѣ душистый ирь входилъ въ составъ мвра для священнаго помазанія скиини и ея принадлежностей (Исх. 30, 23), а въ болѣе позднія времена употреблялся въ видѣ порошка для священ. куреній (Исаи 43, 24).

2. *Луцица*, родъ водянаго пороста. Въ Свящ. Писаніи говорится о двухъ видахъ этого пороста.

Морская луцица (*alga marina*) издревле въ значительномъ количествѣ росла по берегамъ Средиземнаго моря (Іон. 2, 6). На берега Геллеспонта и Пропонтиды, по свидѣтельству Белона, выбрасывается морскими волнами множество морскаго пороста. Прибрежные жители собираютъ его, сушатъ и, смѣшавъ съ глиною, употребляютъ для кровли домовъ. Аравійскій залвъ на всѣхъ древнихъ и новыхъ языкахъ (†) называется Краснымъ или Чернымъ моремъ отъ обилія растущей въ немъ морской травы, сообщающей водамъ его краснозеленый цвѣтъ.

Рѣчная луцица или *Нильскій ситникъ* (*juncus nilotica*) во времена пророка Исаи въ большомъ количествѣ росъ по берегамъ рѣки египетской (Исаи 19, 6). Мать Моисея, узнавъ о жестокомъ повелѣніи Фараона умерщвлять всѣхъ израильскихъ младенцевъ мужескаго пола, рѣшилась сна-

(†) Негры и доселѣ насываютъ Черное море *Бахръ-суфъ* (*Суфъ* значитъ луцица), а растущую въ немъ траву—*Суфо*.

сти драгоцѣнную для нея жизнь сына своего, положила его въ тростниковую корзинку и скрыла ее въ лучицѣ (*суфъ*), на берегу рѣки Нила (Исх. 2, 3. 5).

3). *Ситникъ* (*juncus*) водяное растеніе съ верхушкою, наклоненною внизъ и согнувшеюся въ видѣ рыболовнаго крючка (Исаи 58, 5). Невысокій по своему росту ситникъ иногда представляется въ противоположность съ высокою пальмою (Исаи 19, 15).

4). *Рогозъ* (по-евр. *гоме*) есть весьма извѣстное болотное растеніе—папиръ (*cyperus papyrus L.*), или по-гречески папирозъ. По описанію древнихъ это растеніе имѣло отъ девяти до десяти локтей вышины, — нынѣ же оно гораздо ниже ростомъ, около двухъ аршинъ. Трехгранный стебель папира можетъ быть охваченъ рукою, а корень извилистъ съ кистью длинныхъ и тонкихъ волоконъ (*). Папиръ, во времена Іова (8, 11) и пророка Исаи (35, 7), въ большомъ количествѣ росъ по болотистымъ берегамъ рѣки Нила и въ Сирии (°). Въ тѣхъ же мѣстахъ находился онъ и въ болѣе позднія времена; тамъ же встрѣчается и нынѣ. У Египтянъ и сосѣднихъ съ ними народовъ папиръ имѣлъ самое обширное и разно-

(д) Э. Л. Плюшара: *бумага*. Папирусовая бумага и въ свое время составляла значительную рѣдкость. Многія рукописи, хранящіяся въ потаенныхъ, хорошо запертыхъ комнатахъ монастыря Св. Саввы въ Палестинѣ, писаны на папирусѣ. Путеш. Лейтцена въ Іерус. Моск. Телегр. 1825 г. № 11. стр. 226.

(е) Св. Ефремъ Сирийскій именуеть папиръ (*гоме*) растеніемъ необыкновеннымъ «въ песчаной пустынѣ». Т. С. О. 10, 324.

образное употребленіе. Онъ былъ значительною статьей внѣшней торговли Египта; онъ служилъ пищею бѣдному туземцу; изъ него изготовляли обувь, веревки и превосходную писчую бумагу (*). Египтяне и Еѳіопяне дѣлали себѣ изъ папируса небольшія лодки, въ родѣ нашихъ челноковъ: эти лодки отличались особенною легкостію на ходу (Исаи 18, 2.) Въ папирусномъ ковчегѣ мать Моисея спустила дитя свое на рѣку Нилъ. Норовъ видѣлъ переправу нѣсколькихъ Арабовъ чрезъ Нилъ на тростниковомъ плотѣ, съ подвязанными внизу горшками, которыхъ отверстія опрокинуты въ воду. При Пахоміи великомъ (ок. 349 г. по Р. Х.) иноки пустынныхъ египетскихъ монастырей нерѣдко собирали папирусъ или рогозъ для выдѣлки изъ него рогозинъ. Способъ изготовленія рогозинъ не отличался особенною трудностію. Каждый инокъ могъ соткать до пяти рогожъ въ сутки. Въ отеческихъ сказаніяхъ сохранилось извѣстіе о томъ, что два брата Тавеннисіотскаго монастыря въ два мѣсяца сдѣлали пятьсотъ рогозинъ (†).

Свящ. Д. Разумовскій.

(ж) Египеть и Нубія 1, 88.

(в) Чет. Мин. мая 15.

НАСТАВЛЕНІЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО,

ДОСЕЛЪ НЕИЗДАННОЕ (*).

Братія мои и друзи возлюбленіи христіане!

Памятуете ли, что вы, вступая въ Церковь святую крещеніемъ, какъ дверьми, отреклися сатаны и всѣхъ дѣлъ его злыхъ, то-есть, гордыни, блуда, воровства, хищенія, лести, лжи, сквернословія, клеветы, осужденія, злобы, ненависти, зависти, пїянства, любви міра, и всякія неправды, и обѣщались вѣрою и преподобіемъ и правдою служить единому Іисусу Христу, какъ главѣ уды, и какъ лозѣ розги прицѣпились? Когда памятуете, то блажени есте, аще стоите въ томъ: аще же ни, то обратитесь къ Нему и приметъ васъ; и обратитесь, пока время не ушло.

Памятуете ли, что святой апостоль приписуетъ христіанамъ: *вы родъ избранъ, царское*

(*) Доставлено въ редакцію священникомъ Елецкой Владимирской церкви Іоанномъ Ефремовымъ.

священіе, языкъ святъ, людіе обновленія (1 Петр. 2, 9)? О любезное и вождельнное имя: «христіанинъ»! О высокое и великолѣпное достоинство! Всѣ титулы міра превосходитъ. Но блаженн есте, когда разумѣете и храните то сокровище внутри себе. Аще же ни, то поищите того поканіемъ, пока время благопріятно и день спасенія есть.

Памятуете ли, что приобщаетеся таинственно тѣла и крови Христовыя, и потому Самаго Святѣйшаго святыхъ, и источника святыхъ Христа? О великое и умою непостижимое дѣло! Но слушайте и внимайте, что іерей возглашаетъ на литургіи: *Святая Святыхъ!* то-есть преподаются. А потому всегда берегитесь всякаго грѣха, какъ скверны, которая душу и тѣло оскверняетъ: и со страхомъ и вѣрою приступайте, какъ іерей или діаконъ зоветъ всегда. Великіи свѣтильники міра, Василій Великій и Златоустъ, и прочіи трепетали, приступая къ такому таинству: что мы, которые ничто предъ ними? Аще столпы трепещутъ и трясутся, что сокрушеніи трости? Худо отлучаться, но худо и неисправленному приступать: *обое* худо, и то и другое. А оттуда слѣдуетъ, что неотмѣнно должно христіанину исправиться и по-христіански жить, какъ вѣра наша требуетъ. О Боже силъ, Боже нашъ, Боже спасти! Обрати насъ и просвѣти лице Твое, и спасемъ.

Памятуете ли паки писанное: *Блаженъ иже съестъ обѣдъ въ царствіи Божіи?* Но тамъ же

написано: *Мнози суть звани, мало же избранныхъ.* Почему? Потому что мнози великаго того званія отреклися и прилѣпилися къ суетѣ міра сего (Лук. 14). Потщима, возлюбленіи, не только между званными, но и между избранными быть: тѣсный путь вводяи въ животъ (Матѣ. гл. 7.), и спасаются только Христовы: *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. гл. 5); и Христось глаголетъ: *аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдуетъ: и идѣже Есмь Азъ, ты и слуга мой будетъ* (Іоан. гл. 12). Христось смиреннымъ путемъ шелъ: надобно и христіанамъ Ему послѣдовать, дабы съ Нимъ быть во царствіи Его. *Нѣсть бо рабъ болѣй Господа своего* (Іоан. гл. 13).

Памятуете ли, что христіанамъ наслѣдіе и благая отъ Бога уготована суть, не здѣ въ мірѣ семъ, гдѣ все общее есть благочестивымъ и нечестивымъ, Бога вѣдущимъ, и невѣдущимъ; но на небеси благая, говорю, *ихъже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце челоуьку невзыдоша* (1 Кор. гл. 2)? Когда памятуете, то блаженни есте, когда стремится духъ вашъ, гдѣ непрестанно поется пѣснь сладкая: Аллилуія; гдѣ домъ Божій, въ которомъ обители многи (Іоан. гл. 14), а не прелѣпляется къ суетѣ сердце ваше.

Памятуете ли, что сказалъ Христось: *кая польза челоуьку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (М. 16)? Аще міръ весь ничто предъ душевнымъ спасеніемъ, кольми паче малая частичка міра. Аще все

богатство и слава міра ничто, кольми паче малая богатства крупина, и въ единомъ углѣ звѣнящая слава. Разсуждайте богатолюбцы и славолубцы: бѣдніи суть, которые ничто всему предпочитаютъ: *Блаженъ мужъ, емуже есть имя Господне упованіе его, и не призрѣ въ суеты и неистовленія ложная* (Псал. 39).

Памятуете ли, что Богъ великій, и Господь всѣхъ, Царь царей, и Владыка владѣющихъ повелѣваетъ намъ, то-есть тебѣ, мнѣ, и всякому: люби искреняго твоего, т.-е. всякаго человѣка яко себе? Власть земную, господина нашего, отца нашего, и царя нашего слушаемъ и исполняемъ повелѣніе: Бога ли, небеснаго Царя не слушать? О какъ страшно и жалостно, Создателя и верховнѣйшаго Господа не слушать? Предпочитай душе моя волю Господа твоего всему, своей волѣ, прихотямъ, и вожделѣнію твоему. *Не Богу ли повинется душа моя, яко отъ того спасеніе мое, ибо той Богъ мой, и спасѣ мой, заступникъ мой* (Псал. 61).

Памятуете ли, что пища, которую ядите, питье, которое пьете, одежда, которою одѣваетесь, дома, въ которыхъ живете, скотъ, который служитъ вамъ, огонь, который согрѣваетъ васъ, вода, которая омываетъ и прохлаждаетъ васъ, воздухъ, который сохраняетъ жизнь вашу, земля, на которой живете, трава, зеліе, которыя служатъ нуждамъ вашимъ, солнце, луна, звѣзды, которые просвѣщаютъ васъ и прочая — Божія суть? Господня бо земля, и исполненіе ея. Вку-

шаете благодати Божія, но поминаете ли благаго Бога? Насыщаетесь благодѣяній, но благодарите ли и почитаете ли Благодѣтеля? Не видите Его, но видите благая Его.

Памятуете ли, что Богъ нашъ на всякомъ мѣстѣ? И вы предъ Нимъ ходите, и Онъ на васъ смотритъ, и ваши дѣла видитъ, и слова ваши слышитъ: и вы что ни дѣлаете, говорите, помышляете, предъ святыми Его очами все дѣлаете. Отдаете ли убо Ему поступками вашими почтеніе, какъ дѣти присутствующему своему отцу, рабы присутствующему своему господину, подданіи присутствующему своему государю отдаютъ? Безстыдство и неистовство великое есть не отдавать почтеніе тому, который всякія чести высшій. Стыдитесь предъ честнымъ человѣкомъ безчинствовать: кольми паче предъ Богомъ. Боятся предъ отцемъ, господиномъ, властію и царемъ грѣшить, кольми паче предъ Богомъ Царемъ царей, и Господемъ господей. Не видите вы Его, но Онъ видитъ васъ, и смотритъ на васъ (Псал. 32). Не слышите Его, но Онъ слышитъ васъ. Не осязаете вы Его, но Онъ во всемогущей своей рукѣ содержитъ васъ: *въ руцѣ Его вси концы земли* (псал. 94). Когда всѣ концы въ руцѣ Его, то я и ты, и всякъ въ руцѣ Его, которые въ концахъ земли находимся. Внимай сему, душе моя, и почитай Создателя твоего, яко Отца любезнаго.

Памятуете ли вы, что святое и страшное имя Божіе исповѣдуете, и въ молитвѣ призываете и

поете Его? Разсуждайте убо, не соскверняете ли помышленіями злыми сердца вашего, которое къ святому Богу возводите? Не оскверняете ли усть вашихъ сквернословіемъ, кощунами, клеветами, осужденіемъ, прочими пороками, — усть, которыми святое и страшное имя Его исповѣдаете и призываете? Не порочите ли грабленіемъ, хищеніемъ, воровствомъ, лихоиманіемъ и прочими неправдами рукъ вашихъ, которыя къ праведному Богу воздѣваете? Слышите, что Духъ Божій устами апостольскими глаголетъ: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2. Тим. 2, 19).

Памятуете ли и *тое*, возлюбленніи, что *вы ильсте свои: куплены бо есте цѣною* (1. Кор. 6). Какая цѣна дана за васъ: серебро ли, или злато? Нѣтъ. Но что? Честная кровь. Чья она? Кто изліялъ свою кровь за васъ: простой ли какой челоуѣкъ, святой? Нѣтъ. Но кто? Сынъ Божій, Господь славы, Богъ во плоти явивыйся: — Божіею кровію куплены есте (Дѣян. 20). О, какъ великая цѣна, безцѣнная цѣна дана за васъ, и того ради *ильсте свои*. Чьи же? Того, Кто купилъ васъ Себѣ такъ дорогою цѣною, цѣною крови Своея. Христовы есте, а не свои: Христось васъ купилъ себѣ. Ему, яко купившему васъ работать, волю Его исполнять, Ему жить, яко раби Его, а не себѣ жить, не свою волю исполнять, не своимъ прихотямъ работать должны. Христось за вся умре, *да живущіи не къ тому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2. Кор. 5). *Прославите убо Бога въ тѣлестяхъ вашихъ, и въ душахъ ва-*

шихъ, яже суть Божія, увѣщаетъ васъ Духъ святыи чрезъ апостола своего (1 Кор. 6). О Господи, Боже нашъ, стяжи насъ! О Искупителю нашъ, ущедри насъ, да живемъ Тебѣ, и прославимъ Тебе, такъ высоко почетшаго насъ.

Памятуете ли и внимаете ли тому, что Господь глаголетъ: *что мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю (Лук. 6)?* Когда памятуете и разсуждаете, то творите *тое*, что Онъ глаголетъ, и тогда зовите Его: Господи, Господи. Рабъ вѣрный волю господина творить и послушливъ ему.

Памятуете ли, наконецъ, что тойжде Господь, который за вся умре, придетъ во славу своей судити всѣхъ, всѣхъ живыхъ и мертвыхъ, благородныхъ и худородныхъ, богатыхъ и нищихъ, господъ и рабовъ, князей и подвластныхъ, вельможъ и слугъ ихъ, судей и судимыхъ, отцевъ и дѣтей ихъ, пастырей и людей ихъ, восноначальниковъ и воиновъ ихъ, учителей и учениковъ ихъ, и всякъ полъ и возрастъ? И вы, и я, на томъ судѣ явима. И поставитъ Судія праведныхъ одесную, а грѣшныхъ ошую Себе: и по судѣ и опредѣленіи Судіи, *пойдутъ сіи (грѣшніи) въ муку вѣчную, праведницы въ животъ вѣчный (Матѳ. гл. 25).* Памятуете ли, что придетъ оный день, *яко тать въ ноци*, т.-е. нечаянно, придетъ тогда, когда люди не чають (2 Пет. гл. 3)? Тогда нечаянно услышится гласъ: *се женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе Его.* Се Судія идетъ: *возставьте мертвіи и идите на судъ.* Памятуете ли,

что отъ лица Судіи побѣжитъ небо и земля, и мѣсто не обрѣщется имъ (Апок. гл. 20)? «Небо отлучится яко свитокъ свиваемо, и всяка гора и островъ отъ мѣстъ своихъ двинутся. И царіе земстїи, и вельможи, и богати, и тысячницы, и сильни, и всякъ рабъ и свободъ скрѣются въ пещерахъ, и каменїи горстѣмъ, и возглаголютъ горамъ и каменїю: падите на насъ и покрѣйте отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва агнча, яко приде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати» (Апок. гл. 6). Видите, что будетъ тогда, какій страхъ, трепетъ и ужасъ тогда и тѣмъ, которые здѣ на земли страшны людемъ: пожелаютъ скрѣться въ пещерахъ и каменїи тѣ, которые нынѣ въ своихъ палатахъ и земли не вмѣщаются, но *чужое* захватываютъ. Похотятъ скрѣться подъ горами и каменїемъ тѣ, которые нынѣ высоко возносятся, яко кедры ливанскїе. Близъ же день той; уже знаки его являются: въ который день *небеса убо съ шумомъ мимо пойдутъ, стихїи же сжигаеми разгорятъ, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Пет. гл. 3). Вѣдѣяще убо страхъ Господень, бдите, молитесь и кайтесь. да не неготовыхъ застанеть васъ. Блаженъ, егоже Господь обрѣщеть бдяща. Бди и ты, душе моя; молися, падай предъ Господомъ твоимъ, да милостивъ тебѣ будетъ тогда. Берегись грѣха, какъ змія. Пощади Господи, пощади Душелюбче грѣшника. Спасайтесь любезни и о мнѣ молитесь.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА IX. (*)

Братья св. Александра на великомъ княженіи. — Мученичество св. ки. Романа рязанскаго. — Соборъ 1274 г. во Владимірѣ. — Постановленія этого собора. — Блаж. Серапіонъ, епископъ владимірскій. — Преп. Петръ царевичъ ордынскій. — Князья — подвижники благочестія: Романъ углицкій, Василій волинскій и сынъ его Владиміръ Іоаннъ. — Св. Прокопій, юродивый устюжскій.

Преимникомъ Александра Невскаго на великомъ княженіи былъ братъ его Ярославъ Ярославовичъ, князь тверской. Слѣдуя примѣру отца и великаго брата, онъ старался, сколько могъ, угождать хану. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ Ярослава; но дѣла его показываютъ, что онъ не имѣлъ великихъ качествъ брата, не ладилъ съ Новгородцами, жаловался на нихъ хану, желая вооружить Татаръ противъ Новгорода (*).

(*) См. январскую книжку.

(а) Получивъ великое княженіе, Ярославъ выгналъ изъ Новгорода юнаго племянника Дмитрія Александровича, котораго оставилъ тамъ на княженіи великій родитель, когда предпринялъ послѣднее путешествіе въ орду, въ то самое время, когда ханъ былъ сильно разгнѣванъ изгнаніемъ бесерменскихъ

обижалъ народъ и винился, какъ преступникъ, не довольствовался властію ограниченою, но не умѣлъ расширить и утвердить ее. Онъ скончался на возвратномъ пути изъ орды (въ 1272 году). Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь.

Кратковременное правленіе Ярослава ознаменовано мученичествомъ князя Романа рязанскаго. Князь Романъ Ольговичъ происходилъ изъ рода благочестиваго, искренно преданнаго вѣрѣ и отечеству; два дѣда его, Юрій и Олегъ Игоревичи, умерли страдальцами за отчизну въ битвѣ съ Батыемъ. Послѣдній изъ нихъ, богатырь и красавецъ, умиралъ отъ ранъ на полѣ битвы; Батый, дивясь мужеству князя, хотѣлъ лѣчить его, съ тѣмъ чтобы принять къ себѣ въ службу. «Съ врагомъ христіанъ не могу быть въ пріязни», сказалъ умирающій князь, и разъяренный Ба-

откупщиковъ изъ области великаго княженія. Св. Александръ былъ увѣренъ, что въ ордѣ ждетъ его неминуемая смерть. Прощаясь съ Новгородцами и оставляя имъ сына, онъ говорилъ: «служите ему, какъ служили мнѣ». Не смотря на то, они безпрекословно покорились Ярославу, который заключилъ съ ними договоръ, но не хотѣлъ исполнять его. Новгородцы возмутились и выгнали отъ себя намѣстниковъ великаго князя. Ярославъ жаловался хану и просилъ у него войскъ для усмиренія непокорныхъ; младшій братъ его Василій костромской вступился за Новгородцевъ и убѣдилъ хана, что неудовольствія ихъ на великаго князя вполне справедливы и законны. Тогда ханъ воротилъ полки свои, уже выступившіе въ походъ, а добродѣтельный старецъ, митрополитъ Кирилль успѣлъ примирить Новгородцевъ съ Ярославомъ, умоляя ихъ не проливать крови и принимая на себя грѣхъ, если они поклялись не мириться съ великимъ княземъ.

тый велѣлъ разрубить его въ куски. Отецъ Романа, князь Олегъ Ингваревичъ, вытерпѣлъ много мученій отъ Татаръ: захваченный въ плѣнъ Батыемъ, онъ томился въ ордѣ болѣе десяти лѣтъ, въ тяжелой неволѣ, и возвратившись на родину, скончался инокомъ ^(б). Таковы были предки благовѣрнаго князя Романа: онъ воспитался скорбями въ любви къ святой вѣрѣ; жилъ въ слезахъ и молитвѣ за родину, старался облегчать, сколько могъ, участь разоренныхъ и угнетаемыхъ подданныхъ. Благочестиваго князя много утѣшило учрежденіе кафедры православнаго епископа въ самой ордѣ ^(в). Одинъ изъ злыхъ баскаковъ, котораго князь удерживалъ отъ безчеловѣчныхъ насилій при сборѣ дани, донесъ хану Менгу-Темиру что князь рязанскій поноситъ великаго царя и его вѣру. Ханъ вызвалъ Романа въ орду и велѣлъ объявить ему, что онъ долженъ выбрать одно изъ двухъ—или

(б) Отца св. князя Романа, Олега Ингваревича нѣкоторые смѣшиваютъ съ княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ (въ крещеніи Козьмою), убитымъ отъ Батыя и вписаннымъ въ число святыхъ въ Рукописныхъ святцахъ (книгѣ о россійскихъ святыхъ) Онъ погребенъ въ Борисоглѣбскомъ соборѣ, а Олегъ Ингваревичъ, племянникъ его и сынъ Ингваря Игоревича, скончался инокомъ и положенъ въ Спаскомъ монастырѣ

(в) Въ 1265 году, блаж. митрополитъ Кириллъ открылъ спархию сарайскую въ самомъ станѣ орды. Святитель русскій среди шатровъ дикаго язычества—явленіе отрадное для всѣхъ христіанъ. Въ немъ видѣли утѣшителя и наставника князя, томившіяся въ ордѣ и многія тысячи народа, захваченныя въ неволю Татарами.

смерть мучительную, или вѣру Татаръ (г). «Покорный волѣ Божіей—сказалъ князь—я повинуюсь власти хана: но никто не заставитъ меня измѣнить св. моей вѣрѣ». Татары стали бить князя. «Я христіанинъ», говорилъ онъ; но уста его заткнули платкомъ, оковали его и бросили въ темницу. Гордый Темиръ произнесъ приговоръ твердому князю: «пусть умретъ мучительною смертію». На мѣстѣ казни мученикъ сталъ говорить собравшемуся народу о святости вѣры Христовой. Ему отрѣзали языкъ. За тѣмъ стали мучить его съ ужасающимъ звѣрствомъ: ему вырѣзали глаза, обрубили персты рукъ и ногъ, обрѣзали уши и губы, потомъ отсѣкли руки и ноги. Когда же осталось одно туловище, но еще съ искрами жизни, мучители содрали съ головы кожу, отрубили голову и воткнули ее на копье. Мученическій подвигъ св. Романа совершился 19 іюля 1270 года (д). Память его, какъ мученика, была постоянно чтима въ русской церкви (е).

(г) Карамзинъ (т. IV стр. 68, 69) ошибочно говоритъ, что князя Романа принуждали къ магометанству. Въ Степ. кн. 1, 384, князь Романъ говоритъ: «не достоинъ послѣдовати обычаямъ идолослуженія».

(д) Преданіе говоритъ, что св. останки князя-мученика тайно унесены были въ Рязань и тамъ преданы землѣ, но неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ

(е) Ликъ св. Романа изображался на иконахъ такъ: «князь не старыхъ лѣтъ, съ волосами русыми кудрявыми, падающими на плеча тонкой волною, въ соболей шубѣ на плечахъ, въ бархатной поддевкѣ; правая рука простерта на молитву, а лѣвая держитъ городъ съ церковью». («Русскіе святые». Іюль. стр. 118. Буслаева. «Очерки народн. словес. и иск.» ч. 2, стр. 351).

Современники считали за особенную милость Божию къ русской землѣ, что въ ней еще есть такіе князья, которые, презирая славу мірскую, великодушно проливаютъ кровь свою за вѣру Христову. Также за милость небесную почитали они явленіе чудотворной иконы Божіей Матери, прозванной Θεодоровскою, въ окрестностяхъ г. Костромы, гдѣ княжилъ тогда Василій Ярославовичъ, утвержденный на престолѣ великаго княженія послѣ смерти брата своего Ярослава (*).

Св. вѣра жила крѣпкою жизнію въ сердцахъ народа, но устройство церковное много пострадало при совершенномъ разстройствѣ государства. Ревностный митрополитъ Кирилль, обозрѣвъ состояніе церкви почти во всѣхъ предѣлахъ своей обширной митрополіи, замѣтилъ, къ прискѣрбию своему, значительные беспорядки въ со-

(ж) Эта чудотворная икона прежде находилась въ Городицѣ (въ нынѣшней Нижегородской губерніи) и тамъ прославлена чудесами, сохранилась невредимою въ пожарѣ и внезапно исчезла: князь Василій, забавляясь охотою въ одной верстѣ отъ Костромы, на берегу рѣчки Запруденки, увидѣлъ на соснѣ икону Божіей Матери, но не могъ достать ее. Пришли священники съ крестнымъ ходомъ, взяли икону и поставили въ соборной церкви св. Θεодора Стратилата. Нѣкоторые изъ жителей Костромы рассказывали, что наканунѣ явленія (15 августа) нѣкоторый воинъ, похожій на св. Θεодора Стратилата, пронесъ явившійся образъ черезъ городъ. Этотъ рассказъ послужилъ поводомъ назвать явленную икону Θεодоровскою. Она находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ, сооруженномъ тѣмъ же княземъ Василіемъ («Истор. Зап. о Костромѣ» прот. П. Островскаго стр 10—17).

вершеніи таинствъ и обрядовъ, недостатокъ должной разборчивости при посвященіи въ духовный санъ и даже самое святокупство. Нравы народа также требовали исправленія: въ иныхъ мѣстахъ укоренились игры и обычаи, противные христіанской нравственности и правиламъ Церкви. Такое неустройство въ духовномъ чинѣ и народѣ происходило, какъ замѣчаетъ самъ митрополитъ, частію отъ неразумія, частію отъ небреженія пастырей, рѣдко посѣщавшихъ свою паству, и наконецъ оттого, что правила церковныя, опредѣлявшія кругъ пастырской дѣятельности, для многихъ были невразумительны⁽³⁾. Въ 1274 году онъ открылъ соборъ во Владимірѣ съ епископами: Далматомъ новгородскимъ, св. Игнатіемъ ростовскимъ, Θεогностомъ сарайскимъ и Симеономъ полоцкимъ; изобразивъ долгъ пастырей блюсти за исполненіемъ законовъ Церкви, онъ говорилъ отцамъ собора: «Какую пользу получили мы, пренебрегши божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были грады наши? Не пали ли сильные наши отъ острія меча? Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запустили ли св. Божіи церкви? Не томятъ ли насъ каждый день

(3) «Помрачени бо бѣху облакомъ мудрости еллинскаго языка. Это обстоятельство заставило митрополита еще до созванія собора вытребовать отъ намѣстника царя болгарскаго, Іакова Святислава, списокъ полныхъ церковныхъ правилъ (номоканонъ) съ толкованіями Зонары, полученный Святиславомъ отъ патріарха константинопольскаго.

безбожные и нечестивые люди? И все это постигло насъ за то, что мы не хранимъ правилъ св. отцевъ нашихъ». Кановическія опредѣленія этого собора (*) направлены къ прекращенію замеченныхъ безпорядковъ и относятся: къ правильному поставленію служителей Церкви, къ доброму ихъ поведенію и обязанностямъ служенія, къ правильному совершенію таинствъ, къ благочинію при богослуженіи и къ исправленію жизни народа.

Епископамъ воспрещено брать плату или дары съ посвящаемыхъ. Кромѣ пошрины, опредѣленной обычаемъ (не болѣе семи гривенъ) за посвященіе «на мздѣ» (за деньги) назначено изверженіе изъ сана и посвящающему и посвящаемому. Соборъ опредѣлилъ, чтобы избираемый въ санъ священства былъ тщательно испытанъ въ образѣ жизни и поведеніи, чтобы онъ былъ или дѣвственникъ, или въ законномъ первомъ бракѣ съ дѣвицею, хорошо зналъ грамоту, чтобы не былъ обвиняемъ въ кошунствѣ, чародѣйствѣ, воровствѣ, пьянствѣ, прелюбодѣніи, лихоимствѣ, вольномъ или невольномъ убійствѣ. Обличенный въ одномъ изъ этихъ пороковъ, не можетъ быть даже и причетникомъ. Возрастъ для посвященія, на основаніи древнихъ церковныхъ правилъ, опредѣленъ: для діакона—

(и) Списокъ правилъ этого собора помѣщенъ въ «Русскихъ достопамятностяхъ» ч. 1., но безъ конца и безъ рѣчей митрополита Кирилла, которыя сохранились въ старинныхъ спискахъ Кормчей книги.

25 и для священника—30 лѣтній. Сверхъ того поступающій въ клиръ долженъ былъ быть непременно человѣкъ свободный, или получить освобожденіе отъ прежняго господина. Священники, замѣченные въ нетрезвости и алчности къ прибутку, если не исправятся, осуждались на лишеніе сана. «Пусть лучше будетъ одинъ достойный служитель Церкви, прибавляютъ отцы собора, нежели тысяча незаконныхъ».

Соборъ обратилъ особенное вниманіе на совершеніе таинствъ, опредѣлилъ совершать крещеніе чрезъ погруженіе въ особомъ сосудѣ (купели), а не черезъ обливаніе ⁽ⁱ⁾; при муропомазаніи помазывать части тѣла освященнымъ муромъ, не смѣшивая его съ елеемъ, какъ дѣлали нѣкоторые; преподавать св. Тайны всякому новокрещенному; совершать браки съ согласія родителей и по православному чиноположенію въ храмѣ ^(к).

Замѣтивъ, что непосвященные дерзали иногда исполнять то, что предоставлено было только посвященнымъ, соборъ запретилъ діаконамъ совершать проскомидію и освящать приношенія (плоды, кутью за умершихъ и т. п.), причетни-

(i) Отцы собора говорятъ: «о обливаніи нигдѣ не пишется, но предписывается погружать крещаемого въ сосудъ «отлученный» (т.-е. собственно для того предназначенный),

(к) Тогда многіе изъ простаго народа считали церковное вѣнчаніе приличнымъ и благословеннымъ только для бояръ и князей, а сами собирались на какія-то вечернія безчинныя празднества, похищали тамъ невѣсты и «брачились по старинѣ»—посредствомъ троекратнаго объѣзда около какого-нибудь завѣтнаго дерева или озера, при чемъ, по-язычески, плевались водою.

камъ касаться священныхъ сосудовъ, и совершать кажденіе, а мірянамъ — входитъ въ алтарь, сказывать прокимень и читать апостолъ.

Въ жизни христіанъ замѣчены языческіе обычаи: Новгородцы, въ праздники устраивали неприличныя зрѣлища, оскорблявшія честь праздниковъ. Буйныя толпы тѣшились кулачнымъ боемъ, бились кольями, при чемъ многихъ убивали до смерти и съ убитыхъ снимали окровавленное платье. Соборъ опредѣлилъ отлучать отъ церкви всѣхъ, участвующихъ въ такомъ безчинствѣ и не принимать отъ нихъ приношеній. Если кто изъ нихъ умретъ, священники подъ опасеніемъ изверженія, не должны отпѣвать его и хоронить близъ церкви. Убитые на кулачномъ боѣ прокляты въ сей и въ будущей жизни.

Большая часть правилъ Владимірскаго собора составляетъ только возобновленіе древнихъ постановленій Церкви, и даже наказанія, опредѣленные соборомъ, суть тѣ же самыя, какія издревле назначались Церковью за нарушеніе тѣхъ же правилъ (*). Въ историческомъ отношеніи опредѣленія Владимірскаго собора очень важны потому, что раскрываютъ тогдашнее состояніе христіанскаго общества, показываютъ его недуги и мѣры, какія принимали для уврачеванія этихъ недуговъ попечительные святители.

На этомъ соборѣ посвященъ въ санъ еписко-

(*) Такъ напримѣръ лишеніе сана за симонію или святокупство и за нетрезвую жизнь назначено еще въ правилахъ апостольскихъ (прав. 29).

па владимірскаго и нижегородскаго архимандритъ Печерскаго монастыря Серапіонъ, котораго митрополитъ Кириллъ привезъ съ собою изъ Кіева, — престарѣлый подвижникъ, пастырь, по выраженію современниковъ, учительный и сильный въ божественномъ писаніи. Онъ не долго управлялъ паствою, скончался 12 іюля 1275 года, въ глубокой старости (*) и погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ блаж. Серапіона сохранилось нѣсколько словъ; изъ нихъ особенно четвертое можетъ служить указаніемъ на образованность пастыря русской Церкви въ XIII в. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ обличаетъ слѣпыхъ суевѣровъ, убивавшихъ волхвовъ и волшебницъ, по самымъ страннымъ причинамъ. Обличеніе его исполнено ума и вполнѣ согласно съ духомъ откровенія; читая его, видишь и изумляешься, какое разстояніе отдѣляло тогда Западъ отъ свѣтлаго Востока! Чтò дѣлалось на Западѣ въ XIII вѣкѣ? На кострахъ горѣли волхвы по распоряженіямъ епископовъ Запада! Благословенъ Господь Богъ,

(*) Блаж. Серапіонъ въ 1230 году говорилъ слово въ Кіевѣ по случаю сильнаго землетрясенія, а потому въ 1274 году былъ, безъ сомнѣнія, уже старцемъ. Четыре поученія его помѣщены въ прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1843 стр. 97—111., по списку XIV вѣка въ Лаврской рукописи *златая чепь*. Еще одно поученіе найдено и издано Шевыревымъ («повѣдка въ Кирилловъ монастырь») и два напечатаны въ «Правосл. Собес.» 1860. Въ надписаніяхъ словъ онъ называется «святымъ, преподобнымъ и блаженнымъ». Въ рукописныхъ святцахъ (на которые мы уже многократно ссылались) онъ также поставленъ въ числѣ святыхъ.

благоволившій хранить свѣтъ Свой въ Церкви Россійской, при посредствѣ свѣтильниковъ Своихъ! (*).

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ поученій блаж. Серапіона. Одно изъ словъ своихъ онъ начинаетъ такъ:

«Дѣти! я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ: ибо вовсе не вижу вашего обращенія отъ дѣлъ незаконныхъ. Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами незаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, желая отворотить васъ отъ худыхъ навыковъ, но не вижу въ васъ переменъ. Разбойникъ ли кто изъ васъ, не отстаетъ отъ разбоя; воръ ли кто, не пропуститъ случая украсть; имѣетъ ли кто ненависть къ ближнему, не имѣетъ покоя отъ вражды; обижаетъ ли кто другаго и захватываетъ чужое, не насыщается грабительствомъ; лихоимецъ ли кто, не перестаетъ брать лихву; бѣдный, онъ не подумаетъ о томъ, что какъ родился нагимъ, такъ и умретъ, не имѣя ничего, кромѣ вѣчнаго проклятія; любодѣйствуетъ ли кто, — не отказывается отъ своего любодѣйства; сквернословецъ и пѣяница не отстаетъ отъ всей привычки. Чѣмъ мнѣ утѣшиться, видя, что вы отступили отъ Бога? Чему мнѣ радоваться? Всегда сѣю я на нивѣ сердце вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ. Умоляю васъ, братія и дѣти, исправьтесь, обновитесь добрымъ обновленіемъ, перестаньте дѣлать зло; убойтесь Бога, сотворившаго насъ; вострепещите

(*) «Прибавл. къ Твор. Св. Отц.» 1843, стр. 95—96.

суда Его страшнаго! Къ кому идемъ? Къ кому приближаемся, отходя отъ сей жизни? Чтò скажемъ? Какой дадимъ отвѣтъ? Страшно, дѣти, подпасть гнѣву Божию. Почему не обращаемъ вниманія на то, чтò постигло насъ еще въ сей жизни? Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не повесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братія наши пали мертвыми на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти наши? А мы, оставшіеся, не порабощены ли горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Чтò же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность. Умоляю васъ, братія! пусть каждый изъ васъ вникнетъ въ свои мысли, разсмотритъ сердечными очами дѣла свси, возненавидитъ ихъ и откажется отъ нихъ. Прибѣгните къ покаянію: гнѣвъ Божій прекратится и милость Господня изліется на насъ. Мы въ радости будемъ жить на землѣ нашей; а по отшествіи изъ сего міра придемъ съ радостію къ Богу своему, какъ дѣти къ отцу, и наслѣдуемъ царство небесное, для котораго Господомъ мы созданы. Ибо Господь сотворилъ насъ великими; а мы чрезъ непослушаніе сдѣлались малыми. Не погубимъ, братія, своего величія. Не слышашіе о дѣлахъ и законѣ спасаются, но исполняющіе законъ. Ежели въ чемъ согрѣшимъ, опять прибѣгнемъ къ покаянію, обратимся съ любовію къ Богу; прольемъ слезы; будемъ по мѣрѣ силъ давать милостыню нищимъ; имѣя возможность

помогать бѣдствующимъ, отъ бѣдствій избавляйте ихъ. Если не будемъ таковыми, то продолжится гнѣвъ Божій на насъ. Пребывая же всегда въ Божіей любви, будемъ жить въ мирѣ.»

Такъ обличалъ грѣшниковъ ревностный святитель, въ то самое время, когда Русь стенала подъ страшнымъ ярмомъ невѣрныхъ, и благовѣрные князья ея проливали кровь свою за имя Христово. Но таже вѣра, которая одушевляла ихъ на крѣпкій подвигъ, въ то же время дѣйствовала и на невѣрныхъ, приводя ихъ ко Христу: примѣромъ тому можетъ служить жизнь преп. Петра, царевича ордынскаго.

Преп. Петръ царевичъ—живой примѣръ тому, что пребываніе пастырей русской Церкви въ ордѣ, тяжелое для нихъ самихъ, не оставалось бесплоднымъ для вѣры Христовой. Ростовскій епископъ Кирилль, котораго современники называли блаженнымъ и учительнымъ, приходилъ въ орду къ хану Бергаю (°), былъ принятъ имъ ласково и по желанію хана рассказалъ ему о святой вѣрѣ — какъ распространилъ ее въ Ростовѣ св. Леонтій, и какія чудеса совершаются при мощахъ его силою Христовою. Въ числѣ слушателей бесѣды епископа съ ханомъ былъ юный племянникъ Бергая, сынъ брата его. Слово о вѣрѣ Христовой пало на добрую почву —

(°) Ханъ Бергай (или Берга) воцарился въ Золотой ордѣ по смерти брата своего Батыея, умертвивъ сына его Сартака. Это было около 1236 года. При немъ дѣла русскія находились въ завѣдываніи намѣстника его Улавчія.

на сердце добраго юноши. Онъ былъ сильно пораженъ тѣмъ, что слышалъ, и сталъ увѣряться въ пустотѣ своей языческой религіи—поклоненія солнцу, звѣздамъ, огню. Въ томъ же году у хана захворалъ сынъ и ханъ вспомнилъ рассказы епископа объ исцѣленіяхъ, совершающихся при гробѣ св. Леонтія, вытребовалъ Кирилла къ себѣ для исцѣленія сына. Святитель, послѣ теплой молитвы къ Богу и пресв. Богоматери, молилъ чудотворца Леонтія оправдать дѣло св. вѣры предъ заблудшими. Прибывъ въ орду, онъ исцѣлилъ царевича молитвою и освященною водою. Щедро одаренный ханомъ, ростовскій епископъ отправился въ отечество, а юный племянникъ хана во время вторичнаго пребыванія епископа въ ордѣ рѣшился удалиться съ нимъ въ Ростовъ, чтобы тамъ принять крещеніе. Не смѣя открыть своихъ намѣреній матери, боясь власти дяди, онъ тайно ушелъ изъ орды и догнавъ на дорогѣ епископа, со слезами просилъ взять его съ собою. Святитель согласился.

Въ Ростовѣ царевичъ жилъ въ домѣ епископа, ходилъ смотрѣть на чинъ богослуженія, слушалъ чтеніе и пѣніе и все его приводило въ восторгъ. Тогда, въ каедральномъ храмѣ епископа, говорить древній повѣствователь, «на лѣвомъ клиросѣ пѣли по-гречески, а на правомъ— по-русски». Царевичъ просилъ крестить его. Епископъ опасался, не навлечъ бы гнѣва ханскаго на Ростовъ за царевича.—Но прошло довольно времени; поисковъ о царевичѣ не было изъ орды, и епи-

скопъ крестилъ его съ именемъ Петра. Новый христіанинъ научился русскому языку, усердно читалъ книги, трудолюбиво молился, посѣщаль богослуженіе, жилъ чисто и воздержно, оставаясь въ домѣ епископа.

Блаж. Кирилль скончался, и 19 сент. 1261 года изъ Авраміевой обители взошелъ на каеэдру ростовскую св. Игнатій. Петръ продолжалъ жить и при св. Игнатіи въ каеэдральномъ домѣ. — Продолжая усердно посѣщать храмъ Божій и жить благоговѣйно, по временамъ забавлялся онъ соколиною охотой на берегу озера Неро. Разъ замедливъ до ночи на ловлѣ, заснулъ онъ у озера. Ему явились во снѣ, по пробужденіи и на яву, св. ап. Петръ и Павелъ; въ ужасѣ онъ палъ передъ ними, и они, поднявъ его, ласково сказали: не бойся другъ Петръ, — мы посланы къ тебѣ Богомъ, въ Котораго ты увѣровалъ, и желаемъ, чтобы здѣсь, гдѣ заснулъ ты, создана была церковь въ наше имя; завтра ты вымѣняешь три иконы, одну Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, другую св. Николая, а третью великомуч. Димитрія, отнесешь ихъ къ епископу и скажешь: ап. Петръ и Павелъ повелѣваютъ построить въ ихъ имя церковь на указанномъ ими мѣстѣ. За тѣмъ дали они царевичу два мѣшка, одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ и стали невидимы. Блаженный Петръ пребылъ въ молитвѣ до утра на мѣстѣ, гдѣ явились ему апостолы. Потомъ нашелъ въ городѣ у иконописца три указанные иконы, вымѣнялъ и понесъ ихъ

къ епископу. Въ ту же ночь св. Игнатію явились апостолы и приказали построить во имя ихъ храмъ. Устрашенный видѣніемъ, святитель Игнатій утромъ пригласилъ къ себѣ князя (Бориса Васильковича) и разсказалъ ему о видѣніи, недоумѣвая, гдѣ строить храмъ. Въ это время они увидѣли Петра съ иконами на рукахъ; епископъ и князь поражены были изумленіемъ, откуда Петръ-иноземецъ могъ достать такія превосходныя иконы, какихъ не могъ написать тогда ни одинъ иконописецъ въ городѣ. Выслушавъ разсказъ Петра, они благоговѣнно поклонились иконамъ, отслужили предъ ними молебное пѣніе, отнесли ихъ въ крестномъ ходѣ на мѣсто явленія св. апостоловъ, и здѣсь поставили въ построенной наскоро часовнѣ.

По требованію князя Петръ рѣшился купить у него довольно большое мѣсто для церкви и монастыря по берегу озера; князь приказалъ протянуть вервь вокругъ избраннаго мѣста, и Петръ потребовалъ, чтобы выкопали ровъ, «какъ бываетъ въ ордѣ, чтобы не пропало то мѣсто». За тѣмъ царевичъ началъ класть въ вырытомъ рву монеты, вынимая ихъ изъ мѣшковъ апостольскихъ и кладя девять серебряныхъ, а десятую золотую; такъ клалъ онъ по всему протяженію ровъ, а монеты, къ изумленію и ужасу князя, не истощались. Цѣлый возъ денегъ достался князю, который принялъ ихъ какъ благословеніе апостольское и нѣсколько дней щедро раздавалъ милостыню бѣднымъ. На отведенномъ

мѣстѣ построенъ былъ храмъ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла и при немъ основалась обитель иноковъ.

Самъ царевичъ остался міряниномъ, но былъ молчаливъ, всегда занимаясь въ душѣ то молитвою, то размышленіемъ о вѣчности. Св. Игнатій и князь, опасаясь, какъ бы царевичъ не удался въ орду, предложили ему вступить въ брачную жизнь, и Петръ согласился. Невѣстою себѣ онъ выбралъ дочь ордынскаго вельможи, поселившагося въ Ростовѣ. Св. Игнатій самъ вѣнчалъ его; а князь побратался съ нимъ и святитель укрѣпилъ это душевное братство ихъ церковною молитвою. На земли, предоставленныя храму и царевичу, кн. Борисъ выдалъ грамоты ("). Петръ прожилъ въ супружествѣ много

(п) Эти грамоты были въ послѣдствіи предметомъ спора между потомками Петра и князьями ростовскими. Сыновья князя Бориса звали Петра дядею; но дѣти ихъ не хотѣли уважать этого духовнаго родства и стали отнимать дуга у сына его Лазаря Петровича «Мы слышали—говорили они, что родители наши называли отца его дядею; нашъ дѣдъ взялъ у Петра много золота и серебра и побратался съ нимъ въ церкви, но тата скій родъ кость не наша, а денегъ не оставили намъ ни онъ, ни родители наши». Болѣе всего непріязнь возбуждалась завистію; князья завидовали, что сыновья царевича «въ ордѣ выше ихъ честь принимаютъ». Лазарь жаловался хану, и посоль ханскій, обмѣривъ земли по грамотѣ князя Бориса, запретилъ оскорблять родственника ханскаго. Также и у внука Петрова Юрія, правнука стараго (Бориса) князя стали отнимать право ловить рыбу въ озерѣ, такъ какъ въ грамотахъ его упоминалось только о землѣ. Ордынскій посоль велѣлъ князьямъ снять воду съ земли, если вода принадлежитъ имъ, а земля Юрію. Когда же они сказали, что это невозможно, онъ прису-

лѣтъ, имѣлъ дѣтей, оставаясь отцемъ всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; пережилъ и князя, нареченнаго брата, и св. Игнатія (р). Въ глубокой

диль по землѣ и воду Юрію, сказавъ притомъ, что «вода есть сотвореніе вышняго Бога на службу всѣмъ человекамъ». Сынъ Юрія, Игнатій, услышавъ о приближеніи къ Ростову грознаго царя ордынскаго, заставилъ епископа Прохора идти съ нимъ на встрѣчу хана и вынести подарки—соколовъ, шубы и угощеніе. Онъ объяснилъ свое родство съ ханами и сказалъ: «сіе купля правды нашего». Гордый Татаринъ ласково принялъ «тѣшь царскую»—соколовъ и пощадилъ городъ («Древн. святыни Ростова Великаго», изданіе 2, стр. 71—72).

(р) Св. Игнатій, епископъ ростовскій, возведенъ на архипастырскую кафедру въ 1261 году. При немъ устроенъ храмъ и кельи для отшельниковъ, которые найдены были кн. Глѣбомъ Васильковичемъ бѣлозерскимъ на Каменномъ островѣ, Кубенскаго озера. Эти пустынники занимались обращеніемъ къ вѣрѣ Христовой Чуди и Кореловъ, жившихъ по берегу озера. При немъ же кн. Глѣбъ основалъ Троицкую обитель на берегу Бѣлаго озера, при устьяхъ Шексны, весьма полезную для распространенія свѣта Евангельскаго между Чудью. Блаженная кончина св. Игнатія послѣдовала 28 мая 1288 года. Онъ одинъ, изъ всѣхъ чудотворцевъ земли русской прославился нетлѣніемъ и цѣльбоносною силой мощей своихъ еще прежде погребенія и вовсе не былъ преданъ землѣ. Чудеса, открывшіяся при отпѣваніи, заставили поставить открыто св. мощи на томъ мѣстѣ, гдѣ остаются они доселѣ. Когда тѣло святителя несено было въ соборную церковь, двѣ благочестивыя инокини видѣли, что святитель поднялся, взошелъ на высоту по воздуху, всталъ надъ соборомъ, благословилъ народъ и весь городъ, потомъ сошелъ къ мѣсту, назначенному для погребенія. Тогдаже исцѣмился архимандритъ Стефанъ, у котораго палець, скорченный со дня рожденія, выпрямился, прикоснувшись къ св. мощамъ. Когда послѣ отпѣванія подали списокъ священниковъ и діаконъ, рукоположенныхъ св. Игнатіемъ во время его святительства, усопшій простеръ руку и взялъ списокъ.—Въ лѣтописяхъ XV вѣка св. Игнатій именуется ве-

старости, овдовѣвъ, онъ принялъ монашество въ основанной имъ обители, мирно перешелъ ко Господу, Котораго возлюбилъ, и погребенъ въ построенной имъ церкви. Это было вѣроятно около 1290 года (°).

Между князьями русскими, современными преподобному царевичу Петру, были также замѣчательные подвижники благочестія.

Благовѣрный князь Романъ углицкій былъ сынъ князя Владиміра, получившаго углицкіи удѣлъ отъ родителя—великаго князя Константина Всеволодовича, въ то же время, когда братья его, св. Василько и Всеволодъ получили Ростовъ и Ярославль. Блаж. Романъ вступилъ въ управленіе княжествомъ въ 1261 г. и былъ попечительнымъ отцемъ народа. Въ удѣлѣ его были города: Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ, Устюжна, Дмитровъ, Звенигородъ и онъ еще построилъ на высокомъ берегу Волги, напротивъ слободы Борисоглѣбской, новый городъ Романовъ, соорудилъ до 15-ти храмовъ въ разныхъ мѣстахъ

ликимъ чудотворцемъ. Мощи его почиваютъ открыто въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, на лѣвой сторонѣ, близъ иконостаса въ серебряной ракѣ, устроенной въ 1795 году.

(с) По памятникамъ не видно, когда царевичъ Петръ причтенъ къ лику святыхъ; въ XIV в. память его чтили мѣстно, а въ святцахъ XVI в. показано «преставленіе св. Петра царевича, ростовскаго чудотворца». Мощи почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви основаннаго имъ Петровскаго монастыря, что на Полѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Ростова. Надъ гробницей его стоятъ три принадлежавшія ему иконы (о которыхъ упомянуто выше), замѣчательныя по превосходному древнему искусству.

своего княжества, устроилъ богадѣльни и страннопріемныя дома. Каждый день онъ слушалъ службу Божію, часто бесѣдовалъ съ опытными иноками и любилъ читать божественныя книги. Осиротѣлый, вдовый и бездѣтный, блаж. Романъ посвятилъ послѣдніе дни жизни своей подвигамъ молитвы, поста и благотворительности. Онъ мирно почилъ 3 февраля 1285 года и погребенъ въ соборномъ храмѣ г. Углича (†).

Между князьями южными славился особымъ благочестіемъ, въ послѣдніе годы жизни своей, вольнскій князь Василій Романовичъ, родной братъ короля Данила галицкаго. Храбрый и неутомимый воинъ, доживъ до старости, онъ скончался монахомъ и труженникомъ въ окрестностяхъ Львова (Лемберга), въ дикой заросшей кустарникомъ пещерѣ, подъ горою Георгіевскаго монастыря (у), оплакивая грѣхи мірскаго властолюбія и кровавой дѣятельности.

Сынъ его Владиміръ-Іоаннь, наслѣдовавшій область родительскую, былъ истинный страдалецъ Божій: кроткій, милостивый къ другимъ, строгій къ себѣ, трезвый и цѣломудренный, смѣлый на

(†) Въ 1486 году при копаніи рововъ до основанія новой соборной церкви обрѣтены нетлѣнныя мощи св. князя Романа. По распоряженію патріарха Іова, они были вновь свидѣтельствованы въ 1595 году казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ. Въ 1609 году Ляхи предали огню соборный храмъ и св. мощи князя Романа; останки ихъ хранятся въ соборѣ.

(у) Левъ Даниловичъ, князь перемышльскій, по желанію дяди Василька, построилъ монастырь св. Георгія изъ буковаго дерева (Ист. Карамз. Т. IV, примѣч. 144).

войнѣ и въ звѣрной ловлѣ, любознательный и начитанный (современики звали его философъ), этотъ князь четыре года страдалъ какъ Іовъ: нижняя губа его гнила, болѣзнь распространялась и становилась сильнѣе; но онъ терпѣливо сносилъ боль, и занимался дѣлами; болѣзнь усилилась: вся мясистая часть бороды отпала, нижняя челюсть и зубы выгнили; онъ молился и благодетворилъ; никто изъ князей южныхъ не построилъ столько монастырей и городовъ, никто болѣе его не надѣлилъ храмовъ книгами и утварью; предъ смертію онъ все движимое имущество: золото, серебро, одежды—раздалъ бѣднымъ (*).

Въ концѣ XIII вѣка мы видимъ образецъ особеннаго рода жизни, высокаго и труднаго, образецъ юродства о Христѣ. Неизвѣстно, шелъ ли кто въ русской землѣ по этому пути прежде блаж. Прокопія устюжскаго; но изъ прославленныхъ чудотворцевъ русской Церкви, Прокопій является первымъ подражателемъ блаж. угодниковъ Божіихъ греческой Церкви, посвятившихъ себя на тяжкій подвигъ юродства о Христѣ.

Блаж. Прокопій былъ иностранный купецъ и торговалъ въ Новгородѣ. Плѣнившись ученіемъ православной церкви, онъ отказался отъ напизма, принялъ православіе и оставилъ торговлю. Жизнь православныхъ иноковъ такъ подѣйстви-

(*) Онъ скончался въ 1289 году и погребенъ въ соборной церкви г. Владиміра-Волынскаго (Ист. Карамз. Т. IV, примѣч. 175)

вала на него, что онъ, раздавъ имѣніе бѣднымъ, поселился на нѣсколько времени въ Хутынской обители (х), но вскорѣ удалился въ Великій Устюгъ и тамъ вступилъ на новый путь жизни, на путь юродства. Онъ нашелъ полузырянскій городъ съ христіанскими храмами; соборная церковь была деревянная и очень высокая. На паперти ея Прокопій сталъ проводить ночи въ молитвѣ; а днемъ ходилъ по городу, претерпѣвая насмѣшки, брань и побои; надъ нимъ издѣвались и дѣти и тѣ, которые имѣли духовный смыслъ, еще менѣе развитый нежели у дѣтей, и не могли понимать поступковъ человѣка духовнаго. Бл. Прокопій молился за нихъ молитвою Распятаго: «Господи, не постави имъ грѣха сего». Отдыхать ложился онъ то на навозѣ, то на камнѣ, или на голой землѣ. Одежда на немъ была изорванная и въ ней онъ переносилъ сѣверные морозы. Онъ принималъ пищу отъ нищихъ и отъ людей богобоязненныхъ, а отъ богачей, обогатившихся неправдою, не бралъ ничего. Утѣшеніемъ для праведника служила праведная чета Іоаннъ и Марія. Іоаннъ Буга или Бога былъ монгольскимъ сборщикомъ въ Устюгѣ; дозволяя себѣ всякое своеволие, онъ взялъ силою дочь одного граж-

(х) Въ рукописномъ житіи блаж. Прокопія сказано, что онъ пользовался наставленіями препод. Варлаама хутынскаго. Но какъ сей великій угодникъ Божій († 1193) не былъ современникомъ Прокопія, то здѣсь, по всей вѣроятности, должно разумѣть другаго Варлаама (въ мірѣ Вячеслава Прокшинича), который жилъ на Хутыни и умеръ въ 1243 году (Новгор. 1 лѣтоп. подъ 6751 годомъ).

данина Марію. Народъ взволновался и готовъ былъ убить дерзкаго баскака. Тогда Буга принялъ крещеніе и женился на Маріи. Народъ примирился съ нимъ. Буга - Іоаннъ перемѣнилъ жизнь свою, жилъ съ супругою праведно и чисто; на Сокольей горѣ онъ построилъ храмъ Предтечи съ монастыремъ. Блаж. Прокопій посѣщалъ иногда Іоанна и Марію, но не пользовался удобствами ихъ жизни (а). Другомъ и собесѣдникомъ его былъ блаж. Кипріянь, основатель Архангельской Устюжской обители, но и у него не искалъ онъ покоя для плоти своей (б).

Разъ была ночью жестокая стужа. Сильная вьюга засыпала дома и улицы снѣгомъ, и морозъ и вѣтеръ сѣверный такъ были рѣзки, что птицы падали мертвыя на землю, даже скоть и люди замерзали. Можно представить себѣ, каково было нагому Прокопію. Терзаемый морозомъ, онъ пытался войти въ хижину нищихъ, чтобы сколько-нибудь погрѣться: но одни запирали дверь, другіе прогоняли его палкою. Прогнанный страдалецъ нашелъ сарай, гдѣ въ углу лежали собаки;

(а) Іоаннъ и Марія похоронены у Вознесенской церкви г. Устюга. Память ихъ читается тамъ до нынѣ. Рукописныя свѣдѣнія называютъ ихъ святыми, но не указываютъ времени кончины ихъ.

(б) Преп. Кипріянь, родомъ землевладѣлецъ Двинской стороны, основалъ около 1212 г. Архангельскій монастырь, близъ Устюга, и провелъ тамъ въ подвигахъ болѣе 60 лѣтъ. Онъ преставился 29 сентября 1276 года въ обители своей. Въ послѣдствіи надъ могилою его построенъ храмъ и въ немъ устроена гробница.

онъ легъ около собакъ, чтобъ отъ нихъ погрѣться, но и собаки ушли отъ него. Не тяжело ли не найдти защиты отъ смерти у людей и даже у псовъ? «Буди имя Господне благословенно», сказалъ Проконій и пошелъ на обыкновенный свой ночлегъ—на паперть соборную; дрожа всѣми костями и ожидая смерти, молился онъ, да приметъ Богъ душу его. И вотъ онъ чувствуетъ какую-то теплоту; взглянувъ, видитъ предъ собою ангела Божія съ прекрасною вѣтвію въ рукѣ; небесный гость, коснувшись вѣткою лица Проконія, оживилъ страдальца: пріятная теплота разлилась по всему тѣлу его. Объ этомъ блаж. Проконій разсказалъ любимому клирику Симеону, отцу св. Стефана пермскаго, подъ условіемъ — не говорить о томъ другимъ до смерти юродиваго.

Любимое мѣсто, гдѣ часто и долго сиживалъ Проконій, былъ камень на берегу рѣки Сухоны. Здѣсь смотря на плывущія мимо суда, онъ молился за тѣхъ, которые вѣрили судьбу свою невѣрной стихіи.

Въ одинъ воскресный день Проконій говорилъ народу въ храмѣ: «покайтесь, братія, во грѣхахъ вашихъ; умиловляйте Бога постомъ и молитвою; иначе городъ погибнетъ отъ града огненнаго». Онъ не въ умѣ, говорили слушавшіе Проконія. Послѣ литургіи, Проконій, сидя на паперти, плакалъ и рыдалъ, плакалъ потомъ днемъ и ночью. Проходившіе мимо его, спрашивали:— что съ тобою Проконій. Что за скорбь у тебя?

Блаженный отвѣчалъ: «бдите и молитесь, да не ввидете въ напасть». Но проповѣди его не принимали къ сердцу.—На третій день Прокопій пошелъ по городу и говорилъ со слезами: «плачьте, други, плачьте о грѣхахъ вашихъ, молитесь, чтобъ избавилъ васъ Господь отъ гнѣва правды своей, чтобы не погубилъ васъ какъ Содомъ и Гоморру, за беззаконія ваши». Но и теперь ожестѣвшіе въ грѣхахъ не трогались и не приходили въ себя, надъ проповѣдникомъ смѣялись, какъ надъ безумцемъ,—и молитвенникомъ остался одинъ Прокопій. Черезъ недѣлю послѣ первой проповѣди, въ полдень, явилось на небосклонѣ черное облако; приближаясь къ городу, оно расло болѣе и болѣе; наконецъ, день превратился въ темную ночь. Молніи бѣгали огненными полосами, и страшные грохоты грома раскатывались въ воздухъ, не прерываясь ни на минуту; отъ громовыхъ ударовъ тряслись стѣны зданій и отъ оглушительныхъ звуковъ не слышно было людскаго голоса. Тогда-то увидѣли, что городу грозитъ гибель, вспомнили о проповѣди Прокопія и бросились въ соборный храмъ Богоматери. Прокопій былъ уже здѣсь и предъ иконою Благовѣщенія молился съ горькими слезами, да будетъ Богоматерь ходатаицею за людей согрѣшившихъ. И весь народъ съ рыданіемъ молился о спасеніи отъ гнѣва Божія: вдругъ отъ иконы потекло муро ручейкомъ и по храму разлилось благоуханіе. Въ то же время оказалась перемѣна въ воздухъ: не стало удушливаго зноя, тучи съ гро-

мами и молніями скатились вдаль — на пустынные мѣста. Скоро узнали, что за 20 версть отъ Устюга, въ дебри Котовальской, пали съ градомъ раскаленные камни, поломали лѣсъ, но никто изъ людей не убитъ и даже скотъ вездѣ остался цѣлъ. Между тѣмъ изъ св. иконы истекло столько мвра, что имъ наполнили сосуды церковные; мазавшіеся мвромъ получали исцѣленіе отъ разныхъ болѣзней ^(ш).

Послѣ того Прокопій сталъ опять юродствовать и юродствомъ закрывалъ отъ людей обильную благодать, обитавшую въ немъ. Онъ носилъ въ рукѣ три кочерги. Замѣчено было, что когда носилъ онъ ихъ вверхъ головами, въ тотъ годъ бывалъ хорошій урожай; когда же оборачивалъ ихъ головами внизъ, бывалъ недостатокъ во всемъ.

Блаж. Прокопій преставился въ старости, 8 іюля 1285 года, у воротъ обители архистратига Михаила. Согласно съ его желаніемъ, тѣло его похоронили на берегу р. Сухоны, близъ соборной Успенской церкви. Камень, на которомъ часто сидѣлъ онъ на берегу Сухоны, молясь за плавающихъ, положенъ надъ гробомъ его, а на мѣстѣ кончины поставлена часовня ^(ш).

(ш) Чудотворная икона Благовѣщенія Божіей Матери, предъ которою молился св. Прокопій, перенесена въ Москву при царѣ Іоаннѣ и поставлена въ иконостасѣ Успенскаго собора Тяжелая серебряная, позолоченая риза устроена, въ 1818 г. иждивеніемъ Велико-Устюжскаго градскаго общества.

(ш) Мѣстное почитаніе св. Прокопія началось со дня его кончины. Храмъ во имя его построенъ въ Устюгѣ въ 1495,

Церковь поетъ блаженному Прокопію: «ты былъ бездомнымъ, Прокопій, и перенося всякое оскорбленіе, приносилъ Богу дѣла добрыя какъ ѳиміамъ благовонный, какъ жертву пріятную. Потому ты и получилъ дерзновеніе предъ Нимъ въ обителяхъ небесныхъ. Моли даровать очищеніе грѣховъ славящимъ святую память твою» (*).

Такъ, при тяжкомъ испытаніи русской земли Господь прославлялъ въ ней избранныхъ Своихъ многоразличными путями спасенія!

Графъ М. Толстой.

а всеобщее празднованіе его памяти въ 8 день іюля утверждено Московскимъ соборомъ 1547 года.—Наружность блаж. Прокопія въ подлинникѣ описывается такъ: «подобіемъ средовѣкъ (среднихъ лѣтъ, а по другому подлиннику: старъ и сѣдъ), волосы на головѣ русы, борода Козмина (т.-е. длинная); рубище дико-багряное, съ праваго плеча спустилось; въ рукахъ три кочерги; на ногахъ сапоги разодраны, колѣни голы» (Буслаева «Очерки словес. и ист.» Т. II, стр. 428).

(*) Служба на 8 іюля въ минеѣ москов. изд. 1646 года.

ОТЕЦЪ ІОАННЪ БОРИСОВЪ,

СВЯЩЕННИКЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ГОР. ЕЛЬЦЪ (¹).

Въ преклонныхъ годахъ жизни Іоанна, когда духовныя его силы возрасли, созрѣли и укрѣпились, въ немъ открылся благодатный даръ прозорливости. Разкажемъ нѣсколько примѣровъ.

1) Затворникъ Задонскаго монастыря Георгій по обыкновенію усердно ходилъ въ храмъ Господень, стоялъ здѣсь со страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ къ мѣсту, гдѣ невидимо присутствуетъ Самъ Господь; но видя въ храмѣ небрежно стоящихъ, разговаривающихъ и смѣющихся, смущался духомъ, и чтобъ не быть болѣе зрителемъ такихъ безпорядковъ въ Задонскомъ монастырѣ, возимѣлъ намѣреніе удалиться изъ него въ другой монастырь; исполнить же своего намѣренія не хотѣлъ безъ совѣта съ какимъ-либо опытнымъ старцемъ. Гдѣ же бы ему такого найти?—Нигдѣ болѣе, думалъ онъ, какъ въ городѣ Ельцѣ. Тамъ есть о. Іоаннъ, о которомъ веѣ

(а) Окончаніе. Начало см. въ январьской книжкѣ.

говорятъ, что онъ примѣрно-благочестивой и святой жизни. Прибыль Георгій въ Елецъ, но едва успѣлъ подойти къ дому о. Іоанна, какъ тотъ выбѣжалъ на крыльцо и, хотя никогда прежде не видалъ и не зналъ его, встрѣтилъ его слѣдующими словами: «а я, братъ, сейчасъ только отслужилъ молебенъ съ звономъ Пресвятой Богородицѣ... Она не велитъ давать наставленій монахамъ, особенно смущеннымъ и хотящимъ оставить свой монастырь. Ступай, братъ, ступай! У васъ есть схимонахъ Агапитъ. Онъ тебѣ скажетъ, что надобно дѣлать». И за симъ запѣлъ: «Святымъ Духомъ всяка душа живится»... и спрятался въ свой чуланъ, гдѣ обыкновенно жилъ. Георгій пошелъ въ свой монастырь, побесѣдовалъ съ о. Агапитомъ, и получивъ отъ него назиданіе, остался жить въ Задонскѣ (6).

2) Подобный затворнику Георгію инокъ того же Задонскаго монастыря, считая послушаніе, наложенное на него настоятелемъ, чрезмѣрно великимъ, хотѣлъ избавиться отъ него переходомъ въ другой монастырь. Но напередъ онъ рѣшился посоветоваться объ этомъ съ отцемъ Іоанномъ и пришелъ для этого въ Елецъ. Приближаясь къ дому о. Іоанна, онъ размышлялъ самъ въ себѣ: «не рано ли я иду къ нему: вѣдь онъ позднюю обѣдню медленно служить, а по окончаніи обѣдни служитъ молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери; впрочемъ пойду и подожду». Пришелъ —

(6) Сей случай упомянуть въ житіи Георгія на стр. 7 и 8.

и, къ счастію, узналъ что отецъ Іоаннъ дома. Но едва успѣлъ онъ подойти къ дверямъ дома, выходитъ къ нему о. Іоаннъ, прежде незнавшій его и никогда не видавшій,—и говоритъ ему: «службу свою долгую я окончилъ и акаѳистъ прочиталъ и вотъ сижу дома—на покоѣ, а ты, брате, внѣ дома, не на своемъ мѣстѣ. Иди опять въ свой монастырь, и послушаніе, данное тебѣ, неси безропотно». Сказавъ это, о. Іоаннъ благословилъ инока изображеніемъ одного угодника Божія, примолвивъ: «подражай ему». Инокъ, принявъ отъ него сей даръ, успокоился и изъ Задонскаго своего монастыря не рѣшился выходить.

3) Священникъ Іос. Зах. Вуколовъ пришелъ къ о. Іоанну съ студентомъ Орловской семинаріи Иродіономъ Соловьевымъ, собравшимся жениться и желавшихъ принять отъ него благословеніе на бракъ съ извѣстною ему дѣвицей. О. Іоаннъ принялъ ихъ радушно и для угощенія положилъ на тарелку что-то изъ мяснаго. Гости подходили къ тарелкѣ; но о. Іоаннъ останавливаетъ студента и говоритъ: «нѣтъ, братъ, намъ къ этому не надобно прикасаться, мы съ тобой икры съѣдимъ». Потомъ рассказываетъ имъ о себѣ слѣдующее: «я былъ въ Воронежѣ, изъ Воронежа въ Задонскѣ, изъ Задонска въ Елецъ пришелъ. Приближаясь къ Соснѣ-рѣкѣ, я хотѣлъ переправиться черезъ нее на лодкѣ, но только сѣлъ въ нее, взялся за весло, и поплылъ,—она вдругъ опрокинулась, и весло изъ рукъ моихъ упало; остались при мнѣ только два посоха и жезлъ архі-

ерейскій, которые я несъ съ собою». Послѣ этихъ словъ о. Іоаннъ пошелъ въ свой чуланъ, вынесъ оттуда два посоха и жезлъ архіерейскій: одинъ изъ посоховъ онъ вручилъ священнику съ словами «это вотъ тебѣ», а другой оставилъ у себя въ рукахъ, сказавъ: «это мнѣ»; «тебѣ же», прибавилъ онъ, обращаясь къ студенту, «даю жезлъ архіерейскій. Теперь ступайте съ Богомъ — мнѣ некогда больше бесѣдовать съ вами». И побѣжалъ въ свой чуланъ, оставивъ гостей въ недоумѣніи. Черезъ нѣскольковремени помянутый священникъ предложилъ студенту опять сходить къ о. Іоанну, не скажетъ ли онъ что-нибудь болѣе вразумительнаго. Студентъ отвѣчалъ: «нѣтъ, ужъ онъ намекнулъ мнѣ, что надобно дѣлать. Я повялъ его. Жениться я раздумалъ, судьба моя рѣшена». Вскорѣ студентъ пошелъ въ монастырь, посригся въ монахи и по времени, по милости Божіей, удостоился сана архіерейскаго. Такимъ образомъ жезлъ (архіерейскій), данный ему о. Іоанномъ, пригодился ему.

4) Послалъ о. Іоаннъ протоіерею Елецкаго Вознесенскаго собора гробъ. Протоіерей не принялъ его. Отецъ Іоаннъ опять послалъ гробъ и приказалъ посланному оставить его на дворѣ протоіерея. Приказъ былъ исполненъ. На третій день послѣ этого протоіерей, будучи совершенно здоровымъ, скоропостижно умеръ въ Елецкомъ духовномъ правленіи за присутственнымъ столомъ.

5) Купецъ Сергѣй Трифоновичъ Кожуховъ, на-

мѣреваясь женить сына своего Іоанна, нашелъ ему невѣсту и, посовѣтовавшись съ родными, хотѣлъ вечеромъ послать къ ней съ предложениемъ. Отецъ Іоаннъ нечаянно въ тотъ же вечеръ приходитъ въ домъ Кожухова, приноситъ ему три восковыхъ свѣчи и говоритъ: «вы хотите посылать сватать невѣсту, остановитесь — эта не его невѣста». О. Іоанна послушались, сватать не послали. Спустя немного времени нашли другую невѣсту. Отецъ Іоаннъ опять нечаянно является съ тремя восковыми свѣчами и посылать сватать не благословляетъ. Кожуховъ и на этотъ разъ не противорѣчилъ, остановилъ посылку. Приискали третью невѣсту и собрались посылать сватать ее. О. Іоаннъ, узнавъ объ этомъ по свойственному его прозрѣнію, приходитъ къ Кожухову также вечеромъ, приноситъ ему фунтъ свѣчей сальныхъ и говоритъ: «Ну вотъ, слава Богу! на свою напали. Посылайте — благословляю». Послали, сосватали; бракъ совершился. Чтò же послѣ случилось? Прежнія двѣ невѣсты скоро обѣ умерли, — одна черезъ годъ послѣ брака, а другая черезъ два года, а третья невѣста, съ которою сынъ Кожухова, Иванъ Сергѣевичъ вступилъ въ бракъ, здравствуетъ доселѣ.

6) Силу прозорливости о. Іоанна и мнѣ пришлось испытать на самомъ себѣ. За меня сватаны были пять невѣстъ, четыре съ большимъ приданымъ; но изъ пяти я избралъ одну безприданницу — мѣщанскую дочь, Прасковью Семено-

вну Перекалину и былъ на ней помолвленъ. Вечеромъ, когда я былъ у невѣсты, о. Іоаннъ нечаянно приходитъ въ домъ моего тестя и, благословляя меня съ невѣстою, говоритъ: «радуюсь, что ты, при помощи Божіей, умѣлъ себѣ выбрать невѣсту; счастливъ твой выборъ. Сердечно вамъ желаю долговременной и благополучной жизни въ супружествѣ». Слова его сіи порадовали всѣхъ насъ. Я при благословеніи его скоро вступилъ въ бракъ и прожилъ съ женою своею двадцать пять лѣтъ. Жизнь же прочихъ моихъ невѣстъ была не долговѣчна: одна прожила только два года и скончалась; другая, по выходѣ замужъ, сдѣлалась больна, у ней отнялись ноги, болѣзнь продолжалась семь лѣтъ и свела ее въ гробъ; третья, лишь только вступила въ бракъ, помѣшалась въ умѣ, и въ семъ состояніи проживъ пятнадцать лѣтъ, наконецъ скончалась; а четвертая, хотя была и долговѣчна, но оказалась непригодною для нашего званія. А моя жена, слава Богу! — примѣрная была по благочестію: объ ней и теперь, не смотря на давнюю кончину ея, не прекращается добрая память во всемъ городѣ. И конечно поэтому о. Іоаннъ, какъ прѣвидецъ, радовался моему счастливому выбору и добродушно благословилъ меня вступить въ бракъ. Упокой его Господи.

7) Купчиха Прасковья Жаворонкова, пожелала попросить у о. Іоанна совѣта о выдачѣ своей внучки. Собираясь къ нему, она велѣла одному изъ сыновей своихъ купить кренделей. Сынъ

купилъ; она же, взглянувъ на нихъ, сказала ему: «очень много! отложи». — «Ничего, матушка, — неси всѣ». Пошла купчиха къ о. Іоанну съ приносомъ и съ вопросомъ. О. Іоаннъ, взглянувъ на крендели, сказалъ: «очень много, много, любезная, отложила бы. — «Виновата, батюшка, виновата», будучи обличаема совѣстію, сказала ему. — «За чѣмъ пришла?» — «Попросить у васъ, батюшка, совѣта и благословенія просватать свою внучку за такого-то...» — «Не благословляю,» сказалъ ей о. Іоаннъ. — «Да, какъ же? Онъ, говорятъ, человѣкъ хорошій и торговецъ отличный». «Хорошъ, да только года на два, или на три, а послѣ негодится и навозъ со двора счищать». Купчиха послушалась о. Іоанна, внучку свою не отдала за хваленаго ею жениха, а просватала за другаго. Тотъ же въ послѣдствіи точно сдѣлался негоднымъ, — заразился пьянственною страстію.

8) Купчиха Анна Зотова пришла также къ о. Іоанну попросить совѣта — отдавать ли ей дочь свою за Александра Семеновича Хренникова, человѣка богатаго, изъ себя виднаго, образованнаго. Но о. Іоаннъ, не думая долго, вдругъ сказалъ: «не даю совѣта, не благословляю; подожди другаго». Прискорбенъ былъ для купчихи такой отвѣтъ. Жаль было жениха, но нечего дѣлать. Всѣ вѣрили: что о. Іоаннъ сказалъ, то и свято. Послѣдствія оправдали сказанное о. Іоанномъ. Пользовавшійся громкою славой женихъ Хренниковъ получилъ склонность къ винопитію, ослабъ, разорился и умеръ; а другой женихъ,

который скоро затѣмъ присватался за дочь Зотовой и съ которымъ она въ бракъ вступила, былъ хорошъ и долго пожилъ на свѣтѣ.

9) Сказывалъ И. И. Хренниковъ, что извѣстный ему человекъ ѣхалъ по берегу рѣки Сосны и, увидѣвъ, что о. Іоаннъ идетъ къ нему на встрѣчу, поворотилъ отъ него въ сторону. О. Іоаннъ туда же. Тотъ въ другую сторону; о. Іоаннъ, наконецъ, говоритъ ему: «сойди съ повозки». Тотъ послушался, принявъ отъ него благословеніе и хотѣлъ опять садиться на повозку. А о. Іоаннъ, останавливая его, сказалъ ему: «годъ тому назадъ, я, какъ и теперь, шелъ по этому берегу и, какъ это дѣло было вечеромъ, то въ потьмахъ я и обрушился въ воду и совсѣмъ было утонулъ; но призвалъ на помощь святителя Николая угодника Божія съ обѣщаніемъ отслужить ему молебенъ и вдругъ невидимою рукой вытащенъ былъ на берегъ. Обѣщанія же своего я еще и по сіе время не выполнилъ». — «Ахъ, батюшка», воскликнулъ собесѣдникъ: это вѣдь я, со мною тоже случилось, и почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ я теперь стою. Я обѣщался, утопая, отслужить молебенъ угоднику Божію, но и по сіе время не выполнилъ своего обѣщанія. Прости меня, батюшка, за сей грѣхъ. Постараюсь выполнить обѣщаніе». — «Богъ тебя проститъ, только смотри не медли исполненіемъ обѣта, скорѣй выполняй».

10) Былъ въ городѣ Ельцѣ необыкновенный богачъ Кириллъ Петровичъ Жалудковъ, о кото-

ромъ я уже упоминалъ. Онъ жилъ очень весело и роскошно. О. Іоаннъ неоднократно обличалъ его за это, и говорилъ ему: «Кириллъ! будь внимателенъ къ самому себѣ, сократи свои беззаконные расходы,—богатство вѣдь тебѣ дано не для роскоши, а для добрыхъ дѣлъ». Но Кириллъ Петровичъ не слушалъ добраго совѣта. О. Іоаннъ сказалъ ему наконецъ: «знай, Кириллъ, и помни мои слова, что мнимое твое счастье продлится только по жизнь доброй и блаженной супруги твоей. Прасковья умретъ и все твое богатство минется и, на удивленіе прочимъ, какъ вода протечетъ».

Такъ и сбылось. По смерти Прасковьи Ивановны въ продолженіе немногихъ лѣтъ милліоны Жалудкова исчезли; дѣти его такъ обѣдняли, что старшему сыну его Петру Кирилловичу не въ чемъ было похорониться: чужіе купили гробъ ему.

11) Одна дѣвица, достигнувъ совершеннолѣтія, дала обѣщаніе Богу не выходить замужъ—и не выходила. Но когда ей минуло тридцать лѣтъ, она задумала вступить въ замужство и пришла къ о. Іоанну для благословенія. Она не утаила предъ нимъ о своемъ обѣтѣ. Но о. Іоаннъ не благословлялъ ея намѣренія и говорилъ ей, что «нарушитель обѣта, даннаго Богу, по словамъ Василия Великаго, дѣлается *лжецомъ, святотатцемъ и похитителемъ святыни у Самого Бога* (*).

(в) Васил. Велик. слово о подвигахъ иноческихъ. Простр. правил. вопр. 14.

Ибо обѣтъ дается существу Величайшему, предъ Кoимъ трепещутъ небо и земля,—Святѣйшему, Который ненавидитъ лжи и обмана,— Правому, Который милуетъ вѣрныхъ Ему, и строго наказываетъ нарушителей обѣта».

Дѣвица осталась непреклонною въ своемъ намѣреніи и приходила къ о. Іоанну въ другой разъ за благословеніемъ. Онъ и въ этотъ разъ не далъ ей благословенія, сдѣлавъ ей новыя увѣщанія, и видя безуспѣшность ихъ, наконецъ сказалъ ей: «не хочу принимать на свою душу твоего грѣха—нарушенія обѣта, отдаю все на твою волю: что хочешь, то и дѣлай. Только помни, что Богъ накажетъ тебя за нарушение обѣта и накажетъ скоро». Слова о. Іоанна сбылись. По выходѣ замужъ, въ тотъ же годъ молнія опалила руки и ноги новобрачной, отчего она, немного поживши, скончалась.

Съ даромъ великой прозорливости соединялись въ о. Іоаннѣ иногда нѣкоторыя странности, за которыя люди, его не понимающіе, считали его даже малоумнымъ. «Для чего же?» кто-либо спроситъ меня.—для чего онъ позволялъ себѣ быть страннымъ?—Для того, можетъ-быть, чтобы избѣжать похвалы людской, — она тяжела была для его смиренія. И изъ святыхъ многіе поступали также и юродствовали, не давая овладѣть собою духу гордости и тщеславія. Какъ ни странны казались поступки о. Іоанна, изъ послѣдствій всегда открывалось, что они полезны были и для ближнихъ Вотъ примѣры.

1) У купца Якова Алексѣевича Талдыкина от-

чаянно была больна жена. Родные, окруживъ одръ ея, ждали послѣдняго ея издыханія. Но вдругъ является въ домъ Талдыкина о. Іоаннъ, садится на полъ, разувается и скидаетъ съ себя чулки. Хозяинъ, находя такой поступокъ неприличнымъ, говоритъ ему: «батюшка — батюшка! Богъ знаетъ, что ты это дѣлаешь!»! А онъ ему отвѣчаетъ: «Богъ знаетъ и знаю самъ я, что дѣлаю, но вотъ узнаешь и ты». Потомъ приказываетъ снять съ больной чулки, надѣваетъ ихъ на себя, а свои велитъ надѣть на ея ноги. Когда приказаніе его было исполнено, тогда онъ сказалъ имъ: «будьте покойны, съ сей минуты она будетъ выздоравливать, и завтра вечеромъ я буду у васъ съ нею чай пить». Такъ и случилось. Больная начала поправляться и сидѣла уже безъ помощи другихъ на своей постелѣ. А на другой день онъ пришелъ къ нимъ и съ нею кушалъ чай. Больная же чулки его носила до тѣхъ поръ, пока не оправилась совершенно, а онъ тѣмъ временемъ носилъ ея чулки. По выздоровленіи своемъ она отослала о. Іоанну его чулки, а свои у него взяла. Когда же опять впадала въ болѣзнь, тогда опять посылала къ нему за чулками. И такъ перемѣна чулокъ производилась нѣсколько разъ въ теченіе ея жизни. Незадолго до смерти она тоже послала за его чулками, — прпрнесли ей, надѣла ихъ. Но о. Іоаннъ, пришедши къ ней на другой день, взялъ у ней свои чулки, не смотря на ея прошеніе, чтобъ онъ дозволилъ ей поносить ихъ до выздоровленія. На третій день послѣ этого она скончалась.

Конечно о. Іоаннъ видѣлъ, что Богу не угодно продлить ея жизнь, если противъ воли ея снялъ съ нея свои цѣлительные чулки. Но слава Богу и благодарность о. Іоанну за то, что онъ цѣлительными своими чулками, при усердной своей молитвѣ, болящей продлилъ жизнь ея для покаянія.

2) Отецъ Іоанць легъ однажды на сыромъ мѣстѣ, на площади, находящейся почти на краю города. Мимо-ходящіе осудили его и сказали: «неприлично валяться священнику на сырой землѣ». А онъ имъ отвѣчалъ: «земля, правда, сырая и грязная, но я это мѣсто особенно люблю и даже лобызаю оное: здѣсь скоро воздвигнется великолѣпный храмъ и будетъ совершаться святѣйшее таинство». Сіи слова уважаемаго всѣми о. Іоанна вдругъ разнеслись между жителями того мѣста. Они и не думали прежде о постройкѣ церкви, а теперь стали думать о ней, и единодушно всѣ пожелали выстроить близъ себя храмъ; такимъ образомъ, съ отчисленіемъ дворовъ отъ другихъ приходовъ съ разрѣшенія начальства, составился новый особый приходъ, а для него, по собраніи достаточной денежной суммы, скоро, въ теченіе немногихъ лѣтъ, воздвигнуть на указанномъ о. Іоанномъ мѣстѣ великолѣпный храмъ. Отецъ же Іоаннъ при закладкѣ храма принесъ прихожанамъ его образъ Срѣтенія Господня, который они, съ почтительною памятью объ о. Іоаннѣ, съ особеннымъ усердіемъ доселѣ чествуютъ. Вотъ и объясненіе странности Іоанновой! Не сдѣлай онъ того поступка, не валяй-

ся на землѣ,—кто знаетъ, быть можетъ и по сіе время не было бы храма на томъ мѣстѣ. Слѣдовательно предосудительные и непонятные для многихъ его поступки имѣли благую цѣль, и чрезъ нихъ онъ достигалъ ея скорѣе и удобнѣе.

3) По разсказу Пр. Вас. Пр—ва, приходилъ къ о. Іоанну одинъ изъ гражданъ елецкихъ съ намѣреніемъ вступить въ духовную бесѣду съ нимъ и, посидѣвъ у него, собрался домой. О. Іоаннъ, отпуская его, сказалъ ему: «теперь ты пойдешь мимо св. алтаря Преображенской церкви, такъ поусерднѣй помолись Господу Богу и скорѣй хватайся за ведро.» Тотъ подивился этимъ словамъ и по выходѣ отъ отца Іоанна про себя поглумился надъ нимъ, думая, не помѣшался ли онъ въ умѣ. Посему, оставляя безъ вниманія его наставленіе, прошелъ мимо св. алтаря безъ всякой молитвы и безъ поклона, а только ознаменовалъ себя крестнымъ знаменіемъ; но лишь подошелъ къ своему дому, вдругъ закричали: «пожаръ! пожаръ! Баня загорѣлась». Онъ бросился туда чрезъ сѣни, схватилъ тамъ ведро и потушилъ пожаръ,—только при этомъ повредилъ себѣ ногу. Но эта бѣда постигла его, я думаю, за посмѣяніе словамъ о. Іоанна. И надъ пророкомъ Елисеемъ посмѣялись однажды сорокъ отроковъ, говоря ему: *«гряди плешиве — гряди плешиве*, за что также были наказаны: ихъ разтерзала медвѣдица.

Да, не надобно бы смѣяться надъ такими Божиимъ людьми. Но жаль, что этотъ грѣхъ за многими изъ насъ водится. Мы глумимся, когда

блаженные что-либо странно говорятъ, или когда криво ходятъ и шатаются. Но вѣдь они криво ходятъ, да свято живутъ; а мы ходимъ прямо, на вытяжку, и говоримъ ловко, да часто худо ведемъ себя.

Отецъ Іоаннъ скончался 1824 года 20 декабря. Предъ кончиною на одрѣ болѣзни нѣсколько разъ удостоился принятія святыхъ таинъ, и скончался съ миромъ. Погребенъ онъ 24 декабря въ Троицкомъ монастырѣ.

Гробъ его несли до самаго монастыря на раменахъ своихъ духовные братія его, священники, и я удостоился сеіи чести. Провожалъ его до могилы весь городъ, и тысячи окрестныхъ жителей. Вопль бѣдныхъ и нищихъ почти заглушалъ пѣніе духовныхъ. «Не увидимъ мы, несчастные, такого благодѣтеля и сиротъ кормителя» — вопіяли одни; «не увидимъ такого учителя» — вопіяли другіе; «не найдемъ такого врача и наставника» — вопіяли третьи, — и особенно тѣ, которыхъ онъ изъ заблужденія привелъ на путь покаянія.

Какой прекрасный отзывъ! Хорошо бы и намъ заслужить такую же подорожную въ дальній путь, въ глубокую вѣчность. Но нѣтъ, немного на свѣтѣ людей, заслуживающихъ столь высокой чести. Упокой его Господи въ селеніяхъ праведныхъ, и его молитвами сподоби насъ, влающихся по волнамъ житейскаго моря, безбѣдно достигнуть небеснаго пристанища!

Протоіерей Лука Ефремовъ.

О СНОВИДѢНІЯХЪ

Сновидѣніями называется дѣятельность души во время тѣлеснаго сна, иначе — бодрствованіе сердца, когда усыплены внѣшнія чувства. Въ семъ отношеніи каждый изъ насъ, по пробужденіи отъ сна, можетъ сказать тоже, что говоритъ таинственная невѣста въ книгѣ Пѣснь пѣсней (5, 2): «я спала, но сердце мое бодрствовало.»

Сновидѣнія относятся къ внутренней нашей жизни. До сныщаго человѣка рѣдко достигаютъ впечатлѣнія отъ внѣшняго, дѣйствительнаго міра; когдаже достигаютъ, то большею частію прерываютъ сонъ и сновидѣнія. Но чрезъ то самое, что человѣкъ во снѣ отрѣшенъ отъ впечатлѣній міра внѣшняго, душа его становится доступна вліянію міра невидимаго. Посему нельзя непризнать происхожденія нѣкоторыхъ сновидѣній отъ Бога. О такихъ сновидѣніяхъ нерѣдко упоминается въ Св. Писаніи. Оно смотритъ на нихъ какъ на низшій родъ откровенія свыше (Числ. 12, 6 и д. 1. Цар. 28, 6. 15), доступный вообще всѣмъ людямъ, не однимъ избраннымъ. Даже язычники, какъ наприм. фараонъ и его царедворцы—ви-

ночерпiй и хлѣбодаръ, Навуходносоръ, жена Пилатова, получали во снѣ откровенiя отъ Бога. Одни изъ этихъ сновидѣнiй посылаются для вразумленiя людей, для возбужденiя въ нихъ чувства покаянiя и направлены собственно къ совѣсти, иногда для предостереженiя ихъ отъ опасности и отъ неблагоразумнаго поступка. По свидѣтельству Юва, «Богъ въ nocturno видѣнiи, когда сонъ находитъ на человѣка, во время дремоты на ложѣ открываетъ ухо человѣковъ (*закрытое во время бодрствованiя*) и впечатлѣваетъ имъ наставленiя, чтобы отвести человѣка отъ какого-либо дѣла и закрыть отъ мужа гордость; предохраняетъ душу его отъ рва, и жизнь его отъ пораженiя стрѣлою» (Юва 33, 15 — 18). Въ Св. Писанiи упоминается не мало примѣровъ такого рода сновидѣнiй, — именно сновидѣнiй вразумляющихъ, тревожащихъ совѣсть, заставляющихъ человѣка подумать о нравственномъ своемъ состоянiи, и предостерегающихъ. Такъ Авимелехъ, царь герарскiй получилъ отъ Бога во снѣ обличенiе и угрозу за взятiе къ себѣ Сарры, жены Авраамовой (Быт. 20, 3). Лавану Богъ сказалъ во снѣ, чтобы онъ, когда настигнетъ зятя своего Иакова, отъ него бѣжавшаго, не говорилъ ему ничего дурнаго (Быт. 31, 24). Иосифъ, обручникъ пресвятой Дѣвы, во снѣ отъ ангела получаетъ успокоительное извѣщенiе о ея непорочности и повелѣнiе не разлучаться съ нею (Мѣ. 1, 20). Волхвамъ, пришедшимъ въ Влелемъ на поклоненiе родившемуся Христу, внуше-

но было во снѣ, чтобы не возвращались къ Ироду (Мѳ. 2, 12). Жена Пилатова видѣла страшный сонъ въ ночь преданія Иисуса Христа, и просила мужа недѣлать ему зла, ибо она много пострадала во снѣ за сего праведника (Мѳ. 27, 19). — Другія сновидѣнія имѣють характеръ пророчественный, возвѣщаютъ грозную, или радостную будущность лицамъ, обществамъ, государствамъ. Такъ Иаковъ въ ночномъ видѣніи лѣствицы, достигавшей отъ земли до небесъ, получаетъ отъ Бога удостовѣреніе въ неизмѣнномъ благоволеніи къ нему (Быт. 28, 12). Сыну его Юсифу открыто было во снѣ будущее возвышеніе его и покорность ему старшихъ братьевъ (Быт. 37, 5 и д.) Царедворцамъ фараоновымъ, находившимся въ темницѣ вмѣстѣ съ Юсифомъ, открыта была во снѣ ожидающая ихъ участь, — одному освобожденіе, другому смертная казнь (Быт. 40, 5 и д.). Фараону дано было знать во снѣ о наступающихъ семи плодоносныхъ, и за ними семи неурожайныхъ годахъ (Быт. 31, 1 и д.). Навуходносоръ видѣлъ сны о судьбѣ царства Вавилонскаго, Персидскаго, Греческаго и Римскаго.

Одни изъ сновидѣній, посылаемыхъ свыше, открываютъ волю Божию загадочно, подъ чувственными образами, напримѣръ фараону возвѣщено было объ урожайныхъ и неурожайныхъ годахъ подъ образомъ тучныхъ и тощихъ коровъ, толстыхъ и тощихъ колосьевъ. Другія сновидѣнія состоятъ изъ прямыхъ внушеній отъ

Бога или ангеловъ, изъ ясныхъ, не требующихъ истолкованія. словесныхъ указаній, таково, на-примѣръ, внушеніе обручнику Пресвятая дѣвы: *Иосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождшееся бо въ ней отъ Духа есть Свята.* Въ иныхъ сновидѣніяхъ воля Божія возвѣщаема была въ томъ и другомъ видѣ вмѣстѣ, т. е. отчасти подъ образнымъ, загадочнымъ покровомъ. отчасти въ прямыхъ выраженіяхъ. Примѣръ можно указать въ Іаковлевомъ видѣніи лѣствицы: узрѣвъ таинственную лѣствицу, знаменовавшую близость міра духовнаго къ избранникамъ Божиимъ, Іаковъ въ тоже время услышалъ отъ Бога, стоявшаго на верху лѣствицы, словесное подтвержденіе обѣтованій, данныхъ Аврааму, и удостовѣреніе въ покровительствѣ ему во время путешествія.

Какъ можно узнать, какія сновидѣнія посылаются отъ Бога? По какимъ признакамъ можно отличать ихъ обыкновенныхъ сонныхъ мечтаній?—Сверхъестественные сны даютъ знать о себѣ по особенному сильному впечатлѣнію на душу. такъ что слѣды его неизгладимо остаются въ ней по пробужденіи. Иногда они производятъ радость, нѣкоторое сердечное горѣніе, подобное тому, какое испытали отъ бесѣды съ Спасителемъ ученики его, шедшіе съ нимъ въ Еммаусъ. Но въ Свящ. Писаніи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь о видѣніяхъ во снѣ, или совсѣмъ неупоминается о томъ впечатлѣніи, какое они произвели на душу, или упоминается о силь-

номъ смущеніи получавшихъ такія видѣнія. Такъ, сильное смущеніе и безпокойство овладѣло виночерпіемъ и хлѣбодаромъ послѣ видѣнныхъ ими, а потомъ истолкованныхъ Іосифомъ, сновъ (Быт. 40, 7. 8). Въ Навуходоносорѣ смущеніе отъ видѣннаго имъ сна о судьбѣ его царства и имѣющихъ послѣдовать за нимъ другихъ царствъ было такъ сильно, что онъ совсѣмъ потерялся и забылъ содержаніе этаго сна (Дан. 2, 1).—Многіе сны намекаютъ на свое сверхъестественное происхожденіе своимъ повтореніемъ въ одну и ту же ночь, или въ нѣсколько послѣдующихъ ночей. Такъ сонъ фараоновъ о годахъ урожайныхъ и голодныхъ повторялся до двухъ разъ въ одну ночь (Быт. 41, 1. 5) Бываетъ много и другихъ признаковъ отличія сновъ сверхъестественныхъ и обыкновенныхъ; не распространяясь о нихъ, замѣтимъ только, что на основаніи ихъ не надо спѣшить рѣшительнымъ заключеніемъ о происхожденіи того или другаго сна отъ Бога. И діаволь, преобразуясь въ ангела свѣтла, можетъ иногда обольщать неопытныхъ видѣніями, похожими на божественныя. Грѣха не будетъ, если кто, опасаясь прелести и смиренно сознавая себя недостойнымъ видѣній отъ Бога, не приметъ ихъ до времени за истинныя; но бѣды много, если онъ повѣритъ ложному видѣнію и возмечтаетъ о своемъ достоинствѣ. Богъ посылающій сновидѣнія, даетъ и средства къ тому, чтобы узнать ихъ происхожденіе. Посему съ терпѣніемъ должно ожидать особенныхъ вразумле-

ній отъ Бога, чтобы наконецъ удостовѣриться въ истинѣ посылаемыхъ отъ него видѣній во снѣ. Должно также въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ совѣту опытныхъ въ духовной жизни людей. У нихъ должно спрашивать не только о происхожденіи сновъ, но и о значеніи ихъ. Ибо значеніе сновъ не всегда бываетъ открыто тому, кто видѣлъ ихъ. Смыслъ ихъ иногда бываетъ облеченъ, въ образную, загадочную оболочку. Но Господь, посылающій однимъ загадочные сны, сообщаетъ другимъ даръ толковать ихъ. Такимъ даромъ обладали Юсифъ и Даніилъ; первый объяснилъ фараону и его царедворцамъ видѣнные ими сны, послѣдній — Навуходоносору, и оба снотолкователи выражали увѣренность, что истолкованіе сновъ отъ Бога (Быт. 41, 8. Дан. 2, 28).

Сны отъ Бога, о которыхъ мы доселѣ говорили, весьма рѣдкое явленіе, хотя справедливо, что и въ наше время они посылаются нѣкоторымъ и оправдываются событіями. Что же сказать о большей части нашихъ сновъ?—Одни изъ нихъ, какъ мы уже замѣтили, бываютъ отъ діавола. Дѣйствовать на насъ во снѣ діаволу удобнѣе чѣмъ наяву, потому что во снѣ душа теряетъ самостоятельность. Наяву мы можемъ еще бороться съ нимъ молитвою, духовнымъ размышленіемъ, трезвѣніемъ, чтеніемъ Слова Божія; но во снѣ, безъ особенной Божіей благодати, противъ козней діавольскихъ бываютъ иногда беззащитны и святые, достигшіе высшей степени духовнаго очищенія: и они дѣлаются иногда жер-

твою навѣтовъ діавола, который всѣваетъ въ ихъ чистыя сердца необычныя для нихъ помыслы нецѣломудрія, вражды, и т. п. Иногда же, какъ мы уже замѣтили, онъ преобразуется въ ангела свѣтла и обольщаетъ неопытныхъ райскими видѣніями, сулитъ имъ всякое добро для того, чтобы возбудить въ нихъ духъ гордости, самомнѣнія и самодовольства, и чрезъ то вѣрнѣе погубить ихъ. Посему святая церковь научаетъ насъ, когда готовимся ко сну, просить Господа Иисуса, да даруетъ намъ сонъ «свободный отъ всякаго сатанинскаго мечтанія, угаситъ разжженные стрѣлы лукаваго, яже на ны льстивно движимыя» (молитва на повечеріи).

Но большая часть сновидѣній — не что иное, какъ порожденія нашей души, плодъ ея внутренней дѣятельности. Иногда въ нихъ проявляется дѣятельность разсудка, и рѣшаются разныя многосложныя задачи успѣшнѣе, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Иногда въ сновидѣніяхъ предчувствуются будущія радостныя, или скорбныя событія и эти предчувствія, какъ свидѣтельствуешь опытъ, сбываются. Одни изъ такихъ предчувствій во снѣ, подобно какъ и въ бодрственномъ состояніи, возникаютъ подъ вліяніемъ предварительныхъ догадокъ о возможности того или другаго случая, другія—независимо отъ нихъ и въ этомъ отношеніи сходствуютъ съ чутьемъ животныхъ. Но большею частію наши сновидѣнія—игра воображенія. Когда власть души надъ собою теряется, тогда образы воображенія вырываются

какъ бы изъ заклеповъ какихъ и наполняютъ собою всю душевную область. Трудно уловить законы, по которымъ возникаютъ они во снѣ. Большею, впрочемъ, частію они имѣютъ связь съ бодрственнымъ состояніемъ; отсюда говорятъ: что на яву дѣется, то во снѣ грезится. И дѣйствительно сонныя грезы, какъ ни безсвязны, бываютъ сообразны съ возрастомъ, темпераментомъ, поломъ, степенью образованія, занятіями, состояніемъ здоровья, наклонностями и нуждами человѣка. Но иногда онѣ не только несообразны всѣмъ этимъ условіямъ дѣйствительности, а противоположны. Напримѣръ, нищій видитъ себя во снѣ богатымъ, старикъ — юношею. больной—здоровымъ, и т. п. и наоборотъ. Здѣсь нельзя не примѣтить дѣйствія закона такъ называемаго *соприкосновенія* (ассоціаціи) представленій, вслѣдствіе котораго одно представленіе вызываетъ другое, сродное съ нимъ по времени, мѣсту, предмету или совершенно противоположное. Законъ этотъ имѣетъ надъ нами великую силу въ бодрственномъ состояніи, но во снѣ подъ вліяніемъ его смѣна представленій совершается гораздо быстрѣе, и потому теченіе ихъ, неуправляемое умомъ и силою воли, бываетъ безпорядочно, часто чудовищно, удалено отъ всякой возможной дѣйствительности. Образы изъ разныхъ временъ имѣютъ, изъ настоящаго и прошедшаго въ сновидѣніяхъ обыкновенно смѣшиваются и являются въ такихъ сочетаніяхъ, которыя въ бодрственномъ состояніи свойственны только потерявшему рассу-

докъ. А между тѣмъ остановить эту безсвязную и беспорядочную игру воображенія мы въ продолженіе сна не можемъ, потому что самосознаніе, или память своего дѣйствительнаго положенія, на это время затмѣвается, человѣкъ перестаетъ быть господиномъ надъ собою и отдается во власть безотчетныхъ ощущеній и въ призрачности ихъ убѣждается только по пробужденіи, когда самознаніе вступаетъ въ свои права.

Если большая часть нашихъ сновидѣній не что иное, какъ беспорядочная игра воображенія, то вѣрить такимъ сновидѣніямъ, какъ бы откровеніямъ какимъ и этою вѣрою руководствоваться въ жизни, значить обманывать себя. И однакожь не мало людей, особенно изъ женщинъ, которые въ сонныхъ призракахъ видятъ великую мудрость и либо сами толкуютъ ихъ въ добрую или дурную сторону, либо для истолкованія ихъ обращаются къ другимъ, болѣе опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка. Въ древнемъ Египтѣ и Вавилонѣ, какъ всякое гаданіе, такъ и искусство толкованія сновъ было прибыльнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ членовъ жреческаго сословія (Быт. 41, 8. Дан. 2, 2, 4, 4). Между Іудеями вѣра въ сны распространена была преимущественно въ позднѣйшее время и истолкованіемъ ихъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія (Antiq. 17, 12. 3), преимущественно занимались Ессеи. Изъ множества такихъ толкованій можетъ быть иное случайнымъ образомъ оправдаться на дѣлѣ, и этого

для многихъ бываетъ достаточно, чтобы признавать знаменательнымъ всякій сонъ. Послушаемъ, какъ обличаетъ легковѣрныхъ и суевѣрныхъ сновидцевъ и снотолкователей Иисусъ, сынъ Сираховъ (34). — «Пустыми и обманчивыми надеждами питается неразумный человѣкъ, и сновидѣнія воскриляютъ глупыхъ» (ст. 1). Т. е. только глупымъ свойственно увлекаться снами и воображать себѣ въ будущемъ золотыя горы и всякаго рода благополучіе, единственно на томъ основаніи, что все это приснилось. — Сирахъ продолжаетъ: «Имѣющій вѣру въ сновидѣнія подобенъ тому, кто обнимаетъ тѣнь и ловитъ вѣтеръ. Сновидѣнія имѣютъ не больше дѣйствительности, какъ образъ лица въ зеркалѣ» (ст. 3). Значитъ, какъ странно было бы, видя отраженіе лица своего въ зеркалѣ, вступать съ этимъ отраженнымъ образомъ въ разговоръ, какъбы съ дѣйствительною личностью: такъ странно разумному человѣку почитать сновидѣнія чѣмъ-то дѣйствительнымъ и существеннымъ, и доискиваться въ нихъ глубокаго смысла. — «Если они (сны) посланы не отъ Всевышняго, продолжаетъ Сирахъ, то не вдавай имъ сердца своего, ибо сновидѣнія многихъ привели въ заблужденіе и обманули надѣявшихся на нихъ» (ст. 6. 7). Примѣры грубыхъ обмановъ, жертвою которыхъ становятся легковѣрные сновидцы, бывали и бываютъ. Такъ одинъ повѣрилъ сну, обѣщавшему ему долголѣтіе, и непомышляя о смерти, сталъ копить себѣ день-

ги, но не успѣлъ сдѣлать изъ нихъ никакого употребленія, потому что скоро померъ. Въ заключеніе Сирахъ говоритъ по поводу сновъ: «Законъ исполнится безъ обмана, и мудрость въ вѣрныхъ устахъ получить совершеніе» (ст. 8). Т. е. если ты хочешь узнать, какъ предохранить себя отъ несчастія и какъ упрочить благополучіе, то спрашивай совѣта не у снотолкователей, а у Закона Божія. Тамъ ты найдешь, что исполнителямъ закона обѣщана счастливая, а нарушителямъ угрожаетъ несчастная будущность. Сіи слова закона, сіи обѣщанія и угрозы его исполнятся непременно, безъ обмана; ибо изречены вѣрными устами божественной мудрости. Подобное сему о пути къ истинному счастью изрекли неложныя уста Спасителя: «если хочешь войти въ жизнь (т. е. сдѣлаться блаженнымъ), соблюди заповѣди (Мѡ. 19, 17.)»

Такъ, при безпорядочности большей части нашихъ сновидѣній, видѣть въ нихъ нѣкоторое указаніе на будущее и доискиваться въ нихъ такого указанія несправедливо. Но въ сновидѣніяхъ, лишенныхъ пророческаго значенія, нельзя отвергать нравственнаго. Въ дѣлѣ духовнаго самоиспытанія они служатъ немалымъ для насъ пособіемъ. Сновидѣнія бываютъ таковы, каково наше сердце. И потому по нимъ, большею частью вѣрно, можно судить о нравственномъ нашемъ состояніи. У человѣка безпечнаго, преданнаго страстямъ они всегда нечисты, страстны. У человѣка, обратившагося на путь истины и ревнующаго объ очищеніи сердца, они бываютъ то

хороши, то худы, смотря по тому, что возметъ перевѣсъ, а иногда—какимъ заснетъ. По мѣрѣ очищенія сердца, очищаются и сновидѣнія, такъ что у святыхъ и совершенныхъ они бываютъ продолженіемъ ихъ бодрственной дѣятельности. Но хороши ли, худы ли сновидѣнія, спрашивается: вѣрны ли они намъ? Т. е. можно ли одобрять насъ за одни и взыскивать за другія?—По видимому, нѣтъ. Мы должны отвѣчать за дѣйствія свободныя, отъ нашей воли и самодѣятельности зависящія, а въ сновидѣніяхъ мы только страдательныя существа. Это справедливо, но не должно забывать, что нѣкоторыя сновидѣнія бываютъ плодомъ самодѣятельности. Иногда человѣкъ, отходя ко сну, желаетъ, чтобы извѣстный предметъ ему приснился, и засыпаетъ съ мыслию о немъ. Теперь, если дѣйствительно человѣку снится то, чего онъ хотѣлъ, можно ли сказать, что онъ не подлежитъ отвѣтственности за этотъ сонъ? Условіе вѣрности—участіе свободной воли—здѣсь на-лицо. — Но намъ вѣрныя не только свободныя наши дѣйствія, но и самыя послѣдствія ихъ, непредусмотрѣнныя нами. Такъ на примѣръ, съ вашего языка сорвалось гнилое слово: вопреки вашему намѣренію, оно заронилось въ душѣ одного изъ слушавшихъ и сдѣлалось въ немъ сѣменемъ грѣха, съ которымъ доселѣ онъ не былъ знакомъ. Отвѣчаете ли вы за этотъ грѣхъ? Безъ сомнѣнія. Грѣхъ брата, хотя у васъ не было намѣренія соблазнить его, былъ однако послѣдствіемъ вашего грѣха, слѣдственно вы подлежите отвѣтственности не только за свой,

но и за чужой грѣхъ.—Еще примѣръ: пьяный человекъ отвѣчаетъ ли за безобразные поступки, за оскорбленія ближнимъ, какія онъ надѣлалъ въ пьяномъ видѣ? Можетъ ли онъ проспавшись сказать въ свое оправданіе, что не воленъ былъ въ своихъ поступкахъ, что онъ не помнитъ ихъ?—Правда, онъ не имѣлъ намѣренія поступать вопреки правиламъ приличія, справедливости и честности, и въ нарушеніи ихъ, протрезвившись, раскаивается: тѣмъ не менѣе онъ виновенъ не только въ опьяненіи, но и въ послѣдствіяхъ его, ибо еслибы онъ не впалъ въ грѣхъ пьянства, не произошло бы этихъ послѣдствій. Точно также должно судить о сновидѣніяхъ. Человекъ, напримѣръ, не отвѣчаетъ за сновидѣнія нецѣломудренныя, если онъ вообще ведетъ наяву жизнь цѣломудренную и передъ засыпаніемъ душа его не соуслаждалась помысламъ противнымъ цѣломудрію, хотя и въ семъ случаѣ совѣсть его не можетъ быть покойна и онъ нуждается въ очищеніи ея молитвою.— Но кто наяву любитъ находить удовольствіе въ плотскихъ нечистыхъ помыслахъ и дѣлахъ, тому вмѣняется въ грѣхъ, когда эти помыслы и дѣла воспроизводятся во снѣ, хотя бы душа его, предъ отходомъ ко сну, занята была другимъ предметомъ. Онъ долженъ отвѣчать передъ Богомъ не только за грѣхи въ бодрственномъ состояніи, но и за послѣдствія ихъ во снѣ, ибо что наяву дѣется, то и во снѣ грезится. Слѣдственно, чтобы не отвѣчать за грѣхи во снѣ, должно удерживаться отъ нихъ наяву.

Свящ. В. Нецаевъ.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ

II. Паремія, читаемая за вечернею во вторникъ первой седмицы чотырдесятицы. Быт. 1, 14—23.

Въ сей пареміи содержится повѣствованіе о четвертомъ и пятомъ дняхъ творенія.

14. 16. И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ, и между нощію: и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта. И да будутъ въ просвѣщеніе на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли: и бысть тако.

Бытописатель повѣствуетъ о четвертомъ днѣ творенія. До сего дня въ нашей солнечной системѣ, равно какъ и въ другихъ, свѣтящая матерія, хотя и начала сгущаться и собираться къ одному центру, но еще не успѣла такъ плотно обложить собою темную массу тѣлъ небесныхъ, чтобы они могли явиться свѣтилами. Она представлялась свѣтящимъ туманомъ безъ определенныхъ очертаній и вслѣдствіе своей разрѣженности не имѣла той яркости, какую получили въ четвертый день. Въ этотъ день она, такъ сказать окончательно вошла въ берега, т. е. улеглась около солнца и другихъ центральныхъ тѣлъ, которыя называются неподвижными звѣздами.

Свѣтила, безъ сомнѣнія, устроены не для одной земли, едва примѣтной части въ составѣ мірозданія, но бытописа-

тель, имѣя въ виду преимущественно земной міръ, рассматриваетъ ихъ только въ ихъ отношеніи къ землѣ. Въ семь отношеніи чѣмъ даво отъ Бога то назначеніе, чтобы *освѣщать землю и разлучати между днемъ и ночью*. Одно изъ нихъ освѣщаетъ землю днемъ, другія умѣряютъ темноту ночи. Чтоже касается до разлученія между днемъ и ночью, то и до четвертаго дня творенія были на землѣ дни и ночи, но пока свѣтъ небылъ окончательно сосредоточенъ въ солнцѣ, его нельзя было назвать причиною смѣны дня и ночи: свѣтъ независимо отъ солнца озарялъ попеременно то одну, то другую сторону земли, обращавшейся вокругъ своей оси.—Яснѣе и подробнѣе о назначеніи свѣтилъ говорится далѣе: *и да будутъ въ знаменія, и во времена, и въ дни, и въ лѣта*. Свѣтила называются знаменіями не въ томъ смыслѣ, чтобы по нимъ (т. е. по положенію и теченію звѣздъ), можно было гадать о будущихъ событіяхъ, чѣмъ занимается астрологія,—а въ томъ что по цвѣту солнца и луны можно предугадывать иногда состояніе погоды. «Вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно, а поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово» (Мат. 16, 2), сказалъ Господь фарисеямъ. Кромѣ того для мореплавателей и для каравановъ въ пустынѣ неподвижныя звѣзды служатъ указателями направленія въ пути. Эта услуга свѣтилъ небесныхъ имѣла великое значеніе, преимущественно до времени изобрѣтенія компаса. — *И во времена*, т. е. для измѣренія времени года: весны, лѣта, осени, зимы, для счисленія мѣсяцевъ, и вслѣдствіе того, для опредѣленія времени праздниковъ, полевыхъ работъ и т. п.—*Во дни, и въ лѣта*, т. е. для измѣренія долготы дней и для счета годовъ. Долгота дней опредѣляется вступленіемъ солнца въ то или другое созвѣздіе, какъ-то: овна, тельца, близнецовъ и т. под. Годъ измѣряется обтеченіемъ земли вокругъ солнца, а у древнихъ Евреевъ измѣрялся числомъ новолуній.

16. И сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ начало дне, и свѣтило меншее въ начало нощи, и звѣзды.

И сотвори Богъ два свѣтила великая, т. е. солнце и луну. Подъ *сотвореніемъ свѣтилъ* здѣсь разумѣтся обращеніе солнца и луны, сотворенныхъ, какъ мы замѣтили, еще въ первый день, — въ свѣтлыя тѣла, изъ которыхъ одно стало свѣтитъ собственнымъ, другое заимствованнымъ отъ солнца свѣтомъ. И солнце и луна названы великими, потому что съ земли они кажутся по величинѣ большими прочихъ тѣлъ небесныхъ, и еще потому, что свѣтъ отъ нихъ обильнѣе, чѣмъ отъ прочихъ тѣлъ небесныхъ, изливается на землю. По сравненію силы свѣта отъ солнца и луны, первое названо свѣтиломъ *великимъ*, а луна свѣтиломъ *меньшимъ*. Солнце устроено *въ начало дне* (для управленія днемъ), т. е. назначено быть источникомъ дневнаго свѣта, ночью оно скрывается и господствующимъ свѣтиломъ, *въ начало нощи*, является луна. Въ тоже время сдѣлались свѣтлыми и прочія тѣла небесныя, которыя названы общимъ именемъ *звѣздъ*, т. е. неподвижныя звѣзды, планеты и подобныя лувѣ, спутнику земли, спутники прочихъ планетъ (планетъ въ солнечной системѣ насчитываютъ до 50).

17. 18. 19. И положи я Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и между тмою; и видѣ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ, и бысть утро день четвертый.

И положи я (т. е. солнце, луну и звѣзды) *на тверди небеснѣй, яко свѣтити...* *Положи*, это не значитъ будто солнце, луна и звѣзды до сихъ поръ не имѣли мѣста на небѣ и только теперь впервые явились на немъ. Нѣтъ, — рѣчь идетъ собственно о назначеніи сихъ тѣлъ небесныхъ, сотворенныхъ прежде, а теперь приспособленныхъ къ тому, чтобы служить землѣ и обитающимъ на ней. Если бытописатель съ особенною на-

стойчивостію указываетъ на это назначеніе, недовольствуясь тѣмъ что сказалъ о немъ выше, — въ семь нельзя не примѣтить его намѣренія обличить язычниковъ, вѣровавшихъ въ божественность небесныхъ свѣтилъ и поклонившихся имъ, и предостеречь отъ сего заблужденія потомковъ Авраама. Они должны помнить, что небесные міры, какъ ни величественны, имѣютъ служебное для тварей значеніе, и потому отнюдь не должны быть сами предметомъ суевѣрнаго служенія и поклоненія.

И видь Богъ, яко добро. Такъ, устройство свѣтилъ есть великое добро, если судить о нихъ по той пользѣ, какую они приносятъ землѣ и обитающимъ на ней, служа знаменіями и средствами для счисленія временъ, дней и годовъ. Но земля въ сравненіи съ совокупностію небесныхъ свѣтилъ слишкомъ ничтожное тѣло, чтобы совершенство ихъ опредѣлять отношеніемъ къ ней. Намъ неизвѣстно ихъ устройство, но о величіи Творца разительпо свидѣлствуютъ ихъ безчисленное множество, необъятная огромность, неизмѣримыя разстоянія между ними и правильное движеніе планетъ вокругъ солнца. По истинѣ *небеса повѣдаютъ славу Божію.*

Слѣдуетъ повѣствованіе о пятомъ днѣ творенія.

20. И рече Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающія по земли на тверди небеснѣй: и бысть тако.

Нельзя не удивиться премудрой постепенности въ произведеніи на свѣтъ тварей. Отъ существъ, служащихъ къ поддержанію бытія другихъ тварей, былъ переходъ къ тѣмъ, которымъ первыя служатъ естественною поддержкой. Каждый разрядъ существъ до тѣхъ поръ, по манію Творца, не являлся на свѣтъ, пока не было совершенно обезпечено его существованіе; такъ растенія вызваны къ бытію не прежде какъ приготовлены условія для ихъ жизни, каковы свѣтъ, воздухъ и влага. Равно и животныя явились не прежде, какъ земля покрылась травами и другими прозябеніями, необходимыми для существованія

птиць, настькомыхъ, звѣрей и отчасти рыбъ.—Происхожденіе животныхъ открывається съ пятымъ днемъ творенія.

Если Богъ повелѣваетъ водамъ извести гады съ душами живыми, это значитъ, что воды сами собою, безъ непосредственнаго дѣйствія Божескаго всемогущества, не могли дать жизнь обитающимъ въ нихъ существамъ. Посему и сказано въ слѣдующемъ стихѣ: *И сотвори Богъ всяку душу животныхъ гадовъ.*—Воды, долженствующія, по манію Творца, породить гадовъ,—это не одна водная стихія, но и земля, лежащая подъ водами, съ находящимися въ ней углубленіями и гнѣздами, приготовленными для обитателей воды. — Подъ гадами, порождаемыми изъ водъ, разумѣются собственно пресмыкающіяся земноводныя животныя (лягушка, черепаха, ящерица). Но бытописатель имѣетъ въ виду не однихъ этихъ животныхъ, но и всѣхъ обитателей подводнаго царства, т. е. рыбъ, которыя отнесены къ разряду пресмыкающихся по нѣкоторому сходству съ ними въ движеніяхъ,—ибо рыбы, подобно пресмыкающимся, не ходятъ, а какъ, бы ползаютъ въ водѣ, двигаясь на чревѣ своемъ.—И птицы летающія по земли на тверди небеснѣй. Точнѣе и яснѣе съ подлиннаго еврейскаго текста: «и птицы да полетятъ по землѣ». Идетъ рѣчь не объ однихъ птицахъ, но обо всѣхъ животныхъ летающихъ, слѣдовательно, и о летающихъ настькомыхъ. Тѣ и другія суть непосредственное произведеніе всемогущества Божія

21. И сотвори Богъ киты великія, и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды по родомъ ихъ, и всяку птицу пернату по роду: и видѣ Богъ, яко добра.

По манію Творца вдругъ явились на свѣтъ всѣ живущія въ водахъ твари, начиная отъ огромныхъ морскихъ чудовищъ, какъ киты, до малыхъ рыбъ, и всѣ земноводныя начиная съ крокодила до ящерицы. Въ то же время воздухъ населился птицами и летающими настькомыми, и огласился ихъ разнообразными пѣснями во славу Твор-

ца. И рыбы и птицы сотворены по родамъ ихъ, т. е. съ раздѣленіемъ на извѣстныя теперь породы, чѣмъ устривается мысль, будто существующія теперь роды рыбъ и птицъ явились вслѣдствіе постепеннаго, съ теченіемъ длинныхъ періодовъ времени, видоизмѣненія первоначальныхъ немногихъ разностей. — *И видѣ Богъ, яко добра.* Это значитъ, что существованіе рыбъ и птицъ вполне цѣлесообразно. Устройство ихъ тѣла мудро приспособлено къ потребностямъ ихъ. Инстинкты или бессознательную дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ, пчелы и муравья, Св. Писаніе представляетъ въ примѣръ и поученіе человѣку (Прит. 6, 7. Сир. 11, 3). Кромѣ того, рыбы и птицы одобрены Творцемъ и потому, что вполне удовлетворяютъ назначенію своему служить въ пользу другимъ тварямъ, особенно человѣку.

22. И благослови я Богъ, глаголя: раститесь (плодитесь) и множитесь, и наполните воды, яже въ моряхъ: и птицы да умножатся на земли.

И благослови я Богъ Благословеніе вообще означаетъ изъявленіе благожеланія. Изъявляемое людьми благожеланіе не всегда переходитъ въ дѣло, остается однимъ благожеланіемъ сердечнымъ или словеснымъ; но благословеніе Божіе всегда соединено съ дарованіемъ дѣйствительнаго блага тому, кому оно преподается. Какимъ же даромъ Творецъ благословилъ рыбъ и птицъ?—Способностію плодиться посредствомъ половыхъ совокушеній однородныхъ рыбъ и птицъ и чрезъ сіе размножаться въ недѣлимыхъ того и другаго рода. Благословеніе размноженія дано и растеніямъ, но оно заключено въ одномъ повелѣніи о бытіи ихъ. Животныя выше растеній по своему болѣе сложному устройству и по способности чувствовать и свободно двигаться. Соотвѣтственно сему и благословеніе, данное имъ, выражено особеннымъ образомъ, въ такой формѣ, которая предполагаетъ въ нихъ нѣкоторую способность свободно принять благословеніе

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. (*)

Г Л А В А X.

Сыновья св. Александра Невского: Димитрій и Андрей. — Блаж. Симеонъ, епископъ Тверской. — Кончина митрополита Кирилла. — Св. кн. Феодоръ Смоленскій и Ярославскій. — Св. кн. Данилъ Московскій. — Св. Довмонтъ, храбрый кн. Псковскій.

Спустя тридцать лѣтъ послѣ грозы Батыевой, Русская земля какъ будто отдохнула, обязанная внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и великаго сына его св. Александра. Нѣкоторые мѣстные грабежи Татаръ, маловажныя распри князей, даже самая утрата государственной независимости казались легкимъ зломъ, въ сравненіи съ ужасными всеобщими бѣдствіями мнувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда витязя Невскаго и бодрое охраненіе западныхъ предѣловъ отечества доказывали, что Русскіе люди еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая

(*) См. февральскую книжку.
часть I.

ханскими грамотами, доставляла купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ большихъ затрудненій.

Въ такомъ состояніи находилось великое княженіе, когда оно досталось по смерти дядей, Дмитрію Александровичу, сыну св. Александра Невскаго. Восемнадцатилѣтнее его правленіе (1276 — 1294), памятное для Русской земли одними несчастіями, протекло въ непрерывныхъ кровавыхъ междоусобіяхъ, возбуждаемыхъ безумнымъ властолюбіемъ младшаго брата его Андрея, который не могъ успокоиться, пока не сдѣлался великимъ княземъ. Непрестанно враждуя съ старшимъ братомъ и вовлекая въ свои распри всѣхъ прочихъ удѣльныхъ князей, Андрей въ то же время умѣлъ угождать ханамъ и получать отъ нихъ войско для разоренія городовъ Русскихъ. Такъ однажды Татары, приведенные Андреемъ, напомнили время Батыя: они опустошили окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, жгли и грабили селенія, монастыри, церкви, не щадя ни иконъ, ни сосудовъ, ни утвари церковной. Народъ разбѣжался и погибалъ въ лѣсахъ отъ жестокихъ морозовъ. Переяславль-Залѣскій, удѣльный городъ Дмитрія (бѣжавшаго въ Новгородъ), хотѣлъ обороняться и былъ жестоко наказанъ: не осталось жителя, по словамъ лѣтописи, который бы не оплакалъ смерти отца, сына, или брата. Это кровопролитіе случилось 19 декабря 1282 года. Въ праздникъ Рождества Христова, ограбленные храмы стояли пустыми; вмѣсто священ-

наго пѣвнїя раздавались въ городѣ стоны и рыданїя. Одинъ только Андрей, злобный и недостойный сынъ великаго отца, праздновалъ и ликовалъ съ Татарами. Въ другой разъ, онъ привелъ рать хана Ногая, который въ то время завелъ неуройство въ золотой ордѣ, основалъ свою собственную Ногайскую. Снова Татары опустошили и ограбили множество городовъ; даже духовенство, свободное отъ дани ханской, не спаслось отъ всеобщаго грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду и только дремучіе лѣса служили убѣжищемъ для несчастнаго народа. Дмитрій укрылся тогда во Псковѣ; онъ отказался отъ великаго княженїя, довольствуясь наслѣдственнымъ удѣломъ Переславскимъ. Изнуренный горемъ и болѣзнію, онъ умеръ на пути, близъ Волока-ламскаго, принявъ схиму предъ кончиною (*).

При несчастномъ правленїи его утвердилась независимость Тверскаго княженїя. Оно было прежде частью Суздальскаго и Владимірскаго, но сдѣлалось отдѣльнымъ при Ярославѣ Ярославичѣ (младшемъ братѣ Невскаго, наслѣдовавшемъ послѣ него великое княженїе). При немъ же учре-

(а) Великій князь Дмитрій Александровичъ скончался въ 1294 году и погребенъ въ любимомъ своемъ Переславлѣ-Залѣскомъ, въ соборной Спасской церкви, построенной въ 1152 году В. К. Юріемъ Долгорукимъ. Она сложена вся изъ бѣлаго камня и сохранила свой первобытнѣйшій видъ до настоящаго времени. Недавно открыты въ ней весьма древнїе фрески, можетъ быть, современныя построенїю храма.

ждена епископія въ Твери и первымъ архипастыремъ былъ блаж. епископъ Симеонъ. Каедрa его была прежде въ Полоцкѣ, но не устройство и распри Литовскихъ князей принудили его переселиться въ Тверь, принадлежавшую къ той же епархіи. Великій князь Ярославъ Ярославичъ принялъ его съ любовію и надѣлилъ новую епископію богатыми имѣніями и угодыми. Блаж. Симеонъ управлялъ паствою, какъ одинъ изъ лучшихъ пастырей Церкви. По свидѣтельству лѣтописи, онъ хорошо зналъ свящ. книги, благотворилъ нищимъ и сиротамъ, безъ боязни говорилъ правду князьямъ и вельможамъ (6). Онъ пережилъ благотворителя своего Ярослава, заложилъ при сынѣ и преемникѣ его князѣ Михаилѣ соборный храмъ въ Твери и мирно почилъ 3 февраля 1289-го года.

(6) Памятники древности передаютъ намъ разговоръ блаж. епископа Симеона съ Полоцкимъ княземъ Константиномъ, который, желая посмѣяться надъ своимъ тиуномъ (судьей), сказалъ за обѣдомъ святителю: «гдѣ будутъ наши тиуны на томъ свѣтѣ?» Симеонъ отвѣчалъ: «тиунъ будетъ тамъ же, гдѣ и князь». Князю это не понравилось, и онъ сказалъ: «тиунъ судить неправедно, беретъ взятки, мучить людей, а я что худое дѣлаю?» Владыка объяснилъ ему: «если князь добрый и богобоязненный, жалѣетъ людей, любитъ правду и поставитъ тиуна—человѣка добраго и богобоязненнаго, умнаго и правдолюбиваго, то князь будетъ въ раю и тиунъ его съ нимъ. Если же князь безъ страха Божія, не жалѣетъ христіанъ, не думаетъ о сиротахъ и вдовахъ, и поставляетъ начальника злаго, неразумительнаго, только бы доставалъ ему деньги, пускаетъ его, какъ голоднаго пса на падалъ, губить людей: то и князь будетъ въ аду и тиунъ его съ нимъ». (Русскіе святыя. Февраль стр. 7, 8.).

Не задолго предъ тѣмъ угасъ великій свѣтильникъ церкви Русской: блаженный первосвященникъ Кирилль преставился въ глубокой старости 9 декабря 1280 года въ Переяславль-залѣсскомъ, при объѣздѣ сѣверныхъ епархій. Тѣло его перевезено было во Владиміръ, а потомъ въ Кіевъ и заключило собою рядъ первосвященническихъ могилъ въ Софійскомъ соборномъ храмѣ. Въ продолженіе многолѣтняго святительства (1243 — 1280), онъ старался возстановить разрушенное опустошителями, водворять миръ между враждующими, оберегать ввѣренное ему стадо отъ вліянія Римскаго, исправлять безпорядки въ жизни духовенства и народа, утвердить управленіе церкви на правилахъ соборовъ и св. отцевъ. Преемникомъ его былъ Максимъ, родомъ Грекъ, присланный Патріархомъ изъ Царьграда.

Между тѣмъ княженіе Ярославское перешло изъ рода великаго князя Константина Всеволодовича въ родъ князей Смоленскихъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Феодоръ Ростиславичъ, по прозванію Черный, сынъ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, женился на дочери послѣдняго князя Ярославскаго, св. Василія Всеволодовича, Маріи, единственной наследницы княжества Ярославскаго. Онъ былъ воспитанъ въ страхъ Божіемъ, чуждался распрей и ссоръ, хотя отличался мужествомъ и знаніемъ ратнаго дѣла. Только неудовольствія съ братьями, которыя дали ему изъ всего княжества Смоленскаго одинъ только небольшой городокъ Мо-

жайскъ, заставили его жить въ Ярославлѣ, гдѣ теща, княгиня Ксенія, не хотѣла уступить ему власти.

Князь Θεодоръ, вмѣстѣ съ другими князьями, ходилъ на поклонъ въ орду и по волѣ хана Менгу-Темира предпринималъ походъ противъ Яс-совъ или Аланъ, которые жили близь Кавказа и не хотѣли платить дань Татарамъ. Возвратившись оттуда съ богатою добычей, мужественный Князь обратилъ на себя особенное вниманіе хана и жены его,—послѣдняя предложила ему руку своей дочери. Θεодоръ не побоялся отвѣчать, что у него есть супруга и онъ, какъ христіанинъ, не можетъ имѣть другой. Но когда онъ, съ опасностію для жизни, отклонялъ отъ себя лестную честь быть зятемъ ханскимъ, теща его, княгиня Ксенія, по возвращеніи его въ отечество, не впустила его въ Ярославль, объявивъ, что тамъ есть уже законный князь, сынъ его и Марія — малолѣтний Михаилъ. Даже посредничество ордынскаго посла не могло побѣдить упрямства властолюбивой княгини. Добрый и миролюбивый Θεодоръ не хотѣлъ призывать гнѣва ханскаго на отчизну, и Господь самъ устроилъ судьбу его: онъ вскорѣ овдовѣлъ и получилъ Смоленское княжество послѣ умершихъ братьевъ. Тогда онъ снова отправился въ орду, гдѣ принять былъ съ прежнею благосклонностію. Для брака его съ дочерью хана оставалось одно препятствіе—языческая вѣра невѣсты. Дочь Менгу-Темира крестилась съ именемъ Анны и съ разрѣшенія па-

тріарха царьградскаго вступила въ христіанскій бракъ съ Θεодоромъ (*), при чемъ ханъ назначилъ города на содержаніе дочери и зятя. Съ дозволенія тестя, благочестивый князь поставилъ нѣсколько храмовъ въ улусахъ орды; твердый въ бѣдахъ, онъ не измѣнялся и въ счастіи: по прежнему любилъ Господа болѣе всего и старался о славѣ имени Его.

Скоро мечты властолюбивой Ксеніи разсѣялись: внукъ ея младенецъ умеръ. Тогда благовѣрный князь Θεодоръ отправился въ Ярославль съ супругою и съ двумя сыновьями, Давидомъ и Константиномъ, родившимися въ ордѣ. Жители Ярославля не хотѣли принять ихъ, но князь Θεодоръ съ смоленскою дружиной принудилъ ихъ къ покорности, а виновники возмущенія, по волѣ хана, были наказаны.

За непокорность Ярославцевъ блаж. кн. Θεодоръ заплатилъ имъ благодареніями: онъ распространилъ г. Ярославль, обвелъ его землянымъ валомъ, построилъ въ немъ нѣсколько храмовъ и великолѣпно украсилъ ихъ. Особенно любилъ онъ монастырь Спасскій: часто онъ молился тамъ, раздавалъ милостыню бѣднымъ, кормилъ братію. Супруга его, княгиня Анна, хотя родилась и во-

(в) Сарайскій епископъ Θεогностъ ѣздилъ въ Константинополь посломъ отъ Менгу-Темира за патріаршимъ разрѣшеніемъ на бракъ кн. Θεодора съ новокрещенною татаркой. Карамзинъ напрасно считаетъ Анну дочерью хана Ногай и язычника Менгу-Темира—фанатикомъ магометанства. (Русскіе святые. Сентябрь стр. 100. примѣч. 166).

спиталась въ язычествѣ, но подражала ему въ добродѣтеляхъ; она построила храмъ Архангела Михаила, на берегу рѣки Которости (').

При частыхъ смутахъ этого несчастнаго времени не удивительно, что блаж. кн. Феодоръ вовлекался неволью въ распри князей. Удрученный старостію, скорбями и недугами, онъ почувствовалъ близость кончины, и велѣлъ нести себя чрезъ весь городъ въ монастырь Спасскій.—Когда поставили его здѣсь въ притворѣ церковномъ, то на вопросъ игумена: «что пришелъ, братъ?» желаешь ли сподобиться ангельскаго образа?» Князь, поднявъ руки къ небу, сказалъ: «всею душою готовъ, Владыка и Творецъ мой, работать Тебѣ», и обратясь къ игумену, прибавилъ: «да, честный отче». По совершеніи постриженія понесли его въ келью къ игумену, гдѣ весь день прощался онъ со всѣми, исповѣдалъ всенародно грѣхи и ошибки въ жизни своей и давалъ прощеніе другимъ. Позвавъ къ себѣ кня-

(г) Время кончины и мѣсто погребенія княгини Анны неизвестны. Въ 1692 году производилось дѣло о мощахъ княгини Анастасіи и Ксеніи и кн. Михаила, обрѣтенныхъ по случаю построенія новой Петропавловской церкви въ бывшемъ Петровскомъ монастырѣ, гдѣ погребались князья и княгини первой династіи князей Ярославскихъ. (Синодальн. рукоп. №—781). Ксенія—теща, а Михаилъ—сынъ св. кн. Феодора. Анастасія, какъ можно полагать, иноческое имя второй супруги его княгини Анны. Въ этомъ храмѣ издревле совершалась соборная панихида, въ недѣлю православія за вечернею. Это торжественное поминовеніе отмѣнено ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ. (Описаніе города Ярославля А. Крылова. Стр. 124—125).

гину и дѣтей, простился съ ними, наказывая дѣтямъ исполнять его наставленія. Поздно вечеромъ попросилъ игумена облечь его въ схи-му и затѣмъ сказалъ, чтобы, кромѣ игумена и немногихъ братій, всѣ вышли. Во время утренняго пѣнія онъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и предалъ духъ свой Богу; это было 19 сентября 1298 года (*).

Между тѣмъ какъ св. князь Феодоръ подавалъ современнымъ князьямъ назидательный примѣръ благочестія, умѣренности и миролюбія, злобный Андрей Александровичъ, достигнувъ великаго княженія, продолжалъ терзать землю русскую.

(д) Сыновья св. кн. Феодора, Давидъ и Константинъ, наследовали благочестіе отца своего; младшій скончался безбрачнымъ, а кн. Давидъ 23 года управлялъ Ярославскимъ княжествомъ и, оставивъ двухъ сыновей, Василя и Михаила, мирно скончался въ 1321 году. Оба они положены подлѣ родителя, въ Спасскомъ монастырѣ. Въ 1463 году Спасскій архимандритъ Христофоръ обрѣлъ нетлѣнныя мощи трехъ святыхъ князей—Феодора и сыновей его «подъ церковію въ подклѣтѣ, поверхъ земли». Онъ перенесъ ихъ въ храмъ и положилъ въ одномъ гробѣ. Благодатными струями потекли отъ святыхъ мощей исцѣленія и чудеса. Ростовскій архіепископъ Трифонъ, ва невѣріе въ святость новыхъ Ярославскихъ чудотворцевъ, пораженъ разслабленіемъ всего тѣла, но исцѣлился, когда увѣровалъ. Съ того времени мощи св. князей почиваютъ открыто въ соборной церкви Спасскаго монастыря (нынѣ архіерейскаго дома) въ серебрянной ракъ, устроенной въ 1831 году. (Исторія г. Ярославля протоіер. І. Троицкаго, стр. 34—36. Описаніе г. Ярославля А. Крылова, стр. 166—170.) Житіе св. князей написано вскорѣ по открытіи мощей ихъ іеромонахомъ Спасскаго монастыря Аятовіемъ и помѣщено въ Степенной книгѣ. (Обзоръ русск. духов. литературы. Ч. 1. § 100.)

Наконецъ распри дошли до судилища хана: посоль ханскій созвалъ князей во Владимірѣ и судъ кончился миромъ или лучше сказать ничѣмъ, потому что посоль ханскій взялъ дары, а великій князь далъ слово оставить въ покоѣ братьевъ и племянниковъ, но въ то же время собиралъ войско, чтобы усмирить ихъ.

Тогда возобновились, но къ сожалѣнію безуспѣшно, древніе сѣзды князей, учрежденные нѣкогда Мономахомъ; на нихъ присутствовали и святители, какъ толкователи уставовъ правды и совѣсти. Но въ этихъ сѣздахъ не участвовали князья удѣловъ отдаленныхъ — Рязанскіе, Смоленскіе и другіе. Нашествіе Монголовъ разорвало послѣднія связи между разными частями Русской земли: великій князь, не удержавъ господства надъ удѣлами собственнаго великаго княженія Владимірскаго, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла другихъ областей и быть душою общаго согласія и порядка? Неустройство и междоусобія продолжались до смерти Андрея: онъ окончилъ жизнь въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства.

Не таковъ былъ братъ его Даниилъ, княжившій въ Москвѣ. Изъ четырехъ сыновей св. Александра Невскаго, только самый младшій вполнѣ усвоилъ себѣ христіанское благочестіе родителя. И Господь, предназначившій высокую будущность потомству угодника своего Александра, избираетъ только родъ Даниила для управленія Русскою землею: «праведное сѣмя его возлюбилъ

Богъ, благоволилъ ему царствовать въ роды и роды» (°).

Жизнь Данила ознаменована печатью особеннаго избранія Божія. Двухлѣтнимъ младенцемъ остался онъ по смерти отца (*), но никто не нападалъ на князя младенца, никто не покушался завладѣть удѣломъ его. А какъ часто въ то время и у взрослыхъ князей отнимали удѣлы другіе князья, болѣе сильные!

Ему достался самый незначительный изъ удѣловъ великаго княженія, съ ничтожнымъ городкомъ—Москвою. Пришедши въ возрастъ, Даниль увеличилъ свое княжество, не прибѣгая къ мѣрамъ насилія. Неизбѣжно вовлекаемый въ междоусобія князей (°), онъ держалъ себя умѣренно и осторожно, берегъ свою совѣсть, старался гасить ссоры любовью (°). Храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и миролюбивый, онъ брался за оружіе только для того, чтобы грозою меча утратить злонамѣренныхъ. Довольный своимъ жребіемъ, онъ

(е) Степ. кн. I, 377.

(ж) Хотя неизвѣстно время втораго брака св. Александра Невскаго, но весьма вѣроятно, что Даниль, оставшійся сиротою въ двухлѣтнемъ возрастѣ, былъ рожденъ княгинею Вассою, а не Александрою Брячиславовною, отъ которой родились старшіе сыновья Александра.

(з) Въ усобицу между старшими братьями Димитріемъ и Андреемъ за великое княженіе, потомъ—между Андреемъ и нѣкоторыми удѣльными князьями.

(и) Такъ на примѣръ послѣ княжескаго сѣзда въ Дмитровѣ, изъ всѣхъ князей только одинъ Даниль Московскій искренно помирился съ Андреемъ. Карамз. Ист. Госуд. Росс. т. III. стр. 344.

не отнималъ чужой собственности, ни насиліемъ, ни коварствомъ, за то самъ Господь неожиданно благословилъ его новымъ владѣніемъ.

Родной племянникъ блаж. Данила, сынъ умершаго великаго князя Дмитрія, Переславскій князь Іоаннъ Дмитріевичъ, кроткій, набожный, благотворительный, былъ связанъ узами тѣсной дружбы съ благочестивымъ дядей. Умирая бездѣтнымъ (i), онъ отказалъ удѣлъ свой Данилу, котораго современники называли «Богоснабдимымъ» (к), потому что Самъ Богъ, видя благочестіе и безкорыстіе раба Своего, снабждалъ его всѣмъ нужнымъ. Здѣсь начало соединенію русскихъ княжествъ въ одну мощную державу и первенству Москвы надъ прочими удѣлами!

Блаж. князь Данилъ не искалъ достоинства великаго князя, но оно досталось въ послѣдствіи сыновьямъ и внукамъ его. Онъ построилъ, на берегу р. Москвы, деревянную церковь въ честь заступника своего преп. Данила Столпника, и

(i) Іоаннъ Дмитріевичъ имѣлъ сына, который умеръ въ младенчествѣ. Они оба погребены подлѣ гробницы великаго князя Дмитрія Александровича, въ древнемъ Спасскомъ соборѣ Переслава-Загѣскаго.

(к) Степ. Кн. I. 377.—Когда Іоаннъ Переславскій завѣщалъ свой удѣлъ Данилу, прочіе князья дивились, что такой значительный удѣлъ присоединенъ къ «малому и убогому» городу—Москвѣ. Въ то время область Переславская, вмѣстѣ съ Дмитровымъ, была послѣ Ростова первою во Владимірскомъ великомъ княженіи, какъ по числу жителей, такъ и по крѣпости главнаго города. Переславъ-Загѣсскій—обведенъ былъ глубокимъ ровомъ съ водой, высокимъ валомъ и двойною стѣной съ 12 башнями.

при ней основалъ монастырь (*). Принявъ схиму, съ именемъ пророка Данила, онъ преставился 4 Марта 1303 года. По глубокому смиренію, онъ назначилъ себѣ могилу не въ храмѣ, а на общемъ кладбищѣ основанной имъ иноческой обители (*).

Описывая внутреннія дѣла Русской земли, мы давно не упоминали о защитѣ западныхъ ея пре-

(д) Еще прежде того, при блаж. князѣ Данилѣ, и вѣроятно не безъ помощи его, начать строеніемъ, около 1296 года, Богоявленскій монастырь въ Москвѣ. Ист. Росс. Іерар. III. 403.

(м) Когда сынъ св. Данила, Іоаннъ Калита построилъ близъ дворца своего въ Кремлѣ Спасскій монастырь, то назначилъ туда архимандритомъ игумена Даниловской обители Іоанна, оставивъ за нимъ управленіе прежнимъ его монастыремъ. Впослѣдствіи монастырь блаж. князя Данила оскудѣлъ и опустѣлъ; осталось только мѣсто или селцо Даниловское съ деревянною церковью. При великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ, боярину, проѣзжавшему мимо того мѣста, явился нѣкто неизвѣстный и сказалъ ему: «не бойся меня — я христiанинъ и господинъ сего мѣста: имя мое Данилъ князь Московскій. Скажи отъ меня Іоанну: самъ ты тѣшишь себя, а меня забылъ; но не забылъ меня Богъ мой». При сынѣ Іоанна великомъ князѣ Василѣ было новое знаменіе: бояринъ князь Василій Шуйскій, оказавшій неуваженіе къ мѣсту Даниловскому, былъ тутъ же наказанъ паденіемъ на землю, послѣ чего раскаялся и часто приходилъ туда для пѣнія панихидъ. Наконецъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, исцѣлился у гроба св. Данила отрокъ, сынъ коломенскаго купца. Послѣ того учрежденъ ежегодный крестный ходъ къ мѣсту Даниловскому, для совершенія панихиды, опочивающемъ тамъ князѣ праведникѣ. Тогда же и самый монастырь возобновленъ царскою казною и въ немъ построенъ каменный храмъ въ честь седми соборовъ Вселенскихъ. Мощи св. Данила обрѣтены нетлѣнными и открыты въ 1652 году. Соборный храмъ, воздвигнутый при Грозномъ царѣ, разобранъ за ветхостію въ 1729 г., при чемъ мощи перенесены въ новый соборъ, построенный надъ теплою Покровскою церковью.

дѣловъ. Тамъ въ это время бодрствовалъ на стражѣ мужественный князь, но не потомокъ св. Владиміра, а Литвинъ, родившійся язычникомъ, — явленіе, дотолѣ не бывалое и неслыханное!

Миндовгъ, великій князь Литовскій, заманивъ къ себѣ жену Довмонта, князя Нальшанскаго, заставилъ ее раздѣлять съ нимъ ложе; Довмонтъ, исполняя долгъ языческой мести, убилъ Миндовга и двухъ сыновей его. Это было осенью 1263 года. Вслѣдъ за тѣмъ началась рѣзня въ Литвѣ; сынъ Миндовга Воишелгъ страшно мстилъ за смерть отца. Тогда Довмонтъ, съ 300 семей Литовскихъ, спасая жизнь, бѣжалъ во Псковъ. Здѣсь дохнула на него, говоритъ древній лѣтописецъ, «обновляющая благодать Божія.» Онъ крестился и названъ Тимоѳеемъ; Псковичи посадили его на столѣ св. Всеволода-Гавріила; но съ тѣмъ вмѣстѣ желая соединить его съ дорогимъ для нихъ родомъ св. Александра Невскаго, они выпросили для Довмонта руку княжны Маріи, дочери великаго князя Димитрія Александровича. Такъ, пришлецъ изъ Литвы сталъ княжить во Псковѣ. Но этотъ пришлецъ щедро возблагодарилъ свое новое отѣчество: своими доблестями, своею ревностію по вѣрѣ онъ напомнилъ Пскову лучшихъ князей изъ рода Рюрика — Мстислава Великаго, Всеволода и дѣда жены своей, приснопамятнаго Александра. Довмонтъ пошелъ войной на дикую Литву, которая часто вторгалась въ предѣлы Русскіе изъ лѣсовъ своихъ, опустошала жилища и уводила въ плѣнъ множество

христіанъ. Еще прежде Псковскіе священники насадили православное христіанство въ Летгалліи, а въ это время Литовскій князь Гердень уступилъ эту область Гермейстеру ливонскихъ рыцарей и такимъ образомъ папизмъ угрожалъ новопроевѣщеннымъ. Пользуясь отсутствіемъ Герденя, Довмонтъ съ 270 воинами прошелъ съ огнемъ и мечемъ по его владѣніямъ, взялъ въ плѣнъ жену его съ дѣтьми и толпы Литовцевъ. Переправившись черезъ Двину, храбрый князь оставилъ при себѣ только 70 воиновъ, отпустивъ остальныхъ съ добычею во Псковъ. Скоро сторожевые дали знать, что Гердень приближается съ войскомъ. «Братья Псковичи—сказалъ Довмонтъ—кто старъ изъ васъ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ мнѣ братъ. Я слышалъ о вашемъ мужествѣ. Предъ вами жизнь и смерть. Братья мои! постоймъ за св. Троицу.» Слова Довмонта одушевили Псковичей. Съ 70 человекъ дружины онъ одолѣлъ 700 Литовцевъ, многихъ побилъ и потопилъ въ Двинѣ.—На другой годъ онъ снова ходилъ въ Литву: страна предана была опустошенію и князь Гердень убитъ.

Особенно важны подвиги Довмонта въ обузданіи ливонскихъ рыцарей. Нѣмцы, завладѣвъ Ливоніей, готовы были простирать далѣе свои завоеванія. Въ отношеніи къ вѣрѣ, они были вреднѣе языческой Литвы, которая довольствовалась грабежемъ, не касаясь совѣсти; а Нѣмцы не только грабили, но и принуждали православныхъ къ папизму, объявляя Русскихъ язычниками.— Въ 1268 году силы почти всѣхъ Русскихъ кня-

зей собрались въ Новгородъ, чтобы выгнать изъ Эстоніи Датчанъ, которые вздумали заводить поселеніе въ странѣ, издавна платившей дань Новгороду. Довмонтъ съ ратью Псковскою присоединился къ войску тестя своего, великаго князя Дмитрія. — Въ самомъ началѣ похода дворяне Божіи (такъ называли себя Ливонскіе рыцари) прислали пословъ съ клятвенными увѣреніями, что они не станутъ помогать Датчанамъ и желаютъ сохранить миръ съ князьями. Но когда войска русскія приблизились къ Раковору (Везенбургу), магистръ ордена и Дерптскій бискупъ явились съ многочисленнымъ войскомъ на защиту Датчанъ. Началась страшная битва; особенно отличалось мужествомъ правое крыло союзнаго войска, гдѣ стояли Довмонтъ и Дмитрій. Бискупъ былъ убитъ и съ нимъ легло, по показанію самихъ Нѣмцевъ, до 1350 человекъ. Пользуясь темнотою ночи, рыцари обратились въ бѣгство. Новгородцы, чувствуя большой уронъ въ войскѣ, возвратились назадъ; а Довмонтъ съ Псковичами прошелъ по Везенбургскому округу до самаго моря, разоряя капища Эстовъ, и возвратился со множествомъ плѣнныхъ. Спустя нѣсколько дней послѣ Раковорской битвы, Нѣмцы тайно вступили въ предѣлы Псковскіе и ограбили нѣсколько селъ. Довмонтъ съ небольшимъ отрядомъ догналъ и разбилъ ихъ. Иныя скрылись на островѣ, Довмонтъ велѣлъ зажечь траву и клятвopреступники погибли.

На слѣдующій годъ, магистръ явился съ 18,000 войска и стѣнобитными орудіями; онъ грозилъ

сравнять Псковъ съ землею. Осмотрѣвъ силы непріятелей и собравъ войско, Довмонтъ пришелъ въ Троицкій соборъ, положилъ мечъ свой предъ алтаремъ, палъ на лице и молился со слезами: «Господи Боже силъ—говорилъ онъ—призри на кроткихъ и смиренныхъ рабовъ твоихъ и смири высокоуміе гордыхъ.» Игумень Мирожскій, Исидоръ, препоясалъ князя мечемъ и благословилъ на битву за св. вѣру; храбрый князь, не дожидаясь Новгородцевъ, ударилъ съ дружинами псковскими на Нѣмцевъ, разрубилъ лице магистру, истребилъ нѣсколько тысячъ латинянь. На десятый день осады, подоспѣли полки Новгородскіе: Нѣмцы бросились спасаться бѣгствомъ и потомъ заключили миръ на условіяхъ, какія предписалъ имъ Довмонтъ.

Послѣ того Нѣмцы и Литва надолго оставили въ покоѣ предѣлы русскіе. Защищая Псковъ мечемъ своимъ, Довмонтъ укрѣпилъ его и каменною стѣною ^(н). Онъ судилъ народъ праведно, не давалъ слабыхъ въ обиду, помогалъ бѣднымъ, посѣщалъ узниковъ въ темницахъ, покоилъ странниковъ, любилъ духовенство, строилъ храмы ^(о), проводилъ жизнь въ постѣ и молитвѣ и благоговѣнно чтилъ праздники.

• Приближаясь къ блаженной кончинѣ, доблест-

(н) Стѣна изъ плитняка, примыкающая къ южной сторонѣ Псковскаго Кремля, донинѣ называется Довмонтовою стѣною.

(о) Св. князь Довмонтъ построилъ во Псковѣ, въ память побѣдъ своихъ, два храма св. Θεодора Стратилата и великомученика Георгія. Оба эти храмы давно уже не существуютъ.

ный князь, уже маститый старецъ, долженъ былъ въ послѣдній разъ отразить Нѣмцевъ отъ Пскова. Въ началѣ 1299 года, ливонскіе рыцари неожиданно напали на Псковъ, грабили и жгли монастыри въ окрестностяхъ города ^(п). Блаженный князь вывелъ дружину, сразился съ Нѣмцами подъ стѣнами города, на берегу рѣки Великой, вогналъ ихъ въ воду и многихъ захватилъ въ плѣнъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, 20 мая 1299 года, послѣ тяжелой болѣзни, св. Довмонтъ скончался. Горько плакалъ весь народъ псковскій, погребая тѣло его подъ сводами соборнаго храма св. Троицы, «за которую», по словамъ летописца, «онъ много потрудился».—Спустя годъ мирно почилъ и блаж. супруга его Марія, въ иночествѣ Марѳа ^(р).

Псковичи вѣрили, что мужественный и благочестивый князь ихъ—угодникъ Божій и небесный заступникъ города, въ которомъ княжилъ.

Предтеченскій женскій монастырь, основанный блаж. Евпраксією, теткою св. Довмонта, получилъ отъ щедрости его разныя угодья.

(п) Въ это время сожжены нѣмцами два монастыря: Свѣтогорскій въ 4 верстахъ отъ Пскова на берегу р. Великой и Спасо-Мирожскій въ Завеличѣ. Въ первомъ изъ нихъ умерщвленъ основатель его преп. игумень Іоасафъ, а въ послѣднемъ—преп. игумень Василій, съ многими черноризцами, нищими, женщинами и дѣтьми. Мощи преп. Іоасафа почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Свѣтогорскаго монастыря, и въ особомъ ковчегѣ открыто хранятся двѣ кости и глава его. Преп. игумень Василій погребенъ въ Мирожской обители, но мѣсто могилы его позабыто.

(р) Благовѣрная княгиня—инокиня Марѳа, по кончинѣ св. князя Довмонта, постриглась въ Предтеченской обители и

Предъ битвою съ врагами, они обращались съ молитвою къ св. князю Довмонту (°). Въ 1480 году, когда Нѣмцы, въ числѣ ста тысячъ, осадили Псковъ, св. князь Довмонтъ явился во снѣ одному благочестивому мужу и сказалъ ему: «возьмите одѣяніе (покровъ) гроба моего, обнесите его три раза вокругъ города съ крестнымъ ходомъ, молитесь и не бойтесь». Исполнивъ волю св. князя, Псковитяне смѣло вступили въ бой съ врагами и принудили ихъ снять осаду (†).

Графъ М. Толстой.

преставилась тамъ въ 1300 году. Она погребена на южной сторонѣ древняго предтеченскаго храма и въ рукописныхъ святцахъ показана въ числѣ святыхъ; память ея мѣстно читается 8 ноября. На чудотворной Мирожской иконѣ, прославленной чудесами въ 1567 году, представлены молящимися: по правую руку Богоматери св. князь Довмонтъ, а по лѣвую — блаж. княгиня Марія.

(с) Въ 1374 году Псковитяне построили храмъ во имя св. князя Довмонта.

(т) Дубовая гробница, заключающая въ себѣ мощи св. Довмонта, имѣетъ видъ высокаго ящика, самой простой работы, съ изображеніемъ блаж. князя на верхней доскѣ. Она перевесена (неизвѣстно когда) изъ нижней церкви въ верхнюю и поставлена въ придѣлѣ св. князя Всеволода, на южной сторонѣ, у окна. Въ простѣнкѣ близъ гробницы стоитъ древняя икона св. Довмонта и виситъ знаменитый мечъ его — предметъ особеннаго уваженія Псковитянъ, которые вручали его князьямъ, возводимымъ на княженіе въ соборномъ храмѣ св. Троицы. Этотъ мечъ, также какъ и мечъ св. Всеволода — Гавриила, имѣетъ форму креста, но онъ не такъ великъ и отдѣлка его не такъ изящна; оба они носятся въ крестныхъ ходахъ. Рисунокъ меча св. Довмонта—въ книгѣ моей: «святѣни и древности Пскова». Служба блаж. князю Довмонту составлена въ концѣ XVI вѣка, послѣ спасенія Пскова отъ нашествія Баторія.

АРХИМАНДРИТЬ ГЕРМОГЕНЪ,

НАСТОЯТЕЛЬ МОСКОВСКАГО СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ.

Покойный архимандритъ Гермогенъ достоинъ того, чтобы «многіе сыны церкви благословили память его, какъ память человѣка Божія, добрѣ Богу и церкви послужившаго» (*) Итакъ, предлагаемое жизнеописаніе не излишне. Свѣдѣнія о родственномъ мнѣ архимандритѣ Гермогенѣ почерпнуты изъ послужнаго списка его, изъ достовѣрныхъ сказаній моихъ родныхъ и изъ другихъ источниковъ, которые будутъ указаны подъ строками порознь.

Незадолго до рожденія Гермогена, именно въ 1777 году, проѣзжала коломенскимъ трактомъ императрица Екатерина II, въ своей золотой каретѣ. Подъ Ѳедоровскимъ (между селами Мещериновымъ и Ѳедоровскимъ), по причинѣ стеченія многочисленнаго народа, который никакъ не могли отсторонить, императрица принуждена была остановиться. Въ это время увидѣла она среди

(а) Изъ слова, произнесеннаго архимандритомъ Митрофаномъ предъ погребеніемъ Гермогена.

ближайшихъ къ каретѣ одну довольно статную женщину, съ двумя младенцами на обѣихъ рукахъ, подозвала ее и спросила: «кто ты?»—«Жена причетника села Федоровскаго». — «Дѣти твои равнолѣтники?»— «Двойни, матушка». — Государыня дала ей поцѣловать свою руку, пожаловала червонецъ и сказала: «роди еще». Елена Никоновна, — такъ называлась жена причетника, — на другой годъ родила сына Егора, который, будучи переименованъ въ иночествѣ (Гермогенъ), въ продолженіе 26 лѣтъ слишкомъ начальствовалъ въ одной изъ московскихъ обителей (6).

Архим. Гермогенъ родился въ 1778 году ноября 26 дня. Отецъ его, причетникъ коломенскаго уѣзда, села Федоровскаго, Успенской церкви, Прокопій Карповичъ, несмотря на то, что въ школахъ не обучался, былъ произведенъ во священника того же села преосвящ. Аванасіемъ, епископомъ тульскимъ и коломенскимъ, 1793 года, іюля 8 дня (*). Онъ былъ жизни строгой, носилъ лапти и отличался бережливостью. Домашнее любимое занятіе его состояло въ дѣланіи восковыхъ желтыхъ свѣчъ для храма Божія. Іерей Прокопій не любилъ мірскаго веселья, и гдѣ при немъ открывались шумныя за-

(б) См. Москвитянинъ 1845 г. ч. 2. № 3, статью: «Еще нѣсколько воспоминаній о коломенскомъ пути и о самомъ городѣ», Н. Иванчина-Писарева. Родные мои подробности передаютъ слова императрицы. Она сказала: «роди еще одного, да хорошаго». Н. Иванчинъ-Писаревъ, конечно, отъ самаго о. Гермогена (они были знакомы) слышалъ разсказъ объ императрицѣ: но смиренный старецъ, чтобы не назвать себя *хорошимъ*, намѣренно сократилъ слова императрицы.

(в) Преосвященный Аванасій жилъ въ Коломенѣ, которая не ранѣе, какъ въ 1799 году была причислена къ моск. епархіи.

бавы, уходилъ оттуда. Будучи уважаемъ помѣщикомъ села, онъ съ успѣхомъ ходатайствовалъ передъ нимъ въ пользу крестьянъ, которые, въ свою очередь, очень любили своего священника. Какъ онъ, такъ и жена его—Елена Никоновна воспитывали дѣтей въ страхѣ Божиѣмъ (г).

Тѣснымъ путемъ ведетъ Господь своихъ избранныхъ. Путь скорбей и лишеній съ самаго дѣтства проходилъ и Гермогенъ, сынъ бѣднаго, многодѣтнаго родителя. Первоначально онъ обучался въ коломенской семинаріи поэзіи и риторикѣ, и носилъ фамилію: Успенскій, или Ѳедоровскій. Живя на квартирѣ, терпѣлъ крайнюю нужду,—въ содержаніи помогаль ему братъ Николай (Ѳедоровскій), находившійся въ архіерейскомъ хорѣ (д). Онъ иногда писалъ на березовой корѣ за неимѣніемъ бумаги; одно уже это показываетъ его нищету и прилежаніе. Съ 1799 года (по переведеніи коломенской семинаріи въ Тулу) онъ обучался въ бывшей московской славяно-греко-латинской академіи съ новою фамилією: Сперанскій (е). Бѣдность не отставала отъ него и здѣсь: не на что было купить латинскаго лексикона, о чемъ онъ

(г) Они имѣли пять сыновей и четыре дочери. Проконій Карповичъ въ старости ослѣпъ, и въ 1827 году сдалъ мѣсто свое окончившему курсъ въ Виѣанской семинаріи П. Л.; у него и жилъ до смерти своей, послѣдовавшей 8 іюня 1830 года, на 88 году отъ роду. Елена Никоновна умерла въ 1801 году, августа 1 дня. Всей жизни ея 54 года.

(д) Архіерейскій хоръ помѣщался при коломенскомъ Голутвинскомъ монастырѣ.

(е) Онъ обучался въ академіи высшему краснорѣчію, философіи и богословію, исторіи, географіи, медицинѣ, и языкамъ: латинскому, греческому, нѣмецкому и французскому.

очень скорбѣлъ. Но это не ослабляло его ревности къ ученію. По переѣздѣ въ Москву, сначала онъ жилъ на квартирѣ, но въ 1804 г. студентъ богословія Егоръ Сперанскій значитъ (*) живущимъ въ бурѣ.

По окончаніи курса наукъ (*,) за отличные успѣхи онъ оставленъ былъ при той же академіи учителемъ французскаго языка, и этотъ предметъ онъ преподавалъ сначала въ низшемъ классѣ съ 7 сентября 1804 года, потомъ въ вышемъ съ 16 марта 1805 до 1814 года (*). Чтобы совершеннѣе узнать французскій языкъ, онъ каждадневно изъ Зайконоспасскаго монастыря, —гдѣ помѣщалась академія и онъ жилъ, —ходилъ къ бѣдному французу, квартировавшему на Никольской улицѣ, который за ничтожную плату упражнялъ его разговорами на своемъ природномъ языкѣ, и научилъ его свободно объясняться и писать по французски. Въ послужномъ спискѣ его за 1808 г. пишется: «съ нѣмецкаго перево-

(ж) Дѣло архива моск. семин. правленія.

(з) Онъ окончилъ курсъ вторымъ студентомъ. Первый студентъ Алексѣй Нарциссовъ, въ монашествѣ Ааронъ, послѣ епископъ Архангельскій, скончался въ Москвѣ 1842 года.

(и) Классъ французскаго языка, открытый еще въ 1781 году, раздѣленъ на высшій и низшій уже впоследствии—въ 1800 г. Классы эти не были обязательными: ихъ посѣщали по произволу студенты богословія и философіи, ученики риторики, поэзіи и даже синтаксисы. Между прочимъ, чтобы приучить учениковъ къ разговорному языку, ихъ заставляли писать подъ диктантъ, задавали выучивать французскіе разговоры, переводить съ русскаго на французскій и писать легкія сочиненія на семъ послѣднемъ языкѣ. Учитель французск. яв. получалъ жалованья 170, а съ 1807 года—240р. (Исторія моск. славяно-греко-латин. ак. проф. С. Смирнова. М. 1853, стр. 266. 310—311.), имѣлъ (напр. въ 1804 г.) пять уроковъ въ недѣлю.—Дѣла архив. моск. семин. правл.

дять, а на французскомъ говорить и сочинять можетъ свободно» (1).

Въ 1809 году императрица Марія возымѣла благотворную и богатую послѣдствіями мысль дать лучшимъ изъ воспитанницъ московскаго Воспитательнаго дома назначеніе, которое, обезпечивая имъ безбѣдное и достойное ихъ существованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяло бы одной изъ важнѣйшихъ потребностей современнаго общества. Она повелѣла устроить два особыхъ класса, низшій и высшій, съ трехлѣтними курсами, для приготовленія учительницъ и воспитательницъ дѣтей въ частныхъ домахъ, — великое благодѣяніе для множества благородныхъ семействъ, затруднявшихся пріисканіемъ средствъ къ образованію своихъ дѣтей, такъ какъ иностранныя гувернантки или не для всѣхъ были доступны по цѣнѣ, или не выполняли законныхъ требованій благоразумныхъ родителей. Первый изъ этихъ классовъ былъ открытъ вскорѣ по объявленіи Высочайшей воли, въ томъ же 1809 году; открытіе втораго было назначено въ 1812, но по необходимости отсрочено несчастными происшествіями этого года (2). Учителемъ французскаго языка въ новооткрытый классъ былъ опредѣленъ Егоръ Прокопьевичъ, учитель Заиконоспасской академіи; онъ совмѣстно занималъ классы въ обоихъ заведеніяхъ. Кромѣ того онъ имѣлъ много частныхъ уроковъ по предмету французскаго языка въ богатыхъ домахъ, напр. въ домѣ почетнаго опекуна въ моск. опекунскомъ совѣтѣ Баранова.

Егоръ II-чъ, испытавшій въ свою пору тяжесть и

(1) Дѣла архив. моск. семин. правл.

(2) «Князь С. М. Голицынъ. Воспоминанія о пятидесятилѣтней службѣ его.» М. 1859, стр. 39—40.

гнетъ бѣдности, теперь, когда началъ жить достаточно, почелъ долгомъ благотворить родителю и роднымъ. По его старанію, братъ его Николай П-чъ, нѣкогда самъ помогавшій ему (выше мы говорили объ этомъ),—изъ Коломны, гдѣ былъ дьячкомъ, переведенъ (въ 1811 г.) въ Москву, на дьяческое же мѣсто, къ церкви св. Іоанна Богослова, что въ Бронной. Вотъ онъ уже пріѣхалъ въ столицу съ своимъ семействомъ (кромѣ жены три дочери) и бѣдными пожитками. Нужно было на время искать квартиру. «Квартира для васъ найдена; пойдемте со мной», сказалъ Егоръ П—чъ. Отворивъ ворота дьяческаго дома, того самаго, который находился въ приходѣ Іоанно-Богословскомъ, онъ самъ встрѣтилъ своихъ родныхъ, ввелъ въ домъ и чрезвычайно обрадовалъ, сказавъ, что это ихъ домъ уже купленный (за 4000 р. асс.).

Черезъ нѣсколько времени (1812) онъ приходитъ къ нимъ и видитъ: невѣстка Екатерина Алексѣевна плачетъ, потому что родилась четвертая дочь. «Не плачь, это моя забота», сказалъ добрый Егоръ П—чъ. Дѣйствительно, онъ сдѣлался крестнымъ отцемъ новорожденной и въ послѣдствіи, уже въ санѣ архимандрита, выдалъ ее въ замужество за студента московской семинаріи И. Б—го, нынѣ священника и моего родителя.

Николай П—чъ, послѣ французскаго погрома, такъ какъ домъ его сгорѣлъ, былъ переведенъ опять стараніемъ брата учителя въ г. Кострому (а), гдѣ вскорѣ рукоположенъ во діакона, къ церкви священномученика

(а) Преосвященнаго костромскаго Сергія просилъ за него преосвящ. казанскій Симеонъ, знавшій Егора П—ча.

Власія, и черезъ три года — въ Коломну, къ Покровской церкви. Война 12-го года не осталась безъ вліянія и на судьбу другаго, старшаго брата. Егоръ П—чь давно чувствовалъ въ душѣ склонность къ монашеству, тѣмъ паче, что при слабомъ здоровьѣ (въ 1811—12 г. лечился козьимъ молокомъ) не признавалъ себя годнымъ къ семейной жизни, но долго медлилъ возложить на себя обѣты ангельскаго образа. Нужно было нѣкоторое возбужденіе отъ природы, чтобы онъ рѣшился избрать для себя трудную иноческую жизнь. Событія 1812 года сильно подѣйствовали на его душу, впечатлительную и воспримчивую отъ природы, благоговѣйную къ путямъ Промысла Божія. Они настроили его душу на мысль о гнѣвѣ Божіемъ и своей грѣховности (Рим. 1, 18.), объ утратѣ красоты души, созданной по образу и подобию Божію, о неотложной нуждѣ покаянія и презрѣнія тлѣнныхъ, скорогибнущихъ благъ міра сего... Егоръ П—чь, возвратясь изъ Казани (*), гдѣ онъ вмѣстѣ съ воспитанниками академіи (не взятыми въ дома родственниковъ) находился во время нашествія Французовъ, — вскорѣ принялъ монашество, испросивъ предварительно благословеніе родительское. Для полученія его онъ нарочно ѣздилъ на родину свою — въ село Федоровское и въ краткое время пребыванія своего здѣсь, показалъ истинно-христіанское смиреніе. Мѣсто дьяческое въ селѣ Федоровскомъ занималъ тогда другой братъ его, Матвій П—чь. Жена его, нѣжно любившая своихъ дѣтей, потворствовала ихъ шалостямъ, и росли они безъ добраго

(м) Еще до истеченія роковаго 1812 года. Французы вошли въ Москву 2 сентября, оставили оную 11 октября.

воспитанія. Егоръ Прокопьевичъ сказалъ ей: «едва ли они будутъ счастливы, потому что не приучаются къ труду и порядку въ жизни.» Мать оскорбилась симъ замѣчаніемъ. Видя это, Егоръ П—чь, совершенно чуждый гордости, просилъ у ней прощенія и даже поклонился ей въ ноги. Неблаговоспитанные мальчики послѣ были сельскими причетниками — не болѣе (изъ шести сыновей одинъ — діаконъ въ селѣ).

Егоръ П—чь посѣтилъ и другихъ родныхъ, и не жалѣлъ денегъ на благотвореніе не только имъ, но и чужимъ бѣднымъ, особенно нищимъ; раздавая симъ послѣднимъ серебряныя монеты, онъ утѣшался, видя, какъ усердно молились они за своего благодѣтеля. Поступая такимъ образомъ, онъ руководился словами Спасителя: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имъніе твое, и даждь нищимъ....* (Матѣ. 19, 21).

Постриженіе Егора П—ча въ монашество совершено вѣроятно ректоромъ академіи, архимандритомъ Симеономъ (впосл. архіепископъ ярославскій), въ Законоспаскомъ монастырѣ, 10 августа 1813 года, на 36 году его жизни (*). 15 числа того же мѣсяца, монахъ Гермогенъ рукоположенъ преосвящ. Августиномъ, епископомъ Дмитровскимъ, во іеродіакона въ Успенскомъ соборѣ, а 8 сентября во іеромонаха, и векорѣ (16 марта) помѣщенъ въ число соборныхъ іеромонаховъ ставропигіальнаго Донскаго монастыря (°). Въ томъ же 1813 году, будучи бібліотекаремъ, привелъ въ порядокъ разстроенную во время непріятельскаго нашествія

(*) Указъ св. Синода о постриженіи полученъ былъ іюля 3.

(°) По званію соб. іеромонаха получалъ изъ Донскаго монастыря 128 р. въ годъ.

академическую библіотеку ^(а), и потомъ цѣлый годъ во воскреснымъ днямъ публично преподавалъ катихизисъ въ аудиторіи, въ собраніи всѣхъ учениковъ и въ присутствіи лицъ постороннихъ ^(р).

Академія славяно-греко-латинская, основанная въ 1685 году, по указу государеву, двумя ученѣйшими Греками братьями Лихудами и существовавшая въ Москвѣ 130 лѣтъ, была упразднена, и вновь открытой взамѣнъ ея Троицкой (въ лаврѣ преп. Сергія) передала своего ректора, двоихъ учителей, изъ воспитанниковъ до двадцати человекъ и свою библіотеку. Преосвященный Августинъ, которому поручено было сдѣлать свои соображенія объ открытіи московскаго духовно-учебнаго округа московской духовной (Троицкой) академіи, изъ учителей и проповѣдниковъ старой академіи рекомендовалъ соборныхъ іеромонаховъ: Никанора (въ послѣдствіи митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго) и Гермогена, какъ имѣющихъ отличныя способности и свѣдѣнія, перваго въ бакалавры историческихъ наукъ, втораго—богословскихъ наукъ въ академію, вновь учреждаемую. Рекомендація преосвященнаго принята во вниманіе, и іеромонахи Никаноръ и Гермогенъ въ 1814 году являются уже бакалаврами новообразованной академіи, открытіе коей послѣдовало 1-го октября ^(с). Но къ чтенію лекцій онъ

(а) Въ 1812 году библіотека академическая сохранилась въ цѣлости и даже была хранилищемъ книгъ, при нашествіи непріятельскомъ снесенныхъ въ нее изъ книжныхъ лавокъ. Истор. моск. славяно-греко-латинск. академіи, стр. 285.

(р) Въ катихизаторы набираемъ былъ одинъ изъ учителей, по усмотрѣнію ректора; слушать катихизическія бесѣды приходили всѣ, кто хотѣлъ. Ibid. стр. 116 и 316.

(с) «Очеркъ жизни преосвящ. митроп. Никанора»; см. Христ. чт. 1856, ноябрь, стр. 293.

могъ приступить не раньше, какъ по открытіи старшаго (богословскаго) класса въ 1816 году. До сего времени единственная его должность въ новой академіи была должность библіотекаря. Его трудами приведена въ порядокъ академическая библіотека, въ составъ которой вошли книги изъ библіотекъ бывшей Троицкой семинаріи (†) и московской славяно-греко-латинской академіи. Въ сихъ трудахъ помогали ему два студента академіи: Николай Терновскій и Платонъ Доброхотовъ, которымъ за это назначено было жалованье. Указомъ комиссіи дух. училищъ, отъ 21 декабря 1814 года, предписано открыть при московской духовной академіи цензурный комитетъ; первыми членами назначены бакалавры: архимандритъ Никаноръ, іеромонахъ Гермогенъ и Григорій Левицкій. Въ іюнь 1815 года, по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, обозрѣлъ московскую дух. академію архимандритъ Филаретъ, ректоръ петербургской академіи, нынѣ митрополитъ московскій. Іеромонахъ Гермогенъ имѣлъ тогда случай обратить на себя вниманіе будущаго своего архипастыря. По представленію ревизора, Гермогену вмѣстѣ съ другими шестью бакалаврами прибавлено жалованья по 250 руб. въ годъ (†). 16 марта 1816 года онъ опредѣленъ инспекторомъ академіи на мѣсто приснопамятнаго Филарета, въ послѣдствіи митрополита Кіевскаго, который въ это время сдѣлался ректоромъ академіи. Мая 9 въ Николаевскомъ Перервинскомъ монастырѣ, преосвященнымъ Августиномъ про-

(†) Она была на томъ мѣстѣ, которое заняла академія, и съ открытіемъ послѣдней упразднена.

(‡) Всѣ эти свѣдѣнія, извлеченныя изъ дѣлъ моск. академіи, сообщены профессоромъ С. К. Смирновымъ.

изведенъ въ архимандрита серпуховскаго третье-класнаго Высоцкаго монастыря, съ оставленіемъ при академіи въ прежнихъ должностяхъ. Съ сентября сего года началъ читать на старшемъ курсѣ обличительное богословіе.

Въ 1816 году академія удостоилась посѣщенія государя императора Александра I. Его Императорское Величество изволилъ осматривать московскую академію съ удовольствіемъ. «Благодареніе Богу!» Такъ отвѣчалъ на письмо преосвящ. Августина оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, князь А. Н. Голицынъ (отъ 14 сент. 1816 года). Въ то же время онъ выражалъ недоумѣніе, почему преосвященный, «получившій дозволеніе представить достойныхъ къ отличію», не представилъ «трудящихся по академіи, такъ что они не удостоились участвовать въ (монаршихъ) милостяхъ, какими почтены другіе за труды по части епаршеской?» Въ отвѣтъ на письмо князя Голицына преосвященный писалъ (отъ 22 сент.), что имъ «представлены къ отличію только тѣ, которые раздѣляли труды въ возстановленіи и устроеніи духовной части послѣ нашествія непріятельскаго; что онъ весьма желалъ представить и о трудящихся по академіи и испросить имъ преимущественной награды, но не смѣлъ того сдѣлать безъ воли комиссіи духовныхъ училищъ, отъ которой семинаріи, а паче академія зависятъ болѣе, нежели отъ архіерея». Преосвященный «покорнѣйше проситъ его сіятельство, ежели на то будетъ согласна комиссія духовныхъ училищъ, при будущихъ донесеніяхъ государю императору, представить Его Величеству о награжденіи ректора архимандрита Филарета и инспектора арх. Гермогена, также ректоровъ: московской се-

минаріи арх. Евгенія (*) и Спасо-Виоанской арх. Парөөнія, которые въ прохожденіи служенія своего отличаютъ себя и благонаравіемъ и трудолюбіемъ». Вслѣдствіе сего представленія Филаретъ и Евгеній всемилостивѣйше сопричислены ноября 18 къ ордену св. Анны 2 степени, Парөөніи и Гермогенъ пожалованы наперснымъ эмальнымъ крестомъ, осыпаннымъ бриліантами (*).

Въ слѣдующемъ году февраля 28 онъ переименованъ настоятелемъ коломенскаго второкласнаго Новоголутвина монастыря. 1818 года 27 апрѣля опредѣленъ членомъ конференціи московской духовной академіи.

Къ сему году относится печальный случай въ жизни Гермогена, воспрепятствовавшій ему продолжать академическую службу. Пожелалъ онъ въ избыткѣ благочестивой ревности провести 40 дней (вѣроятно св. четырехдесятницу) въ строжайшемъ постѣ. Это была съ его стороны, какъ показалъ опытъ, неумѣренная ревность. Постъ для человѣка, а не человѣкъ для поста: потому святые подвижники не совѣтуютъ возлагать на себя поста, превышающаго силы; напротивъ, учатъ: умѣренное и благоразумное принятіе пищи подаетъ здравіе тѣлу, а не отнимаетъ святости (преп. Кассіанъ) (х). Гермогенъ, при своихъ разнородныхъ занятіяхъ, послѣ 12 дневнаго поста, до того ослабѣлъ, что не могъ отпереть дверей своихъ комнатъ. Надобно было велѣть

(*) Архіепископъ Евгеній (бывшій Ярославскій), членъ св. Синода, управляетъ нынѣ ставропигіальнымъ Донскимъ монастыремъ.

(х) Дѣл. архив. моск. дух. консисторіи.

(ц) Христ. чтен. 1827 г. ч. XXVIII; стр. 243 (по второму изданію).

сломать запоръ, чтобы войти къ нему. Видя его *едва жива суща*, сострадательный ректоръ Филаретъ позаботился о немъ, какъ добрый самарянинъ, упоминаемый въ Евангеліи (Лук. гл. 10.); онъ долго не отходилъ отъ несчастнаго, доставляя ему нужныя пособія и утѣшеніе. Жизнь Гермогена была спасена, но неосторожность его не осталась безъ горестныхъ послѣдствій, каковы: потеря голоса, прежде звучнаго и пріятнаго (теноръ), и странное трясеніе головы, не прекращавшееся до самой смерти.

19 августа того же года о. Гермогену данъ въ управленіе Спасо-Андрониковъ монастырь, а 28 октября, согласно его прошенію, по разстроенному здоровью онъ уволенъ изъ академіи.

Съ наставническою дѣятельностью Гермогена въ новой академіи мы мало знакомы. Извѣстно только, что предъ назначеніемъ въ преподаватели обличительнаго богословія онъ, по порученію начальства, написалъ конспектъ преподаванія ученія въ академіи (хранится въ домѣ старой академіи). Конспектъ былъ одобренъ начальствомъ. Въ лекціяхъ своихъ онъ, вѣроятно, руководствовался правилами, изданными комиссіей духовныхъ училищъ ('). Студенты, по поводу его лекцій,

(ч) Въ 1814 г. по опредѣленію комиссіи дух. училищъ напечатано «обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духов. училищахъ» архим. Филарета, ректора петербургской академіи. О преподаваніи обличительнаго богословія въ *Обозрѣніи* сказано: «при изложеніи его наблюдать должно слѣдующее: 1) Раздѣлить изображеніе ложныхъ ученій на двѣ части. а) Ложныя ученія виѣ христіанства или противныя самому его основанію. б) Ложныя ученія въ христіанствѣ, или погрѣшности противъ

предлагали ему научные, иногда очень трудные, вопросы, на которые онъ не отказывался давать отвѣты. Студенты всегда съ любовію относились къ о. Гермогену, своему бакалавру и инспектору, высоко цѣня его снисходительность и рѣдкую доброту; они заимообразно брали у него деньги на дорогу при отъѣздѣ къ роднымъ въ вакаціонное время. Однажды послѣ раздачи денегъ студентамъ, у инспектора осталось только 50 коп. сер. Въ это время пришелъ къ нему за деньгами родственникъ ученикъ Виоанской семинаріи, П. С—въ (нынѣ священникъ московскій). Что же? Гермогенъ, истинно добрый и милосердый, отдалъ ему и эту послѣднюю полтину! Вотъ скоро 50 лѣтъ минеть съ той поры, но эта деньга доселѣ не забыта.

Новая монастырская жизнь для архимандрита Гермогена не была временемъ покоя; онъ продолжалъ неутомимо трудиться на пользу общества.

Января 27 дня 1818 года онъ сдѣланъ присутствующимъ членомъ московской духовной консисторіи, и, несмотря на тѣлесную немощь, старался неопустительно исполнять эту должность, отличая себя безпристрастіемъ, даже по отношенію къ роднымъ. За полезную дѣятельность, особенно по епархіальному вѣдомству, всемилостивѣйше сопричисленъ 28 сентября 1820 года къ ордену св. Анны второй степени.

1822 года, декабря 18 дня, по указу Святѣйшаго Синода, Гермогенъ определенъ надзирателемъ единовѣр-

частныхъ истинъ вѣры Евангельской. 2) Первые обличать съ ревностію, послѣднія въ духѣ терпѣнія и мира. 3) Каждое ложное ученіе разсматривать сперва а) исторически, потомъ б) догматически, наконецъ в) критически.»

ческой типографіи; обязанность его состояла въ наблюденіи за вѣрностію старопечатнымъ образцамъ новопечатаемыхъ для единовѣрческой церкви богослужебныхъ книгъ.

Какъ членъ комитета, устроеннаго въ Москвѣ для вспоможенія жителямъ С.-Петербурга, потерпѣвшимъ отъ наводненія, онъ получилъ Высочайшее благоволеніе 18 декабря 1824 года.

Въ первые годы своей жизни въ монастырѣ, Гермогенъ ревностно трудился въ проповѣданіи слова Божія. Когда здоровье позволяло, онъ имѣлъ обыкновеніе и въ простые и въ праздничные дни говорить въ своей монастырской церкви поученія, которыя впрочемъ не всегда писалъ, а произносилъ по большей части то, что обдумывалъ передъ службой (ш). Нерѣдко онъ бесѣдовалъ, по видимому, безъ предварительнаго приготовленія. На налой полагалась книга: поученія (на всѣ воскресные и праздничные дни), изданныя отъ Святѣйшаго Синода. Гермогенъ прочитывалъ изъ этой книги нѣсколько строкъ, а дальнѣйшее говорилъ уже отъ себя. Онъ всегда представлялъ отъ сердца, и въ томъ случаѣ, если письменю излагалъ свою проповѣдь, заботился не о внѣшнемъ совершенствѣ ея, а единственно о назидательности и общепонятности для слушателей. Нѣкоторою искусственностію отличаются развѣ слова, говоренныя по особенному случаю или по назначенію, но и въ нихъ находимъ выраженіе его добраго сердца (ш).

(ш) Нѣкоторыя изъ проповѣдей его я получилъ отъ тепершняго настоятеля Андроникова мон., архимандрита Иннокентія.

(щ) Укажемъ на одно напечатанное его «надгробное слово

Въ 1830 году, когда въ первый разъ посѣтила Москову холера и въ Рогожской части былъ открытъ комитетъ для принятія мѣръ къ скорѣйшему прекращенію этой болѣзни, — арх. Гермогенъ, по назначенію епархіаль-

при погребеніи Г—жи Смольянской, произнесенное 1821 г. іюня 22 дня». Оно написано изъ текста: *праведникъ, аще пошлится скончатися, въ покои будетъ* (Прем. 4, 7); тема слѣдующая: «что успокоиваетъ и утѣшаетъ праведника при прагѣ отверзающіяся для него вѣчности»? Выписываемъ изъ этого слова одну часть, замѣчательную по изложенію.

«Порфиросный пророкъ Давидъ, очами вѣры и надежды провидя имѣющее пріять его по смерти блаженное состояніе, какъ нѣкій узникъ, въ странѣ чуждой скорбями гнетомый, горькими оплакивалъ слезами плотію воспящаемое приближеніе онаго: *увѣ мнѣ!* вопіалъ онъ, *яко пришествіе мое продолжися.* Что если бы и намъ, сл., возможно было бранными очами плоти, хотя въ продолженіе одного мгновенія, взрѣть на состояніе преселяющихся праведниковъ? Тогда дозволеніе роскошнаго, обиліе богача, громкую славу завосвателя, словомъ, вся красная міра мы бы за умѣты вмыслили. Ибо что срѣтаетъ и что сопровождаетъ вхожденіе праведника во врата вѣчности? — Торжественное вхожденіе! — Не херувимъ съ пламенникомъ въ рукахъ воспящаетъ путь ему, но тьмы Ангеловъ переносятъ его къ вечери, Агнецъ, прежде міръ не бысть закланнымъ, уготованной. Не Богъ раздраженный, не судія правосудный, мечемъ устъ своихъ поразить готовый, срѣтаетъ его; но кроткій, чадолюбивый, милосердый Отецъ пріемлетъ его на отчес лоно свое. Не цѣпь злодѣяній, на распутіяхъ міра содѣваемыхъ, влечется за нимъ, но рядъ добродѣтелей, рясны златыми одѣявшихъ душу его, сопровождаетъ его. Нищета духовная, чистота сердечная, кротость благопокорливая, братолюбіе безпритворное, самоотверженіе кровавое, облекшія его во одежду бѣлу заслуги Искупителя, послѣдствуютъ за нимъ. Вотъ краткое и слабое изображеніе торжественнаго вшествія, подвигами вѣры украшеннаго, христіанина во врата горняго Іерусалима!»

наго начальства (25 сент.), участвовалъ въ семь комитетѣ, какъ членъ.

Для вспомошествованія бѣднымъ людямъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія, былъ учрежденъ 30 ноября при архіерейской каедрѣ временный комитетъ; однимъ изъ членовъ его значится и настоятель Андрониковой обители.

Богъ, дивный во святыхъ своихъ, несказанно утѣшилъ русскую церковь преславнымъ открытіемъ, 6 августа 1832 года, нетлѣнныхъ мощей св. Митрофана, перваго епископа воронежскаго, скончавшагося въ 1704 году. Предварительно, для удостовѣренія о нетлѣнии тѣла его и о чудесныхъ дѣйствіяхъ, совершающихся при гробѣ его надъ болящими, открыта была въ Воронежѣ (18 и 19 апрѣля 1832 г.) изслѣдовательная комиссія. Ее составляли: Евгеній, архіепископъ рязанскій (*), Антоній, епископъ воронежскій, Спасо-Андрониковскій архимандритъ Гермогенъ и еще нѣсколько лицъ (**). Такое великое порученіе возложено на архимандрита Святѣйшимъ соборомъ російскихъ іерарховъ, безъ сомнѣнія, во вниманіи къ его нравственнымъ достоинствамъ. По исполненіи сего порученія, онъ сталъ еще болѣе ревновать о вышемъ преслѣнаніи въ благочестіи.—6-го декабря того же года, Гермогенъ всемилостивѣйше соприсчисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й ст. «въ воздаяніе долговременнаго, всегда усерднаго служенія его по епархіальному вѣдомству и за соучастіе въ слѣдственной о мощахъ воронежскаго святителя Митрофана комиссії, въ коей онъ былъ членомъ.

(*) Нынѣ управляетъ Донскимъ мон.

(**) «Сказаніе о обрѣтеніи и открытіи честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Митрофана». М. 1846. стр. 9—10.

Въ 1834 г. октября 5-го, объявлено архимандриту благословеніе Святѣйшаго Синода «за попечительность и распорядительность къ сохраненію ввѣренной ему обители въ крайней опасности во время пожара въ Москвѣ, въ Рогожской части 13-го іюля». Въ самомъ началѣ опасности, онъ не зналъ что дѣлать; на паперти палъ на колѣна и съ воздѣтыми руками молился, предавая обитель волѣ Божіей.—Послѣ пожара онъ былъ членомъ комитета, учрежденнаго въ Андрониковѣ монастырѣ, въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ, для пособія пострадавшимъ отъ пожара: за сей трудъ, 1837 года, мая 31 дня, объявлена ему благодарность высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филарета.

Во время его настоятельства въ монастырѣ произведены значительныя постройки и открыта, въ 1826 году, больница для помѣщенія заштатныхъ дряхлыхъ старцевъ, не имѣющихъ серьезныхъ болѣзней, каковыя лица и назначаемы были по временамъ начальствомъ въ сію больницу (*).

Отношенія его, какъ настоятеля, къ братіи монастыря, проникнуты были духомъ кротости и отеческой снисходительности. Гермогенъ иногда нарочно какъ будто не замѣчалъ погрѣшностей со стороны подчиненныхъ, ввѣренныхъ его надзору. Черезъ это нѣкоторые болѣе

(*) О ней и другихъ постройкахъ см. въ книгѣ: «Историч. опис. моск. Спасо-Андрон. мон.» 1865 г. стр. 82—85, 87—88. Еще въ 1842., при жизни Гермогена, напечатана была книга: «Спасо-Андрониковъ», сочиненіе Н. Иванчина-Писарева. Авторъ изъявляетъ свою благодарность за трудъ, который о. Гермогенъ взялъ на себя сопутствовать ему по всѣмъ мѣстамъ монастыря. (стр. 46).

остерегались его, полагая, что настоятель имѣеть о нихъ доброе мнѣніе, старались удержать оное за собою своимъ благоповеденіемъ. Вразумляя, когда нужно, виновныхъ, онъ своимъ сердечнымъ словомъ доводилъ ихъ не только до сознанія своихъ проступковъ, но и до слезъ, которыя были свидѣтельствомъ искренняго раскаянія. Добрый, онъ всегда готовъ былъ простить виновнаго. Иному скажетъ: «ищи другое мѣсто», а послѣ прощалъ его, если послѣдній, въ чувствѣ раскаянія, просилъ объ этомъ. Впадшихъ въ уныніе онъ ободрялъ и утѣшалъ.

Въ дополненіе сейчасть сказаннаго нами помѣщаемъ здѣсь подлинный разсказъ о Гермогенѣ 80-лѣтняго старца Андроникова монастыря, раба Божія Павла. «Что и говорить? ангелъ былъ, а не человѣкъ.... Никто не скажетъ о немъ худаго.... Къ братіи ласковъ; бывало съ радостію встрѣчаешь его, или идешь къ нему... Нерѣдко и самъ онъ ходилъ по келліямъ и всегда спрашивалъ каждаго монаха или послушника: «есть ли книга у тебя? Читаешь ли»? Непремѣнно требовалъ, чтобы у всякаго была книга (Четіи минеи, прологъ и под.), и для этаго велѣлъ раздавать книги изъ библіотеки монастырской. А входя въ церковь, осматривалъ клиросъ, и если кого изъ насъ не оказывалось, говорилъ послушнику: «сходи за нимъ». Враждующихъ примирялъ; одно слово покойнаго дѣйствовало на нихъ; а когда замѣчалъ сильную вражду, — угрожалъ: «завтра, завтра въ Соловецкій (монастырь), если не помиритесь!» Тогда виновные падали предъ нимъ на колѣна, прося прощенія, и иногда обнимали другъ друга въ знакъ примиренія..... Рѣдкій былъ человѣкъ! Кто его не любилъ? Послѣ смер-

ти его, я разъ видѣлъ его во снѣ въ бѣломъ одѣяніи: онъ представился идущимъ» (*).

Еще при жизни его, въ одномъ московскомъ журналѣ было заявлено, что о. Гермогенъ «служить примѣромъ монашествующимъ, соединяя глубокую ученость съ смиренномудріемъ и пощеніемъ» (†).

Дѣйствительно. Архимандрить былъ мужъ глубоко-ученый, просвѣщенный словомъ Божиимъ и писаніями святоотеческими. Русскую и особенно церковную исторію онъ зналъ превосходно, какъ утверждаетъ П. В. Хавскій. Надобно было видѣть его въ кругу образованныхъ, благочестивыхъ людей, чтобы цѣнить его высокую христіанскую мудрость. Когда спрашивали сего опытнаго наставника о духовныхъ предметахъ или о духовной жизни, онъ, забывая свою болѣзнь и усталость, говорилъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что и ученые мужи (напр. профессоръ моск. академіи Ѳ. А. Голубинскій) слушали его съ особеннымъ вниманіемъ и старались чаще пользоваться его бесѣдой (‡). Покойная графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, извѣстная подвижница и благотворительница, многократно посѣщала его, или приглашала въ свой домъ за калужскими ворота-

(*) Когда старецъ (въ 1836 г.) объявилъ желаніе поступить въ монастырь, настоятель спросилъ его между прочимъ: «не давалъ ли ты какихъ обѣтовъ?» Тотъ отвѣчалъ: «обѣщавъ Богу сходить въ Кіевъ.»—«Сходи же сначала въ Кіевъ и потомъ приходи сюда,» сказалъ о. Гермогенъ.

(†) Москвитанинъ 1845 г. ч. 2. № 3, цитов. статья Н. Иванчина—Писарева.

(‡) Во время святокъ и въ другія каникулы, Голубинскій гасивалъ у арх. Гермогена. Онъ былъ магистръ 1-го курса моск. акад.

ми (*). Князь Петръ Петровичъ Вадбольскій былъ другомъ и ученикомъ его (°). Нѣкогда, послѣ долгой бесѣды съ нимъ, князь сказалъ родственнику архимандрита: «не вышелъ бы отъ него: такъ улаживаетъ его бѣсѣда!»

Приведемъ здѣсь кстати разговоръ о Гермогона съ родственнымъ діакономъ, который въ числѣ четырехъ кандидатовъ просился на священническое мѣсто.

«Какъ твое дѣло? спросилъ его архимандритъ.—«Вчера преосвященный Виталій (викарій моск. митрополіи) экзаменовалъ насъ». — «Кому же изъ васъ онъ далъ преимущество?» — «Кажется мнѣ». — «Слава Богу! Стало быть, ты отвѣчалъ удачнѣе другихъ?» — «Отвѣчалъ удовлетворительно, но одного вопроса не могъ рѣшить». — «Какой былъ данъ вопросъ?» — «Преосвященный предложилъ мнѣ представить неоспоримое доказательство воскресенія Христова, не касаясь евангельскаго повѣствованія о немъ; но я не могъ и теперь не могу придумать такого доказательства». — «Не мое дѣло разгадывать, въ чемъ преосвященный полагаетъ доказательство; впрочемъ думаю, что такимъ доказательствомъ можетъ служить праздникъ воскресенія Христова, установленный еще въ первенствующей церкви, вскорѣ послѣ вознесенія Спасителя на небо. Представь себѣ, что мы съ тобою, въ числѣ многихъ другихъ, стоимъ на берегу большой рѣки, и что въ гла-

(я) Въ Андрониковомъ мон., именно въ Спасскомъ соборѣ, похоронены дѣдъ и бабка (по матери), мать и братъ ея. Сама она погребена въ Юрьевскомъ мон. Воспоминаніе о ней см. въ Прибавл. къ твор. св. от. ч. VIII, стр. 316—327.

(е) У князя была родная сестра-игуменья Агнія, настоятельница моск. Никитскаго женскаго монастыря. Оба уже покойные.

захъ нашихъ нѣкоторый челоѣкъ перешель къ намъ по водѣ, съ противоположнаго берега рѣки. Пораженные этимъ необычайнымъ случаемъ, мы воздвигнули памятникъ на семь мѣстѣ въ честь ходившаго по водамъ. Возможно ли предполагать, чтобы потомки наши, чрезъ сто, двѣсти лѣтъ, усомнились въ истинѣ сказаннаго событія? Нѣтъ. Памятникъ, воздвигнутый нами, будетъ непререкаемымъ, нагляднымъ свидѣтелемъ онаго. Такъ равно, я думаю, и праздникъ воскресенія Христова, установленный св. апостолами (†), видѣвшими, осязавшими Его, многократно бесѣдовавшими съ Нимъ и наконецъ проводившими Его на небо, есть несокрушимый монументъ, непререкаемо возвѣщающій міру, что Господь нашъ дѣйствительно воскресъ изъ мертвыхъ.»

Гермогенъ отъ природы отличался смиреніемъ: но онъ умѣлъ христіански развить въ себѣ эту черту характера. *Ища славы, яже отъ единого Бога* (Іоан. 5, 44.), онъ старался быть, сколько возможно, не знаемъ людьми; такъ онъ не согласился на желаніе одного родственника имѣть портретъ его. «Ты, братецъ, (такъ многихъ называлъ), что вздумалъ», сказалъ онъ съ удивленіемъ. Когда узналъ, что въ одномъ родственномъ ему семействѣ по особенному вниманію къ нему, назвали новорожденнаго сына Гермогеномъ,—замѣтилъ: «да, патриархъ Гермогенъ былъ великій и святой челоѣкъ».

Воздержаніе архимандрита въ пищѣ было постоянное: онъ кушалъ только одинъ разъ въ сутки, обы-

(†) Св. Климентъ, ученикъ апостоловъ, въ книгѣ своей объ іерархіи прямо говорить: «мы получили отъ апостоловъ преданіе о празднованіи каждаго воскреснаго дня.» De ier. cap. 15. Сн. 9-е апостольское правило.

кновенно въ три часа, когда возвращался изъ консисторіи, а пища его была самая простая. Во время истощанія тѣлесныхъ силъ, употреблялъ и позднимъ вечеромъ пищу — хлѣбъ съ водой. При одномъ случаѣ вотъ что Гермогенъ сказалъ жившему у него племяннику: «конечно, хорошіе обѣды пріятны: но если мнѣ ихъ дѣлать, тогда чѣмъ же стану помогать роднымъ?» Для того, чтобы питать бѣдныхъ, онъ самъ постился!

Наблюдая мѣру въ пищѣ, покойный и для словъ своихъ *сотвори въсь и мѣру* (Сир. 28, 29.). Отъ самой природы молчаливый, онъ иногда намѣренно уклонялся отъ другихъ, чтобы не согрѣшить празднымъ словомъ; бывало, *сядетъ наединѣ и умолкнетъ* (Плач. 3, 28). А когда онъ говорилъ, языкъ его былъ «орудіемъ словесъ назидательныхъ, спасительныхъ, словесъ пріятныхъ и Богу и людямъ» (изъ его проповѣди). Не любилъ благочестивый мужъ говорить о себѣ самомъ, особенно о своихъ келейныхъ подвигахъ, и разглашать чужіе недостатки. Онъ слѣдовалъ правилу: «знай себя, и будетъ съ тебя» (любимая поговорка Ѳ. А. Голубинскаго). Не только не осуждалъ самъ, но и прочихъ удерживалъ отъ осужденія. Когда услышитъ отъ кого что-либо предосудительное о другихъ, бывало, скажетъ только: «ты этого не понимаешь;» или: «это преждевременный слухъ, который послѣ можетъ оказаться невѣрнымъ.» Такъ онъ всегда старался устранить невыгодное мнѣніе насчетъ ближнихъ.

Незлобіе и терпѣніе Гермогена были необыкновенны. Миръ, завѣщанный Іисусомъ Христомъ (Іоан. 14, 27), всегда обиталъ въ его кроткой душѣ, такъ что, по всей справедливости, можно назвать его *сыномъ*

мира (Лук. 10, 6). На обидныя слова онъ не отвѣчалъ обидой и считалъ за лучшее молча перенести насмѣшку, обиду, нежели побѣдить отвѣтомъ, или мстить за это. Какъ бы кто ни огорчилъ его, онъ не имѣлъ гнѣва на того человѣка. Нерѣдко ему подавали пищу не хорошаго качества или не хорошо приготовленную. Онъ не только не гнѣвался на это, но даже ничего не замѣчалъ. «Что за удивительный человѣкъ! (слова келейника). Подавай ему одной травы,—будетъ съ удовольствіемъ кушать и ничего не скажетъ!» Иногда онъ во весь день спокойно оставался безъ пищи, или вмѣсто обѣда кушалъ одинъ черный хлѣбъ съ квасомъ: это случалось во время пьянства повара. Человѣкъ Божій имѣлъ различныя скорби—но *терпѣлъ настоящая мужественно, веселяся будущими*; онъ никогда не только не ропталъ, даже не говорилъ никому о своихъ скорбяхъ. Съ мученическимъ терпѣніемъ переносилъ онъ томительный недугъ, который терзалъ его почти всегда, и особенно предъ ненастьемъ, такъ что нерѣдко всю ночь проводилъ онъ въ страшномъ изнеможеніи (*). Въ болѣзненныхъ припадкахъ ложился спать не на постель, а на полу — и непременно въ проходныхъ дверяхъ, поперегъ ихъ, или съ однимъ одѣяломъ (тулупомъ) уходилъ въ необитаемыя, пустыя комнаты.

Блаженной памяти о. Гермогенъ любилъ молитву, которая улаждала и укрѣпляла его душу. Несмотря на свое бо-

(а) Нервная болѣзнь его была соединена съ постояннымъ мокротнымъ кашлемъ. Особенно дурно сталъ чувствовать себя съ той поры (1839 г.), какъ полежалъ на стогѣ сѣна въ саду, послѣ дождя. Отъ этой неосторожности приключилось жестокое воспаление въ боку; во время лѣченія онъ истратилъ много крови.

лѣзненное состояніе, онъ не опускалъ ни одной службы церковной. Въ будни онъ становился на правомъ клиросѣ (монашенствующіе на лѣвомъ). Въ воскресные и праздничные дни самъ служилъ литургію. Изъ дома молитвы онъ приносилъ духъ молитвы и въ свою келлію. Послѣ обѣдни читалъ Библію, которая всегда находилась на столѣ; послѣ вечерни заставлялъ племянника читать Псалтирь, а самъ изнеможенный лежалъ въ это время. Передъ грозой и во время грозы также заставлялъ читать псалмы, и слушалъ ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Иногда призывалъ къ себѣ пѣвчихъ (двоихъ племянниковъ: послушника и ученика Андрониковскаго дух. училища), и какъ скоро они, по приказанію его, начинали пѣть: *достойно есть....*, онъ повергался крестообразно на-поль.

Въ лѣтнее время, любя природу, благоговѣйный старецъ удалялся въ рощицы на берегу Яузы, не-то уходилъ въ свой садъ, гдѣ посвящалъ себя уединенію и Богомыслию. Садъ у него былъ въ запущеніи: въ немъ росла большая трава и вмѣсто дорожекъ были тропинки, пробитыя его стопою. Иногда послѣ ранней обѣдни онъ тотчасъ же шелъ въ садъ, и оставался тамъ сутокъ по двое безъ чая и пищи; спалъ въ бесѣдкѣ. Въ подобныхъ случаяхъ келейникъ отказывалъ посѣтителямъ, говоря: «архимандритъ уединился въ саду и не показывается;» развѣ только осторожно узнавалъ: благополученъ-ли онъ? Нѣкоторымъ удавалось подмѣчать его въ саду стоящимъ на колѣнахъ съ воздѣтыми къ небу руками, или распростершимся на землѣ предъ церковію. «Иной разъ придешь къ отцу архимандриту и выстаиваешь, пока онъ не оглянется или не окончитъ своей молитвы:» такъ говоритъ одинъ изъ родственниковъ.

Или въ глубокой задумчивости онъ ходилъ по монастырю: келейникъ нѣсколько разъ долженъ былъ напоминать ему, что время обѣдать или чай пить. Братія монастыря нерѣдко видѣли его сидящимъ на камнѣ (вѣроятно на кладбищѣ) и плачущимъ (6).

Гермогенъ наблюдалъ во всемъ строгую простоту — и въ пищѣ, и въ одеждѣ (дома носилъ халатъ), и въ убранствѣ комнатъ, и въ обращеніи съ разными лицами, которое было чуждо всякой изысканности. Такъ называемыхъ визитовъ онъ не дѣлалъ безъ особенной нужды; родныхъ (московскихъ) посѣщалъ, когда открывался удобный случай, или во время болѣзни кого-либо изъ нихъ; не читалъ другихъ книгъ, кромѣ священныхъ или отеческихъ, которыя раждаютъ въ душѣ скорбь по Бозѣ и питаютъ чувство умиленія. Отрѣшенность отъ мірскаго простиралась въ немъ до того, что деньги свои считалъ онъ не рублями, а количествомъ ассигнацій, чѣмъ пользовались его келейники, обмѣнивая во время его отсутствія крупныя ассигнаціи на мелкія. Когда казначей приносилъ ему деньги изъ кружки, онъ росписывался въ полученіи, не обращая вниманія на итогъ и на полноту итога.

Скромною жизнію и монашескимъ воздержаніемъ Гермогенъ накоплялъ немалыя суммы денегъ, а придетъ часъ, все раздастъ не однимъ своимъ роднымъ, а и чужимъ. Когда онъ возвращался изъ консисторіи, у крыльца встрѣчали его нищіе, которые непременно получали

(6) См. историч. опис. Спасо-Андр. мон. 1865 г. стр. 93. Онъ (говорятъ) любилъ сидѣть еще у палисадника училищнаго противъ Спасскаго собора, и на этомъ мѣстѣ иногда выслушивалъ всенощную, которая совершалась въ соборѣ.

отъ него милостыню. Архимандрить принималъ бѣдныхъ причетниковъ и доставлялъ имъ пособіе по мѣрѣ нуждъ. Нѣкоторыя лица взаимообразно брали у него деньги: онъ никогда не напоминалъ о возвращеніи ихъ, исполняя евангельскую заповѣдь: *взаимъ дайте, ничесомъ чающе* (Лук. 6, 35). Онъ истинно былъ отецъ и благодѣтель для своего родства; онъ содѣйствовалъ роднымъ въ пристройствѣ дочерей ихъ, своихъ племянницъ, съ приличнымъ награжденіемъ. Нѣкоторые изъ бѣдныхъ племянниковъ—учениковъ жили у него, а другіе у прочихъ родственниковъ или у чужихъ людей, но за содержаніе ихъ платилъ Гермогенъ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ, нынѣ священникъ: «когда я обучался въ московской семинаріи, о. архимандрить давалъ мнѣ денегъ и на одежду и на книги, и вообще на содержаніе. Конечно, онъ дѣлалъ это съ осмотрительностію, и предварительно спрашивалъ о нуждахъ. Передъ выдачею денегъ говорилъ: «учись и веди себя хорошенько (*). Обращался привѣтливо, ласково, но сдержанно и прилично сану. Иногда я читалъ ему свои сочиненія, и онъ восхищался моими мало-мальскими успѣхами».

Къ роднымъ и ближнимъ Гермогенъ горѣлъ такою любовію, что о болѣзни или о смерти кого-либо изъ нихъ и слышать не могъ равнодушно, но тотчасъ уходилъ и уединялся. Особенно смутился и скорбѣлъ, узнавши, что братъ Матвѣй II—чь утонулъ въ рѣкѣ; много молился за него.

Не смотря на свою болѣзнь, онъ жилъ довольно дол-

(*) Нѣкоторые изъ племянниковъ огорчали его своею вольностію и лѣностію: такимъ онъ навсегда отказывалъ въ помощи.

го (67 л.), при строгомъ воздержаніи. Подобно Давиду, и онъ скорбьми гнетомъ не разъ конечно вопіялъ: *увы мнѣ! яко пришельствіе мое продолжися* (Псал. 119, 5). За нѣсколько дней до смерти, онъ, почувствовавъ большую слабость пожелалъ подкрѣпить себя небесною пищею тѣла и крови Христовой, и причастился въ келліи. Положеніе его не казалось очень опаснымъ, и потому никто изъ врачей не былъ приглашенъ. Наканунъ своей кончины, онъ рѣшился даже выѣхать въ Петровскій монастырь, гдѣ былъ храмовой праздникъ въ честь Боголюбской иконы Божіей Матери. Онъ прибылъ въ покои настоятеля архим. Гавріила (г) послѣ поздней литургіи, какъ будто желалъ проститься съ духовными лицами, которыхъ встрѣтилъ здѣсь. Всѣ были поражены изможденнымъ, страдальческимъ видомъ старца; точно онъ возсталъ отъ гроба и явился многимъ! Вскорѣ онъ почувствовалъ дурноту и поспѣшилъ возвратиться домой. Въ день кончины о. Гермогенъ исповѣдался и причастился св. Таинъ. Надъ больнымъ было совершено и таинство Елеосвященія, послѣ чего онъ благословилъ монашествующихъ, казначею іеромонаху Серапіону сказалъ: «благодарю тебя», и простился съ родными. Когда, по требованію его, вошли штатные монастыря, архимандрить благословилъ ихъ. Теперь, по видимому, уже все сдѣлано было со стороны умирающаго: однако онъ еще пожелалъ (за часъ до кончины), чтобъ у одра его былъ прочитанъ акаѳистъ Божіей Матери. Трогательно было слышать пѣніе стиха:

(г) По смерти Гермогена, онъ переведенъ на настоятельную должность въ Андрониковъ мон., 22 сент. 1845 г. Былъ благочиннымъ монастырей.

«радуйся Невѣсто неневѣстная!» Тихо, безъ замѣтныхъ страданій, догорала его жизнь. Послѣ многихъ трудовъ и болѣзней, человекъ Божій съ благодушіемъ ждалъ часа смертнаго, чтобы соединиться съ Богомъ, Котораго любилъ болѣе всего и мирно скончался, 19 іюня 1845 года, въ 35 минутъ 8-го часа по полудни.

Страдальческое тѣло его, послѣ положенія во гробъ было перенесено въ Спасскій соборъ, гдѣ за упокой новопреставленнаго служили панихиды во всякое время, по усердію и просьбѣ посѣтителей. На канунѣ погребенія его, въ два часа по полудни, изволилъ прибыть въ Андрониковъ монастырь высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ, чтобы благословить въ Бозѣ почившаго архимандрита и проститься съ нимъ. Въ день погребенія, 22 числа, заупокойную литургію совершалъ преосвященный Іосифъ, викарій московскій (послѣ архіепископъ *воронежскій*) съ соборомъ сослужащихъ. Въ концѣ литургіи Знаменскимъ архимандритомъ *Митрофаномъ* произнесено съ живымъ, сильнымъ чувствомъ надгробное слово. Отпѣваніе тѣла по чину монашескому совершили преосвященные: Іосифъ и Діонисій (*), со многими сослужащими. Многие изъ окружавшихъ гробъ пролили слезы.

Тѣло покойнаго старца предано землѣ близъ алтаря Спасскаго собора. Но при постройкѣ придѣла (на правой сторонѣ собора) во имя Успенія Божіей Матери, могила арх. Гермогена подошла подъ самый алтарь придѣла.

(*) Преосвящ. Діонисій, бывшій епископъ пермскій, конецъ своей жизни провелъ на покоѣ въ Богоявленскомъ москов. монастырѣ. Скончался на 76 году своей жизни и погребенъ апрѣля 27 дня 1848 года въ Знаменской церкви Андроникова монастыря.

Такой великой чести онъ сподобился послѣ смерти своей, конечно, не безъ воли Божіей. Вѣрно, многотрудное тѣло его было *храмомъ св. Духа* (1 Кор. 6, 19).

Въ дополненіе къ сказанному приведемъ нѣсколько поучительныхъ замѣчаній о характерѣ Гермогева изъ слова, говореннаго предъ отпѣваніемъ его.

«Пріятно и назидательно было видѣть кротость души въ семь усопшемъ мужѣ Божіемъ и на чредѣ его настоятельства, и въ учительскомъ служеніи слову истины, и въ предсѣдательствѣ зеркалу законовъ. Какъ тиха и глубока во всемъ была его кротость!—Она была такова, что грубый или дерзкій порокъ однихъ не приводилъ его въ изступленное негодованіе; противорѣчіе и упорство другихъ не обнаруживало въ немъ сильныхъ порывовъ гнѣва и прещенія; оскорбленіе, причиняемое иногда самолюбію, не выводило изъ границъ молчаливѣйшаго терпѣнія, которое въ подобномъ случаѣ простиралось въ немъ почти до безстрастія. Она была такова, что никто изъ устъ его не слыхалъ ни горячихъ споровъ, ни рѣзкихъ возраженій, ни настойчивыхъ притязаній, ни возвышеннаго голоса въ обыкновенныхъ бесѣдахъ, ни грознаго повелительнаго слова въ кругу подчиненныхъ; никто не встрѣчалъ на лицѣ его суроваго или недовольнаго взгляда, ни холоднаго или неласковаго пріема, словомъ: ни малѣйшихъ оттѣнковъ духа раздражительнаго, тревожнаго. Поистинѣ, какъ челоуѣкъ Божій, это былъ *потаенный сердца челоуѣкъ, въ неплънномъ украшеніи кроткаго и молчаливаго духа*, что, по слову апостола, *предъ Богомъ многоцѣнно*. (1 Петр. 3, 4.)

«И сколь многоцѣнно было сіе предъ челоуѣками! Кто

изъ насъ не уважалъ искренно въ немъ отличную кротость и смиреніе сердца, зная, что оно было не притворное или лицемѣрное, но истинное сокровище духа Евангельскаго? Кто, бесѣдуя съ нимъ, не пользовался его словомъ благимъ и кроткимъ, раствореннымъ всегда солю духовной мудрости? Кто не отходилъ отъ него исполненнымъ назиданія, говоря часто по истинѣ: *это Божій человекъ?* — И не мы одни, братіе и сослужители усопшаго, всегда съ признательностію сочувствовали въ семь другъ другу, но и святѣйшій соборъ російскихъ Іерарховъ не мало почтилъ въ немъ кротость сердечную своимъ вниманіемъ, не столько какъ даръ счастливой природы, сколько какъ прекрасный плодъ его духовной, внутренней жизни. Не мы одни, но и многіе сыны церкви благословяютъ память его, какъ память человека Божія, добрѣ Богу и церкви послужившаго. Нѣтъ нужды теперь расточать ему наши похвалы: *похваленіе его сіе есть свидѣтельство его совѣсти яко въ простотѣ и чистотѣ Божіей, не въ мудрости плоти, но благодатію Божією пожилъ онъ въ вѣцѣ семь* (2 Кор. 1, 12).»

«Но вѣнецъ и совершенство христіанской кротости, безъ сомнѣнія, есть терпѣливое несеніе креста, послушаніе и вѣрность даже до смерти.

«Трогательно и вмѣстѣ поучительно было зрѣть, слушатели, какъ кротко и безропотно приснопамятный сей мужъ умѣлъ всегда переносить свой томительный недугъ, при слабомъ сложеніи тѣла, при образѣ жизни воздержной и строгой, при трудахъ служенія постоянно усердныхъ! Кто изъ насъ не знаетъ, съ какою ревностію, препобѣждая даже свое неможеніе, онъ готовъ былъ

всегда быть тамъ, куда призывалъ его или долгъ званія, или порученія начальства, или обязанности братолюбія? Для другихъ, менѣе терпѣливыхъ подѣ такимъ крестомъ, *лучше есть смерть паче живота горька, или недуга долгаго* (Свр. 30, 17), а для него всегда дорого было послушаніе своему долгу, для котораго забывалъ онъ всѣ почти трудности, такъ что и послѣдніе дни изнемогающей въ немъ жизни угасли на поприщѣ дѣйствительнаго служенія церкви и іерархіи. Молитва и слово Божіе были единственнымъ подкрѣпленіемъ скудныхъ силъ его и утѣшеніемъ въ скорби сей, и онъ такъ взывалъ съ пророкомъ: *то мя утѣши во смиреніи моемъ, Господи, яко слово Твое живи мя!* (Псал. 118, 50).»

А. Г—й.

В Е Р Б А ^(а)

Освященіе и разданіе вербы чадамъ своимъ Православная церковь совершаетъ въ шестую недѣлю великаго поста. Радостенъ былъ для меня этотъ праздникъ въ лѣтахъ дѣтства; радостенъ и теперь, когда сѣдина уже изпестрила поникшую голову. Въ дѣтствѣ эта радость была какимъ-то безотчетнымъ чувствомъ. Но теперь время дать себѣ отчетъ въ этомъ чувствѣ и возвысить его на степень чувства духовнаго и разумнаго.

За вѣсколько дней до праздника Іудейской пасхи пришелъ Іисусъ Христосъ въ Виванію, отстоящую недалеко отъ Іерусалима; тамъ Онъ воскресилъ друга Своего Лазаря, тогда какъ тлѣніе уже оказало надъ умершимъ свою разрушительную силу. Это чудо благотворно подѣйствовало на іудеевъ. Вскорѣ за тѣмъ Спаситель

(а) Эта статья принадлежитъ автору статьи, подъ такимъ же названіемъ помѣщенной въ «Воскресномъ Читеніи» за 1843 годъ, но не одинакова съ нею.

благоволилъ посѣтить Іерусалимъ, полный въ то время пришедшими на праздникъ пасхи: и народъ еврейскій встрѣтилъ Его торжественно, съ кликами радости. Подражая богоизбранному народу, и мы въ Вербное воскресеніе привѣтствуемъ Спасителя хвалебными пѣснями, держа въ рукахъ своихъ освященную вербу. Торжество наше полнѣе и радость возвышеннѣе, чѣмъ у Евреевъ, современныхъ Мессіи, ими неузнанному. Въ воскресеніи Лазаря они видѣли только воскресеніе частное, а церковь христіанская въ этомъ частномъ воскресеніи видитъ залогъ воскресенія общаго; потому и поетъ въ радости Побѣдителю смерти: «Общее воскресеніе увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже»,—и какъбы въ подкрѣпленіе сей вѣры раздаетъ своимъ чадамъ вещественное знаменіе побѣды надъ смертію—красную вербу. Въ нашемъ холодномъ климатѣ верба первая изъ всѣхъ растений, при наступленіи весны, проявляетъ въ себѣ начатки жизни, послѣ зимней мертвенности. И въ этомъ отношеніи она, дѣйствительно, можетъ быть знаменіемъ побѣды жизни надъ смертію. Отсюда должны быть понятны слова церковной пѣсни: «тѣмъже и мы, яко отроцы (еврейскіе), побѣды знаменіе носяще, Побѣдителю смерти вопіемъ: осанна!» Смотри на вербу въ началѣ весны и съ отраднымъ чувствомъ замѣчая въ ней возраждающуюся жизнь, мы естественно предполагаемъ, что скоро и другія растенія также обнаружатъ въ себѣ жизненность, — нальются живительною

влагой и одѣнутся листьями. Такъ, если Господь возбудилъ къ жизни умершаго Лазаря: то можемъ ли сомнѣваться, что настанетъ время, когда Онъ воскреситъ и весь родъ человѣческій? Не подумайте, что мысль эта несправедлива, какъ заключеніе отъ частнаго къ общему: во-человѣчившійся Богъ есть глава не одного только или нѣсколькихъ людей, но всего рода человѣческаго,—и животворящая сила Его проникаетъ во все потомство Адама. Если послѣ зимняго холода одно ожившее растеніе предзнаменуетъ оживленіе и всѣхъ прочихъ, потому что живительный свѣтъ весенняго солнца дѣйствуетъ на все растительное царство: почему же, видя воскресеніе одного умершаго, не ожидать намъ воскресенія всеобщаго?... Животворная сила духовнаго солнца—Христа простирается на всѣхъ и на все, безъ исключенія.

Но верба намекаетъ не только на всеобщее воскресеніе, но и на крестную смерть, которою побѣждена смерть, и даровано воскресеніе. Святая церковь научаетъ насъ въ Вербное воскресеніе воспѣвать: «днесь благодать св. Духа насъ собра, и вси, взяше крестъ Твой (Господи), глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне». И когда мы поемъ эту пѣснь, держа въ рукахъ вербу, не образуетъ ли она собою въ это время крестъ Христовъ? Можно сказать, что наша верба служить болѣе выразительнымъ образомъ креста Христова, чѣмъ палестинскія пальмовыя вѣтви: цвѣтъ, отливающійся въ стебелькахъ ея естест-

венно напоминаетъ мнѣ о святѣйшей крови Богочеловѣка, обогрившей крестъ Его. Но возводя такимъ образомъ мысль мою ко кресту Спасителя, верба въ то же время опять напоминаетъ мнѣ о моемъ будущемъ воскресеніи, ибо крестъ сей есть животворящій: крестомъ побѣждена смерть; на крестѣ восторжествовала жизнь надъ тлѣніемъ и въ потокахъ божественной крови излилась на землю для ея оживотворенія. Обращаюсь мыслю къ той великой минутѣ, когда капли безцѣнной крови съ креста канули на землю: растлѣнная грѣхомъ земля въ тотъ же часъ приняла въ себя жизненное и живительное начало—и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа изъ гробъ и, по воскресеніи (Господа), внидоша во святыи градъ и явишася мнозъмъ. (Матѹ. 27, 52. 53.)

Но воскресеніе, котораго мы несомнѣнно ожидаемъ, не для всѣхъ будетъ одинаково. Для однихъ оно будетъ воскрешеніемъ живота—возстаніемъ къ вѣчной радости и блаженству, для другихъ воскрешеніемъ суда—на мученіе и скорбь вѣчную (Іоан. 5, 24). Для всѣхъ насъ, конечно, желательно воскрешеніе для вѣчной, блаженной радости. И вотъ на этотъ разъ является къ намъ на помощь символъ побѣды надъ смертію—наша верба: она подаетъ намъ прекрасный урокъ, какъ христіанину приготовить себя для воскресенія въ жизнь вѣчно—блаженную. Страшно, по видимому, ожидать наставленія отъ бездушнаго растенія: но не забудемъ, что Творецъ

во всемъ и вездѣ изрекаетъ намъ спасительный глаголъ Свой. Въ раннюю весну верба прежде другихъ растеній проявляетъ въ себѣ жизнь, послѣ зимняго омертвѣнія. И отъ чего она первая проявляетъ ее? Не отъ того ли, что любитъ мѣста низменные и влажныя, и растеть въ затишьи?... Возлюбимъ и мы смиреніе. На мечтательномъ возвышеніи гордости человѣкъ не устоялъ и низринулся въ пропасть смертную; теперь обратный путь къ истинному возвышенію, очевидно, можетъ проложить ему смиреніе: одно смиреніе привлекаетъ къ нему благодать Божию—эту животворную силу, которая развиваетъ и укрѣпляетъ въ немъ жизнь безсмертную, подобно тому, какъ вода естественно льется въ мѣста низменные и развиваетъ въ нихъ силу растительную. По этому и слово Божіе уподобляетъ людей облагодатствованныхъ, по преизбытку въ нихъ духовной жизни, тѣмъ растеніямъ, которыя прозябаютъ въ мѣстахъ низменныхъ и пропитанныхъ влагою. *Яко Азъ, говоритъ Господь чрезъ пророка Исаію, положу духъ Мой на сѣмя твое и благословенія Моя на чада твоя и прозябнутъ аки трава посредь воды и яко верба при водѣ текущей.* (Иса. 44, 34.)

Замѣтимъ и еще особенность вербы. Она не красуется пышными цвѣтами и не приноситъ плодовъ, привлекающихъ прихотливый вкусъ: но въ тайникахъ некрасиваго, по внѣшности, цвѣтка своего заключаетъ тонкую влагу и отдаетъ ее художницѣ — пчелѣ, для приготовленія сладкаго

вещества на пользу человѣку. Будемъ и мы благотворить нашимъ ближнимъ втайнѣ — такъ, чтобы не знала лъвая рука, что дѣлаетъ правая (Матѳ. 6, 3.), — и это скромное, свободное отъ тщеславія благотвореніе откроетъ намъ путь въ жизнь вѣчную — къ вѣчной радости и счастію. Господь видѣй втайнѣ, воздастъ намъ явѣ на судѣ Своемъ, на которомъ наречетъ благотворителей благословенными отца Своего (Мат. 25, 34—36).

Торжественному шествію Господа во Іерусалимѣ послужили, между прочимъ, и безсловесныя животныя; и дѣти евреевъ, нося на тотъ разъ ваи, безъ сомнѣнія, касались ими тѣхъ *ося и жребя*, на которыхъ возсѣдалъ Спаситель: такъ и у насъ, во многихъ селеніяхъ, дѣти поселянъ, когда въ первый разъ, весною, выгоняютъ домашнихъ животныхъ на пастбище, касаются ихъ освященною вербою, съ которою стояли въ церкви. Обычай прекрасный, если только соединяется онъ съ живою вѣрою въ спасительную силу креста, которая, начиная съ человѣка, простирается и на весь міръ вещественный.

Священный обрядъ церкви можетъ дѣйствовать спасительно только на тѣхъ, кто хоть сколько нибудь разумѣетъ его смыслъ и духовную важность. Напротивъ, тамъ онъ сопровождается даже вредомъ, гдѣ совсѣмъ не думаютъ о его высокомъ значеніи. Утѣшительно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ истинные сыны церкви принимаютъ изъ рукъ пастырей своихъ освященныя вѣтви, хотя не всѣ они, конечно, отчетливо знаютъ, какое значеніе

имѣть верба и чего она требуетъ отъ христіанина. Но какъ жалко, что свѣтлый образъ благочестія затмѣвается и въ церкви новозавѣтной мрачными оттѣнками того же нестроенія, которое представилось Спасителю въ храмъ Іерусалимскомъ, послѣ вшествія Его въ священный городъ! Говоря это, мы разумѣемъ торжниковъ Іерусалимскаго храма и тѣхъ, которые уподобляются имъ въ христіанскій праздникъ ваи. Между посѣщающими въ этотъ день храмъ Божій немало оказывается такихъ, которые не принимаютъ съ благоговѣніемъ, а расхищаютъ вербу силою, и только для того, чтобы во время богослуженія занять наружностью ея свое вниманіе. Такіе люди—точно *продающе и купующе* въ церкви: любуясь внѣшностію вербы, они какъбы продаютъ за это неразумное удовольствіе пѣсни и поученія св. церкви, которыя единственно могли бы настроить духъ ихъ къ достойному срътенію Господа; они наполняютъ душу свою внѣшнею красотою вербы, тогда какъ надлежало бы наполнять ее и священными воспоминаніями, приличными празднику, и тѣми спасительными уроками, которые преподаютъ на то время св. церковь и освященныя ею ваи. Для такихъ малодушныхъ верба становится уже не крестомъ, а бичемъ, которымъ они сами себя изгоняютъ изъ вертограда Божія и отлучаютъ отъ сонма разумныхъ чадъ церкви.

Д—но В. Никольскій.

ПОУЧЕНИЕ ПРИ КРЕСТѢ.

Животворящій крестъ Господень и безъ проповѣдника самый лучшій проповѣдникъ. Взирая на крестъ Господень, мы какъ бы сами стоимъ на Голгоѣ, и собственными нашими очами видимъ распятіе Господа, Его страданія на крестѣ и смерть.

За кого же эти страданія и эта смерть? Неужели самъ Распятый заслужилъ ихъ? — Нѣтъ, — *Онъ грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лествъ во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22). Такъ за кого же Онъ страдаетъ и умираетъ? За насъ съ тобою, слушатель благочестивый, за все грѣшное человѣчество, за весь міръ. *Онъ язвенъ бысть за грѣхи наши, и мученъ бысть за беззаконія наши* (Ис. 53, 5).

Для чего же эти страданія и эта крестная смерть? Для того, чтобъ избавить насъ отъ грѣховъ; для того, чтобъ оправдать насъ предъ вѣчною правдою Божіею; для того, чтобы снять съ насъ проклятіе тяготѣвшее надъ нами и возвести насъ въ царство небесное. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ*

впруай въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 16). Безъ этихъ искупительныхъ страданій, безъ этой крестной смерти, точно погибъ бы грѣшный міръ; безъ этихъ искупительныхъ страданій, безъ этой крестной смерти намъ никогда и нигдѣ не найти бы источника вѣчной и блаженной жизни. Не будь животворящаго креста Господня—и наша молитва къ Отцу Небесному о помилованіи нашемъ замерла бы на устахъ нашихъ; потому что мы узрѣли бы на небѣ грознаго Судью и праведнаго Мздовоздаятеля, не примиреннаго съ нами; не будь креста Господня—и самое покаяніе наше не спасло бы насъ и не истребило бы укоровъ совѣсти нашей за дурную прошедшую жизнь нашу. А теперь эта пречистая кровь Единороднаго Сына Божія, эти язвы гвоздинныя, этотъ вѣнецъ терновый вопіютъ къ Отцу небесному: «пощади, пощади созданія твои»!

Бр. христіане! Господь Иисусъ Христосъ, положившій за насъ душу Свою, претерпѣвшій самыя тяжкія страданія и самую поносную смерть, теперь со креста сего, у подножія котораго мы всѣ стоимъ, можетъ сказать каждому изъ насъ: «приступи ко мнѣ, другъ и братъ мой, и выслушай меня. Не строгостію и правосудіемъ Моимъ буду судить тебя и обличать тебя, но моею безграничною къ тебѣ любовію. Вотъ для тебя, для твоего спасенія все Я сдѣлалъ. Нужно было сойти съ небесъ и воплотиться; Я сошелъ и воплотился. Нужно было жить на этой грѣшной землѣ,

умалиться до зрака раба, и учить тебя; Я сдѣлалъ это. Нужно было пострадать, и пролить кровь Мою за тебя; Я охотно пострадалъ, смотри: Я весь въ язвахъ для тебя, весь облить кровію ради спасенія твоего. Нужно было умереть по-носною смертію; Я умеръ на крестѣ среди двоихъ разбойниковъ. Нужно было побѣдить смерть и адъ, воскреснуть, вознестись на небо, и явиться съ этими язвами къ самому Отцу Небесному, чтобы быть вѣчнымъ ходатаемъ за тебя; Я разрушилъ державу ада и смерти, воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо, явился Отцу Моему небесному, и ходатайствую, и буду вѣчно ходатайствовать за тебя и за собратій твоихъ. Нужно было дать тебѣ въ руководство слово Мое и завѣтъ Мой; Я далъ,—поучайся и исполняй написанное. Нужно было освятить и преобразовать тебя; Я даровалъ тебѣ благодать Духа Святаго, дѣйствующаго въ св. таинствахъ. Что еще остается, чего бы Я не сдѣлалъ для тебя. Я отверзъ для тебя двери рая, изобразилъ и будущій судъ Мой и будущее блаженство праведниковъ и несчастную судьбу нераскаянныхъ грѣшниковъ. Я все, все сдѣлалъ для тебя. Дѣлаешь ли ты что нибудь для меня? Покажи хоть одну язву, претерпѣнную за меня, за мое имя, за мое слово. Укажи хоть на одинъ подвигъ, подъятый ради Меня. Я принимаю благопривѣтливо все отъ друзей моихъ, не отвергаю и одной слезы твоей, слышу всякій вздохъ твой, внимаю каждому молитвенному воззванію

твоему. Все цѣню, все приѣмлю,—и лепта твоя дорога для меня.—И долго ли же мнѣ ждать твоего исправленія? Долго ли терпѣть твои грѣхи? Вотъ полъ-жизни твоей Я ждалъ и терпѣлъ, и теперь жду и терплю: быть можетъ ты одумаешься, быть можетъ возгорится въ душѣ твоей огонь любви ко Мнѣ. Смотри: и нынѣ являюсь Я предъ тобою на крестѣ моемъ для того, чтобы напомнить тебѣ, что у тебя есть другъ и братъ, который не пожалѣлъ для тебя крови своей, — который отдалъ за тебя духъ свой Богу Отцу своему,—который любитъ тебя больше, нежели любить отецъ или мать сына своего, больше нежели самъ ты себя любишь. Приди, сложи здѣсь у подножія креста Моего все бремя грѣховъ твоихъ, всѣ скорби и страданія души твоей, и воспрями отъ сна грѣховнаго. Я самъ за тебя буду молить Отца моего небеснаго. Не отвергайся только ты Меня, а Я не оставлю тебя».

Братіе христіане! Пусть совѣсть cadaго изъ насъ отвѣчаетъ Господу нашему на этотъ обличительный голосъ безграничной любви Его. Вотъ Онъ предъ нами,—и мы предъ Нимъ. Каждый приступи, отвѣчай и кайся. Аминь.

Свящ. В. Владиславлевъ.

СУДЬБА.

ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ ПРЕДЪ ЛИТУРГІЕЮ.

Въ Воскресенье предъ литургіей отецъ П., по своему обыкновенію, бесѣдовалъ съ крестьянами.

«Сегодня,—началъ онъ свою бесѣду,—я надумалъ поговорить съ вами, любезные, объ очень распространенномъ у васъ неправильномъ мнѣніи о *судьбѣ*, или *рокѣ*. Многіе изъ васъ, сколько я знаю и наблюдалъ, твердо вѣрятъ, что всякому человѣку назначена своя судьба, всякому *свой предѣлъ положенъ*, какъ вы выражаетесь; — вся жизнь, всѣ малѣйшія дѣйствія и поступки его опредѣлены заранѣе, и какъ они опредѣлены, такъ непремѣнно ужь и пойдутъ независимо отъ самаго человѣка и его воли, и сколько человѣкъ на старайся—ему ничего не измѣнить въ своей судьбѣ. Эта вѣра ваша закрѣплена и пословицами: «сужевого конемъ не объѣдешь»,—говорите вы, «отъ своей судьбы никуда не уйдешь», «чему быть, тому не миновать», «судьба придетъ, руки назадъ

свяжетъ», «на роду написано», много и другихъ пословицъ и присловіи существуетъ у васъ на этотъ случай. Впрочемъ вѣра въ судьбу существуетъ не только у васъ и вообще въ простомъ народѣ, но и люди, считающіеся образованными, тоже непрочь отъ этого суевѣрія. — «Роковая пуля», «роковой шагъ и поступокъ въ жизни», «счастливая звѣзда» и т. п. очень обыкновенныя, и у людей образованныхъ, выраженія показываютъ, что и они не совсѣмъ свободны отъ вѣрованія въ *судьбу*. Вообще многіе потому ли, что чувствуютъ свою слабость и зависимость въ мірѣ, или потому, что многое въ ихъ жизни случается вопреки ихъ ожиданіямъ, или наконецъ потому, что страшно взять на себя всю отвѣтственность за свои дѣла, по большей части, недобрыя, — многіе, говорю, склонны признавать въ обстоятельствахъ своей жизни и въ своихъ поступкахъ дѣйствіе какой-то прихотливо властвующей судьбы, милостивой къ однимъ и грозной къ другимъ безъ разбора, безъ соображенія своихъ распоряженій съ требованіями правды, мудрости, благости. Это было и прежде, есть и теперь вотъ у васъ. Впрочемъ ваша вѣра въ *судьбу* имѣетъ свой особенный характеръ. Язычники вѣрили, что судьба есть какое-то особенное божество, которое имѣетъ власть не только надъ людьми, но и надъ самими богами. Между нами такого вѣрованія нѣтъ; къ сожалѣнію, многіе изъ христіанъ языческое понятіе о судьбѣ, какъ о слѣпой власти надъ міромъ, перенесли на единого истиннаго Бога, и тамъ,

гдѣ язычникъ сказалъ бы: такъ судьбѣ угодно, или: таковъ не умолимый рокъ,—иной изъ васъ говоритъ: видно воля Божія на то. Нужно, напр., человѣку исполнить прямую свою обязанность,— «какъ Богъ велитъ» скажетъ онъ, а самъ часто и не думаетъ исполнять ее, тогда какъ Богъ-то ужь давно велѣлъ, далъ для этого человѣку всѣ средства, и ждетъ только нашего собственнаго согласія и добровольной рѣшимости на это дѣло. Случится съ человѣкомъ какое-нибудь горе въ жизни, несчастье, въ которомъ онъ самъ очевидно кругомъ виноватъ, опять ссылка на одну волю Божию. Случится, напр. въ селеніи пожаръ, который очевидно произошелъ отъ чьей-нибудь неосторожности—воля Божія произвела его. Недавно былъ пожаръ у васъ въ деревнѣ (о. П. обратился къ одному крестьянину); случился онъ, какъ сказываютъ, отъ того, что одна хозяйка горячую золу изъ печи выбросила на дворъ. А въ золѣ-то были горячіе угли—солома на дворѣ и загорѣлась, и сгорѣло цѣлыхъ три дома; женщина, которая была виновницей пожара, сама послѣ мнѣ говорила: «что же дѣлать-то, батюшка? Божья воля,—наказалъ, видно, насъ Господь за наши грѣхи»,—а сама точно ни въ чемъ и невиновата. Бываетъ и больше:—часто Бога дѣлаютъ участникомъ даже самыхъ худыхъ дѣлъ, производятъ отъ воли Божіей самыя явныя преступленія и нарушенія закона Божія. Иной, напр., живетъ въ бѣдности, терпитъ во всемъ большую нужду, единственно отъ того, что мало рабо-

таетъ, мало занимается своимъ хозяйствомъ, а поговори съ нимъ объ этомъ,—«такая ужь моя доля!—скажетъ онъ. Не всѣмъ видно Господь судилъ жить въ богатствѣ, да въ довольствѣ, надобно кому-нибудь и тяготу нести»,—а истинной причины своей нужды да бѣдности никакъ не хочетъ видѣть, и усердія къ дѣлу никакъ не хочетъ прибавить,—такая ужь ему доля выпала! Другой съ кругу спился,—тащитъ послѣднее добро свое, послѣднюю копѣйку въ кабакъ, морить съ голоду семейство,—станешь ему говорить, выставлать все безобразіе его жизни, его поступковъ — «что же дѣлать-то, батюшка? Радъ что ли я, что такъ дѣлаю? Вѣдь и самъ вижу, что пропачій я человекъ, ни на что-то доброе я негоденъ, — знать ужь доля моя горькая такая да безталанная, наказалъ меня, видно, Господь этой страстью проклятой къ вину... Вѣдь больно, горько и самому, да ничего не подѣлаешь!» — говоритъ часто пьяница на всѣ твои совѣты и убѣжденія, — махнетъ рукой, да и опять въ кабакъ, — точно и, въ самомъ дѣлѣ какая-то неотразимая сила, а не его собственная страсть, тащитъ его въ кабакъ. Множество можно указать и другихъ примѣровъ въ такомъ же родѣ. Вездѣ у васъ одна Божья воля виновата, — все отъ нея, самъ человекъ остается ни при чемъ, — ничего онъ недѣлаетъ; ни за что не отвѣчаетъ; по вашему онъ выходитъ просто живая машина, которую куда и какъ направятъ, туда и такъ она идетъ. Думать и вѣ-

ровать такъ совершенно противно ученію святой вѣры нашей, — такое вѣрованіе преступно, богохульно, и сопровождается весьма вредными послѣдствіями въ вашей жизни...

Всѣ крестьяне внимательно слушали рѣчь о. П—ра.

— Да вѣдь какъ же это такъ, батюшка? Вездѣ воля Божія, какъ же мы можемъ жить безъ воли Божіей? Всѣ подъ Богомъ ходимъ, безъ Бога, говорятъ, ни до порога. Вотъ и въ писаніи сказано, что *безъ воли Божіей и волосъ съ головы челоука не падаетъ*, не то что какое-нибудь важное дѣло съ нимъ сдѣлается. Вотъ мы все и ведемъ отъ воли Божіей, — кому какъ Богъ назначить, — возразилъ одинъ крестьянинъ грамотникъ.

— Въ писаніи не мало изреченій, подобныхъ тому, на которое ты указалъ. По писанію напр., Господь распоряжается судьбою царствъ и народовъ: *поставляетъ цари и преставляетъ* (Дан. 2, 21); *обладаетъ языки* (Псал. 21, 29); *въ руцѣ Божіей сердце царевое, а може аще восхоцетъ обрати, тамо уклонитъ я* (Прит. 21, 1). По писанію, каждый изъ насъ зависитъ отъ всевластной воли Божіей: *Господь мертвитъ и живитъ; низводитъ во адъ и возводитъ; Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ* (1 Цар. 2, 6—7). *Въ руку твою (Господи) жребій мой* (Псал. 30, 16). *Отъ Господа исправляются стопы мужу* (Прит. 20, 24). Изъ сихъ и подобныхъ мѣстъ писанія видно, что отъ воли Божіей, содѣйствующей или только попускающей, зависятъ благопріятныя и

неблагопріятныя обстоятельства въ нашей жизни общественной и частной, и даже наши поступки и душевныя расположенія. Но воля Божія во всѣхъ этихъ случаяхъ стѣсняетъ ли нашу волю насильственно, такъ чтобы мы оставались ни при чемъ? Нѣтъ, Господь, даровавшій намъ свободу при самомъ сотвореніи, не станетъ отнимать у насъ этого дара. Какъ премудрый, Онъ умѣетъ управлять нами такъ, что и Его воля въ отношеніи къ намъ неизмѣнно исполняется и вмѣстѣ наша свобода остается неприкосновенною. Въ одномъ Онъ содѣйствуетъ намъ, другое попускаетъ намъ, т. е. предоставляетъ намъ дѣйствовать безъ Его помощи, по нашему произволенію. И не только въ томъ и другомъ случаѣ не стѣсняетъ нашей свободы, но и тогда не нарушаетъ ее, когда Ему нужно поступить съ нами совершенно вопреки нашимъ желаніямъ и разчетамъ, для достиженія своихъ цѣлей. Что бы съ нами ни случилось, Господь не хочетъ, чтобы мы отвѣтственность за наши поступки снимали съ себя. *Самъ (Господь) изначала сотвори челоѵка, и остави его въ руцѣ произволенія его: аще хочещи, соблюдеши заповѣди и въру сотвориши благоволенія (т. е. какъ тебѣ нравится, какъ угодно). Предложилъ ти отъ и воду, и на неже хочещи, протрещи руку твою. Предъ челоѵкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему,*—говоритъ премудрый сынъ Сираховъ (гл. 15, 14—17). Видите, челоѵку предоставлена полная свобода дѣйствовать самому, какъ ему угодно,—онъ оставленъ въ руцѣ своего произволенія, своей до-

брой воли. Въ другомъ мѣстѣ Самъ Богъ говоритъ народу Израильскому: *засвидѣтельствую вамъ днесь небо и землю: животъ и смерть дахъ предъ лицемъ вашимъ, благословеніе и клятву: и избери животъ, да живеша ты и спя твое* (Второзак. 30, 19). Замѣтьте при этомъ, что эти слова были сказаны народу Израильскому, — народу, который находился подъ особеннымъ водительствомъ Божиимъ, вся исторія этого народа исполнена безчисленныхъ чудесъ и благодѣяній Божіихъ, — и этотъ народъ Богъ все-таки ни къ чему насильно не принуждаетъ, не распоряжается его судьбою произвольно, а сообразуясь съ волею самаго народа, — Богъ предлагаетъ на выборъ самому народу *животъ и смерть, благословеніе и клятву*, и уже совершенно въ его волѣ сдѣлать выборъ. Изъ исторіи этого народа (припомните, я вамъ многое изъ ней рассказывалъ) извѣстно, что Евреи дѣйствительно часто избирали смерть и клятву, часто нарушали волю Божию, часто совсѣмъ оставляли Бога и служили богамъ чужимъ. — Спаситель нашъ, созерцая будущую гибель Иерусалима и народа Иудейскаго, прямо говоритъ, что народъ этотъ самъ причина своей гибели, — Иудеи сами, не смотря на все попеченіе Божіе о нихъ, на всѣ призванія ихъ къ славѣ и блаженству, не захотѣли слушать Господа. *Иерусалиме, Иерусалиме, говоритъ Господь, избивый пророки, и каменіемъ побивая посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошь (курица) птенцы своя подѣ*

крыль, и невохотѣсте? Се оставляется вамъ домъ ватъ пустъ (Матѳ. 23, 37—38). Видите, опять самъ народъ виноватъ въ своей гибели, а не судьба такая была ему назначена.

Живемъ мы дурно, грѣшимъ часто тоже вовсе не потому, что такъ намъ назначено жить и дѣлать, «не грѣхъ насъ попуталъ», «не притча такая съ нами случается», какъ мы часто оправдываемся въ этомъ случаѣ, а просто потому, что сами захотѣли такъ поступить, наша воля сама къ тому склонилась, значить, кромѣ насъ, никто тутъ и не виноватъ, и въ отвѣтъ за это мы же сами, а не судьба и не притча какая-нибудь. Богъ далъ намъ законъ, велѣлъ исполнять его, даже побуждаетъ исполнять его обѣщаніемъ блаженства на небѣ и благоденствія на землѣ, и отвращаетъ отъ грѣха угрозою наказанія и часто дѣйствительнымъ наказаніемъ, но все-таки исполненіе и неисполненіе своего закона оставилъ на нашу добрую волю, на нашу совѣсть. Самъ Спаситель никого не принуждалъ и не принуждаетъ принимать свое ученіе и вѣровать въ него, а предоставляетъ это нашей доброй волѣ: *аще кто хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ* (Матѳ. 17, 24), говоритъ Спаситель, призывая всѣхъ въ свое царство. *Аще хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди* (Матѳ. 19, 17). *Аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ* (ст. 21), отвѣчалъ Спаситель богатому юношѣ, спросившему его: что дѣлать, чтобы животъ вѣчный наслѣ-

довать? Видите, и здѣсь дѣло оставляется на волю самаго спрашивавшаго,—*аще хочещи*, говорить Спаситель, но юноша незахотѣлъ, и отошелъ отъ Спасителя *скорбля*, — и это случилось вовсе не потому, что юношѣ тому такой ужь предѣлъ былъ назначенъ, а просто потому, что *онъ бѣ имья стяжанія многа*, — сказано въ Евангеліи, т. е. былъ очень богатъ и сильно привязанъ душою къ этому богатству. И самъ Спаситель такъ объяснилъ это дѣло, какъ видно изъ того, что по сему поводу онъ вообще замѣтилъ: «какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царствіе Божіе»: (Марк. 10, 24). Спаситель нашъ, во время земной жизни своей всѣхъ равно, безъ различія званія и состоянія, призывалъ къ себѣ, всякій, кто хотѣлъ, могъ вѣровать въ Него, и не Его уже вина, что изъ многихъ званыхъ оказалось мало избранныхъ. Точно также зоветъ Онъ насъ теперь, и совершенно отъ насъ зависитъ идти на Его зовъ, или упорно коснѣть въ своихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ;—для насъ все готово,—готова и Божественная помощь,—съ нашей стороны требуется только твердая рѣшимость и сильное исполненіе закона Божія. Если же, не смотря на все это, мы предпочитаемъ міръ Богу, беззаконіе добру,—то не судьба, не обстоятельства, на которыя мы такъ всегда любимъ ссылатся, виноваты, а мы сами, не предѣлъ такой былъ намъ положенъ;—предѣлъ-то намъ всѣмъ положенъ добрый, да мы сами избрали другой,—сами и виноваты въ этомъ, сами и въ отвѣтѣ.

Точно также и земное благополучіе большею частію опредѣляется и назначается человѣку *не судьбою*, не безъ воли и участія въ этомъ самаго человѣка; какъ и его нравственная жизнь, его спасеніе,—оно зависитъ отъ самаго человѣка. Одно изъ первыхъ благъ человѣка, безъ сомнѣнія, есть здоровье и долгоденствіе,—не даромъ всякому такъ сильно хочется подольше пожить, хоть и не совсѣмъ сладко и въ довольствѣ. И эти дары, какъ и всѣ другіе, находятся, конечно, въ распоряженіи Божіемъ, но Богъ раздаетъ ихъ *не безусловно*, не безъ соображенія съ поведеніемъ самаго человѣка.—Долгоденствіе зависитъ прежде всего отъ исполненія человѣкомъ закона и воли Божіей,—Богъ общаетъ его людямъ добродѣтельнымъ: *страхъ Господень прилагаетъ дни*, говоритъ Премудрый (Притч. 10, 27),—и въ другомъ мѣстѣ: *внѣць хвалы старость: на путехъ же правды обрѣтается* (гл. 16, 31). Любящему Бога въ числѣ другихъ благъ также общается долгоденствіе: *долгою дней исполню его* (Пс. 90, 16); *узриши сыны сыновъ твоихъ, говоритъ псалмопѣвецъ всѣмъ боящимся Господа и ходящимъ въ путехъ Его* (Пс. 127, 1. 7.) Богъ общаетъ Соломону долгоденствіе; если онъ будетъ вѣрно также служить Ему и исполнять Его повелѣнія, какъ отецъ Соломона Давидъ: *аще пойдеша путемъ Моимъ сохранити заповѣди Моя и повелѣнія Моя, якоже хоуждаше Давидъ отецъ твой и умножу дни твоя* (3 Цар. 3, 14).—*И да послужиши Господу Богу Твоему*, говоритъ Господь Из-

райлятянамъ;... и отвращу болѣзнь отъ васъ (Исх. 23, 25);... число дней твоихъ исполняя исполню (ст. 26). Богъ общаетъ также долгоденствіе почитающимъ родителей: *Чти отца твоего и мать твою... да долгодѣтенъ будешь на земли* (Исх. 20, 12). Съ другой стороны, за неисполненіе закона и худую жизнь Господь угрожаетъ людямъ скорою смертію: *лѣта нечестивыхъ умалются* (Притч. 10, 27); *души беззаконныхъ погибаютъ безвременно* (13, 2),—говоритъ Премудрый.—*Мужіе кровей и лѣсти не преполовятъ дней своихъ* (Пс. 54, 24); *да исчезнутъ грѣшницы отъ земли и беззаконницы, якоже не быти имъ* (103, 35),—говоритъ псалмопѣвецъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ св. Писанія вы можете видѣть, что жизнь и смерть наша опредѣляется Богомъ не безъ насъ же самихъ. Долгоденствіе—по слову самаго Господа—прямо зависитъ отъ нашей доброй жизни, отъ исполненія Божьяго закона, а жить такъ или иначе зависитъ отъ насъ же самихъ; притомъ это опредѣленіе Божіе по большей части и исполняется естественнымъ порядкомъ: извѣстно, что худая жизнь, страсти и излишества всякаго рода бываютъ причиною разныхъ болѣзней, часто и смерти, а жизнь добрая, трезвая и воздержная всего лучше поддерживаетъ здоровье и жизнь человѣка. Стало-быть и въ этомъ случаѣ судьбы ни какой нѣтъ, а дѣло сколько зависитъ отъ воли Божіей, столько же и отъ насъ самихъ. Всю отвѣтственность въ этомъ случаѣ слагать на волю Божію, на положенный предѣлъ и т. п. мы опять не имѣемъ ни какого права.

Мало того, въ словѣ Божіемъ есть даже прямыя свидѣтельства и примѣры, что Богъ измѣнялъ свои опредѣленія, уже возвѣщенные людямъ. Такъ, благочестивый царь Іудейскій Езекія заболѣлъ смертельно. Смерть его была уже опредѣлена Богомъ,—пророкъ Исаія уже посланъ былъ возвѣстить царю, что онъ умретъ и потому позаботился бы сдѣлать завѣщаніе. Благочестивый царь, услышавъ такой приговоръ, обратился съ искренней молитвой къ Богу и со слезами просилъ себѣ у Бога продолженія жизни, и Богъ услышалъ его молитву. Не успѣлъ еще пророкъ дойти и до половины царскаго двора, какъ получилъ повелѣніе отъ Бога снова идти къ царю и сказать ему, что онъ встанетъ съ смертнаго одра и проживетъ еще 15 лѣтъ (4 Цар. 20, 6). Видите, какъ сильна его молитва: ради ея Господь отмѣняетъ свой смертный приговоръ. И пророкъ Давидъ на силу молитвы надѣется, когда молится Богу: *не возведи мене во преполовеніе дней моихъ* (т. е. не дай мнѣ умереть въ половинѣ моей жизни) (Пс. 101, 25.). То же подтверждаетъ и одно изъ семи таинствъ нашей церкви—*елеосвященіе*, или по-просту, по-вашему *соборованье масломъ*. Оно именно основывается на вѣрѣ, что Господь внимаетъ молитвамъ вѣрныхъ, и подъ симъ условіемъ чрезъ это таинство преподается здравіе болящимъ. *Болитъ ли кто въ васъ, говоритъ ап. Іаковъ, да призоветъ пресвитеры церковныя (священниковъ), и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне. И*

молитва въры спасеть болящаго, и воздвинетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему (Іак. 5, 14—15). Этими словами совершенно отвергается всякое вѣрованіе въ судьбу, въ заранѣе положенный предѣлъ жизни человѣка. Дѣло ясное, что исцѣленіе отъ болѣзни въ этомъ случаѣ совершенно зависитъ отъ молитвы: къ чему же тутъ была бы молитва, еслибы человѣку заранѣе назначено было умереть или выздороветь отъ болѣзни? Молись, не молись, а ужь что назначено, того не избѣжать человѣку. Значить, повашему и молитва о выздоровленіи напрасно предписывается словомъ Божиимъ и церковію?

Наконецъ, кромѣ молитвы о Божіей помощи, для продленія жизни, поддержанія и возстановленія здоровья, мы должны принимать и средства обыкновеннаго человѣческаго благоразумія, — беречь свою жизнь и здоровье, и въ случаѣ болѣзни лечиться. То и другое не только не противно слову Божію, но прямо заповѣдуется имъ. Жизнь и здоровье—первыя блага человѣка; безъ нихъ онъ не можетъ дѣлать добро и исполнять свои обязанности; поэтому онъ долженъ всѣми законными средствами стараться о сохраненіи здоровья тѣлеснаго. Сама природа вложила въ насъ чувство самосохраненія и любовь къ жизни. *Никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Господь церковь,* говоритъ апостолъ (Еф. 5, 29). Самъ Спаситель собственнымъ примѣромъ учитъ насъ заботиться о жизни: Онъ скрылся, когда іудеи хотѣли

убить Его (Матѣ. 12, 14). Апостолъ Павелъ, когда дамаскіе іудеи хотѣли убить Его и для этого подстерегали, былъ спущенъ въ корзину своими учениками по городской стѣнѣ (Дѣян. 9, 25). Эти примѣры достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что заботы о поддержаніи жизни и здоровья составляютъ прямую обязанность всякаго человѣка: подвергать безъ нужды свою жизнь опасности есть самоубійство—самый тяжкій грѣхъ. Лечиться тоже не грѣхъ. *Почитай врача противу потребъ честію его: ибо Господь созда его* (Сир. 38, 1). *Господь созда отъ земли врачеванія, и мужъ мудрый не вознущается ими* (ст. 4), говоритъ премудрый сынъ Сираховъ. Что отъ болѣзни можно вылечить, это вы сами можете видѣть и часто видите на опытѣ. Часто человѣкъ умираетъ отъ ничтожной вещи, отъ малѣйшей неосторожности, слѣдствія которой легко могли бы быть уничтожены леченіемъ; а и съ смертнаго одра часто поднимается человѣкъ, если, не теряя времени попусту, заблаговременно приметъ надлежащія мѣры противъ болѣзни. И это въ большей части случаевъ бываетъ вовсе не отъ того, что одному суждено было умереть, другому выздороветь, а просто оттого, что одинъ вовремя позаботился о себѣ, а другой отдался на произволъ болѣзни, и болѣзнь сдѣлала свое дѣло. Въ прежніе годы напр. въ нашемъ приходѣ умирало множество маленькихъ дѣтей отъ оспы, а теперь, когда вы при своей волости завели оспопрививателя, дѣти стали умирать отъ этой бо-

лѣзни очень рѣдко. Очевидно — большая смертность дѣтей прежде и меньшая теперь зависит не отъ судьбы, не оттого, что такъ ужь положено, а отъ того, что теперь есть у васъ оспопрививатель, а прежде его не было. Послѣ всего сказаннаго ясно, что жизнию человѣка никакая судьба не управляетъ, а *жизнь человѣческая сколько зависитъ отъ Бога, столько же и отъ самаго человѣка.*

Особенно сильно смущаетъ человѣка и какъ будто подтверждаетъ его вѣру въ судьбу неумолимую и по одному чистому произволу распоряжающуюся человѣкомъ, *преждевременная смерть людей.* Иной добрый, честный человѣкъ, приносившій много добра своимъ ближнимъ, которому надобно жить бы и жить—вдругъ умираетъ, часто оставляя осиротѣвшее семейство въ крайней бѣдности. Другой, кажется, и живетъ только для того, чтобы дѣлать зло ближнимъ, чтобы грѣшнить, жизнь его всѣмъ въ тягость, а между тѣмъ онъ продолжаетъ жить и часто въ счастья и довольствѣ. Кажется, слѣпая судьба посмѣвается тутъ надъ правдой? Но на дѣлѣ выходитъ не то; такъ мы думаемъ потому только, что не хотимъ внимательно вдуматься въ дѣло, не хотимъ благоговѣнно видѣть тутъ благихъ и премудрыхъ предначертаній Промысла Божія. Не отъ судьбы слѣпой происходитъ это дѣло, а отъ Промысла Божія, премудро соразмѣряющаго свои дѣйствія и распоряженія съ волею и свободою самаго человѣка. Нечестивымъ чрезъ продолженіе ихъ жиз-

ни Богъ по благодсти своей даетъ время и средства исправиться и раскаяться въ своихъ грѣхахъ и искупить ихъ добрыми дѣлами: *Богъ даетъ имъ,*— по слову Премудраго, *времена и мѣсто, имиже бы измѣнились отъ злобы* (Прем. 12, 20). Или о богатствѣ благодсти Его (Бога) и кротости и долготерпѣливости не радиши, не въдый, яко благодсть Божія на покаяніе тя ведетъ, — говоритъ апостоль (Римл. 2, 4). Ранняя иногда, повидимому, кончина праведника есть тоже дѣло Премудраго Промысла Божія. О благочестивомъ царѣ іудейскомъ Іосіа сказано въ Писаніи, что Господь опредѣлилъ ему раннюю смерть по благоволенію къ нему за его благочестіе, чтобы избавить его отъ огорченія своими глазами видѣть погибель своего царства (4 Цар. 22, 20). Вообще, по ученію слова Божія, ранняя кончина праведниковъ есть избавленіе ихъ отъ бѣдъ и напастей со стороны нечестивыхъ, — добродѣтели вѣдь всегда приходится бороться съ великою силою зла, ее всегда гонять и праведнику всегда нелегко жить на землѣ, — а съ другой стороны — избавленіе ихъ отъ грядущихъ искушеній и паденій настоящей жизни. *Отъ лица неправды взяся праведный,* говоритъ пророкъ (Исаіа 57, 1). *Угодна бѣ Господеву душа его* (т. е. рано умершаго праведника). *Сего ради потщися* (поспѣшилъ) *отъ среды лукавствія,* говоритъ Премудрый (Прем. 4, 14). *Благоугоденъ Божови бывъ, возлюбленъ бысть и живой посреди грѣшныхъ преставленъ бысть: восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или леть прельститъ*

душу его. Раченіе бо злобы помрачаетъ добрая и пареніе похоти премъняетъ умъ незлобивъ, говорить тотъ же Премудрый о смерти юнаго, но уже созрѣвшаго для жизни вѣчной праведника (4, 10—12). Вотъ какъ слово Божіе объясняетъ намъ тѣ случаи преждевременной, повидимому, смерти людей, которые часто смущаютъ и колеблютъ вѣру даже благочестивыхъ людей. Преждевременная на нашъ взглядъ смерть человѣка на самомъ дѣлѣ во все не преждевременна, она не игра слѣпой судьбы и рока, но дѣло Премудраго распоряженія Божія и Его попеченія о благѣ человѣка, дѣло, притомъ, сообразное съ волею самаго человѣка.

Этихъ примѣровъ и мѣстъ Св. Писанія совершенно достаточно, кажется, чтобы видѣть всю неосновательность вашего вѣрованія въ судьбу, управляющую по своему произволу жизнью человѣка.

Крестьяне слушали очень внимательно все, что говорилъ имъ о. П. — «Дѣло ясное, батюшка, что мы не правы, откровенно сознался одинъ крестьянинъ. Люди-то мы темные, хорошенько ничего сами не понимаемъ, а вѣра-то такая ужъ изстари у насъ ведется, и отцы наши такъ вѣровали, ну и мы тоже по ихъ примѣру»...

— Ужь я вамъ десятки разъ говорилъ, что надобно оставлять суевѣрія и худые примѣры, завѣщанные намъ нашими предками, — тоже надобно сдѣлать и въ этомъ случаѣ, заговорилъ снова о. П. Но возвратимся къ дѣлу. Какъ вѣтъ никакой судьбы по отношенію къ жизни

человѣка, такъ нѣтъ ея и по отношенію къ земному благополучію человѣка, продолжалъ далѣе о. П. Земное благополучіе человѣка, его довольство и счастье, равно какъ и бѣдность и несчастье, многіе также считаютъ обыкновенно дѣломъ своенравной судьбы, которая по своему произволу раздаетъ людямъ земныя блага. Кому суждено счастье, кто подъ счастливою звѣздой родился, тотъ и счастливъ будетъ въ жизни, — трудись онъ, или на боку лежи — все равно. А кому оно не назначено, такъ хоть до упаду работай, все добра не добудешь. Такъ вы обыкновенно рассуждаете о земномъ благополучіи. Очень многіе дѣйствительно, ничего недѣлая, и лежатъ себѣ да ждутъ счастья, только на дѣлѣ-то выходить всегда такъ, что они никакъ не дождутся его, — *такая ихъ горькая доля* бываетъ. Слово Божіе рѣшительно отвергаетъ такой языческій взглядъ на жизнь. По его ученію, богатство и бѣдность, счастье и несчастье, зависятъ отъ Бога, — Онъ раздаетъ всѣхъ даровъ *Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ* (1 Цар. 2, 7), отъ Него исходитъ *всякое даваніе благо и всякъ даръ совершенъ*. Но Господь раздаетъ эти дары опять не безусловно. Земное благополучіе, точно такъ же какъ и долготѣнную жизнь, Онъ обѣщаетъ прежде всего людямъ благочестивымъ, исполняющимъ волю Его. *И да послужиши Господу Богу твоему*, говоритъ Господь чрезъ Моисея народу Еврейскому: *и благословлю хлѣбъ твой, и вино твое, и воду твою, и отвращу болѣзнь*

отъ васъ. Небудеть безчаденъ, ниже неплоды на земли твоей, число дней твоихъ исполняя исполню (Исх. 23, 25—26). Черезъ пророка Исаію тому же народу говорить Господь: *аще хотите, и послушаете Мене, благая земли снѣсте: ащеже не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястѣ: уста бо Господня глаголаша сія* (Исаіи 1, 19 и 20). Дѣло ясное, по слову самого Господа, благополучіе народа зависѣло отъ послушанія Богу и исполненія Его воли, и исторія народа Еврейскаго показываетъ, что онъ благоденствовалъ только тогда, когда безпрекословно повиновался волѣ Божіей. То же примѣняется и къ частнымъ лицамъ. *Богатіи обнищаша и вѣдѣхаша: взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. 33, 11). *Возваша праведніи, и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избави ихъ* (ст. 18), говоритъ псалмопѣвецъ. Опять благополучіе обѣщается праведникамъ. Но вѣдь быть праведникомъ или грѣшникомъ главнымъ-то образомъ зависитъ отъ насъ самихъ, отъ нашей доброй воли, при помощи, разумѣется, Божіей,—значитъ и благополучіе наше зависитъ сколько отъ Бога, дающаго его, столько же и отъ насъ самихъ,—«судьба, счастливая звѣзда и доля» и т. п.,—все это одна выдумки человѣка, и самыя неудачныя выдумки. Кроме того, благополучіе дается человѣку не чудеснымъ какимъ-нибудь образомъ, не съ неба сваливается готовымъ, а пріобрѣтается собственнымъ трудомъ самаго человѣка. Въ трудѣ благополучіе человѣка, праздность мать пороковъ,

бѣдности и нищеты. Опредѣленіе Божіе прародителю — *въ потль лица твоего съиши хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19) имѣеть полную силу и для всѣхъ насъ. Ап. Павелъ говоритъ: *сіе завѣщавахомъ вамъ, яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже дастъ* (2 Сол. 3, 10). И онъ собственнымъ примѣромъ училъ трудолюбію: онъ не только подвизался въ служеніи апостольскомъ, но находилъ время еще работать и пріобрѣтать, себѣ хлѣбъ и все нужное для жизни. *Въсте, говоритъ онъ, яко требованію моему (нуждамъ) и сущимъ со мною послу жистъ руцъ мои сіи* (Дѣян. 20, 34). *Труждаемся, дѣлающе своими руками* (1 Кор. 4, 12). Видите, какъ жилъ св. апостолъ Павелъ! Какъ же мы-то, ничего не дѣлая, можемъ надѣяться, что Богъ все намъ пошлетъ, все за насъ сдѣлаеть?—Это вѣдь злоупотребленіе съ нашей стороны данными намъ отъ Бога силами и способностями. Иной самъ не хочетъ ничего дѣлать, а ждетъ, что все ему будетъ дано даромъ. Эти ожиданія конечно никогда не сбываются. «Лѣнныя руки дѣлають бѣднымъ, руки же прилежныя обогащаются» (Притч. 10, 4). *Блудый вътра не съетъ; и смотряй въ облацъхъ не пожнетъ* (Еккл. 11, 4), т. е. тотъ, кто вмѣсто того, чтобы трудиться и работать, только смотритъ на облака да разсуждаетъ о томъ, какова будетъ погода, откуда подуетъ вѣтеръ и т. п.,—останется безъ хлѣба. Подтвержденіе того, что говоритъ слово Божіе, вы постоянно можете видѣть въ своей жизни, въ своемъ быту. Крестьяне прилежные,

работящіе всегда живутъ если не въ большемъ достаткѣ, такъ по крайней мѣрѣ безъ нужды, а тѣ, которые къ работѣ-то плохо прилежатъ, и при этомъ еще пьянствуютъ и т. п., всегда живутъ бѣдно, переколачиваются кое-какъ изо дня-въ-день. И выходитъ, значить, что судьба-то наша, доля-то наша счастливая больше всего отъ насъ же самихъ и зависитъ,—и въ несчастіи-то своемъ больше всѣхъ мы же виноваты сами...

— Это точно, батюшка, такъ, замѣтилъ одинъ крестьянинъ. Вотъ у насъ въ деревнѣ мужикъ, Иванъ Петровъ, былъ самый бѣдный,—*бобылемъ* всѣ и звали его. А теперь у него два сына подросли—ребята удались славные, работящіе, трезвые; какъ принялись въ-троемъ-то работать, какъ все поправилось! Теперь Иванъ Петровъ чуть не первый мужикъ у насъ на деревнѣ, всякій къ нему съ почтеніемъ идетъ... Самъ не порадишь, такъ на судьбу да на счастье, видно, плохая надежа...

— Вотъ вамъ и примѣръ, замѣтилъ о. П.,—да это впрочемъ не единственный, а только одинъ изъ множества. Сплошь и рядомъ можно видѣть, что богатый и хорошій родъ падаетъ, разоряется; дѣды и отцы трудились и жили исправно, запасно, а попадется ихъ имѣніе безпутнымъ дѣтямъ, промотаютъ они его да растратятъ, и станутъ послѣдними бѣдняками. Что же: счастье, судьба тутъ виноваты? Отцамъ добрая линія вышла, а дѣтямъ нѣтъ? Очевидно, что линія-то первыхъ зависѣла отъ труда, да отъ доброй жизни, а бѣдность послѣднихъ отъ ихъ

безпутства. И добрые да честные работники и сами изъ бѣдности выбиваются, да и дѣтямъ-то своимъ на черный день кое-что оставляютъ. Судьба что ли это по вашему?

— Какъ же, батюшка, мы видимъ, что иной и трудолюбивъ, работающъ, а ему ни въ чемъ не спорится; иной добрый и честный человѣкъ, а счастья ему нѣтъ. И мало ли примѣровъ, что праздные и порочные живутъ припѣваючи, ни въ чемъ не терпятъ нужды. Какъ не сказать, что есть судьба, къ однимъ милостивая, къ другимъ не милостивая безъ разбора, однимъ мать, другимъ мачиха не по заслугамъ?

— Не грѣши, другъ, противъ Бога. Богъ ко всѣмъ справедливъ и благъ. Случаи, на которые ты указалъ, не рѣдко повторяются на нашихъ глазахъ. Но не надо забывать, что если не въ этой, то въ будущей жизни каждому воздастся по дѣламъ его, и добродѣтельные тамъ тѣмъ щедрѣе будутъ награждены, чѣмъ терпѣливѣе переносили свои неудачи въ земныхъ дѣлахъ, но порочные тѣмъ строже будутъ наказаны, чѣмъ дольше терпѣлъ ихъ Господь въ этой жизни, ожидая отъ нихъ исправленія. — Трудолюбивому, говоришь, не спорится? Правда, за то онъ пользуется здоровьемъ, крѣпостию и свѣжестию тѣлесныхъ силъ, тогда какъ люди праздные, не привыкшіе къ движенію и дѣятельности, жалуются на нездоровье и изнываютъ отъ скуки, хотя иногда и кажутся веселыми.

Видите сами, любезные (продолжалъ о. П.),

какъ несправедлива вѣра въ неразборчивую какую-то судьбу. Христіанамъ грѣшно держаться этой вѣры,—она не только несообразна съ истинными понятіями о Богѣ, но, можно сказать, богохульна. Вѣдь, если вѣрить въ судьбу, въ безусловное предопредѣленіе Божіе одному счастья, другому несчастья, одному радости въ жизни, другому горя помимо воли самаго человѣка, помимо того, чего онъ стоитъ самъ по себѣ — хорошъ ли онъ, худъ ли, трудиться, или нѣтъ, то что же такое будетъ Богъ-то? Вѣдь Онъ является тогда не любвеобильнымъ и справедливымъ отцемъ, милующимъ и спасающимъ насъ, подающимъ намъ всякое благо и счастье, лишь бы только мы сами хотѣли и желали принять ихъ, а своевольнымъ господиномъ, по одному произволу, а не по справедливости раздающимъ людямъ свои дары и благодѣянія. Христіанское ли это понятіе о Богѣ? Не явное ли это богохульство? Притомъ, если ѣсть судьба, къ чему тогда вамъ далъ Богъ законъ, къ чему всѣ Его повелѣнія, воспрещенія, угрозы и наказанія людямъ, къ чему вѣчное блаженство и вѣчное мученіе? — Если допустить, что нами управляетъ судьба, такъ все это не имѣетъ никакого смысла. Вѣдь если человѣку судьбой назначенъ предѣлъ, если не въ его волѣ измѣнить свои дѣйствія и поступки,—такъ нечего ему давать и законъ, не зачѣмъ и угрожать ему,—худо ли, хорошо ли онъ дѣлаетъ, ему ужь не переимѣнить этого, «и радъ бы, скажетъ онъ, да не могу; и самъ вижу, что худо дѣлаю, да

воля-то не моя», и будетъ конечно правъ. Если же не отъ воли человѣка зависитъ жить такъ, или иначе, хорошо или худо, такъ не за что его награждать и наказывать, — не онъ самъ дѣлаетъ добро и зло, не онъ и отвѣтчикъ. Вѣдь по справедливости человѣкъ долженъ отвѣчать только за то, что онъ совершилъ самъ, по своей доброй волѣ, а за то, что онъ сдѣлалъ по необходимости, что сдѣлать его заставили, и онъ никакимъ образомъ немогъ отказаться отъ этого, за это онъ не отвѣчаетъ, награждать и наказывать его за это неслѣдуетъ. — Значить, судьба не допускаетъ ни вѣчнаго блаженства, ни мученій. Видите теперь, къ чему ведетъ васъ вѣра въ судьбу?...

— Видимъ, батюшка, теперь видимъ, какъ не видѣть... А мы-то по простотѣ своей да по темнотѣ и не знали и не понимали этого, — въ раздумьи проговорилъ одинъ крестьянинъ.

— Хорошо еще, что вѣрующіе въ судьбу не всегда согласно съ этою вѣрою поступаютъ. Но что было бы, если бы она обратилась въ правило и руководство для жизни? Она до конца развратила бы человѣка, убила бы въ немъ охоту къ труду, погасила бы ревность къ подвигамъ добродѣтели, къ дѣламъ самоотверженія, къ исполненію долга въ быту семейномъ и общественномъ, и подъ предлогомъ, что двухъ смертей не быть, одной не миновать, подзадоривала бы къ безразсудной отвагѣ въ опасности. Но довольно, пора идти къ литургіи.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.^(*)

Г Л А В А XI.

Борьба между Тверью и Москвою.—Страдальческая кончина В. К. Михаила Ярославича Тверскаго въ Ордѣ.—Горестная судьба потомковъ его.—Облегченіе ига при великомъ княженіи Іоанна Даниловича Калиты.—Кончина блаж. митрополита Максима.—Св. митрополитъ Петръ.—Возвышеніе Москвы.—Смерть Іоанна Калиты.

Какъ жизнь, такъ и кончина великаго князя Андрея Александровича были несчастіемъ для Русской земли. Явились два искателя великаго княженія: князь Михаилъ Ярославичъ Тверской и князь Георгій Даниловичъ Московскій; первый изъ нихъ имѣлъ болѣе правъ, какъ внукъ Ярослава Всеволодовича и двоюродный дядя Георгія, слѣдовательно старѣйшій въ родѣ. Это право въ понятіяхъ того времени казалось неоспоримымъ, и бояре великокняжескіе, похоронивъ тѣло Андрея въ Городцѣ Волжскомъ, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила съ престоломъ Владимірскимъ. Новгородцы также признали его своимъ княземъ, съ условіемъ, если ханъ утвердитъ

(*) См. предшествующія книжки.

за нимъ великое княженіе. Тщетно блаженный митрополитъ Максимъ уговаривалъ Георгія не искать великаго княженія, и общалъ ему именемъ вдовствующей княгини Ксеніи, матери Михаила, предоставить ему на выборъ нѣсколько городовъ въ прибавокъ къ Московской области. Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ хану; началась продолжительная кровавая борьба между Москвою и Тверью.

Сначала Михаилъ превозмогъ соперника и пріѣхалъ съ ханскою грамотой во Владимірѣ. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ смирить Георгія оружіемъ и дважды приступалъ къ Москвѣ, но не могъ взять ее. Это еще болѣе усилило взаимную злобу, пагубную для обоихъ князей. Впрочемъ лѣтописцы оправдываютъ Михаила и винятъ князя Московскаго, который заслужилъ всеобщую ненависть гнуснымъ злодѣйствомъ: онъ велѣлъ зарѣзать Рязанскаго князя Константина, находившагося у него въ плѣну.

Нѣсколько лѣтъ Михаилъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери, управляя великимъ княженіемъ и Новгородомъ чрезъ намѣстниковъ. Между тѣмъ Георгій въ Ордѣ три года билъ челомъ вельможамъ ордынскимъ, дарилъ ихъ и наконецъ умѣлъ снискать милость новаго хана Узбека, который выдалъ за него замужъ любимую сестру свою Кончаку, названную въ въ крещеніи Агаѳіею, объявилъ его великимъ княземъ и далъ ему войско. Въ сопровожденіи Монголовъ и воеводы ихъ Кавгадыя, Георгій

возвратился въ отечество и хотѣлъ немедленно завоевать Тверь.

Михаилъ отправилъ посольство къ племяннику и велѣлъ сказать ему: «будь великимъ княземъ, если такъ угодно царю; но оставь меня спокойно княжить въ моемъ наслѣдїи; ступай во Владиміръ и отпусти войско.» Георгій, вмѣсто отвѣта, опустошалъ съ Татарами Тверскую область. Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ епископа и бояръ: «судите меня съ племянникомъ,—говорилъ онъ;—не самъ ли ханъ утвердилъ меня на великомъ княженїи, и теперь отдалъ его Георгію? Я не спорю противъ воли ханской, а Георгій ищетъ головы моей, терзаетъ наслѣдственную мою область. Скажите, кто изъ насъ виноватъ?»—Епископъ и бояре единогласно отвѣчали ему: «ты правъ, государь, предъ лицомъ Божиимъ: возми мечъ праведный и иди на врага: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго князя.»—«Не за меня одного,—сказалъ Михаилъ,—но за множество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, свободы и жизни.» Открылась кровопролитная битва, и Михаилъ обратилъ въ бѣгство враговъ своихъ, освободивъ множество Тверитянъ, взятыхъ въ неволю Татарами. Жена Георгія и Кавгадый попались въ плѣнъ. Первая, къ несчастію, вскорѣ умерла скорбностижно, и враги Михайловы распустили слухъ, будтобы она отравлена ядомъ.

Не желая продолжать кровопролитїя, Михаилъ отпустилъ Кавгадыя съ богатыми дарами къ ха-

ну и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду на судъ. Увѣренный въ правотѣ своей, онъ не спѣшилъ и спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія. Между тѣмъ коварный племянникъ предупредилъ дядю и успѣлъ, при помощи Кавгадыя, очернить его передъ Узбекомъ.

Наконецъ и Михаилъ собрался въ Орду. Принявъ благословеніе отъ епископа Варсонофія, помолившись и благословивъ дѣтей, онъ отправился въ путь. Благочестивая супруга, княгиня Анна, проводила его до береговъ Нерли; тамъ онъ исповѣдался предъ духовникомъ и открылъ ему свою тайную мысль: «я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій; буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ землю Русскую.»

Во Владимірѣ, куда проводили Михаила два старшихъ сына: Дмитрій и Александръ, посолъ ханскій объявилъ ему гнѣвъ Узбека; сыновья умоляли отца не ѣздить въ Орду, но послать ихъ вмѣсто себя, чтобъ умиловитъ хана. «Царь требуетъ меня, а не васъ,—отвѣчалъ Михаилъ;—за мое послушаніе падеть много головъ христіанскихъ; тогда и я не избѣгну смерти: не лучше ли теперь положить душу за братію?» Онъ написалъ завѣщаніе, распредѣлилъ удѣлы сыновьямъ, далъ имъ отеческое наставленіе и отпустилъ ихъ въ Тверь.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря Сурожскаго (Азовскаго), при устьяхъ Дона, вручилъ дары хану и шесть недѣль жилъ спокойно въ

Ордѣ. Вдругъ ханъ велѣлъ судить Михаила съ Георгіемъ. Въ числѣ судей были Кавгадый и вельможи ханскіе, подкупленные московскимъ княземъ. Въ первомъ засѣданіи суда обвиняли Михаила въ неисправномъ платежѣ дани; онъ легко оправдался. Во второе засѣданіе привели его уже скованнымъ и объявили ему двѣ новыя вины, сказывая, что онъ обнажилъ мечъ на посла ханскаго и опоилъ ядомъ ордынскую царевну. «Въ битвахъ не узнаютъ пословъ, — отвѣчалъ Михаилъ, — но я спасъ Кавгадыя и отпустилъ его съ честію. Въ смерти Кончаки я невиненъ; какъ христіанинъ свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли не было такого злодѣянія». Судьи не слушали его, удалили отъ него вѣрныхъ слугъ и наложили ему на шею колодку.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека. Вся Орда тронулась за ханомъ; вслѣдъ за нею повлекли и Михаила. Страдалецъ, обремененный цѣпями и тяжелою колодкой, терпѣлъ уничтоженіе и муку съ удивительною твердостью; спокойно готовясь къ смерти, онъ нѣсколько разъ причащался св. таинъ; проводилъ ночи въ молитвѣ и чтеніи Псалмовъ Давидовыхъ, при чемъ отрокъ княжескій держалъ книгу и перевертывалъ листы. Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему бѣгство, говоря, что кони и проводники готовы. Князь отвѣчалъ: «не дай Богъ и думать о томъ; спасусь самъ, а народъ мой подвергну бѣдѣ; что же будетъ ждать меня тамъ? Да будетъ воля Божія!»

Орда кочевала уже далеко за Терекомъ, близъ Дербента, когда Узбекъ утвердилъ смертный приговоръ Михаилу. Страдалецъ не ужаснулся смерти. Отслушавъ заутреню (съ нимъ были игумень и два священника), онъ благословилъ сына своего Константина (котораго прислалъ передъ собою въ Орду) и передалъ ему на словахъ все что было въ сердцѣ его завѣтнаго къ супругѣ, дѣтямъ и братьямъ. «Дайте мнѣ теперь псалтирь, — сказалъ онъ, — прискорбна душа моя до смерти!» Разогнувъ книгу, онъ прочелъ слова: «сердце мое смятется во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя». Душа его невольно содрогнулась. Игумень сказалъ ему: въ томъ же псалмѣ написано — «возверзи на Господа печаль твою». — Князь продолжалъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полещу и почию?» Онъ закрылъ книгу. Въ ставку вбѣжалъ одинъ изъ отроковъ княжескихъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая, что князь Георгій, Кавгадый и толпа народа приближаются къ шатру. «Вѣдаю для чего», отвѣчалъ Михаилъ, и поспѣшилъ отправить юнаго сына къ супругѣ Узбека, надѣясь, что она сбережетъ его.

Недалеко отъ шатра, на площади, остановились Георгій и Кавгадый, отрядивъ палачей на убійство. Всѣхъ людей княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Убійцы повергли его на землю, мучили, били пятами; наконецъ одинъ изъ нихъ, по имени Ромашецъ, (вѣроятно отступникъ) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Это было 22 ноября

1319 года. Тѣло св. страстотерпца лежало нагое, пока народъ, по обычаю татарскому, грабилъ имущество князя. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: «онъ твой дядя; оставишь ли трупъ его на поруганіе?» Тогда Георгій приказалъ слугѣ покрыть тѣло (*).

Память Михаила была священна для современниковъ; великодушный въ бѣдствіяхъ, онъ заслужилъ славное имя «отечестволюбца». Всѣ жалѣли о немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные Тверитяне. Онъ любилъ ихъ какъ отецъ и возвеличилъ тверское княженіе. Св. Михаилъ отличался добродѣтелями семейными, нѣжною привязанностію къ супругѣ (†), къ дѣтямъ, и особен-

(а) Георгій отправилъ тѣло св. Михаила въ Москву. На пути, въ торговомъ городѣ Маджарахъ, на р. Кумѣ, купцы, знавшіе лично Михаила, желали внести гробъ въ церковь, но бояре Георгіевы поставили его въ хлѣбѣ. Въ Москвѣ погребли тѣло въ Кремлевской Спасской обители. По просьбѣ вдовы и сыновей убіеннаго, Георгій согласился наконецъ отпустить драгоценныя останки въ Тверь. Вдовствующая княгиня Анна съ сыновьями, духовенство и народъ встрѣтили гробъ великаго князя на берегу Волги. Снявъ крышу гроба, они съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, неповрежденныхъ ни дальнимъ путемъ, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Св. мощи были преданы землѣ въ соборномъ храмѣ, а въ 1655 году обрѣтены нетлѣнными и поставлены открыто въ томъ же храмѣ, подлѣ иконостаса, съ правой стороны. Наружность св. князя Михаила по старинному подлиннику: волосы съ просѣдью, борода густая; на головѣ шапка, въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ (Буслаева очерки Слов. и Искус. II, 357).

(б) Блаж. княгиня Анна Дмитріевна, дочь князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго, сочеталась бракомъ съ княземъ Ми-

но къ матери, умной и добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ духѣ благочестія (*).

Вскорѣ злодѣй Кавгадѣй погибъ внезапно; чрезъ нѣсколько лѣтъ Провидѣніе наказало и

хаиломъ Ярославичемъ въ 1294 году. Послѣ страдальческой кончины супруга, она приняла постриженіе съ именемъ Софіи въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ и пребывала то въ Твери, то въ Кашиѣ, удѣлѣ меньшаго сына своего Василя, до блаженной своей кончины, послѣдовавшей 2 сентября 1338 года. Въ XVII вѣкѣ, по волѣ царя Алексія и патріарха Іоасафа, мощи преп. княгини—инокини, обрѣтенныя нетлѣнными, перенесены митрополитомъ ростовскимъ Варлаамомъ изъ кашинской Успенской церкви въ соборный храмъ того же города. А въ 1677 году, по желанію царя Θεодора, патріархъ Іоакимъ посылаѣ въ Кашинъ духовныхъ лицъ для освидѣтельствованія мощей и изслѣдованія записанныхъ чудесъ; за тѣмъ, вмѣстѣ съ бывшими въ Москвѣ архіереями и другими властями сравнивалъ житіе блаженной княгини, написанное дьячкомъ Никифоромъ Варлаамовымъ, съ лѣтописями и нашелъ много несогласій. Чудеса, приписанныя къ житію, оказались сомнительными и самое нетлѣніе мощей и одеждъ при осмотрѣ не подтвердилось. А потому присутствующіе на соборѣ святители рѣшили отложить сопрічисленіе блаженной Анны къ лику святыхъ «до подлиннаго извѣщенія, сгда аще впредь Богъ объявитъ и утвердитъ». Вслѣдствіе того рака благовѣрной княгини запечатана, иконы ея, службы и житіе отобраны и спрятаны архіепископомъ тверскимъ, пѣніе молебновъ воспрещено, храмъ, созданный во имя ея въ Кашиѣ, освященъ вновь во имя Всѣхъ Святыхъ. Соборныя дѣянія о блаж. княгинѣ Аннѣ находятся въ Моск. Синод. библиотекѣ. (Сборникъ № 684 л. 381—415). Съ того времени мощи почиваютъ подъ спудомъ, а память благовѣрной княгини мѣстно читается 2 октября.

(в) Княгиня Ксенія, супруга князя Ярослава Ярославича, была дочь какого-то Новгородца Юрія Михайловича. А въ житіи св. Михаила Тверскаго помѣщенъ разсказъ, что отецъ его Ярославъ, ловя звѣрей на берегу Волги, близъ села Еди-

коварную жестокость Георгія. Въ 1325 году Георгіи встрѣтилъ въ Ордѣ князя Димитрія, старшаго сына св. Михаила. Пылкій юноша, носившій прозваніе «грозныя очи», затрепеталъ отъ ужаса и гиѣва при видѣ убійцы отца и вонзилъ мечъ по рукоятку въ грудь Георгія передъ глазами хана. Георгіи испустилъ духъ, а Димитрій былъ казнень въ Ордѣ. Великое княженіе было предоставлено сначала Александру Михайловичу Тверскому и вскорѣ потомъ, когда онъ избилъ Татаръ въ Твери, (1) Іоанну Даниловичу Московскому.

монова, встрѣтилъ красавицу Ксенію, дочь причетника, и женился на ней, хотя она была уже невѣстою служившаго при немъ отрока Григорія. Григорій, послѣ того, удалился отъ свѣта и основалъ близъ Твери Отрочъ монастырь. (Карамз. IV. прим. 118. Ист. Росс. Іерар. V стр. 419). Ксенія скончалась въ 1312 году, принявъ постриженіе, и погребена въ Тверскомъ соборномъ храмѣ. Въ ризницѣ этого собора хранится древній образъ св. князя Михаила и блаж. матери Ксеніи, которые представлены держащими въ рукахъ городъ (крѣпость Тверь). Снимокъ съ этого образа приложенъ къ книгѣ священника А. Соколова: «св. кн. Михаилъ Тверскій. Тверь. 1864». Мѣстные жители почитаютъ память княгини Ксеніи, какъ молитвенницы за родину.

(г) Въ 1327 году посолъ и родственникъ ханскій Шевкаль явился въ Тверь съ многочисленными толпами грабителей. Разнесся слухъ, вѣроятно, ложный, что онъ хочетъ умертвить князя Александра Михайловича съ братьями и обратить Тверитянъ въ магометанство. Александръ, вооруживъ народъ, напалъ на Татаръ, перебилъ значительную часть войска Шевкала, и сжегъ его самого съ остаткомъ дружины во дворцѣ, гдѣ заперлись Татары; ханъ послалъ Іоанна Московскаго съ другими князьями для усмиренія Александра, который долженъ былъ бѣжать и укрыться во Псковѣ.

Іоаннъ Даніиловичъ напоминалъ собою благочестиваго родителя, св. князя Даніила, а не коварнаго брата своего Георгія. При немъ, какъ выражаются лѣтописцы, «миръ и тишина воцарились въ землѣ Русской». Монголы перестали наконецъ опустошать города и села и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; христіане на 40 лѣтъ отдохнули отъ истомы и насилій. Узбекъ и его пресмники, довольствуясь опредѣленною данью, перестали посылать воеводъ своихъ на грабежъ русскихъ удѣловъ; они были заняты дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды. Еще отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы князей еще падали въ Ордѣ по мановенію хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на нивахъ, кушцы ѣздить съ товарами изъ города въ городъ, бояре наслаждаться избыткомъ.

Эта благословенная перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая, со временъ Іоанна, становится сердцемъ Россіи, истинною матерью городовъ русскихъ, замѣняя собою древній первопрестольный Кіевъ, который вмѣстѣ съ другими южными удѣлами, почти въ то же время перешелъ подъ власть язычника Гедимина ⁽¹⁾.

Мы видѣли, что и прежніе великіе князья, предпочитали свои наслѣдственные удѣлы Владиміру,

(1) Гедиминъ, великій князь Литовскій, въ это время завоевалъ южные и югозападные удѣлы Россіи; Кіевъ достался ему въ 1321 году (Ист. Карамз. т. IV стр. 127 — 130. Нарбутъ въ исторіи Литовскаго народа т. IV стр. 484—491).

совершая въ немъ только обрядъ возведенія на престолъ великокняжескій: Димитрій Александровичъ жилъ въ Переславль Залѣскомъ, Михаилъ Ярославичъ — въ Твери. По той же привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Давидовичъ не захотѣлъ выѣхать изъ Москвы, тѣмъ болѣе, что тамъ находилась уже и кафедра Всероссійской митрополіи. Блаж. митрополитъ Максимъ испыталъ много скорбей во время своего архипастырства. Жизнь его была скитальческая; разъѣзжая по отдаленнымъ епархіямъ своей паствы, онъ долго не могъ найти себѣ постоянного мѣста жительства. Въ Кіевѣ нельзя было жить ему при непрестанныхъ грабежахъ и насиліяхъ татарскихъ; переселеніемъ на сѣверъ онъ опасался оскорбить князей южныхъ и, сверхъ того, на сѣверѣ непрочно было мѣсто престола великокняжескаго: онъ былъ то во Владимірѣ, то въ Переславлѣ, то въ Твери. Блаж. первосвятитель проливалъ теплыя молитвы предъ Богоматерью объ указаніи ему воли Божіей, и всеблагая Матерь страждущихъ утѣшила его своимъ явленіемъ, въ которомъ указала Максиму мѣсто успокоенія во Владимірѣ. Сюда переселился онъ въ 1299 году и здѣсь преставился (*). По кончинѣ его,

(*) Митрополитъ Максимъ во Владимірѣ скончался въ 1305 году и только одинъ изъ первосвятителей русскихъ погребенъ во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Надъ гробницею его стоитъ чудотворная икона Божіей Матери, называемая Максимовскою, на которой кромѣ Богоматери, изображенной во весь ростъ, представленъ въ маломъ видѣ и самъ митрополитъ Мак-

южные князья обратились къ патриарху Константинопольскому съ просьбою объ учрежденіи особой митрополиі для южныхъ областей Русскихъ. Это порученіе возложено было на игумена Ратскаго монастыря на Волыни Петра, о которомъ князья (тайно отъ него самого) писали къ патриарху, чтобъ онъ рукоположилъ этого игумена на южную митрополию. Между тѣмъ явился соперникъ Петру; нѣкто игумень Геронтій (*) отправился въ Царь-градъ просить митрополиі всероссійской лично для себя; но Промыслъ Божій устроилъ такъ, что смиренный Петръ получилъ то, чего напрасно домогался властолюбивый Геронтій. Тотъ, кто ничего не искалъ для себя, поставленъ въ санъ первосвятителя

симъ, принимающій омофоръ изъ рукъ пресв. Богородицы. Эта икона написана по видѣнію блаж. Максима, о чемъ свидѣтельствуется и надпись на ней (Описаніе владим. достопамятностей, іер. Іоасафа стр. 87). Въ рукоп. святцахъ митр. Максимъ названъ святымъ и чудотворцемъ. Въ подлинникахъ наружность его описывается такъ: «подобіемъ русь, брада Златоустова (т. е. продолговатая, какъ изображается на иконахъ св. Іоанна Златоустаго), въ бѣломъ клобукѣ; сакъ (саккосъ) лазоревый, съ омофоромъ и евангеліемъ». (Буслаева очерки Словес. и Иск. ч. II стр. 354). Послѣ него сохранилось «Правило о постахъ съ увѣщаніемъ жить съ женами въ законномъ бракѣ, а не безъ вѣнчанія» (Востокова Опис. Румянц. Музея стр. 304—321).

(ж) Геронтій вѣроятно былъ присланъ для посвященія къмъ либо изъ сѣверныхъ князей. Нельзя думать, чтобъ онъ самъ могъ принудить идти за собою церковныхъ сановниковъ (вѣроятно бояръ митрополичьихъ) и захватить утварь святительскую (статья г. Карпова о св. Петрѣ въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1864 кн. III. стр. 3—28).

всѣхъ областей Русскихъ; потому что Геронтій, задержанный бурей, замедлилъ на дорогѣ, а патриархъ не захотѣлъ раздѣлить митрополию.

Великій во святителяхъ, св. митрополитъ Петръ (*) съ самой ранней юности былъ строгимъ подвижникомъ благочестія. Двѣнадцати лѣтъ вступилъ онъ въ монастырь, и былъ образцомъ въ исполненіи послушаній монастырскихъ и въ подвигахъ молитвы и поста. Удостоенный сана пресвитерскаго, онъ началъ учиться иконному писанію, потому что находилъ услажденіе всегда взирать на св. изображенія Господа Иисуса Христа, пречистой Его Матери и св. угодниковъ и, взирая на нихъ, возноситься умомъ къ самимъ изображаемымъ. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ иноческихъ подвиговъ, св. Петръ самъ основалъ монастырь на избранномъ имъ уединенномъ мѣстѣ близъ рѣки Рати, создалъ въ немъ церковь во имя Спасителя и, собравъ немалое число братьевъ, словомъ и дѣломъ поучалъ ихъ жизни по Богѣ. Новое званіе открыло въ немъ новыя добродѣтели: онъ былъ кротокъ въ назиданіи, безгнѣвенъ въ обличеніи согрѣшающихъ, щедръ и милостивъ въ призрѣніи убогихъ; если не имѣлъ чего другаго, то раздавалъ требующимъ свои иконы, отдавалъ свою власяницу.

(*) Житіе митрополита Петра составлено однимъ изъ его преемниковъ, св. митр. Кипріаномъ, и помѣщено въ Степ. Книгѣ ч. 1 стр. 410—424. Другое, болѣе древнее житіе, написанное современникомъ, Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, въ Синод. рукоп. N 324.

Извлеченный изъ мирной обители на чреду первосвятительства (1308), св. Петръ встрѣтилъ не мало огорченій. Онъ видѣлъ татарскій набѣгъ въ Брянскъ, и самъ принужденъ былъ искать безопасности въ храмѣ, былъ холодно принятъ князьями сѣверными, которые не знали его и наконецъ подвергся клеветѣ, отъ которой долженъ былъ оправдываться на соборѣ. Тверской епископъ Андрей, сынъ Герденя, князя Литовскаго, тайно послалъ къ патріарху доносъ, въ которомъ ложно взводилъ на митрополита какія-то тяжкія вины. Какъ человѣкъ легковѣрный и честолюбивый, онъ могъ завидовать Петру и, епископствуя въ той области, гдѣ жилъ великій князь, могъ самъ желать для себя митрополичьяго престола.

Патріархъ не повѣрилъ обвиненію, но для изслѣдованія дѣла прислалъ одного изъ своихъ клириковъ, требуя оправданія. Созванъ былъ соборъ въ Переславлѣ—Залѣсскомъ; прибыли епископы ростовскій и тверской, знатнѣйшіе игумены и пресвитеры. Изъ числа князей были тверскіе — Димитрій и Александръ Михаиловичи, и московскій — Іоаннъ Даниловичъ. Прочитанъ былъ присланный къ патріарху доносъ и произвелъ сильное волненіе въ присутствовавшихъ. Чтобъ укротить смятеніе, невинный святитель, подобно св. Григорію Богослову, предложилъ: «возлюбленные братія и чада о Христвѣ! я не лучше пророка Іоны. Если изъ-за меня такое великое волненіе, извергните меня изъ среды своей». На-

конецъ истина восторжествовала; всѣ пожелали узнать имя клеветника. Когда открылось, что это епископъ Андрей, то всѣ обратились противъ него съ укоризною и посрамленіемъ. Одинъ только смиренный святитель Петръ принялъ его подъ свою защиту и сказалъ ему слова любви: «миръ тебѣ, чадо. Не ты сіе сотворилъ, но древній завистникъ рода человѣческаго, діаволъ. Отнынѣ блюдишь жи, а прошедшее да проститъ тебѣ Господь» (*).

Между тѣмъ св. Петру готовился новый тяжкій подвигъ; онъ долженъ былъ отправиться въ Орду, чтобы получить отъ новаго хана Узбека подтвержденіе прежнихъ грамотъ, освобождающихъ духовенство отъ дани, и чтобы предупредить пословъ папы, которые могли испросить себѣ у хана вредныя для православія преимущества въ южныхъ областяхъ Руси. Богъ благословилъ путешествіе святителя полнымъ успѣхомъ, и св. Петръ, принятый ханомъ съ великими почестями, получилъ отъ него подтвержденіе всѣхъ прежнихъ правъ клира (†).

(*) Клеветникъ епископъ Андрей остался ненаказаннымъ; кромѣ смиренія и кротости св. Петра, тутъ могла быть еще другая причина: нежеланіе усилить раздоръ между тверскими и московскими князьями осужденіемъ тверскаго епископа. (Та же статья г. Карпова стр. 8—9).

(†) Ярлыкъ, выданный въ Орду митрополиту Петру, напечатанъ въ собр. гос. грам. (т. II № 7). Вотъ его содержаніе: 1) признается полная свобода православной вѣры и неприкосновенность всего церковнаго; 2) подробно исчисляются лица и имущества, принадлежащія церкви; 3) духо-

Устроивъ такимъ образомъ внѣшнія дѣла церкви, онъ съ тѣмъ большею ревностію озаботился о внутреннемъ ея благосостояніи: объѣзжалъ епархіи, не стѣсняясь ни болѣзнями тѣлесными, ни преклонною старостію; поучалъ ввѣренное ему стадо словомъ (*) и примѣромъ, щедро благотворилъ бѣднымъ и обличалъ противниковъ истины. Къ этому времени жизнеописатель св. Петра относитъ обличеніе и осужденіе еретика Сеита (*).

Самымъ важнымъ изъ дѣлъ великаго святителя Петра было переселеніе его въ Москву: онъ

венство освобождается отъ даней; 4) предоставляется митрополиту право церковнаго суда; 5) за нарушеніе всѣхъ выше изложенныхъ правилъ назначается смертная казнь; 6) митрополиту и дроченству вмѣняется въ обязанность молиться Богу за хана, семейство и воинство его, и наконецъ, 7) въ заключеніе ярлыка сказано, что онъ выданъ по примѣру прежнихъ ярлыковъ данныхъ отъ бывшихъ хановъ.

(к) Послѣ святителя Петра сохранился драгоценный памятникъ пастырской его попечительности о стадѣ Христовомъ—поученіе духовенству. Оно напечатано по древнимъ спискамъ, въ Прибав. къ Твор. св. отц. 1844. стр. 83—90.

(л) Неизвѣстно, кто былъ Сеитъ и въ чемъ состояла ересь его. Татищевъ говоритъ, что Сеитъ отвергалъ существованіе рая на землѣ и возставалъ противъ монашества, что къ нему пристали многіе изъ иноковъ, оставили монашество и женились, что епископъ Андрей принялъ его ученіе по легкомыслію. По замѣчанію преосв. Макарія (Ист. русск. церкви IV. стр. 313) извѣстіе о еретикѣ Сеитѣ читается различно: въ Степенной книгѣ: «и Сеитъ еретикъ явился», а въ Никоновской лѣтописи: «*И се инъ* еретикъ» т.е. другой послѣ епископа Андрея, о которомъ сказано прежде. Можетъ быть изъ словъ «се инъ» какой-нибудь переписчикъ составилъ собственное имя—Сеитъ.

положилъ прочное основаніе мира и будущаго величія Россіи, когда перенесъ первосвятительскую кафедру изъ Владиміра въ Москву и принесъ съ собою новой столицѣ Русской благословеніе Божіе. Жизнеописатель св. Петра повѣствуетъ, что въ Москву привлекла его любовь къ князю Іоанну Даниловичу, извѣстному миролюбіемъ, набожностію и щедрностію къ бѣднымъ. Въ 1325 году, св. Петръ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ по его желанію происходила закладка храма въ честь Успенія Пресв. Богородицы. Убѣждая князя къ сооруженію этой соборной церкви, св. Петръ пророчески говорилъ ему: «если слушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишь-ся съ родомъ твоимъ паче иныхъ князей и градъ твой будетъ славенъ предъ всѣми градами Русскими, и святители поживутъ въ немъ и въздутъ руки его на плечи враговъ его, и прославится Богъ въ немъ». Князь съ усердіемъ приступилъ къ совершенію дѣла богоугоднаго: быстро воздвигаемы были стѣны храма. Но еще скорѣе приближался къ концу своему блаженный святитель. Онъ только успѣлъ заложить себѣ каменный гробъ въ новой церкви, но не освятилъ ея. Не за-долго до блаженной кончины первосвятителя Петра, князь Іоаннъ видѣлъ сонъ: представилась ему высокая гора и на вершинѣ ея снѣгъ; но вдругъ снѣгъ растаялъ и исчезъ. Расказавъ объ этомъ сновидѣніи святителю, князь услышалъ отъ него такое объясненіе: «гора высокая—это ты князь; а снѣгъ—это я смиренный. Мнѣ преж-

де тебя должно отойти изъ сей жизни въ вѣчную» (*). Вскорѣ послѣ того святитель почувствовалъ приближеніе блаженной кончины. Князя Іоанна Даниловича тогда не было въ Москвѣ, св. Петръ призвалъ къ себѣ тысяцкаго Протасія Вельяминова и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, миръ и благословеніе отъ Бога ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой успокоилъ меня въ старости, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семъ и даруетъ ему животъ вѣчный, и не оскудѣютъ отъ сѣмени его обладающіе мѣстомъ его и память его прославится.» Послѣ того святитель предоставилъ все свое стяжаніе на строеніе соборной церкви, простился со всѣми, началъ пѣть вечерню и во время пѣнія, съ молитвою на устахъ и съ воздѣтыми къ небу руками, преставился, 21 Декабря 1326 года. Мощи его положены были въ гробницѣ, которую онъ себѣ приготовилъ; чудеса отъ мощей открылись при самомъ погребеніи и не прекращались послѣ того (**). Преим-

(*) Объ этомъ свидѣніи повѣствуется въ житіи Пафнутія Боровскаго, писанномъ архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ Санинымъ. Рукопись Лаврской библ. № 692, л. 177—196.)

(**) Празднованіе памяти святителя Петра установлено митрополитомъ Θεогностомъ, съ согласія Патріарха. При нашествіи Тохтамыша, Татары раскрыли гробницу св. Петра, думая найти въ ней сокровища. Съ того времени мощи его почивали открыто, но послѣ нашествія Ляховъ, похитившихъ драгоценную серебряную раку, положены подъ спудомъ и оставались въ этомъ положеніи до 1812 года. Тогда Наполеонъ ра-

никъ св. Петра, митрополитъ Феогноствъ родомъ Грекъ, прибылъ изъ Царьграда въ 1328 году.

Вскорѣ начало сбываться пророчество святителя. При любимомъ его князѣ Иоаннѣ Москва стала возвышаться надъ старинными городами. Первосвятители утвердились на каедрѣ Московской. Единодержавная власть великаго князя Московскаго возрастала и усиливалась въ потомствѣ Иоанна и облеклась наконецъ порфиною царскою. Вѣрная Москва, съ любовію почитая память перваго своего святителя, сохраняя въ первопрестольномъ храмѣ своемъ нетлѣнныя его мощи какъ залогъ своего благоденстія, благоговѣйно соблюла св. иконы, имъ написанныя, панагію его и жезлъ пастырскій (°).

Св. церковь взысторгнула гробницу святителя, вѣроятно, съ такимъ же умысломъ какъ и Тохтамышъ. Съ дозволенія св. Синода, Московскій архіепископъ Августинъ торжественно открылъ нетлѣнныя мощи и обнесилъ ихъ вокругъ Успенскаго собора, при освященіи его, 30 Августа 1813 года (Памятн. Моск. древ. стр. 6—7). Память св. Петра празднуется 21 Декабря въ день преставленія, 24 Августа въ память перенесенія мощей въ новопостроенный Успенскій соборъ въ 1471 году, и 5 Октября, совокупно съ святителями Алексіемъ и Іоною.

(°) Храмовая икона Успенія Божіей Матери, писанная св. Петромъ, стоитъ въ иконостасѣ Успенскаго Собора, подлѣ мѣстнаго чудотворнаго образа всемилостиваго Спаса. Тамъ же, въ придѣлѣ Первоверховныхъ апостоловъ, находится икона Богородицы, именуемая Петровскою, та самая, которую св. Петръ, еще игумень Ратскій, поднесъ предмѣстнику своему блаж. митрополиту Максиму. У патриаршаго мѣста поставленъ архипастырскій его жезлъ, деревянный съ надписью на серебрянномъ ободкѣ: «смиренный Петръ митрополитъ всея Руси.» — Въ Синодальной ризницѣ (бывшей патриаршей) хранится панагія св. Петра: небольшая овальная, съ онисковымъ

ваетъ къ святителю Петру устами благодарной его паствы: «Ты явился новымъ чудотворцемъ, богомощный Петръ, подавая изцѣленія всѣмъ, притекающимъ къ тебѣ съ вѣрою и невидимо посѣщая людей Христовыхъ; ты просвѣщаешь землю нашу и мы единодушно зываемъ къ тебѣ: радуйся, жилище свѣта безстрастнаго! Радуйся прогонитель страстей темныхъ! Радуйся, разрушившій козни демоновъ! Радуйся, возвеселившій лики ангельскіе! Радуйся, высота чистаго боговѣдѣнія! Радуйся, глубина смиренія, омывающая болѣзни! Радуйся, пастырь и учитель земли Русской! Радуйся, возвеличившій державу князей нашихъ! Радуйся, преславный источникъ чудотвореній! Радуйся, утвержденіе града нашего». — «Свѣтло ликуй, преславный градъ Москва, имѣя въ себѣ святителя Петра—зарю солнечную, озаряющую чудесами всю землю Русскую: онъ врачуешь немощи и прогоняешь недуги вопіющихъ ему: радуйся, Іерархъ Бога вышняго, чрезъ тебя посѣщающаго паству твою!» (п).

Послѣ преставленія святителя Петра, великій князь Іоаннъ Даниловичъ прожилъ еще нѣскольکو лѣтъ. По волѣ хана Узбека, онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими князьями, ополчиться

каменемъ, осѣнанная венисами и жемчугомъ.—По старинному подлиннику, святитель Петръ изображается на иконахъ мститымъ старцемъ, съ небольшою, но широкою сѣдою бородой (Подлинникъ библ. Моск. Дух. Акад., XVII в., № 433.).

(п) Икосъ и тропарь изъ службы 24 декабря, по Моск. Мишеѣ 1645 года.

противъ Псковитянъ, которые не хотѣли выдать Александра Тверскаго, между тѣмъ какъ ханъ требовалъ его къ суду своему. Иоаннъ шелъ медленно, надѣясь, что жители Пскова образумятся; наконецъ видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнувъ къ другому способу: избѣгая кровопролитія бесполезнаго, онъ склонилъ митрополита Θεогноста наложить клятву церковную на Александра и на всѣхъ Псковитянъ, если они не покорятся. Тогда Александръ созвалъ вѣче и, сказавъ: «да не будетъ проклятiе на друзьяхъ и братьяхъ моихъ ради меня»,—удалился въ Литву. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ самъ добровольно рѣшился ѣхать въ Орду и явился къ Узбеку. «Царь верховный — сказалъ онъ хану — я заслужилъ гнѣвъ твой: милуй меня или казни. Если помилуешь — прославлю Бога и твое великодушiе. Если хочешь головы моей — вотъ она предъ тобою!» — Свирѣпый ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и объявилъ, что «князь Александръ смиренною мудростiю спасъ себя отъ казни.» Узбекъ возвратилъ Александру княженiе Тверское.

Благоразумный Иоаннъ, видя что всѣ бѣдствiя Русской земли произошли отъ несогласiй и слабости князей, старался присвоить верховную власть надъ князьями удѣльными. Князья Рязанскiе повиновались ему безпрекословно; онъ выдалъ одну изъ дочерей своихъ за князя Ярославскаго, другую — за князя Ростовскаго и предписывалъ законы зятьямъ своимъ въ собственныхъ ихъ

областях^(р). Оставался у него еще одинъ непокорный соперникъ: возвратившись изъ Орды и увѣренный въ милости ханской, могъ ли Александръ Тверскій спокойно видѣть враждебный родъ князей Московскихъ на престолѣ великаго княженія, могъ ли не думать о мести? Но подозрительность Узбека предупредила новое столкновение Москвы съ Тверью: слыша, что Александръ собираетъ войско, ханъ вызвалъ его въ Орду и тамъ велѣлъ умертвить его вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Феодоромъ; имъ отрубили головы и розняли ихъ по составамъ^(с). Новые князья Тверскіе—Константинъ и Василій Михайловичи, младшіе братья убитаго Александра, не дерзали выходить изъ воли великаго князя Московскаго; самый Новгородъ смирялся предъ нимъ.

Пораженный внезапно тяжкимъ недугомъ, достойный сынъ св. Даниїла принялъ постриженіе въ схиму и скончался въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, 31 марта 1340 года. Москвитяне проливали слезы, погребая тѣло его въ Соборѣ Архангельскомъ (гдѣ съ того времени стали по-

(р) Тогда Московскій бояринъ Василій Качева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ, отрѣшилъ отъ должности и мучилъ тамошняго градоначальника, старшаго боярина Аверкія, распоряжался судами, отнималъ и давалъ имѣнія. Народъ жаловался на самовластіе Москвы (Никон. лѣт. ч. II, стр. 204.).

(с) Истерзанные остатки несчастныхъ князей были преданы землѣ въ Тверской соборной церкви, подлѣ гробницы св.

гребаться всѣ князья московскіе) (1), называли его «собрателемъ» земли Русской и государемъ-отцемъ. Князь Іоаннъ Даниловичъ не любилъ проливать кровь въ междоусобіяхъ; освободивъ великое княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, онъ возстановилъ безопасность собственности и личную, былъ правосуденъ, набоженъ, усерденъ къ построению храмовъ и весьма милостивъ къ нищимъ. Онъ всегда носилъ съ собою калиту (мѣшокъ наполненный деньгами для бѣдныхъ), отъ чего и прозванъ Калитою (2), окружилъ свою столицу дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время Кремникъ или кремль. Въ духовномъ завѣщаніи (душевной

Михаила и Димитрія: четыре жертвы лютости Узбека и кровавой борьбы между Тверью и Москвою!

(г) Кромѣ каменнаго собора Успенскаго, Іоаннъ построилъ, также изъ камня, соборъ Архангельскій, церковь св. Іоанна Лѣстничника и церковь Преображенія Господня въ кремль, въ Спаскомъ монастырѣ. Изъ числа этихъ храмовъ только послѣдній (Спасъ на Бору) уцѣлѣлъ до нашего времени, хотя въ измѣненномъ видѣ, а прочіе храмы въ послѣдствіи разобраны и перестроены вновь.

(у) Въ рукописномъ житіи препод. Пафнутія Боровскаго (см. выше примѣч. подъ буквою: М) помѣщенъ анекдотъ о князѣ Іоаннѣ—Калитѣ: «сказываютъ, что одинъ нищій, взявъ у князя милостыню, тотчасъ же опять пришелъ и получилъ вторично; тотомъ, зашедши сзади, сталъ опять просить. Князь далъ ему въ третій разъ, сказавъ: «возми, несытыя зеницы.»—«Ты самъ несытыя зеницы, отвѣчалъ нищій, —и здѣсь царствуешь, и тамъ хочешь вѣчно царствовать.» Въ томъ же житіи повѣствуется, что одна благочестивая инокиня обмирала и видѣла въ раю великаго князя Іоанна Даниловича. Въ рукописныхъ святцахъ онъ поставленъ въ числѣ святыхъ.

грамотѣ) онъ раздѣлилъ удѣлъ свой между сыновьями, а Москву предоставилъ имъ всѣмъ вмѣстѣ. О городахъ великаго княженія (Владимірѣ, Переяславлѣ, Костромѣ и проч.) въ завѣщаніи не сказано ни слова. Іоаннъ могъ располагать только своею отчиною, а назначеніе ему преемника зависѣло отъ хана.

Графъ М. Толстой.

ОТЪ ЕПІСКОПА ПРОТОІЕРЕЮ УТѢШЕНІЕ.

Съ скорбію состраданія прочиталъ я Ваше скорбное письмо, но и съ нѣкоторымъ чувствомъ умѣряющимъ скорбь. — Скорблю о трудномъ положеніи, въ которомъ Вы находитесь; но сію скорбь умѣряетъ то, что вижу въ Васъ искреннее попеченіе о снисканіи благодати и спасенія себѣ и чадамъ. Господь призритъ на сіе, и поможетъ Вамъ перейти отъ скорби къ терпѣнію, а потомъ и къ миру и утѣшенію.

Печаль можетъ быть справедлива, но никогда не должна быть чрезмѣрна. *Печаль многи уби.* говоритъ опытный мудрецъ, *и нѣсть пользы въ ней.* Здоровье должно беречь; слѣдовательно, должно умѣрять печаль. Любя дѣтей, остерегитесь, чтобы не быть несправедливымъ противъ нихъ, если бы, предавшись печали, разстроили свое здоровье, и уменьшили себѣ средства пещись о дѣтяхъ. Сіе да будетъ сказано и супругъ Вашей.

Печаль никогда не должна быть сильнѣе вѣры въ Бога и надежды на Него. Чтобы ни про-

изошло, надобно вѣровать въ Его милосердіе, и надѣяться отъ Него помилованія.

Для сего надобно отвлекать мысли отъ предмета печали, и занимать умъ и сердце молитвою. Не должно смущаться тѣмъ, что въ сихъ обстоятельствахъ молитва несовершенна. Приносите Богу намѣреніе молитвы. Онъ призрѣтъ и *дастъ молитву молящемуся.*

Испытаніе ли Вашего терпѣнія послалъ Вамъ Богъ въ томъ, что сынъ у Васъ родился мертвымъ, или, какъ Вы согласно съ закономъ смиренія говорите, это наказаніе за грѣхи; это не должно вести къ безутѣшной печали. Пойте съ Пророкомъ: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя.*

Васъ устрашаетъ участь души младенца. Помышляйте, что какъ правосудіе Божіе непостижимо и непредѣльно, такъ и милосердіе Его непостижимо и непредѣльно. Душа, которая несетъ на себѣ только прародительскій грѣхъ, и это потому, что не имѣла возможности получить облегченіе отъ сего бремени, конечно не будетъ у Бога сравнена съ душою, которая своевольными грѣхами пролагаетъ себѣ пути въ геену.

Читали ли Вы 40 слово Св. Григорія Богослова о Крещеніи? Вотъ что онъ пишетъ: «иные даже не имѣютъ возможности и принять дара (благодати крещенія) или можетъ быть по малолѣтству, или по какому-нибудь совершенно независящему отъ нихъ стеченію обстоятельствъ.» И далѣе: «Послѣдніе (о которыхъ теперь гово-

рили) не будутъ у праведнаго Судии ни прославлены, ни наказаны; потому что хотя не запечатлѣны, однако же и не худые, и больше сами терпѣли, нежели сдѣлали вреда. Ибо не всякій недостойный наказанія достоинъ уже и чести, равно какъ не всякій недостойный чести, достоинъ уже наказанія.»

Надѣюсь, что изъ сего слова Св. Отца изыдетъ нѣкоторый свѣтъ, и разрѣшитъ сумрачность Вашихъ мыслей.

Богъ терпѣнія и утѣшенія да пошлетъ Вамъ Свою святую помощь, и да даруетъ миръ Вашему житію и служенію!

Декабря 6-го 1853 г.

АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ,

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛАЕВСКАГО ПЪШНОШСКАГО МОНАСТЫРЯ^(а)

(Биографическій очеркъ).

Въ исторіи православнаго русскаго монашества конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія имя Макарія, архимандрита Пѣшношскаго монастыря, должно занять одно изъ почетныхъ мѣстъ. Извѣстно, какимъ стѣсненіямъ подвергалось наше монашество въ прошедшемъ столѣтіи — въ царствованіе Петра I-го и особенно въ правленіе Бирона. Послѣ учрежденія штатовъ въ 1764 г., многіе прежде богатые монастыри лишены средствъ къ своему существованію, а многіе и совершенно закрыты. — Иночество видимо склонялось къ упадку. Но Господь воздвигъ такихъ дѣятелей, которые не только послужили возстановленію обителей по внѣшней сторонѣ, но и возбудили, поддержали и укрѣпили упадавшую среди монашества духов-

(а) Николаевскій Пѣшношскій монастырь находится Москов. губер., въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 80 верст. отъ Москвы.

ную жизнь. Таковы были старцы: Паисій Величковскій, Макарій Пѣшношскій, Теофанъ Новоезерскій, Назарій Валаамскій, Клеопа Введенскій, Игнатій Симоновскій и друг. Дѣятельность Макарія была очень обширна: имъ восстановлено восемь монастырей; изъ его учениковъ 24 человекъ были настоятелями разныхъ обителей. Жизнь его была строго-подвижническая, глубоко-назидательная. Поэтому и память его должна быть священной не для однихъ обителей, но и для всѣхъ чтущихъ труды подвижнической жизни. Предлагаемъ здѣсь вниманію читателей его жизнеописаніе (6).

О. Макарій родился въ 1750 г., Московской губер. въ городѣ Рузѣ, отъ благочестивыхъ родителей Космы и Евдокіи (Брюшковыхъ) и во св. крещеніи нареченъ былъ Матѳеемъ. Родители его принадлежали къ купеческому сословію, но, какъ видно, не обладали большимъ богатствомъ; потому что Матѳеемъ еще мальчикомъ отданъ былъ ими для приученія къ торговлѣ въ Москву. Здѣсь юноша много могъ найти удовольствій и развлеченій, но пребываніе въ столицѣ только дало ему лучше понять суету міра. Въ то время какъ товарищи его мечтали объ

(6) При составленіи жизнеописанія мы руководствовались «Исторіею Николаев. Пѣшн. монаст., напеч. 2-мъ изд. въ 1866 г.», «Сказаніемъ о жизни Теофана, архимандр. Новоезерскаго монастыря», Изданіями Оптиной пустыни и, главнымъ образомъ, Записками пѣшношскаго старца іеромонаха Іеронима, 40 л. безвыходно пребывающаго на Пѣшношѣ.

увеселеніяхъ и о накопленіи земныхъ сокровищъ, онъ помышлялъ о жизни монашеской. Неизвѣстно, сколько именно лѣтъ провелъ онъ въ Москвѣ, но на 18 г. своей жизни уже рѣшился оставить міръ и посвятить себя на служеніе Богу и ближнимъ въ иноческой жизни.

Въ то время славился строгостію жизни строитель Санаксарской пустыни (близъ г. Темникова) іеромонахъ Θεодоръ, изъ рода дворянъ Ушаковыхъ. Къ нему-то въ 1767 г. и отправился юноша Матѳеѣй. Здѣсь же въ то время находился въ санѣ іеродіакона о. Игнатій, послѣ настоятель Пѣшнонскій. Обитель Санаксарская была одна изъ бѣднѣйшихъ: монастырь обнесенъ былъ, вмѣсто ограды, деревяннымъ заборомъ, въ немъ была одна церковь, и та деревянная, съ волоковыми окнами, со стѣнами не обтесанными даже и внутри, по недостатку свѣчь служба отправлялась съ лучиной. Содержаніе братіи было также самое убогое: ходили въ лаптяхъ и балахонахъ; никто не могъ имѣть какой-либо собственности; церковныя службы отличались продолжительностію; за жизнью и духомъ братіи о. Θεодоръ слѣдилъ весьма бдительно. Это былъ руководитель опытный въ духовной жизни. Здѣсь-то и подъ руководствомъ такого высокаго наставника полагалъ начало иноческой жизни юный послушникъ. Сюда же, въ 1771 г., прибылъ на жительство на 19-мъ году отъ рожденія Θεодоръ, впослѣдствіи знаменитый Θεофанъ архимандритъ

Кирилло-Новоезерскаго монастыря (*). По недостатку особой келліи послѣдній помѣщенъ былъ вмѣстѣ съ Матѳеемъ. Съ того времени завязалась между ними искренняя, святая дружба, непрекращавшаяся до самой смерти. Друзья вмѣстѣ молились, вмѣстѣ и трудились на монастырскихъ послушаніяхъ. Любовь къ Богу и взаимная дружба всѣ труды дѣлали для нихъ легкими. «Но нельзя, чтобы и плевелъ не было между пшеницей, рассказываетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ времени о. Ѳеофанъ, и насъ старцы бранивали за противорѣчіе, непонятіе. Я жилъ въ одной келліи съ Макаріемъ; ему больше всѣхъ искушеній было: о. Ѳеодоръ дастъ ему балахонъ худо сшитый, съ длинною спиной или съ заплатами, тотъ смущается, придетъ къ о. Ѳеодору, показываетъ какъ на немъ балахонъ сидитъ, какая спина не соразмѣрная. О. Ѳеодоръ начнетъ увѣщавать: зачѣмъ пришелъ въ монастырь? да есть ли разумъ!.. чѣмъ занимаетесь?.. тряпками!.. Надобно заниматься тѣмъ, чтобы душу-то свою очистить, чтобы ни къ чему временному не пристраститься!» (*). Наставленія старца были всегда принимаемы съ любовію.

Но не долго довелось имъ жить въ Санаксарской обители. — Въ 1774 г. строителя о. Ѳеодора неожиданно постигло тяжкое испытаніе.

(в) Извѣстны двѣ біографіи его: одна напечатана въ Москвѣ, въ 1833 г. другая, составленная Н. Субботинымъ, издана въ С.-Петербургѣ, въ 1862 г.

(г) Собственноручныя записки архим. Ѳеофана, приложенныя къ біографіи его, напечат. въ СПб. 1862 г. стр. 57. 58.

Воевода г. Темникова Ниловъ, его сынъ духовный, не стерпѣлъ обличеній духовнаго отца за свои противозаконныя дѣйствія, ожесточился и оклеветалъ его предъ воронежскимъ губернаторомъ въ томъ, будтобы о. Феодоръ въ канцеляріи, при зеркалѣ, назвалъ его грабителемъ. Губернаторъ донесъ Императрицѣ; произведено слѣдствіе, и послѣ изслѣдованія, совершенно пристрастнаго, послѣдовало монаршее повелѣніе: «Феодора, какъ человѣка безпокойнаго отправить въ Соловецкій монастырь». О. Феодоръ, довольствуясь сознаниемъ своей невинности, не сталъ оправдываться, покорился волѣ Божіей и монаршей и отправился къ мѣсту своего назначенія. Прощаясь съ братією, онъ сказалъ: «кто желаетъ жить въ сей обители, пусть остается въ ней; кто же не желаетъ, пусть выходитъ съ благословеніемъ, кто куда хочетъ». Ученики провожали его со слезами ^(А). Черезъ недѣлю, по отъѣздѣ о. Феодора, подъ Темниковымъ явился Пугачевъ съ своею командою: городъ былъ разграбленъ и разоренъ, монашествующіе Санаксара разбѣжались въ лѣса, но послушники Матвей и Феодоръ оставались въ монастырѣ съ унованіемъ на Промыслъ Божій, и Господь сохранилъ ихъ: бунтовщики не коснулись обители.

Послѣ сихъ несчастныхъ обстоятельствъ многіе изъ братіи оставили Санаксарскую пустынь

(А) О. Феодоръ чрезъ 9-ть лѣтъ, въ 1783 году, по ходатайству Феофана, возвращень былъ съ свою обитель. Подробности этого дѣла смотр. въ біограф. арх. Феофана.

и удалились въ иныя обители. Послушникъ Матвѣей, съ другомъ своимъ Θεодоромъ, для большаго преуспѣянiя въ духовной жизни, перешли во Введенскую Островскую пустынь (состоящую во Владимірской епархіи, въ 3-хъ верст. отъ г. Покрова и въ 90-та отъ Москвы), къ знаменитому старцу о. Клеопѣ (*). Вслѣдъ за ними оставилъ Санаксаръ и о. Игнатій. Онъ, въ 1776 г., перешелъ во Флорищеву пустынь, гдѣ былъ сдѣланъ казначеемъ.

Подъ руководствомъ новаго наставника юные друзья прожили вмѣстѣ небожѣ двухъ лѣтъ. Господу угодно было поставить ихъ свѣтильниками не на одномъ свѣщникѣ, но на разныхъ. — Два монаха изъ Молдавіи своею бесѣдою возбудили въ Θεодорѣ желаніе поклониться св. мѣстамъ Палестинскимъ. Получивъ благословеніе о. Клеопы, онъ отправился, но въ Валахіи, въ монастырѣ Тисманѣ, былъ удержанъ архимандритомъ Θεодосіемъ, — и здѣсь, по его совѣту, на 25 году отъ рожденiя постриженъ въ монашество съ именемъ Теофана (*). Въ то же

(е) О. Клеопа получилъ воспитаніе иноческое на Аеоноѣ, гдѣ провелъ большую часть жизни, упражнясь въ умной молитвѣ и духовномъ дѣланіи, вмѣстѣ съ находившимся тогда на Аеоноѣ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Когда же трудныя обстоятельства жизни принудили ихъ оставить Аеоно, то Паисій удалился въ Молдавію, а о. Клеопа возвратился въ Россію, жилъ нѣсколько времени въ Пѣшношскомъ монастырѣ и наконецъ получилъ въ управленіе Введенскую пустынь. (См. біограф. архим. Теоф. Спб. 1862 г. стр. 11, 12).

(ж) Въ Тисманскомъ монастырѣ о. Теофанъ жилъ не долго.

время и Матѳеѣй, получивъ увольненіе отъ своего городскаго общества, былъ утвержденъ въ числѣ братства Введенской пустыни.— Окруженный прекрасными примѣрами, воодушевляемый наставленіями о. Клеопы, Матѳеѣй ревностно подвизался на избранномъ пути. Онъ никому не уступалъ въ точномъ сохраненіи устава, былъ первымъ во всѣхъ трудахъ монастырскихъ, въ бдѣніяхъ и молитвѣ. Подъ руководствомъ Клеопы Матѳеѣй прожилъ не болѣе трехъ лѣтъ; мѣсто Клеопы заступилъ о. Игнатій, сподвижникъ Матѳеѣя въ Санакарской пустыни.— О. Игнатій изъ Флорищевой пустыни пріѣзжалъ иногда во Введенскую къ старцу Клеопѣ. Однажды, въ проѣздъ свой въ СП-бургъ, Игнатій посѣтилъ Клеопу. Старецъ, какъ бы повнушенію свыше, сказалъ Игнатію: «ты здѣсь послѣ меня будешь настоятелемъ», и надѣлъ на него крестъ. «Да это, батюшка, архимандричій крестъ», отвѣчалъ Игнатій. «Да, будешь», подтвердилъ Клеопа. И все сбылось въ короткое время. На возвратномъ пути изъ СП-бурга Игнатій заѣхалъ опять во Введенскую пустынь, но уже не засталъ въ живыхъ о. Клеопу. Осиротѣвшая братія просила его къ себѣ въ строителя, онъ согласился и въ 1778 г. былъ утвержденъ въ новой должности.— Послушникъ Матѳеѣй, давно извѣстный Игнатію по своей строгой жизни, въ 1779-мъ г. мая 2-го дня, былъ по-

Отправленный Θεодосіемъ въ СП-бургъ, онъ сдѣлался извѣстнымъ Митрополиту Гавріилу и взять имъ былъ въ келейники.

стриженъ имъ въ монашество съ именемъ Макарія (Препод. Макарія египетскаго, память котораго совершается церковію 19-го генваря). Въ слѣдующемъ 1780 г. 26 дек., онъ посвященъ былъ въ іеродіакона, а въ 1781 г. 27 марта — въ іеромонаха. Быстрое возвышеніе по степенямъ священства служить доказательствомъ той любви и уваженія, которыми онъ пользовался отъ начальства.

Около сего времени преосвящ. Теофилактъ епископъ Переяславскій обратилъ особенное вниманіе на Пѣшношскую обитель, состоявшую въ то время въ его епархіи.—Основанная въ 1361 г. преподобнымъ Меѳодіемъ, ученикомъ преподоб. Сергія Радонежскаго, обитель Пѣшношская, до временъ Петра I, была постоянно въ цвѣтущемъ состояніи. При Петрѣ была приписана къ Троицкому Сергіеву монастырю; съ того времени начала постепенно упадать; наконецъ, въ 1764 г., совершенно упразднена и обращена въ приходскую церковь. По просьбѣ преосвящ. Сильвестра епископа Переяславскаго, въ 1766 г., была возстановлена, но оставалась въ самомъ жалкомъ положеніи. Преосвящ. Теофилактъ, для *лучшаго* *поправленія* *ея* *и* *для* *заведенія* *въ* *ней* *добраго* *порядка* *и* *благочинія*, въ строители ея перевелъ изъ Введенской пустыни о. Игнатія, а въ казначеи о. Макарія. 28 августа 1781 г., они приняли обитель въ свое вѣдѣніе. Вмѣстѣ съ ними прибыли изъ Введенской пустыни около 12 человекъ иноковъ съ лучшими дарованіями и поведеніемъ, съ

которыми строитель Игнатій началъ вводить чиноположеніе св. Горы Аѳонской, принесенное нѣкогда оттуда старцемъ Клеопою. Макарій во всемъ былъ ему дѣятельнымъ помощникомъ.

Разсказываютъ (старцы Григорій и Амфилохій), что Макарій, прибывъ на Пѣшношу и увидѣвъ во всемъ недостатокъ—однѣ только стѣны и тѣ ветхія, началъ жалѣть о Введенской пустыни благоустроенной, пришелъ въ уныніе и думалъ перейти въ какой-либо иной монастырь; но явились ему во снѣ преподобные:—Сергій Радонежскій и Меѳодій Пѣшношскій и сказали: «не отходи отсюда; и здѣсь будетъ во всемъ изобиліе». Макарій послѣ сего видѣнія какъ бы переродился, въ душѣ своей почувствовалъ неизъяснимое утѣшеніе, покорился волѣ Божіей и началъ трудиться такъ, какъ никогда еще не трудился; онъ рѣшился жить только на Пѣшношѣ и только для Пѣшноши. Вскорѣ послѣ сего Господу угодно было поставить его самого настоятелемъ сей обители. Это случилось такъ.

Преосвященный митрополитъ Гавріилъ Новгородскій и С.-Петербургскій вознамѣрился учредить въ Тихвинскомъ монастырѣ общежитіе, а для сего требовался опытный начальникъ; келейникомъ у преосвященнаго въ то время былъ о. Теофанъ, постриженникъ Тисмана монастыря, другъ Макарія. Теофану хорошо былъ извѣстенъ строитель Пѣшношскій Игнатій и по Санаксарской и по Флорищевой пустынямъ; на него, какъ на способнѣйшаго, онъ указалъ преосвященному Га-

врілу. Преосвященный, и прежде слыхавшій о строгой жизни Игнатія, въ 1788 г. перевелъ его въ Тихвинскій монастырь въ архимандриты. Въ-стѣ съ нимъ выбыло изъ. Пѣшноши и большое число братіи, такъ что осталось въ ней только два іеромонаха, одинъ іеродіаконъ, да нѣсколько монаховъ и послушниковъ. Казначей Макарій въ это время, неизвѣстно по какимъ обстоятельствомъ, находился въ Лукьяновой пустыни. Тогда же была уничтожена Переяславская епархія; монастырь Пѣшношскій причисленъ къ Московской епархіи; оставшаяся братія просила преосвященнаго митрополита Платона назначить имъ въ строители о. Макарія. Преосвященный согласился и 3-го апрѣля 1788 года Макарій вступилъ въ управленіе обителию.

При Макаріи Пѣшношская обитель не только возстала изъ развалинъ, но возвеличилась и прославилась. Ему особенно обязана она своимъ устройствомъ вѣшнимъ и внутреннимъ. Неутомимый и многосвѣдущій въ трудахъ хозяйственныхъ, онъ еще болѣе неутомимъ былъ въ подвигахъ внутренней жизни. Слава его строго-подвижнической жизни разнеслась по всей Россіи; отсюду стали приходять къ нему ревнители пустынножительства; число богомольцевъ въ обители съ каждымъ годомъ умножалось, а вмѣстѣ съ ними явились и средства для ея возобновленія. Прежде всего онъ постарался возвратить взятые въ Переяславлѣ при упраздненіи монастыря (въ 1764 г.) нѣкоторыя церковныя вещи

и книги; потомъ приступилъ къ исправленію полуразрушенныхъ монастырскихъ зданій. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ, находившійся въ числѣ братства, Московскій купецъ Алексѣй Григорьевъ Мокѣевъ. При содѣйствіи его и другихъ благотворителей, въ короткое время храмы монастыря были возобновлены; для мощей препод. Мееодія, основателя его, устроена новая бронзовая съ позолотою рака (^А); келліи нѣкоторыя исправлены, а нѣкоторыя устроены вновь; перестроены: трапеза, поварня, хлѣбня, квасоварня и другія службы монастырскія; для странниковъ и богомольцевъ внѣ монастыря построена деревянная гостинница, гдѣ предлагаемо было имъ безмездно упокоеніе и пища; заведено стройное пѣніе, продолжительное богослуженіе; для любителей безмолвія въ глуши монастырскаго лѣса построены пустынные келліи; словомъ— Пѣшношская обитель въ первые же годы правленія Макарія сдѣлалась образцемъ для другихъ пустынныхъ обителей. Ее называли *училищемъ*

(д) Старцы (архимандритъ Сергій, монахи Григорій и Амфилохій), современники Макарія, рассказываютъ, что въ это время овладѣло Макаріемъ сомнѣніе о мощахъ преподоб. Мееодія: дѣйствительно ли онѣ находятся въ сей обители? Здѣсь не было ни престола во имя его, ни полного жизнеописанія, память праздновалась по одному преданію. Нѣкоторые говорили, что во время Литовскаго нашествія мощи были вывезены изъ обители неизвѣстно куда. И вотъ, когда душа Макарія волновалась такими сомнѣніями, является ему самъ преподоб. Мееодій во снѣ, благословляетъ его и говорить: «Я здѣсь опочиваю, не сомнѣвайся»: при семъ указалъ и на самое мѣсто, гдѣ находится гробъ его.

благочестія, примѣромъ жизни монашеской. Настоятели различныхъ монастырей за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ обращались къ Макарію, какъ къ человѣку особенно опытному въ духовной жизни. Самъ преосвященный митрополитъ Платонъ часто представлялъ его въ примѣръ другимъ настоятелямъ. Другъ Макарія Теофанъ, бывший въ это время уже игуменомъ Кирилло-Новоезерскаго монастыря, извѣстный также по своему благочестію, около 1793 г., прибывъ на Пѣшношу, заимствовалъ отъ нея уставъ общежитія и испросилъ у Макарія, для помощи въ устроеніи его, нѣкоторыхъ изъ братій. Имя Макарія сдѣлалось извѣстнымъ и славнымъ и въ Россіи. Онъ находился въ духовномъ общеніи и велъ переписку съ архимандритомъ Молдавo-Влахійскаго Нямецкаго монастыря старцемъ Паисіемъ Величковскимъ и получилъ отъ него въ даръ посохъ (*).

Въ 1795 г. обитель посѣтилъ преосвященный митрополитъ Платонъ. Пробывъ въ ней нѣсколько дней, онъ не оставилъ ничего безъ осмотра, былъ изумленъ ея хорошимъ порядкомъ и чиноположеніемъ, чистотою и хозяйственностію; онъ всходилъ даже на высокую колокольню для обозрѣнія окрестностей и, сходя внизъ, сказалъ слѣдовавшему за нимъ архимандриту Ираклію: *«Пѣшноша въ моей епархіи вторая Лавра»*.

(*) См. Истор. Пѣшнош. монаст. и Сказаніе о жизни Теофана. Къ сожалѣнію изъ переписки Макарія ничего не сохранилось, или по крайней мѣрѣ ничего не было отыскано до настоящаго времени-

Послѣ сего посѣщенія любовь и довѣріе архипастыря къ Макарію увеличились. Преосвященный поручалъ его вѣдѣнію многія обители, въ которыхъ онъ долженъ былъ заводить общежитіе по образцу своей обители, и назначать въ нихъ настоятелей изъ своей братіи. Ему были отданы въ полное распоряженіе монастыри: Срѣтенскій (въ Москвѣ), Голутвинскій (въ Коломнѣ), Борисоглѣбскій (въ Дмитровѣ), пустыни: Козельская Оптина, Давидова, Берлюковская и Екатерининская. Макарій усердно заботился о благоустройствѣ ихъ, трудился сколько было силъ и вездѣ оставилъ по себѣ славную память; монастыри и по внѣшности были исправлены, и получили лучшее внутреннее устройство. Пѣшноша дѣйствительно сдѣлалась училищемъ благочестія, разсадникомъ жизни монашеской. Изъ учениковъ Макарія 24 человекъ были настоятелями разныхъ обителей (1). Преосвященный

(1) Одни при жизни его, другіе по смерти. Въ запискахъ старца Іеронима всѣ они названы по именамъ, но не обо всѣхъ сказано, какими обителями они управляли. Вотъ имена ихъ: строители: Пахомій и Максимъ (на Пѣшношѣ), Антоній, Арсеній, Іоанникій (Давидовскій), Арсеній, Самуилъ (Голутвинскій), Дороей (Екатерининскій), Іоанникій, Николай (Берлюковскій), Паисій, Пароеній (Махринскій), Иннокентій (въ Костромѣ), Антоній (въ Арзамасѣ); Игумены: Іосифъ (Луховскаго монастыря), Авраамій (Оптинскій), Θεодосій (Кривоезерскій), Макарій (Черноостровскій), Макарій (въ Лугѣ); Архимандриты: Сергій и Меѳодій (на Пѣшношѣ,— послѣдній управляетъ монастыремъ донинѣ), Θεофилактъ (Даниловскій), Мовсей (Бѣлобережскій) Θεофилъ (въ Новгородѣ).

весьма доволенъ былъ Макаріемъ и на докладахъ его писалъ: *«мы все утвержденное утверждаемъ»*.

Чтобы судить объ отеческой заботливости Макарія о монастыряхъ, ввѣренныхъ его попеченію, приведемъ здѣсь разсказъ о выборѣ и назначеніи въ настоятели Козельской Оптиной пустыни ученика Макаріева, о. Авраамія. Авраамій, состоя въ братствѣ Пѣнношскаго монастыря, предъ назначеніемъ своимъ въ настоятели, былъ огородникомъ и спокойно въ простотѣ сердца занимался своимъ послушаніемъ, не ища и не желая ничего инаго. Когда нужно было назначить настоятеля въ Оптину пустынь, Преосвящ. Платонъ сталъ просить Макарія дать для устройства сей обители совершенно способнаго и вполнѣ благонадежнаго человѣка. Старецъ съ обыкновенною своею простотою отвѣчалъ: «да у меня нѣтъ такихъ, владыка святой,—а вотъ развѣ дать тебѣ огородника Авраамія»? Преосвященны, не спрашивая ничего болѣе, приказалъ представить себѣ Авраамія. О. Макарій взялъ съ собою въ Москву Авраамія и, по пріѣздѣ, представилъ его къ митрополиту. Взглянувъ на смиреннаго инока, архипастырь приказалъ ему готовиться къ посвященію,—и на первомъ служеніи посвятилъ его въ іеродіакона, а потомъ вскорѣ въ іеромонаха; тогда только узналъ о. Авраамій о своемъ назначеніи. Напрасно просилъ онъ своего старца о. Макарія освободить его отъ такого тяжкаго бремени, тщетно указывалъ на свои немощи, Макарій остался не-

преклоннымъ. Напутствуемый его благословеніемъ, Авраамій отправился. Прибывъ въ Оптиную пустынь, онъ нашелъ въ ней крайнее запустѣніе. «Не было полотенца рукъ обтирать служащему, рассказывалъ впоследствии самъ о. Авраамій, а помочь горю и скудости было нечѣмъ: я плакалъ да молился, молился да плакалъ. Проживши въ обители два мѣсяца, не видя ни откуда помощи къ исправленію плачевнаго ея состоянія, и скучая притомъ по своей духовной родинѣ и прежней мирной безпечальной жизни, я отправился на Пѣшношь, открыть старцу свою душу и молить снять съ меня бремя не по силамъ. Но вышло иначе: старецъ принялъ меня съ отеческою любовію и выслушавъ мои сѣтованія о скудости ввѣренной мнѣ обители, велѣлъ заложить свою повозку и взявъ меня съ собою, поѣхалъ по знакомымъ ему помѣщикамъ, и они въ короткое время, по его слову, снабдили меня всѣмъ необходимымъ, такъ что я привезъ въ монастырь воза два разныхъ вещей. Возвратясь со сбору, старецъ пригласилъ меня отслужить съ собою, а послѣ служенія и общей трапезы, совершенно неожиданно для всѣхъ, обратился къ своему братству съ такими словами: «Отцы и братія! Если кто изъ васъ пожелаетъ ѣхать съ о. Аврааміемъ для устроенія ввѣренной ему обители, я не только не препятствую, но и съ любовію благословляю на сіе благое дѣло» (*).

(*) Историч. опис. Козельской Введенской Оптиной пуст. Изд. 2 е СПб. 1862 г., стр. 91—92.

Нѣсколько человекъ изъ братіи дѣйствительно послѣдовали за Аврааміемъ.—Съ такимъ же усердіемъ, съ такою же любовію онъ заботился о другихъ монастыряхъ и о другихъ ученикахъ.

Кромѣ монастырей, въ его вѣденіи находились и ближайшія приходскія церкви въ селахъ Ведерницахъ, Рогачевѣ и Медвѣдовой пустыни. Здѣсь всѣ церковныя постройки и перестройки производились по его совѣту и подъ его распоряженіемъ; въ Медвѣдовой пустыни ему поручено было завести женскую общину (богодѣльню), а въ Ведерницахъ предписано было и сумму выдавать ему же. Конечно надзоръ этотъ стоилъ ревностному Макарію большихъ трудовъ, а иногда, быть можетъ, и неприятностей.

Внимательный архипастырь высоко цѣнилъ труды Макарія. 1800 г. авг. 24 д. имъ дано такое опредѣленіе: «для почести Пѣшношскія обители и въ вознагражденіе за устроеніе оныя и заведеніе добраго порядка строителю той обители, іеромонаху Макарію благословляемъ носить въ служеніи набедренникъ и ходить съ посохомъ преподобнаго Меодія Пѣшношскаго, не въ примѣръ будущимъ по немъ строителямъ».

Любовь и довѣріе Архипастыря усугубили ревность Макарія о благоустройствѣ обители. Сердце его давно скорбѣло о томъ, что онъ долженъ былъ отказывать въ монашествѣ многимъ желающимъ и достойнымъ того, потому что по штату опредѣлено было имѣть на Пѣшношѣ не болѣе шести монашествующихъ. Въ

1801-мъ году онъ испросилъ Высочайшее дозволеніе умножить число ихъ до 30-ти человекъ. Съ сего времени чиноположеніе св. горы Аѳонской, принесенное нѣкогда въ Введенскую пустынь старцемъ Клеопою, введено было на Пѣшношѣ въ полномъ составѣ,—положено совершать по двѣ литургіи, заведены Синодики, неусыпное чтеніе псалтири, вечернее правило съ умными молитвами и поклонами и друг.

Съ принятіемъ устава св. горы Аѳонскія Пѣшноша увидѣла надъ собою особое покровительство пресв. Богородицы. Аѳонская гора—жребій Царицы Небесной. Она благоволила себя саму наименовать Игуменією и назирательницею монастырей святогорскихъ,—сего покровительства не лишена и Русская обитель, принявшая чиноположеніе Аѳонское. Въ самомъ же началѣ правленія Макарія была прислана въ обитель отъ Игнатія архимандрита Тихвинскаго, на память его строительства на Пѣшношѣ, копія съ чудотворной иконы Богоматери, Тихвинской; икона принята съ радостію, богато украшена и донинѣ чувствуется съ особеннымъ благоговѣніемъ. Тогда же прославилась чудотвореніями икона Богоматери—Казанская, нынѣ украшенная жемчужною ризою. Нѣкто генераль Тимоѳеевъ былъ въ помѣшательствѣ, жена привезла его на Пѣшношу, и здѣсь, послѣ усердной молитвы предъ Казанскою иконою Богоматери недужный получилъ исцѣленіе. Свидѣтелями сего чуда была почти вся братія. Съ того времени положено было на

8-е іюля совершать бдѣніе и не работать; но въ одно лѣто, по неблагопріятности погоды, въ день Казанскія Богоматери, послѣ обѣда, послана была братія на уборку сѣна. День былъ ясный, сѣно собрано въ копны, но вдругъ нашла туча, поднялся сильный вѣтеръ, все сѣно разнесено, и *ни во что обратились труды старческіе*, говоритъ о. Іеронимъ, описавшій это событіе; съ тѣхъ поръ и доселѣ общихъ работъ въ сей день не бываетъ. Тогда же сдѣлалась извѣстною, а нынѣ особенно чувствуется на Пѣшношѣ икона Пресвятыя Богородицы: «прежде рождества Дѣво и по рождествѣ Дѣво». Икона сія была келейною бывшаго здѣсь въ чинѣ послушника, москов. купца Макѣева и, послѣ смерти его, въ 1792 г., должна была остаться въ обители; но такъ какъ она была живописная, Макарій не благоволилъ оставить ее въ обители, а приказалъ отнести и поставить въ часовнѣ препод. Меѳодія надъ входною дверью снаружи. Здѣсь она оставалась довольно долгое время безъ особеннаго чествованія; но Царицѣ Небесной угодно было прославить икону, которую не захотѣли оставить въ обители. Нѣкто капитанъ Платонъ Шабашевъ квартировалъ съ своимъ полкомъ въ селѣ Рогачевѣ. Однажды въ глубокой скорби онъ долго и усердно молился пресв. Дѣвѣ Богородицѣ, послѣ молитвы уснулъ и видитъ во снѣ часовню Меѳодіеву, надъ нею въ облакахъ сіяющую икону Богоматери и слышитъ гласъ: «если хочешь избавиться отъ искушеній, помолись предъ сею

иконой и сдѣлай на нее серебрянную ризу». Шабашевъ пѣшкомъ пришелъ въ обитель, искалъ икону, отслужилъ предъ нею молебенъ и все исполнилъ, какъ повелѣно ему въ видѣніи. Съ того времени и доселѣ обильно изливаются отъ нея чудотворенія. Въ обители ведется ихъ запись. Но обратимся къ дѣятельности о. Макарія.

Съ умноженіемъ братіи, съ увеличеніемъ числа богомольцевъ соборный храмъ свят. Николая оказался слишкомъ тѣснымъ. Макарій пожелалъ распространить его, нашлись и благодотворители, которые помогли ему въ этомъ святомъ дѣлѣ (о постройкахъ и перестройкахъ менѣе важныхъ говорить не будемъ). Храмъ распространенъ былъ съ западной стороны на 8-мъ арш., внутри и снаружи обдѣланъ въ новомъ видѣ и вкусѣ, и обнесенъ новою папертію. (1) По возобновленіи

(1) При построеніи паперти былъ усмотрѣнъ гробъ Христа-ради-юродиваго блаженнаго монаха Іоны († 1737 г.), но Макарій приказалъ, не касаясь его, свести надъ нимъ арку и возводить стѣну; тогда же были видны еще два склепа, какъ думаютъ, двухъ епископовъ, погребенныхъ здѣсь—Гурія Заболоцкаго и Вассіана Топоркова. Послѣ при обнесеніи каменной ограды вокругъ кладбища были вырыты два старинные дубовые гроба; въ нихъ почивали два инока въ схимахъ; всѣ одежды на нихъ были цѣлы, тѣла уподоблялись мягкому воску, безъ всякаго непріятнаго запаха, на схимахъ были вышиты имена ихъ: одинъ Θεодосій, а другой Іона, у обоихъ были въ рукахъ четки шерстяныя, слова и кресты на схимахъ вышиты бѣлыми нитями.—Макарія въ то время не было въ обители,—до его пріѣзда три дня стояли гробы у церкви преподоб. Сергія, многіе смотрѣли на нихъ, но тѣла не разрушались; по прибытіи Макарія надъ ними отпѣта соборная панихида и совершенно погребеніе на братскомъ кладбищѣ.

его, августа 6-го дня 1806 г., Макарій за отличныя услуги обители возведенъ въ санъ архимандрита Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы оставался по прежнему настоятелемъ Пѣшношскаго.

Сдѣлавшись архимандритомъ, Макарій неизмѣнилъ своей прежней строгоподвижнической жизни, и даже смирилъ себя еще болѣе, хотя не разъ повторялъ со вздохомъ: «былъ Макарій, а теперъ уже сталъ не Макарій». Ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ онъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ прочей братіи, въ свободное время ходилъ вмѣстѣ съ ними даже на послушанія; воздержаніе его простерлось до высшей степени. Однажды во время братскаго ужина онъ послалъ своего келейника принести изъ поварни полстакана молока, тотъ принесъ ему полный стаканъ; Макарій огорчился и сказалъ: «ты ввелъ въ искушеніе и себя, и меня, да и всю братію: вотъ скажутъ, какъ Макарій-то началъ жить архимандритомъ, по цѣлому стакану молока беретъ лакомиться.» Такъ хранилъ онъ братскую совѣсть! Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ вообще о его характерѣ.

Макарій былъ мужъ высокой добродѣтели. Лице его казалось суровымъ, но сердце было исполнено христіанскою любовію. Онъ жилъ не для себя, а для блага обители и для блага братіи. Всѣ находили въ немъ мудраго наставника, привѣтливаго собесѣдника; мудрость наставленій его привлекала къ нему не однихъ монашествующихъ, но и мірянъ и даже людей, высоко по-

ставленныхъ въ свѣтѣ. Однажды пріѣхала изъ Москвы въ обитель почетная госпожа, съ высокимъ свѣтскимъ образованіемъ, но съ сердцемъ холоднымъ къ религіи. Расположившись въ гостиницѣ, она просила къ себѣ о. Макарія для бесѣды. Макарій зналъ ея положеніе въ свѣтѣ, ея образованіе, ея холодность къ религіи и хотѣлъ уклониться отъ приглашенія, но долженъ былъ уступить ея настоятельной просьбѣ. Глубокое смиреніе старца поразило надменную, а мудрая бесѣда до того умилила и согрѣла ея сердце, что она и въ обители оказывала ему всѣ знаки уваженія, и по пріѣздѣ въ Москву всѣмъ рассказывала о его высокой мудрости, и собственно для сего являлась къ преосвященному митрополиту Платону. Несмотря на обширный кругъ хозяйственныхъ занятій, Макарій не опускалъ ни одного богослуженія, и вездѣ являлъ себя примѣромъ благочестія и добродѣтели. Любя уединенную и безмолвную жизнь, онъ, когда было досужно, удалялся въ глубину лѣсовъ и тамъ въ трудахъ подвижническихъ проводилъ по нѣсколь-ку недѣль. Строгій къ себѣ, онъ строго слѣдилъ и за нравственностію своихъ подчиненныхъ. Богослуженіе при немъ было всегда продолжительное, чтеніе не спѣшное, пѣніе благоговѣйное, стояніе чинное, выходитъ изъ храма до окончанія богослуженія и сидѣть при богослуженіи дозволялось только немощнымъ и старымъ, — «хоть худъ воинъ, да воуетъ,» отзывался о такихъ о. Макарій. Въ келліяхъ нельзя было имѣть ни кар-

тинъ, ни самоваровъ, ни другихъ лишнихъ вещей; не дозволялось даже зажигать свѣчей предъ иконами, «будь самъ свѣщей», говорилъ онъ братіи; книги для чтенія въ келліяхъ онъ давалъ самъ и особенно любилъ духовный Алфавитъ. Въ баню могли ходить только старые и больные, а молодымъ и здоровымъ не дозволено было не только мыться, но даже и видѣть себя обнаженными. Младшіе изъ братіи всегда были отдаваемы подъ надзоръ старшихъ, въ двухъ смежныхъ келліяхъ всегда жили въ одной старшій, а въ другой младшій. Младшій, выходя изъ своей келліи, долженъ сотворить молитву и испросить благословенія у старшаго, куда бы ни шелъ—въ церковь ли, въ трапезу, или на какое послушаніе, даже хотя бы за водою или за дровами для своей печи. Провинившіеся въ чемъ-либо были наказываемы смотря по винѣ, или поклонами въ трапезѣ, или получали послушанія болѣе трудныя, или переводились изъ келліи въ келлію; послѣ наказанія, виновные получали отъ него наставленіе и утѣшеніе. Вообще, для подчиненныхъ онъ былъ и наставникомъ и вмѣстѣ отцемъ, другомъ и братомъ. Собственности у него не было. Получалъ ли онъ что-нибудь отъ благодѣтелей, раздѣлялъ съ братіею. Нужны ли были кому либо деньги, чтобы получить увольненіе отъ общества для поступленія въ обитель или для другихъ потребъ, — онъ давалъ, приговаривая: «мнѣ душа дороже денегъ. Я вѣрую Богу моему, что денегъ у меня всегда будетъ довольно.» Въ большіе праздники

созывалъ всю братію въ архіерейскіе покои и угощалъ чаемъ (всегда давалъ по два куска сахара и по двѣ чашки). Въ лѣтнее время, въ свободный часъ, выходилъ изъ келліи, садился на скамѣю подъ окномъ съ какимъ-либо подѣліемъ въ рукахъ (обыкновенно вязалъ чулки) и, если къ нему подходилъ кто-либо изъ братіи, начиналась духовная бесѣда; если оставался одинъ, творилъ умно Іисусову молитву. За то и братія любила его. Когда отправлялся онъ въ Москву, или въ монастыри, порученные его надзору, всѣ провожали его до часовни Меѳодіевой (въ одной верстѣ отъ обители); здѣсь, послѣ пѣнія тропаря преподоб. Меѳодію, принимали благословеніе и разставались. И встрѣчали его, какъ дѣти отца. «Батюшка ѣдетъ! Батюшка пріѣхалъ!» съ радостію говорили другъ другу по пріѣздѣ Макарія, и всѣ спѣшили къ нему на встрѣчу, высаживали изъ повозочки (онъ всегда ѣзжалъ въ простой телѣгѣ или въ саняхъ съ кибиткою), цѣловали руки и провожали до келліи, а онъ непременно, бывало, утѣшитъ ихъ какимъ-либо гостинцемъ. Такою мирною жизнію наслаждалась обитель подъ управленіемъ Макарія. Но и врагъ спасенія не дремалъ; онъ воздвигалъ иногда среди братій бурю искушеній и доводилъ ихъ до паденій. Сердобольному Макарію тяжело было слышать объ искушеніяхъ, смотрѣть на паденія, во молитва, терпѣніе и любовь все побѣждали. Одинъ изъ братіи, во время служенія, во гнѣвѣ, схватилъ его за архимандричій крестъ и давилъ,

другой, самъ виновный, вздумалъ оклеветать его предъ правительствомъ въ разныхъ преступленіяхъ; но Правительство даже не обратило вниманія на его доносъ,—такъ оно уважало Макарія, и оба сіи мятежники законно наказаны.

Среди подвиговъ, трудовъ и заботъ прошла вся жизнь Макарія. Чувствуя ослабѣніе силъ, онъ желалъ какъ можно чаще вспоминать о часѣ смертномъ, и потому приказалъ монаху Теофану сдѣлать изъ толстой сосны гробъ, строго запретивъ говорить объ этомъ кому-либо изъ братіи до его преставленія. Приготовляя гробъ, онъ почувствовалъ близость своей кончины; преставленіе его дѣйствительно было не далеко. Однажды осматривалъ онъ сѣно надъ конюшнями вверху, оступился, упалъ въ ясли и такъ сильно разбился, что едва живаго принесли его оттуда въ келлію. Съ сего времени онъ ослабѣлъ совершенно, и видя, что уже не встать ему съ одра болѣзни, предложилъ братіи выбрать себѣ новаго настоятеля; но никто не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Макарій съ любовію благословилъ ихъ, просилъ помолиться о немъ, и потомъ вдругъ заговорилъ о гнѣвѣ Божіемъ, грядущемъ на Россію,—просилъ, приказывалъ молиться усердно, молиться со слезами объ отвращеніи гнѣва Божія, о спасеніи отечества. Это было почти за два года до нашествія французовъ въ 1812-мъ году. Тогда же по просьбѣ братіи дозволилъ снять съ себя портретъ, на чтò прежде никакъ не соглашался.

1811-го г. Февраля 12 д., въ недѣлю сыропустную, на прощальномъ правилѣ Макарій началъ творить отпустъ, но вдругъ вскричалъ и началъ падать; стоявшіе близко поддержали его и отнесли въ келлію на рукахъ. «Такъ видно Богу угодно,» сказалъ о. Макарій и сталъ готовиться къ своему исходу. 23-го Марта онъ былъ постриженъ въ великую схиму безъ переименованія имени и болѣе не выходилъ изъ своей келліи: богослуженіе для него совершалось въ церкви Преображенской, смежной съ его келліею, изъ которой онъ могъ слышать чтеніе и пѣніе. Такъ прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Когда не осталось никакой надежды на выздоровленіе, братією было донесено преосвященному митрополиту Платону о болѣзни Макарія, вмѣстѣ съ прошеніемъ благословить ихъ на избраніе новаго настоятеля. «Пока не услышу о смерти Макарія, у васъ не будетъ другаго начальника», былъ отвѣтъ преосвященнаго. Но жизнь Макарія видимо угасала. Въ предсмертныя дни были совершены надъ нимъ напутственныя церковныя таинства; предъ самою кончиною, окружающіе его одръ спросили о преемникѣ, онъ указалъ на Дороея, строителя Екатерининской пустыни и, прибавивъ «кого Богъ изберетъ», умолкъ навсегда. Онъ скончался 31-го мая 1811 года, на 61 году отъ рожденія (А).

(А) Достоинно замѣчанія, что въ самый день кончины Макарія нѣкоторые, какъ-то: Герасимъ, архимандритъ Симоновскій, и Теофанъ, строитель Угрѣшскій видѣли его стоящаго

Горячая любовь къ почившему выразилась особенно при его гробѣ; всѣ плакали какъ дѣти; бездыханное тѣло положено въ томъ самомъ гробѣ, который былъ приготовленъ имъ заживо; 3-го іюня совершенно погребеніе его въ настоятельской усыпальницѣ подъ колокольнею, близъ гробницы основателя обители преподоб. Меѳодія. Стеченіе народа при погребеніи было многочисленное. Здѣсь были и ученики его, прибывшіе изъ другихъ обителей, и крестьяне, облагодѣтельствованные имъ, и дворяне, чтившіе его за высокія добродѣтели. Братія говорили, что *посль Макарія, у нихъ не будетъ другаго Макарія*. Это же сказалъ и преосвящ. Платонъ, получивъ донесеніе о смерти Макарія.

Благодарная обитель никогда не забудетъ его благодѣяній, — и теперь, по прошествіи болѣе полувѣка, имя его воспоминается съ особымъ благоговѣніемъ. Духъ его правленія живъ на Пѣшношѣ и доньшѣ. Одинъ изъ его учениковъ, его келейникъ, управляетъ обителью доньшѣ и управляетъ въ его духѣ. — *До вѣка пребудетъ память его и слава его не потребится; тѣло его въ миръ погребено, а имя будетъ жить въ роды*. (Сир. 44, 12. 13.)

Діаконъ Василій Рудневъ.

въ церкви во св. алтарѣ, въ золотой ризѣ и схимѣ. (По сказанію монаховъ Григорія и Амфилохія).

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ. ⁹

III. Паремія, положенная на вечернѣ въ среду первой седмицы четыредесятницы. Быт. 1, 24—31; 2, 1—3.

Въ сей пареміи повѣствуется о шестомъ днѣ творенія и о седьмомъ покая.

Быт. 1. 24. И рече Богъ: да изведеть земля душу живу по роду, четвероногая (точше съ еврейскаго: скотъ) и гады и звѣри земли по роду: и бысть тако.

Идетъ рѣчь о сотвореніи животныхъ, живущихъ на сушѣ. Между ними различаются скоты, пресмыкающіяся и звѣри земли (полевые). Различіе между скотами и звѣрями состоитъ въ томъ, что первые большею частію принадлежатъ къ четвероногимъ домашнимъ, легко привыкающимъ жить вмѣстѣ съ человѣкомъ (Быт. 47, 18. Исх. 13, 12), послѣдніе назначены для обитанія только въ степяхъ и лѣсахъ.

25. И сотвори Богъ звѣри земли по роду, и скоты по роду ихъ, и вся гады земли по роду ихъ: и видѣ Богъ, яко добра.

И сотвори Богъ звѣри... Это значитъ, что земля, которой повелѣно извести назначенныхъ для обитанія на ней животныхъ, могла быть только орудіемъ въ ру-

(*) См. январскую и февральскую книжки.

какъ Творца для произведенія ихъ, а не виновницею ихъ бытія,—одно Творческое всемогущество могло даровать имъ бытіе по роду ихъ, т. е. съ раздѣленіемъ ихъ на существующіе теперь роды, вслѣдствіе котораго животныя одного рода не могутъ выродиться въ животныхъ другаго рода.

И видъ Богъ, яко добра. Одобреніе Творца простирается на животныхъ не только въ первоначальномъ, но въ послѣдующемъ ихъ состояніи. Вслѣдствіе грѣхопаденія Адамова онѣ утратили часть своихъ совершенствъ, но и доселѣ не перестаютъ являть на себѣ слѣды премудрости и благости Творческой. Въ устройствѣ ихъ тѣла замѣтно приспособленіе къ потребностямъ ихъ питанія и защиты. Кромѣ того, животныя приносятъ великую пользу человѣку, служа разнымъ его потребностямъ. Въ общей экономіи природы полезны и плотоядныя животныя: истребляя другихъ животныхъ, они препятствуютъ излишнему размноженію ихъ ко вреду человѣка и прочихъ существъ; пожирая трупы естественною смертію умершихъ животныхъ, они не даютъ воздуху испортиться отъ тлѣнія разлагающихся труповъ. Творецъ, предвидя что подчиненные человѣку звѣри вѣкогда возстанутъ на падшаго своего владыку и сдѣлаются опасными для его жизни и благосостоянія, разъединилъ ихъ отъ него и мѣстомъ жительства и временемъ дѣятельности. Звѣрямъ дикимъ Онъ установилъ жить въ лѣсахъ, въ степяхъ, въ мѣстахъ необитаемыхъ людьми. Временемъ дѣятельности опредѣлилъ имъ ночь; съ наступленіемъ ея, «бродятъ всѣ лѣсные звѣри; львы рыкаютъ, ища добычи, и требуя отъ Бога пищи себѣ. Возсіяваетъ солнце, и они скрываются и ложатся въ свои логовища. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое, и на работу свою до вечера». Пораженный мудростію такого распоряженія, псалмопѣвецъ восклицаетъ: «какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ Ты премудро». (Пс. 103, 20—24).

Созданіе человѣка составляетъ заключеніе творенія.

Какъ предназначенный для владычества надъ земными тварями, онъ является на свѣтъ уже послѣ того, какъ устроена область его владычества.

26. И рече Богъ: сотворишъ человѣка по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными (и звѣрми) и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли.

Сотвореніе человѣка предваряется совѣщаніемъ Творца: *сотворимъ человѣка по образу нашему*. Съ кѣмъ же Творецъ вступаетъ въ совѣщаніе? Безъ сомнѣнія, не съ ангелами, какъ думаютъ Іудеи. Ибо въ такомъ случаѣ надлежало бы допустить, что въ сотвореніи человѣка дѣйствительно принимали участіе ангелы, и что человѣкъ сотворенъ по образу не только Божію, но и ангельскому. Но въ слѣдующемъ же стихѣ, гдѣ говорится о приведеніи въ исполненіе Творческаго совѣщанія, сотвореніе человѣка приписано одному Богу и притомъ по образу только Божію: *И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его*. Притомъ Св. Писаніе вообще отрицаетъ, чтобы кто-либо и въ чемъ-либо былъ совѣтникомъ Богу: какъ существо премудрое, Онъ ни въ чемъ совѣтъ не нуждается (Иса. 40, 13. 14. Рим. 11, 34). Нельзя также допустить, будто Богъ, говоря: *сотворимъ человѣка*, бесѣдуетъ съ самимъ собою по обычаю земныхъ владыкъ, которымъ свойственно говорить о себѣ во множественномъ числѣ (напримѣръ, мы повелѣваемъ). Сей обычай явился въ позднѣйшее время, а во дни Моисея еще не существовалъ, какъ видно изъ всего его Пятокнижія. Согласно съ мнѣніемъ отцевъ и учителей церкви должно полагать, что совѣщаніе о сотвореніи человѣка происходитъ между тремя Лицами единого Божескаго существа. Богъ Отецъ совѣщается съ Сыномъ едиnorodнымъ, «Имже вся быша» (Іоан. 1. 3), и съ Духомъ свя-

тымъ, о которомъ написано: «Духъ Божій сотворивый мя» (Іов. 33, 4).

По образу нашему и по подобію. «Образъ и подобіе Божіе (повторимъ слова изъ Записокъ на кн. Бытія) не нужно изъяснять какъ двѣ различныя между собою вещи, поелику въ Словѣ Божіемъ часто употребляется одно изъ сихъ именъ въ той же силѣ, какъ и оба вмѣстѣ» (Быт. 1, 27; 5, 1; 9, 6. Іак. 3, 9. Кол. 3, 10). Достаточно замѣтить, что однимъ выраженіемъ усиливается смыслъ другаго, такъ что совѣщательныя слова Божіи о сотвореніи человѣка по образу и подобію Божію можно изложить въ слѣдующемъ видѣ: сотворимъ человѣка съ такими достоинствами, чрезъ которыя онъ съ возможною точностію былъ бы подобенъ Намъ. Въ чемъ же открывается это уподобленіе Богу?—Безъ сомнѣнія не въ тѣлесной природѣ человѣка, въ ея благороднѣйшемъ устройствѣ, въ величественномъ видѣ тѣлесномъ, обращенномъ горѣ,—потому что Богъ безтѣлесеиъ. Образъ Божій положенъ собственно въ душѣ человѣка: она есть дыханіе устъ Божіихъ (Быт. 2, 7), и по самой природѣ своей имѣетъ нѣкоторое сродство съ Богомъ, которое признавали самые язычники, когда говорили: мы Его и родъ (Дѣян. 17, 28). Въ чемъ состоитъ сіе сродство? — Богъ есть существо духовное и бессмертное: и душа человѣка есть существо духовное и бессмертное. Богъ, какъ духъ, обладаетъ въ высочайшей степени свойствами духа, — совершеннѣйшимъ умомъ и свободою: и душа человѣка есть существо разумно-свободное, способное къ пріятію и разумнѣю истины, и къ свободному, по собственному произволенію, повиновенію волѣ Божіей. Эти черты образа Божія утрачены человѣкомъ и по паденіи (Быт. 5, 1; 9, 6. Іак. 3, 9). Но человѣкъ создается не только съ способностями къ истинѣ и къ добру, но и съ дѣйствительными совершенствами, умственными и нравственными. Судя по нареченію именъ животнымъ, которое требо-

вало глубочайшаго познанія ихъ природы и свойствъ, умъ первозданнаго былъ умъ свѣтлый, чистый и про- ницательный, хотя, безъ сомнѣнія, это былъ умъ огра- ниченный и нуждался въ дальнѣйшемъ правильномъ раз- витіи и усовершенствованіи. Равно и воля первозданна- го устремлена была къ добру, украшалась правотою, хотя не исключала возможности зла. Въ нравственномъ отношеніи онъ былъ чистъ и невиненъ, хотя невинность не одно и то же что добродѣтель, которая приобрѣтает- ся навыкомъ и упражненіемъ нравственныхъ силъ въ добрѣ. О правотѣ Адама Екклезіастъ говоритъ: *се сіе обрѣтохъ, яко сотвори Богъ человека праваго* (Екк. 7, 30). И св. ап. Павелъ утверждаетъ, что но- вый человѣкъ, въ котораго свойственно облекаться хри- стианамъ, есть тотъ самый, который «созданъ по Богу въ праведности и святости истинны» (Еф. 4, 24), т. е. который сотворенъ съ нравственными качествами, поло- жительно сообразными съ волею Божіею, праведною и свя- тою въ истинномъ смыслѣ. Съ паденіемъ эти живыя черты образа Божія въ человѣкѣ, т. е. свѣтлость ума и чистота нравственная, помрачились, и возстановленіе ихъ теперь составляетъ цѣль стремленій, которая впол- нѣ можетъ быть достигнута не прежде, какъ по пере- селеніи въ вѣчную блаженную жизнь.

И да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небе- сными (и звѣрьми) и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по землѣ. Власть надъ земны- ми тварями и надъ всею землею дается человѣку вслѣд- ствіе того, что онъ созидается по образу Божію, вслѣд- ствіе того, что по духовной своей природѣ и силамъ онъ имѣетъ полное преимущество предъ окружающими его тварями. Верховный Владыка твари есть Богъ, а человѣкъ есть какъбы намѣстникъ Его на землѣ. Какими вели- кими правами обладаетъ человѣкъ! Но съ ними возла- гаются на него и великія обязанности: славы Божіей полна вся земля (Иса. 6, 3); всѣ творенія свидѣтель-

ствуютъ о высочайшей премудрости, благодати и всемогуществѣ Творца. Посему псаломѣвецъ призываетъ хвалить Господа не только разумныя существа—ангеловъ и человѣковъ, но и неразумныя и неодушевленныя твари: «хвалите Господа на земли великія рыбы и всѣ бездны, огнь и градъ, снѣгъ и туманъ, духъ бури, исполняющій слово Его, горы и всѣ холмы, деревья плодоносныя и всѣ кедры, звѣри и весь скотъ, пресмыкающіяся животныя и крылатыя птицы» (Псал. 148). Какъ же неразумныя твари могутъ хвалить Господа, когда не одарены ни смысломъ, достаточнымъ для того, чтобы постигать величіе Творца, ни словомъ, чтобы выражать удивленіе и благоговеніе предъ Нимъ? Они хвалятъ Господа чрезъ человѣка. Чрезъ его сознаніе и слово приносится къ Творцу безсознательное ихъ славословіе. Онъ одинъ способенъ созерцать совершенства Божіи въ природѣ, и потому предназначенъ быть какъ бы ея пророкомъ, чтобы уразумѣвать въ ней откровеніе славы Божіей, и священникомъ, чтобы отъ лица всѣхъ земнородныхъ возносить жертву хвалы и благодаренія Богу и низводить на землю благословенія небесныя.

27. И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ.

Обстоятельное описаніе того, какъ сотворены первые люди, сообщено во второй главѣ книги Бытія; здѣсь же только кратко упоминается о происхожденіи ихъ отъ Бога, именно говорится вообще о сотвореніи человѣка, какъ существа богоподобнаго, и симъ богоподобіемъ превознесеннаго надъ животными, прежде него сотворенными; потомъ присовокуплено, что сіе существо сотворено не въ одной особи, но въ двухъ: *мужа и жену сотвори ихъ.*

28. И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститесь и множитесь и наполняйте землю и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими, (и звѣрьми), и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею

землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по земли.

Раститесь (плодитесь) *и множитесь*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ первыхъ людей получилъ сіе благословеніе и весь родъ человѣческой. Оно сохранилось посреди всеобщаго проклятiя, ибо глубоко насаждено въ природѣ человѣческой. Нѣтъ также сомнѣнія, что сего благословенiя, даннаго первой четѣ, достаточно, чтобы отъ нея одной произошелъ весь родъ человѣческой. «Отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческой, для обитанiя по всему лицу земли» (Дѣя. 17 26). Въ словѣ Божіемъ нѣтъ ни одного твердаго основанiя къ тому, чтобы предполагать многихъ родоначальниковъ человѣчества. А рѣзкія различiя между племенами рода человѣческаго по цвѣту кожи, по строенiю черепа, по языкамъ, по образованiю легко объясняются различiемъ климатовъ, различiемъ въ пищѣ, въ образѣ жизни, въ обычаяхъ, наслѣдственными болѣзнями, разбѣяніемъ племенъ и смѣшенiемъ языковъ.

И наполните землю. Вслѣдствіе сего благословенiя Божiя человѣкъ не только можетъ обитать во всѣхъ углахъ твердой земли, но и на водѣ устрояетъ себѣ подвижныя жилища, и въ нихъ двигается по всѣмъ направленiямъ океана.

И господствуйте ей (землею) *и обладайте рыбами*.... Грѣхъ ослабилъ и ограничилъ власть человѣка надъ подчиненною ему тварію, но не могъ совершенно отнять ее у человѣка. Доннѣ разумъ человѣческой работаетъ и покоряетъ себѣ то ту, то другую силу природы. «Всякое естество звѣрей, говоритъ ап. Іаковъ, и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ, укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ» (Іак. 3, 7). Доннѣ неодушевленная природа служитъ разнообразнымъ потребнiямъ человѣка: воздѣланная имъ земля доставляетъ ему плоды; вода, огонь, воздухъ обраба-

ются имъ въ послушныя орудія для достиженія много-различныхъ цѣлей, духовныхъ и житейскихъ.

29. И рече Богъ: се дахъ вамъ всякую траву сѣменную сѣющую сѣмя, еже есть верху земли всея: и всякое древо, еже имать въ себѣ плодъ сѣмене сѣменнаго, вамъ будетъ въ снѣдь.

Въ пищу человѣку назначаются одни растенія, именно травная зелень и древесные плоды. По грѣхопадѣніи люди получили право убивать и животныхъ, но не для употребленія ихъ въ пищу, а для одежды и для жертвоприношеній (Быт. 3, 21; 4, 4). Позволеніе ѣсть мясо дано людямъ уже послѣ потопа (Быт. 9, 3). До сего времени тѣлесное ихъ сложеніе, несмотря на грѣхопадѣніе, еще не успѣло настолько утратить первоначальную крѣпость, чтобы для поддержанія тѣлесныхъ силъ и здоровья недостаточно было одной растительной пищи.

30. И всѣмъ звѣремъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, иже имать въ себѣ душу живота, и всякую траву зеленую (дахъ) въ снѣдь: и бысть тако.

Пища растительная назначается и безсловеснымъ, какъ человѣку, съ тѣмъ различіемъ, что имъ не дано права на древесные плоды, а только на зелень травную. На семъ основаніи можно предполагать, что въ первобытномъ состояніи животныя не были плотоядными, и жили не только въ полномъ подчиненіи человѣку, но и въ полномъ согласіи между собою. О семъ можно также заключить изъ пророчества Исаіи о будущемъ обновленномъ состояніи міра. Черты, которыми онъ изображаетъ это состояніе, взяты, по всей вѣроятности, изъ того блаженнаго времени, когда на землѣ еще не было грѣха и разрушительныхъ его послѣдствій въ человѣкѣ и въ окружающей его природѣ. Съ обновленіемъ міра упразднится сила грѣха и возстановится порядокъ отношеній,

разстроенный грѣхомъ. Тогда, по слову пророка, «волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козлицемъ; и телець и левъ молодой, и быкъ вмѣстѣ будутъ ходить, и дитя малое будетъ водить ихъ. И корова съ медвѣдицею будетъ пастись, дѣти ихъ вмѣстѣ будутъ лежать, и левъ какъ волъ будетъ питаться соломою. И будетъ играть младенець надъ норкою аспида, и дитя направитъ руку свою на пещеру змѣя (Иса. 11, 6—8. Слич. 65, 25). Не только въ будущемъ обновленномъ мірѣ человѣкъ будетъ жить въ мирѣ съ животнымъ царствомъ, потому что тогда не будетъ грѣха, но и теперь иногда случается, что враждебныя къ человѣку животныя являются кроткими въ отношеніи къ тѣмъ, въ которыхъ сила грѣха ослаблева благодатію. Вспомнимъ примѣры праведниковъ: Ноя, безопасно жившаго въ ковчегѣ среди всѣхъ родовъ животнаго царства; Давіила, заградившаго уста лвамъ (Дан. 6, 22); апостола Павла, не потерпѣвшаго узавленія отъ ехидны, обвинившейся вокругъ руки его (Дѣян. 28, 5); нѣкоторыхъ мучениковъ, брошенныхъ на разтерзаніе звѣрямъ и не тронутыхъ ими, и преподобныхъ, пользовавшихся служеніемъ дикихъ звѣрей (напримѣръ Герасима на Иорданѣ).

31. И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло. И бысть вечеръ, и бысть утро, день шестый.

Каждый день творенія одобряемъ былъ Творцомъ. По суду Его хорошъ былъ свѣтъ, хороша твердь, хороши суша и море, хороши травы и деревья, хороши свѣтила небесныя, хороши животныя живущія въ водахъ и на сушѣ. Каждая изъ сихъ частей мірозданія была совершенна въ своемъ родѣ и вполне соотвѣтствовала своему назначенію: но совокупность ихъ, или цѣлый составъ міра гораздо совершеннѣе: *се добра зѣло*. Творецъ, дающій одобреніе цѣлому, преимущественное предъ частями, является подобнымъ изобрѣтателю какой-ни-

будь многосложной машины, который еще до окончательной отдѣлки и установки ея доволенъ каждою частію ея, каждою пружиною, каждымъ колесомъ, находя ихъ пригодными въ цѣломъ, но несравненно болѣе доволенъ своимъ дѣломъ, когда машина совсѣмъ готова и, пущенная въ ходъ, вполнѣ достигаетъ своего назначенія.

Гл. 2 ст. 1. И совершишася небо и земля и все украшеніе ихъ (*точнѣе: все воинство ихъ*).

По отношенію къ небесамъ воинствомъ называются звѣзды (Втор. 4, 19; 17, 3 и д.) по правильному чину въ ихъ расположеніи и теченіи, также ангелы (Неем. 9, 6) по ихъ воинскому подчиненію Царю небесному и готовности исполнять Его повелѣнія. Отсюда самъ Богъ называется Господь Саваоѣ, т. е. Господь воинствъ. По отношенію къ землѣ воинствомъ могутъ быть названы всѣ силы и стихіи земной природы, покорныя волѣ Творца и по манію Его готовые карать нечестивыхъ.

2. И соверши Богъ въ день шестый дѣла Своя, яже сотвори: и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори

И почи. Сіе выраженіе нельзя разумѣть объ отдыхѣ Творца,—отдыху предшествуетъ утомленіе, которое Богу несвойственно (Иса. 40, 28). *Почи* значить: пересталъ. Отъ чего пересталъ? *Отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори.* Т. е. Богу не угодно было продолжать твореніе, не угодно было творить новые виды существъ. Но это не значить, что Онъ прекратилъ всякую дѣятельность. О сотворенномъ надлежало промыслять, безъ промысленія Божія о тваряхъ, безъ попеченія о ихъ сохраненіи, безъ содѣйствія ихъ силамъ онѣ не могутъ продолжать своего существованія: *отвращу Тебѣ лице, возьмутся: отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся* (Псал. 103, 28). По сему, почивъ, преставъ отъ дѣлъ творенія, Господь не престалъ отъ дѣлъ промысленія: *Отецъ Мой доселѣ*

дѣлаетъ, сказалъ Господь Иисусъ о промыслительной дѣятельности Отца своего (Іоан. 5, 17).

3. И благослови Богъ день седмый, и освяти его: яко въ той почѣ отъ дѣлъ своихъ, яже начатъ творити.

Благослови Богъ день седмый, т. е. содѣлалъ сей день днемъ радости о совершившемся твореніи. *И освяти его*. Освященіе вообще знаменуетъ отдѣленіе къ высшему назначенію (Іис. 20, 7. Числ. 3, 13); въ частности освященіе временъ есть назначеніе ихъ для богослуженія (4 Цар. 10, 20. Іоил. 1, 14; 2, 15). Такимъ образомъ подъ освященіемъ седьмаго дня должно разумѣть посвященіе его Богу преимущественно предъ прочими днями седмицы. День сей, какъ посвященный Богу, человекъ обязанъ проводить въ благодарственномъ памятованіи о Богѣ, Творцѣ міра, въ дѣлахъ молитвы и общественнаго богослуженія.—Законъ іудейской субботы, установленный по исходѣ изъ Египта, есть не что иное, какъ обновленіе первоначальнаго освященія седьмаго дня (Исх. 20. 10. 11), ибо память о семъ затмилась во времена до Моисея, хотя извѣстно, что седмичное счисленіе времени было въ употребленіи у патриарховъ (Быт. 29, 27) и еще до потопа (Быт. 7, 4; 8, 10. 12).

Свящ. В. Нечаевъ.

Исправности въ статьяхъ о пареміяхъ въ январской и февральской книжкахъ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
		<i>Январь.</i>	
72	21	въ повечеріе	въ навечеріе
—	23	повечерія	навечерія
		<i>Февраль.</i>	
147	16	они представлялись	она представлялась
—	18	не имѣли	не имѣла
—	19	получили	получила
188	10	изъ нихъ	изъ насѣкомыхъ

СОБЫТІЕ 4-го АПРѢЛЯ.

Слава и благодареніе Господу силъ, дивно сохранившему жизнь помазанника Своего, драгоцѣнную для царства и церкви. Чѣмъ ужаснѣе бѣдствіе, которое могло бы разразиться надъ нами въ случаѣ успѣха злодѣйскаго покушенія, тѣмъ неопѣненнѣе милосердіе Господа, рукою одного изъ смиренныхъ земли отвратившаго отъ насъ сіе бѣдствіе. Слава и благодареніе Богу, спасителю нашему!

Отрадное событіе, за которое мы благодаримъ Господа, вызвало не менѣе отрадныя послѣдствія, за которыя мы такъ же горячо должны благодарить Господа.

Спасенный отъ смертной опасности Царь въ день спасенія двукратно является въ храмъ Божіемъ, и здѣсь предъ Царемъ царствующихъ смиренно исповѣдуетъ Его виновникомъ Своего спасенія. Слава и благодареніе Господу, дающему намъ видѣть въ лицѣ царя примѣръ благочестія и смиренной благодарности предъ Нимъ!

Невыразимую радостію исполнились сердца вѣрноподанныхъ, узнавшихъ о чудномъ спасеніи царя своего. Первымъ движеніемъ ея была молитва благодаренія Богу Спасителю. И какая молитва! Въ жизни народной рѣдко бываютъ случаи, которые бы вызвали молитву столь единодушную, столь горячую. Духомъ ея прониклись, те-

плотою ея согрѣлись сердца всѣхъ вѣрнопопавшихъ. Молились горячо въ кругахъ семейныхъ, но событіе, имѣющее безпредѣльно великую общественную важность, требовало преимущественно общественной молитвы. Изъ домовъ всѣ спѣшили въ храмы, но храмы иногда не вмѣщали молящихся, устрояемы были крестныя шествія на стогны и распутія города, и здѣсь, въ присутвіи многочисленнаго народа, совершаемы были соборныя молитвословія передъ святынею особенно чтимыхъ иконъ, посреди сомкнутаго круга хоругвей. Десятки тысячъ сердець сливались въ одно сердце, и изъ него къ престолу Вышняго неслись живѣйшія хвалы и славословія, безъ сомнѣнія пріятныя Ему какъ кадило благовонное. Благодарственныя молебствія о царѣ совершались такъ же въ мѣстахъ присутственныхъ, торговыхъ и въ другихъ. Любовь и благоговѣніе къ царю возвышались и освящались вездѣ чувствами любви и благоговѣнія къ Богу и во многихъ возвышали и укрѣпляли ихъ. Слава и благодареніе Господу, коснувшемуся нашихъ сердець благодатію молитвъ и даровавшему намъ вкусить сладость молитвеннаго общенія съ Нимъ и съ ближними нашими!

Радость народная, возбужденная великимъ событіемъ, превратила почти цѣлую седмицу въ седмицу Свѣтлую. Всѣ привѣтствовали другъ друга съ симъ событіемъ, какъ съ великимъ праздникомъ. Лица разныхъ сословій, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, братски другъ друга лобызали и обнимали; иные при этомъ забывали старыя свои счеты и вражду съ ближними, и великую радость запечатлѣвали примиреніемъ. Всѣ чувствовали потребность обновить въ себѣ тѣ сердечныя расположенія, которыя во дни Пасхи святая Церковь воз-

буждаетъ въ насъ своимъ материнскимъ приглашеніемъ просвѣтиться торжествомъ, другъ друга обнять, сказать всѣмъ: братія и ненавидящимъ насъ простить вся воскресеніемъ. Чтобы свободно, безъ житейской помѣхи можно было предаться радости о спасеніи царевомъ, въ нѣкоторые дни общественнаго празднества, по случаю всенародныхъ молебствій, закрываемы были присутственныя мѣста, прекращались торговыя и промышленныя занятія. Слава и благодареніе Господу, велѣдъ за радостію пасхальной седмицы сподобившему насъ насладиться сею радостію и въ особенности нашимъ всеобщимъ единодушіемъ въ оной.

Радость о спасеніи драгоцѣнной жизни Царя во многихъ выразилась готовностію увѣковѣчить память о семъ событіи. Тамъ пришли къ рѣшенію съ сею цѣлію устроить часовни, иконы, и неугасимыя предъ ними лампы; здѣсь предпринимаются и приводятся въ исполненіе благотворительныя учрежденія, — отъ обществъ и частныхъ лицъ составляются капиталы для воспитанія дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, для устроенія школъ, пріютовъ и богадѣленъ. Съ особеннымъ усердіемъ дѣлаются пожертвованія въ пользу того, кому суждено было сдѣлаться орудіемъ промысла Божія въ избавленіи Государя. Кромѣ многоразличныхъ почестей, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ, — отъ Царя до послѣдняго подданнаго, — благодарность къ нему за его великую услугу ознаменована прочнымъ обезпеченіемъ внѣшняго благосостоянія его и его потомства. Имя его стало теперь однимъ изъ дорогихъ для русскаго сердца именъ. Слава и благодареніе Господу, отверзшему сердца и руки многихъ къ многочисленнымъ добрымъ дѣламъ для сохраненія въ памяти великой Божіей милости Царю и Царству.

Должно упомянуть и о другихъ проявленіяхъ всеобщей радости. Всенародныя восклицанія въ честь Царю, потрясающій гулъ которыхъ изъ столицъ распространился по всей странѣ, непрерывно повторяемое повсюду пѣніе извѣстнаго гимна о свѣшнемъ охраненіи Царя, не насыщающееся желаніе имѣть предъ очами изображеніе его священной особы и лобызгать оное съ благоговѣніемъ, непритворныя слезы, безъ которыхъ многіе не могутъ вспомнить объ угрожавшей ему и отвращенной опасности, всеобщее негодованіе на нечестиваго злодѣя и его соучастниковъ, готовность всѣхъ отъ малаго до великаго стать сплошною стѣною вокругъ престола для защиты его, предложеніе добровольнаго участія въ трудахъ лицъ назначенныхъ для судебного изслѣдованія замышленнаго, но неудавшагося злодѣянія, безчисленныя рѣчи и всеподданныйшія письма,—какія все это знаменательныя выраженія царелюбиваго чувства! Паки слава и благодареніе Господу, подвигнувшему къ нимъ сердца наши!

Столь многочисленныя и сильныя проявленія вѣрно-подданическихъ чувствъ, вызванныя злодѣйскимъ покушеніемъ на жизнь Государя, не могутъ не отозваться смущеніемъ и страхомъ въ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ. Ихъ козни служатъ только къ тому, чтобы еще больше укрѣпить союзъ между Царемъ и его народомъ. При столь крѣпкомъ союзѣ не могутъ быть успѣшны усилія ихъ, направленныя къ разрушенію государственнаго единства, къ униженію русской народности, къ возженію междоусобій. Любовь и довѣріе подданныхъ къ Царю даютъ ему счастливую возможность вести народъ по пути гражданскаго преуспѣянія безъ страха предъ бессильными кознями враговъ. Слава и благода-

реніе Господу, являющему Царя нашего тѣмъ болѣе страшнымъ для враговъ его и его царства, чѣмъ неразрывнѣе союзъ его съ вѣрнымъ народомъ.

Народъ русскій искони славенъ любовію и благоговѣніемъ къ царямъ своимъ. Даже цари грозные и немилостивые не имѣли причинъ жаловаться на недостатокъ народной преданности къ себѣ. Особенно народъ дорожилъ царями прирожденными, пріявшими наслѣдственную отъ предковъ власть. Симъ объясняются самые успѣхи самозванцевъ, волновавшихъ нѣкогда изъ конца въ конецъ Русскую землю: они дѣйствовали во имя царей прирожденныхъ, по увѣренности, что одного этого дорогого имени достаточно чтобы привлечь къ себѣ толпы народа. На чемъ же искони держалась и доселѣ держится эта безграничная преданность русскаго народа Царю? На твердой, изъ ученія Слова Божія и святой церкви почерпнутой, увѣренности въ происхожденіи царской власти отъ Бога, Которымъ *царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду* (Прит. 8, 15). Къ сей увѣренности присоединилось убѣжденіе, что власть царя есть подобіе власти отца семейства, что въ основаніи отношеній подданныхъ къ царю должна лежать сыновняя любовь къ нему и довѣріе. Посему царь, какъ избранникъ Божій, всегда привлекалъ къ себѣ благоговѣніе; какъ отецъ великой народной семьи, всегда былъ предметомъ дѣтской любви. Одушевленные сими чувствами въ отношеніи къ Царю, русскіе люди почитали великимъ грѣхомъ роптать, не только открыто возстовать, на царей, злоупотреблявшихъ своею властію;—и въ нихъ они чтили достоинство помазанника Божія и отца, и суровое ихъ правленіе переносили изъ покорности волѣ Божіей, не ихъ винили въ несправедливостяхъ, а себя признавали достой-

ными наказанія Божія за грѣхи свои. Но до какой степени можетъ простираться преданность русскаго народа царямъ кроткимъ, милостивымъ, правосуднымъ, мудрымъ, о семъ можно судить по тѣмъ опытамъ ея, какими столь обильно настоящее царствованіе, и особенно по тѣмъ, къ которымъ данъ былъ поводъ въ послѣдніе дни. — Храни, народъ православный, сію преданность къ царямъ твоимъ, какъ священное наслѣдіе отцевъ твоихъ, и передай сіе наслѣдіе во всей его цѣлости грядущимъ поколѣніямъ! Да не проникнетъ въ среду твою и да никогда не найдетъ въ тебѣ сочувствія вражіе ученіе о какомъ-то мечтаемомъ договорѣ между подданными и верховною властію. Какому договору можетъ быть мѣсто между отцомъ и сыномъ, между отцемъ государемъ и дѣтьми подданными! И возможенъ ли искренній и прочный союзъ между царемъ, связаннымъ узами договора, и подданными, подозрительно слѣдящими за нимъ, — исполняютъ ли онъ условія договора? — Не заводиуй народамъ, у которыхъ примѣнено сіе ученіе: не видно, чтобъ оно спасало ихъ отъ гибельныхъ внутреннихъ смуть. Въ отеческомъ самодержавіи дано тебѣ вѣками испытанное средство къ достиженію гражданскаго благоустройства; — будь непоколебимо вѣренъ завѣту вѣковъ. *Богъ*, по слову Премудраго, *коемуждо языку устрояетъ вождя* (Сир. 17, 15). Онъ даровалъ тебѣ вождя, съ самодержавною отеческою властію: благоговѣнно береги сей даръ; и благодаря Давшаго, не охлаждѣвай въ любви и преданности къ Богодарованному и Богомъ чудесно хранимому Царю твоему, и сею любовію и преданностію утѣшай Его и помогай Ему въ Его многотрудномъ служеніи. —

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

(Изъ записокъ поклонника.)

Четвертокъ 19 сент. 1857.

Давно желанное зрѣлище восхода солнца на открытомъ морѣ было передъ моими глазами. Горизонтъ былъ чистъ во всѣ стороны. Легкій боковой вѣтеръ несъ насъ на встрѣчу еще не зримоу свѣтилу. Востокъ покрывся чуднымъ багрянымъ цвѣтомъ. Думалось, что и самое солнце явится передъ нами въ свѣтѣ, какого никогда еще мы не видали. Но великолѣпное приготовленіе кончилось, и солнце блеснуло своимъ обычнымъ лучемъ, золотисто-огненнымъ. Волны схватили его, понесли и разсыпали по необозримости моря въ миллионы движущихся искръ. Востокъ и солнце магнетически приковывали къ себѣ устремленный на нихъ взоръ; но сквозь эту видимость зрѣлся душѣ нѣкто другой, Невидимый, Кто съ первыхъ минутъ ея самосознанія представлялся ей Востокомъ-востоковъ, солнцемъ *правды*, какъ учили ее сладкія и несравненныя пѣсни церковныя. это—Христосъ Богъ нашъ.

Мы близились къ берегамъ Сириі. Еще ихъ не было видно, но легкая полоса тумана или дыма, висѣвшая параллельно горизонту надъ моремъ къ юго-востоку, говорила ясно объ ихъ близости. Сзади насъ, влѣво къ

съверху темнѣлась другая, болѣе опредѣленная, полоса съ неровною поверхностію. Это былъ островъ *Кипръ*, вчера сопровождавшій насъ почти цѣлый день. Отчизна и паства простеца и великаго угодника Божія *Спиридона*, а также и другаго святителя, не менѣе извѣстнаго, *Тихона*, равно какъ и славнаго *Епифанія* и многихъ другихъ святыхъ Божіихъ, долго вчера занимала меня. Она первая привѣтствовала насъ на морѣ «восточномъ». Смотри на зубчатые верхи горъ кипрскихъ, напрасно старался я угадать мѣстность городовъ *Тримеунта* и *Амавунта*. Страшно звучащія для слуха, имена эти, свидѣтельствующія своеобычную населенность древняго Кипра, остаются мертвымъ словомъ для нынѣшняго населенія, на $\frac{2}{3}$ греческаго и на $\frac{1}{3}$ турецкаго. Но для насъ они слово жизни острова. Они воскрешаютъ передъ нами Кипръ въ лучшую эпоху его,—лучшую на нашъ православный взглядъ. Европа до сихъ поръ съ самоуслажденіемъ воспоминаетъ эпоху эфемернаго царства кипрскаго, распавшагося и улетучившагося, какъ и всѣ ея фантазіи относительно Востока, подъ не сочиняемымъ ходомъ дѣйствительности. Но всего пріятнѣе дѣйствовало на душу представленіе той эпохи острова, въ которую въ первый разъ сладострастные поклонники Киприды услышали цѣломудренное слово Иисуса Христа, и услышали изъ устъ необыкновеннаго смертнаго, когда-то уже умершаго и погребеннаго и предавашагося тлѣнію, но оставшаго по гласу Того, Кого теперь проповѣдывалъ. Имя *Лазаря*, друга Господня отрадно и сладостно говорило сердцу въ то время, какъ его вторая Виванія (а) все болѣе и болѣе тонула въ волнахъ Средиземнаго моря.

(а) Гробница его находится въ приморскомъ городѣ: *Лар-*

Къ полудню рѣзко обозначился берегъ Сири. Высокія горы сторожили его. Въ трубу можно было различить, одинъ изъ-за другаго встающіе, желтоватосѣрые хребты. Судя по разности цвѣта ихъ, можно было заключать, что ихъ раздѣляютъ большія пространства. Приучивъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, взоръ свой къ горамъ всякаго вида и размѣра, я мало занимался этимъ, уже обычнымъ для меня, зрѣлищемъ. Но когда карта сказала мнѣ, что эти хребты суть *Ливанъ* и *Антиливанъ*, и что высшая точка синѣющей вправо громады, сокрытая на тотъ часъ въ облакахъ, есть *Ермонъ*, сердце радостно встрепенулось. Я впился глазами въ приближавшійся болѣе и болѣе берегъ, и не отходилъ отъ борта корабля до самаго того времени, какъ зеленѣющее побережіе развернулось передъ нами сперва длиною косою, потомъ полукругомъ, въ глубинѣ котораго смотрѣлся въ море широко раскинутый, возвышающійся по отлогости берега и насквозь пронизанный зеленью, городъ, варварски называемый теперь *Бейрутомъ*, въ Евангельское же время извѣстный подъ именемъ *Врота*.

Мы бросили якорь, и ступили на священную землю великихъ воспоминаній. Но вмѣсто высокихъ образовъ библейскихъ миѣ представились тамъ суетные образы обыденной жизни. Грустная мысль, что Церковь Христова здѣсь плѣнница, и что эти, дикіе взоромъ, рѣчью, поступью, одеждою, языкомъ, голые и оборванные выходцы степей и лѣсовъ, которые тамъ и сямъ безобразно толпились по нечистымъ улицамъ, считаютъ себя народомъ господствующимъ, имѣющимъ право посмѣиваться моимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ

нака, получившемъ отъ нея свое имя. *Λάρναξ*, значить гробница, рака.

сердечнымъ, терзала меня, и гнала поскорѣе вонъ изъ города опять на чистую и свободную поверхность моря. Это было первое мое знакомство съ землею магометанскою. Это, нѣсколько непріязненное къ ней, мое чувство естественно. Оно возникаетъ въ душѣ всякаго, кому извѣстна эта прекрасная страна, какъ родникъ и питомникъ христіанства. При закатѣ солнца мы оставили бейрутскую бухту и съ быстротою птицы понеслись вдоль берега на югъ. Угасавшій свѣтъ дня едва позволялъ разсмотрѣть въ трубу историческую мѣстность *Сидона*. Множество, частію разрозненныхъ, частію скученныхъ домовъ, сходящихся по горной отлогости къ морю, свидѣтельствовали о продолжающейся жизни сего древнѣйшаго заселенія человѣческаго. Быстро наступившая ночь воспрепятствовала намъ видѣть обликъ его брата и сотоварища. *Тира*.

Пятница 20 сентября

День первый. Палестинское солнце привѣтствовало насъ ослѣпительными лучами. Въ блескѣ ихъ скрывался берегъ, котораго усиленно, но напрасно искалъ взоръ. Разстилавшаяся между солнцемъ и моремъ пелена паровъ позволяла различать только самую легкую черту, чуть-чуть отдѣляющуюся отъ поверхности морской, и нѣсколько наклоненную къ ней. Это былъ хребетъ іудейскихъ горъ. «Взявши высоту солнца», мы узнали, что находимся на широтѣ Яфы. Поворотивъ потому прямо на востокъ, мы еще съ полчаса времени не различали ничего, кромѣ очертаній берега, почти исчезавшаго въ лучахъ солнца. Наконецъ черною точкою стала отдѣляться передъ нами одна возвышенность, которая вскорѣ, съ помощію трубы, оказалась

массою зданій. Это была апостольская *Юппія*, полная воспоминаній о первоверховномъ Петрѣ. Далеко отъ нея фрегатъ нашъ бросилъ якорь, боясь мелководья и волненія. Простымъ глазомъ едва можно было различать частности города. Я сталъ смотрѣть въ трубу; думалось, что одна изъ многочисленныхъ террасъ іопійскихъ должна быть та самая, съ которой апостоль научился отраднѣйшему для всего человѣчества уроку о вселенскомъ составѣ Христовой Церкви. Поразительнымъ кажется этотъ божественный урокъ отъ мѣстности, на которой онъ преподавъ. Юппія была и есть дверь Іудей въ Европу. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы всего приличнѣе и умѣстнѣе было начаться распространенію царства Божія за тѣсныя предѣлы строго замкнутаго въ себѣ іудейства. Отсюда была прямая дорога идей въ процвѣтавшую тогда философію Александрію и на всѣ *острова языковъ* до славныхъ мудростію Элиновъ и до міродержавныхъ Римлянъ—этихъ четвероногихъ и гадовъ въ отношеніи къ Богопознанію и Богопочтенію, не смотря на всю ихъ гражданскую и военную славу въ тогдашнемъ мірѣ. *Кто измѣнилъ славу нетлннаго Бога въ подобіе птицъ и четвероногихъ и гадъ*, тотъ, какъ образъ и подобіе своего божества, конечно долженъ былъ походить на таинственные образы, явившіеся апостолу. Мѣстность дивнаго видѣнія была однакоже не тамъ, гдѣ искалъ ее глазъ. Намъ сказали послѣ, что она отстоитъ отъ города на полчаса пути. Я зналъ заранѣе, что не придется видѣть ее. Въ распоряженіи нашемъ не было ни одной лишней минуты; и потому оставалось довольствоваться однимъ усиленнымъ представленіемъ знаменательнаго явленія, обнимавшаго собою и насъ, дальнихъ пришельцевъ. Также нельзя было надѣяться уви-

дѣтъ и другое замѣчательное мѣсто Яфы — домъ, гдѣ совершилось чудо воскресенія Тавионы.

Прямо съ пристани мы были приняты нашимъ вице-консуломъ, и препровождены въ Греческій монастырь. Городъ расположенъ уступами по скату холма, и монастырь занимаетъ средину на этомъ скатѣ. Каменная лѣстница ведетъ къ нему почти прямо съ пристави. Имя монастыря принадлежитъ ему болѣе по идеѣ или по преданію, чѣмъ по праву. Онъ есть подворье іерусалимской патріархіи, или точнѣе разбитая на многіе отдѣленія и дворы гостинница, начальникъ которой титулуется игуменомъ. Подначальные его или «братія», обыкновенно и чуть ли не исключительно заняты служеніемъ поклонникамъ и, надобно сказать, служатъ съ достохвальнымъ усердіемъ. Впрочемъ и богослуженіе, по правилу монастырскому, не оставляется ими. Утренняя и вечерняя отправляются ежедневно. Ихъ церковь, выстроенная недавно попеченіемъ патріарха нынѣшняго, обширна и благолѣпна. Она единственная православная церковь города; нѣтъ нужды говорить, что мы приняты и угощены были съ полнымъ радушіемъ.

Съ длинной и широкой террасы монастыря можно было любоваться великолѣпнымъ видомъ Средиземнаго, поистинѣ *Библейскаго*, моря. Воображеніе безъ труда создавало на немъ картину приходящихъ и отходящихъ кораблей Соломона, но не легко было вообразить праотца Европы Іафета сидящимъ въ пристани своего города и надсматривающимъ за построеніемъ перваго мореходнаго судна по образцу — конечно памятному всему роду человѣческому, *ковчега*. *Яфетъ* и *Яфа* такъ созвучны, что невольно хочется вѣрить древнему преданію, но боязнь историческаго грѣха удерживаетъ воспламеняющееся воображеніе. Иначе вся Европа долж-

на бы обращаться съ благоговѣніемъ къ Яфѣ, какъ своей колыбели, и всѣ безъ исключенія мореходцы должны бы принести посильную лепту на сооруженіе въ Яфѣ памятника въ увѣковѣченіе своей признательности отцу мореходства.

Солнце палило іюльскимъ зноемъ. Намъ предлагали отдохнуть ради предстоявшаго всенощнаго путешествія, но напрасно было всякое усиліе заснуть. Духота гнала вонь изъ комнаты на туже, освѣжаемую морскимъ дыханіемъ, террасу. Я подошелъ къ окраинѣ террасы, и долго смотрѣлъ внизъ на набережную улицу, идущую возлѣ самой стѣны монастырской. Видъ самый не отрадный! На непревычнаго къ Турціи путешественника онъ долженъ производить тягостное впечатлѣніе. Все тамъ для него, отъ великаго до малаго, не похоже на то, что онъ зналъ и видѣлъ у себя дома. Все должно увѣрять его, что земля *Святая* не похожа на его родину. Въ первый разъ онъ, можетъ, быть, съ прискорбіемъ замѣтитъ, что между созданными имъ самимъ образами библейскими и между дѣйствительностію есть разница, часто безмѣрная. Его представленія городовъ, деревень, полей, лѣсовъ и рѣкъ, упоминаемыхъ въ св. Исторіи, неожиданно оказываются для него невѣрными, простымъ сколкомъ окружавшихъ его дотолѣ предметовъ. Тяжело, но полезно такое разочарованіе. Оно приготовляетъ поклонника къ выходу изъ той исключительности, въ которую его невольно поставила его привычка видѣть одно и то же у себя на родинѣ,—оно расширитъ его, большею частію ограниченный кругъ зрѣнія на предметы знанія и вѣры и если не тотчасъ, то мало-по-малу приучитъ его къ умѣренности и терпимости, столько нужной тому, кто рѣшился принести на гробъ Господень дань и своей приз-

нательной души вмѣстѣ съ тысячами другихъ, подобныхъ ему пришельцевъ, часто не похожихъ на него ничѣмъ, кромѣ одного образа человѣческаго и имени христіанскаго. Все это тѣмъ съ большею живостію думалось мнѣ, чѣмъ пристальнѣе всматривался я въ жизнь улицы. Вотъ одинъ соотчичъ, видно недавній пришелецъ какъ и я,—покупая что-то въ съѣстной лавкѣ у Араба, попеременно то съ озлобленіемъ, то съ отчаяніемъ силится вразумить его «русскимъ языкомъ», что у него нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ русскихъ. Не было надобности гадать, какимъ чувствомъ онъ былъ одушевленъ. Рѣзкія и черезъ-чуръ домашнія, выраженія его, обращенныя къ торговцу, показывали ясно, что землякъ считаетъ Палестину своей губерніей.

Часовъ около 2-хъ дня дано было приказаніе собираться въ дорогу. Вскорѣ шумъ подъ самымъ монастыремъ, какой у насъ можно услышать только во время пожара или другаго какого необыкновеннаго событія, ознаменовалъ прибытіе подводъ нашихъ, взятыхъ до Іерусалима. Это были пять-шесть лошадей, столько же муловъ и около 20 ословъ. Ихъ подвели. Тѣмъ и окончилось содѣйствіе нашему отправленію вожатыхъ. Все прочее нужно было сдѣлать самому и дѣлать не зѣвая. Общество наше состояло почти все изъ людей, которые не заставляють просить себя, и потому лошади немедленно были разобраны, а въ слѣдъ за тѣмъ и мулы. Я сѣлъ на мула. Въ беспорядкѣ примѣрномъ тронулись мы съ мѣста, и кое-какъ выбрались изъ тѣснаго и душнаго города на чистое поле.

На протяженіи двухъ верстъ за Яфою насъ сопровождали сады зеленые и благоуханныя, коимъ оградою служилъ кактусъ, лелѣемый у насъ въ банкахъ, а здѣсь достигающій высоты саженой и презираемый за

негодность. Миновавъ сады, мы остановились, и за тѣмъ уже въ порядкѣ поѣхали въ открытую равнину, въ концѣ которой на горизонтѣ синѣла неровная линия горъ. Первыя впечатлѣнія были самыя веселыя. Глазамъ все видѣлась наша любезная Россія. Ровное поле, черная земля, кое-гдѣ вдали участки лѣса, все напоминало ее широкую и необъятную. Только дальнія горы возражали собою на этотъ обманъ чувствъ. Всякій разъ, какъ я возвращаясь къ неизбѣжному сознанию того, что я въ Иудеѣ, я какъ бы пробуждался отъ сна. Первая, встрѣтившаяся въ сторонѣ отъ дороги, деревня показала, что мы на чужой землѣ. Нѣсколько скученныхъ на холмикѣ сѣрыхъ или точиѣ черныхъ землянокъ, отбняемыхъ деревьями своеобразнаго вида, мало походили на то, что мы привыкли называть селомъ или деревней. Такихъ деревень въ теченіе трехъ часовъ мы встрѣтили около пяти. Непривычность верховой ѣзды заставляла нѣсколько разъ уже высматривать впереди вождедѣнную *Рамлю* или *Рэм.м.* Съ небольшой возвышенности, наконецъ открылась одиноко стоящая среди лѣса четырехугольная башня арабско-готическаго стиля, предвѣстница близкаго отдыха. Городъ впрочемъ былъ не тамъ, гдѣ виднѣлось одинокое строеніе. Нѣсколько минаретовъ, востававшихъ какъ бы изъ земли впереди дороги, указали мѣстность древней *Аримавей*, куда мы вскорѣ и прибыли. Послѣдніе лучи солнца бросали розовый цвѣтъ на бѣлѣвшія стѣны съ фіолетовыми тѣнями. Множество куполовъ давали своеобразный характеръ городу, также скученному, какъ и Яфа. На высокомъ шестѣ утвержденный крестъ съ яблокомъ обозначалъ *латинскій монастырь*, встрѣчающій путника прежде всѣхъ строеній городскихъ. Трое капуциновъ, сидя на террасѣ, глядѣли на

караванъ нашъ сперва съ участіемъ, а потомъ равнодушно. Мы проѣхали подъ самыми стѣнами монастыря, и вступили въ городъ, гдѣ пробирались узкою улицею минутъ 10, пока не вѣхали на одинъ тѣсный и не очень чистый дворъ. Намъ сказали, что это *монастырь греческій*. Ничего похожего на монастырь въ привычномъ смыслѣ слова мы опять не нашли. Нѣсколько лѣстницъ вели со двора вверхъ. Взобравшись на одну изъ нихъ и ожидая увидѣть себя въ комнатѣ, мы сверхъ чаянія увидѣли передъ собою опять дворъ, или обширную террасу самаго неправильнаго вида, составлявшую верхній ярусъ монастырскихъ зданій, и обставленную тамъ и сямъ отдѣльными домами или комнатами, въ которыхъ насъ и размѣстили. Это также гостиница или подворье св. Гроба, какъ и яфскій монастырь. Монахи служатъ поклонникамъ. Старшій изъ нихъ называется игуменомъ. Кромѣ братій живетъ въ заведеніи и одна старица для услуженія поклонницамъ въ случаѣ какой-нибудь особенной нужды. И игумень, и старица жили прежде въ Молдавіи и знаютъ нѣсколько словъ по-русски. Изъ разговора съ почтеннымъ старцемъ я узналъ, что въ городѣ очень мало христіанъ, что впрочемъ есть два приходскихъ священника православныхъ: «Съ *фраторами* (латинскими монахами) живемъ мирно, говорилъ игумень. Ходимъ другъ къ другу. Что тамъ наверху (т. е. въ Іерусалимѣ) дѣлаютъ, намъ до того дѣла нѣтъ. Да и не изъ чего ссориться». Этотъ спокойный взглядъ на вещи говорилъ много въ пользу старца, какъ видно, хорошо искушеннаго опытомъ. Положено было отдыхать до восхода луны. Отдыхъ однакоже въ другой разъ оказался невозможнымъ. Мысль о близости Іерусалима заставляла раскрывать глаза среди самой глубокой дремоты. Наконецъ око-

ло 9 часовъ вечера слабое мерцаніе ущербленнаго свѣтила позвало насъ въ путь, безъ сомнѣнія, самый памятный въ жизни каждаго изъ насъ.

Съ привычною обществу нашему быстротою мы очутились по прежнему верхомъ, и, скромно поблагодаривъ обитель за хлѣбъ-соль, простились съ начальникомъ ея, поручивъ себя его молитвамъ. Сумракъ ночи не позволилъ мнѣ рассмотретьъ городъ. Хотѣлось видѣть древнюю церковь св. Іоанна Предтеча, обращенную въ мечеть. Всякій, чуть различаемый въ полусвѣтѣ, куполь съ окнами я готовъ былъ принять за искомую церковь, доколѣ масса зданій городскихъ не осталась позади насъ. Рощи кактусовъ сопровождали насъ еще около версты, послѣ чего мы вступили въ открытое поле—продолженіе той равнины, которою ѣхали до Рамли. Около двухъ часовъ мы наслаждались самымъ приятнымъ путешествіемъ, какое только я могъ себѣ представить. Ровная и мягкая дорога, тишина, прохлада, многолюдное общество, свѣтъ луны, сладкое чувство сознанія себя на священной мѣстности, приливъ библейскихъ воспоминаній—все говорило душѣ радостію и счастіемъ, какого только можно пожелать дальнему путнику. Мы не встрѣтили на дорогѣ ни одного жилья человѣческаго. Нѣсколько разъ слышавшійся, отдаленный лай собакъ увѣрялъ впрочемъ, что благодатная земля не лишена и оживляющаго присутствія человѣка. Поверхность земли постепенно и чуть замѣтно возвышалась. Темная полоса горъ начинала уже мало-помалу выявляться отдѣльными очертаніями, хотя все еще неясными. Взобравшись на одинъ холмъ, мы почувствовали свѣжесть горную. И точно это былъ предѣлъ равнины. Чернѣвшая влѣво неровность носила имя *Латруна*. Такъ какъ *латронъ* (latro) значитъ: разбойникъ,

то и составилось мнѣніе, что здѣсь была родина одного изъ разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Господомъ, и притомъ разбойника, висѣвшаго одесную. Мѣстность невольно наводитъ на мысль о разбоѣ, и могла производить тяжелое впечатлѣніе на душу одинокаго странника. Мы не испытали его; потому что по своей многочисленности и по своему грозному виду скорѣе могли внушать, нежели испытывать страхъ.

Было уже за полночь, когда мы вступили въ ущеліе. Долго поднимались по тѣсной и извилистой, весьма трудной, дорогѣ, и растянулись болѣе, нежели на версту. Много разъ выѣзжая изъ одной извилины въ другую, мы льстили себя надеждою, что увидимъ передъ собою столько желанный *Абугошъ*, или точнѣе деревню, принадлежащую племени, коего начальникомъ не такъ давно былъ нѣкто Абу-Гошъ, славный своими разбоями Тамъ предположено было сдѣлать краткій отдыхъ, въ которомъ самые неутомимые изъ насъ уже начинали чувствовать нужду Въ такомъ утомительномъ подъемѣ прошло часа два слишкомъ. Луна обошла насъ полнымъ полукругомъ, и бросала тѣни наши уже впередъ насъ, уродуя образъ нашъ на неровностяхъ дороги. Веселые голоса все менѣе и менѣе слышались. и наконецъ совсѣмъ замолкли. По временамъ только раздавалось спереди повелительное: *не отвѣчать!* — передаваемое изъ устъ въ уста по всему каравану, и изъ сзади чуть доносившееся: *стой!* — также переходившее отъ одного сѣдока къ другому до самаго колонновожатаго. Впрочемъ, иногда для развлеченія общества, случались обстоятельства, развязывавшія отяжелѣвшіе языки. Такъ напр. разъ вблизи меня споткнулся осель. Нѣсколько сонливыхъ русскихъ голосовъ разлились остротами надъ павшимъ сѣдокомъ. Отъ сѣдока рѣчь

перешла на животное, говоря о которомъ выражались всегда третьеличнымъ мѣстоименіемъ въ женскомъ родѣ, безъ сомнѣнія воображая подъ собою по привычкѣ лошадь. «Какъ она семенить ножками-то, говорилъ одинъ изъ моихъ сосѣдей. Вѣдь какъ жердочки тонки, а смотри, какую тяжесть несутъ! Силу Богъ далъ». А оттого, подхватилъ другой, что Христа на себѣ носила. — Новая оступка животнаго дала новый поводъ къ разговору, въ которомъ уже отзывалось явное нетерпѣніе и нескрываемое желаніе отдыха. Тутъ досталось между прочимъ и турецкому правительству, во все не помышляющему о томъ, чтобы поправлять дороги, «чтобы пѣшему человѣку пройти было можно». Часамъ къ тремъ съ половиною мы были повидимому на самой высотѣ хребта. Сзади насъ уступами спускались пройденныя нами возвышенности, едва различаемыя при слабомъ свѣтѣ луны. Спереди открылась ровная площадка съ густымъ лѣсомъ. Всѣмъ почувался желанный отдыхъ. Но ни въ лѣсу, ни за лѣсомъ деревни не было. Мы вѣхали до нея еще около $\frac{1}{4}$ часа. Спускаясь въ лощину по направленію чуть различаемыхъ домовъ, я въ сладкомъ раздумьѣ смотрѣлъ на возвышавшійся за нею новый хребетъ горы, еще высшій, нежели пройденные нами, рѣзко очертавшійся алою линіею чуть бѣлѣвшаго востока. Тамъ, за нимъ или на немъ, стоитъ онъ—любимая мечта дѣтства—*Иерусалимъ!* Еще нѣсколько часовъ, и я ублажу себя видѣніемъ, съ которымъ ничто сравниться не можетъ. *Преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій,* лепеталъ языкъ, и сердце таяло отъ радости и страха... Мы не могли рассчитывать на какой-нибудь пріютъ въ Абугошѣ. Духъ нетерпимости наслѣдовалъ въ ней духу грабежа, и должно пройти, по крайней мѣрѣ, еще одно поколѣ-

ніе, чтобы переродился духъ этотъ въ духъ гостепріимства. Мы спѣшили въ сторонѣ отъ деревни, возлѣ какого-то огромнаго полуразрушеннаго зданія съ готическими окнами и такою же высокою и широкою дверью. Некогда было разсматривать его. Утомленіе и бессонница обезсилили совершенно и душу, и тѣло. Кто какъ могъ, мы пріютились къ стѣнамъ зданія, и заснули для радостнаго пробужденія.

Суббота 21 септ.

День второй. Было 8 часовъ, когда дано было приказаніе «вставать и ѣхать». Мое ложе было въ самыхъ дверяхъ зданія. Поднявъ голову, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что мы находимся въ большой, совершенно опустѣлой церкви съ двумя рядами столбовъ и готическими арками. Достойная сожалѣнія участь храма Божія, нѣкогда великолѣпнаго, теперь же обращенна, стыжусь сказать, во чтѣ! Не ожидалъ я такого горькаго привѣта отъ многорадостнаго дня. Стѣны и своды церкви еще въ совершенной цѣлости. По стѣнамъ, внутри храма, во многихъ мѣстахъ сохранились очерки и краски иконъ. «Сколько ея наверху, столько же и подъ землей» сказалъ мнѣ нашъ кавасъ, указывая на церковь. Я обошелъ ее кругомъ, и дѣйствительно съ южной стороны подъ алтаремъ увидѣлъ спускъ въ глубокое подземелье. Проникнуть туда уже не рѣшился, боясь и отвращаясь нечистоты. Кѣмъ, когда и въ память чего выстроенъ этотъ замѣчательный храмъ? Не кому было объяснить мнѣ это. Архитектура его явно обличаетъ время Крестовыхъ походовъ. *Раумеръ* въ своей «Палестинѣ» считаетъ его остаткомъ монастыря братьевъ *Миноритовъ*. По его мнѣнію, Абугошъ есть древній *Каріавъ-іаримъ*, славный мѣстопробываніемъ Ков-

чега Завѣта. Но пустившись отсюда въ дальнѣйшій путь, я уже на дорогѣ прочелъ въ одномъ писателѣ, что Абугошъ есть евангельскій *Эммаусъ*, и что церковь выстроена на мѣстѣ явленія Иисуса Христа ученикамъ по воскресеніи. Это извѣстіе глубоко поразило меня. Я довѣрился ему охотно. Божественное явленіе Господа ученикамъ эммаусскимъ всякій разъ, какъ я думалъ о немъ, дѣйствовало на меня необыкновенно. Столько по сердцу приходился мнѣ закрытый образъ Богочеловѣка! Мысль, что я провелъ нѣсколько часовъ на мѣстѣ сего явленія, наполняла душу тихимъ умиленіемъ. Первая какъ бы встрѣча моя на божественной землѣ съ Евангеліемъ была тамъ, гдѣ всего охотнѣе желалъ я воображать себя, и куда тысячекратно принималъ съ сердечнымъ трепетомъ испытующимъ взоромъ вѣры. Долго потомъ еще въ воображеніи моемъ рисовалась опустѣлая и преданная позору церковь. Мысль о ней подвигала душу на непрестанную жалость. Христіане, тѣснящіеся въ разныхъ мѣстахъ земли, и отъ тѣсноты выселяющіеся въ степи и лѣса и на отдаленные острова океана, ужели бы не могли заселить дороги отъ Яфы до Іерусалима, и очистить поклонническій путь отъ всего, чѣмъ возмущается христіанское сердце? Будь отъ всякой народности по колоніи на пути семь, какъ бы все измѣнилось! Такъ думалъ я, но, разумѣется, думалъ на вѣтеръ. У земли *обѣтованной* есть своя обѣтованная эпоха, по видимому еще весьма отдаленная отъ дней нашихъ. Въ ту эпоху мое желаніе вызоветъ, можетъ-быть, улыбку.

Съ полчаса мы ѣхали косогоромъ, начавшимся у самага Абугоша, и потомъ спустились въ пріятную долину, пересѣкаемую малою рѣчкою, первую — встрѣченною нами въ Палестинѣ. Нѣсколько домовъ съ са-

дами, носившіе имя *Галены*, свидѣтельствовали, какъ думаютъ, о существованіи нѣкогда на мѣстѣ этомъ римскаго поселенія (*colonia*). Мы проѣхали мимо трехъ остатковъ древнихъ построекъ. Ровная кладка стѣнъ изъ огромныхъ четырехугольныхъ камней безъ цемента сначала заставила меня думать, что я вижу передъ собою памятникъ Еврейской архитектуры; но значительное сходство ихъ съ недавно видѣнною церковію удержало меня на пути, такъ близкомъ къ иллюзіямъ. Отъ деревни дорога опять поднимается, дѣлая извивы по неровностямъ горнаго ската. Взобравшись на высоту, мы увидѣли, что конецъ пути нашего еще далеко. Передъ нами лежала глубокая долина или лучше рывина, за которою еще разъ стояла крутая, и, подобно всѣмъ другимъ, голо-скалистая гора, уже конечно *последняя*. И спускъ и подъемъ равно были для насъ трудны. Солнце стояло уже высоко, и палило насъ ослѣпительными лучами, отъ которыхъ не въ силахъ былъ защитить и зонтикъ. Отъ главной долины вправо и влѣво расходились побочныя логовины такого же вида и образованія, какъ и множество другихъ, видѣнныхъ нами. Видъ глубоко-печальный! На всѣмъ огромномъ пространствѣ не видно было ни одного дерева! Голая сѣрая горы, пластовиднымъ образованіемъ своимъ, часто заставляли предполагать то тамъ, то сямъ слѣды давно исчезнувшихъ деревень и городовъ, которыми такъ густо усѣяна была когда-то Іудея. Въ полугорѣ къ сѣверу отъ дороги видѣлась однакоже какая-то небольшая деревня. На иныхъ картахъ Палестины тутъ помѣщается славный *Гаваонъ*. Но я удержалъ свое воображеніе отъ представленій, изъ міра ветхозавѣтнаго. Меня все еще преслѣдовала трогательная мысль, что по этой дорогѣ (иной нѣтъ) нѣкогда,

въ самый свѣтлый день воскресенія шелъ прославленный цакибытіемъ Спаситель. Мысль о присутствіи Его когда-то здѣсь замѣняла мнѣ собою настоящее отсутствіе жизни въ этой глухой и мертвой пустынѣ. Наконецъ мы оставили ее за собою.

Думалось, что, поднявшись на высоту, мы немедленно увидимъ *св. Градъ*. Я называлъ счастливыми тѣхъ, которые были впереди, и все ждалъ, что они сверху будутъ, на зависть намъ, выражать знаки своей радости. Напрасная надежда! До Іерусалима еще было 25 или 30 минутъ пути, т. е. версты 3 или 4. Послушное ожиданіе чередовалось съ порывами нетерпѣнія. Взобравшись въ числѣ послѣднихъ на высоту, я напиралъ зрѣніе во всѣ стороны, но ничего, кромѣ голы и каменистой поверхности земли не увидѣлъ. Правда, не такъ далеко впереди стояло какое-то зданіе съ куполомъ, но упредившая меня часть кавалькады на шей давно уже объѣхала его, и все смотрѣла впередъ. Точно, куполь принадлежалъ одному могильному памятнику, а не Іерусалиму. Миновавъ его, я ожидалъ, что за возвышенною полосою земли, куда скрывались одинъ за другимъ передовые, уже откроется все. Между тѣмъ открылось только вправо отъ дороги, въ значительной отдаленности, большое строеніе съ башнею въ родѣ русской колокольни. Я сейчасъ отгадалъ, что это *Крестный монастырь* съ училищемъ, о которомъ уже начала носиться слава по Востоку. А Іерусалима все не было! Палящій зной увеличивалъ нетерпѣливость нашу. Утомленные животныя еле шли. Мулъ мой повременамъ издавалъ раздирающій вопль. Понять нельзя было, отчего до сихъ поръ не видѣнъ городъ, бывший по расчетамъ уже весьма близко, тогда какъ поверхность земли была повидимому совершенно ровная.

Но послѣднее было не что иное какъ обманъ. Самымъ незамѣтнымъ образомъ она склонялась къ намъ. Минута, не повторяемая потомъ, приблизилась. Легкая неровность земли вдругъ обозначила за собою, впереди дороги, два минарета, и быстро восталъ передо мною, рисуясь на свѣтломъ небѣ темными стѣнами, Иерусалимъ. Гдѣ вы, столько лѣтъ лелѣемые въ душѣ, привѣты Граду Божію, преславному, прекрасному, возлюбленному? Гдѣ вы, такъ давно и такъ заботливо готовимыя, горячія слезы—жертва бѣдная отъ бѣднаго Богатому и Обнищавшему ради меня? Придите на уста мои и на очи мои! Минута свято-завѣтная настала. О свѣтлый и избавленный граде, голубице (б), Градъ правды, мати градовомъ (в)! Градъ Царя великаго (г)! Градъ Господа силъ! Селеніе Вышлаго (д)! Градъ взысканный и неоставленный (е)! Ты ли это передъ моимъ взоромъ, моимъ умомъ, моимъ сердцемъ?

Да! Къ великому счастью духа, это не былъ сонъ.

Медленно подвигались мы на встрѣчу чарующему видѣнію. Глазъ впивался во все, что могъ различить. Но различалъ онъ пока не многое. Длинная и высокая, темная стѣна съ двумя массивными башнями посерединѣ закрывала собою все. Башни сторожили западный входъ въ городъ, такъ-называемыя *Ифскія* ворота, хорошо извѣстныя свѣту по рисункамъ. Они должны примыкать къ замку *Давидову*, но и замокъ вмѣстѣ съ городомъ не видѣнъ былъ намъ; напрасно также взоръ искалъ горъ *Сіонской* и *Элеонской*. Все, что возвышалось надъ окраиной стѣны, было два-три минарета, два-три плоскихъ купола, и какое-то круглое зданіе

(б) Соф. 3, 1. (в) Ис. 1, 26. (г) Пс. 47, 3. 9. (д) Пс. 46, 5. (е) Ис. 62, 12.

новой постройки. Въ отдаленіи, правѣе Іерусалима, чернѣлось на возвышенности какое-то большое зданіе, окруженное садомъ, единственный предметъ, коимъ оживлялась мертвая окрестность. Сначала я счелъ его за Виелеемскій храмъ, обманутый малымъ сходствомъ, но разстояніе до него, по глазомѣру, не больше 5—6 верстъ, обличило меня въ грубой ошибкѣ. По тому же направленію, но ближе къ городу, лежало обширное кладбище турецкое со множествомъ памятниковъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли видъ малыхъ храмовъ съ куполомъ. Западнѣе кладбища видѣлась огромная четырехугольная яма, высѣченная въ скалѣ и служащая водоемомъ городу, какъ ипѣ объяснили. Влѣво отъ насъ, чѣмъ далѣе отъ дороги, тѣмъ чаще показывались деревья, большею частію масличныя, которыя на параллели Іерусалима образовали уже какъ бы цѣлую рощу-закрывающую съ этой стороны горизонтъ.

У какой-то загороди мы остановились и оправились, на-сколько это было возможно, и построились въ рядокъ, котораго требовала, неотступно слѣдившая за нами, субординація. Стройно так. обр. мы подъѣзжали къ стѣнамъ города, высокимъ, и крѣпкимъ, кладеннымъ изъ сѣраго камня, правильно сѣченнаго. Ежедневно повторяя покаянный псаломъ Давидовъ, мы невольно ежедневно молимся о сихъ *стѣнахъ*. Съ такою теплотою, возсылаемая здателемъ Іерусалима, молитва о сихъ стѣнахъ видимо было услышана. И теперь ничѣмъ не можетъ похвалиться съ вещественной стороны Іерусалимъ, какъ своими стѣнами. Кѣмъ и когда онѣ воздвигнуты въ томъ видѣ, какъ теперь суть, и сохранилось ли что-нибудь въ нихъ отъ временъ Давидовыхъ, это вѣроятно останется навсегда нерѣшеннымъ. Наконецъ передъ нами открылись во всемъ величїи твер-

дыни *Яфскихъ* или *Виолеемскихъ* воротъ, казавшіяся дотолѣ безжизненными; мѣстность вдругъ оживилась, лишь только мы спустились съ послѣдняго холма. Передъ воротами кипѣлъ народъ, то входившій въ городъ, то выходившій изъ него, то отдохавшій на предпутіяхъ караваномъ съ развѣвоченными верблюдами. У самыхъ воротъ насъ встрѣтили караулъ турецкаго гарнизона съ лѣвой—и рядъ нищихъ съ правой стороны. При всемъ желаніи нашемъ въѣхать во св. градъ въ полномъ порядкѣ и съ прилично торжественностію, это не удалось. Въ самыхъ воротахъ столпившись и перемѣшавшись, мы въѣхали уже, какъ попало, въ тѣсную улицу, обставленную низкими каменными домами безъ оконъ, представлявшими одну сплошную стѣну, кое-гдѣ пробитую тѣсными дверцами. Забота о томъ, какъ бы не столкнуться со встрѣчными, не потерять изъ вида своихъ передовыхъ и не быть смятыми задними, пыль, жаръ, духота, тѣснота и шумная разногласица, все это, соединившись вмѣстѣ, изгоняло изъ головы мысль о необыкновенной важности мѣста. Послѣ двухъ поворотовъ улица привела насъ подъ переброшенную черезъ нее широкую арку. У первыхъ за нею воротъ по правую руку была непроходимая толпа пѣшаго и коннаго народа, въ которую, въ слѣдъ за другими, врѣзался и мой мулъ. Мы были у *Патріархіи*.

Съ невыразимою отрадой физическою сошелъ, или точнѣе свалился я съ животнаго, и вступилъ подъ сѣнь воротъ двора Патріаршаго. Это также монастырь страннопріимный, въ родѣ Рамльскаго или Яффскаго, только въ большихъ размѣрахъ. Тѣже малые дворики, соседственные одни съ другими крытыми переходами, тѣже лѣстницы, ведущія на террасы, и на террасахъ опять

дворики, опять переходы и лѣстницы въ высшія отдѣленія! Ни описать, ни передать чертежомъ подобнаго устройства нѣтъ возможности. Избраннымъ изъ общества нашего отведена была на первой террасѣ большая комната, накрытая сводомъ, съ низкими и широкими лавками вдоль стѣнъ. Лавки покрыты были коврами, а полъ цыновками. Избраннѣйшимъ же отведено было отдѣльное помѣщеніе въ особой гостиницѣ Усталость и бессонница, мелочныя заботы приѣзда и помѣщенія, заставляли насъ смотрѣть на себя только какъ на путешественниковъ, добравшихся до мѣста, а отнюдь не какъ на поклонниковъ. Суевѣливая услужливость усердныхъ монаховъ, обращающаяся все около предметовъ житейскихъ, довершала, такъ сказать, оземлененіе первыхъ впечатлѣній нашихъ на мѣстахъ такой высокой святости. Мысль объ Іерусалимѣ входила въ рядъ другихъ, нисколько не тревожа ихъ своимъ присутствіемъ. Не того чаялъ я, можетъ быть не въ мѣру идеально настроенный, отъ первыхъ минутъ пребыванія своего во святомъ градѣ.

Но всему свой чередъ. Вскорѣ, и притомъ вдругъ, въ душѣ моей все приняло иной оборотъ. Ради какой-то потребности, я вышелъ изъ комнаты на террасу, и увидѣвъ себя передъ самымъ куполомъ града Господня, внезапно какъ бы проснулся отъ сна дѣйствительности. Въ глазахъ моихъ исчезъ Іерусалимъ географическій, Іерусалимъ—городъ сирійскій, городъ турецкій, какихъ много въ Турціи, а возсталъ Іерусалимъ историческій, евангельскій, принадлежащій не столько мѣсту, сколько времени, не столько зрѣнію, сколько воображенію, не столько уму, сколько сердцу. И вотъ началась та борьба видѣнія съ представленіемъ, странная и томительная, которая продолжалась весь этотъ

приснопамятный день. Видишь, - самому себѣ не вѣришь, что видишь, - мѣста и предметы, съ дѣтства относимые къ какому-то другому міру! Видишь и все еще ищешь видѣть, не довольный тѣмъ, что представляетъ видѣніе! Потому что дѣйствительность слишкомъ обыкновенна, проста и близка, а предметы эти всегда облекались въ образы дивные, полутѣлесные, полудуховные, неопредѣленно-таинственные, и всегда поставлялись на извѣстное разстояніе отъ полного и совершенно-яснаго сознанія. Смотри на гору *Элеонскую*, я поминутно нудилъ себя признавать ее тѣмъ, чѣмъ она извѣстна всему міру, и поминутно отходилъ отъ свѣтлаго образа къ простому представленію горы. Евангельскій «*Элеонъ*» почему-то казался не существующимъ болѣе, или по крайней мѣрѣ существующимъ гораздо далѣе того, который такими простыми и раздѣльными, и, прибавлю, скромными очертаніями рисовался въ совершенной близости отъ меня, закрывая восточный горизонтъ грустной и томящей панорамы.

Быль полдень. Утружденные спутники спали, разбросавшись на парахъ. Уготованная страннoлюбіемъ обители, трапеза стояла нетронутая. Стаканъ безвременнаго чая остался недопитымъ. Все свидѣтельствовало о томъ, *что есть время всякой вещи подъ небесемъ*. Между тѣмъ у меня не было ни сна, ни бодрого духа. Въ полдень обыкновенно храмъ бываетъ запертъ. Надобно было ждать три часа, пока отопруть его. Не зная, чѣмъ наполнить этотъ промежутокъ, я пошелъ по обширной площади плоскихъ кровель (террасъ), облегающихъ всю южную сторону храма, котораго своды до самыхъ куполовъ съ этой стороны доступны боязливой ногѣ странника. Я исходилъ всю большую террасу, любуясь съ каждой точки ея видомъ

Іерусалима, и пытаюсь найти отверстіе на стѣнѣ большаго купола, чтобы посмотрѣть внутрь храма. Но малой лѣстницѣ, съ большой террасы взошелъ я на меньшую, примыкающую къ меньшему куполу (надъ церковію Воскресенія), болѣе той возвышенную, съ которой я надѣялся имѣть еще лучшій видъ. И точно тамъ мнѣ открылся другой видъ... Почти посрединѣ террасы увидѣлъ я небольшую возвышенность, какъ-бы верхушку скрытаго подъ нею купола. Она обдѣлана плитами простаго камня, и вся сплошь покрыта надписями на разныхъ языкахъ. Всѣхъ ихъ смыслъ былъ одинъ и тотъже: *помяни Господи во царствіи Твоемъ* токого-то. . я невольно отступилъ отъ нежданно встрѣченнаго мѣста. Оно было надъ *Головою*. Вѣки за вѣками стали проходить въ воображеніи моемъ, чередуясь и увлекая мысль мою все глубже и глубже въ давнее прошедшее, пока я не увидѣлъ себя среди событій дня, потрясшаго сердце земли и помрачившаго ликъ солнца. Высоко и глубоко простершееся тогда незримыми оконечностями своими, малое древо крестное зрѣлось мнѣ теперь во всей своей ужасной простотѣ, какъ древо казни, орудіе жестокаго уничтоженія человѣческаго достоинства, сколько безчестное, столько и безчеловѣчное; что есть самаго горькаго въ участи человѣческой, то все соединялъ въ себѣ крестъ, какъ бы нарочно чьею-то злобою или чьею-то неумолимою справедливостію придуманный для того, чтобъ Имѣющій понести на Себѣ грѣхи наши возчувствовалъ на немъ всю ихъ безмѣрную тяжесть. При грозномъ зрѣлищѣ этомъ, лица двухъ разбойниковъ, ожесточенное и умиленное, легко очертывались въ воображеніи моемъ. Но лицо Того, Кто, по выраженію пѣспи церковной, былъ *мѣриломъ праведнымъ* между грѣшниками,

кающіи и нераскаянныи, оставалось неуловимо для меня. Я и не усиливался представить его, считалъ это слишкомъ дерзкимъ, и даже боялся грѣшнымъ взоромъ встрѣтиться съ нимъ. Уже одной священнѣйшей мѣстности было довольно къ тому, чтобы проникнуться глубоко чувствомъ своего недостойнства и искать поразительныя представленія ума свести на простую молитву. Но вотъ, чего я боялся давно, какъ постыдной возможности психической, то едва-едва не случилось теперь. Что, если на св. мѣстахъ, думалъ я, собираясь видѣть ихъ, я испытаю тоже, что иногда испытываешь, къ стыду и мученію своему, при вступленіи во храмъ Божій, когда съ каждымъ новымъ шагомъ къ святилищу все слабѣе и слабѣе становится молитвенное настроеніе духа, когда мысли, вмѣсто сосредоточенія, разбѣгаются въ слѣдъ всякаго предмета? Попытка помолиться молитвою разбойника благоразумнаго на мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ она была произнесена и услышана, убѣдила меня окончательно, что молитва не есть ни ремесло, ни искусство, а что самая благопріятная обстановка иногда не въ состояніи произвести ея въ душѣ, не приготовленной къ тому долгимъ ~~и~~ гимъ богомысліемъ. Грустно сознаться, но гдѣ же и мѣсто покаянію, какъ не у креста?

Спустившись на нижнюю террасу, и обходя ее снова, я встрѣтилъ тамъ спавшаго въ тѣни одинокаго поклонника. Онъ весь былъ олицетворенное изможденіе. Трудъ тѣлесный и душевный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сладкій покой сознанія принесенной жертвы, печатлѣлись на почернѣвшемъ отъ солнца лицѣ его. Положеніе спавшаго трудника вызвало душу къ жалости. Изъ глубины ея прорвался вздохъ, а за нимъ излетѣла и напрасно вынуждаемая дотолѣ молитва. И вотъ тѣ же

самые предметы для меня были уже не тѣ, и верхняя терраса заговорила сердцу иначе. Сладкій сонъ бѣднаго пришельца палъ какъ бы укоромъ на сердце, не услажденное Голговою. *Какію наемникомъ отца моего избывають хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю...* произнесено было смущенною совѣстію. «Темный человѣкъ», мірянинъ выплакалъ боли души своей надъ Голговою, и теперь въ мирѣ глубококомъ ожидаетъ услышать отъ Господа: *днесъ со мною будши въ Раи*; а священникъ, такъ близко поставленный къ «Сладчайшему», не съумѣлъ пролить надъ крестомъ Его слезу или «слезы часть нѣкую» во очищеніе грѣховъ своихъ! Не бѣдно ли это? Развѣ менѣе у него поводовъ степенать и радоваться, просить и благодарить? Развѣ въ жизнь его не вплетена искупительная и промыслительная нить несчетныхъ благодѣяній, простертая отъ Голговы? Развѣ тамъ, развѣ здѣсь... не Онъ былъ мой *помощникъ и покровитель*? Да не только «тамъ» или «здѣсь», но именно *здѣсь*, въ семь мѣстѣ, въ сію минуту Онъ же, конечно, послалъ съ Голговы въ слѣдъ меня свой тихій укоръ, какъ нѣкогда послалъ свой дружескій взоръ отрекавшемуся ученику Но... довольно!

Пользуясь еще остававшимся до вечерни свободнымъ временемъ, я представился патріаршему намѣстнику, митрополиту петрскому *Мелетію*. Почтениѣйшаго іерарха я нашелъ такимъ, какимъ его описывали тысячи нашихъ поклонниковъ, — добрымъ, привѣтливымъ, простымъ и умнымъ. Съ нимъ были два епископа и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ. Архіереи сидѣли на широкихъ лавкахъ съ поджатыми ногами. На нихъ же они привставали, благословляя меня. За обычными вопросами: откуда, когда, какъ и надолго, слѣдовали взаимныя привѣтствія, взаимныя изъясненія

любви и преданности, выраженія взаимныхъ сожалѣній объ участи св. града, оставленнаго на *попраніе языка* доселѣ, и утѣшенной надеждою на болѣе радостное будущее. Бесѣда кончилась предложеніемъ услугъ со стороны обязательнаго владыки; я съ благодарностію принялъ предложеніе и испросилъ у него благословінія на обзорѣніе святыхъ мѣстъ. За тѣмъ я посѣтилъ другаго митрополита, преосвященнѣйшаго *Агапела*, бывшаго настоятеля Балаклавскаго монастыря, удалившагося сюда, послѣ разгрома Севастопольскаго, отдохнуть отъ страшныхъ впечатлѣній и кончить дни у гроба Господня. Оба святителя Греки, но долговременное пребываніе послѣдняго въ Россіи положило на него особенную печать важности, которой недоставало первому, незнакому съ тяжелымъ величіемъ и прилічіемъ Европы.

Время идти въ церковь между тѣмъ наступило. Насъ свели по особой лѣстницѣ съ террасъ Патріархіи прямо передъ *южныя* (и единственныя) врата храма Воскресенія Христова на площадь, столько извѣстную всѣмъ и каждому, по сдѣланнымъ съ нея рисункамъ. Переступивъ порогъ храма, я остановился, чтобы собраться съ духомъ. Сверхъ чаянія, первое посѣщеніе святѣйшаго мѣста земли, показало душу способною къ одному только простому любопытству. «Точно такъ, думалъ я. Вотъ направо *Голова*, налѣво — *гробная часовня*, впереди *камень помазанія!* какъ описывали, такъ и есть! А вотъ и турецкій стражъ съ трубкою въ зубахъ и презрительнымъ взглядомъ долженъ сидѣть тутъ, налѣво, у самаго входа, и отбирать деньги». Турокъ точно сидѣлъ, но не съ чубукомъ, а съ четками въ рукахъ, ничего не требовалъ, и привѣтливо помахалъ головою поклонникамъ, поводя глазами налѣво, по

направленію къ гробу Господнему, какъ бы указывая дорогу. Его кроткое лицо, неподвижное положеніе и важный взоръ рѣзко противорѣчили подвижной, шумной и страстно-оживленной толпѣ, стремительно влетавшей изъ дверей, падавшей у «камня помазанія» и разбѣгавшейся потомъ направо и налево. Ей дорого было, ея живо касалось все, что было впереди ея. Некогда и невозможно было ей стоять и думать, когда сердце горѣло!... Благословенна ты, теплота сердечная!

Во слѣдъ другимъ двинулся и я ко гробу Господнему. Выступивъ изъ-подъ сводовъ круглой галлерей на площадь такъ-называемой «Ротонды», я привѣтствовалъ всѣми ублаженіями роднаго чувства знакомую часовню, тысячекратно привѣтствованную уже прежде заочно въ разныя времена и въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Да, это она новая *скинія свидѣнія*, ничѣмъ незамнимаго и ни съ чѣмъ несравнимаго — она, хранящая въ себѣ нерушимый ковчегъ ненаружимаго завета, — она сіяющая во всю вселенную трисолнечнымъ свѣтомъ нетлѣнія, воскресенія и жизни вѣчной. Я на минуту прислонился къ одному изъ столбовъ, поддерживающихъ куполь, и старался продлить въ себѣ впечатлѣніе не повторимое; кругомъ меня и далѣе по всему помосту видѣлись колѣнопреклоненныя и принявшія къ полу фигуры, едва различаемыя въ полусвѣтѣ храма. На самой же площадкѣ передъ часовнею была толпа непроходимая, въ коей не мало видѣлось и нашихъ спутниковъ, ставившихъ свѣчи и ждавшихъ очереди войти ко гробу. Замѣтивъ идущаго одного поклонника, они поспѣшили открыть ему дорогу. Народъ раступился, смѣняя на время молитву чувствомъ удивленія, при видѣ высокой фигуры въ эполетахъ и ор-

денахъ, вступавшей на площадку съ важностію и благоговѣніемъ. «Генераль» разнеслось шопотомъ по толпѣ. Благочестивый поклонникъ уже приблизился къ дверцѣ, ведущей въ св. пещеру, какъ вдругъ какой-то соотчичъ изъ простаго званія схватилъ его за полы мундира, и сказалъ тономъ, къ которому, конечно, не привыкъ остановленный: «стой! Разуйся!» На освѣдомленіе сего послѣдняго: въ чемъ дѣло, и что тому нужно, какая-то поклонница, также простаго званія, начала объяснять, что мѣсто тутъ свято, что надобно входить туда босыми ногами и пр. Когда же увидѣла, что объясненія ея ни къ чему не повели, и поклонникъ вошелъ въ часовню неразутый, съ сердцемъ заговорила толпѣ: «они вѣдь святые. У нихъ все чисто. не то, что у насъ грѣшныхъ» и т. д.

Настала и моя очередь войти въ богопріемную пещеру. Малый кусокъ сѣраго камня, сдѣланный въ видѣ четырехугольной плиты, и положенный на четвероугольномъ же столбикѣ, стоялъ посреди придѣланной къ скалѣ комнаты. Онъ есть остатокъ камня, замыкавшаго нѣкогда входъ во гробъ. Объ этой комнатѣ я не имѣлъ прежде вѣрнаго понятія, не смотря на столько описаній часовни. Составляя одно съ сею послѣднею, она въ тоже время не принадлежитъ гробу, служа преддверіемъ къ нему. Я дерзнулъ переступить черту, отдѣляющую ее отъ пещеры, и припалъ къ камню, покрывающему смертное ложе Иисуса. Представленіе Его бездыханнаго, повитаго плащаницею и распростертаго въ глубинѣ скалы, раздѣляющаго общую участь земнородныхъ, усердно погребеннаго и враждебно стрегомаго, наполнило душу сочувственною скорбію. Съ дерзновеніемъ, достойнымъ наилучше предпочищенныхъ душъ, покланялся я мѣсту временнаго покоя Сына Бо-

жія, касался устами сего источника и моего воскресенія по слову пѣсни пасхальной, пиль его *питіе новое, не отъ камене неплодно чудодѣемое, и въ немъ утверждился* всюю полнотою моихъ послѣднихъ чаяній. О, за чѣмъ, разъ успокоенное, сердце должно возвращаться потомъ опять къ бессмысленной тревогѣ при вопросѣ о смерти, о тлѣніи, о разсѣяніи стихійнаго тѣла по стихіямъ міра? Да звучитъ въ слухъ душевный немолкаемо, вынесенное мною изъ свѣтлаго чертога пакибытія, слово Господне: *идьже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ*. О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго твоего гласа! Служитель Твой недостойный, бѣдный и немощный собою, но сильный и богатый Тобою, въ виду суетныхъ совопрошеній суетнаго міра, отрекается знать что-либо... Мой отвѣтъ всему Ты, Твое слово, Твой гробъ и Твое воскресеніе!

Поклоненіе прочей святыни храма было отложено мною пока, потому что въ соборѣ начиналась уже вечерня. Она была воскресная, и потому отправлялась торжественно. Самъ намѣстникъ патріаршіи присутствовалъ въ церкви, одѣтый въ мантию. Служба шла порядкомъ, мнѣ хорошо извѣстнымъ. О малыхъ уклоненіяхъ обрядности, условливаемыхъ мѣстностію, не стѣитъ говорить. Но нельзя умолчать о томъ, также мѣстномъ, обстоятельствѣ, что всѣ пѣсни церковныя несравненно глубже падали и живѣе дѣйствовали на сердце здѣсь, въ виду живоноснаго гроба, чѣмъ гдѣ либо, когда либо. Такъ каждое слово вечерней стихиры: *Радуйся сіоне святой, мати церковей, Божіе жилище! Ты бо пріяла еси первый оставленіе грѣховъ воскресеніемъ*, заключало въ себѣ теперь для меня какъ бы новый смыслъ. Также и обращеніе ко Господу въ стихѣ: *Слава Тебѣ, Христе Спасе, Сыне Божій едино-*

родный, привоздивыйся на крестъ и воскресый изъ гроба тридневенъ, не казалось мнѣ уже сочиненіемъ, чьимъ бы то ни было, ни даже простымъ обращеніемъ къ Богу болѣе по привычкѣ, нежели по нуждѣ, а было восторженнымъ званіемъ души къ своему благодѣтелю, присущему ей если и незримо, то все равно ощутило. Я ублажилъ тѣхъ, кои могутъ быть постоянно подъ этимъ живымъ и дѣйственнымъ впечатлѣніемъ пѣнопѣній церкви.

Послѣ вечерни спутники мои представлялись правителю іерусалимскому, котораго нашли вообще «прекраснымъ и любезнымъ» и даже образованнымъ челоувѣкомъ. Не смотря на эти качества, онъ отказался однакоже дать намъ позволеніе видѣть внутренность мечети *Эль-Сахръ*, опасаясь фанатизма народнаго, хотя охотно показывалъ ее изъ окна своего, и даже присовокупилъ, что пожалуй онъ дастъ стражу, съ которой ручается за входъ въ мечеть, но за выходъ отуда не отвѣчаетъ. Наболѣе мужеск е пые изъ насъ погорячились, слышна была чья-то похвальба «однимъ выстрѣломъ разогнать всю сволочь», но свѣжее еще преданіе объ одномъ Англичанинѣ, не такъ давно убитомъ чернью вслѣдствіе такойже неумѣстной рѣшимости *прать противу рожна*, охладило мало-помалу горячку.

По возвращеніи къ храму Воскресенія, занялись большею частію покупкою около него перламутровыхъ иконъ, крестовъ, четокъ и пр.; при этомъ не безъ удивленія слышали, какъ продавцы, всѣ почти Арабы, объяснялись съ нами по-русски. Выраженія: *купи, узми, хорошъ, еденъ рупъ* и пр. оглашали хотя и странно, но пріятно слухъ нашъ. Не забуду я, какъ при этомъ сопутствовавшій мнѣ, почтенный и обязатель-

ный О. В. покупалъ для меня у одного изъ сидѣвшихъ на площадкѣ передъ храмомъ Арабовъ пригоршнни крестиковъ, и когда тотъ не соглашался уступить ихъ за предлагаемую цѣну, погорячился на него. Тогда продавецъ съ кротостію, достойною евангельскихъ Закхеевъ, поднялъ къ нему простодушное лицо, и сказалъ: «дорогъ—не купи, а не сердись». Замятивъ же при этомъ мою улыбку, подаль мнѣ всѣ крестики и сказалъ: «бери, дай, что хошь». Спокойствіе и добродушіе бѣдняка тронули меня.

Между тѣмъ смерклося. Общество наше опять отравилось ловить отдыхъ, столько нужный для предстоявшей ночной молитвы. Меня же опять бѣжалъ желанный сонъ. Наскучивъ бороться съ бѣдніемъ, я оставилъ комнату, и вышелъ на террасу. Сопутствовали мнѣ туда глубокая темнота и не менѣе глубокая тишина. Привыкнувъ по ночамъ уединяться въ надземный міръ Божій, я радъ былъ безсонницѣ. Знакомый въ общности и даже въ нѣкоторыхъ подробностяхъ сводъ звѣздный накрывалъ собою св. градъ, какъ накрывалъ его столѣтія и тысячелѣтія прежде того. Не только одинъ и тотъже для множества эпохъ, но одинъ и тотъже для множества пространствъ нашей малой земли, этотъ сводъ радостно дѣйствуетъ на душу путника, занесеннаго за тысячи верстъ отъ привычнаго мѣста жительства, говоря ему о его родномъ углѣ своимъ присутствіемъ, и приучая его распространять тѣсныя предѣлы своего кружка на всю землю, — единую, *Господню*, по словамъ пророка. Особенно нужно это приученіе для подобнаго мнѣ поклонника, прибывшаго въ Іерусалимъ искать слѣдовъ Того, Кто сталъ *своимъ* для всѣхъ странъ земли, сдѣлавъ ее однимъ, общимъ селеніемъ рода человѣческаго. Но земному ли

только учить, и должно учить, Иерусалимское небо? Хотя безъ строгой отчетливости, на меня убѣдительно дѣйствовало представленіе, что какъ на землѣ, безъ видимаго какого-нибудь средоточія ея, было одно такое мѣсто Иерусалимъ,—которое столько времени можно было признавать постояннымъ средоточіемъ откровеній Божіихъ, *жилицемъ Божіимъ*, по слову писанія, то и тамъ въ общей цѣлости міра міровъ можно бы также гадать о какомъ-нибудь Иерусалимѣ, жилищѣ Божіемъ, не средоточномъ, можетъ-быть, въ отношеніи астрономическомъ, но средоточномъ въ космологическомъ смыслѣ, гдѣ пребываетъ Онъ, нашъ *Первенецъ изъ мертвыхъ*, нашъ *Предтеча* и *Вождь*, *Уготователь* нашихъ *вѣчныхъ обителей въ дому Отца Своего*, съ Своею торжествующею Церковію.

Въ 10 часовъ насъ ввели въ церковь на утреннее богослуженіе. Тамъ уже читалась полунощница. Десятка два-три богомольцевъ стояли вдоль стѣнъ въ столбкахъ, то дѣлая вдругъ по нѣскольку поклоновъ, то надолго оставаясь неподвижными, и блуждая взоромъ по высокимъ сводамъ храма,—видимо усиливаясь разогнать дремоту, которую навѣваю на нихъ однотонное чтеніе, прерываемое изрѣдка крикливымъ пѣніемъ, также мало способнымъ возбудить духъ къ молитвѣ. Истощенный двухдневнымъ бодрствованіемъ и множествомъ поражающихъ впечатлѣній, я также, виѣстѣ съ другими, боролся со сномъ, поминутно теряя сознание и болѣзненно возвращаясь къ нему. Уже утренняя преполовлялась, малыши отрывками достигая слуха, какъ вдругъ сильное и пріятное впечатлѣніе нежданно ободрило меня. По близости меня съ правой стороны алтаря раздалось громкое и стройное пѣніе. Сперва я не могъ понять, что бы такое это было. Но скоро слад-

кое чувство отчизны, проникши всего меня, сказало мнѣ, что это наша Русь воззвала своимъ могущественнымъ и торжественнымъ голосомъ ко Господу во слѣдъ своей изнемогающей матери—Греціи. На Голгоѣѣ русскіе поклонники начали пѣть свою «всенощную». Чудно было слышать эти два православныя пѣнія одно современно съ другимъ. Слухъ естественно настраивался въ тонъ русскаго пѣнія, какъ болѣе звучнаго, и греческое казалось уже непріятнымъ диссонансомъ. Но когда смолкало первое, напѣвъ греческій принималъ естественность, и переставалъ беспокоить изможденный, и уже всему страдательно подчинявшійся, слухъ, на который ударомъ колокола падало потомъ опять русское *ex abrupto* пѣніе. Уже обѣ утрени, *греческая* и *русская* совпавши, близились къ окончанію, а время шло къ полуночи, какъ раздался подъ сводами храма сильными звуками органъ, возвѣстившій начало *латинской* утрени. Холодное, изъ высоты несшееся и повсюду расходившееся въ храмъ звучаніе латинскаго богослуженія выражало какъ нельзя болѣе характеръ сей, чуждой Востока, церкви, холодной для его интересовъ. Но вотъ органъ умолкъ. Впечатлѣніе безсердечной церкви однакоже оставалось въ душѣ, и рѣзко чувствовалось. Ты тутъ, гордый Римъ, самимъ собою замѣнившій для запада и Іерусалимъ, и Голгоѣу, и гробъ Господень! Ты далъ намъ знать о себѣ, напомнилъ о своемъ отдаленномъ существованіи, пронесшись бездушнымъ гласомъ надъ святынею подъ сводами чуждаго тебѣ храма! Зачѣмъ же ты здѣсь? Тебѣ не нуженъ Іерусалимъ Іерусалиму не пужень ты. Здѣсь мѣсто воплей и взываній молитвенныхъ, а ты являешься съ игрою трубною!

Такъ думалъ я. Но смѣнившее органъ живое пѣніе

или чтеніе на распѣвъ священника католическаго, однообразное и напряженное, болѣе жалобное, нежели торжественное, заговорило въ слухъ мой неподдѣльнымъ, истиннымъ голосомъ *церкви*, глубоко падавшимъ на душу и тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе вслушивался я въ простые древніе мотивы христіанской молитвы, истекшей нѣкогда изъ сердца, проникнутаго глубокимъ умиленіемъ. Яснѣйшимъ образомъ было видно, что это молится церковь *одной древности съ* Греческою. Ихъ родственная близость ощущалась всякій разъ какъ замолкало русское пѣніе, и слышалось одно только греческое и латинское. Ихъ сходство неотрицаемо, хотя также неотрицаемо и различіе. Теперь глубокая вражда раздѣляетъ двѣ церкви, но думается, что въ самой враждѣ ихъ можно предполагать присущее имъ сознаніе своего взаимнаго родства, сознаніе для обѣихъ сторонъ болѣзненное, раздражающее, какъ и всякій неестественный разладъ. У гроба Господня позволительно скорбѣть объ этомъ раздвоеніи церкви. Припомнимъ, какъ дружно спѣшили къ сему гробу нѣкогда *Петръ* и *Іоаннъ*. Между характерами ихъ также было рѣзкое различіе, но одушевлявшее ихъ чувство у обоихъ было одно. Имъ мало было нужды до того, что одинъ изъ нихъ притекъ скорѣе, а другой увидѣлъ скорѣе. Это случайности; ихъ занимало высокой важности дѣло — судьба своего Учителя. Отчего же члены церкви, хвалящіеся духомъ и преемствомъ приближеннѣйшихъ ко Господу учениковъ, представляютъ собою печальное зрѣлище разномыслія, невиданнаго между двумя апостолами? Ужели изсякъ въ нихъ источникъ апостольской любви ко Іисусу Христу? Повидимому нѣтъ. Вотъ они у одной и той же, равно имъ драгоцѣнной святыни, соединясь въ чувствѣ безпредѣль-

ной преданности къ одному и тому же Господу. Полезно чадамъ наслѣдницъ и ученицъ великихъ апостоловъ чаще припоминать уроки, полученные ими отъ своего учителя. Петръ, помысливъ разъ о земномъ царствѣ Иисуса Христа, услышалъ отъ него слѣдующе: *не мыслиши яже суть Божія, но человѣческая* (ж). Іоаннъ, пожелавшій истребленія городамъ, не принявшимъ евангельской проповѣди, получилъ замѣчаніе отъ Учителя: *не вѣсте коего духа есте* (з). Пусть же римскіе католики отдѣляются отъ церкви все, что пришло въ ней *человѣческаго къ божескому*. Пусть Греки умирать свою ревность ко всему *своеобразному*, такъ-сказать, *національному* своей церкви и имѣютъ болѣе снисхожденія къ немощамъ другимъ, памятуя слово Господне: *кто не противъ насъ, тотъ за насъ*. Тогда, подобно первенствующимъ апостоламъ, обѣ церкви будутъ вмѣстѣ съ болѣшимъ успѣхомъ подавать цѣльбу страждущему человѣчеству.

Къ 12-ти часамъ часовня гроба Господня освѣтилась многочисленными разноцвѣтными огнями. Изнутри ея исходилъ цѣлый потокъ свѣта, прорывавшійся по временамъ сквозь движущуюся толпу народа по всему пространству собора, въ которомъ водворилась уже глубокая тишина. Въ слитномъ шумѣ окружающаго часовню народа стало слышиться однотонное чтеніе. Это были *часы*, бѣгло чтомые по-русски. Вскорѣ раздалось и громкое русское пѣніе. Литургія длилась около часа. Къ общему утѣшенію, на тотъ разъ собралось во св. градѣ русскихъ поклонниковъ болѣе 400 человѣкъ, изъ коихъ не мало было лицъ духовнаго званія. Оттого божественная служба правилась не толь-

(ж) Мат. 16, 23. (з) Лук., 9, 55.

ко торжественно, но даже, можно сказать, великолѣпно. Чувство радости *пасхальной* возбуждала она безпрерывно, отъ начала до конца своего. Да будетъ сладкая память о ней утѣшеніемъ душъ въ минуты, когда не будетъ для нея въ мірѣ ни одной радости! *О пасха велія и священнѣйшая Христе! О Мудросте и Слове Божій и Сило! Подавай намъ истѣе тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего!*

По мѣстному обыкновенію, послѣ литургіи всѣ прикладывались къ животворящему древу въ соборѣ, въ то время, какъ изъ гроба Господняго износились уже звуки другаго голоса и другаго пѣнія, напоминашіе собою отчасти греческую, отчасти латинскую службу. То была *армянская* обѣдня. Латинской мы уже не слышали, потому что позваны были «подкрѣпить силы», въ самомъ дѣлѣ до крайности ослабѣвшія, въ примыкающихъ къ Голгоѣвъ комнатахъ патріархіи, гдѣ былъ и самъ преосвященнѣйшій намѣстникъ. За тѣмъ всѣ разошлись для покоя.

(Продолженіе будетъ).

А. А.

БЛАГОДАРНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ О МИЛОСТЯХЪ БОЖИHXЪ.

(Письмо къ духовному отцу).

Всякій христіанинъ увѣренъ, что Промыслъ Божій непрестанно печется о немъ, не оставляя его ни на минуту безъ помощи на путяхъ земной жизни. И это милостивое попеченіе Отца Небеснаго принадлежитъ не однимъ только праведникамъ. Нѣтъ! Господь Спаситель не оставляетъ своею помощію и грѣшниковъ, (между которыми первымъ считаю я себя), не оста-

вляеть когда они не исполняютъ заповѣдей Божиихъ и грѣшатъ тяжко, но съ тѣмъ вмѣстѣ чувствуютъ грѣхи свои, раскаиваются и молятся объ исправленіи, возлагая надежду на Того, Кто принялъ на себя грѣхи всего міра, искупивъ насъ пречистою своею кровію отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти.

И въ моей грѣшной жизни было нѣсколько громкихъ внушеній Промысла Божія, о которыхъ я неоднократно говорилъ съ вами. Вы совѣтовали мнѣ записать ихъ, чтобы тверже сохранить въ сердцѣ благодарную память о благодѣянїяхъ Бога — Промыслителя. Исполняя вашу отеческую волю, посылаю вамъ краткую записку и свидѣтельствуюсь Богомъ Живымъ и моею совѣстію, что здѣсь нѣтъ ни одной черты вымысла, по все описанное дѣйствительно случилось со мною, въ томъ самомъ видѣ и при тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, какъ здѣсь написано.

I. Считаю особенною милостію Божіею то обстоятельство, что я женился не въ ранней молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ, женился не по влеченію страсти, а по разсудку, по уваженію къ нравственнымъ свойствамъ невѣсты. Господь наградилъ меня семейнымъ счастьемъ, доброю и умною женой съ твердыми христіанскими убѣжденіями. Но еще прежде, нежели я могъ хорошо узнать жену мою, опытъ научилъ меня, что милость Божія всегда готова на помощь. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, моя молодая жена заболѣла: у нея каждый вечеръ, въ одни и тѣ же часы, стала появляться сильная нервная боль въ лицѣ (медики зовутъ эту болѣзнь тикомъ). Лучшіе врачи лѣчили больную, но болѣзнь не проходила. Однажды припадокъ боли продолжался долѣе обыкновеннаго, и мы оба заснули поздно. Къ утру я вижу во снѣ, будто молюсь въ соборѣ,

предъ чудотворною иконою Божіей Матери, слышу молебное пѣніе и получаю просфору. Проснувшись, я поспѣшилъ въ соборъ, попросилъ отпѣть молебенъ, помолился, сколько умѣлъ, и также, какъ во снѣ, получилъ просфору отъ священника. Наступилъ вечеръ, но боли въ лицѣ у жены моей не было, и съ того времени болѣзнь не появлялась. Вскорѣ потомъ бывшая больная ходила пѣшкомъ на богомолье въ лавру преподобнаго Сергія, попала подъ дождь, измокла, но осталась здоровою.

II. Спустя полтора года по вступленіи въ бракъ, жена моя родила дочь, которая умерла на другой день послѣ крещенія. Родильница горько плакала, воображая, что не будетъ больше имѣть дѣтей; всѣ мои убѣжденія оставались безсильными противъ беззутѣшной горести матери. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Между тѣмъ я три дня сряду видѣлъ во снѣ, что мать жены моей (весьма благочестивая и добродѣтельная старушка) благословляетъ насъ иконою, говоря: «Богъ милостивъ, будутъ у васъ дѣти, и будутъ живы и здоровы». Только на третій разъ я могъ ясно разсмортѣть во снѣ икону, довольно сложнаго начертанія. Тотчасъ же я нарисовалъ ее на бумагѣ, заказалъ написать на доскѣ иконописцу и попросилъ тещу благословить насъ этою иконою. Сонъ мой и благословіе матери утѣшили жену мою. Послѣ того дѣйствительно Богъ благословилъ насъ дѣтьми: пять мальчиковъ и дѣвочка растутъ у насъ передъ глазами. Даруй Господи, чтобъ они наслѣдовали отъ матери искреннее христіанское благочестіе, человѣколюбіе, усердіе ко храму Божію, честную благонамѣренность во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ. Тогда и только тогда почіеть на нихъ благословіе Божіе!

Вотъ описаніе иконы въ томъ самомъ видѣ, какъ

она мнѣ присилась. Въ срединѣ на холмѣ возвышается распятіе; по обѣимъ сторонамъ Распятаго Господа Іисуса Христа и подѣ крестомъ представлены въ медальйонахъ лики трехъ угодниковъ Божіихъ (имена двухъ первыхъ изъ нихъ даны нами въ послѣдствіи старшему сыну и дочери, а изображенная подѣ крестомъ св. мученица была соименна первой нашей малюткѣ). По верхнему краю иконы надпись: «Благословенъ Господь отъ Сіона и узрите благая Іерусалима»; а по нижнему краю: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!»

III. Въ 185⁺ году, на страстной недѣлѣ, Господу угодно было посѣтить меня тяжкою болѣзнію. У меня открылся сильный ревматизмъ во всѣхъ членахъ, подагра поднялась кверху, и развивалась тифозная горячка. Словомъ, я былъ весьма близокъ, но увы! вовсе не готовъ къ переходу въ другую жизнь. Въ тяжелой болѣзни, я сохранилъ память, хорошо понималъ свое положеніе, но у меня не было и мысли о покаяніи, о приготовленіи къ смерти. Только одна глубокая скорбь тяготила мою душу, скорбь о предстоящей разлукѣ съ женой и дѣтьми. Нѣсколько сутокъ я вовсе не спалъ; только подѣ утро, на понедѣльникъ свѣтлой недѣли Пасхи, измученный жестокою болью, я заснулъ на нѣсколько часовъ, и увидѣлъ во снѣ, что къ постели моей подходитъ одинъ современный намъ великій святитель Божій, и говоритъ мнѣ: Ты напрасно смущаешься: отъ этой болѣзни ты не умрешь. А тебѣ нужно подумать о грѣхамъ своихъ. Помнишь ли... Тутъ явившійся исчислилъ мнѣ многіе грѣхи мои, давно мною забытые, и даже разъяснилъ нѣкоторыя прошедшія обстоятельства моей жизни, которыя до того времени оставались для меня

неясными. Я проснулся въ сильномъ волненіи и со слезами разсказалъ знаменательный сонъ женѣ моей, которая сидѣла у моей постели, возвратясь отъ ранней литургіи. Она въ то же утро поѣхала къ архипастырю и привезла миѣ отъ него на благословеніе небольшую финифтяную икону Спасителя. Съ того самаго дня прекратилось тифозное состояніе и соединенная съ нимъ опасность; но ревматическія страданія продолжались еще два мѣсяца, въ наказаніе за грѣхи мои. Когда я получилъ возможность владѣть правою рукой, тотчасъ же написалъ къ милостивому архипастырю благодарственное письмо и удостоился получить отъ него въ отвѣтъ нѣсколько словъ назиданія.

IV. Не могу вспомнить безъ особенной живой благодарности къ Богу-Спасителю еще одного, поразительнаго для меня испытанія и избавленія. Въ 186* году жена моя, въ концѣ беременности, сильно заболѣла. Приглашенный врачъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ въ городѣ ** для женскихъ болѣзней, прописалъ ей лѣкарство, которое оказалось вреднымъ. Наступила безпрестанная, наконецъ кровавая рвота. Докторъ, какъ кажется, самъ испугался своей ошибки и бросилъ больную. Другіе врачи припались лѣчить ее, но одно обстоятельство еще усилило болѣзнь: сидѣлка, вмѣсто микстуры, дала больной внутрь столовую ложку нашатырнаго спирта, выписаннаго для наружнаго употребленія! Тогда воспаленіе желудка достигло крайней степени; врачи отчаялись въ жизни больной, тѣмъ болѣе, что у нея не доставало силъ для разрѣшенія отъ бремени, а младенецъ, какъ они догадывались, уже умеръ въ утробѣ матери. Въ этомъ страшномъ положеніи, передъ лицомъ самаго тяжкаго для меня несчастія, я почувствовалъ въ себѣ сильное

влеченіе къ молитвѣ, молился горячо о сохраненіи драгоцѣнной для меня жизни, молился такъ, какъ никогда не умѣлъ молиться, ни прежде, ни послѣ того. Миѣ пришло на мысль обратиться къ одному доброму моему другу, живущему въ Сергіевскомъ посадѣ, съ просьбой о молитвѣ предъ ракою мощей великаго чудотворца Сергія. И что же случилось? Въ тотъ самый день, почти въ тотъ самый часъ, когда въ Троицкомъ соборѣ лавры возносились молитвы о болящей, а врачи, у постели ея, совѣщались о необходимости хирургической операціи, больная очень легко и скоро разрѣшилась отъ бремени мертвымъ младенцемъ. За тѣмъ послѣдовалъ счастливый переломъ болѣзни: силы больной стали восстанавливаться быстро и она совершенно выздоровѣла.

Это послѣднее проявленіе милости Божіей, болѣе всѣхъ прочихъ, осталось неизгладимымъ въ душѣ моей. Оно убѣдило меня осязательно, что Господь-Спаситель нашъ всегда близокъ къ грѣшнику, когда обстоятельства жизни такъ тяжки, что могутъ размягнуть холодное, окаменѣлое сердце и вызвать изъ него горячую молитву.

* * *

4-го декабря
1865 года.

ПОУЧЕНІЕ ПРИ ОТПѢВАНІИ УСОПШАГО РАБА БОЖІЯ НИКОЛАЯ Г. НАЗАРОВА.

Въ наше время, когда холодный индифферентизмъ въ религіи и грубый материализмъ и нигилизмъ въ житейскомъ быту распространяются все болѣе и болѣе, отрадно, братія мои, встрѣтить христіанина, глубоко вѣрующаго въ Господа Иисуса Христа, пламен-

но любящаго Его и потому съ невозмутимымъ спокойствіемъ встрѣчающаго смерть свою, какъ переходъ къ другой—неземной и вѣчно-блаженной жизни, какъ путь къ тѣснѣйшему соединенію съ Христомъ въ славномъ царствіи Его. Смерть такого христіанина служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ новомодныхъ лжеученій, такъ быстро охватывающихъ умы незрѣлые. Пусть легкомысліе провозглашаетъ, что вся наша жизнь ограничивается землей, что кромѣ тѣла нѣтъ у человѣка ни души, ни совѣсти, ни вѣры; что затѣмъ нѣтъ ни Бога, ни безсмертія, ни будущей жизни. Легко все это провозглашать, пока человѣкъ живъ и здоровъ, пока тѣло его крѣпко и смерть не глядитъ ему въ глаза. Но вотъ настаетъ послѣдній предѣлъ жизни, вотъ продолжительная, тяжелая болѣзнь кладетъ человѣка въ постель, и не поддается ни на какія лѣкарства; вотъ смерть видимо идетъ къ человѣку. Что тутъ дѣлать?

Христіанинъ не затрудняется въ эти страшныя минуты. Душа его умягченная, очищенная, возвышенная болѣзнію и страданіями, возносится къ Тому, въ чьей десницѣ ключи ада и смерти, рая и блаженства, и въ Немъ находитъ себѣ и крѣпость, и утѣшеніе, и какое-то дивное, неземное прозрѣніе въ жизнь загробную. Христіанинъ спѣшитъ очистить себя покаяніемъ и исповѣдію, освятиться причащеніемъ св. Таинъ Христовыхъ. И чѣмъ крѣпче вѣруетъ онъ въ Господа, чѣмъ сильнѣе любитъ Его, тѣмъ чаще и искреннѣе желаетъ онъ исповѣдаться и приобщаться; онъ жаждетъ каждый день принять въ себя пречистое тѣло и животворящую кровь Христову, —этотъ никогда неоскудѣваемый источникъ безсмертія.—«Господи! вѣщаетъ онъ на исповѣди своей, стоя со страхомъ и трепетомъ предъ самимъ Госпо-

домъ, предъ Его пречистымъ тѣломъ и кровію,—Господи, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Господи! Я не достоинъ нарецися сыномъ Твоимъ; помилуй меня, какъ Ты помиловалъ блуднаго и мытаря, и разбойника. Помяни и меня недостойнаго во царствіи Твоемъ». Свидѣтель этого исповѣданія невольно чувствуетъ, что эти молитвенные вопли летятъ изъ самой глубины души кающагося, невольно убѣждается, что они искренни, какъ сама правда. По принятіи св. Таинъ перѣдко такой христіанинъ нѣсколько разъ пламенно лобзаетъ св. чашу, какъ драгоценное вмѣстилище пречистаго тѣла и крови Христовой, цѣлуетъ самую руку священника, принесшую ему эту святыню. «О, какъ мнѣ хорошо! О, какъ я люблю!...» говоритъ онъ окоченѣвающими устами своими.

При напоминаніи о томъ, что болѣзнь приближаетъ насъ ко гробу, и что за гробомъ есть для насъ другая, вѣчная жизнь, такой христіанинъ не только не смущается и не робѣетъ, а напротивъ, утѣшается и радуется. Его взоръ просіяваетъ, его лицо покрывается какимъ-то неземнымъ отблескомъ. «Знаю, батюшка, такъ перѣдко слышимъ у одра такого христіанина, знаю, и вѣрую, и уповаю, что Господь пошлетъ костямъ моимъ покой, а душѣ дастъ новую жизнь. Съ этимъ полуразрушившимся тѣломъ дѣлать нечего; оно хило и слабо, а душа жаждетъ жизни болѣе просторной, болѣе свободной, болѣе свѣтлой, нежели здѣсь на землѣ; душа рвется къ чему-то великому и прекрасному, туда, гдѣ Онъ, Господь и Владыка нашъ, гдѣ вѣчная любовь и радость. О, еслибъ сподобилъ Господь хоть немножко насладиться этою радостію».

Когда напомнишь такому христіанину, что за гро-

бомъ ждетъ насъ прежде всего — судъ и отчетъ за всѣ наши дѣла, мысли и чувствованія, — христіанинъ замѣтно вздрогнетъ, все существо его встрепенется; но это одна минута, затѣмъ опять прежняя свѣтлость на лицѣ, прежнее спокойствіе съ оттѣнкомъ только умиленія и сердечной молитвы. «Батюшка, такъ говоритъ христіанинъ, — не оправдываться и не препираться я пойду къ Господу моему и Судіи, чѣмъ могу я оправдаться, грѣшный и окаянный? Я пойду и паду предъ Нимъ со слезами. «Помилуй окаяннаго грѣшника, скажу Ему, — я Твое созданіе; я Твое имя посиль; я Твое тѣло и кровь принималъ Въ Тебѣ ищу моего оправданія; Твоими страданіями и смертію за меня укрываюсь отъ гнѣва Твоего; Тебѣ отдаюсь весь со всѣми моими дѣлами, мыслями и чувствами, — помилуй недостойнаго». А еслибъ по грѣхамъ моимъ и пришлось потерпѣть что, развѣ я этого не заслужилъ? Пусть же накажетъ Онъ, Премилосердый и Всеправедный, но пусть же и помилуетъ. Въ руку Его предаю духъ мой».

Если напомнишь такому христіанину, что у него на землѣ остаются дѣти, что ему нужно благословить ихъ; о, какимъ обильнымъ потокомъ льются изъ устъ умирающаго отца благословенія и благожеланія! «Всѣхъ ихъ благословляю на все доброе отъ всего сердца моего. Да почіетъ миръ Божій и благословеніе надъ каждымъ изъ нихъ, да будетъ матерью для нихъ Царица Небесная, отцемъ ихъ — Самъ Господь. Я буду тамъ молиться за нихъ, если только Господь не отвергнетъ моей недостойной молитвы за нихъ. О, какъ они всѣ для меня дороги!» И за тѣмъ въ духѣ мира и любви слѣдуютъ истинно-отеческія наставленія старшимъ, чтобъ они не забыли младшихъ, — болѣе обра-

зованнымъ и устроеннымъ—тѣхъ, которые еще малы и не устроены. Въ этомъ случаѣ любовь отца простирается до того, что онъ уже не приказываетъ, не повелѣваетъ, какъ бы могъ дѣлать, а просить, умоляетъ, цѣлуетъ руки дѣтей.

«Простите, простите, простите меня всѣ», такъ нерѣдко слышишь изъ устъ умирающаго, какъ свидѣтельство той истины, что онъ идетъ туда, гдѣ все миръ и любовь, гдѣ нѣтъ вражды ни къ кому и ни къ чему, кромѣ ископаго зла. И за тѣмъ взоръ неподвижно останавливается, устремленный горѣ; рука, желавшая еще разъ ознаменовать лицо крестнымъ знаменіемъ, невольно опускается, молитва замираетъ на устахъ, послѣднее дыханіе улетаетъ.

Вы невольно убѣждаетесь, что такъ могутъ умирать только ученики Того, Кто принесъ на землю ученіе о вѣчной жизни, Кто Самъ, умирая на крестѣ, съ полнымъ сознаниемъ терпѣлъ предсмертныя скорби и страданія, и въ то же время съ божественнымъ величіемъ отверзалъ рай покаявшемуся разбойнику и предавалъ духъ Свой Богу Отцу Своему,—Кто, вися на крестѣ, поручалъ Пречистую Матерь Свою возлюбленному ученику Своему, а ученика усыновлялъ Матери своей.

Братія-христіане! Многія черты въ этой свѣтлой картинѣ умирающаго христіанина мы прямо взяли съ послѣднихъ минутъ усопшаго раба Божія Николая. Онъ съ твердою вѣрой въ Господа, съ пламенною любовію къ Нему, съ непостыднымъ упованіемъ на Него вступилъ въ страну вѣчности. Да приметъ же Господь духъ его въ Свой вѣчныя обители. и да даруетъ ему вѣчное блаженство

Для полноты изображенія намъ слѣдовало бы представить кончину людей невѣрующихъ въ Бога и въ

будущую жизнь, и живущихъ только, — по духу модной философіи, -- для здѣшней жизни, для одного тѣла. Но кончина ихъ большею частію постыдна: многіе изъ нихъ погибають самоубійствомъ: одинъ отравилъ себя, другой застрѣлился, третій удавился. Невольно чувствуешь, что такъ умирають только послѣдователи того, кто, предавъ Господа и отрекшись отъ Него, *идеъ удавися* (Мѡ. 27, 5). Оставимъ же ихъ съ ихъ убѣжденіями, съ ихъ жизнію и смертію; помолимся только Господу о томъ, чтобъ Онъ Самъ Всемогущій и Премилосердый истребилъ плевельныя ученія, которыя такъ губительно дѣйствуютъ на многихъ, на многихъ.

Къ вамъ, дѣти усопшаго, мое слово. Скорбь ваша велика; вы лишились нѣжнѣйшаго отца, драгоцѣннѣйшаго друга; но въ самой кончинѣ его Господь даровалъ вамъ самое лучшее утѣшеніе. Многимъ ли приходится умереть такъ по-христіански, какъ умеръ онъ? Возверзите же на Господа печаль вашу; вознесите душу вашу туда, къ престолу Господа, гдѣ теперь предстоить духъ *его*, и молитесь Господа, чтобъ Онъ со святыми упокоилъ душу *его*, тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. Это первая ваша обязанность. И чаще возносите духомъ вашимъ къ престолу Божію; это прогонитъ отъ сердца вашего безотрадную скорбь, и поселитъ въ немъ христіанское умиленіе; это укрѣпитъ васъ, — съ вѣрою и упованіемъ нести крестъ вашъ. За тѣмъ, воспоминаая послѣдній завѣтъ его вамъ, въ мирѣ и любви ведите жизнь вашу, не оставляя другъ друга, помогая другъ другу, и благословеніе Божіе, и благословеніе *его* почіетъ на васъ во всѣ дни жизни вашей. Аминь.

Свящ. В. Владиславлевъ.

Ноябр. 23, 1865.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ИСЦѢЛЕНИЕ (а).

Нерѣдко и мнѣ приходилось встрѣчать такихъ мудрецовъ, которые силятся доказывать, что никогда не бывало и нѣтъ чудесъ, но что все въ мірѣ бывающее происходитъ по естественнымъ законамъ жизни. Въ доказательство того, что Божественная благодать всегда немощная врачующая, и оскудѣвающая восполняющая и доселѣ въ немощахъ совершается, я, какъ служитель Бога, считаю долгомъ своимъ, во славу Его—Благодателя нашего, рассказать слѣдующее истинное происшествіе, бывшее въ приходѣ моемъ, минуваго 1864 г.

У отставнаго рядоваго Д. Г., проживающаго въ селѣ нашемъ, есть дочь дѣвица А. Отъ самаго рожденія своего она была столь нездорова, что родители, не ежегодно, а ежечасно ожидали ея смерти. Между тѣмъ она жила и по немногу росла; съ возрастомъ ея росла, и болѣе и болѣе день отъ дня и годъ отъ году усиливалась и болѣзнь ея. Достигла наконецъ А. до осми лѣтъ, и въ эту пору отъ постоянной болѣзни была такъ разслаблена, что когда ее снимали съ постели (сама вставать рѣшительно не могла отъ рожденія) и ставили на ноги, которыя были у ней, какъ у однолѣтняго ребенка тонкія и сухія, она не только вся не могла приподняться, но не могла поднять вверхъ даже головы своей. Хребетъ же ея былъ ровень со скамейкой или лавкой, близъ которыхъ, по моему совѣту, ее иногда ставили, чтобъ сколько-нибудь облегчить такъ-называемые пролежни. Безпрестанно почти отецъ ея и мать ѣздили къ лѣкарямъ, но не получали ни малѣйшей пользы. Между тѣмъ въ каждыя шесть недѣль, по просьбѣ

(а) Изъ 24 №. Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостей 1863 г.

родителей, ожидавшихъ ея смерти—какъ неминуемой, я напутствовалъ ее Св. Тайнами... Наконецъ, Милосердый и Единый истинный Врачъ, Господь Иисусъ Христосъ, исцѣливый тридцатисмилѣтняго разслабленнаго, вложилъ мысль родителямъ больной принять въ домъ св. иконы. Они попросили меня съ храмовыми св. иконами придти въ домъ и отслужить съ водоосвященіемъ молебенъ Нерукотворенному Спасу, и Матери Божіей, именуемой — Всѣхъ скорбящихъ радость. Прочитавъ Св. Евангеліе на водоосвященіи, я обратился къ плачущимъ родителямъ больной съ вопросомъ: «вѣруете ли вы, что дѣйствительно въ Іерусалимѣ была и есть купель, въ которую ангелъ сходилъ и возмущалъ воду, и кто изъ больныхъ первый влазилъ въ нее по возмущеніи—дѣлался здоровъ, какою бы ни былъ одержимъ болѣзнію?»—Они отвѣчали мнѣ: «какъ же не вѣрить, батюшка, когда намъ говорить о томъ Св. Евангеліе»? Вѣруете ли, что и сія освященная вода, по благодати Божіей можетъ произвести подобное дѣйствіе надъ каждымъ изъ насъ?» Вѣруемъ, батюшка, вѣруемъ, иначе мы не просили бы васъ и воду освятить, отвѣчали они со слезами. Освятить воду, по чину, я приказалъ діакону, не давая никому, прежде всѣхъ — подать воду съ св. креста — болящей. Она помочила въ водѣ руку свою, помазала водою голову, глаза и нѣсколько испила съ блюда, какъ ей велѣли; а я между прочимъ окропилъ св. водою ее и весь домъ; и, давъ поцѣловать св. крестъ ей, родителямъ ея и бывшимъ при семъ, приказалъ поднимать иконы обратно въ церковь, и самъ отправился изъ дому. Едва успѣлъ сойти съ крылечка, какъ вдругъ бывшіе при мнѣ причетники говорятъ мнѣ: «посмотрите батюшка, —вѣдь дѣвочка-то идетъ за нами!» Обернулся я, —и дѣйствительно, она шла за на-

ми, хотя съ замѣтною осторожностію, какъ будто только учится ходить,—но ни кѣмъ не поддерживаемая. Богъ мой! Спаситель мой! Колико Ты милосердъ! Такъ, возлюбленные мои, сказалъ я окружавшимъ насъ,—такъ и должно быть, ибо Господь Иисусъ Христосъ не одному, не двоимъ, а всѣмъ и каждому изъ насъ рекъ: «по вѣрѣ вашей, буди вама!»

Черезъ двѣ недѣли я опять увидѣлъ бывшую больную. Чтò съ нею? Она бѣгала по улицѣ и играла съ своими сверстницами, какъ будто и больна не бывала никогда. Не чудо ли это? О, по истинѣ, — и въ сердцѣ своемъ никто да не дерзнетъ рещи: нѣсть Богъ! Ибо каждому такому Живыи на небесѣхъ посмѣется и Господь поругается.

Свящ. Л. Щ.

ВЪ ВОЛОСТНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

В*** приходъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Костромской губерніи, принадлежитъ къ мировому участку посредника П..., человѣка очень достойнаго и уважаемаго всѣми окрестными крестьянами, умнаго, прямаго и честнаго. Онъ большую часть своей жизни провелъ въ деревнѣ, былъ самъ хорошій хозяинъ и до тонкости зналъ крестьянскій бытъ. По этому всѣ дѣла въ его участкѣ шли очень хорошо и самъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ на крестьянъ.—Всѣ относились къ нему просто и довѣрчиво. «Славный баринъ», говорятъ обыкновенно крестьяне о своемъ посредникѣ, «со всякимъ дѣломъ всегда иди къ нему смѣло—ужь по правдѣ разсудить. Дай ему Богъ здорова!»—Кромѣ всего этого П... человѣкъ очень религіозный и преданный сынъ

церкви. Когда прислано было положеніе о церковныхъ попечительствахъ, онъ принялъ въ этоиъ дѣлѣ близкое участіе, и особенно много хлопоталъ объ улучшеніи быта духовенства. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной его бесѣды съ В... волостнымъ начальствомъ по этому дѣлу.

П... по обыкновенію пріѣхалъ въ В... волостное правленіе. Его тоже по обыкновенію — встрѣтило волостное начальство—старшина, староста и проч. Потолковавъ о текущихъ дѣлахъ по волостному правленію, посредникъ обратился къ старшинѣ: «ну, что какъ у васъ идуть дѣла церковныя, — о попечительствѣ?»

— Плохо, батюшка Александръ Ивановичъ, — плохо подвигается дѣло это. Мало усердствуетъ міръ нашъ... — не весело отвѣчалъ старшина, человекъ очень умный и уважаемый всею волостью

— Жалко. А надобно, крѣпко надобно, братцы, позаботиться о своемъ духовенствѣ. Вѣдь горькая и бѣдная его доля; кое-какъ живетъ оно, изо-дня въ день перебивается. Вѣдь порядочный крестьянинъ лучше живетъ, чѣмъ большая часть духовенства въ нашихъ мѣстахъ, замѣтилъ посредникъ.

— Да своихъ-то дѣлъ, да заботъ подошло теперь очень много, — и съ помѣщикомъ еще не раздѣлялись совсѣмъ, а тутъ эта земщина заводится, порядки новые, — такъ тяготы-то и безъ того много міру, не до духовенства: отвѣчалъ старшина.

— Да и то сказать, ваше благородіе, подхватилъ староста бойкій и разторопный мужикъ, у духовенства земля своя есть, ну и угоды всякія; и лѣсу даемъ духовнымъ своимъ, никогда не отказываемъ, такъ чего еще имъ? Кто не полѣнится, такъ можетъ безъ нужды прожить.

— Ну, а еслибы вотъ кто-нибудь сказалъ тебѣ: зачѣмъ ты получаешь жалованье отъ *міру*, у тебя по-лоса есть своя въ полѣ, обрабатывалъ бы ее, да и кормился этимъ, какъ всѣ другіе? Всѣ крестьяне вотъ сегодня въ полѣ, изъ силъ выбиваются работаютъ, а ты сидишь здѣсь;—что бы ты сказалъ на это?—возразилъ посредникъ.

— Да вѣдь я здѣсь, Александръ Ивановичъ, не безъ дѣла же сижу, и не по своей волѣ, меня сюда *міръ* посадилъ. Я ему служу, тоже работаю, за это и жалованье мнѣ даютъ—отвѣчалъ староста.

— Ну, вотъ видишь: тебѣ дали дѣло, такъ другое надобно было тебѣ оставить, двухъ дѣлъ разомъ чело-вѣкъ не можетъ дѣлать. Тебя выбрали въ начальники, тебѣ поручили держать распорядокъ въ обще-ствѣ; дѣлъ у тебя, значить, много такихъ, какихъ дру-гіе не дѣлаютъ. Работой крестьянской тебѣ заниматься уже и некогда; по этому тебѣ и назначили жалованье, чтобы ты имѣлъ, значить, все необходимое и, не без-покоясь ни о чемъ другомъ, занимался только своею должностію, честно и усердно исполняя обязанности своего служенія. Разсуди, что бы было, еслибы тебѣ пришлось и крестьянскую работу исправлять и въ правленіи здѣсь заниматься? — Хорошо бы ты исправи-вилъ оба эти дѣла?

— Гдѣ же тогда хорошо испразить? За двумя зай-цами погонишься и одного не поймашь — дѣло извѣ-стное, не нами ужъ эта пословица сказана. Ужъ что-нибудь да одно надобно дѣлать, чтобы хорошо сдѣ-лать....

— Хорошо. Какъ же ты на духовенство-то возла-гаешь два дѣла? У него есть свои опредѣленные обя-занности—ему нужно исправлять богослуженіе, требы,

учить и наставлять прихожанъ въ вѣрѣ и благочестіи, а тутъ еще надобно самому же позаботиться и о насущномъ пропитаніи для себя и для семейства, самому же исправить всѣ свои нужды домашнія и житейскія—возможное ли это дѣло?

Крестьяне молчали и внимательно слушали.

— Въ обществѣ, видите ли, объяснялъ дальше посредникъ, много разныхъ нуждъ и потребностей. Всѣ ихъ нужно исправлять,—трудъ не малый; и вотъ, чтобы успѣшно управиться съ нимъ, распредѣляютъ его между разными людьми: одному поручается то дѣло, другому другое, такъ чтобы всякій одно его и зналъ, о немъ и заботился, къ нему и могъ приложить всѣ свои силы и старанія. За всякое общественное служеніе общество же и должно вознаграждать человѣка служащаго ему. Намъ, вотъ напр., съ вами поручено управленіе обществомъ здѣшнимъ, — вести порядокъ въ своемъ мѣстѣ. Этого дѣла съ насъ и довольно, другого мы и не успѣемъ уже сдѣлать: пахать напр. землю, обрабатывать ее, чтобы кормиться этимъ трудомъ, служащему человѣку некогда. Но вѣдь мы такіе же люди, какъ и всѣ другіе, хотимъ пить, ѣсть, намъ нужна квартира, одежда, самимъ намъ за службой добыть все это некогда; за трудъ нашъ должно заплатить намъ общество, которому мы служимъ, и оно дѣйствительно всѣмъ служащимъ людямъ даетъ жалованье, на которое они и могутъ приобрести себѣ все нужное. И только подъ этимъ условіемъ общество въ правѣ требовать отъ всякаго добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. И духовенство наше тоже служить обществу,—всѣ мы имѣемъ до него нужду, значить общество же и ему обязано дать средства къ жизни...

— Да велико-ли дѣло-то у поповъ? Обѣдню отпѣть, да требу исправить какую—развѣ это большое дѣло? Недолго сдѣлать-то его, и всякъ бы это исправиль, оправдывался староста.

—Этого ты не говори. Ты, какъ видно, вовсе не понимаешь того служенія, къ которому призвано духовенство,—строго замѣтилъ ему посредникъ. Ты, вотъ свою службу считаешь тяжелой и стоящей вознагражденія, а сравните ее со службою духовенства, такъ твоя служба покажется гораздо легче его службы. Вы возьмите однѣ требы, да службу въ церкви — такъ и тутъ сколько дѣла! Наша съ вами вотъ служба опредѣленная, и время для службы тоже; приходитъ всякій, кому есть дѣло до насъ, въ положенное время; безъ поры, безъ времени, ночью напр., насъ побезпокоять,—развѣ ужъ по особенно-важному и экстренному дѣлу, а у священника всегда дѣло, его безпокоять во всякое время дня и ночи. Болѣзнь наприм. схватить человѣка вдругъ—пріобщить его нужно, за священникомъ поѣхали; младенецъ ли родился плохъ, едва живъ, нужно окрестить поскорѣе—опять священникъ нуженъ, въ полночь и за полночь къ нему — и будь всегда готовъ. Проѣздить онъ всю ночь, а на утро у него служба въ церкви. Поспѣть надобно вездѣ, готовымъ быть всегда. Когда же тутъ работать-то? А работа сельская, вы сами знаете, такого рода, что часто отрываться отъ нея нельзя, напр. хоть бы вотъ теперешній сѣнокосъ, прозѣвалъ часъ-другой, глядишь все испортилъ. Какъ же работать-то духовенству?

— Это, батюшка, Александръ Ивановичъ, правда сущая. Работы въ деревнѣ, особливо въ горячую пору, довольно, и безъ устали работаешь, такъ не успѣва-

ешь, а уж если отрываютъ отъ дѣла, такъ и подавно,—замѣтилъ кто-то изъ крестьянъ.

— А вѣдь то, что я сказалъ сейчасъ, еще только одна сторона того служенія, къ которому призвано духовенство. Его дѣло не только совершать различныя службы и требы, но и учить насъ вѣрѣ и благочестію, устроить нашу жизнь по ученію Христову, показывать намъ путь къ вѣчному блаженству,— блюсти за нашими душами. Это служеніе самое высокое и святое изъ всѣхъ человѣческихъ служеній. На другихъ лежатъ заботы о благоустроеніи только земнаго благополучія человѣка, а духовенство призвано руководствовать насъ къ вѣчному спасенію. Сколько тутъ труда и заботъ! Нужно вникнуть въ жизнь cadaго, разузнать хорошо нравственное состояніе cadaго,— cadaго научить, наставить, каждому подать добрый и благоразумный совѣтъ, нужно усмотрѣть за цѣлыми сотнями людей. Все это лежитъ на совѣсти и обязанности особенно священниковъ. Это такая бездна труда и заботы, что и представить трудно! И какой трудъ-то! Наше, напр. съ вами дѣло опредѣлено болѣе или менѣе ясно, все что и какъ сдѣлать указано закономъ, уставами. А что касается души человѣка, внутренняго, нравственнаго его состоянія — усмотрѣть все и опредѣлить ясно трудно. Не даромъ говорить, что чужая душа потемки. И за однимъ человѣкомъ усмотрѣть не легко. Вотъ вы напр. отцы семействъ, вамъ приходится смотрѣть только за своими домашними, и тутъ не легко усмотрѣть, а каково наблюсти за сотнями людей. Для этого требуется особенная внимательность; всякое развлеченіе, всякое другое постороннее занятіе и дѣло тутъ мѣшаетъ и вредитъ успѣху служенія. Видите ли, сколько у духовенства важныхъ и трудныхъ

дѣлъ и обязанностей. Чтобы исполнить ихъ честно и надлежащимъ образомъ, нужно посвятить имъ все свое вниманіе и время, всѣ свои силы...

— Если правду-то говорить, батюшка Алек. Ивановичъ, такъ какъ у духовенства нѣтъ дѣла? Мало ли дѣла; — на все нуженъ священникъ, поминутно, — то за тѣмъ, то за другимъ къ нему идутъ. Всякъ, конечно, свое дѣло хвалить да на верхъ ставить, а какъ поглядишь дѣло со стороны да хорошенько, такъ духовному-то званію куда какъ трудно управляться съ своими дѣлами, — согласился старшина.

— Какъ же послѣ этого можно требовать, чтобы духовенство само же заботилось о своемъ содержаніи, трудами рукъ своихъ снискивало себѣ хлѣбъ насущный? Голоднаго и нуждающагося человѣка вѣдь мудроно заставить усердно и исправно исполнять общественныя обязанности; — ему естественно прежде позаботиться о насущномъ хлѣбѣ, а обязанности, значить, займутъ уже у него второе мѣсто, на нихъ и времени не достаетъ. Не мудроно послѣ этого, что и духовенство наше, по большей части нуждающееся въ необходимомъ для жизни и принужденное заниматься всѣми почти сельскими работами, не исполняетъ иногда обязанностей своего служенія. Отсюда прямая обязанность общества, которому духовенство служить, дать ему все нужное для жизни, чтобы забота о насущномъ хлѣбѣ не связывала духовенству рукъ, не отвлекала его отъ настоящаго служенія и дѣла его...

Крестьяне слушали внимательно.

— Да опять же и нуждъ-то у духовенства и расходовъ больше, чѣмъ у васъ — продолжалъ посредникъ. Мало ли, напр. нужно въ духовномъ сословіи только для того, чтобы воспитать и устроить дѣтей. Смына на-

добно отдать въ училище, а нынче, вы сами знаете, содержаніе въ городѣ не дешево стоитъ. Дочь—придетъ время—надобно замужъ выдать, приданое дать... А гдѣ взять духовенству на всѣ эти пужды?...

— Да вѣдь духовенства-то, Алек. Ивановичъ, не оставляемъ и мы... И хлѣбъ вотъ оно съ насъ собираетъ, мы не отказываемъ, всегда дасмъ и за потребу за всякую платимъ деньги, чего еще больше?... можно, кажется не бѣдно жить ему,—опять возразилъ прежній староста.

— Ну, а скажи по совѣсти, по чистой правдѣ,—хорошо, по крайнѣй мѣрѣ, достаточно и безъ нужды живеть хоть напр. въ вашемъ селѣ духовенство?—обратился къ нему посредникъ.

— Какое тутъ хорошо, что говорить-то пустое,—вступился старшина,—нашъ священникъ какую пужду иногда терпитъ! У меня вотъ часто на пужду занимаетъ деньжонокъ, особливо когда сына провожаетъ въ училище. А про причетниковъ и говорить нечего: избы у нихъ хуже нашихъ деревенскихъ, да и сыновей своихъ поучили-поучили маленько, да и повыключили изъ училища. Содержать, сказывалъ мнѣ дьячекъ, достатку нѣтъ. Нужда у нихъ большая, достатки худые, надо правду говорить....

— И всякій то же скажетъ, если только захочетъ сказать правду. И не въ одномъ вашемъ селѣ такъ бѣдно живеть духовенство, не много приходоу, гдѣ духовенство обезпечено въ своихъ нуждахъ... Нужды его прямо бьютъ въ глаза... Но кромѣ того, что содержаніе, которымъ пользуется теперь духовенство, крайне недостаточно, какъ оно достается то ему? Вѣдь всякому, мало-мальски понимающему дѣло человѣку, больно и горько видѣть это. Хоть бы взять напр. до-

ходъ духовенства отъ требъ. Совершилъ священникъ требу, часто святое и великое таинство, и сей часъ же по совершеніи происходитъ расплата съ нимъ, какъ будто за какую-нибудь обыкновенную работу и послугу въ житейскомъ быту. Многіе вѣдь думаютъ, что священникъ беретъ плату за самое таинство, которое онъ совершилъ, за требу....

— Извѣстное дѣло—за требу, а то за что же иное? Еслибы не треба, такъ задаромъ не стали бы давать... замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Вотъ вы сами это подтвердили... По вашему какъ будто продается самая благодать Божія, которая общается намъ въ таинствахъ и другихъ требоисправленіяхъ церковныхъ, которая не цѣнится никакими сокровищами мірскими, и преподается всякому вѣрующему христіанину... Вы разсуждаете тутъ неправильно, -- если берутъ священники при требоисправленіи плату, такъ вовсе не за самыя требы, не за таинства, а потому, что, какъ и всѣ люди, они хотятъ ѣсть, имъ нужно содержаніе. А такъ какъ люди, для которыхъ они совершаютъ требы, которымъ служатъ, предпочитаютъ давать имъ содержаніе по копѣйкамъ, при совершеніи каждой требы, то священнику *по необходимости* приходится принимать и это даяніе, какъ ни больно при этомъ подвергаться нареканію, будто онъ торгуетъ святынею.

— Притомъ, продолжалъ посредникъ, духовенству теперешній способъ его содержанія отъ прихода весьма много препятствуетъ надлежащимъ образомъ проходить свое служеніе и исполнять свои обязанности. Не хорошо тутъ прежде всего то, что духовенство совершенно зависитъ въ приходѣ *отъ каждого крестьянина отдѣльно*. Служеніе духовенства таково, что для

него особенно вредна такая зависимость. Духовенство призвано руководить духовною жизнью народа, насаждать въ душахъ своихъ пасомыхъ вѣру и благочестіе. Для этого у него нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ слова и убѣжденія. Наше вотъ съ вами дѣло иного рода:—мы тоже обязаны наблюдать за порядкомъ, за исполненіемъ царскаго закона; но кто не послушается, не исполнить его по доброй волѣ, того можно и заставить, — да и порядокъ-то самый, который мы наблюдаемъ, чисто виѣшній, житейскій... Духовенство же призвано заботиться о внутреннемъ порядкѣ, призвано заботиться о благоустроеніи душъ нашихъ. Постороннихъ, виѣшнихъ средствъ, какими напр. мы съ вами владѣемъ, у него нѣтъ; слово, совѣтъ, убѣжденіе—вотъ его средства. Само собою понятно, что для благоуспѣшнаго дѣйствования этими средствами, — духовенство должно пользоваться уваженіемъ и вниманіемъ своихъ прихожанъ. Чтобы слово человѣка имѣло силу, чтобы ему внимали и оно не пропадало даромъ, на вѣтеръ, для этого человѣкъ необходимо долженъ пользоваться со стороны своихъ слушателей добрымъ расположеніемъ и уваженіемъ, иначе его слову не будутъ давать никакой вѣры и значенія. Вотъ хотьбы примѣрно и увась на сходѣ: заговорить не принадлежащій къ числу почтенныхъ мужикъ, его и слушать-то не хотятъ, не то что придать какой—нибудь вѣсъ его словамъ, да еще смѣются надъ нимъ, — куда ужъ, говорятъ, тебѣ-то соваться въ дѣло, куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней, — и мало ли чего наговорять, а вѣдь можетъ быть онъ и дѣло скажетъ. А какъ заговорить какой-нибудь почтенный и уважаемый крестьянинъ, такъ его всѣ слушаютъ, съ нимъ соглашаются и рѣчь его никогда не пропадаетъ даромъ...

— Это правда твоя, Александръ Ивановичъ; -- голытьбу ужь кто же станетъ слушать, на сходахъ нашихъ это такъ бываетъ: подтвердилъ одинъ изъ начальства.

— Прибавлю: чтобы челоуѣка слушали и его рѣчь имѣла дѣйствіе, онъ долженъ быть по возможности свободенъ и независимъ, чтобы могъ прямо и не стѣсняясь говорить правду людямъ, говорить искренно что у него на душѣ, а не мирволить, не принаравливаться къ нимъ, боясь оскорбить и прогнѣвить ихъ правдивымъ словомъ... Служить, такъ душой ужь не кривить, говорить пословица.

— И это правда, ужь что же за служба, когда челоуѣкъ служить и вашимъ и нашимъ. Толку отъ эдакой службы никакого не выйдетъ, да и передъ Господомъ-то грѣшно, замѣтилъ старшина.

— Теперь сообразите хорошенько, можно ли духовенству имѣть все то, о чемъ я сей часъ говорилъ вамъ, при томъ содержаніи, которымъ оно теперь пользуется?... Содержаніе духовенства теперь вполне зависитъ отъ каждаго прихожанина въ особенности: и крестьянинъ при удобномъ случаѣ часто даетъ понять священнику и вообще духовенству, что безъ мужика ему плохо жить и потому «заноситься передъ мужикомъ ему не слѣдъ», и мужикъ священника всегда притѣснить можетъ.—Ну, и духовенство, съ своей стороны, тоже хорошо понимаетъ, что его благосостояніе дѣйствительно совершенно зависитъ отъ крестьянина, что досади оно чѣмъ-нибудь крестьянину, такъ ему худо будетъ, и поэтому духовенство держитъ себя въ отношеніи въ крестьянамъ приниженно, кланяется и всячески задобриваетъ крестьянъ, и выходитъ, значить, что не крестьяне уважаютъ духовенство, а наоборотъ, больше

духовенство крестьянъ. Оно принуждено, какъ говорится, быть за панибрата со всякимъ и дружески иногда участвовать въ крестьянскихъ не трезвыхъ пирушкахъ по праздникамъ и проч. и проч. Какое же можетъ быть тутъ доброе нравственное вліяніе духовенства на своихъ прихожанъ? Какое они будутъ имѣть къ нему почтеніе и уваженіе? Какъ будетъ священникъ учить тогда прихожанъ, и кто будетъ его слушать? Согласіе и близость духовенства съ прихожанами, конечно, дѣло хорошее, кто противъ этого говорить?—но они должны быть не вынужденныя, не такія, когда обѣ стороны чувствуютъ себя вполнѣ зависимыми одна отъ другой и потому волей—неволей идутъ на всякую сдѣлку, — согласіе и любовь должны быть свободныя, ни кѣмъ и ничѣмъ ни вынужденныя... Потомъ, сколько еще духовенство теряетъ и терпитъ отъ самаго способа, которымъ оно получаетъ свое содержаніе отъ прихожанъ! Получаетъ оно его по копѣйкамъ, по кускамъ... Подходить время собирать хлѣбъ — и потащатся духовные подеревнямъ, ходятъ во всякій домъ, просятъ, иногда кланяются всякому крестьянину, — словно нищіе... И такимъ унижительнымъ образомъ добываютъ себѣ содержаніе *принужденны* люди, которые призваны учить другихъ вѣрѣ и благочестію, руководить ихъ духовною жизнью, которые для этого необходимо должны пользоваться уваженіемъ и вліяніемъ на своихъ пасомыхъ!.. Ну, разсудите сами, возможно ли тутъ должное уваженіе къ духовенству со стороны прихожанъ? Возьмите хоть съ себя примѣръ: какъ бы къ вамъ стали относиться крестьяне, еслибы вы такимъ же образомъ получали отъ нихъ свое содержаніе, — стали бы васъ уважать тогда, могли бы вы успѣшно проходить свою должность?....

— Какое же тутъ уваженіе къ человѣку будетъ? Будешь у людей побираться, у нихъ себѣ хлѣба просить, да ихъ же и учить станешь, ими же и править,—кто же тогда послушаетъ тебя? Ужь тогда лучше бросить все дѣло: отвѣтилъ староста.

— Такое тяжелое положеніе духовенства, такая крайняя зависимость его отъ прихожанъ, продолжалъ посредникъ, *заставляетъ* духовенство дѣлать многія опущенія и по своей должности и обязанностямъ. Видитъ священникъ безпорядки въ приходѣ, вѣдь мало ли въ нашей жизни бываетъ различныхъ вопіющихъ безпорядковъ и нравственныхъ безобразій? — Священникъ обязанъ позаботиться объ ихъ исправленіи,—опущеніе этой обязанности лежитъ тяжелымъ бременемъ на его совѣсти. А какъ онъ будетъ, не говорю, уже обличать строго, а просто вразумлять людей, отъ которыхъ зависитъ все его благополучіе? Вѣдь дѣло извѣстное—человѣкъ не любитъ, когда ему указываютъ на его слабости и недостатки, самолюбіе его этимъ сильно оскорбляется; не мудрено, что онъ часто точно также относится къ вразумленію и обличенію и своего пастыря. И вотъ боязнь прогнѣвить, раздражить своихъ кормителей—прихожанъ часто заставляетъ священника снисходить многимъ слабостямъ своихъ прихожанъ; онъ *принужденъ* смотрѣть, какъ говорится, сквозь пальцы на многое недоброе въ ихъ жизни, терпѣть многіе дурные обычаи и дѣла;—это ужъ нечистая сдѣлка, *вынужденная* со стороны священника его тяжелымъ положеніемъ.

— А если духовнымъ дать содержаніе хорошее, и будутъ они жить въ достаткѣ, такъ къ нимъ и подступу пожалуй не будетъ. Придешь къ нимъ за какимъ-нибудь дѣломъ, такъ они и смотрѣть-то на тебя

не захотятъ. Тогда ужъ намъ придется ухаживать за ними, да клянутся ниже:—возразилъ опять староста, болѣе другихъ противорѣчившій посреднику.

— Видите ли, какъ вы привыкли думать, что чело-вѣкъ можетъ уважать другаго, дѣлать ему добро только непремѣнно по необходимости, по принужденію, по зависимости отъ него; вы даже не можете допустить, что люди могутъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ между собою, оказывать взаимныя услуги, заботиться о благополучіи другъ друга безъ принужденія, по доброй волѣ и расположенію,—могутъ, да еще гораздо больше лучше. Вы вотъ не довѣряете въ этомъ случаѣ даже духовенству, между тѣмъ отъ духовенства особенно можно ждать, что оно не заважничаетъ, не зазнается передъ крестьянами. Отъ духовенства самое служеніе его требуетъ, чтобы оно было кратко, обходительно со всякимъ. Духовенство постоянно въ приходѣ, постоянно въ близкомъ обращеніи съ своими прихожанами. Его прямая обязанность — ближе войти въ положеніе своего прихода, ближе познакомиться съ бытомъ прихожанъ, ближе войти въ нужды и потребности ихъ, а это все необходимо заставить его ближе сойтись съ прихожанами. Когда же духовенство будетъ достаточно обеспечено въ своихъ нуждахъ житейскихъ, то оно должно будетъ еще больше заняться своими обязанностями, и можно надѣяться, что духовенство честно исполнитъ ихъ. Съ другой стороны, обезпеченіе духовенству вѣдь дадите вы же, поэтому простое даже чувство благодарности заставитъ духовенство отплатить вамъ за это полнымъ вниманіемъ къ вамъ, усердною заботливостью о вашихъ нуждахъ, полною готовностью и усердіемъ со своей стороны сдѣлать для васъ все, что только духовенство въ со-

стояніи сдѣлать, тѣмъ болѣе, что это составляетъ прямую его обязанность. Наконецъ и обезпеченіе-то духовенства, которое вы дадите ему, вовсе не будетъ такъ велико, что за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ и потребностей, могутъ явиться у духовенства роскошь, да разныя прихоти, среди которыхъ оно можетъ забыть свои обязанности, свой долгъ...

— Да, слѣдуетъ, очень слѣдуетъ подумать о томъ, какъ помочь духовенству въ его нуждахъ, — продолжалъ посредникъ. Правительство вотъ обратило на это вниманіе и заботится объ улучшеніи быта духовенства, но у него и безъ того множество другихъ хлопотъ и заботъ, вполне обезпечить духовенство оно не можетъ, по этому оно призываетъ къ этому дѣлу самихъ прихожанъ, и прихожане должны позаботиться объ немъ, — это прямая ихъ обязанность...

— Все это пожалуй такъ, о духовныхъ надо позаботиться, отвѣтилъ старшина. Только вотъ своихъ-то нуждъ да дѣлъ разныхъ у мужичковъ скопилось очень много, о чужихъ-то нуждахъ заботиться и некогда.

— Это правда... Но вѣдь отъ васъ и не требуютъ вдругъ улучшить бытъ духовенства, — васъ не обязываютъ къ этому; — призывается ваше добровольное и посильное участіе въ этомъ дѣлѣ. Поэтому начните это дѣло понемногу, исподоволь, — сколько можете сдѣлать по своимъ силамъ, не отягощая себя... На первый разъ хоть позаботьтесь о томъ, чтобы измѣнить теперешній сборъ духовенства хлѣба по приходу, — сдѣлайте такъ, чтобы духовенство не было принуждено обращаться къ каждому крестьянину особо, просить у каждаго, а заиѣните его опредѣленною какой-нибудь выдачей — какъ лучше надумаете миромъ. А тамъ, современемъ, помаленку и еще что-нибудь сдѣлаете... Великое дѣло уже положить доброе начало.

— Ну, а земля-то духовныхъ, Александръ Ивановичъ, куда пойдетъ, когда мы дадимъ имъ содержаніе? Обрабатывать ее будетъ некогда духовенству, — значитъ она впускъ будетъ стоять у нихъ тогда?

— Да во многихъ мѣстахъ духовные готовы сдать ее въ аренду за-дешево, за пустяки. Вѣдь и теперь она не Богъ знаетъ сколько приноситъ духовенству пользы, — обработка ея не дешево приходится. Хоть бы *помочи* (а), которыми духовенство по большей части обрабатываетъ свою землю, по крайней мѣрѣ въ нашихъ мѣстахъ — развѣ дешево обходятся ему? А вамъ-то земля, когда вы ее сами станете обрабатывать, принесетъ много пользы.

— Вотъ подумайте-ка, заключилъ посредникъ, о томъ что я говорилъ вамъ, сами и міру своему поговорите, да растолкуйте дѣло повнятиѣй...

Покончивъ рѣчь, посредникъ собрался ѣхать. Волостное начальство почтительно проводило почтеннаго посредника до его тарантаса (б).

Н—овз.

(а) *Помочь*—*помощь*. Такъ называется помощь духовенству со стороны крестьянъ въ сельскихъ работахъ. Пригласить крестьянъ помочь въ работѣ называется—*позвать на помощь*. По окончаніи работы обычай требуетъ помогавшихъ крестьянъ непременно угостить изобильно виномъ, пивомъ и хорошо накормить. Это угощеніе стоитъ всегда не дешево, и часто даже больше сдѣланной работы.

(б) После я слышалъ, что крестьяне этого прихода, благодаря посредника, дѣйствительно приняли участіе въ улучшеніи быта своего духовенства и на первый разъ положили — замѣнить сборъ хлѣба духовенствомъ по приходу опредѣленной выдачей его изъ общественнаго магазина и выдавать ежегодно, по возможности, пособіе духовенству изъ мірскихъ суммъ.

**ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЙ СОВѢТЪ О ПРИХОДСКИХЪ БѢДНЫХЪ, ПРИ
МОСКОВСКОЙ ВОСКРЕСЕНСКОЙ, ВЪ МОНЕТЧИКАХЪ,
ЦЕРКВИ.**

1864 года 29 ноября, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря нашего Митрополита Филарета, открыто въ нашемъ Воскресенскомъ въ Монетчикахъ приходѣ попечительное учрежденіе о бѣдныхъ. Благословеніе Архипастыря выражено въ слѣдующей резолюціи на нашемъ прошеніи: «Богъ благословить дѣло челоуѣколюбія, и предприемлющихъ оное, и имѣющихъ участвовать въ ономъ».

Въ руководство сему учрежденію положены слѣдующія правила: 1) Для единодушнаго попеченія о приходскихъ бѣдныхъ къ священнику и старостѣ церковному присоединяются лица изъ прихожанъ, какъ для собранія свѣдѣній объ истинно-бѣдныхъ, такъ и для указанія лучшихъ средствъ для вспомошествованія имъ. 2) Члены Совѣта не связываются никакимъ обязательствомъ, вступаютъ въ число членовъ попечительнаго Совѣта и выходятъ изъ него, по свободному желанію, давая только знать о томъ членамъ Совѣта. 3) Изъ числа бѣдныхъ найденныхъ въ приходѣ, по общему соглашенію всѣхъ членовъ, избираются наиболѣе заслуживающіе пособія, въ количествѣ, сообразномъ съ средствами Совѣта и вносятся въ особую книгу для бѣдныхъ; въ этой книгѣ расписываются бѣдные въ полученіи пособій, или члены Совѣта въ доставленіи оныхъ, кому слѣдуетъ по назначенію. 4) Для приобрѣтенія средствъ на вспомошествованіе бѣднымъ, открывается въ приходѣ подписка, въ которой члены причта и прихожане объясняютъ, сколько въ теченіи

года они желаютъ пожертвовать на приходскихъ бѣдныхъ. 5) Предполагается поставить въ церкви кружку съ надписью: *для приходскихъ бѣдныхъ*. Кружка эта запечатывается церковною печатью; ключъ отъ нея хранится у старосты церковнаго. Деньги изъ нея высыпаются разъ въ мѣсяць, въ присутствіи священника, старосты церковнаго и членовъ Совѣта. 6) Деньги, получаемыя по подпискѣ и высыпаемыя изъ кружки, записываются въ шнуровую книгу съ церковною печатью и подписью членовъ Совѣта и хранятся у церковнаго старосты. 7) Къ концу каждаго года составляется отчетъ въ дѣйствіяхъ попечительнаго Совѣта и дѣлается извѣстнымъ всѣмъ прихожанамъ въ спискахъ или печатныхъ экземплярахъ.

Со времени открытія приходскаго Совѣта по ноябрь прошлаго 1865 г., въ пользу бѣдныхъ прихода собрано:

Въ декабрѣ 184 р. 86 коп., въ январѣ 96—57, въ февралѣ 42—59, въ мартѣ 34—82, въ апрѣлѣ 42—38, въ маѣ 91—87, въ іюнѣ 62—25, въ іюлѣ 29—78, въ августѣ 32, въ сентябрѣ 36—63, въ октябрѣ 28—70, въ ноябрѣ 28 руб. Итого 710 руб. 45 коп.

Роздано бѣднымъ: въ декаб. 34 р. 50 к., въ январѣ 41, въ февралѣ 46, въ мартѣ 66, въ апрѣлѣ 51—50, въ маѣ 52, въ іюнѣ 56, въ іюлѣ 52—50, въ августѣ 52—50, въ сентябрѣ 57—50, въ октябрѣ 53—50, въ ноябрѣ 53—50. Итого 616—50. Осталось къ 1-му декабрю 93 р. 95 коп. Единовременныхъ денежныхъ пособій выдано было шесть: 1) Дѣвицѣ сиротѣ, дочери подполковника, по случаю болѣзни, брата, доставляющаго ей средства къ содержанію, — претерпѣвавшей крайнюю нужду въ пропитаніи, до выздоровленія брата положено Совѣтомъ выдавать по

три рубля каждомѣсячно. 2) Московскому мѣщанину мастеровому, многосемейному, выдано въ пособіе два рубля; между тѣмъ, ходатайствомъ одного изъ членовъ, старшая дочь его отдана для обученія мастерству. 3, Двумъ дѣвицамъ - мѣщанкамъ, вышедшимъ только изъ больницы и неимѣвшимъ совершенно никакихъ средствъ къ пропитанію себя, выдано, до пріисканія мѣста, въ пособіе одной рубль пятьдесятъ коп., другой рубль. 4) Мѣщанину, получающему отъ приходскаго Совѣта денежное пособіе и квартиру, выдано на погребеніе отца, жившаго съ нимъ. пять рублей. 5) Вдовѣ умершаго мѣщанина, получавшаго небольшое жалованье въ должности прикащика, оставшейся по смерти мужа безъ всякой собственности и обезпеченія съ малолѣтнимъ сыномъ, матерью и сестрою дѣвицею, по просьбѣ ея выдано на погребеніе мужа пять рублей; сверхъ сего положено Совѣтомъ выдавать осиротѣвшему семейству мѣсячное пособіе.

Ежемѣсячное пособіе получаемо было 58 лицами; въ числѣ ихъ состоитъ девять вдовъ съ малолѣтними дѣтьми, два семейства больныхъ и престарѣлыхъ, три ремесленника, которые работою своею не въ силахъ содержать достаточно своихъ семействъ и нанимать квартиры, — десять — одинокихъ. Ежемѣсячное пособіе было не выше четырехъ рублей и не ниже одного рубля.

Кромѣ того, было выдаваемо по десяти рублей каждомѣсячно въ пособіе бѣднымъ семействамъ, пользующимся квартирою въ пріютѣ «Благотворительнаго Общества», состоящемъ въ нашемъ приходѣ.

Всѣ почти бѣдные нуждались въ квартирахъ. Для сей цѣли, усердіемъ благотворителей, съ дозволенія духовнаго начальства, купленъ и устроенъ пономарскій домъ, въ которомъ, за помѣщеніемъ мѣстнаго

пономаря, безмездно живутъ шесть бѣдныхъ семействъ нашего прихода.

Воскресенской, что въ Монетчикахъ, Церкви священникъ *Петръ Ѳедоровъ Ставровскій*.

ВОЗЗВАНІЕ ТРИПОЛЬСКАГО МИТРОПОЛИТА СОФРОНІЯ СЪ ЕГО ПАСТВОЮ КЪ СЫНАМЪ ЕДИНОВѢРНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССІИ.

По соизволенію Его Величества Государя Императора и благословенію святѣйшаго Синода, мы получили давно желанное разрѣшеніе послать въ Россію одного изъ сослужителей нашей вѣры, для сбора добротныхъ пожертвованій. Съ этою цѣлію и съ общаго согласія мы отправили изъ отоіерея нашего кафедральнаго собора, Іакона Сури

Не своскорыстные разсчеты, а только настоятельныя нужды нашего города могли вызвать насъ на подобную рѣшимость. Во время пронесшейся надъ Востокомъ кровавой грозы Турокъ и Друзовъ мы пожертвовали всѣмъ нашимъ имуществомъ, чтобы этимъ средствомъ, какъ выкупомъ, спасти себѣ жизнь и сохранить подвергавшіяся разоренію, но не навшія убѣжища въ нашемъ городѣ; почему остаемся совершенно безъ средствъ и не можемъ продолжать постройки заложеннаго у насъ храма.

Безутѣшно скорбя о такомъ жалкомъ состояніи нашего города по отношенію къ главному въ жизни—къ вѣрѣ, мы прибѣгаемъ къ испытанному великодушію и помощи Русскихъ, братьямъ намъ по вѣрѣ, какъ послѣдней нашей надеждѣ, и скудныя лепты подаваній послужатъ къ духовному обогащенію страны и города. Имена жертвователей вмѣстѣ съ нашими сердечными молитвами будутъ написаны на стѣнахъ храма, на устройство котораго мы обратимъ собранныя подаванія. Громче и внятнѣе, чѣмъ похвалы устъ нашихъ, они будутъ говорить какъ нашему отдаленному потомству, такъ и всѣмъ прочимъ о безвѣрной щедрости и состраданіи русскаго народа къ чужимъ по плоти и крѣви, но роднымъ по духу и существу вѣры жителямъ Триполя.

Протоіерей трипольскаго кафедральнаго собора Іаковъ Сури, пріѣхавшій для сбора, жительство имѣетъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ, въ Москвѣ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1) ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

«Чтенія въ Моск. Обществѣ любителей духов. просвѣщенія» (выпускъ второй) въ книжныхъ магазинахъ Оерапонтова, Соловьева, Русской Грамоты и въ Епархіальной Библіотекѣ, что въ Петровск. монастырѣ, въ Москвѣ. Цѣна 75 к., съ пересылкой 90 к. Тамъ же можно получать первый выпускъ 1863 г. по 50 к., съ пересылкой же по 70.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

1) Отвѣты на нѣсколько возраженій противъ Православной Церкви. II. Нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знаменія. III. Преп. Діонисій, архимандритъ Троицк.-Сергіева монастыря. свящ. С. Посяглова. IV. Способъ находить въ данномъ году день св. Христовой Пасхи у христіанъ, какъ православныхъ, такъ и западныхъ церквей. Прот. П. С. Делицына. V Объ изданіяхъ для народа. Свящ. В. Рождественскаго. Приложение: VI. Житіе преп. Іосифа, игум. Волоколамскаго, составленное Саввою, епископомъ Крутицкимъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями К. Невоструева. VII. Житіе Преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстнымъ, съ приложеніемъ и примѣчаніями (Его же). VIII. Надгробное слово Преп. Іосифу игум. Волок—му, ученика и сродника его, инока Досифея Топоркова. Съ предисловіемъ и примѣчаніями его же.

2) РУССКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1866 ГОДЪ.

Продается: въ *С.-Петербургѣ*, въ книжной лавкѣ г. *Овсянникова*, въ Гостинномъ дворѣ, по Невскому Проспекту, № 17; въ *Москвѣ* въ книжномъ складѣ «Русская Грамота», въ Газетномъ переулкѣ и въ другихъ столичныхъ книжныхъ лавкахъ.

«Русскій Православный Календарь» назначается преимущественно, хотя не исключительно, для *простыхъ грамотныхъ людей* и составленъ главнымъ образомъ въ видахъ содѣйствія здравому религіозному образованію народа: поэтому можетъ быть выписываемъ въ особенности для церковныхъ и при-

ходскихъ библиотекъ, для народныхъ школъ, для грамотныхъ крестьянъ и т. п. *Содержаніе* его, вообще не теряющее значенія и по истеченіи ближайшаго года, слѣдующее:

Послѣ статьи вступительной: 1) *свѣдѣнія собственно календарныя съ изъясненіями*: о раздѣленіи времени и разныхъ словахъ, употребляемыхъ въ церковномъ счисленіи; *святцы* на всѣ мѣсяцы года (съ показаніемъ воскресныхъ евангельскихъ чтеній въ 1866 году, также рожденія и ущерба луны въ каждомъ мѣсяцѣ, долготы дня и ночи въ началѣ и срединѣ его и проч.); о разныхъ родахъ праздниковъ, о томъ, какъ надо проводить ихъ, и о ликахъ святыхъ; дни табельные и царскіе; о церковныхъ временахъ преходящихъ (кромѣ указанія ихъ на 1866 г.; разные замѣчанія о св. постахъ, о св. недѣлѣ и проч.); краткія сказанія о нѣкоторыхъ св. угодникахъ, о преп. Евдокіи, 40 мученикахъ, — преп. Сергіѣ, святителѣ Тихонѣ и др.; лѣта важнѣйшихъ событій церковныхъ Ветхаго и Новаго Заветъа и гражданскихъ—въ Россіи; и пр. Во 2) *разныя свѣдѣнія и сошты*, относящіяся особенно къ св. вѣрѣ и благочестію (число этихъ статей въ книжкѣ на 1866 г. нѣсколько сокращено по обширности въ ней 1-го отдѣла): о томъ, въ какихъ степеняхъ родства бракъ запрещается; когда по закону должно хоронить умершихъ; о дѣлахъ милосердія; и нѣкот. другія.—

Цѣна «Русскому Православному Календарю» на 1866 г., напечатанному въ С. Петербургѣ въ 8-ю долю листа и заключающему до 150 страницъ, назначается, въ видахъ наибольшей доступности его по цѣнѣ для всякаго желающаго, *возможно невысокая*; каждый экземпляръ стоить въ С. Петербургѣ и Москвѣ *пятнадцать коп. серебр.* Вѣсовыхъ по разстоянію за 1 фунтъ.

3) ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ, издаваемое при с.-петербургской дух. академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1866 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣд. отдѣлы:

Отдѣлъ I. Переводъ св. книгъ Ветхаго Заветъа съ еврейскаго языка, именно—въ 1866 году будетъ изданъ переводъ третьей книги Царствъ и слѣдующихъ за нею—съ особымъ счетомъ листовъ и страницъ. Отдѣлъ II. Творенія св. Отцовъ и учителей древней Вселенской Церкви. Въ этомъ отдѣлѣ въ наступа-

ющемъ году редакція помѣститъ переводъ писемъ св. Іоанна Златоустаго, не переведенныхъ на русскій языкъ до настоящаго времени. Особый счетъ листовъ дать подписчикамъ возможность имѣть, кромѣ журнала, отдѣльный томъ твореній св. Отца. *Отдѣль III. Духовно-ученыя изслѣдованія; догматическія, церковно-историческія, каноническія, полемическія, религиозно-философскія и др. Отдѣль IV. Статьи, относящіяся къ нравственной христіанскоіи жизни,*—какъ-то: размышленія, повѣствованія, имѣющія поучительный характеръ, и проповѣди. *Отдѣль V. Обзорніе современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.*

«Христіанское Чтеніе» будетъ выходить книжками отъ 10—12 листовъ въ каждый мѣсяцъ. Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки на домъ 6 руб. сер., а съ доставкою и пересылкою во вся юрода 7 руб. серебромъ.* Желающіе получить «Христіанское Чтеніе» въ концѣ года, въ корешковомъ переплетѣ, благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. серебромъ. Въ видахъ облегченія подписчиковъ, редакція съ будущаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разерочку уплаты по полугодно за ручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

Подписка на «Христіанское Чтеніе» принимается въ редакціи журнала при с.-петербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также—въ правленіяхъ иногородныхъ д. семинарій, въ газетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сѣрякова.

4) Изданіе ПОЛТАВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ будетъ продолжаться и въ будущемъ 1866 году по прежней, утвержденной святѣйшимъ Синодомъ программѣ.

«Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости» будутъ выходить по прежнему 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, отдѣльными выпусками, въ объемъ отъ 3 до 4-хъ и болѣе печатныхъ листовъ. Во избѣжаніе утраты вкладныхъ листовъ, *вся экземпляры будутъ брошированые.* «Цѣна» годовому изданію остается прежняя: съ пересылкою и доставкою 5 рублей серебромъ. Подписка принимается въ *Полтавѣ*, «въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей». Редакт.: *Прот. Д. Юзефовичъ, Прот. Н. Дмитрашко.*

5) ПОДОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ будутъ издаваться и въ слѣдующемъ 1866 году, по той же программѣ, по которой онѣ издавались въ прежніе годы, и будутъ выходить такъ же, какъ и прежде, два раза въ мѣсяць. Редакція вѣдомостей и въ 1866 году имѣеть быть при Подольской духовной семинаріи. Цѣна «Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей» на будущій 1865 годъ, назначается прежняя, т. е 4 рубля съ пересылкою безъ пересылки же 3 р. 50 к.

Редакторъ Ректоръ семинаріи Архим. *Өеотостъ*

ДУХОВНАЯ БЕСѢДА, вступая въ девятый годъ своего существованія, остается неизмѣнно вѣрною своей программѣ и направленію. Она по прежнему будетъ состоять изъ двухъ главныхъ частей, отличающихся одна отъ другой и содержаніемъ, и счетомъ страницъ, и самымъ шрифтомъ. Первая часть, подъ названіемъ собственно «Духовной Бесѣды», заключаетъ въ себѣ вообще статьи назидательнаго и духовно-научнаго содержанія. Во второй, имѣющей особое заглавіе: «Церковная Лѣтопись», по прежнему будетъ «пять» отдѣловъ, означаемыхъ въ журналѣ для краткости цифрами. Въ 1-мъ содержатся Высочайшіе манифесты и повелѣнія, грамоты восточнымъ патріарховъ, указы и распоряженія св. Синода. Во II-мъ важнѣйшія извѣстія и постановленія по новгородско-с-петерской митрополіи, имѣющія общее значеніе. Въ III-мъ свѣдѣнія о инославныхъ церквахъ и исповѣданіяхъ, заграничная корреспонденція. Въ IV-мъ извѣстія о новыхъ, особенно важныхъ, духовныхъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ. Въ V-мъ смѣсь, замѣтки, выдержки, объявленія

Цѣна «Духовной Бесѣды» вмѣстѣ съ «Церковною Лѣтописью» остается прежняя: 3 рубля 50 копѣекъ безъ пересылки и 4 р. съ доставкою или съ пересылкою. По той же цѣнѣ можно получать изъ редакціи полные и сшитые въ три большіе тома экземпляры «Духовной Бесѣды» за 1862, 1863, 1864 и 1865 годы, равно какъ и объявленныя у насъ прежде книги.

Редакторъ Протоіерей Іоаннъ *Яхонтовъ*.

7) КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ будутъ издаваться и въ наступающемъ 1866 году съ 1-го января, по той же программѣ, утвержденной святѣйшимъ Суводомъ. Онѣ будутъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: *официальнаго* и *духовно-литературнаго*.

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» будутъ выходить, по примѣру прежнихъ годовъ, два раза въ мѣсяць, 1-го и 16-го числа, выпусками отъ 1½ до 3-хъ листовъ. Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки три рубля серебромъ. Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи, 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева, на Старомъ—Кіевѣ, и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова—на Крещатику. Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ редакцію «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ Кіевѣ, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакторы: протодіаконъ Петръ Лебединцевъ и священникъ Алексій Колосовъ.

8) Съ 1-го Января 1866 г. при Воронежской Духовной Семинаріи будутъ издаваться **ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ** по прилагаемой при семъ программѣ, утвержденной святѣйшимъ Синодомъ.

«Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости» будутъ состоять изъ двухъ частей: собственно изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и прибавлений.

«Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости» будутъ выходить дважды въ мѣсяць, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, выпусками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ, а въ случаѣ надобности и болѣе.

Цѣна годовому изданію пять руб. сер. съ пересылкою и доставкою.

Редакторы: Архимандритъ Θεодосій, Игуменъ Арсеній, Священники: Θεодоръ Никоновъ и Михайлъ Некрасовъ.

9) **ВЯТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ** выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна годовому изданію, въ редакціи—4 р., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста,—5 рубл. Подписка принимается въ редакціи сихъ Вѣдомостей, при вятской духовной консисторіи.

Редакторъ, ректоръ семинаріи, Архимандритъ Павелъ.

10) **ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ** выходятъ 1-го и 15 числа каждаго мѣсяца, книжками въ 8-ю д. изъ 4-хъ и болѣе листовъ.

Цѣна годовому изданію «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдо-

мостей съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ другія мѣста пять р.

Иногородные же благоволятъ относиться *исключительно* въ Редакцію «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» обозначая четко и обстоятельно на адресахъ: губернію, уѣздъ и мѣсто своего жительства.

11) 70 коп. сер. въ мѣсяцъ съ пересылкой и доставкой «МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА» Политическая и учено-литературная на 1866 годъ, издаваемая *Н. П. Бочаровымъ*, выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Кромѣ общихъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ нашихъ русскихъ политическихъ газетахъ, въ каждомъ номерѣ «Московской Газеты» будутъ помѣщаемы статьи и извѣстія, относящіяся до городского хозяйства, земскаго дѣла, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Въ отдѣлѣ научномъ будутъ помѣщаемы научныя новости и спеціальныя статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ знаній. Въ отдѣлѣ литературномъ: повѣсти рассказы и стихотворенія—обзоры русской и иностранной журналистики, критика и библіографія—литературныя новости. Въ фельетонѣ: театральныя обзорѣнія, новости и замѣтки. Общественная жизнь за границей и въ Россіи.—Московская хроника. Въ справочномъ указателѣ: справочныя и рыночныя цѣны, таксы, вексельный курсъ, свѣдѣнія о всѣхъ вновь выходящихъ книгахъ и другія тому подобныя справочныя свѣдѣнія.

Подписная цѣна: Безъ доставки на домъ. Съ доставкой и пересылкой.

въ мѣсяцъ . — .	—	70 к. с.
на треть года 2 р.	2 р.	50 к. с.
на полгода . 3 р.	4 р.	
на годъ . . 6 р.	7 р.	50 к. с.

Пріемъ объявленій всякаго рода по 3 коп. сер. со строки обыкновеннаго шрифта.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ главной конторѣ «Московской газеты», У Арбатскихъ воротъ, въ Хлѣбномъ переулкѣ д. Забѣлина; въ книжныхъ магазинахъ: Соловьѣва (бывшаго) и друг.; въ С.-Ибургѣ у Кожанчикова. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія прямо въ главную контору редакціи «Московской Газеты», по вышеозначенному адресу.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ (*).

(Изъ записокъ поклонника.)

Воскресеніе, 22 сентября 1857 г.

Короткій, но глубокій сонъ освѣжилъ тѣло и душу. Странныя ощущенія вчерашняго дня уже не повторялись. Представленія болѣе не двоились. Безъ усилія сочетавались въ головѣ разные образы Іерусалима, вставляемые теперь уже, какъ отдѣльныя эпохи, въ общую историческую картину его, подобно тому, какъ это бываетъ при обзорѣ всякой другой древности міра, просуществовавшей много вѣковъ и пережившей множество поколѣній человѣческихъ, оставившихъ на ней печать своего мимолетнаго бытія. Однимъ словомъ, передо мною былъ уже одинъ «археологическій» *Іерусалимъ*, какъ въ свое время были таковыми *Царыградъ*, *Аѳины*, *Римъ* и другіе города, — памятники древности. Вчерашній день какъ бы вовсе уже не существовалъ для меня, но крайней мѣрѣ относимъ былъ мною къ другой какой-то отдаленной эпохѣ жизни. Такъ я сознавалъ сегодня состояніе свое, сидя въ четырехъ стѣнахъ отведенной мнѣ комнаты, и держа передъ собою карту Іерусалима. Я готовился дѣлать обзоръніе св. града.

(*) Продолженіе. См. январскую книжку.

Около 10 часовъ утра все общество наше формально представлялось патриаршему намѣстнику. Почтеннѣйшій іерархъ старался при этомъ говорить по-русски. На вопросъ же одного изъ насъ, какъ онъ научился русскому языку, не выходя никуда изъ Іерусалима, — старецъ отвѣтилъ, улыбаясь: «воровски, крадь то у одного, то у другаго поклонника по слову, и вотъ нѣсколько научился». Простота обращенія его изумила и тронула общество наше, закованное службою и привычкою въ строгія формы самаго неумолимаго приличія. Многіе не хотѣли вѣрить, что это архіерей, и еще митрополить. При этомъ, разумѣется, не обошлось безъ различныхъ взглядовъ на высшее достоинство церковное. Однимъ хотѣлось, чтобъ и русскіе святители въ простотѣ обращенія походили на греческихъ; другимъ казалось, что Грекамъ еще должно учиться у насъ и приличію, и вкусу, и такту жизни. Для меня не было новиною видѣть святителя греческаго. Оттого я былъ въ выгодномъ положеніи безстрастнаго наблюдателя чужихъ мнѣній. Читатель можетъ занять еще выгоднѣйшее — ихъ цѣнителя.

Вышедъ отъ намѣстника, мы разбрелись кто куда хотѣлъ. Я сталъ разсматривать храмъ Воскресенія съ архитектурной его стороны, но вскорѣ понялъ, что нахожусь въ неисходномъ лабиринтѣ. Какая часть его къ какому должна быть относима времени, этого вѣроятно никто бы мнѣ не объяснилъ. Послѣ столькихъ пожаровъ, что осталось въ немъ отъ древняго времени? Тотъ или другой писатель, упомянувшій о разрушеніи и возсозданіи храма, говорилъ о томъ обыкновенно весьма кратко и односторонно, не предполагая возможности болѣе подробныхъ распросовъ и допросовъ потомства. Виניתъ ли въ томъ его простоту

или свою пытливость? Не зная такимъ образомъ ничего положительнаго, напрасно старался я угадывать, что и въ которомъ мѣстѣ есть въ храмѣ *византійскаго*, и что *готическаго*, и что относить должно ко времени *турецкому*? Я взошелъ къ самому куполу храма Воскресенія и осязалъ его руками, какъ бы спрашивая у стѣнъ, кто и когда ихъ построилъ. Но наружность купола, скрытая подъ штукатуркою, не давала никакого отвѣта. Его 8 оконъ, сведенныя кверху полукругомъ, слишкомъ общаго стилиа, чтобы по нимъ можно было судить о чемъ-нибудь. Ни карниза, ни другаго какого-нибудь украшенія не существуетъ на стѣнахъ его. Сводъ покрытъ сверху цементомъ, и по его поверхности идетъ спиралью лѣстница изъ камня или того же цемента, доводящая до самой шейки его, на которой, безъ сомнѣнія, стоялъ нѣкогда крестъ, снесенный оттуда изувѣрствомъ. Приписываютъ непростительной робости или беззаботности греческаго духовенства то, что знаменитѣйшій храмъ христіанскаго міра остается теперь безъ завѣтнаго христіанскаго украшенія. Терпимость нынѣшняго правительства турецкаго позволяетъ думать, что съ его стороны не было бы препятствія къ водруженію на храмѣ креста (на первый разъ хотя бы каменнаго). Другія вѣроисповѣданія христіанскія едва ли найдутъ умѣстнымъ вмѣшаться въ чужое дѣло; ибо соборъ (т.-е. собственно церковь Воскресенія Христова), есть всѣми признанная собственность Грековъ. Въ одномъ изъ оконъ купола устроена дверь, вводящая внутрь зданія на желѣзную галерею, идущую вокругъ внутренней стѣны купола и назначенную собственно къ тому, чтобы поддерживать спускающіяся съ нея внизъ цѣпи и веревки, унизываемыя во время великихъ праздни-

ковъ, на всеночныхъ бдѣніяхъ, разноцвѣтными лампадами, производящими, какъ говорятъ, удивительный эффектъ. Но 10 или 12 разъ въ году служа украшеніемъ церкви, эти тяжелыя и безвкусныя привѣски во все остальное время безобразятъ ее Куполу, какъ подобію неба, всего приличнѣе быть совершенно открытымъ для взора всѣхъ, — особенно же тамъ, гдѣ онъ есть единственный проводникъ свѣта въ церковь. Не смотря на свои, для нашего времени уже скромные размѣры, куполь сей есть одинъ изъ обширнѣйшихъ, завѣщанныхъ намъ древностію. Внутренность его, также какъ и внѣшность, выштукатурена, но, пробитая въ нѣсколькихъ мѣстахъ, штукатурка обозначила таящійся подъ нею мраморъ, именно же три тонкія колонны, коими обрамлены, повидимому, всѣ окна. Одна изъ нихъ съ гладкою поверхностію, другая—дорожчатая, третья—витая. Обстоятельство это даетъ поводъ думать, что штукатурка скрываетъ подъ собою гораздо болѣе цѣнную поверхность, можетъ быть даже мозаическую, и во всякомъ случаѣ ведетъ къ заключенію, что куполь не есть перестройка новыхъ временъ, а свидѣтельствуетъ собою старую эпоху архитектурнаго эклектизма,—когда наслѣдники богатыхъ предковъ, византійскіе Греки, въ постройкахъ своихъ старались совмѣстить все, что досталось имъ отъ отеческаго искусства. Нельзя было не пожелать, чтобъ эта возвышеннѣйшая и лучшая часть единственнаго изъ храмовъ христіанскихъ нѣкогда была восстановлена въ первобытной красотѣ; пожелать, чтобы вся церковь была открыта и освобождена отъ всѣхъ задѣлокъ и привѣсокъ, перегородокъ и загородокъ—значило бы пожелать невозможнаго — если не на всегда, то еще на долгое время.

Отъ меньшаго купола я перешелъ къ большому, накрывающему собою часовню гроба Господня. Состояніе, въ какомъ онъ паходится, по справедливости, возбуждаетъ и сожалѣніе, и страхъ, и негодование. Собственно, когда говорится о семъ куполѣ, разумѣется одна только верхняя часть его, т.-е. сводъ или крыша. Сводъ этотъ деревянный и, по обширности поперечника своего, неизбѣжно грузный, а въ слѣдъ за тѣмъ и естественно непрочный. Изнутри онъ выштукатуренъ по рѣшети, снаружи по мелкой драпи покрытъ свинцовыми листами. Отъ вѣтра послѣдніе во многихъ мѣстахъ отодрались, вслѣдствіе чего и внутри во многихъ мѣстахъ штукатурка отвалилась, обнаживъ безобразный остовъ свода, и открывъ доступъ внутрь храма и дождю, и снѣгу, и всѣмъ разрушительнымъ дѣйствіямъ непогоды. Опасность такимъ образомъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Находясь вчера внутри «ротонды» и обзирая разодранный во многихъ мѣстахъ сводъ, я неприятно испытывалъ всѣ три упомянутыя выше ощущенія (сожалѣніе, страхъ и негодование), къ коимъ примѣшивалось еще четвертое чувство удивленія путямъ Божиимъ. Святѣйшее мѣсто земли не только видимо пренебрежено, но и подвержено несомнѣнной опасности. Въ то время, какъ идутъ нескончаемые споры о томъ, кому исправить поврежденный сводъ или выстроить на мѣсто его новый, христіанскій міръ можетъ въ какой-нибудь достойный вѣчнаго оплакиванія день вдругъ услышать, что громада подгнившаго лѣса обрушилась и разбила все, что было ввѣрено ей ненадежной защитѣ. Если нѣтъ возможности уладить дѣло между христіанами, пусть займется имъ рука невѣрная. По греческой простой пословицѣ, «изъ двухъ предстоящихъ золъ надобно предпо-

читать (для выбора) то, которое менѣ худо». Возобновленіе *св. Софїи* султаномъ, безъ сомнѣнія, во всякомъ христіанинѣ возбудило чувство признательности къ возобновителю. Тоже будетъ и съ возобновленіемъ купола надъ гробомъ Господнимъ, хотя по началу можетъ показаться тому или другому ревнителю церкви Христовой и прискорбнымъ вмѣшательство невѣрнаго въ дѣло, столько близкое вѣрующимъ.

Малое оконце, пробитое въ восточной стѣнѣ большаго купола, обращенной къ церкви Воскресенія, хотя и закладенное теперь, все же оставляетъ въ душѣ тяжелое чувство. Когда-то я утѣшенъ былъ, услышавъ, что въ комнатѣ за нимъ хранятся однѣ старыя вещи, и болѣе *ничего*. Теперь мнѣ сказано было, что тамъ дѣйствительно живетъ по временамъ Турокъ, и, какъ Турокъ, конечно *не одинъ*... Но это ли одно оскорбляетъ теплое и живое чувство благоговѣйнаго поклонника въ священнѣйшемъ изъ храмовъ Божіихъ? Первая, вопіющая нужда, падающая неотмѣннымъ долгомъ на всѣхъ, *иже во власти суть*, изгнать изъ храма сего всякое жилище человѣческое. Страхъ турецкой власти уже прошелъ безвозвратно. Къ чему еще запирается на ночь поклонникамъ? Это, возмутительное для добраго чувства, обыкновеніе должно быть прекращено во что бы то ни стало. Всѣ вѣроисповѣданія имѣютъ въ сопредѣльности съ храмомъ свои жилища. Пусть тамъ и ночуютъ поклонники, приходя въ урочный часъ въ церковь. Все равно, теперь привратникъ Турокъ отворяетъ же двери церкви по особенному востребованію и въ полночь и ранѣе полночи. Пусть онъ отворяетъ ихъ постоянно въ полночь и ранѣе полночи, однимъ словомъ въ какой бы то ни было урочный часъ. Лативы, всѣхъ живѣе чувствующіе неудобства запертой

безвыходно церкви, обвиняютъ въ несовершенномъ продолженіи стараго насильственнаго порядка вещей Грековъ, у коихъ будто бы на этотъ счетъ есть тайное соглашеніе съ Турками. Подобное нареканіе ощутительно вѣетъ духомъ вражды и озлобленности. Греки, можетъ-быть, только менѣе другихъ оказываютъ рвенія къ измѣненію стараго, для всѣхъ равно стѣснительнаго, положенія вещей, боясь при нововведеніи утратить что-нибудь изъ своей собственности или изъ своихъ правъ. Горькій опытъ научилъ ихъ быть весьма осторожными. Но, какъ бы то ни было, и Грекамъ, и Латинамъ, и Армянамъ, и самимъ Туркамъ надобно спѣшить *очистить* достопоклоняемое мѣсто отъ нестерпимаго позора. Кто бывалъ въ Иерусалимѣ, и хоть разъ провелъ нѣсколько минутъ во храмѣ Воскресенія Христова передъ часовней, тотъ не только разумѣетъ меня, но, надѣюсь, и сочувствуетъ мнѣ вполне.

Спустившись внизъ, я на досугъ при собранныхъ мысляхъ и успокоенныхъ чувствахъ обошелъ внутри храма всѣ святыни, поклоняясь имъ. На тотъ разъ въ обширномъ зданіи была тишина глубокая. Съ высоты Голгоѣы можно обозрѣвать значительную часть священной мѣстности. Небольшаго усилія нужно было къ тому, чтобы перенестись мыслию ко времени, когда, загроможденная теперь зданіями окрестность была полемъ каменистымъ и холмистымъ, какъ и вся почва Иерусалима. Стоя на бывшемъ «Краніевомъ» или «Лобномъ мѣстѣ» передъ изображеніемъ распятаго Господа, всего естественнѣе воображаешь себѣ лицо Его обращеннымъ внутрь храма, т.-е. на западъ. Но, по всей вѣроятности, оно было обращено къ городу, слѣдовательно къ теперешней стѣнѣ придѣла Голгоѣскаго. Оттого, кажется, и мѣсто, гдѣ стояла въ страшныя ми-

вуты казни и смерти Сына Божія Его Пречистая Матерь, означенное теперъ на помостъ храма очертаніемъ круга на перекресткѣ путей къ Голгоѣ и св. Гробу, едва ли не ошибочно указывается (б). Когда мурносицы шли *зѣло заутра* ко гробу, путь ихъ лежалъ черезъ теперешній соборъ или нѣсколько сѣвернѣе его. Свѣтъ начинающагося дня долженъ былъ освѣщать имъ скалу гробовую. Страшный холмъ *Лобный, возсіяшу солнцу*, могъ впрочемъ закрывать ее своею тѣнью, потому что событіе происходило въ началѣ весны, когда солнце бываетъ около середины между зимнимъ и лѣтнимъ востокомъ, и слѣдовательно почти на прямой линіи отъ Голгоѣ къ Богопріемной пещерѣ. Сосѣдство грознаго мѣста не страшило боязливыхъ по природѣ, но на тотъ разъ исполненныхъ отваги, женъ. Ихъ занимала своя мысль: *кто отвалитъ имъ камень отъ дверей гроба?* Легко представлялась въ моемъ воображеніи сія малая и низкая дверь, чернѣвшая на свѣтломъ изсѣра-желтомъ фонѣ скалы, съ отваленнымъ впереди ея такого же цвѣта камнемъ, *вслимъ зѣло*. Трепетныя жены стоятъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сего камня, тамъ, гдѣ теперъ всѣ, подобныя имъ, благоговѣйныя души, принесшіяся со всѣхъ концовъ міра, изливаются въ теплѣйшей молитвѣ, уготовавъ Господу вмѣсто мѣра горячія слезы. Евангельскихъ женъ, безъ сомнѣнія, смутило неожиданное обстоятельство. Онѣ не знали, что ранѣе ихъ прихода на томъ камнѣ произошло страшное явленіе ангела, ужасившее сторожившихъ пещеру воиновъ до того, что они разбѣжались, и оставили мѣсто пустымъ. Мурносицы вѣроятно ничего не знали

(б) Правдоподобнѣе, что она стояла тутъ во время приготовления тѣла Господа къ погребенію на такъ-называемомъ *камень помазанія*. Но была ли она въ то время здѣсь?

о приставленной Пилатомъ стражѣ; иначе онѣ не рѣшились бы идти туда однѣ почти еще въ ночную пору; по крайней мѣрѣ, идя туда, не могли бы всю свою заботу сводить на вопросъ о томъ, *кто отвалитъ имъ камень*. Когда трепетныя жены вошли въ отверстие скалы, ихъ взоръ естественно прежде всего упалъ на гробовое ложе, гдѣ положенъ былъ Учитель. И только тогда, какъ онѣ уже не обрѣли въ немъ *тѣлесе Господа Иисуса*, и стали размышлять о томъ, что бы тутъ могло случиться, какъ бы очнувшись отъ овладѣвшаго ими чувства, замѣтили по правую руку отъ себя, слѣдовательно у самага входа, на мѣстѣ, черезъ которое онѣ только - что прошли, свѣтлый образъ юноши. Другой такой же юноша сидѣлъ предъ ними и у противоположнаго конца гроба. Вѣроятно при свѣтѣ сихъ-то новыхъ стражей и могли святыя жены замѣтить, что въ глубинѣ изсѣченной ямы не было тѣла Господняго. При видѣ тѣсной пещеры легко представить весь ужасъ пришелицъ. Страшныя видѣнія были возлѣ самихъ ихъ. Не могли вынести преестественнаго чувства, онѣ пали лицомъ на землю, т.-е. къ самому мертвенному ложу необрѣтеннаго ими Учителя. Дивное и преисполненное утѣшеній видѣніе! Съ теплѣйшимъ чувствомъ признательности и невозмутимымъ покоемъ духа все человечество должно приникать къ сему смертному одру Богочеловѣка и виѣстѣ колыбели своего безсмертія. Я не могу ничего придумать величественнѣе, торжественнѣе и радостнѣе сихъ немногихъ минутъ безмолвной встрѣчи ангеловъ и человѣковъ у гроба Богочеловѣка. Слышится и мнѣ, хотя въ тысячномъ отзвукѣ, ни съ чѣмъ несравнимый и ко всѣмъ примѣнимый, вопросъ безсмертнаго: *что ищете живаго съ мертвыми?* Сколько

восторгающей радости заключается въ словахъ сихъ! Въ нихъ впрочемъ есть и нѣчто особенное, на чемъ невольно останавливаешься вниманіемъ, — въ нихъ слышится какъ бы укоръ мруносицамъ въ забывчивости или недовѣрчивости прямому предреченію Спасителя о Его воскресеніи. Чѣмъ же отвѣчали на слово ангельское мруносицы? Страхомъ и радостію. Трепетало бренное естество отъ непривычнаго соприсутствія міру духовному, а сродный сему духъ торжествовалъ. Но и то и другое чувство вело къ одному и тому же послѣдствію — скорѣйшему выходу духовидиць изъ пещеры. *Изшедше* изъ нея скоро, онѣ бѣжали. Я видѣлъ воображеніемъ ихъ испуганныя и вмѣстѣ радующіяся лица, освѣщенные возшедшимъ уже солнцемъ, ихъ открытыя для неудержимаго слова, но безмолвныя, уста, ихъ бѣгъ спѣшный и неровный, не управляемый волю, ихъ уже безвременно печальныя одежды, ихъ уже не нужное болѣе мру... Я за нихъ трепеталъ отъ радости, предвидя близкую встрѣчу ихъ съ Господомъ. Взоръ мой проникалъ сквозь стѣну алтаря соборнаго, слѣдя за бѣжавшими образами благовѣстницъ воскресенія. Но у меня не достало ни силъ, ни дерзновенія живописать образъ Самого Воскресшаго, въ славѣ Его Божества подъ покровомъ прославленной плоти. Достаточно было для меня и одного Его тихаго и пронзающаго сердце слова: *радуйтесь*. Полагаютъ, что мѣстомъ явленія Іисуса Христа мруносицамъ былъ нынѣшній алтарь соборной церкви. Такимъ образомъ первую рѣчь Воскресшаго можно бы было слышать съ Голгофы, еслибы было кому слушать ее въ тотъ, чрезвычайный для насъ, необыкновенный для земнаго Іерусалима, день. Блаженныя боговидицы не испытывали Явившагося имъ ни взоромъ, ни мыслію,

а только поклонились Ему до земли, обнявъ ноги Его. Но прикосновеніе къ стопамъ Господа показало ученицамъ, что Учитель уже не принадлежитъ чувственному міру, и онѣ снова поддались тягостному чувству страха. Господь сказалъ имъ: *не бойтесь*, и повелѣлъ идти съ вѣстію о Себѣ къ *братіямъ*—апостоламъ... Тихое умиленіе исполнило душу мою. Свѣтлые образы, вызываемаго передъ взоръ мысли, давноминушаго исчезли. Стѣна и мракъ одни были передо мною въ дѣйствительности! Оставалось припомнить вѣчноблажащее слово Господне: *блаженіи не видѣвшіе и вѣровавшіе*, и помолиться о томъ, чтобы Принявшій *всякую власть на небеси и на земли* не отринуть и моей духовной бѣдности отъ лика своихъ «братій»,—не исключилъ изъ Своего царства—единого для всѣхъ,—и для муроносицъ, и для апостоловъ, и для боголюбивыхъ строителей святаго храма сего, сберегшихъ въ стѣнахъ его для потомства драгоценнѣйшую святыню земли, и для отцовъ нашихъ и для насъ и для отдаленнѣйшихъ родовъ человѣчества! Глубоко трогательное явленіе Господа Магдалинѣ, бывшее у самаго Гроба, я переводилъ черезъ сознание и сердце въ минувшую ночь, когда стоялъ на мѣстѣ муроносицы, и, подобно ей, приникалъ внутрь свѣтосіянной пещеры. У той же пещеры я съ живостію воображалъ видѣть и двухъ апостоловъ, приходившихъ увѣриться въ истинѣ благовѣстія муроносицъ. И доселѣ остается для меня предметомъ упорной думы выраженіе одного изъ нихъ о самомъ себѣ: *обаже не вниде*. Съ навязчивымъ, можетъ-быть, пристрастіемъ слѣдующая за любимымъ образомъ любимаго ученика Христова, мысль моя упрекала меня, зачѣмъ я не подражалъ ему, и не отказалъ себѣ, хотя на первый день, въ удовольствіи войти во св. гробъ. Причинъ возникнове-

нія въ душѣ тѣхъ или другихъ «помышленій лукавыхъ» нерѣдко невозможно бываетъ доискаться. Но на этотъ разъ механизмъ навожденія скоро вынаружился передо мною. Сначала я повѣрилъ добронравственности внезапнаго самоукоренія. Но помысливъ потомъ о безмѣрномъ разстояніи, существующемъ между предметами, не идущими ни въ какое сопоставленіе, понялъ въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ помыслу припоминаніемъ одного великаго историческаго лица, на которое малые земли думали походить, держа, подобно ему, на сторону голлову...

Спустившись съ возвышенности Голгоэскаго холма, я сквозь малое оконце пристроенной къ нему стѣны видѣлъ самую скалу, обсѣченную здѣсь отвѣсно первыми строителями храма. Въ преддверіи этой комнаты стоявшіе нѣкогда гробы царей-освободителей Іерусалима, при всемъ должномъ уваженіи къ ихъ памяти, и мнѣ показались неумѣстными здѣсь. На вопросъ мой, какъ они могли *исчезнуть* во время послѣдняго пожара, мнѣ отвѣтили, что тогда было не до гробовъ людскихъ. Просто и сильно! Пустые гробы *Іосифа* и *Никодима* свидѣтельствуютъ ясно, что даже и самые погребатели Господа, даже и святые, издревле чтимые и блажимые церковію, даже и въ отдаленіи отъ Голгоѣы не нашли себѣ покоя тамъ, гдѣ покоился нѣкогда *Владыки твари* и *Господь славы*. Суетнымъ ли памятникамъ суетной жизни дальнихъ воителей, мечемъ пріобрѣтшихъ себѣ суетное титло *царей Іерусалима*, оставаться было подъ однимъ кровомъ съ памятниками величайшаго событія земли? Только слѣпому самолюбію Европы надобно приписать то ожесточеніе, съ какимъ вообще нападаютъ на это «святотатство» Грековъ: *Годофредъ* и *Бодуенъ* (Балдуинъ) для поклон-

никовъ-католиковъ закрываютъ собою всѣ другіе историческое облики Іерусалима. Они носятъ передъ нами въ воздухѣ отъсамаго берега родной земли по всему Средиземному морю, безпрестанно виѣшиваясь въ ихъ мысли,— по крайней мѣрѣ, слова, и односторонне заправляя ихъ доброе боголюбивое чувство. Разныя описанія св. мѣстъ, составленныя въ исключительномъ духѣ латинства (в), которыми запасается (или запасаемъ бываетъ) паломникъ, успѣвають до того предзанять его умъ и сердце, что ступая на св. землю, онъ виѣсто умиленнаго Христолюбца является тамъ разъяреннымъ рыцаремъ «св. Стула», до котораго Іерусалиму нѣтъ никакого дѣла. Удивляетъ меня всегда, какъ не пойметъ смѣшной стороны всего этого умный міръ!

Было далеко за полдень, когда я оставилъ храмъ. Большая часть общества нашего отправилась уже въ Виелеемъ, откуда намѣрены были безостановочно продолжать путь, черезъ обитель св. Саввы, на Іорданъ. Срокомъ для этой поѣздки было утро послѣ-завтрашняго дня,—дня, въ который около обѣда уже предположено было ѣхать обратно изъ Іерусалима. Я не зналъ, на что рѣшиться. Хотѣлось и на Іорданъ побывать, и осмотрѣть подробнѣе оба св. града. Послѣднее желаніе видимо должно было превозмочь. Я удовольствовался возможностью видѣть Іорданъ съ горы Маслич-

(в) Со мною была подобная книга: *Palestine*, надписываемая также: *Livre d'or*. На заглавномъ листѣ ея поставленныя блестящія фигуры *Годфрида* и *Давида* могутъ служить девизомъ всего изданія. Поминутно дивишься въ ней слѣпой односторонности писателей, за свою ученость и благочестіе, достойныхъ уваженія. Почти къ каждой статьѣ примѣшаны подвиги крестоносцевъ, а картинки переполнены фигурами латинскихъ монаховъ. Точно Палестина есть Испанія!

ной. Пользуясь четвертью часа свободнаго времени, я пошелъ въ монастырь *Архангельскій*, называемый «нашимъ» въ бесѣдѣ поклонниковъ-соотчичей, чтобъ имѣть понятіе частію вообще о поклонническихъ пріютахъ, въ особенности же о помѣщеніи нашей, пока *de facto* не существующей, *missi*. Монастырь этотъ опять только монастырь по имени. Въ существѣ онъ — заѣзжій или точнѣе захожій дворъ съ площадками и переходами внизъ и вверхъ, съ закоулками и захолустьями, тѣсный и мало опрятный, опаляемый жгучимъ тогда полуденнымъ зноемъ и поражаемый лучами солнца, отражавшимися на бѣлыхъ стѣнахъ его келлій. Встрѣчавшіяся мнѣ лица все были поклонники. Отъ нихъ я едва доспросился, гдѣ тутъ церковь, хотя стоялъ возлѣ самой стѣны ея. Такъ она мало похожа на храмъ Божій! Заглянувъ въ двѣ-три комнаты, и встрѣтивъ тамъ добрую Русь нашу во всякихъ положеніяхъ, я напрасно добивался узнать, гдѣ находятся келліи архимандричьи, и можетъ ли кто-нибудь показать ихъ мнѣ. На всѣ вопросы былъ одинъ отвѣтъ: «а не знаемъ! мы здѣсь странные». Походивъ такимъ образомъ по террасѣ около церкви, и напрасно прождавъ кого-то, кто обѣщался достать ключи отъ келлій, и исчезъ вмѣстѣ съ своимъ обѣщаніемъ, я отправился къ себѣ на квартиру. Тамъ уже готовы были къ отъѣзду въ Виолеемъ. Еслибы читатель присутствовалъ при нашемъ отпавленіи изъ одного святаго града въ другой и имѣлъ терпѣніе сопутствовать намъ туда, онъ бы не разъ почудился тому, какъ боголюбивый поклонникъ ежеминутно готовъ бываетъ иногда превратиться въ себялюбиваго туриста. И это тоже Русь, и тоже добрая, по она уже не говоритъ: «мы здѣсь странные». Ей почему-то все воображается, что она у себя, дома, и что ея слово тутъ

законъ. Говорю это для того, чтобы читатель, въ какую-нибудь летучую минуту умиленія, не составилъ ложныхъ заключеній относительно своей природы нравственной, и не подумалъ, что достаточно дохнуть кому-нибудь священнымъ воздухомъ, чтобы вдругъ, такъ сказать, переродиться.

Мы выѣхали изъ города около вечеренъ тѣми же самыми воротами «Давидовыми», которыми и въѣхали вчера въ городъ изъ Яфы. Но сейчасъ же за стѣнами Іерусалима дорога раздѣлилась на двѣ вѣтви: сѣверо-западную и южную. По первой мы ѣхали вчера, по второй направились сегодня. Она немедленно повела насъ въ ложбину, которую мы должны были пересѣчь діагонально. По мѣрѣ отдаленія отъ жилищъ человѣческихъ, всегда стѣсняющихъ своимъ временнымъ и мѣстнымъ характеромъ полеть мысли, передо мною начала вскрываться историческая картина древнѣйшей жизни народа, ставшаго своимъ всякому христіанину. Лица Авраама и Мелхиседека, не смотря на яркое освѣщеніе ихъ бытописаніемъ, не представлялись мнѣ въ желанной близости. Напротивъ, образы Давида и Соломона выпали въ чертахъ яснѣйшихъ. Мы ѣхали по мѣстности, гдѣ при первомъ были сады, памятные всѣмъ, кто знаетъ исторію сего царя, а при второмъ—пруды, извѣстные подъ его именемъ, и также памятные. Лощина, загигаясь къ востоку, все дѣлалась глубже, и, обойдя Іерусалимъ съ южной стороны, соединялась съ долиною, носящею имя *Иосафата*, по которой въ зимнее время течетъ ручей или потокъ *Кедрскій*, столько извѣстный по Евангелію. За мѣстомъ соединенія двухъ рытвинъ начинается великое ущелье, идущее до самаго Мертваго моря. Обозрѣвая все это съ противоположной Іерусалиму высоты, я припоминалъ грустную исторію царей Давида рода съ ихъ непостижимою страстью къ идоло-

поклонству; и опять съ любовію возвращался къ ихъ родоначальнику, который на этихъ самыхъ мѣстахъ стоялъ нѣкогда съ своимъ войскомъ, осаждая, возвышавшійся по ту сторону оврага, замокъ *Іевусеевъ*, и, взявъ его, перенесъ сюда столицу своего царства. Съ тѣхъ поръ мѣсто это прикрѣпилось къ себѣ судьбы человѣчества. Пытливости моей усиленно желалось взглянуть на него изъ современности Соломоновой. Какою жизнію кипѣла тогда эта глухая пуетыня, и какою благодатью вѣяла эта сухая земля! А какимъ истребленіемъ была поражена потомъ! Какими потоками крови напоена — до пресыщенія!

Дорога наша за Іерусалимомъ шла, возвышаясь, по наклонной къ нему равнинѣ, обращенной въ пахатныя поля, и потому въ настоящее время года сухой и обнаженной. Вправо, назадъ, не было ничего, на чемъ бы можно было остановиться вниманіемъ; зато налѣво горизонтъ расширялся далеко, оканчиваясь сизыми горами Аравіи, впереди коихъ полосую особаго цвѣта какъ бы легкаго тумана или сгущеннаго воздуха обозначилась впадина незримаго *Мертваго моря*. Къ югу, впереди насъ, виднѣлась роща, окружающая четырехольникъ стѣнъ, довольно мрачныхъ. Мы скоро достигли его. Это есть греческій монастырь *св. пророка Іліи*. При нашемъ приближеніи раздался тамъ звонъ колокола, приглашавшій насъ къ отдыху въ стѣнахъ обители. Но вечерѣвшій уже день не позволилъ намъ воспользоваться дружескимъ приглашеніемъ. Усердные отцы вынесли намъ на дорогу воды и варенья—у мѣста, гдѣ отдыхалъ нѣкогда пророкъ. Это самая высшая точка на пути между Іерусалимомъ и Виѣлеемомъ, и находится почти на половинѣ его. Отсюда видны оба священныя мѣста. Оба города *Давидовы* лежатъ на склонахъ одного и того же горнаго хребта. Только у Іеру-

саима этотъ склонъ спускается обрывомъ въ узкую юдоль, а у Виолеема разстилается широкою долиной. Мѣсто, на которомъ мы были, отлично годилось бы для уединенной, созерцательной жизни. Оно ждетъ своего Иеронима или Дамаскина.

Съ переваломъ на Виолеемскую сторону намъ открылась, болѣе радующая взоръ, картина. Повсюду видѣлась зелень въ видѣ то масличныхъ рощицъ, то виноградниковъ, то отдѣльныхъ мелкихъ кустовъ. Вправо, въ отдаленіи, невольно бросилось мнѣ въ глаза огромное бѣлое зданіе, казавшееся издали дворцомъ, въ нѣсколько ярусовъ и со множествомъ оконъ, возвышавшееся на косогорѣ по близости одной деревни. Это—мѣстопробываніе латинскаго *лжепатріарха іерусалимскаго* и виѣстѣ семинарія. Зоркій и расчетливый о. Валерга избралъ мѣсто, повидимому, всего менѣе благопріятное для его замысловъ. Сосѣдняя деревня вся состоитъ изъ православнаго арабскаго населенія, и до сихъ поръ упорно отбивается отъ навязчиваго пришельца, съ которымъ даже завезала процессъ за мѣсто, гдѣ выстроена его резиденція. «**Н** прибавилъ со вздохомъ сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія раскащикъ, дѣло кончится тѣмъ, что *онъ* ихъ совратитъ. Такъ же было въ Виолеемѣ. У кого есть деньги, тотъ если не убѣдитъ, то купитъ». Жаль, если это сбудется! Что бы ревнителю вѣры Христовой поселиться гдѣ-нибудь между мусульманами и дѣйствовать на нихъ оружіемъ, какимъ хочетъ! Вѣрно слово Господне: *ишъ есть сѣяй, и ишъ есть жней*. Пожинаете вы чужую жатву, незваные жнецы, но приходитъ ли вамъ на мысль, что и вашъ посѣвъ на этой, таинственной своими судьбами, землѣ также можетъ быть снятъ другими жателями? Я не говорю болѣе. Меня, какъ и васъ, радуетъ

мысль, что это несчастное населеніе получить какое-нибудь образованіе, столько нужное для страны, гдѣ оно живетъ. Но потомки наши увидятъ, на что обратитъ оно этотъ обоюдо-острый мечъ.

По мѣрѣ приближенія нашего въ Виолеему, намъ стали встрѣчаться окрестные жители. Мущины удивляли меня своимъ блестящимъ парядомъ. Хитоны ихъ съ широкими рукавами самага яркаго краснаго цвѣта бросались въ глаза издалека. Была пора собирація маслинъ, и потому мы могли видѣть цѣлыя кучи шарада, рассыпавшагося по садамъ, и пестрѣвшаго на зелени своими пунцовыми рубашками и бѣлыми чалмами въ перемежку съ голубою одеждою женщинъ. Въ оттѣнокъ этой живой и пестрой картинѣ намъ встрѣтились верстахъ въ двухъ отъ города прогуливавшіеся 4 капуцина въ кофейнаго цвѣта одеждѣ съ открытыми головами. Привѣтливо раскланиваясь съ ними, я думалъ себѣ: вамъ ли, съ ногъ до головы непохожимъ на это населеніе, когда-нибудь сойдтись съ нимъ? Полагаю, что и они не остались въ долгу, и тоже въ слѣдъ меня послали какую-нибудь не лестную для меня, думу. Въ полусвѣтѣ оканчивавшагося дня явился, наконецъ, передо мною *Виолеемъ*, присно вѣявшій на меня тихимъ чувствомъ невозмутимаго покоя. Какъ у ребенка нѣтъ словъ при встрѣчѣ съ давно невиданною матерью, такъ у меня не излетѣло ни одного привѣта на встрѣчу плѣнительному образу. На тотъ разъ я зналъ и помнилъ одно только слово: *Виолеемъ*. Въ немъ, казалось мнѣ, заключается уже все, чѣмъ бы я ни придумалъ заявить свой сердечный лепетъ. Въ виду Виолеема неизбѣжно младенствовать. Мнѣ кажется даже, что горе тому, кого вертепъ и ясли не возвращаютъ къ его собственному дѣтству, и не усыпляютъ, какъ пѣснь матери, въ колыбели безмятежной вѣры.

И вотъ я въ Виелеемѣ! Отроча младо и Матерь-Дѣва, вертепъ и ясли, ангелы и пастыри, звѣзда и волхвы, Иродъ и младенцы,—здѣсь, здѣсь все это было! Не дивись слышать *глаголь сей странный*. Ты точно въ Виелеемѣ, пришелецъ отдаленный! эта земля—Виелеемъ! эти хижины—Виелеемъ! Эта улица, полная народа,—Виелеемъ! Уже не мыслимый, не рисуемый воображеніемъ, не сновидимый, не начертанный рѣзцомъ или кистию, а истинный Виелеемъ, *иде Христосъ родился!* Опять вчерашнее очарованіе, и опять борьба! Что это столпился тутъ народъ вокругъ какихъ-то пришельцовъ?—ужь не *пастыри* ли это, вопрошающіе, *иде родился имъ Спасъ?* А эти развѣвоченные и отдыхающіе верблюды,—ужь не пришли ли они изъ Персиды и не принесли ли на хребтахъ своихъ *злато и ливанъ и смирну*... Но есть всему чреда, есть она — и увлеченію. Нынѣшній Виелеемъ не заслуживаетъ имени города, ни даже мѣстечка. Онъ есть селеніе и притомъ небольшое и невзрачное. Единственная улица его крива, тѣсна и, какъ вездѣ на Востокѣ, неопрятна. Мы нашли ее оживленную народомъ, высыпавшимъ изъ домовъ, можетъ-быть, ради праздничнаго дня, можетъ-быть, ради вечерней прохлады. Присматриваясь къ пестрой толпѣ, я удивленъ былъ скромнымъ нарядомъ двухъ или трехъ женщинъ (христіанокъ, ибо лица ихъ были открыты). Какъ рубахи мушинъ напомнили мнѣ хитоны апостоловъ, сохраненные до нашего времени иконописнымъ преданіемъ, такъ синее покрывало женщинъ съ прямыми складками по сторонамъ лица, спускавшееся на плечи и обхватывавшее весь станъ, живѣйшимъ образомъ напомнило мнѣ одѣяніе Божіей Матери, какъ принято изображать ее въ Церкви отъ временъ древнѣйшихъ. Случайное или нѣтъ, напоминаніе это было самымъ

благовременнымъ напутіемъ мѣ къ святыѣ Виолеевской. Подъ безчисленными и разнородными впечатлѣніями дня я какъ бы истратилъ уже тотъ запасъ цѣльнаго чувства, съ которымъ долженъ былъ предстать предъ Младенца—превѣчнаго Бога. Теперь пронесшійся передъ взоромъ, живой образъ Приснодѣвы-Матери закрылъ собою все, волей или неволей собранное душою, и освободилъ ее для принятія новыхъ впечатлѣній.

Уже были сумерки, когда мы подѣхали къ высокой стѣнѣ съ крѣпкими воротами. Мы сошли съ лошадей, и изъявили желаніе немедленно видѣть *храмъ Рождества Христова* и богопріемный *вертепъ*. По данному знаку, ворота отворились, и мы вступили на небольшой четырехугольный дворъ, примыкающій къ церкви съ южной стороны. Впереди насъ отворялась уже дверь (южная) самаго храма. Войдя ею въ церковь, мы увидѣли себя какъ бы на балконѣ, съ котораго должны были спуститься на помость церковный многими ступенями. Зная хорошо планъ этого замѣчательнѣйшаго изъ христіанскихъ храмовъ, я сначала потерялся въ соображеніяхъ, увидѣвъ себя въ громадномъ, но несообразно укороченномъ, зданіи. Намъ дали въ руки зажженные свѣчи, и при пѣніи греческаго тропаря Рождеству Христову, мы стали спускаться по мраморной лѣстницѣ подъ церковный помость, откуда исходилъ цѣлый потокъ свѣта. Спускъ этотъ былъ впереди алтаря подъ возвышеніемъ или *солею*. Сошедъ внизъ, мы очутились въ пещерѣ неправильной формы, освѣщенной множествомъ лампадъ, по подобію Гроба Господня, повѣшенныхъ въ одномъ изъ углубленій ея. Въ семъ мѣстѣ вертепа родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Углубленіе перегорожено горизонтально доскою,

служащую престоломъ при совершеніи литургіи. Подъ сею доской вставленная въ мраморъ пола, серебряная звѣзда съ латинскою надписью обозначаетъ мѣсто событія. Изъ этой главной части вертепа двумя ступенями спускаются въ боковую (къ югу) вѣтвь его или *придоль яслей*, также освѣщенный множествомъ свѣтильниковъ. Стоя тамъ, я слышалъ и не слышалъ, какъ обязательный о. А. В* отправлялъ по-русски литію, поминая при этомъ по обычаю и наши имена, которымъ, казалось, неумѣстно было оглашать собою священное подземелье, гдѣ раздавались первыя человѣческія восклицанія Слова Божія. Нельзя описать того чувства которымъ переполнена была душа, когда мы слушали въ слѣдъ за тѣмъ по-славянски чтимое Евангеліе отъ Луки о Рождествѣ Христовомъ, такъ хорошо извѣстное, но теѣперь казавшееся новымъ отъ поразительнаго сосвидѣтельствванія ему самаго мѣста. Помолвившись и приложившись къ святынямъ, мы осматривали св. пещеру. Она вся вымощена мраморомъ, равномерно и стѣны ея до нѣкоторой высоты также одѣты мраморомъ, но сводъ оставленъ такимъ, каковъ вѣроятно всегда былъ. Впрочемъ онъ закрытъ отъ любопытнаго взора подвѣшенною къ нему матеріей, довольно убогою и старою. Сдѣлано это, какъ говорятъ, въ предотвращеніе покушеній поклонниковъ отбивать себѣ на память по кусочку отъ священной скалы. Этимъ объясненіемъ можетъ успокоить себя тотъ, кому бы хотѣлось, чтобы вертепъ оставался доднесь въ томъ самомъ убожествѣ, въ какомъ былъ во времена Христовы.

Мы уже намѣревались идти обратно въ церковь, какъ намъ предложено было возвратиться въ нее подземными переходами *латинскаго монастыря*. Заблаговремец-

но дано было знать о томъ «фраторамъ», а потому на первый стукъ вожатаго нашего въ небольшую дверь, находящуюся съ сѣверной стороны вертепа, она отворилась, и мы пошли узкимъ переходомъ, направляясь все къ сѣверу, за какимъ-то монахомъ, лице котораго дышало добротою и усердною готовностію. На пути намъ показывали комнатку блаженнаго *Иеронима*, неукрашенную ничѣмъ и вѣроятно оставшуюся такою, какою была при подвижникѣ, и недалекъ отъ нея — другую комнату двухъ ученицъ его: *Павлы* и *Евстохіи*. Великій мужъ, краса и слава латинской Церкви, можетъ быть почитаемъ родоначальникомъ всѣхъ, спустя послѣ него нѣсколько вѣковъ двинувшихся въ св. землю, Латинянъ. Онъ первый показалъ Востоку характерное несходство двухъ половинъ Христовой церкви *восточной* и *западной*. Не съ него ли начались тѣ нескончаемые споры Грековъ съ Латинами, которые, къ позору христіанства, окружаютъ и колыбель, и гробъ Спасителя міра доселѣ? Отзывъ о немъ Лавсаика какъ «человѣкѣ неуживчивомъ», повидимому, можетъ подтвердить мысль эту (в). Въ кельѣ его, смотря на водившаго насъ западнаго инока, повидимому кроткаго и простодушнаго, и изъ обращенія его съ нашимъ вожатымъ, замѣчая ихъ близость и нѣкоторую степень взаимнаго уваженія, я радовался возстановляющемуся миру въ земной отчизнѣ *Примирителя*. Не есть ли въ самомъ дѣлѣ величайшая несообразность отвѣчать на благовѣстныя слова ангела: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*, враждою и ожесточенною бранью самыхъ при-

(в) Лавс. гл. 68. Латинскій переводчикъ *Лавсаика* или издатель сего перевода (*Vitae Patrum*. 1617. р. 774) называетъ автора Лавсаика за этотъ отзывъ объ *Иеронимѣ* оригенистомъ и пелагианцемъ.

ближенныхъ ко Христу, и по мѣсту и по званію, лицъ, — Его служителей? И гдѣ же это? Предъ лицомъ невѣрія, посмѣвающагося святѣйшимъ таинствамъ христіанскаго исповѣданія! Знаю, что мнѣ скажутъ: легко говорить, а не такъ легко сдѣлать, — и предложить самому пожить и испытать трудность соблюденія мирныхъ отношеній между людьми, отстаивающими свою собственность и людьми, не признающими за ними сей собственности. Но и сознавая справедливость всего этого, все же можно думать, что при большей общительности и искренности настоятелей той и другой половины, значительная часть столкновеній была бы избѣгнута. Подходя къ церкви латинскаго монастыря, мы разсматривали сокровищницу ея. Забѣтивъ при этомъ, что мы на все обращаемъ вниманіе, соединенное съ благоговѣніемъ, добрый вожатый еще болѣе хотѣлъ умилиль насъ, и отдернулъ занавѣсъ одного небольшого шкафа. Какъ же неприятно поражены были мы, увидѣвъ тамъ лежащее на пеленахъ восковое розовое дитя съ блестящими глазами, неподвижно устремленными на насъ! Мнѣ даже жаль стало бѣднаго патера, который безъ сомнѣнія замѣтилъ наше общее не-сочувствіе къ его Bambino Divino. Церкви св. *Екатерины* мы не могли разглядѣть хорошо при слабомъ свѣтѣ держимыхъ нами свѣтильниковъ. Изъ нея мы вышли въ такъ называемыя *Колонны*. Меня поразило зрѣлище неожиданное, могу сказать, хотя и давно искомымъ. Я былъ въ Юстиніановомъ (г) храмѣ Рождества Христова. Ряды колоннъ, при недостаточномъ освѣщеніи казавшихся гигантскими, перекрещивая во всѣхъ на-

(г) Вѣрнѣе бы сказать: Константиновомъ. Архитектурный стиль храма указываетъ на время, предварившее Юстиніанову эпоху.

правленіяхъ обширную залу, живо напомнили мнѣ собою великую церковь св. апостола Павла «за стѣнами» Рима. Обходя этотъ каменный лѣсъ, я горько чувствовалъ однакоже пустоту и неубранство великолѣпнаго пѣкогда храма, теперь совсѣмъ оставленнаго, даже не считающагося храмомъ, а просто называемаго колоннами. Разумѣется, я говорю теперь языкомъ Грековъ. По всей вѣроятности, Латины не только не знаютъ этого названія, но и имѣютъ прямую выгоду или нужду называть его не иначе какъ *храмомъ*. Толстая поперечная стѣна отдѣляетъ колонны отъ пылѣвшей церкви или восточной части Юстиніанова храма. Малая дверь ввела насъ въ нее изъ правой боковой галереи колоннъ. Когда (д), кѣмъ и для чего выстроена эта стѣна, отсѣкая одну часть церкви отъ другой? Я не въ состояніи отвѣчать на это, но кажется и пѣтъ нужды задумываться надъ отыскиваніемъ отвѣта. Легко угадать причину появленія этой неумѣстной преграды, — этого позорнаго свидѣтельства неуваженія потомства къ боголюбивому здателю. Еслибы нужно было только поддержать стѣною столбы, къ коимъ она теперь примыкаетъ, отъ времени можетъ быть покосившіеся, то достаточно было для этого пристроить къ нимъ упоры, сведши ихъ вверху сводомъ. Единство храма при этомъ осталось бы ненарушеннымъ, но сего-то *единства* можетъ быть и хотѣли избѣжать. Такъ какъ Латинамъ удалось (со временъ Иеронима?) завладѣть сѣверною стороною смежной съ церковью земли, выстроить тутъ монастырь и сдѣлать изъ него выходъ прямо въ церковь (которымъ и мы вступили въ нее),

(д) Itinéraire de l'orient (р. 828) относитъ постройку стѣны къ 1842 г. Но, разумѣется, ошибочно. Ее видѣлъ уже нашъ паломникъ *Мелетій Саровскій* въ началѣ текущаго столѣтія.

а за тѣмъ, съ теченіемъ времени, распространить свои притязанія и на самую церковь, то тѣснимые и угрожаемые православные отгородили для себя существенную часть ея, пожертвовавъ великолѣпнымъ притворомъ, который сдѣлался такимъ образомъ достояніемъ ничьимъ, осужденный на запусѣніе, въ ожиданіи лучшей будущности. Скажемъ же слова два и о сей будущности. Боязнь Грековъ или вообще православныхъ потерять то что имѣютъ, или по крайней мѣрѣ быть стѣсненными, основательна или нѣтъ? Основательною несомнѣнно была она дотолѣ, пока вопросъ о владѣніи священными мѣстами подлежалъ усобному рѣшенію владѣющихъ, и слѣдовательно всякій разъ могъ зависѣть отъ извѣстнаго «права сильнаго». Теперь же, и особенно послѣ послѣдняго разгрома браннаго, потрясшаго всю Европу, изъ-за сего самаго вопроса и доказавшаго неоспоримо, что новыя притязанія и покушенія болѣе невозможны, можно бы, кажется, быть спокойными православнымъ владѣльцамъ храма, и возвратить *своей* Церкви *свой* притворъ. Но тогда Латины будутъ имѣть непосредственное сообщеніе съ церковью? Будутъ—съ *чужою* церковью, проходя только черезъ нее, когда нужно, къ вертепу. Но они будутъ дѣлать при этомъ свои церемоніи? Но они требуютъ, но они выдумаютъ?... Но на всякое *no* существуютъ условія, договоры писанные и подписанные, нарушеніе коихъ, какъ мы недавно видѣли, не такъ легко. Еще разъ повторяю: требуется искреннее объясненіе, кого изъ кѣмъ? Это не мое дѣло знать. Латины должны признать, что весь храмъ есть достояніе православныхъ. Православные должны придти къ необходимому убѣжденію, что Латиновъ невозможно отстранить отъ св. мѣсть, что они имѣютъ право на участіе въ нихъ, не право владѣнія или завладѣнія во имя того или другаго

исповѣданія, той или другой народности, не право частныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ, а право христіанъ, въ которомъ имъ нельзя отказать даже и тогда, если смотрѣть на нихъ какъ на отступниковъ православія; потому что и вступивъ вновь въ церковное общеніе съ нами, они все бы потребовали себѣ и отдѣльнаго мѣстожителства, и отдѣльнаго богослуженія, и отдѣльной обрядности, однимъ словомъ: всего отдѣльнаго, вслѣдствіе своей отдѣльности по языку, своихъ исторически развившихся долговременныхъ привычекъ, отъ которыхъ и не должно, и бесполезно отучать ихъ. При взаимной, законной уступчивости обѣихъ сторонъ, не сомнѣваюсь, дѣло могло бы уладиться къ общей радости христіанскаго міра, и святѣйшій храмъ земли получилъ бы достойный своей безконечной важности видъ.

Изъ церкви мы отправились въ прилежащей къ ней съ восточной стороны *греческій монастырь*. Мы вошли на четвероугольный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ двухъярусною галлерей и разсѣченный пополамъ крытою террасою, на которую снизу вели лѣстницы. Съ галлерей насъ привѣтствовали знакомыя лица нашихъ спутниковъ, пришедшихъ сюда еще днемъ. Уроженцы большею частію крайняго сѣвера, они считали себя перенесенными чудомъ въ Виолеемъ, и затруднялись вѣрить, что здѣсь на самомъ дѣлѣ они видятъ тотъ *вертепъ* и тѣ *ясли*, о которыхъ столько слышали-бывало въ святки на далекой родинѣ. Всего болѣе мѣшали ихъ простому представленію ясли, которыхъ они напрасно искали въ вертепѣ, хотя и прикладывались къ нимъ. Я хотѣлъ сказать имъ, что если они желаютъ видѣть ясли Христовы, чтобы шли въ Римъ въ церковь «св. Маріи Великой», но не зналъ

самъ, что тамъ за ясли хранятся и разъ въ году показываються; ибо самъ не имѣлъ счастья видѣть ихъ, и потому удержался приложить смущеніе на смущеніе усерднымъ христолюбцамъ. Насъ ввели въ большую комнату, обставленную вокругъ стѣнъ низкими и широкими лавками. Тамъ насъ ожидалъ уже и радушно принялъ преосвященный виолеемскій Іоанникій, почтенный старецъ, недавно перемѣщенный сюда съ другой какой-то (кажется номинальной) епархіи. Около часа мы съ нимъ бесѣдовали о предметахъ, болѣе все общихъ. Я нѣсколько разъ пытался завести съ нимъ рѣчь объ отношеніяхъ его къ монастырю латинскому, но получалъ отъ него всегда отвѣты, весьма сжатые, такъ что изъ опасенія надоѣсть пересталъ вообще говорить о томъ. Часовъ въ 9 владыка пригласилъ насъ ужинать, хотя всѣ мы охотно предпочли бы южину покой, въ которомъ имѣли ощутительную нужду.

Я же, кромѣ того, имѣлъ нужду и въ уединеніи. Съ ранняго дѣтства слагаемые въ сердцѣ образы «Виолеемской Ночи» вмѣстѣ съ сладкими пѣснями церковными рождеству Христову, теперь просились вонъ изъ души. Мнѣ хотѣлось пересмотрѣть ихъ, переговорить, переписать. Лишь только я остался одинъ, окруженный глубокою тишиной, хлынули изъ завѣтнаго тайника умиленные представленія. Единственная, священнѣйшая *ночь* она со всѣми ея неисчислимыми и неизмыслимыми чудесами окружила, такъ сказать, меня теперь, и вѣяла на меня своимъ благодатнымъ дыханіемъ. Я сознавалъ, что я въ Виолеемѣ; и этого достаточно было къ тому, чтобы всякое представленіе мое изъ круга событій той *ночи* получило ясность, жизнь и силу. И такъ, сладкимъ представленіямъ и ихъ повтореніямъ конца не было. Но вмѣстѣ съ ними, по

слабости естества, вызывались, или лучше, незванно появлялись, и другія, тоже умилительныя, только въ другомъ родѣ, представленія давняго дѣтства, столь много увлекавшагося, бывало, мало понимаемымъ событіемъ, но сильно чувствуемымъ праздникомъ его. На устахъ была трогательная и любимая пѣснь: *эдемъ Виѳлеемъ отверзе. Приидите видимъ! Пищу въ тайнѣ обрѣтохомъ. Приидите примемъ суцця райская внутрь вертепа! Тамо явися кладезь неископанъ, изъ негоже древле Давидъ пити возжадася. Тамо обрѣтесе корень кенапоенъ, прозябаяй отпущеніе. Тамо Дѣва рождши Младенца, жажду устави абие Адамову и Давидову. Съ языка лилось пѣніе, а воображеніе рисовало сумерки зимняго холоднаго дня, тишину роднаго дома, любезный образъ отца, съ святымъ увлеченіемъ пѣвшаго эту самую пѣснь, вторимую моимъ, прерывавшимся отъ чувства, голосомъ, и за тѣмъ общее поющихъ усиліе представить себѣ Виѳлеемъ, вертепъ. Тихіе образы, ничѣмъ не замѣнимые! Разсѣвая часто не впадѣ душу, занятую размысленіемъ, и въ одинъ мигъ заставляющіе ее терять собранное часами, они въ тоже время способны дать ей мгновенно умиленіе, передъ которымъ размысленіе многихъ лѣтъ не значить ничего! Сонъ бѣжалъ отъ меня. При мерцаніи луны я ходилъ долго по галлереймъ монастыря, и, недовольствуясь этимъ, выходилъ даже на церковный дворъ, гдѣ, смотря на громаду храма, старался впечатлѣть въ памяти Виѳлеемъ дѣйствительный въ замѣнъ идеально составленнаго по образцамъ, свойственнымъ другому климату, другимъ мѣстностямъ, другимъ нравамъ и обычаямъ. Было уже за полночь, когда я возвратился въ комнату.*

(Продолженіе будетъ.)

А. А.

**ДѢЙСТВІЕ БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ ВЪ ОБРАЩЕНІИ ГРѢШНИКА
НА ПУТЬ СПАСЕНІЯ (*).**

Три года я священникомъ въ селѣ N, и вотъ годъ, какъ я познакомился съ однимъ господиномъ, о которомъ и хочу вести рѣчь. 186... года лѣтомъ пріѣхалъ къ намъ въ село одинъ молодой человекъ лѣтъ 25 и поселился въ чистенькомъ домикѣ. Домъ этотъ, стоявшій на горѣ и окруженный темнымъ непроходимымъ лѣсомъ, принадлежалъ сначала одному помѣщику, потомъ поступилъ во владѣніе крестьянъ и теперь былъ проданъ вновь пріѣхавшему господину. Этотъ господинъ, или, какъ называли его крестьяне, «баринъ» сначала никуда не выходилъ, потомъ педѣли черезъ двѣ я увидалъ его въ церкви. Физіономія его была одна изъ тѣхъ, какія съ перваго же раза бросаются въ глаза и возбуждаютъ любопытство во всякомъ, кто только успѣлъ взглянуть на нее. Несмотря на его молодые годы, лицо его было помято, морщины индѣ легли цѣлыми складками и невольно говорили, что не безъ потрясеній и бурь прошло его юношество. Онъ сталъ часто посѣщать нашу церковь, и не только въ праздникъ, даже и въ будни можно было видѣть его молящимся гдѣ-нибудь въ углу, при слабомъ мерцаніи лампадки. Онъ всегда приходилъ рано, уходилъ поздно и каждый разъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ цѣловалъ крестъ и бралъ у меня антидоръ. Появленіе такого господина, пріѣхавшаго не знаю откуда, не знаю зачѣмъ, и, какъ слышно, разчитывавшаго остаться жить у насъ навсегда, его нелюдимость и особенно религіозность—все это заинтересовало меня, и я рѣшился

(*) Изъ 24 № «Нижегород. Епарх. Вѣдомост.» 1865 г.

познакомиться съ нимъ какимъ бы то ни было образомъ, но познакомиться съ нимъ было довольно трудно.

Прошло лѣто, вотъ ужъ и зима на исходѣ.... Животворные лучи февральскаго солнца начали уже тревожить ледяную кору земли; въ полдень часто попадались маленькія лужи, дорожки почернѣли и въ воздухѣ уже слышалось первое дыханіе весны. Наступила св. четырехдесятница, уныло и рѣдко гудѣлъ церковный колоколъ, призывая на покаяніе грѣшныя души, жаждущія очищенія, и какъ-то особенно хорошо отзывались эти удары въ душѣ истиннаго христіанина; вотъ и опять постъ, думалъ онъ, вотъ и опять церковь дастъ мнѣ случай покаяться.... Вѣрные призывному голосу церкви, крестьяне и крестьянки, старики и старушки спѣшили теперь въ церковь и на всѣхъ лицахъ можно было прочитать глубокое смиреніе. Церковь стала полна народу, послышалось монотонное, заунывное пѣніе, начался великій канонъ, и нашъ загадочный баринъ сталъ еще ревностнѣе посѣщать церковь. Его лицо, изможденное постомъ, его смиреніе и жаркая молитва дѣлали его настоящимъ подвижникомъ.—Вотъ ужъ наступилъ и пятокъ первой недѣли, и я, значительно уставъ за исповѣдью прихожанъ, возвращаюсь домой и узнаю, что мнѣ прислана записка отъ барина.—Въ запискѣ я многого не нашелъ, тутъ довольнола конически было сказано: «прошу васъ, незнакомый, но уважаемый батюшка, пожаловать ко мнѣ въ квартиру сего дня вечеромъ». Меня очень заинтересовала эта коротенькая записка и я спѣшилъ отправиться къ неразгаданному господину.

На мой легкій стукъ дверь уединеннаго домика растворилась и я встрѣтилъ на порогѣ барина съ улыбающимся лицомъ. Пожалуйте вотъ сюда, батюшка,

въ эту комнату, а я сей-часъ приду къ вамъ,—сказалъ онъ мнѣ, и удалился въ противоположную комнату.

Комната, въ которую я вошелъ, была маленькая. Стѣны, обитыя фіолетовыми шпалерами, приняли отъ времени темный видъ; шторы, опущенныя на окна и не пропускавшія свѣта въ комнату, дѣлали эту маленькую каморку какою-то мрачной. Впереди стояло рѣзное Распятіе, а предъ нимъ лежалъ разложенный молитвенникъ. На столѣ предъ диваномъ лежало Евангеліе въ русскомъ переводѣ, нѣсколько духовныхъ журналовъ, огромный, искусственный черепъ и кой-какія бумажки. Я походилъ нѣсколько времени по комнатѣ и усѣлся въ кресло, въ ожиданіи хозяина.

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ наконецъ онъ, входя въ комнату и подходя ко мнѣ подъ благословеніе.

— Здравствуйте, отвѣчалъ я, благословляя его.

— Садитесь пожалуста, вотъ тутъ — на диванъ-то. Я сѣлъ.

— Извините пожалуста, что я побезпокоилъ васъ въ такую пору, теперь ужъ 11-й часъ и вы, быть-можетъ, уже скоро хотѣли ложиться спать, — при вашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, это необходимо, у васъ теперь много трудовъ... но вы не будете обижаться, когда узнаете причину моей просьбы къ вамъ. сказалъ онъ.

— Помилуйте... къ чему такія извиненія, отозвался я.— Мнѣ, какъ человѣку, будетъ очень интересно познакомиться съ вами, потому что здѣсь нѣтъ никого, съ кѣмъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь серьезномъ; потомъ, какъ пастырь, я долженъ по своей обязанности придти къ вамъ, потому что, быть-можетъ, вамъ нуженъ я, какъ пастырь, какъ врачъ духовный.

— Именно такъ: вы мнѣ нужны, какъ врачъ... Мнѣ нужно ваше поученіе, ваше теплое сочувственное, наставительное слово. Вы теперь лицомъ къ лицу съ дряхлымъ, изможденнымъ, неуспѣвшимъ оправиться отъ моральной болѣзни, членомъ церкви.

— Очень, очень радъ, что могу послужить вамъ. Прошу говорить все, что есть у васъ на душѣ; мое дѣло раздѣлять всѣ нужды моихъ пасомыхъ, врачевать ихъ раны и приводить къ Отцу небесному...

— Благодарю, благодарю васъ, батюшка.. такъ позвольте попросить у васъ вниманія и терпѣнія для выслушанія разсказа моей короткой, но дурной жизни. Когда вы узнаете ее, то лучше вамъ будетъ предписывать то или другое средство для моего уврачеванія.

— Я слушаю...

— Отецъ мой, началъ онъ, былъ мелкопомѣстный помѣщикъ, и въ Я... губерніи, Д... уѣзда принадлежала ему одна деревенька. Въ этой-то деревнѣ мой батюшка имѣлъ большой домъ, въ которомъ онъ постоянно жилъ и въ которомъ я получилъ первоначальное воспитаніе. Мой батюшка постоянно почти былъ дома и вмѣстѣ съ матушкой старался вложить въ меня начала всякаго добра, — «христіанскаго благочестія». Оба они любили разсказывать мнѣ разныя священныя исторіи, и часто, бывало, слушая эти разсказы въ продолженіе долгаго зимняго вечера, я такъ и засыпалъ, гдѣ сидѣлъ. И, Боже мой, какіе сладкіе сны тогда грезились мнѣ! Все что я ни слышалъ въ этотъ вечеръ, отражалось у меня во снѣ, и въ моемъ истинно-невинномъ воображеніи, какъ бы въ туманѣ, проносились дорогіе, священные образы изъ разсказовъ родителей. Вотъ какъ теперь вижу — Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, обогранный кровію, виситъ на деревѣ, Его глаза

полны любовію и Онъ проситъ Бога — Отца отпустить мучителямъ: *не вѣдятъ бо, что творятъ*. И Божія Матерь — какъ теперь вижу — стоитъ при крестѣ, съ блѣднымъ лицомъ, полная безпредѣльной любви къ страдающему Сыну, — и сколько муки и страданія выражается въ ея очахъ! Всѣ эти сны наполняли мою душу неизъяснимымъ блаженствомъ, я переживалъ много такого, что недоступно иногда другому человѣку, и на моемъ лицѣ показывалась какая-то неземная улыбка, какъ говорила моя добрая мать. И сколько радости было у нихъ, когда они любовались мной у моей кровати: «съ ангелами бесѣдуетъ», говорили они. Тихо, плавно текла моя жизнь и я былъ примѣрный ребенокъ. Я молился, и моя дѣтская молитва была искренняя, усердна и тепла, — хорошо жилось тогда, и не можно безъ радостнаго замиранія сердца вспоминать теперь объ этой дѣтской жизни. Но не всегда же должна была продолжаться эта блаженная жизнь: мнѣ исполнилось 10 лѣтъ, и я поступилъ въ одно изъ средне-учебныхъ свѣтскихъ заведеній. Тяжело мнѣ было привыкать къ новой жизни; въ заведеніи, въ которое я поступилъ, я уже не слышалъ болѣе того теплаго, истинно религіознаго, наставленія, какое мнѣ давалось дома на каждомъ шагу. Сначала я былъ религіозенъ и часто молился. — Молился я... но эта молитва была часто причиной насмѣшекъ моихъ товарищей. Всѣ воспитанники этого заведенія, безъ надзора богобоязненныхъ родителей, были страшными кощунниками, и ихъ язвительныя насмѣшки сыпались градомъ на мою голову за мою религіозность. — Время шло, поддержки у меня не было, и моя охота къ молитвѣ пропала, сначала потому, что я боялся товарищей, потомъ ужъ это обратилось въ привычку; я присталъ къ моимъ това-

рищамъ, и молитва болѣе уже никогда мнѣ не приходила на умъ. Бесѣды и разговоры наши были самыя грязныя, богопротивныя: насмѣшки надъ Священнымъ Писаніемъ, надъ Богослуженіемъ, надъ усердіемъ и религіозностію нѣкоторыхъ священниковъ и простаго народа — вотъ что было постояннымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Сначала меня коробило отъ всего этого, потомъ время и общество притупили во мнѣ и это послѣднее проявленіе добраго — остатокъ домашняго воспитанія. Но все-таки, какъ я ни опошлился въ этой средѣ, во мнѣ было сознаніе того, что я грѣшу этимъ предъ Богомъ, но я продолжалъ дѣлать за одно съ товарищами... Иногда, — это бывало очень нерѣдко, — я чувствовалъ потребность молиться и даже начиналъ молиться, но это была уже не прежняя молитва, — это была скорѣе механическая работа, несогрѣтая сердцемъ, и я чувствовалъ, что чего-то не достаетъ во мнѣ... Время шло, я перешелъ въ послѣдній классъ, и тутъ-то окончательно совершилось мое паденіе, и прежнія насмѣшки надъ обрядами и религіозностію людей перешли въ полное осмѣяніе всей Божественной религіи. Одинъ товарищъ былъ гдѣ-то на сторонѣ зараженъ матеріализмомъ и проповѣдывалъ страшныя вещи въ нашемъ кружкѣ. Однажды принесъ онъ къ намъ Бюхнера, и я съ жадностію бросился на этого развратителя. Господи, чего я тутъ не читалъ! Время летѣло, и я сдѣлался отъявленнымъ матеріалистомъ. Бытіе Бога, бытіе души, будущая загробная жизнь — все это я считалъ порожденіемъ фантазіи, и зло смѣялся надъ всѣмъ. Крестъ — это орудіе нашего спасенія, я сбросилъ съ себя и съ какимъ-то презрѣніемъ посмотрѣлъ на него. — Когда стоялъ въ церкви, по приказанію начальства, какъ издѣвался я, какъ

смѣялся надъ отправленіемъ божественной службы! Когда наступали постные дни, я нарочно старался покушать скоромнаго, чтобы показать полное презрѣніе къ церковнымъ постановленіямъ. Св. иконы, житія Святыхъ были главными предметами моихъ насмѣшекъ. Всегда предъ причастіемъ Св. Таинъ я старался хоть чего-нибудь да поѣсть, потомъ ужъ и шель для приобщенія. Однимъ словомъ, въ это время я былъ какимъ-то извергомъ, а не человѣкомъ. Но вотъ наступило время моего выхода изъ заведенія, и тутъ-то со всей силой я ринулся въ бездну погибели, и много я увлекъ за собой чистыхъ невинныхъ душъ...

Бракъ есть предразсудокъ, такъ думалъ я, и первою моею заботой по выходѣ изъ института было распространеніе этой идеи. Я былъ вхожъ въ одинъ домъ, гдѣ жила молодая женщина, — несчастная замужествомъ. Въмѣсто того, чтобы подкрѣпить ее, упадающую духомъ, и вложить въ нее упованіе на Бога, я сталъ проповѣдывать свои идеи о бракѣ... и горе мнѣ — бѣдная женщина расторгла оковы брака и бросилась мнѣ на шею. Бѣдная — она ожидала отъ меня хоть чего-нибудь человѣческаго, но я тогда былъ опошленный матеріалистъ и далѣе чувственныхъ наслажденій ничего не видѣлъ. Другою жертвой моего разврата была одна дѣвушка... Виновникомъ и нравственнаго, и матеріальнаго ея паденія былъ тоже я, — это тогда называлъ я умѣнемъ пользоваться обстоятельствами. Сначала она еще скрывала свой развратъ, но потомъ пошла обычною и широкою дорогой всѣхъ падшихъ женщинъ. Да, за эти падшія души мнѣ придется отдать страшный отчетъ Господу! я ихъ соблазнилъ, а въ Писаніи сказано: уне есть да обѣсится жерновъ (соблазнителью) на выю и потонеть въ морѣ.

Разумъ нашъ слишкомъ несиленъ остановить насъ отъ пошлости, когда въ насъ нѣтъ голоса совѣсти; такъ и я, заглушивъ все святое въ моемъ сердцѣ, хотя и старался руководиться во всемъ разсудкомъ, но онъ не помогалъ мнѣ, — и я окончательно погибалъ. Съ товарищами такими же, какъ и я, окруженный развратными женщинами, я проводилъ цѣлыя ночи за бутылками вина, и чего не бывало въ этихъ шумныхъ бѣсовскихъ оргіяхъ!... Время шло, я еще больше развратился и окончательно погрязъ въ безднѣ преступленій. Казалось чего больше: человѣкъ окончательно погибъ, и никакая сторонняя рука не могла меня вытащить изъ этого омута; но, знать, нѣсть грѣхъ, побѣждающъ милосердіе Божіе, знать, Господь не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему; если мнѣ не могъ помочь человѣкъ, то помогъ Всесильный Господь, котораго я отвергалъ; особенное дѣйствіе промысла Его обратило меня на путь истинный и воззвало къ нравственному возрожденію

Въ одинъ годъ померли холерой мои добрые родители, и ихъ-то теплая молитва предъ престоломъ Всевышняго, должно-быть, повела къ исправленію заблудшаго сына. По полученіи о смерти ихъ извѣстія, я отправился въ село къ ихъ могилѣ. Странно: какъ я ни опошлѣлъ, какъ ни смѣялся надъ всѣми святыми чувствами человѣка, все-таки эта привязанность къ родителямъ осталась, и холодный развратный умъ уступилъ голосу сердца — желанію побывать на могилѣ, и не осмѣялъ его. Это я приписываю особенному дѣйствію промысла Божія, потому что эта побѣдка на родину была началомъ или поводомъ къ моему исправленію.

Пріѣхавъ въ родное село, я спросилъ церковнаго

сторожа, гдѣ могила такихъ-то, и, не думая перекреститься на церковь, отправился къ указанному мѣсту.... Вотъ уже могила отъ меня шагахъ въ 10, вотъ уже я вижу свѣжую насыпь, но... вдругъ потемнѣло у меня въ глазахъ, дыханіе захватило, голова закружилась, и я упалъ безъ памяти на землю. Не знаю, что со мною тутъ было, только я въ сознаніе пришелъ ужъ въ квартирѣ, нанятой лакеемъ у одного крестьянина. Изъ разсказовъ его я узналъ, что всѣ окружавшіе меня думали, что со мною ударъ, потому что я былъ безъ памяти, съ багровымъ лицомъ и пѣной у рта. На другой день я всталъ совершенно здоровый и, какъ ни ломалъ голову, не могъ объяснить себѣ, — отчего со мною сдѣлался такой припадокъ. Потомъ я опять въ тѣ же часы дня отправился на могилу, но каково было мое удивленіе, когда и въ этотъ разъ случилось со мной тоже, что вчера! Думая, что меня постигла падучая болѣзнь, періодически возвращающаяся въ извѣстные часы дня, я на третій день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошелъ на четвертый день, и, какъ только сталъ приближаться къ могилѣ, прежній припадокъ снова повторился. Вставъ утромъ на другой день, я встрѣтилъ своего лакея какимъ-то испуганнымъ, боящимся меня. Послѣ я узналъ, что онъ тутъ же порѣшилъ, что въ этихъ припадкахъ что-нибудь недоброе, и что я долженъ быть слишкомъ грѣшенъ, коли Господь не допускаетъ до могилы родителей. Счастливецъ меня онъ былъ тогда: у него была вѣра въ промыслъ, вѣра въ Бога, а я былъ жалкій человѣкъ, и не хотѣлъ признавать во всемъ этомъ дѣйствій перста Божія. Впрочемъ меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послалъ въ ближнюю станцію за докторомъ. Докторъ обѣщался прибыть на другой день,

и, въ ожиданіи его, я уснулъ часовъ въ 12 ночи. Утромъ я проснулся рано и — Боже мой — страшно вспомнить: я не могъ пошевелиться, языкъ неповиновался, я лежалъ весь разслабленный, тѣло мое было все въ огнѣ, губы высохли, я чувствовалъ страшную жажду и окончательно упалъ духомъ. Явился докторъ, осмотрѣлъ меня и далъ лекарство. Началось леченіе... Сначала докторъ прописывалъ мнѣ лекарство безъ затрудненія, но потомъ долго иногда простаивалъ надъ моей постелью, кусая губы, и вотъ однажды, послѣ шести-недѣльнаго леченія, написалъ мнѣ на бумагѣ: «имѣя дѣло съ мущиной, я открыто всегда говорю о его болѣзни, какъ бы она не была опасна: ваша болѣзнь необъяснима, несмотря на мои усилія открыть ее; поэтому, не предвидя успѣха отъ трудовъ моихъ, я оставляю васъ ждать, когда она сама собой откроется». Каковъ былъ мой ужасъ, когда меня оставляла человѣческая помощь, на которую я только и надѣялся! У другаго есть надежда на высшую помощь, но ее отвергъ мой развратный умъ. Время шло, болѣзнь моя еще больше усилилась, на тѣлѣ появились пупырышки, которые перешли въ гнойныя раны, отъ которыхъ несся срадный запахъ; и я не зналъ, что и дѣлать. Цѣлыя ночи я не спалъ и не находилъ себѣ покоя. — И какія страшныя картины рисовались тогда въ моемъ воображеніи! Вотъ какъ теперь помню, однажды мнѣ представилось: мрачное, сырое душное подземелье... сирадъ не даетъ дохнуть, кругомъ тьма... отвсюду несутся стоны, крики и какое-то дикое рычанье... Страшно стало мнѣ, морозъ по кожѣ пробѣжалъ, я вздрогнулъ и раскрылъ глаза... Свѣча горѣла тускло... въ комнатѣ было темно, и я насилу забился. Какъ только я сталъ засыпать, вдругъ почув-

ствовавъ въ своей рукѣ другую руку. Я вздрогнулъ, раскрылъ глаза и—Боже мой—что я увидѣлъ? предо мной стояла моя мать. Я не могъ вообразить, какъ и какимъ образомъ она очутилась предо мною. Да вѣдь она умерла, подумалъ я, какъ же она можетъ существовать? А между тѣмъ сердце билось при видѣ дорогой матери. Она была вся въ бѣломъ и только въ одномъ мѣстѣ было черное пятно; ея лице было сумрачно и она была вся въ какомъ-то полумракѣ. «Я твоя мать, начала она; твои беззаконія и твоя распутная жизнь, полная невѣрія и безбожія, дошли до Господа и онъ хотѣлъ истребить тебя, стереть съ лица земли. Ты не только погубилъ себя, но даже запятналъ и насъ, и это черное пятно на моей одеждѣ—твои тяжкіе грѣхи. Господь, говорю, хотѣлъ поразить тебя, но отецъ твой и я молились предъ престоломъ Всевышняго о тебѣ, и Онъ захотѣлъ обратить тебя къ Себѣ не милостію, потому что ты этого не могъ понять, а строгостію. Онъ зналъ, что одна могила наша для тебя дорога здѣсь и потому не подпустилъ тебя къ ней, поражая сверхъестественною болѣзнію, дабы ты призналъ надъ собой высшую силу, тобой отвергаемую, но ты не обратился. Потомъ Господь послалъ меня къ тебѣ—это послѣднее средство для твоего исправленія. Ты не признавалъ Бога, будущей жизни, безсмертія души, вотъ же тебѣ доказательство загробной жизни: я умерла. но явилась и говорю съ тобою. Увѣруй въ отрицаемаго тобою Бога. Помни твою мать, которая, жизни не жалѣя. старалась сдѣлать изъ тебя истиннаго христіанина.» Съ этими словами лице ея еще больше помрачилось, глухія могильныя рыданія раздались въ комнатѣ и потрясли мою душу «Еще разъ заклинаю тебя, продолжала мать, обратись къ Богу. Ты не вѣришь, и, мо-

жетъ быть, думаешь объяснить мое явленіе разстройствомъ твоего воображенія, но познай, что твои объясненія ложны, и я своимъ духовнымъ существомъ предстою предъ тобой. И, въ доказательство этого, вотъ тебѣ крестъ, отвергнутый тобою,—прими его, иначе погибнешь. Увѣруй, и твоя болѣзнь исцѣлится чудеснымъ образомъ. Погибель и вѣчный адъ тебѣ, если ты отвергнешь меня.» Такъ сказала мать и скрылась. Я опомнился и увидаль въ рукѣ своей маленькій крестикъ, во всей комнатѣ пахло чѣмъ-то невыразимо — хорошимъ. Сверхъестественное явленіе матери, ея просьбы и проклятія потрясли до самой сокровенной глубины мою душу; никогда, кажется, не бывало со мной такого переворота, совѣсть поднялась со всей силой, прежнія убѣжденія рушились и я въ минуту, кажется, весь переродился. Какое-то сладостное непонятное чувство у меня явилось въ груди, и я хотѣлъ ужъ поблагодарить Бога за его милость, за Его благодатное обращеніе меня; но вотъ услышалъ, что кто-то идетъ ко мнѣ... я прислушался, и въ комнату мою вошелъ лакей, держа у себя чайную чашку съ водою.—Искусай-ко, батюшка, можетъ и полегче будетъ; это святая водица съ животворящаго креста, проговорилъ мой лакей, подавая чашку. Я съ радостію принялъ его предложеніе и, приподнятый имъ, выпилъ воды. Господи! не могу вспомнить хладнокровно этой чудесной минуты, я тутъ же почувствовалъ себя здоровымъ, члены стали повиноваться, языкъ сталъ свободно говорить, на мѣстѣ струповъ остались только одни пятна, и въ этомъ-то подтвердились слова матери. Я всталъ и первымъ моимъ дѣломъ было помолиться предъ образомъ, который принесъ лакей, у меня же своего не было, потому что я считалъ это глупостію. Послѣ

этого я пошелъ въ церковь и тамъ молился... и сколько было искренности въ этой непритворной молитвѣ, когда душа могла свободно высказаться предъ Господомъ, послѣ долговременнаго рабства въ оковахъ грѣха. Тутъ же я отправился на дорогую могилку... цѣловалъ я ее, плакалъ и эти слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаяніемъ блуднаго сына. День моего исцѣленія — и духовнаго и физическаго былъ 15-е число іюля, и я всегда праздную его, какъ день своего избавленія. Пробывши еще нѣсколько дней тамъ, я рѣшился уѣхать оттуда сюда, потому что въ судебные слѣдователи поступилъ одинъ товарищъ моей буйной жизни, а видѣться съ нимъ мнѣ не хочется. Въ свѣтъ же я не поѣду, потому что онъ мнѣ опротивѣлъ. Я здѣсь хочу потрудиться, загладить свою прежнюю жизнь. Завтра будутъ у васъ причастники и вы, быть можетъ, позволите мнѣ пріобщиться, потому что я лѣтъ десять не былъ удостоенъ этого,—вы же мнѣ посоветуете, что мнѣ дѣлать для заглаженія прежней моей жизни.

Долго, долго я говорилъ съ этимъ господиномъ, долго и много я давалъ ему совѣтовъ, и наконецъ пошелъ домой. Слава Тебѣ, показавшему свѣтъ этому человѣку, думалъ я, идя дорогой и сердечно радуясь обращенію грѣшной души на путь истины.

Свящ. І. Я.

**АРХИМАНДРИТЪ ПОРФИРІЙ, НАСТОЯТЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ РОССІЙСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ
ВЪ РИМѢ.**

(НЕКРОЛОГЪ.)

13 января, настоящаго 1866 года, въ Римѣ скончал-

ся настоятель нашей посольской церкви архимандритъ Порфирій.

Не продолжительна была жизнь покойнаго отца Архимандрита: онъ скончался на 40-мъ году своего возраста. Но и въ сей, назначенный ему Господомъ срокъ земной жизни, онъ успѣлъ сдѣлать не мало, успѣлъ проявить и раскрыть многія истинно-христіанскія свойства души своей. — Ниже слѣдующія воспоминанія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни преставльшагося, о его трудахъ педагогическихъ и ученыхъ, объ отличительныхъ свойствахъ его нравственнаго характера, надѣмся, не будутъ излишни для его немалочисленныхъ учениковъ и для всѣхъ его знавшихъ.

Приснопамятный отецъ архимандритъ Порфирій былъ сынъ причетника, Никольскаго уѣзда, Вологодской Епархіи. При бѣдныхъ средствахъ отца, при слабости отъ природы здоровья, при отдаленности его роднаго села отъ епархіальнаго города — сколько долженъ былъ имѣть молодой человекъ любви къ наукѣ, сколько силы воли и терпѣнія, чтобы не остановиться на пол-пути, а пройти духовную школу всю, во всѣхъ ея степеняхъ!

Въ 1846 г. Георгій Ивановичъ Поповъ (мірское имя покойнаго отца архимандрита), съ отличіемъ окончивъ курсъ наукъ въ Вологодской семинаріи, поступилъ въ Московскую духовную академію. И этимъ поступленіемъ рѣшена была вся будущая его судьба; здѣсь онъ закрѣпилъ себя служенію Церкви и наукѣ на всю жизнь. Здѣсь пріобрѣлъ и ту любовь къ академіи, которая не оставляла его никогда. Въ академіи получилъ онъ высшее школьное развитіе, здѣсь посвятилъ себя иноческой жизни, здѣсь окончательно сложились его нравственныя, религіозныя и ученые убѣжденія. Академіи же посвятилъ онъ и лучшіе годы своей дѣя-

тельности. И разлученный въ послѣдствіи съ академіей, онъ не могъ уже оторваться отъ нея. Академическая жизнь, академическіе интересы — все это оставалось для него дорогимъ навсегда. И нужно было видѣть, съ какою радостію и благодарностію принималъ онъ извѣстія обо всемъ происходившемъ въ академіи!

Но академическая жизнь для о. Порфирія не была, какъ бываетъ для нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, жизнью не представляющею особенныхъ трудностей. Сначала и до конца жизнь въ академіи была для него исполнена непрерывнаго труда и немалыхъ испытаній.—Чтобы имѣть нужное въ студентской жизни, чего однакоже не даетъ и не можетъ дать академическая казна и чего не могъ получить отъ своихъ родныхъ, онъ принялъ на себя должность письмоводителя въ академическомъ правленіи. И этимъ трудомъ, вмѣстѣ съ трудами по обязанностямъ студента, еще во время ученія въ академіи, надломилъ свое здоровье!

Въ послѣдній годъ, предъ окончаніемъ академическаго курса, давно зрѣвшая въ немъ мысль принять монашество осуществилась. 20 февраля 1850 г. онъ постриженъ съ именемъ Порфирія и вскорѣ за тѣмъ рукоположенъ во іеродіакона, а при окончаніи курса (1 іюля) и въ іеромонаха.

Счастливыя способности и необыкновенное трудолюбіе дали отцу Порфирію, при окончаніи академическаго ученія, право на мѣсто въ числѣ первыхъ магистровъ его курса.—Первымъ мѣстомъ его службы была Виѣанская семинарія, куда онъ назначенъ былъ въ томъ намѣреніи, чтобы въ послѣдствіи воспользоваться его дарованіями и трудолюбіемъ самой академіи. Въ Виѣаніи занималъ онъ двѣ каѳедры — сначала

кафедру словесности, а потомъ кафедре помощника ректора по преподаванію богословія, и въ непродолжительный періодъ своей службы успѣлъ проявить существенныя черты своихъ отношеній къ возлагаемымъ на него обязанностямъ, которымъ оставался вѣренъ во всю жизнь, именно: дѣлать дѣло для пользы дѣла, не жалѣя своихъ силъ и здоровья. Развить смыслъ мальчиковъ, приучить ихъ къ самостоятельному мышленію и къ ясному изложенію мыслей—вотъ дѣло, предстоявшее ему по первой кафедрѣ. На второй онъ обязанъ былъ преподавать четыре отдѣла богословія: богословіе нравственное, пастырское, обличительное и гомилетику. Кто знакомъ съ ходомъ семинарскаго образованія, тому, конечно, не нужно объяснять, что объ кафедры считаются самыми важными и трудными въ семинарскомъ курсѣ. Отецъ Порфирій не боялся трудностей и не уклонялся отъ нихъ. Труда онъ всегда желалъ и искалъ, отъ бездѣйствія же его живая и дѣятельная натура отвращалась болѣе всего. Бывшіе учениками отца Порфирія въ Вианніи, конечно, не забыли самоотверженныхъ и страстныхъ, такъ сказать, трудовъ его на пользу учащихся (а). Онъ желалъ и желалъ пламенно, чтобы ученики его, всѣ до самаго послѣд-

(а) Одинъ изъ его вианскихъ учениковъ такъ вспоминаетъ объ урокахъ и домашнихъ бесѣдахъ о. Порфирія. На первый же классъ насъ изумила необычайная живость, съ какою говорилъ о. Порфирій во время урока. Онъ видимо торопился говорить; глаза горѣли и съ необычайною быстротой бѣгали по всему классу. Казалось, что онъ боится потерять одну минуту, боится, что кто-нибудь его не слушаетъ. Но не слушающихъ, кажется не бывало на его классахъ въ семинаріи. Онъ заставилъ себя слушать, заставилъ, не прибѣгая ни къ какимъ мѣрамъ строгости. Отъ того ли, что мы очень мало знали, или отъ того, что о. Порфирій тщательно готовился

няго, усвоили все имъ преподаваемое, и понятно, что отъ такой задачи трудъ его долженъ былъ увеличиться. Преподаваніе уроковъ, которыхъ у семинарскихъ наставниковъ не мало, и исправленіе письменныхъ ученическихъ упражненій, которыхъ именно на этихъ каеедрахъ семинарскихъ особенно много, занимали все время отца Порфирія. О покоѣ, объ отдыхѣ, необхо-

къ, классу, но только все, что говорилъ онъ, намъ казалось ново и занимательно. О. Порфирій умѣлъ отыскивать въ преподаваемыхъ имъ наукахъ вопросы, рѣшеніе которыхъ постоянно возбуждало наше вниманіе. Такъ у него шло дѣло съ перваго класса и до послѣдняго; классовъ, на которыхъ мы лѣниво слушали бы его, у него не бывало. Скоро мы полюбили его и привыкли готовить уроки къ его классамъ потому одному, что совѣстно было передъ нимъ плохо отвѣтить, хотя и знали мы, что упрековъ и взысканій не будетъ. Особенно его домашнія бесѣды располагали насъ относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ и любовію. Бывало, призоветъ къ себѣ, надастъ книгъ, посоветуетъ какъ лучше взяться за дѣло, чѣмъ заняться, обласкаетъ такъ, что послѣ ученикъ смѣло шелъ къ нему и за книгой и за совѣтомъ, а иногда и за деньгами, особенно передъ отпусками на вакаціонное время. Помню, позвалъ онъ меня во время моей невзгоды, когда мнѣ приходилось плохо. Онъ заговорилъ съ такимъ участіемъ, что все, что было у меня на душѣ, высказалось само собою. Ему показалось, потому ли что его душа всегда желала добра другому, или въ моихъ словахъ онъ нашелъ какое-либо оправданіе тѣхъ выходовъ, за которыя я долженъ поплатиться,—ему показалось, что онъ долженъ принять участіе въ моей бѣдѣ. Послѣ оказалось, что его участію я обязанъ былъ тѣмъ, что легко отбылъ бѣду. Его любовь и участіе къ намъ были равны для всѣхъ: всякій смѣло шелъ къ нему, и едвали кому приходилось выходить отъ него огорченнымъ или недовольнымъ. Когда взяли его отъ насъ въ академію, и тогда мы продолжали ходить къ нему то за книгами, то просто потому, что очень пріятно было побывать у него.

димомъ для его слабаго здоровья, онъ и въ то время какъ и послѣ, совсѣмъ не думалъ. Отдыхомъ для него служило чтеніе, которое было весьма обширно и разнообразно. Русская духовная литература была главнымъ предметомъ его чтенія. Но кромѣ этого онъ внимательно слѣдилъ и за свѣтскою литературой, держась апостольскаго наставленія: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5, 20).

Два года съ половиною служилъ отецъ Порфирій въ Виөөаніи. Въ 1853 г. открылась въ академіи кафедра патрологіи, и избраніе академіи пало на о. Порфирія. Новыя и болѣе трудныя обязанности, возложенныя на отца Порфирія нашли въ немъ его обычную ревность и неутомимость въ сугубой степени. Вообще дѣлать что бы то нибыло, лежащее въ кругѣ его обязанностей холодно, безстрастно, или такъ-сказать половиною души — было не въ натурѣ отца Порфирія. Всякому дѣлу онъ отдавалъ всю свою душу. А лекціямъ, какъ важнѣйшему изъ дѣлъ, тѣмъ паче. И приготовленію ихъ онъ отдавался всей душой и читалъ ихъ съ полнымъ одушевленіемъ. Отсюда его и отъ природы быстрая дикція, на лекціи дѣлалась еще быстрѣе: ему хотѣлось передать слушателямъ въ урочный терминъ какъ можно болѣе. На то, что при подобномъ образѣ чтенія требовалось гораздо болѣе труда, онъ никогда не жаловался. Къ предмету своихъ чтеній—св. отцамъ и ихъ ученію—отецъ Порфирій имѣлъ особенную и, нужно замѣтить, необыкновенную любовь, которая проявлялась не только въ необыкновенномъ усердіи къ изученію отеческихъ писаній, въ страстномъ желаніи и слушателямъ передать эту любовь, но и въ той ревности, съ какою онъ относился ко всякому неправильному возрѣнію на авторитетъ и достоинство отече-

скихъ твореній. Отъ природы добрый и мягкосердечный, легко и скоро прощалъ и извинялъ онъ личныя оскорбленія ему нанесенныя, но не такъ смотрѣлъ на неправильный и въ особенности неуважительный отзывъ о мнѣніи св. отца, или церковномъ уставовленіи: больше этой обиды для него не могло быть. Съ самаго поступленія въ академію у о. Порфирія была мысль современемъ довести свою науку до конца, т. е. прослѣдить и изучить отеческія творенія и сохраняемое въ нихъ церковное преданіе до позднѣйшихъ временъ. И въ послѣдніе годы своего профессорства въ академіи онъ разработалъ свою науку и читалъ уже до XII вѣка включительно. Что касается до образа возрѣнія о. Порфирія на свою науку, то онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова ученый и самостоятельный. Владѣя языками французскимъ и нѣмецкимъ, о. Порфирій былъ вполне знакомъ, кромѣ русской, и съ французскою и съ нѣмецкою литературою своего предмета. Но никогда не довольствовался чужою обработкой, и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ обращался къ подлиннымъ отеческимъ писаніямъ. Ученый скепсисъ въ этомъ отношеніи былъ у него развитъ до высокой степени. Въ ученомъ католикѣ или протестантѣ онъ всегда подозрѣвалъ не совсѣмъ правильныя отношенія къ отеческимъ твореніямъ, въ слѣдствіе вѣроисповѣдныхъ особенностей. За рускими учеными онъ слѣдилъ съ той стороны, не опущено ли ими чтолибо важное въ изучаемомъ ими отеческомъ твореніи. Въ обоихъ случаяхъ исходъ оставался одинъ — самостоятельное изученіе по источникамъ. Такое изученіе и было преимущественнымъ дѣломъ о. Порфирія.

Нераздѣльному и исключительному изученію своей науки отецъ Порфирій могъ посвятить только одинъ первый годъ своей службы въ академіи. На второй

годъ на него возложены уже были еще двѣ должности—помощника инспектора и цензора. По первой должности представлялись разныя мелочныя хлопоты, объясненія со студентами, по поводу нарушенія ими академической дисциплины, объясненія съ начальствомъ по тому же предмету. Вторая должность отвѣтственнѣе и требовала внимательнаго и сосредоточеннаго труда и обширныхъ знаній. Метода, которой онъ слѣдовалъ, увеличивала трудъ. Старой метода, установленной преимущественно покойными протоіереями Θ . А. Голубинскимъ и П. С. Делицинымъ держался и онъ. По этой методѣ цензоръ былъ не только цензоромъ, но и редакторомъ, т. е. принималъ на себя обязанности не только смотрѣть за тѣмъ, нѣтъ ли чего въ сочиненіи противнаго православной вѣрѣ и уставамъ Церкви, но и привести представленное сочиненіе по возможности въ лучшій видъ съ литературной стороны. Сочиненіе, конечно, выходило совершеннѣе, духовная литература приобрѣтала; но трудъ цензора увеличивался и въ иныхъ случаяхъ едвали не доходилъ до полнаго авторства. Правило—никогда не откладывать дѣла въ долгій ящикъ—одно изъ коренныхъ правилъ всей его дѣятельности усиливало трудъ, не допуская дѣлать дѣло исподоволь. Но авторы, имѣвшіе дѣло съ такимъ цензоромъ, конечно были довольны его скорыми рѣшеніями. Говоря объ отношеніяхъ о. Порфирія къ цензурному дѣлу, мы не можемъ не указать здѣсь на образъ просмотра, какому подвергалъ онъ переводы твореній св. отцовъ, издаваемые при академіи. Эти переводы, уже прошедшіе строгую редакцію Петра Спиридоновича Делицина, онъ, въ качествѣ цензора, читалъ вновь, повѣряя ихъ съ подлинникомъ, и редакторъ былъ ему благодаренъ за его указанія.

Въ октябрѣ 1857 года отецъ Порфирій назначенъ инспекторомъ академіи, и съ этимъ назначеніемъ долженъ былъ принять на себя новыя заботы, новую отвѣтственность. Трудное было то время во всѣхъ заведеніяхъ! Противъ существовавшей до того времени во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ системы педагогическаго надзора, основанной на строгомъ соблюденіи дисциплины и на строгихъ отношеніяхъ начальствующихъ къ подчиненнымъ, поднялась тогда едва не вся свѣтская литература. Доказывали ни болѣе ни менѣе какъ вредъ учебной дисциплины. Требовали, чтобы по самой большей мѣрѣ начальствующіе стали въ отношенія полного равенства съ учащимися и руководили ихъ не какъ старшіе и высшіе, а какъ равные, какъ братья. Бывали и такія умствованія, якобы начальствующіе и учителя обязаны исполнять всѣ прихоти и капризы учениковъ, именуемые, разумѣется, законными требованіями! Что вышло изъ такихъ подстрекательствъ литературы—всѣмъ извѣстно. Не могла не отозваться эта общая шаткость и въ академіи. И инспектору, непосредственному блюстителю порядка и дисциплины, пришлось стать лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми проявленіями школьныхъ и притомъ нагѣянныхъ отвѣтъ притязаній. О. Порфирій вышелъ изъ этого тяжелаго испытанія съ полнымъ торжествомъ своихъ нравственныхъ принциповъ и съ сохраненіемъ достоинства своего служебнаго, officialнаго положенія, но едва ли не съ большимъ ущербомъ для своего здоровья. Всѣ и начальствующія надъ нимъ лица и подчиненные его не могли не сознаться, что о. Порфирій имѣетъ такія качества, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ были полезнѣе и лучше всякихъ мѣропріятій. Его чистосердечіе и искренность, его ла-

сковость и доступность для всѣхъ. его готовность на всевозможныя услуги дѣйствовали неотразимо на всѣхъ. Быть можетъ, иной разъ иной заносчивый юноша не убѣждался его рѣчами и внушеніями, но не вѣрить его прямогѣ и искренности, не видѣть чистоты его намѣреній, не замѣчать его непритворнаго доброжелательства никто не могъ. И концомъ концовъ было общее и глубокое уваженіе къ нему всѣхъ. Порядокъ и дисциплина были поддержаны, и при этомъ не было принесено ни одной жертвы.— Въ обычныхъ, необычайныхъ обстоятельствахъ академіи дѣятельность отца Порфирія въ качествѣ инспектора держалась на тѣхъ же началахъ искренности, доступности для всѣхъ, доброжелательства и благотворительности. Правило составлявшее основу дѣйствій въ нѣкоторыхъ инспекціяхъ: *divide et impera*, столь вредное особенно въ приложеніи къ молодымъ товариществамъ, отцомъ Порфиріемъ никогда не было употребляемо. Вообще и по своимъ нравственнымъ правиламъ и по своимъ дѣйствіямъ о. Порфирій не могъ принадлежать къ числу тѣхъ инспекторовъ, которымъ легко и безъ труда удается вести свое дѣло. Цѣли своего назначенія онъ достигалъ не съ такою легкостью и не тѣми средствами. Сколь много въ его ученыхъ убѣжденіяхъ лежало скепсиса и недовѣрія къ изслѣдованіямъ ученыхъ, столь же много, напротивъ, было въ немъ вѣры въ нравственное достоинство человѣка, въ отношенія его къ людямъ въ жизни. И изъ этого довѣрія развивалась вся система его инспекторскихъ дѣйствій.

Мы замѣтили выше, что время инспекторства отца Порфирія было временемъ замѣтнаго ослабленія его силъ и здоровья. И прежде инспекторства о. Порфирій крѣпкимъ здоровьемъ не обладалъ. Но ни профессор-

скіе труды въ академіи, въ первое время особенно тяжкіе, ни цензорскіе не дѣйствовали на его здоровье такъ разрушительно, какъ инспекторскія заботы и хлопоты. По крайней мѣрѣ, весьма ясно было для всѣхъ служившихъ съ о. Порфиріемъ ослабленіе его силъ и здоровья во время его инспекторства. Одно время въ началѣ 60-го года болѣзненное ослабленіе силъ его достигло опасной степени; въ Лаврѣ молились о его выздоровленіи, и молитва была услышана. Отецъ Порфирій укрѣпился настолько, что могъ не лежать; а этого было достаточно уже для того, чтобы онъ исполнялъ всѣ обязанности, на немъ лежавшія.

Въ январѣ 1861 года послѣдовало назначеніе о. Порфирія на должность ректора въ Виѳанскую семинарію. Но съ новымъ назначеніемъ не суждено было обновиться его физическимъ силамъ. Въ самомъ началѣ своего ректорства о. Порфирій выдержалъ мучительную и продолжительную болѣзнь—оспу. Освободившись отъ болѣзни, онъ съ своею всегдашнею и неизмѣнною ревностію взялся за новое, указанное ему дѣло управленія, и за чтеніе новаго предмета, впрочемъ ему хорошо извѣстнаго. Но слабость его силъ была столь велика, что побудила его просить разрѣшенія на путешествіе въ Самару, для леченія кумысомъ. Получивъ только нѣкоторое, впрочемъ незначительное укрѣпленіе отъ этого леченія, отецъ Порфирій поспѣшилъ къ мѣсту службы и къ исполненію своихъ обязанностей.

Вскорѣ за симъ (въ декабрѣ 1861 г.) послѣдовало новое назначеніе для о. Порфирія въ должность настоятеля московскаго Ставропіягіальнаго Симонова монастыря. Жизнь въ обители, соотвѣтствовавшая его глубокой религіозной настроенности, не налагавшая

срочныхъ ученыхъ работъ, тяжкихъ и изнурительныхъ, повидимому, должна была благодѣтельно подѣйствовать на его здоровье. Но глубоко разстроенное—оно не могло уже возстановиться. Строжайшая діета и медицинскія пособія поддерживали его нѣсколько; совершеннаго же укрѣпленія его здоровья не послѣдовало и съ перемѣщеніемъ въ Симоновъ. Онъ сѣтовалъ нерѣдко, что за исполненіемъ имъ своихъ прямыхъ настоятельныхъ обязанностей, слабое здоровье рѣдко позволяетъ ему отдаваться любимымъ ученымъ занятіямъ. Впрочемъ и въ это время онъ обработалъ и напечаталъ въ духовныхъ журналахъ нѣсколько монографій изъ своей любимой науки объ отцахъ Церкви.

Въ августѣ 1864 года отцу Порфирію было предложено мѣсто настоятеля православной церкви при императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Римѣ. Уже давно врачи совѣтовали отцу Порфирію, что онъ можетъ ожидать укрѣпленія своего здоровья отъ перемѣщенія въ южный и болѣе теплый климатъ. Теперь представлялась возможность исполнить совѣты врачей. И отецъ Порфирій, имѣя въ виду эту цѣль, и вмѣстѣ намѣреваясь удовлетворить своей необыкновенной любознательности, изъявилъ согласіе на предложеніе. Въ концѣ сентября онъ отправился изъ Петербурга и 13 октября прибылъ къ мѣсту своего назначенія, почти совсѣмъ изнемогшій отъ трудностей пути. И во время путешествія, и во время пребыванія въ Римѣ отецъ Порфирій велъ себя не какъ болящій, ищущій прежде всего покоя, а какъ ученый, жаждущій болѣе всего удовлетворенія своей любознательности. На пути въ Римъ въ Вѣнѣ онъ, между прочимъ, посѣщаетъ униатскую церковь и наблюдаетъ за особенностями униатскаго богослуженія. Въ Венеціи обозрѣваетъ соборъ

св. Марка, присутствуетъ при богослуженіи въ греческой церкви, посѣщаетъ католическую семинарію съ ея бібліотекой. Въ Падуѣ посѣщаетъ церкви, ихъ ризницы и бібліотеки, гдѣ ищетъ по преимуществу греческихъ рукописей; въ семинаріи интересуется ея уставомъ; въ университетѣ разспрашиваетъ о ходѣ и успѣхахъ преподаванія на богословскомъ факультетѣ. Въ Болоньи опять интересуется его семинарія, ея порядки и успѣхи ученія. Отъ проректора семинаріи онъ собираетъ свѣдѣнія объ уставѣ заведенія, о методѣ преподаванія, объ учебникахъ, объ отношеніяхъ монаховъ къ немонашествующему духовенству. Въ Ливорно и Флоренціи опять собираетъ свѣдѣнія о семинаріяхъ, осматриваетъ достопримѣчательности.

Въ Римѣ, укрѣпившись немного отъ крайняго изнеможенія, причиненнаго путешествіемъ, отецъ Порфирій собираетъ свѣдѣнія о дѣятельности католиковъ и іезуитовъ, враждебно направленной противъ православной Церкви и противъ Россіи, съ тою цѣлію, чтобы противопоставить какое-нибудь противодѣйствіе ихъ усиліямъ въ предѣлахъ дѣятельности, для него возможной литературно, или посредствомъ личныхъ сношеній. Въ то время въ Римѣ іезуиты агитировали въ пользу канонизаціи Іосафата Кунцевича. Мартыновъ издалъ обширную монографію о Кунцевичѣ, конечно, по извѣстнымъ іезуитскимъ приемамъ. Больно было отцу Порфирію видѣть такое искаженіе истины, враждебное православію и Россіи. И вотъ онъ, не теряя времени озабочивается пріобрѣтеніемъ изъ Россіи нужныхъ для него подлинныхъ документовъ о жизни и дѣяніяхъ Кунцевича. Между тѣмъ, его обычная любознательность побуждаетъ его осматривать все замѣчательное въ Римѣ. Несмотря на запрещеніе док-

тора онъ посѣщаетъ актъ въ пропагандѣ по случаю церковнаго праздника поклоненія волхвовъ, гдѣ воспитанниками произносятся краткія рацеи на 32 языкахъ, и усиливается проникнуть въ католическій коллегіумъ, равный нашей духовной академіи, чтобы ознакомиться съ приемами и методою католическаго преподаванія. За явленіями католической римской прессы онъ слѣдитъ постоянно. Любознательность, конечно, удовлетворялась; пищи и дѣятельности уму было много. Не столь успѣшно достигалась другая цѣль путешествія—возстановленіе здоровья. По пріѣздѣ въ Римъ здоровье его, по свидѣтельству врача-нѣмца, къ которому онъ обратился, оказалось въ весьма опасномъ положеніи. Но на первое время онъ успокоенъ былъ и барономъ Мейендорфомъ и своимъ врачомъ. Баронъ Мейендорфъ говорилъ ему, что нѣкоторые чиновники посольства и онъ самъ пріѣхали въ Римъ съ больною грудью и кровохарканіемъ, но теперь здоровы.

Такую же надежду на поправленіе здоровья подавалъ и докторъ, который и самъ страдалъ грудью и для леченія ѣздилъ и на Мадеру и въ Египеть. Но поелику требованія доктора, воспрещавшаго на первое время всякое движеніе, всякое серіозное занятіе и даже разговоръ, казались ему очень строгими, то украдкой отъ него онъ позволялъ себѣ иногда дѣлать визиты, которые считалъ наиболѣе неотложными. Черезъ мѣсяць по прибытіи въ Римъ здоровье его приближалось къ тому положенію, въ какомъ онъ былъ лѣтомъ въ Москвѣ. Но въ началѣ января изнеможеніе его достигло такой степени, что и баронъ Мейендорфъ и русскіе путешественники, жившіе въ Римѣ, настоятельно совѣтовали ему прекратитъ служеніе на нѣсколько не-

дѣль, для укрѣпленія силъ къ великому посту, когда служеніе необходимѣе. На великій постъ, впрочемъ, отецъ Порфирій нашель себя вынужденнымъ просить для вспоможенія іеромонаха съ русской эскадры, стоявшей въ Ниццѣ. Лѣто отецъ Порфирій провелъ на дачѣ, недалекѣ отъ Рима, на морскомъ берегу. Но и дачная жизнь не принесла ему укрѣпленія. Съ возвращеніемъ въ Римъ онъ опять продолжалъ борьбу съ прежними недугами. Врачи, обѣщавшіе укрѣпленіе въ мѣсяцъ собиранія винограда, въ половинѣ октября, по новомъ осмотрѣ его груди, увѣрили только въ томъ, что его состояніе не сдѣлалось хуже. Въ ноябрѣ ослабленіе его силъ было столь велико, что въ иные дни онъ не могъ уже ходить по комнатѣ. Жизнь видимо угасала.

Для всѣхъ знавшихъ отца Порфирія нѣтъ нужды распространяться о многихъ высокихъ, истинно-христіанскихъ свойствахъ его души.

Кому неизвѣстны, напр., его высоконравственныя отношенія къ своимъ обязанностямъ и вообще ко всякому дѣлу, на него возлагаемому! Никакой обязанности на него возложенной, ни одного дѣла, ему порученнаго, онъ не понималъ формально. Даже въ званіяхъ почетныхъ, въ которыя онъ былъ облакаемъ, искалъ, прежде всего, дѣла, обязанности, соединенной съ такимъ званіемъ. По назначеніи его настоятелемъ Симонова монастыря, академія, въ признательность за его заслуги, оказанныя академіи, избрала его членомъ своей конференціи. Отецъ Порфирій и въ этомъ званіи обратилъ вниманіе на обязанности съ нимъ соединенныя и не умедлилъ нѣкоторыя изъ нихъ исполнить.

Говорить ли о его добродушіи, искренности, простосердечіи, ласковости и готовности на всевозможныя

услуги? И это хорошо извѣстно всѣмъ его знавшимъ. Отецъ Порфирій, этими любезными свойствами своего характера, съ перваго раза привлекалъ къ себѣ всякаго. Въ его натурѣ не было ничего жесткаго, сухаго, отталкивающаго, антипатичнаго. Что-то родственное, задушевное было во всѣхъ его отношеніяхъ, бесѣдахъ съ людьми и близкими и неблизкими. Добросердечіе было источникомъ его благотворительности въ мѣрѣ, доступной для его средствъ, которыя никогда не были велики; оно же указывало ему и способы, при которыхъ его благотворенія дѣлались удобопріемлемыми даже для такъ называемой благородной бѣдности, которой оказать помощь въ особенности затруднительно. Вообще, должно замѣтить, что отецъ Порфирій всѣ получаемыя имъ денежные средства употреблялъ менѣе на себя, чѣмъ на другихъ нуждавшихся, родныхъ и неродныхъ. Услуги своимъ личнымъ трудомъ, совѣтомъ, просьбою за кого-нибудь, ходатайствомъ отецъ Порфирій оказывалъ такъ, какъ будто бы это съ его стороны и не было услугами.

Наконецъ, искреннее и глубокое благочестіе, любовь къ православной Церкви, благоговѣніе къ уставамъ Церкви, любовь къ богослуженію составляютъ завершеніе и вѣнецъ любезныхъ и высокихъ свойствъ отца Порфирія. Служить, быть въ церкви при богослуженіи, было для отца Порфирія высшею отрадой и утѣшеніемъ. Въ лаврѣ, пока силы ему еще не совсѣмъ измѣнили, онъ любилъ, въ особенности, часто бывать за богослуженіемъ старцевъ въ больничной церкви. при которой жилъ его инокъ—отецъ и его духовный отецъ, и самъ служилъ въ праздничные дни не упустительно, а въ прочіе—когда представлялась возможность и была свобода отъ обязательныхъ академиче-

скихъ занятій. Болѣзнь особенно тягостною представлялась отцу Порфирію тогда, когда лишала возможности служить. Любовь его къ православію обнаруживалась живымъ и дѣятельнымъ образомъ. Онъ не оставлялъ безъ обличенія неправильныхъ мнѣній о православіи, когда случалось ихъ слышать. За границей, въ самомъ центрѣ католичества, невѣрныя сужденія о православіи ему приходилось слышать, конечно, чаще. И онъ не упускалъ случая къ живой полемикѣ за православную Церковь и истину. Апологетико-полемическія его бесѣды съ разными католическими учеными и духовными лицами въ Римѣ были не рѣдки и не маловременны. Его лекціи и сочиненія проникнуты самымъ строгимъ духомъ православія и искреннею любовью къ православной Церкви и ея установленіямъ.

Въ духовной литературѣ отецъ Порфирій извѣстенъ какъ авторъ не малаго количества ученыхъ, обстоятельныхъ и самостоятельныхъ монографій. Предметомъ этихъ монографій была столько любимая имъ наука объ отцахъ Церкви. Нѣкоторыя обработаны и напечатаны имъ во время профессорства въ академіи, другія—во время настоятельства въ Симоновѣ монастырѣ. Онъ печаталъ ихъ въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ, въ Душеполезномъ Чтеніи и въ Трудахъ Кіевской академіи.

Въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ напечатаны слѣдующіе его монографіи: 1) св. Кирилль архіепископъ Александрійскій (1854), 2) св. Кирилль архіепископъ Іерусалимскій (1855) 3) о св. Амфилохѣ епископѣ Иконійскомъ, 4) (1856) св. Кипріанъ епископъ Карфагенскій (1856), 5) св. Григорій епископъ Нисскій (1861), 6) объ авторитетѣ св. отцовъ и важности ихъ писаній (1863).

Въ Душеполезномъ Чтеніи напечатаны: 1) Жизнь св. Порфирія архіепископа Газскаго (1863 февраль и мартъ). 2) Жизнь св. Василя Великаго (1864 январь, февраль, мартъ). 3) Жизнь св. Григорія Богослова (1864 сентябрь, октябрь, ноябрь).

Въ Трудахъ кievской духовной академіи: о стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова (1863).

Для общества распространенія полезныхъ книгъ отцомъ Порфиріемъ обработана: Жизнь св. Іоанна Дамаскина.

Кромѣ сего напечатаны его: 1) Слово въ день обрѣтенія мощей преп. Сергія (Приб. къ тв. св. отц. 1856), 2) Поученіе о неблаговременныхъ и непристойныхъ увеселеніяхъ по поводу бывающихъ въ Симоновѣ монастырѣ 1 августа (Душепол. Чт. 1863 августъ); 3) Отрывокъ изъ письма его изъ Рима (Правосл. Обзор. 1865); 4) Предостереженія отъ суевѣрій и предразсудковъ, извлеченныя изъ писаній св. отцевъ и учителей Церкви (Душеп. Чт. 1861 январь); 5) Отвѣтъ на недоумѣніе о непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ (Душеп. Чт. 1864 май); 6) О подражаніи святымъ (Душеп. Чт. 1865 апрѣль).

Монографіи отца Порфирія отличаются ясностію, простотою изложенія, обстоятельнымъ и подробнымъ изученіемъ предмета, и, что особенно важно, полною самостоятельностью. Читатель можетъ вполне положиться, что все написанное отцомъ Порфиріемъ писано имъ не съ чужаго голоса: имъ самимъ перечитаны первые источники, имъ самимъ сдѣланы и неоднократно провѣрены переводы приводимыхъ мѣстъ. По этимъ достоинствамъ монографіи отца Порфирія составляютъ значительный вкладъ въ русскую духовную литературу. И достойно глубокаго сожалѣнія, что болѣзнен-

ность и наконецъ преждевременная кончина воспрепятствовали отцу Порфирію обработать полный курсъ патристики, читанной имъ въ академіи. Это было бы важнымъ приобрѣтеніемъ нашей духовной литературы.

Телеграфическое извѣстіе о кончинѣ отца Порфирія въ Москвѣ получено 15 января, въ академію сообщено 16-го; паннихида и заупокойная литургія по преставльшемся членѣ академической конференціи совершена была въ академіи 23 января.

Приснопамятный отецъ нашъ! Господу угодно было, чтобы ты почилъ сномъ смерти вдали отъ насъ, вдали отъ всѣхъ, тебя чтившихъ и любившихъ. Но еще и разлучени тѣлесы, мы совокуплены съ тобою духомъ, мы съ тобою нашею къ тебѣ любовію, воспоминаніемъ о тебѣ, молитвою. Ты былъ незлобивъ душею и чистъ сердцемъ. И да даруетъ тебѣ Христось Богъ то блаженство, которое обѣтовано чистымъ сердцемъ. Между нами же память о тебѣ въ родъ и родъ!

31 января 1866 г.

А. Лавровъ.

ПОУЧЕНІЕ ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА МЕДЫНЦОВА (*).

Святая церковь собрала насъ, братія, проститься съ новопреставленнымъ рабомъ Божиимъ Петромъ, напутствовать его въ страну вѣчности молитвами и прово-

(* Произнесено 15 января, въ Никола-Толмачевской церкви.

дять его до могилы. Это не значить, впрочемъ, что мы совсѣмъ расстаемся съ нимъ, что могила совсѣмъ сокроетъ его отъ насъ. Она сокроетъ бранные его останки, но не унесетъ отъ насъ доброй памяти его. Святая Церковь возглашаетъ *вѣчную память* всякому христіанину, хотя бы иной не оставилъ послѣ себя доброй памяти, хотя бы нечѣмъ было его помянуть. Предстоя сему гробу, мы имѣемъ утѣшеніе молиться за человѣка, котораго есть за что помянуть добромъ. Онъ не чуждъ былъ свойственныхъ намъ недостатковъ и грѣховъ, и не всегда успѣшно боролся съ ними, но изъ знавшихъ его сколько-нибудь кто не скажетъ, что вообще онъ былъ добрый человѣкъ?

Добрый человѣкъ—какъ много заключается въ этомъ словѣ! Быть добрымъ человѣкомъ, это такое достоинство, котораго не можетъ замѣнить богатое умственное развитіе, но безъ доброты сердечной. Чтò толку въ умѣ, когда сухо и черство сердце!—И духъ злобы—умнѣйшее существо: человѣку съ самымъ тонкимъ и многосвѣдущимъ умомъ онъ не уступитъ въ познаніи законовъ природы, въ наблюдательности надъ нашею душею и отношеніями человѣческими; предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ, вслѣдствіе отличнаго знанія законовъ физическихъ, онъ чрезъ антихриста, на удивленіе міру, покажетъ такіе поразительные опыты своего искусства, что ихъ почтутъ за чудеса. Но чтò хорошаго въ такомъ блестящемъ и многосвѣдущемъ умѣ, когда это — умъ духа злобы и лукавства, изобрѣтательный на одно зло? Чтò хорошаго и въ человѣческомъ умѣ, при недостаткѣ сердечной доброты? Какъ тяжело было бы жить на свѣтѣ, еслибы все приходилось имѣть дѣло съ людьми, которые на каждомъ шагу давали бы вамъ чувствовать свое превосходство

предъ вами, въ умственномъ отношеніи, и не смягчали бы этого чувства добродушіемъ,—съ людьми, отъ которыхъ вѣтъ холодомъ самолюбія и своекорыстія и не жди искренняго сочувствія вамъ въ горѣ и радости,—съ которыми нельзя сойтись по душѣ!—Общежитіе держится не столько умными, сколько добрыми людьми. Притомъ, и на томъ свѣтѣ не будутъ насъ спрашивать, насколько мы умны, а старались ли образовать въ себѣ добрыя сердечныя расположенія. За недостатокъ умственнаго образованія съ насъ тамъ не взыщутъ, а взыщутъ за недостатокъ сердечной доброты.

Обратимся къ почившему и укажемъ на тѣ черты въ его характерѣ, за которыя онъ вполнѣ заслужилъ названіе добраго человѣка. Онъ былъ кротокъ и мягкосердеченъ. Самъ никого не обижалъ ни дѣломъ ни словомъ, а на обиды отъ другихъ отвѣчалъ молчаніемъ и удаленіемъ отъ обижающаго, по слову Писанія: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Лучше и нельзя было поступать. Ничѣмъ такъ не обезоруживается обидчикъ, какъ кротостію обижаемаго. Какъ-то совѣстно и стыдно долго держать гнѣвъ и питать вражду противъ человѣка, который смотритъ на васъ незлобивымъ агнцемъ. Иные, пожалуй, такую агнчую кротость и безотвѣтность назовутъ непохвальною слабостью, недостаткомъ уваженія къ себѣ, равнодушіемъ къ своей чести. Неправда: чтò можетъ быть выше чести быть подражателемъ Того, Кто называетъ себя кроткимъ и смиреннымъ (Мѡ. 11, 29)? Кто, «будучи злословимъ, не злословилъ взаимно, страдая, не угрожалъ, но предавалъ то Судіи праведному» (1 Петр. 2, 23)?

Кроткій и незлобивый, покойный всѣмъ извѣстенъ былъ за человѣка честнаго и добросовѣстнаго. Онъ

неспособенъ былъ къ обману и къ умышленному нарушенію честнаго слова. Къ нѣкоторымъ лицамъ, одинаковыхъ съ нимъ занятій, могутъ быть отнесены слова Сираха: «Многіе почитаютъ находкою деньги, взятыя взаемъ, и причиняютъ огорченіе тому, кто помогъ имъ. Доколѣ не получить ихъ, онъ цѣлуетъ у нихъ руки, и для денегъ ближняго смиряетъ свой голосъ: но когда нужно отдавать, онъ тянетъ время, воздаетъ оскорбительными словами и жалуется на срокъ» (Сир. 29, 4—6). Поведеніе покойнаго служило живымъ укоромъ людямъ, которыхъ обличаетъ Сирахъ. Душа его гнушалась подобнымъ легкимъ способомъ приобрѣтенія, и неудачи по дѣламъ онъ терпѣлъ именно оттого, что всегда спѣшилъ честно и въ сроки, хоть и съ ущербомъ для себя, удовлетворять заимодавцевъ. Самъ честный и добросовѣстный, онъ, по добротѣ своей, вѣрилъ въ честность другихъ. Довѣріе его не разъ обманывали, но это не охлаждало въ немъ вѣры въ людскую совѣсть; одно честное слово человѣка, который внушалъ ему довѣріе, для него гораздо больше значило, чѣмъ всѣ формальныя ручательства и обязательства. Въ семъ отношеніи онъ былъ истинный ученикъ любви христіанской, которая, по слову апостола, *всему въру е.летъ* (1 Кор. 13, 7). Христъ Спаситель, когда изрекалъ заповѣдь своимъ послѣдователямъ совѣмъ не божиться, а говорить одно *да*, или *нѣтъ*,—хотѣлъ водворить въ ихъ обществѣ такую правдивость и искренность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, чтобы для нихъ совѣмъ не было нужды ни самимъ божиться, ни другихъ заставлять божиться. Покойный, благодареніе Господу, былъ однимъ изъ тѣхъ, среди которыхъ заповѣдь Христа Спасителя становится вполне удобоисполнимою. И дай Богъ, чтобы въ нашемъ обществѣ

болѣе и болѣе умножалось число людей съ подобною правдивостію и чистосердечіемъ: тогда легко возстановилось бы довѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ, столь потрясенное вошедшими въ привычку обманами, и обычай божиться, дошедшій до послѣдней степени безобразія, исчезъ бы самъ собою.

Добросердечіе покойнаго выражалось также въ готовности всякому, по возможности, сдѣлать добро и въ христіанскомъ снисхожденіи. Лица, съ которыми онъ вель дѣла, не разъ оказывались предъ нимъ несостоятельными должниками на значительныя денежныя суммы; но онъ, слѣдуя примѣру покойнаго своего родителя, не прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ взысканія. «Пусть мое лучше пропадаетъ», говорилъ онъ. По истинѣ на немъ оправдались слова апостола: *любы милосердствуетъ, не ищетъ своихъ си* (1 Кор. 13, 4. 5).

Указанныя нами добрыя качества почившаго возвышались его благочестіемъ. Онъ былъ глубоко религіозный человѣкъ. Участіе въ молитвахъ церковныхъ, бесѣда съ людьми благочестивыми, посѣщеніе святыхъ обителей, духовное пѣніе, въ которомъ онъ былъ искусенъ, доставляли ему великое удовольствіе. Любовь къ чтенію душеспасительныхъ книгъ не покидала его, можно сказать, до послѣднихъ часовъ его жизни. Особенно Псалтирь услаждала его душу, во время тяжелой болѣзни, которая свела его во гробъ.

Такъ, есть за что добромъ помянуть новопреставленнаго раба Божія Петра. Но чтобы наше воспоминаніе о немъ не было бесполезно для души его, помолимся изъ глубины сердца, чтобы Господь: благоволительно взирающій на кроткаго и малчаливаго (Иса. 66, 2), отверзающій двери царствія душамъ дѣтски-простымъ и незлобивымъ (Мѡ. 18, 3), призрѣлъ и на него

окомъ Своего милосердія, не помянулъ его грѣховъ вольныхъ и невольныхъ, и упокоилъ его, много искушеннаго болѣзнію и разными житейскими невзгодами, въ обителяхъ свѣтлыхъ и безмятежныхъ.

Свящ. В. Печеевъ.

**ИЗЪ ПИСЬМА ПОКОЙНАГО ПРОФЕССОРА М. Д. АКАДЕМИИ
ПРОТОІЕРЕЯ Ѡ. А. ГОЛУБИНСКАГО КЪ БОЛЯЩЕЙ, П. Н.
Т—ОЙ, СЪ РАЗМЫШЛЕНІЯМИ ВО ВРЕМЯ БОЛѢЗНИ (*).**

....Глубоко тронуло меня, что вы пишете объ усиленіи вашей болѣзни. Ахъ, куда же и бѣжать отъ всѣхъ этихъ тяжестей многотрудной земной жизни, какъ не ко Господу? Въ Его десницѣ вѣрные вѣсы, на которыхъ съ благодѣтельнѣйшею точностію исчислены всѣ раздаянія и пріятныхъ и горькихъ благодѣяній, нужныхъ намъ грѣшнымъ, и всѣ минуты нашей жизни, когда что для насъ полезнѣе. Нѣтъ ни одной лишней песчинки наказаній, нами заслуженныхъ, и горы благъ, нами незаслуженныхъ. Истаяваетъ отъ стыда и удивленія сердце, когда представимъ, сколько надъ нами долготерпѣнія, и сколь мы неблагодарны!

Не умѣю ничего сказать о семъ, какъ только то, что желаю научиться вмѣстѣ съ вами повторять написанную вами молитву о васъ и о себѣ: «Господи, даруй прежде конца покаяніе и смиренное терпѣніе».

РАЗМЫШЛЕНІЯ ВО ВРЕМЯ БОЛѢЗНИ.

*1. Оупьмьхъ, и не отверзохъ устъ моихъ, яко Ты со-
творилъ еси тако со мною. Псаломъ 38, ст. 9.*

(*) Доставлено въ редакцію графомъ М. В. Толстымъ.

Мнѣ ли сѣтовать, когда мой Богъ поражаетъ меня, и поражаетъ по любви, дабы исцѣлить меня?

О Господи! рази меня, я преклоняю выю. Коль сладостны удары Твои,—самые грозные! Ибо подъ ними столько милостей сокрыто!

Ахъ, еслибы не поражалъ Ты мое тѣло, душа моя не перестала бы сама себѣ наносить удары смертные.

Она была покрыта страшными ранами гнойными. Ты воззрѣлъ на нее, Ты сжалился надъ нею.

И се, Ты сокрушаешь сіе тѣло, раболѣпствовавшее грѣху; Ты разрушаешь мои честолюбивыя намѣренія. Ты возвращаешь мнѣ вкусъ къ вѣчной истинѣ Твоей, который столь давно мною былъ потерянь.

Буди убо благословенъ! Я лобызаю руку, меня сокрушающую, обожаю десницу, меня поражающую.

II) *Помилуй мя, Господи яко немощенъ есмь.* Псаломъ 6, ст. 3.

О Боже мой! Мнѣ нечѣмъ больше преклонять Тебя къ милосердію, кромѣ крайней моей бѣдности.

Ты видишь, сколь нужна мнѣ помощь Твоя; не отрекись даровать мнѣ оную!

Я чувствую, о Господи, что безъ Твоея помощи не могу жить: подаждь мнѣ, Господи, чтобы сіе чувствованіе научило меня не полагаться болѣе на самое себя!

Ты поражаешь плоть мою, чтобы она очистилась; Ты сокрушаешь тѣло мое, чтобы исцѣлить мою душу.

Спасительною скорбію Ты отторгаешь меня отъ удовольствій душевредныхъ.

Болѣзнь моего тѣла огорчаетъ меня: о, какъ же я не ужасалась болѣзней духа моего! Какъ я могла, отдавать его въ жертву тщеславію, честолюбію. и палящей горячкѣ всякаго рода страстей тиранскихъ! —

Я была сильно больна, и не хотѣла вѣрить, что я больна. Столь жестокъ былъ недугъ мой, что я не могла его и чувствовать. Я походила на человѣка въ сильной горячкѣ, который почитаетъ жаръ свой за крѣпость силъ тѣлесныхъ.

О Господи! Благодарю Тебя, что болѣзнь начинаетъ открывать глаза мои: содѣлай, да премѣнитъ она мое сердце!

III) *Вамъ дано не токмо вѣрвати въ Него, но и страдати за Него.* Къ Филипписеемъ гл. 1, ст. 29.

О даръ драгій, котораго цѣны не знаетъ человѣкъ!

Страданіе апостолъ называетъ столь же драгоценнымъ, какъ и вѣру, которую въ душахъ проливаетъ Духъ Святыи!

Блаженный знакъ любви и милосердія Господня, когда Господь вводитъ насъ въ страданіе!

Но ужели терпѣніе мое будетъ невольное и съ нетерпѣніемъ смѣшанное? Ахъ, нѣтъ. Такъ терпятъ и враги моего Бога. Кто страдаетъ, и не хочетъ страдать, того мученія ведутъ его къ скорбямъ еще тягчайшимъ. Кто покоряется среди страданія, тотъ превращаетъ оное въ блаженство безконечное. О, Боже мой! охотно желаю я страдать, желаю въ тишинѣ сердца и любви.

Мало того, чтобъ только вѣрить священнымъ Твоимъ истинамъ; надобно имъ послѣдовать. Онѣ насъ осуждаютъ на скорбь: но онѣ же показываютъ намъ и цѣну скорби.

О Господи! Подкрѣпи мою вѣру изнемогающую. Да возгорится и во мнѣ вѣра и терпѣніе святыхъ твоихъ! И если я не удержусь отъ нетерпѣнія, то даруй тотчасъ мнѣ смириться, и сознать вину мою, и поканіемъ загладить оную.

IV) *Придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою Вы.* Матѳея гл 11, ст. 28.

Сладкое слово Господа моего Иисуса Христа, Который на Себя приѣмлетъ всѣ труды, все обремененіе, всѣ скорби чловѣческія!

И такъ Ты хочешь, о, Спаситель мой, понести на Себѣ мои бѣдствія! Ты убѣждаешь меня возложить мое бремя на рамена Твои! Ты хочешь дать мнѣ облегченіе въ моихъ страданіяхъ!

Да прицѣпится крестъ мой къ Твоему кресту; благоволи принять его, о Боже мой, и понести за меня.

И Ты, о Господи, изнемогъ нѣкогда и палъ подъ тяжестью креста Твоего, преходя на мѣсто распятія Твоего.

О Господи! Иду во слѣдъ Тебѣ, иду даже до Голгофы, и желаю быть распятъ съ Тобою.

Если Тебѣ сіе угодно, я желаю умереть на рукахъ Твоихъ.

Но тяжесть креста придавляетъ меня. Исчезаетъ терпѣніе мое; Господи, Ты будь терпѣніе мое, умоляю Тебя Твоимъ обѣтованіемъ!

Къ Тебѣ я прибѣгаю, нѣтъ больше во мнѣ силъ идти къ тебѣ; Господи! ради моего немощи яви мнѣ состраданіе Твое и помощь Твою!

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ ВЪ ИНКЕРМАНСКУЮ ОБИТЕЛЬ.

Въ восьми верстахъ отъ г. Севастополя, въ Инкерманской долинѣ, находится киновія, въ которой заслуживаетъ особеннаго вниманія православныхъ христіанъ, какъ остатокъ первыхъ вѣковъ святыни, вырубленный въ громадной скалѣ, на высотѣ 40 сажень отъ поверхности моря, небольшой храмъ,

во имя Священномученика Климента, епископа римскаго, гдѣ находится много гробницъ, пострадавшихъ за вѣру Христову.

Послѣ многихъ испытаній, совершившихся надъ храмомъ, въ минувшую войну, онъ вновь подвергся разоренію вмѣстѣ съ г. Севастополемъ. Безъ помощи боголюбивыхъ людей эта древнѣйшая святыня и замѣчательная обитель существовать не можетъ. Поэтому св. обитель смиренно обращается къ усердію благотворителей и сыновъ св. Церкви и будетъ возносить молитвы къ престолу Господа въ безкровной жертвѣ, о здравіи и о спасеніи жертвующихъ и о упокоеніи сродниковъ, имена которыхъ ей будутъ сообщены и записаны въ учрежденные для того при обители синодики.

Благотворители, желающіе оказать пособіе, благоволятъ адресовать оное: 1) въ городъ Севастополь, въ Инкерманскую миновію, настоятелю съ братією, во всякое время; 2) въ Москвѣ: къ почетному гражданину Ивану Ивановичу Четверикову, на Чижовскомъ подворьѣ

ОЪЯВЛЕНІЯ.

1) «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости», выходящія съ апрѣля мѣсяца 1860 года, будутъ издаваться и въ наступающемъ 1866 году. Онѣ, по прежнему, будутъ состоять изъ двухъ частей — официальной и неофициальной, и выходятъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, объемомъ не менѣе полутора печатныхъ листовъ. Цѣна изданію остается прежняя: четыре рубля серебромъ съ пересылкой. Желающіе получить Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости могутъ обращаться съ требованіями своими: «въ г. Ярославль, въ Редакцію Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.» Редакторы: *А. Крыловъ и Св. А. Яновскій.*

2) Въ Книжной лавкѣ А. Н. Ѳерепонтова на Никольской, и въ книжномъ складѣ «Русская Грамота» въ Газетномъ переулкѣ, поступила въ продажу книга «Предъизображенія Креста Христа въ В. Завѣтѣ, по указанію церковно-богослужебныхъ книгъ». Цѣна 20 коп., съ пересылкою 35 коп. сер.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ (*).

(Изъ записокъ поклонника.)

Понедѣльникъ 23 сентября.

День четвертый. Въ часъ ночи колоколь позвалъ насъ къ утрени. Ее служили въ большой церкви *Рождества*, алтарь которой устроенъ прямо надъ *Вертепомъ*. Церковь была пуста и мало освѣщена. Только изъ глубины св. пещеры широкою полосой разливался въ храмъ свѣтъ отъ неугасимыхъ лампадъ. И священникъ и діаконъ глашали по временамъ по-славянски, въ утѣшеніе общества нашего, которое всякій разъ, какъ слышало родной языкъ, нарушало тишину церкви шумомъ удвоенныхъ поклоновъ и произношеніемъ въ тихомолку: *Господи Исусе!* Служба была непродолжительна. По окончаніи ея, мы опять разошлись по комнатамъ на часъ отдыха. Вторичный звонъ собралъ насъ уже въ богопріемный *Вертепъ*. Литургія правилась по-русски. Пѣніе громкое и довольно согласное, хотя и совершенно безыскусственное, было умилительно. Отъ исключительности положенія нашего, мы позволяли себѣ дѣлать отступленіе отъ правилъ церковнаго устава, и дружное пѣніе всѣми присутствовав-

(*). Продолженіе. См. февральскую книжку.

шими *тропаря Рождеству Христову* слышалось не разъ, когда положено пѣть совсѣмъ другое. Обѣдня кончилась на разсвѣтѣ. На церковномъ дворѣ ожидалъ насъ цѣлый базаръ, съ разнаго рода мѣстными произведеніями: четки, крестики, иконы всякаго вида и размѣра изъ перламутра, дерева, краснаго камня и камня Мертваго моря (изъ послѣдняго камня даже чайныя чашки съ блюдцами) разложены были кучами по обѣимъ сторонамъ дороги. Продавцы—Арабы всѣ объяснялись съ покупателями по-русски, дополняя то, чего не выражалъ языкъ, знаменательными движеніями глазъ и рукъ. Покупатели болѣе всего бросались на крестики. Одному удалось купить за англійскій червонецъ перламутровый крестъ въ поларшина вышины, и лицо его сіяло восторгомъ. «Куда ты съ такимъ большимъ крестомъ?» спросилъ я.—«Приложу въ свою церковь на поминъ своихъ родителей, отвѣчалъ онъ. У насъ вѣдь изъ святаго Виолеема кто видалъ что-нибудь?»—Взошедши на верхъ въ пріемную комнату, мы угощались изъ рукъ владыки вареньемъ и прочими принадлежностями восточнаго гостепрѣимства, въ то время какъ лежавшая на столѣ толстая записная книга и стоявшій при ней чернильный приборъ напоминали намъ ясно, что за одолженіемъ естественно слѣдуетъ благодареніе, хотя сему послѣднему данъ такой видъ, что оно опять похоже болѣе на одолженіе, потому что съ посильнымъ приношеніемъ вписываютъ имена приносителей для церковнаго поминовенія. Мы простились съ преосвященнымъ. Всѣ мои спутники немедленно отправились прямо въ Іерусалимъ. Я же съ обязательнымъ о. В. пошелъ снова въ церковь, которую около $\frac{1}{4}$ часа разсматривалъ при дневномъ свѣтѣ. Кое-гдѣ на стѣнахъ ея еще видны остатки

прежняго великолѣнія — мозаическія иконы съ подписями, на коихъ читается имя императора *Мануила*; такими же иконами украшенъ былъ и притворъ. Осмотрѣвъ въ послѣднемъ единственный теперь замѣчательный предметъ — базальтовую купель, я оставилъ приснопомытный храмъ, а вслѣдъ затѣмъ и монастырь и городъ.

Путь мой лежалъ къ востоку по склону горы, на которой стоитъ Виѳлеемъ. Черезъ четверть часа мы достигли пещеры, въ которой, по преданію, останавливалась и кормила грудью божественнаго Младенца Богоматерь. Матери Виѳлеемскія и окрестныхъ мѣстъ берутъ себѣ землю изъ этой пещеры на благословіе. Латины устроили въ ней убогій престолъ, на которомъ и отправляютъ иногда богослуженіе, вѣроятно, по заказамъ матерей своего вѣроисповѣданія, коихъ въ Виѳлеемѣ не мало. Отсюда дорога идетъ нѣсколько южнѣе. Еще издали мы увидѣли четверугольную ограду среди поля, оживленнаго по мѣстамъ масличными деревьями; черезъ другую четверть часа мы были уже у нея. Это мѣсто явленія *Ангеловъ пастырямъ* въ единственную ночь. Ограда сложена грубо и видимо въ недавнее время, но въ основаніи ея лежатъ большіе тесаные камни; это заставляетъ думать, что она составляла нѣкогда крѣпкое строеніе, которое съ увѣренностью можно относить ко времени построенія надъ Вертепомъ великой церкви. Пространство площади, объемлемой ею, впрочемъ не велико; наибольшее протяженіе ея отъ запада къ востоку. Близъ сѣверной стѣны, внутри ея, кучи камней свидѣлствуютъ о бывшемъ тамъ зданіи: тутъ была церковь. Мѣсто алтаря обозначается ясно. Стоя въ чертѣ его, я, несмотря на ослѣпительный блескъ солнца, ста-

рался представить себѣ глубокую, холодную ночь. Думалось видѣть тутъ не подалеку сжавшееся въ кучу и спавшее стадо овецъ, а на мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, стерегшихъ оное пастырей. Спутникъ, вожатай мой, понялъ мою мысленную работу и сказалъ мнѣ: «полноте! мы еще не тамъ, гдѣ было явленіе». Онъ указалъ на малое и глубокое отверстіе въ землѣ, почти возлѣ самого меня, и сказалъ: «тамъ было то, что вы воображаете». — Какъ! въ землѣ? — «Да! т. е. въ пещерѣ». Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ къ западу, и увидѣли широкой спускъ подъ землю. Сошедши въ низъ, очутились въ полумракѣ пещеры, освѣщаемой нѣсколько со входа и сквозь упомянутое отверстіе въ сводѣ. Впереди насъ стоялъ бѣдный иконостасъ. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ и другія принадлежности церкви. «Здѣсь вы видите пещеру евангельскихъ временъ, во всей ея первобытной неприкосновенности», сказалъ мнѣ спутникъ. Пещера видимо не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ обдѣлки; было поразительно смотрѣть на это подземелье и думать, что такимъ оно было и въ святую ночь ангельскаго благовѣстія. Но прежде я никогда не воображалъ, чтобы ангельское слово раздавалось подъ землею. «Кто же сказалъ вамъ, что здѣсь—въ подземельи—было явленіе?» спросилъ я спутника нетерпѣливо. — «А кто же сказалъ, что не здѣсь, не въ подземельи?» — возразилъ онъ. Никто не сказалъ ни того ни другаго. Я это зналъ хорошо. Замѣтивъ мое недоумѣніе, спутникъ прибавилъ: «Пріѣзжайте сюда зимою, и тогда увидите, оставляютъ ли здѣсь пастухи стада свои на ночь подъ открытымъ небомъ. Да и тамъ, гдѣ вы живете, я думаю, то же самое дѣлаютъ». Я вспомнилъ, что это дѣйствительно такъ бываетъ. Но вѣдь рѣчь не о стадѣ, а о па-

стухахъ, стерегшихъ стадо. Была ли имъ нужда проводить ночь виѣстѣ со стадомъ въ духотѣ и тѣснотѣ, или они, загнавъ стадо въ пещеру, стерегли его поверхъ земли? Последнее казалось мнѣ вѣроятнѣйшимъ.

Во время этихъ размышленій, въ подземелье явился престарѣлый священникъ въ рясѣ и чалмѣ. Немедленно онъ надѣлъ на себя эпитрахиль, отдернулъ завѣсу царскихъ вратъ и началъ пѣть и читать литію. Въ первый разъ я видѣлъ арабскаго священника и арабское богослуженіе. Все меня при этомъ занимало: и суетливыя движенія старца, превосходившія живостію даже греческія, и нарядъ его убоже убогаго, и рѣчь его, дико звучащая, и слово: «ыскэн-деръ», различенное мною на эктении, и произнесенное съ особеннымъ усиленіемъ, и взоръ его, въ которомъ уже едва свѣтился лучъ жизни. Дрожащими руками взявъ онъ потомъ съ престола ветхое рукописное Евангеліе, и сказавъ по-гречески едва различаемымъ выговоромъ: *отъ Луки св. Евангелія чтеніе*, началъ читать по-арабски повѣствованіе Евангелиста о явленіи ангеловъ пастырямъ. Не разумѣя словъ, я понималъ что-то по выраженіямъ лица чтеца, — до того рѣзкимъ, что казалось онъ съ кѣмъ-то спорилъ за истину всякаго выраженія Священнаго писателя, — и частію по возвышенію голоса, доходившему иногда до того, что въ немъ уже не слышалось старческаго дребезжанія, а все сливалось въ одинъ гортанный крикъ. Потъ струился съ утомленнаго чела старца, а открытая и поросшая сѣдыми волосами грудь подымалась часто и высоко. Памятною на долго останется мнѣ эта первая встрѣча моя съ арабскою церковію. И сія вѣтъ православія ждетъ заступничества и горячаго участія нашей, можно сказать, царствующей церкви. Священ-

никъ этотъ много лѣтъ былъ на приходѣ въ Виолеемъ (а), но потомъ передалъ мѣсто сыну, и теперь живетъ на покоѣ, если можно назвать покоемъ то, что онъ можетъ ежедневно, и даже не по разу, бѣжать изъ Виолеема къ пещерѣ вслѣдъ поклонниковъ, чтобы прочесть имъ Евангеліе и получить что-нибудь за трудъ.

Проводникъ нашъ—мусульманинъ—уже давно выражалъ нетерпѣніе отъ нашего замедленія. Онъ противъ воли поѣхалъ съ нами сюда, и видимо сердился. Мы поспѣшили потому оставить мѣсто, не напившись, такъ сказать, имъ до-сыта Въ Виолеемъ мы уже не возвращались, а направили путь прямо на Іерусалимъ, даже не на монастырь св. пр. Іліи, оставшійся у насъ влѣвѣ. Съ косогора мы скоро спустились къ каменистому руслу малой безводной рѣчки. Одинъ изъ береговыхъ камней ея былъ для меня камнемъ претканиа, грозившаго не малою опасностью,—что, вѣсто соучастія, произвело въ проводникъ нашемъ еще большее раздраженіе, которое меня не мало смутило. Взбираясь на возвышенность, раздѣляющую горизонты виолеемскій и іерусалимскій, я поминутно оглядывался на Виолеемъ, напечатлѣвая глубже и рѣзче въ памяти его присножеланный образъ. По сторонамъ дороги видѣлись окопанные виноградники съ небольшими башнями, служащими для выдѣлки вина. *Насади виноградъ, и окопа, и созда столпъ*, говорилъ Господь въ притчѣ о «дѣлателяхъ». Виноградники, съ коихъ божественный Учитель бралъ примѣры, и доселѣ остаются такіе же, не смѣю сказать: тѣ же, какіе были тогда. Порази-

(а) Въ Виолеемъ 4 приходскихъ священника. По бѣдности жителей, всѣхъ ихъ содержитъ монастырь греческій, въ свою очередь содержимый патриархіею.

тельно видѣть и, можно сказать, осязать все это. *О мѣхахъ* для вина я почитаю излишнимъ говорить. Они во всеобщемъ употребленіи на востокѣ и даже у насъ на Кавказѣ. *Кровли*, на которыхъ можно заниматься бесѣдой и даже переговариваться съ дома на домъ, и теперь повсемѣстны въ Палестинѣ. *Свѣтильникъ слейный* есть единственный въ домашнемъ употребленіи. *Градъ, вверху горы стои́й*, есть явленіе тоже обыкновенное. *Возлежаніе* есть любимое положеніе людей, не занятыхъ дѣломъ или отдыхающихъ. *Ослы и верблюды* на каждомъ шагу. Я говорю только о томъ, что видѣлъ самъ, и вовсе не имѣя намѣренія вдаваться въ библійскую археологію.

Пославъ послѣдній взоръ — и почему не сказать вздохъ — Виелеему, я простился съ веселою окрестностію его, и по обнаженной, безжизненной равнинѣ, покатою нѣсколько впередъ, поѣхалъ къ Іерусалиму, который видѣлся отсюда двумя своими сторонами, южною и западною, или точнѣе стѣнами, опредѣляющими его съ этихъ сторонъ. Печальная мѣстность! печальный городъ! Спутникъ отвлекъ мое вниманіе отъ града Божія къ предмету, который занимаетъ поклонниковъ наравнѣ съ важнѣйшими памятниками св. земли. Онъ указалъ мнѣ на ровное мѣсто при дорогѣ, гдѣ всегда можно видѣть множество мелкихъ округленныхъ камешковъ, величиною съ горошину, разбираемыхъ поклонниками на память, и всегда находимыхъ въ изобиліи. Преданіе объ этомъ *каменномъ горохѣ* я и слышалъ и читалъ, но оно не могло во мнѣ возбудить умиленія. Замятивъ мою несловоохотливость, спутникъ завелъ бесѣду съ проводникомъ, желая чѣмъ-нибудь задобрить его; тайная же мысль его была уговорить его ѣхать съ нами до *Крестнаго монастыря*. Мы были недалеко отъ

него, и еслибы успѣли обозрѣть его сегодня, свободнѣе завтра могли бы осматривать сѣверо-восточную окрестность Іерусалима. Но при первомъ словѣ нашемъ о монастырѣ, смягчившійся было до улыбки, проводникъ нашъ покраснѣлъ отъ злобы. Вслѣдствіе чего мы и рѣшились отложить поѣздку туда до вечера. Около 10 часовъ мы были уже въ стѣнахъ города и мирно возвращались въ свой пріютъ.

Послѣ малаго отдыха, тотъ же неутомимый и достойный всякихъ похвалъ о. В. повелъ насъ по городу для обозрѣнія наиболѣе чтимыхъ и отмѣченныхъ исторію и преданіемъ мѣстъ. Мы начали путь свой отъ площадки передъ храмомъ Воскресенія, съ южной его стороны. Она слишкомъ извѣстна по рисункамъ. Стоя на ней лицомъ на сѣверъ, въ линіи существовавшихъ нѣкогда колоннъ, отъ коихъ теперь остались одни основанія, видите передъ собою часть храма, или почти цѣлую половину его, заключающую въ себѣ собственно церковь Воскресенія или *Греческій Соборъ* и придѣлъ *Распятія*. Стѣна въ нижней части пробита двумя большими смежными дверями, изъ коихъ ближайшая къ востоку закладена камнемъ, а другая служитъ входомъ въ храмъ. Надъ дверями, въ верхней части стѣны, есть два большихъ окна, также какъ и двери, смежныя другъ другу и раздѣляемая одною колонной, по сторонамъ которой изъ глубины стѣны къ ея поверхности идетъ рядъ выступающихъ карнизовъ, обрамливающихъ весь оконный прорѣзъ, и увеличивающихъ так. обр. простѣнокъ. Архитектурная особенность эта есть изобрѣтеніе *Византійцевъ*, отъ которыхъ въ XII и XIII столѣтіяхъ перешла въ смѣшанный *романскій* стиль и окончательно окрѣпла въ *готическомъ*. Правѣе линіи дверей и оконъ выступаетъ

впереди стѣны, шага на два или на три, крыльцо, ведущее нѣкогда въ *придѣль Распятія* или на *Голову*, которая, какъ изъ этого обстоятельства заключать надобно, не имѣла нѣкогда прямого сообщенія со внутренностію храма, хотя видимо, входила въ объемъ его. Въ крыльцо это упирается глухая и высокая стѣна, идущая подъ прямымъ угломъ къ храму и ограничивающая площадку съ восточной стороны. За нею находится пріютъ *Коптовъ* и *Абиссинцевъ*. Параллельно сей стѣнѣ, съ западной стороны, ограничиваетъ площадку другая, также глухая стѣна, съ нѣсколькими выступами алтарныхъ нишей, скрытыхъ за нею церковей греческихъ. Въ ряду ея, у самаго храма, возвышается тяжелая и крѣпкая четверугольная башня, предназначавшаяся когда-то, конечно, для колокольни, но оставшаяся недостроенною. Она стоитъ пока праздно и бесполезно, — до времени молчить. Но, полагаю, при первой попыткѣ обратить ее въ колокольню, она возбудитъ не менѣ шума въ христіанскомъ мірѣ, какъ и «ключи Виелеемскіе и большой куполь храма». Такова обстановка нынѣшней площади великаго храма Воскресенія Христова, сокращенной до размѣровъ, по истинѣ жалкихъ! Въ христіанскія времена Іерусалима было конечно иначе. Слѣды бывшей колоннады говорятъ ясно, что въ старину храмъ былъ свободенъ отъ пристроекъ. Утѣшительно по кр. мѣрѣ то, что всѣ загромодившія бывшую площадь постройки суть жилища христіанскія. Пока я не видѣлъ Іерусалима собственными глазами и руководился въ понятіяхъ своихъ о немъ разказами и описаніями другихъ и частію разными видами св. града, то находя близъ самаго храма Воскресенія магометанскій минаретъ, съ глубокою скорбію представлялъ себѣ, что въ самомъ близкомъ

сосѣдствѣ съ священнѣйшими для насъ мѣстами находится и враждебная намъ мечеть, а при ней, конечно, такое же и населеніе. Къ великому утѣшенію моему, я теперь узналъ, что магометаиъ близъ храма нѣтъ (б) и что одинокій, безцѣльный минаретъ есть только историческій памятникъ и, надобно сказать, памятникъ высокаго великодушія мусульманскаго.

Утѣшеніе было мнѣ весьма нужно. Вышедъ съ площадки малыми и низкими воротами на городскую улицу, мы вскорѣ увидѣли себя среди духоты и нечистоты невообразимой. По лѣвую руку отъ насъ было кожевенное заведеніе, распространявшее зловоніе на далекое пространство. По правую руку нѣсколько далѣе стояли открытыя великолѣпныя ворота готическаго стиля, ведшія на довольно пространный дворъ, и со двора въ полуразрушенную церковь того же стиля. И дворъ и церковь наполнены были нечистотою до омерзѣнія. Я узналъ, что тутъ была славная страннопріемница знаменитаго *ордена храмовыхъ рыцарей* (в). Мнѣ невольно припомнилась при этомъ того же стиля прекрасная церковь въ Абугошѣ, также обреченная на поруганіе. Стало невыносимо грустно и даже страшно при видѣ такихъ поразительныхъ свидѣтельствъ не принятаго Богомъ усердія Крестоносцевъ. Миновавъ этотъ отвратительный кварталъ, въ укоръ христіанскому имени сосѣдствующій съ гробомъ Господнимъ, мы вмѣстѣ съ улицей повернули налѣво, и скоро увидѣли передъ собою древнюю стѣну Іерусалима съ большими воротами. Не доходя до нея, вожатай нашъ

(б) Близъ храма—нѣтъ, а въ самомъ храмѣ—есть.

(в) Греки думаютъ, что зданіе это вмѣстѣ съ церковію выстроено императрицею *Евдокією*, супругою *Θеодосіа* младшаго.

указаль мнѣ по лѣвую руку, между грудями разваливающихся бѣдныхъ построекъ, стоящую колонну, и сказалъ, что, судя по размѣрамъ, ее надобно считать принадлежащею къ колоннадѣ храма, остатокъ которой мы видѣли вверху на площади. По заключенію его, надобно думать, что храмъ царицы Елены начинался отъ самыхъ стѣнъ тогдашняго города, изъ воротъ котораго прямо восходили къ его алтарю.

Приближаясь къ воротамъ, я тревожился духомъ отъ мысли, что за ними начинается *крестный* или *страстный* путь, и что я пойду по нему съ душою, уже разсѣянною отъ впечатлѣній дня. Несмотря на то, при видѣ большихъ, темныхъ и лоснящихся отъ времени камней, образующихъ входъ въ древній городъ, и несомнѣнно современныхъ днямъ Иисуса Христа, я тронуть былъ глубоко. На мгновение исчезло настоящее, и ликъ Господа, строгій и печальный, утруженный смертнымъ томленіемъ, одинъ представлялся взору робѣвшей и унывавшей души. Ей тоже какъ бы слышались въ отвѣтъ уже не на безотчетное жалѣніе о страдалцѣ слова, коихъ во вѣкъ не забудеть Иерусалимъ: *дщери Иерусалимскія! Не плачитесь обо Мнѣ. Обаче себе плачите и чадѣ вашихъ* (Лук. 23, 28).

Въ глубокомъ раздумьи шли мы сторонясь, какъ бы пропуская кого черезъ ворота, и вступивъ на *крестный путь*, подвигались медленно. Чтò въ семъ пути осталось отъ древняго истиннаго пути, по которому въ послѣдній разъ шель Богочеловѣкъ — опредѣлить трудно. Можетъ быть одно направленіе его. Вся нынѣшняя обстановка его есть видимо позднѣйшая. Самый помостъ улицы, конечно, значительно выше древняго, богослужебнаго. Вожатай нашъ умолкъ, давая мѣсто собственнымъ каждому размышленіямъ. Да и чтò могъ

онъ прибавить къ такой умильной бесѣдѣ самаго мѣста? Только разъ попросилъ онъ насъ обернуться и взглянуть на одинъ домъ, стоявшій въ отдаленіи, внѣ крестнаго пути. «Тамъ, полагають, былъ домъ Ирода, сказалъ онъ намъ, и слѣд. туда водимъ былъ Іисусъ Христосъ Пилатовою стражей въ пятокъ утромъ. Узнавъ, что отъ предполагаемаго дома четверовластника галилейскаго не осталось ничего, мы не пошли къ нему, а продолжали медленно свой путь. Вскорѣ пришли мы къ аркѣ, извѣстной подъ названіемъ: *се человекъ*, съ которой будто бы Пилать, показавъ Господа народу, произнесъ оныя слова. Арка эта есть крытый переходъ съ одной стороны улицы на другую. Миѣ она показалаcя недостаточно древнею, чтобы можно было принять не сомнѣваясь рассказываемое о ней.

Мы дошли т. обр. до *Претора* или до мѣста, гдѣ онъ былъ. Его указываютъ по правую (южную) сторону улицы. Въ домахъ, занимающихъ теперь эту горько-памятную мѣстность, помѣщается гарнизонная казарма. Немедленно доложено было, кому слѣдуетъ, о нашемъ желаніи видѣть внутренность зданій. Узнавъ, что между нами есть лицо съ важнымъ военнымъ чиномъ, предварительно освѣдомились о степени этого чина, чтобы встрѣтить насъ по артикулу. Вступая подъ арку входа, мы дѣйствительно приняли военныя почести отъ премниковъ древнихъ преторіанцевъ, изъ коихъ не одинъ украшенъ былъ серебряною медалью за участіе въ послѣдней войнѣ. Внутренность двора или дворика не носитъ на себѣ ни малѣйшаго слѣда древности. То же самое надобно сказать и о зданіяхъ, окружающихъ его, въ чемъ убѣдились мы, проходя нѣкоторыя изъ комнатъ, и взойдя по лѣстницѣ на террасу, служащую кровлю казармѣ. Съ высоты ея, глядя внутрь двора,

я пытался воскресить въ памяти горестныя событія, совершившіяся здѣсь; но не имѣя къ тому живой поддержки въ чуждой тому времени обстановкѣ предметовъ, обратилъ взоръ и мысль въ другую сторону. Терраса непосредственно граничитъ съ площадью храма Соломонова, недоступною христіанину. Ее всю можно отсюда обнять взоромъ. Изразцовая мечеть «Священнаго камня», чуждая сочувствія нашего, при всей своей обширности, кажется дѣтскою игрушкой, брошенной тутъ безъ плана, безъ цѣли, безъ архитектурнаго соображенія мѣстности, ради одной потѣхи. И откуда взялся этотъ «камень»? (на которомъ будто бы Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака) былъ ли онъ извѣстенъ въ еврейскія времена на этомъ мѣстѣ? И какъ попалъ Магометъ въ Іерусалимъ, чтобы сдѣлать этотъ таинственный городъ равно драгоцѣннымъ и священнымъ и еще одной религіи, значительно также распространенной по лицу земли? Но оставляю мечеть (въ которой, впрочемъ, при царяхъ ново-іерусалимскихъ отправлялось и христіанское богослуженіе). Быть здѣсь, и не вспомнить о дѣлѣ Соломона, Зоровавеля и Ирода, строившихъ и перестраивавшихъ великій храмъ іудейскій, было невозможно. Сколько разъ я сидѣлъ надъ чертежами сего храма, измышленными то строгою ученостью, то игривою фантазіей, и усиленно желалъ взглянуть на самое мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, полагая, что оно одно въ состояніи дать точную идею плана! Напрасная надежда! нужно глубоко вскопать мѣсто, чтобы выразумѣть что и какъ на немъ было. Въ ожиданіи сего, на-долго еще невозможнаго дѣла, полагаю всего лучше для опредѣленія искомаго плана совѣтоваться съ памятниками египетской религіозной архитектуры, современными Іерусалимскому храму.

Только вмѣсто двухъ *пилоновъ* тамошнихъ храмовъ надобно воображать здѣсь одинъ, дававшій цѣлому зданію фигуру единорога, согласно съ выраженіемъ Псалмопѣвца, приложимымъ вѣроятно и къ каменнозданному святилищу. Къ сожалѣнію, некогда было мнѣ гоняться за неуловимымъ образомъ стертаго, по пророчеству Господнему, съ лица земли зданія. Мы तोпились сойдти съ террасы, гдѣ я желалъ бы провести день—и не одинъ. Напрасно я устремлялъ взоръ на великую церковь *Введенія Божіей Матери*, по видимому, не меньшую Виолеемской, желая допытаться отъ нея, не на ея ли мѣстѣ стоялъ Соломоновъ храмъ. По преданію церковному, Пренепорочная Отроковица была введена во *Святая Святыхъ*. Храмъ же въ честь и память сего введенія, естественно думать, былъ воздвигнутъ на мѣстѣ самаго введенія, слѣд. прямое заключеніе: святая святыхъ была тамъ, гдѣ теперь (бывшая) церковь Введенская, а не тамъ, гдѣ мечеть Омарова. Напрасно также я искалъ въ ряду строеній, ограничивающихъ храмовую площадь съ запада, бывшую церковь *св. Апостола Іакова*, выстроенную на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Увидавъ знакомую мнѣ фигуру купола съ 16-ю окнами, византійской постройки, и въ стѣнѣхъ подъ нимъ, не менѣе знакомый, очеркъ окна, раздѣляемаго впродоль мраморною колонной на два просвѣта, видимо знаменующіе собою христіанскій храмъ, я не сомнѣвался, что это именно и есть искомый *Апостолей(г)* (Апостольскій храмъ). Спѣшность моихъ заключеній увеличилъ, раздавшійся на прилегающей къ террасѣ высокой башнѣ римской постройки, крикъ сторожа или муэззина, призывавшаго окрестное населеніе къ полуденной молитвѣ. Я едва успѣлъ до-

(г) 'Αποστολειον, — составленное по образу Μανσολειον — Мавзолей.

гнать своихъ спутниковъ, — такъ встревожилъ ихъ этотъ невольный провозвѣстникъ времени (бывшаго впрочемъ въ полномъ нашемъ распоряженіи)! Преисполненный воспоминаній, *Преторъ* остался так. обр. для моей памяти въ чертахъ самыхъ неясныхъ. Вышедъ на улицу, я еще пытался нѣсколько времени въ оставленной казармѣ отыскивать какой-нибудь слѣдъ священной древности. Закладенная въ стѣнѣ ея дверь, съ странными на верху украшеніями изъ сженной глины, причинила было мнѣ сначала высокое удовольствіе, понятное археологу. Мнѣ мечталось, что я уже вижу передъ собою памятникъ іудейской эпохи, съ которою я еще такъ мало встрѣчался въ столицѣ Іудеевъ. Но то былъ обманъ. Подобнаго рода украшенія, спустя малое время, я видѣлъ надъ входомъ въ мечети, и долженъ былъ признать въ нихъ, столько извѣстные въ архитектурѣ, *арабски* въ собственномъ этимологическомъ смыслѣ слова.

За *Преторомъ*, на продолженіи Крестнаго пути, по лѣвую сторону намъ указали темницу, гдѣ содержался нѣкоторое время и былъ бичеванъ Господь, по опредѣленію игемона. Мы вошли низкою дверью на малый и тѣсный дворикъ, и съ него неожиданно (для меня) переступили въ католическую церковь, весьма прилично украшенную и чисто содержимую. Какъ думаютъ, она выстроена на мѣстѣ самой темницы; значительное количество иконъ, представляющихъ упоминаемая въ Евангелии и предполагаемая истязанія Господа, бывшія въ стѣнахъ сего узилища, украшаютъ стѣны церкви. Она на тотъ разъ была совершенно пуста (и отперта съ обоихъ входовъ къ немалому удивленію нашему). Мы не нашли къ кому обратиться съ вопросомъ объ имени церкви, о времени ея постройки

и пр. Отраднo было видѣть, что по крайней мѣрѣ одно, освященное страданіемъ Богочеловѣка, мѣсто на страстномъ пути, не только защищено отъ поруганія, но и содержится благолѣпно. Дождется ли когда христіанство, что весь сей путь застроится святилищами отъ всякаго языка и отъ всякаго племени, исповѣдывающаго имя Христово? Ахъ, еслибы больше любви, любви и любви!.. Продолжая идти, мы видѣли по ту же сторону въ отдаленіи опустѣлую церковь *св. Богоотцевъ Іоакима и Анны*. Съ улицы, къ сожалѣнію, нельзя было пройти къ ней, и потому я удовольствовался тѣмъ, что посмотрѣлъ на нее съ одного возвышенія. Я надѣялся видѣть ее уже возстановленною (д) французскимъ нравительствомъ, которому подарилъ ее Султанъ. Это, давно уже не обычное, распоряженіе церквами мусульманина произвело не малое озлобленіе между православными востока. Въ замѣнъ неудовлетвореннаго желанія видѣть церковь Богоотцевъ, намъ указали выходящую на самую улицу *баню*, примыкавшую нѣкогда къ дому ихъ, и въ которой купали престарѣлые родители младенца, уготованнаго быть живымъ храмомъ Божества.

Мы окончили священный путь, дошедши до восточныхъ воротъ города, не охраняемыхъ никѣмъ, вѣрно по незначительности путей, ведущихъ отъ нихъ во внутренность страны. Чувство глубокой тоски овладѣло мною, когда я вышелъ за стѣну, и увидѣлъ передъ собою мѣста, возбуждающія столько думъ въ душѣ христіанской. *Юдоль плача, потокъ Кедрскій, Вертоградъ Геосиманскій* и надъ всѣмъ симъ возвышающаяся,

(д) «Рука-то длинна, да видно также пуста»,—говорилъ въ утѣшеніе себѣ одинъ туземецъ, по поводу разспросовъ моихъ о церкви Богоотцевъ, имѣя въ виду уколотъ Франковъ.

Гора Масличная... всѣ эти, столько разъ тщетно создаваемая воображеніемъ, вожелѣннѣйшія мѣста были передъ моими глазами! Еще разъ я какъ бы не повѣрилъ собственному зрѣнію. Мы посидѣли нѣсколько минутъ, молча, на какомъ-то полуразрушенномъ надгробномъ камнѣ, въ виду вопіющей въ слухъ сердца мѣстности. О чемъ было говорить? И какъ начать говорить? Казалось грѣхомъ сказать слово, которое бы не было словомъ Евангелія. Путеводитель, давъ намъ надуматься, повелъ насъ обратно въ городъ. Ступивъ нѣсколько шаговъ, мы очутились надъ огромнымъ пустыремъ, образующимъ четырехугольное углубленіе въ землѣ, засыпанное многовѣковымъ соромъ и донесъ имъ наполняемое. Съ двухъ сторонъ окружаютъ его дома, съ двухъ стѣны—городская и бывшая храмовая. Съ перваго взгляда становится очевиднымъ, что встарину это было *водохранилище*, собиравшее воду съ террасъ и кровель храмовыхъ зданій. Тутъ полагаютъ мѣсто *Овчей купели*. Вотъ мѣсто, съ котораго всего удобнѣе археологамъ начать свои изслѣдованія еще нетропутой исторической почвы. Никѣмъ необитаемый, пустырь этотъ безъ затрудненія могъ бы быть доступенъ рукамъ изслѣдователя. Разрытый же также безъ большаго труда, онъ показалъ бы міру эпоху Соломона, вѣроятно, не въ малочисленныхъ памятникахъ.

Возвратившись на *крестный путь*, мы вскорѣ опять свернули съ него вправо въ темный переулокъ. Проводникъ хотѣлъ поразить насъ неожиданностію и не говорилъ, куда мы идемъ. Между тѣмъ попадавшіеся намъ на встрѣчу жители мусульмане, ровняясь съ нами, посматривали на насъ значительно, какъ бы что-то желая сказать намъ. Наконецъ одинъ нищій, выходя изъ дверей мечети или кофейни, лишь только увидѣлъ насъ,

закричалъ во всю мочь. На крикъ его выбѣжало нѣсколько мальчишекъ, и также стали кричать, и чѣмъ менѣе мы обращали вниманія на крикъ ихъ, тѣмъ ожесточеннѣе онъ дѣлался. Встрѣчаемые и провожаемые видимымъ недоброжелательствомъ, мы дошли до большихъ великолѣпныхъ воротъ съ колоннами, то прямыми, то винтообразными, стоявшими по двѣ вмѣстѣ на одной базѣ и подъ одною капителью. Это главныя ворота бывшего храма, м. б. тѣ *красныя*, которыя извѣстны изъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Сквозь ихъ отверстія намъ открывалась запретная для христіанъ площадь мечети *Эль-Сахръ*. Я не зналъ какъ благодарить почтеннаго проводника за это одолженіе. Видѣть въ Іерусалимѣ неприкосновенную древность Христа времени, было для меня въ высшей степени вожделѣнно. Она какъ бы соединяла для меня прошедшее съ настоящимъ и меня самаго съ Господомъ. Проводникъ стоялъ въ самыхъ воротахъ и приглашалъ насъ туда же, чтобы оттуда безпрепятственно видѣть площадь. Между тѣмъ насъ окружала уже значительная толпа народа, болѣе или менѣе кричавшаго. Проводникъ нашъ успокоивалъ фанатиковъ, говоря, что мы вовсе не имѣемъ намѣренія идти за ворота а только хотимъ смотрѣть сквозь нихъ, на что имѣемъ полное право. Его не слушали. Мы хотѣли уже идти назадъ, но хладнокровный защитникъ правъ нашихъ просилъ насъ оставаться, прибавивъ, что хочетъ проучить безумцевъ, что пора имъ дать знать, что время насилія миновалось и что это особенно полезно сдѣлать *при насъ Русскихъ*. Оратора грозили столкнуть со ступенекъ, а онъ спокойно и рѣшительно отвѣчалъ: «не смѣешь сдѣлать этого. Ты видишь, что я не иду дальше, а смотрѣть отсюда никто не можетъ запре-

тить мнѣ, куда я хочу». И точно никто не осмѣлился ничего сдѣлать ни ему, ни намъ, но фанатики стали впереди насъ въ воротахъ плотно другъ къ другу и загородили намъ собою видъ на мечеть. Возвращаясь переулкомъ, естественно мы вели рѣчь о фанатизмѣ. По мнѣнію одного изъ насъ, достаточно было «уколотить хотя одну бестію», чтобы навсегда угомонить фанатизмъ. По отзыву другаго, болѣе умѣреннаго, спутника, такое дѣло не истребило бы, а еще усилило фанатизмъ. Мое мнѣніе было: при обзорѣніи Иерусалима брать съ собою отъ мѣстной власти officialнаго стража. Проводникъ стоялъ на своемъ. Ему все казалось, что лучше «урезонивать» народъ. Разсуждая такимъ образомъ, мы дошли до крытаго двора съ водоемомъ по срединѣ, у котораго мы сѣли отдохнуть. Здѣсь тѣ же мусульмане оказали намъ всякія вѣжливости и осуждали дѣйствія *невъждъ*, кричавшихъ у воротъ.

Имѣя въ виду посѣтить *армянскую патриархію*, мы отъ мѣста отдыха пошли другими улицами города. Предложеніе почтеннаго вожатаго видѣть домъ, гдѣ жила св. Елена, и гдѣ до сихъ поръ еще показываютъ тѣ котлы, въ которыхъ будто бы при ней приготавливали пищу для множества работниковъ, строившихъ церковь Воскресенія, было отвергнуто къ глубокому моему сожалѣнію. За то мы прошли одною изъ самыхъ тѣсныхъ и нечистыхъ улицъ города. Выбравшись потомъ изъ духоты и толкотни на болѣе широкую улицу, мы прошли мимо дома, или точнѣе—мѣста того дома, о которомъ упоминается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, по случаю чудеснаго освобожденія апостола Петра изъ темницы ангеломъ. Направляясь все къ югу и наконецъ къ югозападу, мы до-

стигли монастыря св. *Іакова*. Насмотрѣвшись на повсюдное убожество св. града, мы были удивлены, встрѣтивъ внезапно картину обилія и даже роскоши. Обширный дворъ, прекрасная церковь, огромныя строенія, порядокъ, чистота, вкусъ — все это заставляло забывать, что мы въ *Іерусалимѣ*. Въ церкви мы поклонились св. главѣ апостола, взглянули на древнее Евангеліе, на неприглядную стѣнную иконопись и изразцовую обкладку стѣнъ — предметы весьма не занимательные — и поспѣшили въ комнаты патріарха; приемная зала удивила насъ своимъ великолѣпьемъ. Съ большою предупредительностію и ласкою насъ принялъ т. наз. *патріархъ* или намѣстникъ истиннаго патріарха (католикоса). Разумѣется, первое и послѣднее слово краткой бесѣды нашей было о Россіи. Привязанность къ ней патріарха и братства его и всей націи если бы и не высказывалась при этомъ словами, выражалась на стѣнахъ залы, увѣшанныхъ портретами августѣйшей фамилии (е). Глава сильнаго въ *Іерусалимѣ* населенія однакоже не выражаетъ собою идеи силы, ни даже другихъ извѣстныхъ свойствъ этого замѣчательнаго народа. Его слишкомъ простое лицо и тяжелая, безприкрасная фигура рѣзко противорѣчили окружавшей его изысканной пышности. Молчаливое и умное лицо втораго по немъ архіерея, встрѣчавшаго и провожавшаго насъ, кажется, безъ словъ говорило, что пружина сильной машины была внѣ ея видимаго средоточія. Впрочемъ ошибиться легко. Армянскій монастырь занимаетъ самую крайнюю къ югозападу и самую возвышенную часть *Іерусалима*, носящую за стѣнами его славное имя *Сіона*.

(е) Иные посѣтители видали на тѣхъ же стѣнахъ портреты иныхъ царствующихъ и не царствующихъ лицъ.

Отъ монастыря *св. Іакова* мы возвращались домой чистою и широкою улицей, идущей вдоль западной стѣны. Она привела насъ къ т. наз. *замку Давидову*, или примыкающему къ стѣнѣ укрѣпленію, стерегущему важнѣйшія ворота города (Яфскія). Украшающее эту огромную и грузную башню имя дѣлаетъ ее привлекательною для всякаго путешественника. Наслушавшись церковныхъ пѣсней: *Въ дому Давидовѣ страхъ великъ... Въ дому Давидовѣ страшная совершаются... Тамъ бо престоломъ поставленнымъ судятся вся племена земная... Огнь бо тамъ паля всякъ странный умъ...*, наши простосердечные поклонники и особенно поклонницы, съ чувствомъ суевѣрнаго страха относятся къ тому, что имъ выдается за таинственный *домъ Давидовъ*. Однакоже не напрасно имя Давида привязано къ крѣпостному строенію. Вѣроятно, здѣсь былъ нѣкогда *домъ* его, и *домъ* его преемниковъ, иначе: *Дворецъ царскій*. Здѣсь, повидимому, надлежало бы искать наиболѣе уцѣлѣвшихъ остатковъ древняго Іерусалима. Между тѣмъ на простой взглядъ не открывается ничего, что бы можно было съ достовѣрностію относить къ до-христіанскому времени. Башня хорошо строена изъ большихъ, правильно сѣченыхъ камней, имѣющихъ въ нижнихъ частяхъ ея весьма значительныя размѣры. Но что въ ней къ какой эпохѣ приурочить должно, этого нельзя сказать, не изучивъ археологически всего Іерусалима. Вообще *св. градъ* ждетъ ученаго и специально приготовленнаго изслѣдователя. При маломъ объемѣ своемъ и при столькихъ историческихъ свидѣтельствахъ своего минувшаго, онъ можетъ дать понять себя и возстановить (археологически—на бумагѣ) лучше всѣхъ другихъ городовъ древности. День уже склонялся къ вечеру, когда мы

достигли своей гостиницы. Насъ ожидала тамъ толпа продавцевъ разныхъ священныхъ и не священныхъ издѣлій мѣстной промышленности, болѣе всего четокъ (янтарныхъ, перламутровыхъ, масляныхъ, кокосовыхъ — всякихъ цвѣтовъ), иконъ, крестовъ, линейекъ, палокъ, ящичковъ, ножей для разрѣзыванія книгъ—все почти изъ орѣхового дерева—и разныхъ другихъ вещей и вещицъ. Всѣмъ этимъ любителю можно запастись во множествѣ и за пустую цѣну.

Дорожа временемъ, я отказалъ себѣ въ отдыхѣ и отправился еще разъ въ церковь Воскресенія, и обходя ее всю, напечатлѣвалъ въ памяти всѣ подробности единственнаго святилища. Спустившись въ подземный храмъ *Обрѣтенія Животворящаго Древа*, я въ тишинѣ и уединеніи размышлялъ тамъ о временахъ давноминувшихъ. Скорбное чувство близкаго разставанія съ окружавшею меня святыней давало характеръ унылый всему, что я ни думалъ. Вдругъ возлѣ меня раздался голосъ: *хорошъ! Христарадъ!*. Во мракѣ тутъ же бродилъ слѣпой нищій арабъ. Уразумѣвъ почему-то, что я Русскій, онъ присталъ ко мнѣ, и до тѣхъ поръ не переставалъ величать меня «хорошимъ», доколѣ опытомъ не убѣдился въ томъ.

Вышедъ изъ храма, я еще разъ взошелъ на террасу патріархіи и оттуда смотрѣлъ на освѣщенный багрянымъ свѣтомъ заходящаго солнца Иерусалимъ. Я зналъ хорошо, что обозрѣваю его отсюда въ послѣдній разъ, и потому на всякомъ предметѣ останавливался съ удвоеннымъ и утроеннымъ вниманіемъ. Ко мнѣ подошелъ одинъ соотечественникъ, и, полагая, что угадалъ мою думу, сказалъ мнѣ безъ всякихъ предисловій: «Его можно купить за 30.000 рублей».—Кого? спросилъ я.—«Пустырь-то». Ближе всего ко мнѣ дѣй-

ствительно видѣлось пустое мѣсто съ ветхою церковію св. Предтечи. «Вѣдь скажите, продолжалъ собесѣдникъ, не стыдно ли намъ, что мы не имѣемъ здѣсь и одного аршина земли своей? А это вѣдь возлѣ самаго гроба Господняго!»—Но у кого же купить?—«Конечно у того, кто хозяинъ, — у Грековъ. Они отдадутъ его за 400.000 грошей. Я считалъ неумѣстнымъ спросить не то у патриота, не то у фактора, почему онъ это знаетъ, и утѣшилъ его надеждою, что съ возвращеніемъ нашей миссіи, у насъ дѣла пойдутъ иначе. «Миссія миссіей, а дѣла — дѣлами», сказалъ онъ на это угрюмо. Слова его возмутили миръ души моей. Я сталъ смотрѣть на пустырь иными глазами, и смотрѣлъ на него до тѣхъ поръ, пока на воображаемыхъ тамъ домахъ и церквахъ не легъ непроницаемый покровъ сумерокъ.

Возвратившись на квартиру, я хотѣлъ было повѣрить свои впечатлѣнія съ описаніемъ св. мѣстъ извѣстныхъ нашихъ паломниковъ древнихъ и новыхъ. Но во всякое другое время пріятное и занимательное чтеніе показалось мнѣ на этотъ разъ сухою работою. Мнѣ хотѣлось самому пожить Іерусалимомъ, не справляясь ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, хотѣлось жить и болѣе ничего,—вполнѣ и нераздѣльно вкусить сладость сознанія, что я нахожусь въ Іерусалимѣ и дышу его воздухомъ. Когда къ этому, столько отрадному сознанію примѣшалась мысль, что завтра въ эту пору я уже далеко буду отсюда, на дѣшу опять сошла скорбь, разрѣшившаяся однакоже немедленно тихимъ умиленіемъ. Я почувствовалъ глубоко божественную благодать, даровавшую мнѣ высокое счастье видѣть Евангельскую землю, которую вообще желаютъ видѣть столько и столько людей. Я счелъ долгомъ подѣлиться своею радостію съ близкими мнѣ, и весь вечеръ

посвятилъ на письменную бесѣду съ ними. Легкій вѣтерокъ, пошумѣвъ листьями дерева подь окномъ, влеталъ по временамъ ко мнѣ въ комнату и освѣжалъ горѣвшую отъ множества ощущеній и усиленнаго бодрствованія голову. За письмомъ меня засталъ стукъ въ ворота, возвѣщавшій намъ время идти въ церковь на литургію ко гробу Господнему. Было около полуночи.

(Окончаніе до слѣдующей книжки).

А. А.

СЛОВО КЪ ДВОРЯНАМЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (*).

Жатва многа, дѣлателей же мало (МѠ. 9, 37)

Слова сіи нельзя ограничивать временами земной жизни Спасителя. Онъ сказалъ ихъ не однимъ ученикамъ своимъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ. И мы знаемъ, что область добра такъ велика, что постигнуть и исчерпать ее выше силъ не только одного человѣка или народа, но и цѣлаго человѣчества; что царствіе Божіе такъ обширно, что объемлетъ собою всѣхъ вообще людей и простирается на всѣ времена и на всѣ народы. Между тѣмъ, надъ его воздѣлываніемъ и удобреніемъ трудились одни избранные, а прочіе оставались и остаюся въ числѣ лѣннихъ рабовъ съ данными имъ талантами.

Съ пришествіемъ Иисуса Христа на землю, естественно жатва была велика. Сѣмена христіанства, насажденныя Спасителемъ на новой землѣ, легко могли быть заглушены врагами. Съ одной стороны Іудеи, а съ дру-

(*) Произнесено въ Новгородскомъ Каѳедральномъ соборѣ, 863 г. 10 декабря предъ избраніемъ судей.

гой язычники старались исторгнуть этѣ благодатныя сѣмена на нивахъ сердець человѣческихъ. Требовалось недремлющее око, необыкновенная сила, чтобы утвердить и распространить новую вѣру, новый законъ, новое ученіе. Но дѣлателей было немного, только двѣнадцать избранныхъ апостоловъ съ ихъ немногими спутниками.

Не малая жатва является и нынѣ чрезъ восемнадцать съ половиною вѣковъ. Сколько видимъ мы уклоненій отъ вѣры и нравственности! Сколько вырастаетъ плевель среди пшеницы! Одни посѣваютъ, а другіе стараются исторгать. Одни хвалятъ вѣкъ прогресса, а другіе скорбятъ о невѣріи. Одни радуются открытой свободѣ, а другіе оплакиваютъ родившееся отъ нея своеволие. Одни спѣшатъ за всѣми новыми реформами, а другіе почиваютъ на законѣ прежнихъ постановленій. Одни трудятся умомъ и словомъ, а другіе живутъ за ихъ трудами. Новыхъ вопросовъ и новыхъ требованій явилось большое множество; но окончанія и приложенія ихъ не видно. И вотъ со дня на день открывается большая и большая жатва; но дѣлателей, и особенно дѣлателей усердныхъ, дѣлателей истинныхъ, весьма немного. Эту жалобу стали повторять въ настоящее время многіе, когда начинаютъ судить о преобразованіяхъ и нововведеніяхъ. Ее привели и мы изъ Евангелія предъ вами, представителями благороднаго сословія страны сей, но не для обличенія, а для наученія и для узнанія того, въ чемъ состоитъ настоящая жатва и какіе нужны теперь дѣлатели.

Первая жатва явилась съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Пять уже лѣтъ проходитъ съ того времени, какъ крѣпостное право, лежавшее цѣлыя вѣка надъ Россією, снято десницею милосер-

даго Монарха; но слѣды этого права еще не совсѣмъ изглажены. Пять уже лѣтъ какъ имя вѣнчаннаго Освободителя двадцати милліоновъ записано въ лѣтописяхъ исторіи и произносится съ похвалою устами освобожденныхъ; но попеченія его надъ ними, надъ ихъ устройствомъ, продолжаютъ доселѣ. Много еще времени требуется для выкупа ихъ земли и для того, чтобы ввести ихъ въ права собственниковъ. Являются на каждомъ шагу то недоумѣнія и сомнѣнія, то излишнія требованія и притязанія, то спорныя владѣнія, ясно не опредѣленныя закономъ. Кто же долженъ рѣшать всѣ эти споры и недоумѣнія? Кто долженъ заботиться о примиреніи, устройствѣ и улучшеніи новаго быта и состоянія бывшихъ крестьянъ? Само собою очевидно, что эта первая жатва относится къ собственному вашему полю, представители дворянства. Оно вамъ извѣстно болѣе другихъ сословій, потому что вы имъ владѣли цѣлые вѣка. Вы знаете духъ крестьянъ, ихъ нужды и желанія. Какъ освобожденіе ихъ требовало съ вашей стороны пожертвованій, такъ и улучшеніе быта ихъ требуетъ также вашего живаго участія въ судьбѣ ихъ. Вы были ихъ господами, а теперь будете ихъ старшими братьями. Они были какъ бы вашими подданными, жили вашимъ умомъ и подъ вашею защитою. Они и теперь готовы во всемъ слушаться васъ, готовы прибѣгать къ вашему уму и совѣту, если будете вѣрными ихъ руководителями словомъ и дѣломъ ко благу общему, ко благу отечества. Обязанность сія, къ чести вашей, была уже выполняема вами по волѣ Монарха. И дай Богъ, чтобы являлось между вами болѣе добрыхъ дѣлателей? на полѣ освобожденія и улучшенія крестьянъ.

Вторая жатва предстоитъ въ новыхъ земскихъ и судебныхныхъ учрежденіяхъ. Въ одиннадцать лѣтъ царствованія Государя Императора много произошло измѣненій въ отношеніи къ симъ частямъ, — измѣненій благодѣтельныхъ и для частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе для цѣлаго государства: но много еще предстоитъ другихъ перемѣнъ, не менѣе полезныхъ и необходимыхъ. Возьмите во вниманіе одно земство, и увидите, что теперь благосостояніе каждаго общества зависитъ отъ самихъ его гражданъ; приходи и заявляй каждый представитель сословія общественныя нужды. Въ прежнія времена видѣли разные сборы, но не находили ни цѣли, ни мѣста употребленія ихъ. А теперь должны винить мы за то или другое неустройство не другихъ, а себя самихъ, — свою невнимательность и безпечность. Нынѣ мы сами, по волѣ Монарха, должны управлять собою, сами должны видѣть свои нужды и помогать имъ. Нынѣ явилось земское самоуправленіе, о которомъ прежде не могли и думать. Но всѣ эти измѣненія и сокращенія въ дѣлахъ тогда только будутъ истинно полезны, когда въ членахъ сократится нерадѣніе, уменьшится корыстолюбіе, а на мѣсто ихъ умножится любовь и дѣятельность съ безкорыстіемъ, самоотверженіемъ. — А вотъ предстоитъ и новое судопроизводство, съ такимъ желаніемъ и повсюду ожидаемое. Доселѣ судъ производился тайно и для истца и для отвѣтчика, и для обиженного и для причинившаго обиду. Бумаги переходили съ мѣста на мѣсто, а дѣло часто не двигалось. или прямо отлагалось до другаго времени. Въ такихъ судахъ и рѣшеніе зависѣло иногда отъ произвола судьи, располагавшаго и временемъ и закономъ. Въ нихъ было много дѣйствительныхъ неправдъ, а еще болѣе являлось мнимыхъ подозрѣній въ не-

правдѣ. Всѣ эти неудобства устраняетъ судъ гласный, судъ съ отверстыми дверьми; здѣсь не должно быть мѣста тайному подозрѣнію; здѣсь явная правда и явно должна торжествовать. Но и этотъ ожидаемый судъ не поможетъ, если люди не откроютъ сердца свои для правды и добра. Для такого открытаго суда требуются и судьями люди съ знаніемъ закона, съ умомъ свѣтлымъ, со способностію выражать мысли свои ясно и вразумительно,—особенно люди съ чистою нравственностію и религіей. Отсюда сама собою является обильная жатва. И жатва сія на полѣ судоустройства и судопроизводства принадлежитъ преимущественно вашему благородному сословію. Вы всегда шли впереди всѣхъ преобразованій и улучшеній. Покажите себя и здѣсь, на нивѣ еще неводѣланной, усердными, передовыми дѣлателями. Честь и правда всегда отличали васъ и вашихъ предковъ въ мирѣ и на войнѣ, въ судѣ и расправахъ. Особенно теперь ожидается отъ васъ любовь къ истинѣ и правдѣ, въ виду предстоящей реформы. Для этой новой реформы требуются и люди новые, т. е. съ новыми силами и взглядами, съ чистою совѣстію, съ желаніемъ добра всѣмъ и каждому. Въ такихъ-то дѣлателяхъ нуждается нынѣ отечество наше, устрояемое волею Монарха къ нашему счастью, миру и спокойствію!

Третья жатва, съ которою тѣсно сопряженъ успѣхъ и первыхъ двухъ жатвъ, состоитъ въ народномъ образованіи. Эта обильная жатва, впрочемъ, не новая. Объ ней заботились, ее воздѣлывали уже давно. Но въ настоящее время особенно увеличилась жатва сія и требуетъ многихъ, многихъ дѣлателей. Прежде напр., грамотность между поселянами была рѣдкимъ явленіемъ, потому что не считали ее необходимою для себя и для своихъ заня-

тій, оставаясь въ невѣдѣніи по примѣру своихъ предковъ. Нынѣ, съ распространеніемъ просвѣщенія, грамотность считаютъ уже необходимою для всѣхъ сословій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, какъ для мужскаго, такъ и для женскаго пола. Нынѣ—и предъ лицомъ закона и предъ лицомъ просвѣщенія—уравнены всѣ сословія. Одно происхожденіе уже не даетъ права на заслугу, намъ по чести и достоинства какъ военныя, такъ и гражданскія. Мы видимъ теперь, что врата къ просвѣщенію для всѣхъ отверсты; и потому изъ всѣхъ сословій, смотря по дарованіямъ, трудамъ и нравственнымъ качествамъ, люди могутъ идти свободно къ общественнымъ должностямъ и занимать почетныя мѣста. И никто въ настоящее время не можетъ жаловаться, чтобы силы и охота къ занятіямъ у него были, а недоставало бы самыхъ занятій и свободы къ онымъ. Но среди этой обширной жатвы, къ несчастію, много появилось плевель, занесенныхъ съ запада и часто заглушающихъ добрыя сѣмена. Отсюда долгъ воздѣлывателей этой жатвы очищать ее и отдѣлять пшеницу отъ растущихъ вмѣстѣ съ нею плевель. Исполненіе этого долга требуетъ не малыхъ усилій. Много труда стоитъ научить, а несравненно больше научить одному доброму и удалить отъ злыхъ привычекъ юныя сердца. И эта великая жатва ожидаетъ вашей помощи, вашего содѣйствія. Образование, какъ извѣстно, было всегда украшеніемъ вашего благороднаго сословія. Вы издавна слѣдите за ходомъ просвѣщенія, не только въ отечествѣ, но и за предѣлами онаго. Вы еще до освобожденія крестьянъ открывали школы въ вашихъ бывшихъ помѣстьяхъ, старались обучать грамотѣ бывшихъ своихъ рабовъ. Отъ васъ, отъ вашего содѣйствія зависитъ и теперь успѣхъ въ народномъ образова-

ніи. Вамъ готовы помогать пастыри и учителя церкви, на коихъ лежитъ прямая обязанность просвѣщать своихъ пасомыхъ ученіемъ вѣры. Помогите и вы имъ, съ своей стороны, вашимъ вліяніемъ на ихъ паству, на всѣхъ, нуждающихся въ образованіи. При взаимномъ содѣйствіи, жатва образованія народнаго будетъ воздѣлываться успѣшнѣе и благотворнѣе. О, еслибы это желаемое просвѣщеніе шло тихими, но ровными шагами впередъ къ истинному совершенству! Тогда и Россія—благословенное отечество наше—не стала бы завидовать другимъ державамъ, а пожинала бы покойно вожделѣнные плоды на своихъ благодатныхъ нивахъ.

Видите теперь, представители благороднаго сословія страны сей, въ чемъ состоитъ въ настоящее время жатва и какіе требуются дѣятели на жатвѣ сей. Это не знатные одною честію, славою и богатствомъ, а мужи, отличающіеся умомъ, трудами, правдою и любовію къ ближнимъ. Кто любитъ меньшую братію, какъ себя самихъ, кто любитъ правду и готовъ защищать ее предъ всѣми отъ злобы и вражды, кто любитъ просвѣщеніе родное, истинное, христіанское въ себѣ и другихъ, тотъ можетъ быть избранъ на дѣло предстоящаго служенія, какъ достойный судія, какъ вѣрный слуга Богу, царю и отечеству. А кто не имѣетъ въ себѣ ни одного изъ сихъ качествъ, тотъ одними бѣлыми шарами не сдѣлается способнымъ и достойнымъ.

Если же вы собрались въ храмъ съ искреннимъ желаніемъ избрать достойныхъ дѣлателей, а между тѣмъ чувствуете свою немощь и безсиліе въ семъ избраніи, то *молитесь Господину жатвы*, чтобы Онъ, правосудный Сердцевѣдецъ, избралъ руками вашими достойныхъ дѣлателей и послалъ ихъ на жатву Свою (Матѳ. 9, 38). Аминь.

Архимандритъ Макарій.

УЧАСТЬ ДВУХЪ ВРАЖДОВАВШИХЪ МЕЖДУ СОБОЮ ЛИЦЪ.

Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ. (Матѣ. 7, 2). Не твори зла, и не постигнетъ тя зло. (Сир. 7, 1).

Въ одинъ изъ суровыхъ, пасмурныхъ дней октября 1865 года мнѣ какъ-то въ особенности было грустно и тяжело. Примусъ за дѣло, валится изъ рукъ, стану читать, ничего не понимаю; пошелъ бы и самъ не знаю куда. Въ такомъ состояніи, переходя изъ одной комнаты въ другую, я вспомнилъ, что для меня изъ старой избы рубягъ срубы; пойду, рѣшилъ я, къ работникамъ, проведу съ ними время, не пройдетъ ли моя скука.

— Богъ помочь вамъ, братцы!

— Спасибо, батюшка, благослови!

Благословивъ, я дѣлаю имъ замѣчаніе. «Для чего вы такое гнилое бревно положили въ стѣну?»

— Да нѣтъ лучше этого: оно только съ этого конца гниловато, а тамъ твердое. Намъ все равно, мы бы и новое положили, давай только лѣсу.

— Гдѣ его взять? Нынѣ не былое время, вы сами знаете, что и изъ-за гнилаго валежника управляющему наклоняешься.

— Нехристь (управляющій нѣмецъ) жалѣеть лѣсу, развѣ онъ садилъ или онъ поливалъ его? Богъ выростилъ его. Я думаю, батюшка, не грѣхъ и украсть когда возокъ, дровъ.

— Какъ не грѣхъ? Самъ же ты говоришь *украсть*, а красть грѣшно. Лѣсъ не твоя собственность, а помѣщичья; помѣщикъ владѣеть ею по закону, по праву, потому и распоряжается отъ имени его управляющій,

какъ знаетъ. Ты не садишь и не поливаешь травы въ лугахъ своихъ; но все-таки считаешь ее своею собственностію и распоряжаешься ею какъ знаешь, какъ выгоднѣе для тебя. Кто помнетъ твою траву или скосить и увезетъ на ящикѣ, ты будешь роптать на это и жаловаться,—такъ ли?

— Такъ! такъ!

Отъ одного управляющаго рѣчь перешла къ другому, который былъ его предшественникомъ и уже померъ.

— Злодѣй былъ покойникъ, заговорилъ о старомъ управляющемъ плотникъ Алексѣй,—заставлялъ меня каждый день ходить на барщину; потерпѣлъ я отъ него. Раза два билъ меня, а какъ ругалъ, Боже упаси,—чтобы и на томъ свѣтѣ ему мѣста не было.

— Что это ты, Алексѣй, въ умѣ ли? возразилъ я,—опомнись.

— Да онъ больше этого не стоитъ.

— Не говори такъ, — это не по-христіански. Онъ отошелъ въ вѣчность; при жизни ты ему не долженъ былъ зла желать и мстить, не только по смерти. Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ заповѣдалъ любить враговъ, а не проклинать, и тебѣ слѣдовало пожелать покойнику вѣчнаго блаженства, хоть потому, что онъ тебѣ уже никакого вреда не можетъ причинить. Ужели для тебя отрадно и хорошо, когда твой врагъ не будетъ имѣть мѣста на томъ свѣтѣ, или, что то же, страдать въ гееннѣ огненной? Какъ зло твое желаніе! Богъ, котораго мы своими дѣлами, словами, мыслями, желаніями оскорбляемъ постоянно, прощаетъ же насъ, а ты не хочешь простить недругу своему. Какъ же ты, читая: «Отче нашъ», говоришь предъ Господомъ Богомъ: «и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», а самъ не прощаешь не-

другу твоему? Если такъ, то Богъ и тебя не проститъ въ твоихъ грѣхахъ, сколько ни молишь Ему о помилованіи. Послушай, Алексѣй, ты знаешь несчастную кончину двухъ извѣстныхъ тебѣ лицъ, бывшихъ на службѣ въ нашемъ селѣ? (Я назвалъ ихъ имена и должность).

— Слышалъ.

— Слышалъ, да не памятуешь и не боишься участи одного изъ нихъ. Послушайте же, я расскажу вамъ эту исторію подробно и обстоятельно, чтобы вы не забывали оной никогда, и не впадали въ грѣхъ злопамятства.

«Вамъ извѣстно, что одинъ изъ помянутыхъ мною лицъ былъ старше другаго и по лѣтамъ, и по должности, но былъ менѣе ученъ, чѣмъ младшій. Различіе ли въ степени учености, несоотвѣтствующее ихъ должностямъ, или другое чтò было первоначальною причиною ихъ взаимной ненависти— я хорошенько не знаю. Знаю только одно, что они съ первыхъ дней знакомства стали враждовать. Первоначально ихъ вражда была слаба, — выражалась въ язвительныхъ словахъ и насмѣшкахъ; потомъ перешла въ ожесточенную злобу. Они стали доносить одинъ на другаго начальству, и въ доносахъ прописывали всякую мелочь. Богъ знаетъ, до чего бы довела ихъ вражда, еслибы нечаянно не престѣклась несчастнымъ образомъ жизнь одного изъ нихъ,—младшаго. Онъ поѣхалъ въ село Ч... на базаръ, закупилъ чтò нужно, съ пріятелями выпилъ, и залегъ въ телѣгу крестьянина М. М. поспать, вѣроятно, въ надеждѣ, что крестьянинъ этотъ довезетъ его и до дому, такъ какъ онъ своей лошади не имѣлъ. Но не такъ ему судилъ Богъ. М. М., подошедъ къ телѣгѣ, сталъ будить его. «Встань! тебѣ говорятъ, встань!

Но тотъ не просыпался. Опасаясь везти хмѣльнаго съ базара на пятнадцати-верстное разстояніе, М. М. подвернувъ телѣгу, свалилъ его съ оной, какъ плаху дровъ, и уѣхалъ домой. Къ вечеру, когда всѣ уже разѣхались съ базара, мѣстные жители увидали на площади базарной съ великимъ храпѣніемъ спящаго человѣка. Стали будить,—не просыпается. Узнавъ изъ какого онъ села, дали немедленно знать его женѣ, которая и привезла его домой; но онъ уже не просыпался, а отошелъ на судъ Божій безъ напутствованія, безъ покаянія. Такъ-то тяжело коснѣтъ въ злобѣ, такъ она противна Богу, что Онъ попускаетъ таковымъ умирать безъ покаянія! Остерегайтесь же этого грѣха, бойтесь его какъ самого діавола. Теперь кажется и враждѣ бы конецъ, на мертвомъ нечего искать и худшаго ему желать. По заповѣди Спасителя, слѣдовало бы тому, у кого еще *руцѣ не связзастся, нозѣ не сплетостся*, простить отшедшему въ недовѣдомый міръ собрату; но не такъ было на дѣлѣ. Н, старшій товарищъ умершаго, не могъ побѣдить своей злобы, питалъ ненависть и къ умершему. 28 декабря 1861 года онъ отправился на постоялый дворъ, здѣсь съ пріятелемъ выпилъ водки; отсюда онъ перешелъ въ другой шинокъ, гдѣ въ это время—часовъ въ шесть вечера—собралось покутить вашей братіи довольно; крестьяне предложили пришедшему стаканъ водки, и тотъ, разумѣется, не отказался. Одинъ изъ крестьянъ сталъ говорить съ нимъ. «Вотъ какую Богъ смерть послалъ твоему недругу: цѣлые сутки дышалъ, живъ былъ, а ничего не говорилъ и не понималъ,—не отъ вина же онъ померъ. Надо бы тогда судъ поднять, дѣло разузналось бы отчего онъ умеръ». Опороживъ стаканъ вина, Н взялъ для закуски съ ползолотника бѣлаго хлѣба и отвѣ-

тиль: «мало ему такой смерти, собакѣ собачья смерть, таковскій былъ». Но лишь только произнесъ онъ эти страшныя слова о своемъ покойномъ товарищѣ по службѣ, какъ мгновенно ангелъ смерти поразилъ и его самого на томъ мѣстѣ, гдѣ тотъ сидѣлъ, и гдѣ произнесъ эти безразсудныя слова. Прислонился къ стѣнѣ, появилась у рта пѣна. Крестьяне, видя это, всполошились, и сначала подумали, не подавился ли онъ. Начали легонько толкать въ спину, но напрасно, — судъ Божій совершился надъ нимъ. И померъ безъ покаянія. Сбылось надъ нимъ слово Спасителя: *въ нюже мърю мърите, возмърится вамъ.*

— Теперь. видишь ли, любезный, обратился я къ плотнику Алексѣю, изъясвившему недоброжелательство къ покойному управляющему, — видишь ли, какъ пагубна вражда къ ближнему и злопамятство? Что если и тебя постигнетъ подобная участь за то, что съ такою злостію говоришь объ умершихъ?

— Прости, батюшка, Христа ради, никогда не буду такъ говорить, какъ давича. Дай Господи Николаю Абрамычу (имя покойнаго управляющаго) царство небесное.

Видно было, что крестьянинъ произнесъ эти слова отъ искренняго сердца

— Богъ тебя проститъ, только никогда такъ не говори и не мысли. *Не твори зла, и не постигнетъ тя зло.* Всегда молитесь за тѣхъ, кто васъ обижаетъ и ненавидитъ; за это и вамъ Господь Богъ проститъ ваши согрѣшенія.

За истину разсказаннаго мною происшествія могу поручиться. Даруй, Господи, чтобы и для другихъ сей примѣръ послужилъ въ назиданіе.

Свящ. А. Приклонскій.

НЕОДОБРИТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ ВЪ ЖЕНСКОМЪ ТУАЛЕТѢ.

Благочестивое чувство многихъ возмущается появившимся не очень давно обычаемъ женщинъ ходить въ церковь въ *шапкахъ*, такъ называемыхъ *бояркихъ*, совершенно похожихъ на мужскія. Обычай этотъ или върнѣе *моду* похвалить дѣйствительно ни съ какой стороны нельзя. Слово Божіе и св. церковь положительно запрещаютъ всякое переряживаніе одного пола людей въ одежду другаго. *Да не будетъ утварь мужеска на женъ. Ни да облачится мужъ въ женску ризу, яко мерзость есть Господеви Богу твоему есакъ творилъ сія* (Втор. 22, 5)—говоритъ Господь. Въ правилахъ церковныхъ произнесено отлученіе отъ церковнаго общенія противъ мужчинъ, облащающихся въ женскую одежду, и женщинъ одѣвающихъ по-мужски. (Номоканонъ при требникѣ, правило 23-е). И общепринятый обычай у насъ до сихъ поръ не допускаетъ смѣшивать, перепутывать костюмы людей разныхъ половъ, такъ что и мода, при всемъ своемъ непостоянствѣ, какъ ни разнообразила и ни измѣняла одежды людей, но до сихъ поръ всегда строго соблюдала различіе между платьемъ обоихъ половъ. Что же касается шапки-боярки въ частности, то она виѣтъ съ красною рубашкой составляетъ почти нашъ *національный* мужской костюмъ, — до такой степени по общепринятому обычаю она характерная вещь въ костюмѣ мужчины. Такимъ образомъ обычай нашихъ модницъ носить мужскую шапку, какъ несогласный съ словомъ Божіимъ, церковными правилами и съ почтеннымъ преданіемъ, есть уже дѣло не совсѣмъ законное и позволительное. Но бѣда бы еще конечно не слишкомъ большая, еслибы онѣ носили эти шапки только на ули-

цѣ, на гуляньяхъ и т. п. мѣстахъ; но ходить въ нихъ въ храмъ Божій, на богослуженіе — это уже больше чѣмъ простое неприличіе. Храмъ вѣдь не простой какойнибудь домъ, а домъ Божій, въ которомъ являетъ свое особенное присутствіе самъ Богъ, — въ храмъ ходитъ человѣкъ для участія въ общественной молитвѣ, въ великомъ таинствѣ, поэтому въ храмѣ долженъ онъ имѣть особенное благоговѣніе, особенное вниманіе къ св. мѣсту и дѣлу, которое въ немъ совершается. Это благоговѣніе онъ долженъ не только имѣть въ душѣ, но и свидѣтельствовать внѣшними знаками — поэтому и принято у насъ, между прочимъ, снимать при входѣ въ церковь шапку. Правда, что женщинѣ заповѣдуются молиться съ покрытою головою (1 Кор. 11, 5), но впервыхъ, покрывало на головѣ ея должно быть особенное, свойственное женщинѣ и отличное отъ мужскаго, а вовторыхъ, заповѣдь эта дана съ тою цѣлю, чтобы оградить скромность женщины и предупредить происходящіе отъ недостатка скромности соблазны. Но — скажите на милость — скромность ли, приличная женщинѣ, благоговѣніе ли къ св. мѣсту свидѣтельствуются, когда женщина въ храмѣ Божіемъ стоитъ въ мужской шапкѣ, да въ шапкѣ еще надѣтой, обыкновенно, ухорски и сдвинутой на ухо. Если ужъ нашимъ женщинамъ такъ любя и нравится мужская шапка, что онѣ и въ виду происходящаго отъ нея соблазна никакъ не могутъ оставить ее, то простая справедливость требуетъ отъ нихъ, чтобы онѣ, по крайнѣй мѣрѣ, пользовались ею также какъ и мужчины; одинаковыя права налагаютъ на людей и одинаковыя обязанности. Поэтому и отъ женщинѣ, если онѣ хотятъ непременно носить мужскую шапку, совершенно по праву можно потребовать — и онѣ не въ правѣ отка-

заться — снимать эту шапку тамъ, гдѣ обыкновенно снимаютъ ее мужчины, особенно же въ храмѣ Божіемъ, гдѣ сниманіемъ шапки мужчины выражаютъ благоговѣніе къ храму и святынямъ его.

Впрочемъ, обычай женщинъ носить мужскія шапки наводитъ и на другія мысли. Большая часть женщинъ носятъ эти шапки, конечно, просто по модѣ, безъ всякаго сознанія и размысленія объ этой модѣ. Недавно русскія патріотки, изъ безсмысленнаго подражанія модѣ, раздѣляли же трауръ съ польскими патріотками—такъ же какъ всѣ почти носили, да многіе и теперь еще носятъ, стальные часовыя цѣпочки, имѣющія форму цѣпей и напоминавшія Полякамъ тѣ цѣпи, которыя наложены были на польскихъ патріотовъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Точно такимъ же образомъ, безъ всякаго сознанія и разумнаго резона, большая часть нашихъ дамъ и дѣвицъ носятъ и мужскія шапки,—«мода такая вышла,—другія носятъ, ну и мы надѣнемъ.» Но эта мода все-таки имѣетъ свое основаніе,—она стоитъ въ связи съ современными разглагольствіями объ *эмансипаціи* женщины,—введеніе мужскихъ принадлежностей въ женскій костюмъ совпадаетъ прямо съ появленіемъ этихъ разглагольствій. А чего хотятъ наши эмансипаторы? Они хотятъ дать женщинѣ полнѣйшую свободу: въ отношеніи семейства, она можетъ по своему желанію оставить семейство и мужа и принадлежать другому; въ отношеніи другихъ правъ они хотятъ совершенно уравнивать ее съ мужчиной и т. д. Навѣрное можно сказать, что подобныя попытки никогда не удадутся. Сама природа положила рѣзкое различіе между полами людей, не только физическое, но и нравственное,—она

дала женщинѣ такія особенныя качества умственныя и нравственныя, которыя прямо указываютъ ей особенное назначеніе и особенную дѣятельность, отличныя отъ мужчины. И этого природнаго различія, разумѣется, не уничтожить никакая эмансипація и никакіе эмансипаторы. И убѣжденіе въ этомъ различіи столь сродно намъ, что намъ, если не противно, то, по крайней мѣрѣ, всегда очень неприятны *женоподобіе* въ мужчинѣ и мужичкія манеры или ухватки въ женщинѣ,—и у насъ обыкновенно не хорошею рекомендаціей служитъ названіе *мужика*, прилагаемое къ женщинѣ, и наоборотъ — названіе *бабы*, прилагаемое къ мужчинѣ. Дѣйствительно есть что-то очень противное и неестественное въ мужской рѣзкости манеръ и лица женщины. и излишней нѣжности и мягкости—мужчины. Въ самомъ даже платьѣ, женскому костюму какъ-то больше свойственны разныя украшенія и разнообразіе; но видѣтъ на мужчинѣ излишнюю пестроту, разные бантики и ленточки—просто противно. Такъ велико различіе между мужчиной и женщиной, и уничтожить его — повторю—нѣтъ никакой возможности. Но если нельзя уничтожить его совсѣмъ, то изуродовать, конечно, всегда можно. И вотъ, благодаря затѣямъ нашихъ эмансипаторовъ, теперь оно дѣйствительно уродуется и искажается.— Это искаженіе природы едва ли не яснѣе и открытѣе всего высказывается въ поведеніи женщинъ, которымъ пришла по душѣ эмансипація, т.-е. та свобода отношеній и поведенія, которая проповѣдуется эмансипаціей; у многихъ изъ нихъ она перешла въ совершенную нравственную распущенность, другія же схватились за однѣ внѣшнія вывѣски свободы, какъ-то совершенная развязность и безцеремонность въ

манерахъ и пріемахъ, стриженіе волосъ, мужскія пальто и шапки, ухорски сдвинутыя набокъ. А дѣло извѣстное — стоитъ только появиться и не такой рѣзкой особенности въ платьѣ, какъ она сейчасъ же дѣлается модой и наперерывъ усвоется всѣми, безъ всякаго размышленія и смысла. И вотъ пошли у насъ плодиться и появляться всюду эти ухорскія пальто, шапки и т. п.,—ихъ стали носить всѣ и вездѣ — и на улицахъ, и на гуляньяхъ, и даже въ храмѣ Божіемъ, гдѣ онѣ уже совершенно неприличны и производятъ явный соблазнъ.—Это ухорство, и во всякомъ другомъ мѣстѣ очень неприличное женщинѣ — въ храмѣ Божіемъ совершенно справедливо оскорбляетъ благочестивое чувство добрыхъ христіанъ, которые на храмъ Божій смотрятъ не какъ на мѣсто выставки рядовъ. Если не для чего другаго, по крайней мѣрѣ для того, чтобы не подавать повода къ соблазну добрыхъ христіанъ, слѣдуетъ лицамъ женскаго пола отказаться—по крайней мѣрѣ на время богослуженія—отъ употребленія шапки. На этотъ случай св. апостоль Павелъ далъ намъ превосходный примѣръ и наставленіе: *Аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. 8, 13).—Сколько любви къ ближнему! Св. апостоль готовъ отказаться отъ совершенно позволенной и законной вещи, когда она служитъ соблазномъ для другаго. Ужели у нашихъ модницъ не достанетъ рассудительности, твердости, любви къ ближнему и уваженія къ его религіозному чувству хоть бы на столько, чтобы отказаться отъ такой пустой и удобно замѣняемой вещи, какова шапка?

**СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПРОТОІЕРЕЯ МОСКОВСКОЙ ТРОИЦ-
КОЙ НА АРБАТѢ ЦЕРКВИ, СЕРГІЯ ИВАНОВИЧА ТИХОМИРОВА-
ПЛАТОНОВА.**

Долгота житія путіе праведни. (Прит. 16, 17).

Жизнь есть даръ Божій, и притомъ драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ даровъ, потому что даетъ возможность наслаждаться всѣми другими дарами Божиими.—Хотя иногда мы недовольно цѣнимъ его и небрежемъ о немъ, какъ не цѣнимъ свѣта, воздуха, движенія — вообще всего, чѣмъ пользуемся постоянно: но тѣмъ не менѣе привязанность къ жизни глубоко лежитъ въ природѣ нашей, такъ что ни труды, ни нужды, ни самыя страданія не истребляютъ ея. Долгая жизнь есть сугубый даръ отъ Бога,—предметъ желаній едва ли не каждаго изъ насъ. Быть достойнымъ сего дара и способнымъ къ принятію его,—это, въ извѣстной степени, зависитъ отъ насъ самихъ: долгота жизни, по свидѣтельству Премудраго, зависитъ отъ тѣхъ путей, по которымъ проходитъ она.

Въ наше время часто слышатся жалобы на сокращеніе предѣловъ жизни человѣческой, и примѣры долголѣтія дѣйствительно становятся рѣдки. Между многими причинами болѣе всего приписываютъ это явленіе раннему развитію душевныхъ силъ и усиленной умственной дѣятельности: плохая та мудрость, которая съ ранняго возраста надѣляетъ человѣка болѣзнями и, сокращая жизнь, сокращаетъ вмѣстѣ съ этимъ мѣру духовнаго совершенства, котораго можно достигать при долголѣтіи; жалкая та дѣятельность, которая въ началѣ, еще не зрѣлая, вспыхиваетъ яркимъ

огнемъ, и гаснетъ въ то время, когда только начинаеть приносить пользу. Не такова мудрость истинная: *долгота житія и лѣта жизни въ десниць ея* (Прит. 3, 16.) Эта мудрость съ дѣтства приучаетъ человѣка къ трудамъ и лишениямъ; научаетъ сохранять порядокъ въ распредѣленіи занятій, наблюдать строгую воздержность и умѣренность въ удовольствіяхъ; научаетъ находить покой и утѣшеніе въ точномъ исполненіи ближайшихъ обязанностей и умѣряетъ безпокойное стремленіе къ дѣятельности высшей и обширнѣйшей, которая превышаетъ силы и служитъ только пищею тщеславія; наконецъ, что всего болѣе способствуетъ къ сохраненію жизни и здоровья,—христіанская мудрость блюдетъ чистоту души и тѣла, внушаетъ удаляться отъ всего раздражающаго чувства и обуздывать страсти. Молодость, которая смѣется надъ этими простыми правилами и думаетъ, что можно нарушать ихъ безнаказанно, обыкновенно испытываетъ самыя горькія, неисправимыя послѣдствія своего легкомыслія и неправильнаго образа жизни. Молодому поколѣнію не мало нужно поучиться искусству достигать глубокой старости, сохраняя силы душевныя и тѣлесныя, изъ примѣровъ достойнѣйшихъ людей прежняго времени. Предъ нами, братія, одинъ изъ таковыхъ примѣровъ: почившій нынѣ рабъ Божій, протоіерей Сергій, нутемъ жизни строго воздержной, неуклонно правильной и до конца трудолюбивой, достигъ того предѣла, за которымъ, по указанію Слова Божія, жизнь обращается уже въ трудное бремя и непрестанную болѣзнь; всегдашній порядокъ въ дѣлахъ помогъ ему до конца сохранить спокойствіе духа, свѣтлую память и твердое сужденіе; крайняя воздержность была причиной того, что старость принесла ему не мно-

жество недуговъ и страданій, а только ослабленіе силъ тѣлесныхъ, неизбѣжное въ его годы и при его трудовой жизни; привычка къ труду такъ была сильна и постоянна, что и предсмертная болѣзнь застигла его въ дѣлѣ исполненія самой тяжелой обязанности священства—исповѣди.

Подлинно, братія, трудолюбіе съ одной стороны способствуетъ къ сохраненію жизни, съ другой—служить ей наилучшимъ украшеніемъ, придаетъ истинную цѣну долготѣію. Безъ него годы жизни накоплялись бы, не принося никому ни малѣйшей пользы, и жизнь оставалась бы какимъ-то негоднымъ вмѣстилищемъ, которое тѣмъ пустѣе, чѣмъ обширнѣе. Каждый наступающій годъ называется новымъ, безъ сомнѣнія, въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ принести новую частицу добра въ сокровищницу жизни. Все въ мірѣ, какъ въ вещественномъ, такъ и въ нравственномъ безостановочно движется впередъ: кто же пожелаетъ среди этаго общаго движенія стоять празднымъ, и черезъ то болѣе и болѣе отодвигаться назадъ по мѣрѣ того, какъ жизнь влечетъ насъ все ближе и ближе къ концу? Впрочемъ и въкъ нашъ, называющій себя въкомъ общаго преуспѣнія, повидимому, не позволяетъ намъ лѣности и застоя. Въ самомъ дѣлѣ, когда вездѣ такъ громко заявляетъ себя забота объ исправленіи недостатковъ въ жизни семейной и гражданской, о лучшемъ пониманіи и исполненіи обязанностей разнаго рода; когда призываются къ общепользующей дѣятельности всѣ, даже и низшія сословія; когда никакое положеніе въ обществѣ, никакое состояніе, очевидно, не можетъ ни обезпечить, ни извинить праздної жизни, такъ что во всей точности исполняется слово апостола: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ясть* въ (2 Солом. 3, 10); въ такое время какъ оставаться безъ дѣла? Какъ оставать-

ся безотвѣтнымъ на общій призывъ къ дѣятельному служенію общему благу? Но если и въ такое горячее для дѣла время далеко еще не всѣ одушевлены искренною и разумною ревностію къ трудамъ общепользы; если и теперь чаще слышатся пренія и разглагольствія о вопросахъ важныхъ для жизни, нежели встрѣчается правильное разрѣшеніе ихъ на самомъ дѣлѣ: то тѣмъ большаго почтенія заслуживаютъ лица, которыя задолго еще до настоящихъ благопріятныхъ для дѣятельности условій, безъ всякихъ виѣшнихъ побужденій, будучи возбуждаемы только собственною энергіей, посвящали себя служенію многотрудному и многоплодному. Такое право на общую признательность и уваженіе вполне стяжалъ сей маститый мужъ, много и съ пользою для многихъ потрудившійся. Юность его принадлежитъ тому суровому времени, когда будущіе служители церкви приготавливались къ сему служенію среди всевозможныхъ лишеній, въ голодѣ и холодѣ, почти безъ учебныхъ пособій, подъ руководствомъ немногихъ наставниковъ; болѣе собственнымъ упорнымъ трудомъ и размышленіемъ пріобрѣтали они образованіе, которое если и уступаетъ настоящему въ обширности, за то превосходитъ отчетливостію познаній, глубокомысліемъ, твердостію убѣжденій,—какой это отличительный урокъ для нашихъ молодыхъ людей, передъ которыми открыты столь широкіе пути къ просвѣщенію! Плодомъ прежняго образованія была скромность въ выборѣ и добросовѣстность въ исполненіи принятой должности. Призванный въ пастырскому служенію при сей церкви, усопшій посвятилъ сему въ началѣ тѣсному кругу занятій всѣ свои способности и познанія: вѣрность долгу неуклонная, усердіе къ дѣламъ своего званія, одушевленное желаніемъ блага, любовь къ по-

рядку, свидѣтельствуемая, прежде всего. точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, скоро привлекли къ нему вниманіе архипастыря, довѣріе и уваженіе общества; мало-по-малу расширяется кругъ его дѣятельности, одинъ трудъ за другимъ принимаетъ онъ на себя, не побуждаемый къ тому ни нуждою, ни желаніемъ извѣстности, но единственно изъ послушанія; почти всѣ роды церковныхъ должностей совмѣстно проходитъ сей вѣрный служитель церкви, во всѣхъ дѣлахъ неослабно усердный и до подробностей точный. Самъ образецъ церковнаго благочинія, онъ былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ тщательнымъ блюстителемъ его во ввѣренныхъ его надзору церквахъ и причтахъ; строгій къ погрѣшностямъ, онъ любилъ вразумлять погрѣшающихъ тайно, наединѣ, и только рѣшительная несправимость виновнаго или невозможность поправить бѣду вынуждали его предавать дѣло открытому суду; вслѣдствіе сего многіе слабые пощажены и исправлены, множество ссоръ прекращено въ самомъ началѣ. Къ его опытности смѣло можно было обращаться во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ пастырскаго служенія; въ его справедливости открыта была защита для всѣхъ обижаемыхъ. Съ такою же правдивостью и опытностью не лѣнностно трудился онъ на поприщѣ церковнаго суда, не только вникая терпѣливо въ подробности дѣлъ, но и съ участіемъ входя въ нужды и страданія подсудимыхъ. Знаніе дѣла, вѣрность взгляда, твердость воли и преданность благу церкви были причиною того, что, по указанію высшей власти, дѣятельность его простерлась за обыкновенные предѣлы: въ одной изъ отдаленныхъ губерній, гдѣ православіе было въ открытой борьбѣ съ римскимъ католичествомъ, болѣе года трудился онъ надъ обзорѣніемъ 1500 церквей и причтовъ, обзорѣвая

ихъ со стороны хозяйственнаго положенія, образованности и нравственности, претерпѣвая лишенія всякаго рода, даже не безъ опасностей и съ вредными для здоровья послѣдствіями, долго потомъ отзывавшимися. Это былъ впрочемъ не единственный опытъ его самоотверженія: въ тяжкую годину, когда холера въ первый разъ опустошала столицу, когда, не знакомое съ этою губительною болѣзнію, врачебное искусство оказалось безсильнымъ и всѣ въ ужасѣ только старались укрыться отъ смерти, — онъ безбоязненно явился въ числѣ мужественныхъ служителей алтаря, съ твердымъ упованіемъ на помощь Вышняго, трудившихся въ лѣчебницѣ, гдѣ больные и умирающіе считались сотнями и тысячами. Но гдѣ постоянно находило пищу его доброе сердце, чему охотнѣе всего удѣлялъ онъ время, о чемъ прилагалъ онъ продолжительное стараніе, — это было служеніе бѣднымъ, которое самъ милостивѣйшій Архипастырь нашъ, изъявивъ совершенную благодарность потрудившемуся, благоволилъ назвать многолѣтнимъ и многопопечительнымъ: толпы просящихъ помощи осаждали его, и никто не отходилъ безъ посильнаго удовлетворенія; тамъ, гдѣ общественное пособіе оказывалось невозможнымъ, благотворила его собственная рука, надѣляемая для сего усердіемъ друзей человечества, его духовныхъ чадъ и почитателей, а такихъ было много, очень много; не останавливалась его благодѣющая рука для вспомошествованія нуждающимся и изъ собственного достатка щедряла неимущихъ, такъ что не только чужой глазъ не видѣлъ, но и собственная другая рука того не вѣдала. Да воспомянутся предъ Милосерднымъ Судіею всѣ эти слезы, отертыя христіанскимъ участіемъ и помощію раба Божія, протоіерея Сергія! Подвигомъ добрымъ подвизался онъ

въ теченіе всей своей жизни; и сошелъ во гробъ, исполненный не лѣтъ только многихъ, но и дѣлъ благихъ, *якоже пшеница созрѣвшая, во время пожатая.* (Іов. 5, 26).

Но для васъ, братія св. храма сего и чада его духовныя. кончина его, понятно, кажется преждевременною: вы лишились молитвенника, который, зная ваши нужды и скорби и раны душевныя, неустанно, въ теченіе почти 50 лѣтъ, возносилъ къ престолу Божию свои теплыя моленія; лишились наставника, котораго слово, растворенное духовною опытностью, неослабно напоминало вамъ христіанскія обязанности, указывало искушенія и средства противъ нихъ, возбуждало безпечныхъ, утѣшало и поддерживало слабѣющихъ; множество духовныхъ чадъ его, между которыми не мало было и есть людей высокаго образованія и высоко поставленныхъ въ обществѣ, служить лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ умѣлъ онъ раскрывать совѣсть и лѣчить ея раны. Преемникъ столь достойнаго пастыря можетъ чувствовать только духовную немощь свою и просить молитвъ у тѣхъ, которымъ служеніе продолжать онъ призванъ. И для васъ, служители храма сего, имѣвшіе честь и утѣшеніе проходить свое служеніе подъ его настоятельствомъ и руководствомъ, кончина его можетъ казаться преждевременною, или, по крайнѣй мѣрѣ, жизнь его должна навсегда остаться приснопамятною: благочестивымъ примѣромъ своимъ и мудрыми наставленіями онъ былъ для васъ достойнѣйшимъ руководителемъ и въ служеніи церкви и въ жизни; много-попечительный о другихъ, онъ особенно заботился о нуждахъ вашихъ и положилъ твердое основаніе для вещественнаго благоустроенія вашей жизни. Слабое слово наше становится еще немощнѣе, обращаясь къ тебѣ, сѣтующая, достойная подруга

усопшаго: вполне понимаемъ, что нельзя выразить словами ту скорбь, въ которую погружена душа, провождающая въ другой мѣръ душу, такъ крѣпко сроднившуюся съ нею всѣми убѣжденіями, правилами, привычками; но не можемъ не указать, тебѣ въ утѣшеніе, а намъ всѣмъ въ назиданіе, — на это множество людей всякаго званія и возраста, съ печалію и почтеніемъ окружающихъ твоего усопшаго друга, и единодушно съ тобой отъ сердца молящихся, да упокоитъ его Господь въ небесныхъ обителяхъ послѣ многотрудной и для многихъ полезной жизни его на землѣ.

Протоіерей Ипполитъ Богословскій-Платоновъ.

ГЕОРГІЕВСКІЙ ДОМЪ ПРИЗРѢНІЯ БѢДНАГО ДУХОВЕНСТВА, ВЪ МОСКВѢ (*).

Мѣсяца за три до открытія дома, попечительство дома, по недостатку средствъ, затруднилось приступить къ открытію. Но, въ надеждѣ на помощь Божію, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Филарета, давашаго на первое время средства къ содержанію дома и имѣвшихъ поступить въ него, рѣшилось начать пріемъ. Это было въ августѣ 1864 года.

Богъ благословилъ дѣло; ко дню открытія дома, къ 3 ноября, 1864 года, благодаря, по преимуществу, щедрому пожертвованію Графини А. Е. Толстой, домъ считалъ уже у себя 15,000, р. въ 5% билетахъ, и, сверхъ процентовъ на основной капиталъ, имѣя въ виду разныя пожертвованія могъ, рассчитывать на 1950 р. годового содержанія.

Въ настоящее время капиталная сумма возрасла до 28,000 р. въ 5% билетахъ, и годового дохода имѣется въ виду 2100 р.

(*) См. въ Душеп. чт. 1864 г. ноябр. кн. статью: *Георгіевскій домъ призрѣнія бѣднаго духовенства въ Москвѣ*, — гдѣ напечатаны и правила дома.

Главные приходныя статьи были 1) отъ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго 300 р., 2) отъ ея сіятельства А. Е. Толстой 10,900 р. (б), 3) отъ Богородице-Рождественскаго, на Бутыркахъ, причта 500 р., 4) процентовъ 1508 р. 75 к., 5) сверхъ сего, разнаго дохода 333 р. 75 к.

Итого 13,542 р. 50 к.

542 р. 50 к. съ наличными деньгами, бывшими въ остаткѣ къ 1 ноября 1864 г., въ количествѣ 406 р. 88 к. поступили въ расходъ, котораго было 949 р. 38 к. (в).

Приврѣваемыхъ до 1 января 1866 г. было отъ 10 до 16 человекъ. Теперь 21 человекъ. Больше помѣстить неудобно и потому приѣмъ прекращень.

Въ числѣ приврѣваемыхъ находятся 5 священниковъ, 3 діакона, 4 причетника, съ женами и дочерьми. Изъ нихъ 1 священникъ, 1 діаконъ и 2 причетника одинокіе.

Приврѣваемые пользовались доселѣ пищею, отопленіемъ, освѣщеніемъ и банею. Такъ какъ средства дома стали больше и прочнѣе, то съ настоящаго года положено приврѣваемыхъ, по мѣрѣ надобности и средствъ, удовлетворять и одеждою, чему и положено начало.

Сообщено отъ комитета Георгіевскаго дома приврѣнія бѣднаго духовенства.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИХЪ: ГЕРАСИМА, МИТРОПОЛИТА ТИРСКАГО И СИДОНСКАГО (ЧТО ВЪ СИРИИ), И СОФРОНІЯ, МИТРОПОЛИТА ТРИПОЛЬСКАГО КЪ ІЕРОМОНАХУ АГАПІЮ, КАНДИДАТУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,—УРОЖЕНЦУ СИРИИ.

Преподобнѣйшій и возлюбленный о Господѣ сынъ нашъ Іеромонахъ Агапій!

Мы получили ваше письмо вмѣстѣ съ 500-ми экземпляровъ книгъ «камень соблазна» и «разговоры о православіи восточ-

(б) Ея сіятельствомъ граф. А. Е. Толстою пожертвовано всего 22,900 р., изъ нихъ 2000 р. дано на отдѣлку дома.

(в) Приходъ и расходъ извлечены изъ отчета, который представ-

ной католической церкви», которыя переведены Вами съ русскаго языка на арабскій, и присланы къ намъ чрезъ генеральнаго консула Великой и Богохранимой державы Россійской. Этотъ подарокъ дорогъ намъ особенно въ настоящее время, когда западная пропаганда быстро дѣйствуетъ и готова погубить православную церковь. Успѣхи ея были значительны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно жѣ въ Иерусалимскомъ Патріархатѣ, гдѣ цѣлыя невѣжественныя и немѣющія никакихъ понятій о правотѣ истинной вѣры деревни сошлись съ пути истиннаго и, будучи угнетаемы и преслѣдуемы бѣдностію и прельщаемы временными выгодами, приняли римскій католицизмъ, какъ-то: село Байтъ-жала, Мажидъ и другія деревни. Въ Байтъ-жалѣ учреждена католическая семинарія, для образованія дѣтей новообращенныхъ. У насъ впрочемъ въ Сиріи, — Антиохійскомъ Патріархатѣ, римская пропаганда, благодареніе Богу, никого изъ православныхъ не сошрала; напротивъ изъ среды сирійскихъ уніатовъ около 5000 душъ, самыхъ лучшихъ образованныхъ членовъ уніатства, изъ клира и изъ мірянъ, присоединились къ нашей православной церкви и сдѣлались горячими ревнителями православія и такимъ образомъ православіе нанесло папству сильный ударъ, благодаря въ этомъ содѣйствію консуловъ Богохранимой великой Русской державы.

Согласно вашему желанію, присланныя вами книги безмездно раздаются лицамъ духовнымъ и мірскимъ и усердно читаются не только православными чадами нашей епархіи, но и членамъ другихъ вѣроисповѣданій — армянами, маронитами, даже и католиками. Ибо книги сіи написаны безпристрастно, основательно, ясно и отчетливо. Православнымъ даютъ надлежащія понятія объ истинѣ и утверждаютъ въ правотѣ своей вѣры, католиковъ же вразумляютъ, заставляютъ искать истину и убѣждаютъ къ принятію оной, лишь бы только не закрывали глазъ, чтобы не видѣть, и не затыкали ушей, чтобы не слышать. Но не обинуемся сказать, что количество посланныхъ вами книгъ очень незначительно для обширныхъ сирійскихъ епархій, почему многіе обращаются къ намъ съ требованіемъ

лень былъ въ январѣ текущаго года Его Высокопреосвященству попечительствомъ дома, вмѣстѣ съ приходорасходною книжкою.

новыхъ экземпляровъ этихъ книгъ. Посему просимъ прислать намъ еще нѣсколько экземпляровъ этихъ книгъ для раздачи просящимъ. Посланные вами реэстры именъ русскихъ благотворителей, участвовавшихъ въ изданіи этихъ книгъ, мы вмѣстѣ съ книгами роздали всѣмъ настоятелямъ монастырей, священникамъ, и діаконамъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ нашей епархіи и велѣли включить сіи имена въ церковный поманикъ для вѣчнаго поминовенія; подобное распоряженіе сдѣлано во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ въ антиохійскомъ, іерусалимскомъ и александрійскомъ патріархатахъ.

Кромѣ римскихъ проповѣдниковъ среди насъ продолжаютъ дѣйствовать протестанты европейскіе и американцы; они распространяютъ свои лжеученія со всею смѣлостію и дерзостію вездѣ, гдѣ только бываютъ. А гдѣ они не бываютъ и въ какое мѣсто не проникаютъ? Они разсѣяны по всѣмъ областямъ Сиріи и Палестины и во многихъ мѣстахъ открыли свои школы, въ которыя набрали и не перестаютъ набирать дѣтей обоюго пола всѣхъ націй,—гдѣ кормятъ ихъ, одѣваютъ, обучаютъ даромъ, раздаютъ безмездно бечисленные книги, наполненные ядомъ лжеученія. Недавно учредили въ городѣ Бейрутѣ женскую школу для помѣщенія 500 дѣвицъ, со всѣми нужными для образованія и спокойствія ихъ средствами. Какое великое зло готовится, когда эти дѣвицы, напитанные ядомъ лжеученія, будутъ матерями семействъ! Кромѣ того эти миссіонеры устроили много больницъ и богадѣленныхъ домовъ, куда принимаютъ всѣхъ къ нимъ приходящихъ, не разбирая пола, націй и званія. Доставляютъ медикаменты, бѣлье, прислугу, одѣваютъ, кормятъ, снабжаютъ всѣмъ нужнымъ, и все для совращенія православныхъ, въ чемъ и успѣваютъ, помогая имъ выйдти изъ страшной бѣдности, какую они терпятъ отъ угнетенія со стороны турокъ и вслѣдствіе войны на Ливанѣ въ 1860 году. Во время этой войны Турками и другими въ Сиріи убито болѣе 40.000 людей мужскаго пола. Сколько осталось вдовицъ и сиротъ, лишенныхъ необходимыхъ для жизни средствъ, послѣ сожженія домовъ и разграбленія имущества турками! Они скитаются, какъ странники, изъ мѣста къ мѣсту, не имѣя куда преклонить головы своей.

Кромѣ иновѣрныхъ проповѣдниковъ враги православія явля-

ются изъ среды нашихъ юношей, которые въ иновѣрческихъ школахъ утратили истинную вѣру, и явились совершенными протестантами; мало этого, они сдѣлались ревнителями протестантизма и увлекаютъ за собою другихъ.

Намъ непременно нужно учредить по крайней мѣрѣ одну богословскую школу, гдѣ могли бы наши православные юноши воспитываться и получать образованіе для пастырской дѣятельности въ церкви. Равнымъ образомъ въ главныхъ двухъ городахъ, а именно въ Дамаскѣ и Тирѣ, нужно учредить богадѣльню и больницу для бѣдствующихъ и страждущихъ вдовъ и сиротъ, а для такихъ заведеній потребно не болѣе 50,000 руб. сереб.; иначе иновѣрцы, при своей горячей дѣятельности, въ скоромъ времени сдѣлаютъ востокъ западомъ; намъ необходимы еще руководства для обученія дѣтей догматамъ православной вѣры, краткой священной исторіи и церковнымъ молитвамъ; по недостатку такихъ руководствъ очень многіе изъ православныхъ дѣтей нашихъ пастей обучаются по книгамъ, наполненнымъ ядомъ лжеученія и нечестія, которыя растлѣваютъ добрые дѣтскіе нравы, и въ послѣдствіи удаляютъ дѣтей отъ православія. Вы извѣстили насъ, что эти руководства при помощи Божіей, переведены вами и уже одобрены цензурою и готовы къ печати. Мы весьма обрадовались этому извѣстію и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія вашихъ добрыхъ-плодовъ, столь нужныхъ для просвѣщенія дѣтей нашихъ. Недостаесть у насъ наконецъ книгъ, необходимыхъ для борьбы съ заблужденіями ересеначальниковъ: Лютера, Кальвина, Цвинглія и всѣхъ ихъ послѣдователей. О еслибы и въ семь вы помогли намъ! Не безъ цѣли же всеблагій Промыслъ такъ долго удерживаетъ васъ въ Богохранимой Россіи. Господь предвидѣлъ настоящія наши горестныя обстоятельства, и хочетъ посему употребить васъ въ орудіе къ поддержанію православія во славу свою. Если вы забудете это (чего не дай Богъ), то подумайте, влюбленный, какой страшный отвѣтъ отдадите Господу! ибо кто знаетъ добро, а не творить его, тотъ очень грѣшитъ. Какое дѣло можетъ быть лучше и добрѣе того, чтобы поддерживать православіе и избавлять души людей отъ гибельнаго лжеученія?

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ.

1) Въ 12 верстахъ отъ Москвы, за селомъ Коломенскимъ, есть село Борисово. Въ этомъ селѣ церковь Живоначальныя Троицы построена, по мѣстному преданію, царемъ Борисомъ Годуновымъ, и нынѣ отъ ветхости находится въ положеніи, возбуждающемъ сожалѣніе и опасеніе. Построена она изъ бѣлаго камня, по недостатку связи треснула въ куполѣ во всѣ стороны. Скудный видомъ, крашеный иконостасъ отъ сырости облупился; каменный полъ выкрошился. Тесовая крыша на притворѣ сдѣлалась совершенно негодною. Ограды половина упала. Колокольни совсѣмъ нѣтъ, а колокола висятъ на столбахъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыка по прошенію причта и прихожанъ, въ февралѣ 1864 года утвердивъ планъ на строеніе новой церкви, благословилъ выдать намъ книгу для сбора подаваній. Но сборъ въ теченіе года не достигъ и ста рублей. Собственныя же наши средства едва достаточны для начала дѣла.

Въ такой нашей нуждѣ обращаемся къ благотворителямъ церкви Божіихъ и просимъ оказать намъ помощь въ храмозданіи посильными приношеніями. Мы съ прихожанами будемъ усердно молить Господа о спасеніи усердствующихъ къ сему святому дѣлу.

Приношенія могутъ быть доставляемы и присылаемы къ священнику Московской Николо-явленской, на Арбатѣ, церкви, Стефану Зернову.

Троицкой въ селѣ Борисовѣ церкви священникъ Николай Смирновъ.

2) Поступило въ продажу у книгопродавцевъ: СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ СВЯТОГОРЦА къ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аѳонской, Палестинѣ и русскихъ святыхъ мѣстахъ. Новое изданіе, въ четырехъ томахъ, заключающее въ себѣ, кромѣ произведеній извѣстныхъ прежде, до 70 Писемъ и Сочиненій, только теперь въ первый разъ являющихся въ печати, съ приложеніемъ 1) полнаго «жизнеописанія» Святогорца; 2) его «портрета» съ факсимиле 3) «карты» св. горы Аѳонской; 4) «вида» русскаго Пантелеймонова монастыря, а св. горѣ Аѳонской и 5) «вида» кельи, въ которой жилъ и

скончался Святогорець. Спб. 1865 г. Ц. за 4 т. 3 р. 50 к., на пер. за 5 ф.

Подробное оглавление «Собрания», содержащаго въ себѣ 131 статью Святогорца, напечатано въ № 8 духовн. журн. Странникъ, № 237 Сына Отечества и №№ 219, 225 и 234 Московскихъ вѣдомостей за 1865 годъ.

3) Благочестивѣйшій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно опредѣленію св. Синода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: на мѣстѣ рожденія и отроческой жизни Св. Тихона, въ селѣ Короцкомъ, гдѣ покоятся Его родители и предки, учредить женскую Общину на правилахъ апостольскаго и иноческаго общежитія. Свѣдавъ о семъ, православные всѣхъ сословій, отъ всѣхъ предѣловъ Россіи, присылали посильныя лепты на учрежденіе *Короцкой обители Святителя Тихона съ училищемъ при ней и лечебницею для приходящихъ*. Жертвованія приносились не только отъ частныхъ лицъ, но и отъ цѣлыхъ обществъ: духовныхъ, чиновниковъ, военныхъ, крестьянъ, и многія приношенія сдѣланы или вслѣдствіе благодатныхъ знаменій отъ св. Тихона, или для испрошенія помощи отъ Него въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Въ самое короткое время на эти лепты, истинно при помощи свыше, сооружена обширная обитель; въ ней водворены сестры—общежительницы, началась иноческая жизнь, совершается неусыпное деннонощное моленіе о здравіи и за упокой жертвователей по именамъ и потомъ всѣхъ православныхъ.

Между тѣмъ обитель еще не приведена въ полное устройство. Настоятельница съ сестрами обители, покорнѣйше просить всѣхъ и cadaго принести малую лепту отъ трудовъ своихъ, для окончательнаго устройства обители.

Приношенія адресуются предсѣдателью строительнаго комитета: *Иверскаго монастыря архимандриту Лаврентію, въ городѣ Валдай, Новгородской губерніи, на устройство Короцкой обители.*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ (*).

(Изъ записокъ поклонника.)

Вторникъ, 24 сентября.

День пятый. Литургію въ часовнѣ гроба Господня служилъ по-славянски почтенный вожатай нашъ по Іерусалиму, о. А. В. Читали и пѣли мы сами не такъ громко и стройно, конечно, какъ это было въ запрошлую незабвенную ночь. По окончаніи службы, священнодѣйствовавшій благословлялъ насъ въ напутіе животворящимъ древомъ крестнымъ въ храмъ Воскресенія. Я уже не надѣялся болѣе быть въ немъ, и потому грустно прощался и взоромъ и сердцемъ со всѣмъ, что хранить онъ въ себѣ на утѣшеніе міру. Да будетъ не многое это время приснымъ напоминаніемъ и подкрѣпленіемъ мнѣ въ грядущіе дни немощей и искушеній, неизбѣжныхъ для того, кто переступилъ уже предѣлъ мужества, и склоняется къ западу жизни!

Послѣ краткаго сна, или лучше безпокойнаго дреманія, я снова готовъ былъ въ путь, общавшій мнѣ еще столько тревогъ сердечныхъ. Запасшись зонтикомъ, кошелькомъ и благодушіемъ, я, на восходѣ солнца, опять уже былъ верхомъ, и вмѣстѣ съ несрав-

(*) Окончаніе. См. въ предшествующихъ книжкахъ.

неннымъ вожатаемъ выѣхалъ изъ города тѣми же яфскими воротами. Предположено было начать обзоръ окрестностей Іерусалимскихъ съ *Крестнаго Монастыря*, занимавшаго меня вдвойнѣ, и какъ освященное преданіемъ мѣсто, и какъ православное училище,—лучшее, если не единственное, въ Сиріи. Чуть мы выѣхали за стѣны, до насъ стали доноситься визгливые голоса женскіе. Это были плакальщицы, сидѣвшія въ бѣлыхъ саванахъ по обѣимъ сторонамъ дороги, вблизи магометанскаго кладбища. «Умеръ какой-нибудь богатый Турокъ, сказалъ мнѣ спутникъ. Бѣдныя твари воютъ ради хлѣба, будутъ сидѣть тутъ, пока не принесутъ покойника. Это ихъ ремесло». За кладбищемъ дорога пошла по каменистому полю, и скоро начала спускаться въ лощину. До монастыря будетъ версты три. На всемъ этомъ пространствѣ не встрѣтили мы ни дерева, ни кустика. За то пріятнѣе было увидѣть цѣлую рощу масличную, окружающую монастырь, и придающую ему веселый и привлекательный видъ. По обычаю страны, малая, низкая и тѣсная дверь вводитъ внутрь обители. Прежде всего насъ ввели въ церковь, обширную и довольно величественную византійскаго стіля съ четырьмя столбами, на которыхъ возвышается свѣтлый, осмиконечный куполь. Постройка свидѣтельствуешь о первыхъ вѣкахъ текущаго тысячелѣтія, но даетъ видѣть въ себѣ неискусную архитектурскую руку. Вся внутренность ея по стѣнамъ, столбамъ и сводамъ украшена иконами съ грузинскими надписями—эпохи не очень отдаленной. Связанное съ животворящимъ древомъ преданіе, восходящее ко временамъ *Лота*, также изображено въ нѣсколькихъ видахъ на стѣнахъ. Подъ престоломъ указывается мѣсто, гдѣ, по преданію, росло древо Креста Христова. Бо-

лѣе близкое и достовѣрное преданіе о томъ, что здѣсь переночевалъ съ животворящимъ древомъ императоръ *Ираклій*, возвратившій его изъ Персіи, наканунѣ торжественнаго внесенія его во св. Градъ, также изображено на стѣнахъ храма. Церковь, видно, еще недавно была въ полномъ запусѣннн. Штукатурка во многихъ мѣстахъ осыпалась, и стѣнная иконопись рѣдко гдѣ не попорчена. Особенно жалкою представляется внутренность купола. О церкви я и прежде уже имѣлъ довольно свѣдѣній, но никто мнѣ не сказалъ о замѣчательной въ ней рѣдкости— мозаическомъ полѣ. Подобная работа свидѣтельствуетъ Римскую эпоху. Какъ же она очутилась въ христіанской церкви? Не выстроена ли церковь на развалинахъ языческаго храма? Не былъ ли здѣсь загородный домъ проконсуловъ іудейскихъ? Темныя по мѣстамъ пятна на мозаическомъ полу намъ объясняли пролитой тутъ кровью христіанскихъ мучениковъ. Новый поводъ къ догадкамъ... Надѣюсь, что со временемъ обитель сама рѣшитъ недоумѣнія уже не догадками, а положительными свидѣтельствами.

Вышедъ изъ церкви, мы поднялись по лѣстницѣ въ примыкающія къ ней зданія, имѣющія всѣ выходы на одну обширную террасу, изъ подъ коей по серединѣ возникаетъ куполь церкви. Тамъ и сямъ мелькали передъ нами питомцы школы, выглядывая на насъ изъ дверей и оконъ; насъ встрѣтилъ начальникъ училища, бывший питомецъ Халкинской богословской школы, молодой іеродіаконъ съ уминымъ, важнымъ и кроткимъ лицомъ. Онъ немедленно пригласилъ меня въ классъ. Тамъ за длиннымъ столомъ сидѣло около 15 дѣтей арабовъ отъ 10 до 15 лѣтъ. На тотъ разъ они занимались изученіемъ своего роднаго языка. Въ высшей

степени отрадно было видѣть эти начатки образованія народа, столько извѣстнаго міру своимъ разрушительнымъ характеромъ, и еще не выступавшаго на поприще исторіи въ качествѣ христіанскаго дѣятеля. Мнѣ кажется, что этотъ, воинственный нѣкогда и вмѣстѣ созерцательный, народъ обѣщаетъ мирную будущность, полную дѣлъ, благотворныхъ для всего человѣчества. При несомнѣнномъ охлажденіи и недовѣріи Іафетова племени къ «идеѣ» въ пользу *всякой*—и одной только «дѣйствительности», первоблагословенный родъ Симовъ, можетъ быть, имѣетъ призваніемъ своимъ остановить во время старѣйшаго брата, кажется, уже готоваго вмѣстѣ съ Хамомъ посмѣяться надъ мнимымъ разобнаженіемъ тайнъ бытія и жизни: почему знать? Умная Греція и гордый Римъ получили свѣтъ также съ презираемаго востока. Благословенна мысль блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго—учредить школу совмѣстнаго образованія дѣтей греческихъ и арабскихъ—будущихъ апостоловъ въ краю, гдѣ такъ много можно ожидать плодовъ отъ ихъ дѣятельности! Пора православнымъ народностямъ *всѣмъ* дать равныя права въ церкви Божіей, не дѣлая снова Агари рабою Сарры. Нашъ новый *Отецъ впрюющихъ* не признаетъ различія между рабами и свободными, эллинами и варварами: *о Іисусъ Христъ нѣсть рабъ, ни свободъ*. Будемъ, разные народы и языки, составлять единую православную церковь,—пусть ни Греческая, ни Русская, ни Румынская, ни Грузинская, ни Арабская, ни всякая другая *народная* или *племенная* церковь не стремятся къ преобладанію одна надъ другою, подобно латинской церкви, чтобы не потерпѣть въ слѣдъ за тѣмъ страшнаго удара своего протестанства. Сила православія, какъ сила всякаго органическаго тѣла, не въ

чрезмѣрномъ развитіи одной части его въ ущербъ другой, а въ строго-соразмѣрномъ образованіи и согласномъ дѣйствованіи всѣхъ ихъ. Да не прельщаетъ насъ автоматъ латинства. Онъ можетъ существовать и дѣйствовать, пожалуй, долѣе живаго организма; онъ неподверженъ болѣзнямъ, онъ безсмертенъ, если угодно, но.. онъ мертвъ! Этимъ, думаю, сказано все. Одного надобно желать, чтобы прекрасно начатое дѣло также хорошо и ведено было завѣдвающими крестною школою, т.-е. чтобы, образуя арабовъ въ служителей Христовой церкви, имъ не навязывали ни чуждый языкъ ни чуждую народность.

Я пожелалъ, чтобъ одинъ изъ мальчиковъ прочиталъ что-нибудь по-арабски и по-гречески. Дикіе звуки арабскаго языка въ устахъ дѣтскихъ смягчались, и чтеніе казалось не только занимательно, но даже трогательно. Оно, видимо, было дѣломъ души,—*дѣломъ*, а не занятіемъ отъ бездѣлья, какимъ кажется чтеніе у насъ флегматиковъ. Тутъ при каждомъ словѣ исходило и слышалось дыханіе. Непривычная намъ остановка на долгихъ гласныхъ дѣлала рѣчь какъ бы прерывающеюся, а непрерывное повышеніе и пониженіе голоса дѣлала ее похожимъ на пѣніе. Тотъ же мальчикъ читалъ потомъ по-гречески—хорошо, но безъ души. А помнится мнѣ, какъ одинъ ребенокъ (изъ русскихъ Грековъ) съ пламеннымъ одушевленіемъ читалъ греческій текстъ одной книги и занкался при каждомъ словѣ, когда началъ читать русской переводъ ея. Уже ли неясно, что есть въ природѣ челоуѣка непреложные законы, съ которыми не слѣдуетъ бороться тому, кто дѣйствуетъ во имя ихъ?—Изъ класса мы прошли въ комнаты начальника заведенія. Помѣщеніе его очень скромное, образъ жизни—простой, свойственный вооб-

ше Грекамъ, хотя, видимо, введенный уже въ границы строгаго приличія. Онъ представилъ миѣ и своихъ двухъ сотрудниковъ учителей, одного свѣтскаго, другаго духовнаго. На распросы мои объ ученыхъ пособіяхъ училища, онъ повелъ меня въ бібліотеку, примѣрно скудную, хотя и прекрасно устроенную. Его взоръ, устремленный на рядъ пустыхъ шкафовъ, служилъ отвѣтомъ на мои распросы. Я далъ себѣ обѣтъ не забыть этого назидательнаго отвѣта. Изъ бібліотеки мы прошли по всему заведенію. Къ удивленію моему, я нашелъ его не только прилично, но и роскошно устроеннымъ. Повсюду чистота, порядокъ, а главное изящный вкусъ, надобно сказать, рѣдко встрѣчаемый въ общественныхъ заведеніяхъ греческихъ! Даже столовая и кухня не оставляли ничего желать лучшаго. Да будетъ благодарная признательность всего православнаго міра просвѣщенному и ревностному патриарху! При его неутомимой дѣятельности, обширной опытности и отличномъ умѣ, школа крестная въ нѣсколько лѣтъ можетъ сдѣлаться *разсадникомъ православія* для Азій и Африки. Да найдетъ его боголюбивая душа сочувствіе въ нашемъ отечествѣ, и по преимуществу въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, коихъ долгъ священный пособить отдаленному разсаднику просвѣщенія всѣмъ, что у нихъ есть лишняго, а для него необходимо,—и книгами и картами и инструментами. Если бы не существовало подобнаго заведенія, его слѣдовало бы создать. Когда же оно есть, поддержать его уже легко.

Мы простились съ монастыремъ—училищемъ, пожелавъ ему процвѣтанія и плодоносной дѣятельности. Встрѣтившіяся при выходѣ изъ него, двѣ старушки, развѣшивавшія бѣлье питомцевъ, напомнили миѣ слова

одного путешественника француза, увѣрявшаго въ своей книгѣ (а), что церковь есть собственность русскихъ, и что монастырь населенъ монахинями (Ужь не сестрами ли милосердія? У кого что болитъ.). Долго еще я оглядывался на мирную обитель немногихъ пока наукъ. Мнѣ хотѣлось прозрѣть въ ея будущность. Разсуждая о ней, я вдругъ встрѣтился съ вопросомъ: откуда знаменитое заведеніе de propaganda Fide (б) получаетъ такія огромныя средства своего содержанія? Вопросъ этотъ не былъ ни неестествененъ, ни не умѣстенъ. Смутныя лица и необычный языкъ питомцевъ крестныхъ напомнили мнѣ такихъ же питомцевъ совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Въ Римѣ, въ залѣ «Пропанданты», я помню, былъ публичный актъ. Покойный кардиналъ Францони предсѣдательствовалъ и раздавалъ награды отличившимся воспитанникамъ. Около 30 роздано было однихъ золотыхъ большихъ медалей. Изъ нихъ двѣ достались одному Абиссинцу. Надобно же было случиться, что доселѣ молчавшій, спутникъ мой, вдругъ прервалъ нить моихъ воспоминаній. Указывая на поле, близъ котораго мы проѣзжали, онъ съ самодовольствомъ, истинно тронувшимъ меня, сказалъ: «мы его прикупили къ монастырю». Такъ вотъ и вы также съ своими средствами—бѣдные соперники Pontificis Maximi! Но какъ скудны ваши не только вещественныя, но и нравственныя средства, въ сравненіи съ тѣми, какими располагаетъ папа!

(а) La Terre sainte en 1853 par Louis Énault.

(б) На нынѣшнемъ греческомъ языкѣ *fidi* (отъ древняго. *ῥῆσις, οἰδίον*) значить: змѣя. Можно представить, къ какимъ острогамъ подастъ поводъ въ устахъ греческихъ это случайное созвучіе словъ *fides* и *fidi*, когда дѣло идетъ о Пропандантѣ.

Мы ѣхали другою уже дорогою отъ училища, направляясь почти прямо на яфскую дорогу. Пересѣкши ее, держали путь на сѣверъ, и скоро въѣхали въ Масличную рощу. Провожавшій насъ мальчикъ, сперва увѣрялъ насъ, что онъ знаетъ хорошо *Гробы Царей*, но потомъ показалъ видъ, что не понялъ насъ. Такимъ образомъ мы сами должны были искать ихъ. Заимѣтивъ въ сторонѣ одного Араба, мы отнеслись къ нему съ вопросомъ, но онъ предварительно потребовалъ отъ насъ денегъ. Спутникъ сказалъ ему на это: «если бы ты не договаривался заблаговременно, у тебя былъ бы сегодня хлѣбъ. Теперь намъ тебя не нужно. Дорогу мы знаемъ». Арабъ поспѣшилъ оставить насъ, вопреки моему предложенію. Въ услугахъ его впрочемъ не было нужды. Обширная яма означала сама себя издалека. Достигши ея, мы по осыпавшейся землѣ спустились внутрь ея. Передъ нами къ сѣверу стояла прямо обсѣченная скала, съ выдолбленною въ ней пещерою въ видѣ длинныхъ сѣней, коихъ навѣсъ спереди не поддерживается ничѣмъ. Мы сошли съ лошадей. Походивъ по сѣнямъ, я увидѣлъ въ западномъ концѣ ихъ малое отверстіе въ землю, ведшее наискось подъ стѣну. Откуда ни возмись, прибѣжало нѣсколько дѣтей съ восковыми свѣчками, и кто зажигалъ ихъ, кто, уже спустившись въ отверстіе, подавалъ оттуда руку... Ясно было, что оставалось намъ дѣлать. Спустились и мы туда же и, проползши подъ стѣну, очутились въ малой комнатѣ, заваленной землею и камнями, между коими видѣлись и толстыя каменные створки, замыкавшія нѣкогда входъ въ нее. Изъ комнаты этой были низкіе и тѣсные выходы въ боковыя отдѣленія, состоящія опять изъ комнатъ съ дальнѣйшими выходами. Въ устроеніи этого, на-цѣло

высѣченнаго, подземелья замѣтна большая тщательность и правильность. Видно, что работа точно царская. Пospѣшивъ выйти на чистый воздухъ, я попытствовалъ знать, нѣтъ ли въ противоположномъ концѣ галлерей такого же спуска, но дѣти увѣрили, что тамъ ничего нѣтъ. Оставалось разсмотрѣть идущій по верху пещеры карнизъ греческой или римской работы, высѣченный по отвѣсу скалы, и представляющій попеременно то триглифы, то вѣнки. Увидѣвъ это собственными глазами, я убѣдился вмѣстѣ съ другими, что это не гробницы древнихъ царей Давидова рода. Другихъ заключеній я не дѣлалъ, боясь вмѣшаться не въ свое дѣло. Я старался разузнать, гдѣ другія гробницы, древнѣйшія этихъ, носящія имя *Судей*, но не нашелъ никого, кто бы могъ указать ихъ.

Мы поѣхали къ Иерусалиму, направляясь на сѣверовосточный его уголь. Мы были уже недалеко отъ стѣнъ многострадальнаго города, какъ спутникъ мой сказалъ: «а пещеру *Варуха* мы и оставили!» Ворочаться было не близко, а потому я удовольствовался тѣмъ, что посмотрѣлъ по направленію къ ней, и поѣхалъ далѣе къ раскрывавшейся передо мною долину *Иосафатовой*. Поровнявшись съ Геосиманскими воротами, мы сошли съ коней, и спустились пѣшіе къ потоку *Кедрскому* безъ сомнѣнія по тѣмъ камнямъ, которые многократно попирала стопа Господа Иисуса Христа. «Мы въ *Геосиманіи*», сказалъ спутникъ.—Да!—отвѣчала я. не умѣя, что сказать болѣе. «Здѣсь побить былъ первомученикъ *Стефанъ*». Отсюда слѣд. онъ видѣлъ надъ собою отверзшееся, не во гнѣвъ астрономіи, небо, и *Сына Божія, стоящаго одесную Отца*, или, по его замѣчательному выраженію, общеупотребительному во времена апостольскія, одесную *Бога*, какъ единствен-

но и возможно было говорить тогда съ Іудеями—*мъхамъ старыми*, еще непригодными для *новаго вина*.. Оттуда Апостолы внимали пѣнію Ангеловъ надъ празднымъ гробомъ Богоматери. Тамъ Ангелъ подкрѣплялъ изнемогавшее челоуѣчество Сына Божія. А тамъ—на высотѣ—еще разъ ангелы утѣшали Апостоловъ по вознесеніи на небо ихъ Учителя. О мѣста преисполненная тайнъ и откровеній! Кто придетъ на васъ, и не вдохнетъ въ себя струю иной жизни? Въ самой глубинѣ юдоли, нѣсколько сѣвернѣе мѣста побіенія Стефана, выходитъ изъ земли четырехугольный фасадъ небольшого зданія, напоминающій собою наши часовни, съ большею посрединѣ дверью готической архитектуры. Это священнѣйшее мѣсто погребенія Божіей Матери. Къ великому прискорбію моему, на тотъ разъ дверь была заперта, а ключъ отъ нея обыкновенно хранится въ патриархіи. Чтобъ утѣшить меня, спутникъ описалъ мнѣ подробно всю внутренность священнаго подземелья. Надобно было довольствоваться этимъ воображаемымъ видѣніемъ.

Возлѣ самага почти входа въ гробную *пещеру Богоматери* (в) есть дверь, вводящая въ другую пещеру, о коей я не имѣлъ никакого понятія. Спутникъ сказалъ, что ее надобно видѣть, и вскорѣ на его зовъ явился латинскій монахъ съ ключемъ въ рукѣ. Мы вошли въ неправильную, довольно обширную пещеру. «По преданію латинскому, сказалъ вожатый, здѣсь молился Господь въ ночь преданія.»—Т. е. молился о *Чашѣ*, какъ мы говоримъ?—«Да!»—Въ пещерѣ!—«Они дума-

(в) Арабы называютъ Богоматерь *Святою Марією* (Ситти-Маріамъ). Это же имя они придаютъ и всѣй части Іосафатовой долины отъ гроба Богоматерняго до Силоамскаго источника.

ють такъ.»—Еще разъ: пещера! Для меня это было совершенною новостію. Въ пещерѣ устроена церковь, украшенная нѣсколькими иконами приличнаго мѣсту содержанія. Пещера соединялась нѣкогда дверью съ гробомъ Богоматери, и, видимо, составляла нѣкогда съ нею одно цѣлое. Подобно пещерѣ «у Пастырей» и это новое подземелье вмѣсто сосредоточенія мысли, внесло въ душу разсѣянность.—Но гдѣ же спали, по ихъ мнѣнію, ученики? спросилъ я.—«Должно быть, тутъ же», отвѣчалъ онъ. Я осмотрѣлъ пещеру во всѣхъ ея протяженіяхъ. Она не имѣла повидимому пространства, означеннаго евангелистомъ. Но мысль, что тогда была ночь холодная до того, что во дворѣ первосвященника слуги грѣлись у огня, и что ученики не могли потому спать на открытомъ воздухѣ, побуждала меня не отвергать совершенно мнѣнія латиновъ. «Впрочемъ для нихъ довольно и того, прибавилъ мой спутникъ, что въ ихъ пещерѣ могли укрываться и спать остальные 8 апостоловъ». Такъ, повидимому, примиряется дѣло.

Продолжая идти лѣвою стороною *Потока*, по бывшему саду, мы вышли на узкую площадку, окруженную кучею камней, составлявшихъ нѣкогда зданіе легко угадываемаго назначенія. «Вотъ здѣсь, по мнѣнію нашему, молился Господь, сказалъ мнѣ спутникъ, а тамъ на камняхъ спали ученики». Обозрѣвъ мѣстность, съ перваго раза находишь вѣроятнымъ такое мнѣніе. Я постарался успокоить себя, и возсѣлъ грѣшными устами молитву противъ страха смертнаго къ скорбѣвшему здѣсь до смерти единому Безсмертному. Виѣсть съ тѣмъ поскорбѣлъ и о томъ, что святѣйшее это мѣсто остается не огражденнымъ, и чрезъ то подвергается нестерпимому поруганію мусульманскихъ фа-

натиковъ (что да разумѣть!). Нѣсколько ниже площадки выстроена продолговатымъ четырехугольникомъ стѣна, ограждающая собою нѣсколько старыхъ маслинъ, въ которыхъ пріятно вообразать свидѣтельница послѣдней ночи, проведенной на землѣ Богочеловѣкомъ. Мы постучались въ дверь загороди. Намъ ее отворилъ преклонныхъ лѣтъ монахъ католическій, показавшійся мнѣ какъ бы излишне суровымъ. Посмотрѣвъ на насъ, онъ не сказалъ ни слова, и пошелъ въ свою убогую кушу, пристроенную къ сѣверному углу ограды. Мы же походили между сдѣланнымъ его руками цвѣтникомъ, постояли въ тѣни маслинъ, если и несовременныхъ Евангелію, то несомнѣнно родственныхъ современнымъ. Мнѣ впрочемъ непріятно казалось, что почтенный отшельникъ бѣгаетъ насъ. Подъ предлогомъ жажды я упросилъ спутника зайти въ келью его. Молчаливо онъ принялъ насъ. Желая какъ-нибудь вступить съ нимъ въ сношеніе, я собралъ въ памяти кое-какіе остатки прежняго не большаго вѣдѣнія Итальянскаго языка, и попросилъ у него роднымъ его словомъ воды. Лице его вдругъ просіяло. Онъ съ радушіемъ посадилъ насъ, засуетился, засыпалъ насъ вопросами, потомъ, провожая насъ, нарвалъ намъ цвѣтовъ, и даже сорвалъ по вѣточкѣ съ заповѣдныхъ деревьевъ, что считается обыкновенно знакомъ особеннаго вниманія. Бѣдные люди! Они, напугавши Востокъ кознями той системы, которой служатъ, въ свою очередь запуганы общимъ нерасположеніемъ къ себѣ, котораго не могутъ не чувствовать, и рады всякому привѣту... Возвращаясь на дорогу, мы вблизи упомянутой выше пещеры молитвенной видѣли закладываемое какое-то зданіе. Между каменьщиками былъ виденъ и монахъ въ коричневомъ платьѣ, опоясанный веревкою

и съ шляпою на головѣ. Спутникъ не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что тутъ заводится.

Мы начали подниматься на священную гору *Вознесения*. Стезя узкая, и для непривычныхъ трудная, вела на нее. Кое-гдѣ при пути попадали намъ деревья масличныя, смоковныя и терновныя. Въ тѣни одного изъ послѣднихъ стояли наши лошади, а проводникъ нашъ сидѣлъ на деревѣ и собиралъ ягоды, которыми немедленно подѣлился съ нами. Поминутно оглядываясь на раскрывавшійся все болѣе и болѣе за юдолю Іерусалимъ, мы наконецъ достигли высшей точки горы. Противъ чаянія и желанія, я тамъ встрѣтилъ деревню мусульманскую, малую и нечистую. На одномъ изъ дворовъ ея мы дожидались, пока принесутъ ключъ отъ церкви. Хозяинъ дома, преклонныхъ лѣтъ старикъ, старался выказать намъ всѣ знаки своего вниманія, и самъ повелъ насъ въ церковь. Но вмѣсто церкви, мы вступили на осмиугольный, значительной обширности, дворъ, обнесенный высокою стѣною. У каждой изъ 8 сторонъ сохранились основанія стоявшихъ тутъ нѣкогда тройныхъ колоннъ. На сихъ основаніяхъ христіане различныхъ вѣроисповѣданій совершаютъ Литургію въ праздникъ Вознесенія Господня. По срединѣ осмиугольной площади находится малая моельня магометанская, также осмиугольная, съ полушляпцемъ на куполѣ. Мы вошли въ нее въ слѣдъ за сторожемъ. Она была пуста и неукрашена ничѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ мусульманскаго храма. Но, изгоняя всякое изображеніе человѣческое, магометанство не рѣшилось коснуться слѣда пречистой стопы Іисусовой. Я не имѣлъ надлежащаго понятія о семъ отображеніи, не смотря на рассказы о немъ столькихъ путешественниковъ. Видѣвъ близъ Рима мнимые слѣды апостола

Петра, отпечатлѣвшіеся на мраморѣ, и зная хорошо, что то были впадины, гдѣ утверждалась стоявшая нѣкогда на камнѣ статуя божества или императора, я дерзнулъ подумать, что и на священнѣйшемъ Элеонѣ что-нибудь въ подобномъ же родѣ. Между тѣмъ здѣсь я увидѣлъ совершенно иное. Слѣдъ стопы отпечатлѣлся на самой скалѣ горы легко, но съ удовлетворительною ясностію. Онъ не высѣченъ, а вдавленъ въ камень. Случайность сходства тутъ, по крайней мѣрѣ для меня, не мыслима. Встрѣтиться съ этимъ дивнымъ свидѣтельствомъ богочеловѣчества Иисусова было поразительно. Тутъ требовалась пламенная молитва, но для молитвы не пріискивалось вдругъ ни своихъ, ни чужихъ словъ. *Человѣчество* бѣдное, по вся дни окаеваемое, уничижаемое и жизнию и смертію, и наукой и невѣжествомъ, и самимъ человѣкомъ и всѣмъ, что его окружаетъ! Отсюда ты вознесено превыше всего, что вѣдомо, и что недоступно твоему вѣдѣнію! Поклонись же Вѣчному, пріявшему тебя въ вѣчный и единый союзъ съ Собою, и не падай такъ безумно — преступно съ высоты, отселѣ тебѣ усвоенной! Мы точно поклонились тѣломъ и духомъ, лобызая устами и сердцемъ *слѣдъ Богочеловѣка*. Свидѣтель нашихъ ощущеній, магометанинъ, чуть замѣтивъ, что мы настроены къ молитвѣ, вышелъ изъ мечети. «Онъ сдѣлалъ намъ вѣжливость», замѣтилъ спутникъ. Въ *своемъ* храмѣ онъ не могъ позволить иновѣрной молитвы, но и не хотѣлъ отказать намъ въ ней.

Отъ мѣста вознесенія Господня мы поѣхали по хребту горы къ сѣверу на другую возвышенность ея по лемъ ровнымъ и воздѣлааннымъ. Замѣтивъ насъ снизу, одинъ негръ стрѣлою полетѣлъ тудаже, и успѣлъ предварить насъ тамъ, предлагая свои услуги, совершен-

но не нужны. На этой другой возвышенности, теперь опустѣлой, мы нашли кучу камней, составлявшихъ нѣкогда зданіе, и окружающихъ теперь площадку — вѣроятно помость бывшей тамъ церкви, изъ подъ котораго сквозь небольшое отверстіе страшно зіяла пустая цистерна, поразившая меня своею огромностію. Этотъ отрогъ горы Масличной называется теперь горою *Галилейскою*, горою *мужей Галилейскихъ*, горою *Малой Галилеи*, удерживая за собою во всякомъ случаѣ имя *Галилеи*. Когда, кѣмъ и почему усвоилось ему это имя? Не желаніе ли только объяснить слова Евангелиста Матѳея о повелѣніи, данномъ Иисусомъ Христомъ ученикамъ идти *въ Галилею*, и о дѣйствительномъ видѣніи ими Его *на горѣ*, было причиною, что часть Масличной горы получила особенное имя *горы Галилейской*, (г) такъ какъ гора, о которой упоминается въ Евангеліи отъ Матѳея, есть очевидно та самая, о которой говорится въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, *нарицаемая Элеонъ, яже есть близъ Иерусалима*? Присовокупляя къ этимъ соображеніямъ сказаніе Евангелиста Луки, что Господь передъ вознесеніемъ своимъ *извелъ учениковъ изъ Иерусалима воиъ до Виваніи*, слѣд. далѣе обѣихъ возвышенностей горнаго хребта, мы приходимъ къ заключенію, что въ древности вся гора, отъ потока Кедрскаго до лощины Виванской, носила одно и единственное имя *Масличной*, на которой несомнѣнно было Вознесеніе Господа, но въ какой именно точкѣ ея, этого съ точностію опредѣлить нельзя. Чтобы согласить нынѣшнее преданіе о мѣстѣ Вознесенія Иисуса Христа, подтверждаемое слѣдомъ пречистой стоиы

(г) Впрочемъ очень могло быть, что черезъ эту возвышенность шла дорога въ Галилею, и что на ней былъ въ древности пріютъ Галилеянамъ, отъ коихъ она и имя получила.

Его, съ словами Евангелія: до *Виѳаніи*, кажется, не остается ничего сдѣлать, какъ назначить мѣсто Виѳаніи гораздо выше по восточному склону Элеона, предположивши, что на мѣстѣ нынѣшняго *Эль-Азирге* было встарину только кладбище Виѳаніи Христовыхъ временъ, начинавшейся непосредственно за верхушкой горы или по крайней мѣрѣ вблизи ея. Что кладбища всегда и были и бываютъ въ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, а что на мѣстѣ нынѣшней Виѳаніи было прежде кладбище, объ этомъ свидѣтельствуеетъ самый гробъ Лазаря, находящійся теперь посерединѣ ея.

Къ сему гробу направили мы путь свой, проѣзжая горною тропкою, которою столько разъ приходилъ изъ Галилеи и возвращался въ Галилею Божественный Учитель. Ею проходилъ многократно, конечно, и *отрокъ Іисусъ* съ своими «родителями».

Въ тихомъ раздумьѣ возвращались мы къ хижинамъ окружающимъ мѣсто Вознесенія. Поминутно взоръ устремлялся то направо, то налево, къ несравненнымъ картинамъ съ одной стороны—Іерусалима, съ другой—отдаленной долины Іоордана, на которой въ трубу можно было различить самыя воды священной рѣки. Я поклонился ей, — первой свидѣтельница вѣчайшей тайны тріединства Божія, прообразу и первой купѣли воссоединяющаго насъ съ Богомъ таинства,—и еще разъ поскорбѣлъ, что лишенъ былъ возможности видѣть край, гдѣ духъ Предтечи какъ бы до сихъ поръ еще витаетъ. Отъ деревни мы стали спускаться тропинкою по восточному склону горы, пока выѣхали на дорогу Виѳанскую. Мѣстность въ первый разъ показалась мнѣ такою, какою я привыкъ воображать ее. Нѣсколько холмистая, оживленная зе-

ленью садовъ и виноградниковъ и обставленная кругомъ горами, она успокоительно дѣйствовала на сердце. Передъ нами *Виванія*. Издали бросается въ глаза небольшое четырехугольное отверстіе, выходящее на единственную улицу селенія въ томъ мѣстѣ его, гдѣ видится наибольшее число лучшихъ его зданій, или старыхъ и новыхъ развалинь, какъ приличнѣе назвать дома *Виваніи*. Гдѣ, въ которомъ изъ нихъ, или на мѣстѣ котораго изъ нихъ жили приснопамятныя сестры *Марѳа* и *Марія*, такъ ярко освѣщенные Евангеліемъ въ назиданіе всѣмъ ученицамъ Иисуса Христа? Напрасно было бы допрашивать о семъ нѣмое мѣсто и глухое преданіе. Мы остановились у самой пещеры *Лазаря*. Намъ немедленно принесли нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, и при свѣтѣ ихъ мы спустились въ глубь могилы: тамъ, среди мертвой тишины и гробовой сырости, я безъ труда представилъ себѣ поразительное событіе. *Лазаре гряди вонъ!* Эти повелительные звуки творческаго голоса слышались тамъ вверху, а здѣсь совершалось неописанное чудо: мысль о томъ, какъ разлагавшійся организмъ тѣлесный вставалъ вдругъ живымъ существомъ, наводила ужась на сердце, а присножеланный гласъ *Друга*—Воскресителя, преисполненный любви и милосердія, несъ ему сладчайшую отраду, давая угадывать въ себѣ божественное сочувствіе и съ его немощами! Я осмотрѣлъ пещеру. Она довольно глубока и тѣсна, но вышѣсть ея тѣмъ несоразмѣрно высока, когда-то была обдѣлана изнутри камнемъ и, повидимому, вышчала въ себѣ малую церковь. Теперь трудно узнать чтò и какъ въ ней было встарину. Мы вышли *вонъ*, держа въ памяти, какъ выходилъ нѣкогда Лазарь, обвитый и обвязанный, не столько иди, сколько влачась къ Свѣту жизни.

Поразительно величіе чуда воскрешенія Лазаря, мертвеца четверодневнога, но не менѣе поразительно, какъ могъ встать и выйти самъ собою изъ глубокой и темной пещеры еле живой человѣкъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, съ завитымъ въ плащъ лицомъ. Но Зиждательная Воля влекла къ себѣ воскрешеннаго, и Лазарь шелъ и явился въ отверстіи гроба! Невольно тутъ раздѣляешь ужасъ видящей это зрѣлище толпы.

Отдохнувъ у пещеры, мы отправились къ сосѣдней мечети, желая разглядѣть бывшую христіанскую святыню, но дикій фанатизмъ какого-то нищаго магометанина возбранилъ намъ это. Съ высоты одной разваливающейся стѣны могли только взглянуть на ея небольшой дворъ и скрывавшійся въ тѣни фасадъ, говорившій ясно о первоначальномъ назначеніи зданія. За то миѣ указали камень, гдѣ встрѣченъ былъ Господь плачущею сестрою умершаго, и гдѣ Самъ Онъ прослезился, пославъ слезою своею утѣшеніе всѣмъ скорбящимъ. Четвертое евангельское мѣсто въ Виѳаніи не было указано миѣ. Преданіе не отмѣтило для потомства дома *Симона прокаженнаго*, гдѣ совершилась приснопамятная вечеря, прославившая благое усердіе ученицы и обезславившая злое усердіе ученика.

Грустно простился я съ Виѳаніей, не находя возможности веселиться тамъ, гдѣ плакалъ Христъ. Пря отъѣздѣ же нашемъ тотъ же фанатикъ-нищій протянулъ къ намъ руку за милостыней. На замѣчаніе наше, что онъ стыдился бы теперь смотрѣть въ глаза намъ, когда только-что поднялъ на насъ всю деревню своимъ крикомъ, не позволяя намъ смотрѣть на мечеть, онъ отвѣчалъ совершенно спокойно: «того вамъ нельзя, а

это можно». Обратный путь нашъ былъ уже не черезъ вершину горы, а дорогою, идущею по южному ея склону, — несомнѣнно тою самою, которая была и во время Спасителя, потому что мѣстность не позволяетъ инаго пути. Тутъ слѣд. гдѣ-то была *иссохшая* по слову Господнему *смоковница*. Тутъ Господь возсѣлъ на *осля*, и съ царскими почестями провожденъ былъ народомъ до самаго Иерусалима. Предъ нами открылась глубокая долина, или рытвина *Геенская*, ужасная по своему имени и безотрадная по своему виду. По одну сторону ея возвышалась гора *злаго совѣщанія*, а по другую—славная гора *Сіонская* и вмѣстѣ съ нею Иерусалимъ, который какъ бы говорилъ мнѣ: *еще съ вами мало есмь. Вмалъ, и тому не видите Мене. Мнѣ стало еще грустнѣе. Я не смѣлъ приложить къ себѣ другой половины стиха: и паки вмалъ и узрите Мя...* Кто знаетъ будущее?

Палимые солнцемъ, мы спѣшно спускались къ *Потоку Кедрскому*. Почти надъ самою окраиной его мы проѣхали по кладбищу еврейскому къ гробницамъ, посвященнымъ имена *Захаріи* (д) и *Авессаломы*. Послѣдняя своею странною фигурой обращаетъ на себя невольно вниманіе каждаго. На одну треть высоты своей она забросана камнями въ укоръ памяти неблагодарнаго сына. Если памятникъ точно Авессаломовъ, то онъ дѣло рукъ Давида, заслуживающее если не почтительной, то снисходительной памяти. Памятниковъ Давида времени такъ мало, что если доказана будетъ подлинность Авессаломовой гробницы, археологія должна употребить всѣ средства, чтобы спасти ее для отдаленнѣйшаго потомства, возбранивъ невѣжеству

(д) Греч. *Проскинитарій* вмѣсто *Захаріи* имѣетъ имя *Исаи*.

всякія нападенія на драгоцѣнный остатокъ глубокой и поистинѣ священной древности. У памятниковъ сихъ мы спустились на мостъ, пересѣкающій потокъ, и перешедъ его, стали подниматься къ Сіону. Это также *страстный путь*. Имъ вели Господа въ ночь преданія изъ Геосиманскаго сада къ первосвященнику *Аниъ*. Имъ же, конечно, апостолы, собравшіеся «богоначальнымъ мановеніемъ» въ Іерусалимѣ послѣ многихъ лѣтъ проповѣди, несли тѣло Богоматери съ Сіона въ Геосиманію на погребеніе. Поронившись съ угломъ городской стѣны, я внимательно разсматривалъ ея постройку, желая увидѣть въ ней что-нибудь уцѣлѣвшее отъ времени Нееміи. И точно, основные камни стѣны своимъ видомъ и огромностію заставляютъ думать о временахъ до-христіанскихъ. Спутникъ предлагалъ мнѣ ѣхать берегомъ къ *Силоаму*, и оттуда подняться къ Сіону по *Геениъ*, но было уже за полдень, я долженъ былъ спѣшить, и потому отказался видѣть цѣлебную «купель» превратившуюся теперь, какъ увѣряютъ, въ грязную лужу. Поднявшись на крутизну, мы ѣхали вдоль южной стѣны города, изъ-за которой видѣлся верхъ великой церкви Введенія Божіей Матери, обращенной въ мечеть, извѣстную подъ именемъ *Ель-Акса*. Она долго привлекала къ себѣ мое вниманіе. Счастливыя поколѣнія будущія узрятъ, конечно, и ея славу. Наконецъ мы были на *Сіонѣ*.

Сіонъ и Псалтирь, Псалтирь и богослуженіе, — мы всѣ въ родствѣ съ Сіономъ. Но не одна Псалтирь связала насъ съ нимъ. У насъ съ Сіономъ есть другой существенный и глубочайшій союзъ *жизни*. Отъ Сіона мы получили «хлѣбъ небесный и чашу жизни». Отъ Сіона мы приняли «Духа сыноположенія, вопіющаго въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче». Отъ Сіона «изыде за-

конь», обнявшій всю вселенную и связавшій все чело-
вѣчество въ единство *царства Божія*. Отъ Сіона—
благолюбіе красоты Его (Бога) разлилось живыми,
свѣтлыми, и чистыми струями на весь обитаемый нами
міръ. Мы здѣсь познали Бога такъ, какъ не могла по-
казать намъ Его никакая наука, никакая самая уси-
ленная подвижническая практика. *О вѣрный Сіонъ*
(Ис. 1, 26), *градъ Господень, Сіонъ святаго Израилева*
(60, 14)! Ужели это ты подъ ногами смиренныхъ пут-
никовъ являешься такими смиренными и неблаголѣп-
ными очертаніями земли засоренной, заброшенной, на-
мѣренно пренебреженной?.. Какъ бы исполняя заповѣдь
священной пѣсни: *обидите Сіонъ и обымите его*, мы ок-
ружили гору съ южной стороны и обняли взоромъ всѣ
его невзрачныя зданія. Въ виду Сіона у воротъ сре-
днѣвѣковой постройки мы спѣшились, и немедленно
очутились среди толпы дѣтей, съ крикомъ сопровож-
давшихъ насъ внутрь ограды. Непріятно подѣйствова-
ла на меня эта встрѣча. Священнѣйшее мѣсто земли
желалось увидѣть и обозрѣть среди невозмутимой ти-
шины мира внутренняго и внѣшняго. Мы введены бы-
ли въ комнату со сводомъ, поддерживаемымъ двумя
колоннами, раздѣляющими ее по длинѣ на двѣ поло-
вины. Это все, что дозволено видѣть христіанину. Съ
перваго раза ясно становится, что комната эта есть
только часть зданія, уходящаго за ея стѣны и пере-
городки. Въ южномъ углу ея есть спускъ въ подполье
къ мнимымъ или истиннымъ *гробамъ Давида и Соломона*.
Туда, разумѣется, не было возможности проникнуть.
Я хотѣлъ посмотрѣть сквозь заколоченную досками
дверь въ сѣверной стѣнѣ комнаты, выводящую, сколь-
ко можно судить, на открытый дворъ или задворье.
Дѣти подняли крикъ. Особенно отличалась неистов-

ствомъ одна дѣвочка 10 или 12 лѣтъ. Спутникъ мой съ полнымъ хладнокровіемъ вступилъ съ ними въ разговоръ, «урезонивая» ихъ. Но эта мѣра оказалась недѣйствительною. Тогда онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и ласково сказалъ: «зачѣмъ ты кричишь? Ты не знаешь, что когда кричишь, то лице у тебя дѣлается какъ у старухи.» Между дѣтьми раздался хохотъ. Крикунья покраснѣла и умолкла. За нею и другіе всѣ утихли. Однакоже, когда я снова, и уже издали, сталъ смотрѣть сквозь щель двери, ее маленькіе фанатики загородили собою. Такимъ образомъ все что приносить взору и сердцу христіанскому нынѣшній Сіонъ, есть одна пустая комната смѣшаннаго стиля византійско-готическаго,—безмолвная указательница мѣста, на которомъ совершились два самыхъ важныхъ для жизни нашей откровеній Божіихъ. Отсюда, съ этой исходной точки исторіи нашей церкви, Іерусалимъ представляется рубежемъ древняго міра. Его стѣна, повидимому, такъ некстати разсѣкая Сіонъ на двѣ части, кажется, поставлена нарочно служить яснымъ знаменіемъ сего раздѣла завѣтовъ. Поя мысленно восхитительныя пѣсни праздника Троицы, я носился воображеніемъ въ оной горницѣ, а взоромъ прощался съ безотраднымъ зрѣлищемъ разрушенія, пустоты, нечистоты и диковраждебной толпы водворившихся на Сіонѣ. *Богъ спасеть Сіона.. И любящіе имя Твое вселятся въ немъ* (Пс. 68; 26 37.). Господи! ужели они, эти нынѣшніе жители Сіона, есть любящіе имя Твое, спрашивалъ я, посылая послѣдній вздохъ уже исчезающему за сосѣднимъ домою Сіону. Домъ этотъ, съ виду похожій на тюрьму, и принадлежащій, какъ мнѣ сказали, Армянской общинѣ Іерусалима, носитъ имя первосвященника, судившаго Судію всяческихъ. Съ его памятнымъ име-

немъ возвращается въ душу рядъ печальныхъ представлений, неотразимо преслѣдующихъ посѣтителя Іерусалима. А вотъ и онъ самъ, *городъ мира*, уже вѣки и тысячелѣтія не оправдывающій судьбами своими своего названія. Мы вѣхали въ него воротами *Сіонскими*, высокими и крѣпкими, какъ и всѣ твердыни, сторожащія Іерусалимъ. Возвратились въ гостиницу вчерашнимъ путемъ, —единственнымъ, на которомъ европеецъ можетъ вздохнуть свободно.

Я нашелъ всѣхъ уже готовыми къ отъѣзду. При вещахъ моихъ лежалъ мѣшокъ съ подарками изъ Патріархіи, заключавшій въ себѣ четки, крестики, иконы изъ перламутра и большое количество мыла. Вниманіе почтеннаго Владыки-намѣстника тронуло меня. Въ то же время меня убѣдительно звали, хотя на минуту, въ патріаршую типографію. Я и безъ приглашенія желалъ видѣть ее; тамъ меня ожидалъ архіепискомъ Лиддскій *Герасимъ*, второй епитропъ патріаршій, уроженецъ Пелопонеза. Онъ мнѣ показалъ все что было замѣчательнаго въ заведеніи. Печатались современно и греческія и арабскія книги. Во всемъ видна была дѣятельность, достойная высокой похвалы. Жаль, что срочный часъ не позволилъ мнѣ войти въ болѣе подробное обслѣдованіе отдѣленія арабскихъ книгъ. Я вынесъ съ собою изъ типографіи горячее чувство признательности блаженнѣйшему патріарху *Кириллу* за его просвѣщенную ревность къ дѣлу Божію. Преосвященный Герасимъ далъ мнѣ на память прекрасно отпечатанную *толковую Псалтирь* бывшаго патріарха здѣшняго *Анѣма*, и *бесѣды св. Григорія Саламы*. Когда я вышелъ на улицу, общество наше уже шумно разбирало лошадей. Я поспѣшилъ взять напутственное благословеніе преосвященнѣйшаго Мелетія, столько извѣстнаго въ Рос-

си́и подѣ именемъ «Святаго Петра». Почтеннѣйшій іерархъ, какъ бы забылъ, что уже одарилъ меня богато, еще искалъ въ убогой кельѣ, чѣмъ бы благословить меня на дорогу, и кстати нашелъ на полкѣ просфору. «Васъ видѣли и не видѣли, сказалъ онъ, провожая меня. Надѣюся, что еще будемъ видѣться». Я внутренно пожелалъ, чтобы слова его сбылись, и просилъ его святыхъ молитвъ. Отъ него я зашелъ проститься съ дряхлымъ старцемъ преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, котораго нашелъ въ церкви *св. Константина и Елены* у вечерни. Крѣпко желалъ еще разъ помолиться у Гроба Господняго, но, изъ боязни отстать отъ своего общества, не рѣшился сдѣлать это. Да проникается присно памятію его сердце мое, и да сдѣлается оно само гробомъ Христовымъ, покоищемъ чистымъ и невозмутимымъ божественныхъ даровъ!

Съ трудомъ и въ безпорядкѣ пробирались мы по тѣсной улицѣ, пока не выѣхали на площадку передъ *Визелемскими* воротами. Здѣсь по возможности устроились,дохнули въ послѣдній разъ освященнымъ воздухомъ Іерусалима, перекрестились, и выѣхали за ворота. Мною владѣло чувство довольства и радостной благодарности Богу, сподобившему меня видѣть мѣста, отъ ранней юности желанныя, святочтимыя и любимыя. Но по мѣрѣ того, какъ отдалялось отъ глазъ свѣтлое видѣніе, въ сердце закрадывалась тоска. Мнѣ жаль было разстаться съ Іерусалимомъ. Онъ вызывалъ во мнѣ уже чувство родное. На минуту мнѣ казалось даже, что тамъ, за стѣнами его, я оставилъ и Іисуса Христа. Томительно прошло черезъ сердце это неразумное представленіе. Уже мы миновали и магометанское кладбище и древній водоемъ. Подробности города стали сливаться въ одинъ очеркъ стѣны, вѣнчаемой кое-гдѣ

выпуклыми возвышеніями. Я не сводилъ глазъ съ зрѣлища, поистинѣ ненагляднаго, ожидая трепетно съ каждымъ новымъ шагомъ лошади, что оно вдругъ сокроется отъ меня. Но скрываться начало оно постепенно. Ближайшія неровности земли стали задвигать собою южную окрестность св. Града, и вскорѣ на мѣстѣ его представили взору одни свои голыя очертанія. На душѣ, сверхъ чаянія, стало легко. Я дерзнулъ припомнить при этомъ блаженныхъ апостоловъ, возвращавшихся, по разлученіи съ Учителемъ, съ горы Масличной съ радостію великою (Лук. 24, 52), о чемъ я многократно думалъ и недоумѣвалъ. Хвала Ему, сіяющему солнцу благодати своея на блага и злыя!

Мы ѣхали дорогою, которою Богочеловѣкъ въ прерадостный день воскресенія шествовалъ съ двумя учениками въ *Еммаусь*. Какъ не подумать, что это необычное и неожиданное, таинственное явленіе Его на пути въ *міръ языковъ*, во славу обоженнаго челоуѣчества, преднамѣренно было устроено Имъ, какъ утѣшеніе отдаленнѣйшимъ родамъ христіанскимъ, — какъ первый привѣтъ Его Европѣ, имѣвшей столько возлюбить Его, — какъ сладкій залогъ обрученія Его съ церковію языческою, дотолѣ *не любимую*, а отселѣ *возлюбленную* (Рим. 9, 25), дотолѣ *пустую*, отселѣ *многочадною*! Въ частности же для христолюбивыхъ поклонниковъ, встрѣчаемыхъ и провожаемыхъ памятію сего явленія, оно должно быть съ одной стороны наставленіемъ имъ, идущимъ во Іерусалимъ, чтобы они не искали тамъ, подобно *Мвроносицамъ, живаго съ мертвыми*, съ другой утѣшеніемъ имъ, отходящимъ изъ Іерусалима, ибо и въ нихъ отъ незримаго, но несомнѣннаго присутствія Его *сердце можетъ горѣть* всякій разъ, какъ они будутъ слышать слово Его во святомъ Евангеліи и на пути своемъ къ отдаленной отчизнѣ.

Было къ вечеру, и день преклонялся, когда мы проѣхали мимо селенія *Галонье*. И здѣсь ищуть, потеряннаго для географіи, *Эммауса*. Кажется съ большею вѣроятностію можно усматривать его здѣсь, нежели въ Абу-гошевой деревнѣ. Отъ послѣдней не легко было Клеопѣ и другому ученику дойти до Іерусалима въ краткій срокъ обвечерѣвшаго дня (е); хотя, съ другой стороны, отъ *Галонье* до *Іерусалима* разстояніе менѣе означеннаго въ евангеліи, т. е. не составитъ 60 стадій. — Вблизи одного колодца на открытомъ полѣ мы встрѣтили наступающую ночь. Малый отдыхъ продолжался до восхода луны. При ея мерцаніи, мы отправились далѣе и, миновавъ *Абу-гошь* съ едва очертававшеюся въ сумеркахъ церковію, вступили въ грозное ущеліе, столько страха наводившее прежде на поклонниковъ, да и теперь еще не совсѣмъ безопасное. Въ разспросахъ и разсказахъ о путешествіи нѣкоторыхъ спутниковъ на Іордань, а также и въ повѣркъ впечатлѣній іерусалимскихъ, мы скоротали ночь. Часамъ къ тремъ утра, въ крайнемъ изнеможеніи добрались до *Ремли*.

Среда, 25 сентября.

Восходъ другаго свѣтила прервалъ другой нашъ отдыхъ. Съ силами разбитыми, я еще разъ сѣлъ на лошадь, и опять не имѣлъ ни времени, ни благопріят-

(е) А до мѣста *Кубей-би*, лежащаго всторонѣ отъ дороги, которая въ среднія вѣка вообще считалась за *Эммаусъ*, еще далѣе. *Га* (или *Ка*) *ленье* есть несомнѣнно испорченное *Солонія*. По свидѣтельству Іосифа Флавія (о войнѣ Іуд. VII; 6, 6), Имп. *Веспасіанъ* поселилъ въ *Эммаусѣ* 800 солдатъ, выслужившихъ свой срокъ. Вотъ основаніе, на которомъ можно строить предположеніе о тождествѣ *Галенье* съ *Эммаусомъ*.

ныхъ условій къ тому, чтобы разсмотрѣть городъ, по крайней мѣрѣ впечатлѣть въ памяти его общій очеркъ. Теплота дня и веселая иѣстность мало-по-малу оживили меня, и заставили забыть бѣдственно проведенную ночь. Трехчасовой послѣдній путь мой по св. Землѣ совершенъ былъ подъ самыми благими впечатлѣніями. Прошедшее представлялось сладкимъ сномъ, будущее великолѣпнымъ праздникомъ. Завидѣвъ *Юппію*, мы забыли и усталость, и смертельно томившую жажду, и понеслись къ ней съ быстротою, отъ которой я тысячекратно желалъ, но не могъ или не умѣлъ отказаться. Самые радостные привѣты посылались морю, когда оно показалось намъ снова, послѣ пятидневной разлуки.

И было чѣмъ восторгнуться! За свѣтлою синевою водъ его миѣ зрѣлся уже лучезарный Египетъ.

А. А.

Декабрь 1857 г.

Ликодимъ.

СЛОВО ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ МОСКОВСКАГО МЪЩАНИНА ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА АСТРАХАНЦЕВА, УМЕРШАГО ВЪ 14-Й ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1866 ГОДА (а).

Не любите міра, ни лже въ мірѣ. (1.
Иоан. 2, 15.)

Не безопасное для нравственности, хотя и честно само по себѣ, поприще занятій предназначено было на землѣ почившему нынѣ отъ трудовъ своихъ рабу Божію Іоанну. Купля и продажа, которыми онъ занимался въ продолженіе своей земной жизни, на каждомъ

(а) Произнесено въ Московской Николаевской, что въ Драчѣхъ, церкви.

шагу представляют возможность злоупотребленія. А приобретаемая при семъ въ вознагражденіе трудовъ богатства сколько всегда представляютъ случаевъ и соблазновъ къ многоразличнымъ грѣхамъ! *Хотящій богатится, свидѣтельствуеть намъ слово Божіе, упадаютъ въ напасты, и сѣть, и въ похоти многи, несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ челоупки во всегубительство и погибель* (1 Тим. 6, 9).

Несмотря на все это, усопшій рабъ Божій Іоаннь, болѣе полувѣка трудившійся на указанномъ ему отъ Бога поприщѣ жизни, никогда и ни чѣмъ не омрачилъ своего добраго имени, и сопровождается нынѣ въ жизнь вѣчную особенно усердными моленіями и благословеніями церкви (б). Чѣмъ же предохранилъ онъ себя отъ паденій на столь скользкомъ пути? Какія нравственныя качества, при содѣйствіи Божіемъ, помогли ему съ такою честію совершить свое служеніе на землѣ?

Не любите міра, ни яже въ мірѣ, — вотъ Божественное наставленіе, которому усопшій рабъ Божій Іоаннь особенно ревностно старался слѣдовать во все продолженіе своей долготѣней жизни, хотя никогда не уклонялся отъ предстоявшихъ ему въ мірѣ честныхъ трудовъ. Безпристрастіе къ міру и его благамъ, ради достиженія царствія Божія, — вотъ то отличительное его свойство, при которомъ для него никакіе соблазны со стороны земнаго богатства не могли имѣть своей развращающей силы.

При какихъ обстоятельствахъ вступилъ онъ на поприще своей дѣятельности въ жизни? — На двѣнадцатомъ году отъ рожденія лишившись своего родителя

(б) Въ послѣдніе годы своей жизни онъ получилъ нѣсколько письменныхъ благословеній и отъ святѣйшаго Синода и отъ нѣсколькихъ архипастырей церкви.

и оставшись съ своею матерію безъ всякаго наслѣдственнаго состоянія, онъ немедленно поступилъ въ услуженіе торговлѣ и богатству другихъ. Съ этой же минуты, естественно, могли начаться для него и самыя соблазны отъ богатства. Съ одной стороны, собственныя нужды и желаніе пособить своей матери могли побудить его къ тому, чтобы онъ, приобрѣтая для другихъ, не опускалъ никакой возможности приобрѣтать и для себя. Съ другой стороны, случающіеся въ торговомъ мірѣ примѣры говорили ему: «пусти душу въ адъ и будешь богатъ». Но какъ поступилъ, несмотря на свою бѣдность, юный торговецъ? — Руководимый страхомъ Божиимъ и словами Премудраго, что *лучше имя доброе, неже богатство много* (Притч. 22, 1), онъ желалъ лучше медленными, но честными трудами, снискать для себя какое-нибудь, хотя бы то и самое незначительное состояніе во временной жизни, чѣмъ неправедными, хотя бы то и скорыми прибытками заградить себѣ путь къ царствію Божію. И дѣйствительно: только многолѣтнее, терпѣливое его служеніе другимъ, ревностное изученіе своихъ занятій, строгое воздержаніе въ собственной жизни, доброе имя, справедливо приобрѣтенное имъ, доставили ему наконецъ возможность самому по себѣ заняться трудами на указанномъ ему отъ Бога поприщѣ жизни. Можно ли не почтить словами хвалы столь разумнаго безпристрастія къ земному богатству, равно какъ и столь поучительнаго примѣра для каждаго юноши, желающаго *богатиться*?

Честнымъ образомъ начавшееся собственное хозяйство его скоро удостоилось видимаго благословенія Божія. Предпріятія его, всегда начинавшіяся усердною молитвою къ Богу, всѣ увѣнчавались успѣхами; довѣ-

ріе общества возрасло къ нему почти безъ предѣловъ; имущества его быстро умножились. Но ослѣпили ли его, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, притекавшія къ нему земныя богатства? Предался ли онъ, при своихъ къ тому средствахъ, или суетной роскоши, или праздности съ ея пороками? Злоупотребилъ ли онъ для приумноженія своихъ стяжаній чьимъ бы то ни было довѣріемъ къ нему? Даже тщеславлія ли онъ довольствомъ своимъ? Нѣтъ! Помня слово Господне: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. 61, 11), онъ и при избыткахъ своихъ не измѣнялъ своимъ прежнимъ правиламъ, служившимъ для него руководствомъ въ юности. Тѣ же неутомимые труды, та же строгость къ себѣ, та же честность къ другимъ, то же смиреніе предъ Богомъ, продолжали составлять его украшеніе и во всѣ дни его богатства. Мало сего: не ища однихъ собственныхъ выгодъ въ жизни, онъ охотно принималъ на себя исполненіе порученій и для блага другихъ, и сорокъ лѣтъ со всею ревностію служилъ онъ своему обществу въ различныхъ должностяхъ, возлагавшихся на него довѣріемъ общества. Отдохновеніе отъ своихъ трудовъ онъ находилъ для себя лишь въ благоуукрашеніи и посѣщеніи святыхъ храмовъ Божіихъ, въ скромныхъ собесадованіяхъ съ своими друзьями о благѣ общественномъ, въ попеченіи объ улучшеніи положенія призрѣваемыхъ обществомъ старцевъ и вдовъ (в), въ оказаніи пособія всякому нуждавшемуся въ его помощи. Кто не увидитъ изъ всего этого, какъ благоразумно умѣлъ успошій рабъ Божій Іоаннъ совмѣщать съ своими земными

(в) Между прочимъ онъ состоялъ на службѣ по устройству мѣщанской Покровской богадѣльни, такъ прекрасно устроенной.

дѣлами исполненіе небесной заповѣди: *не любите міра, ни яже въ міръ?* Кто не пойметъ что и каждый обладатель земнаго богатства, если только, подобно усопшему рабу Божію Іоанну, будетъ цѣнить для себя выше вѣчное спасеніе души чѣмъ временныя блага міра, то всегда найдетъ для себя возможность, даже безъ ущерба для своихъ житейскихъ занятій, избѣгать тѣхъ *многихъ похотей несмысленныхъ и вреждающихъ, яже погружаютъ чловѣки во всегубительство и погубель?*

Но пристрастіе чловѣка къ земному богатству, какъ извѣстно, всего сильнѣе обнаруживаетъ себя въ лѣта старости. Не мало примѣровъ, что люди пристрастившіеся къ міру и его сокровищамъ, чѣмъ старѣе становятся, тѣмъ являются ненасытнѣе въ своихъ пріобрѣтеніяхъ, и иногда даже какъ бы совсѣмъ забываютъ объ ожидающей ихъ смерти. Къ сребролюбію ихъ располагаетъ наступившій упадокъ собственныхъ силъ, опасеніе остаться безъ пособія отъ другихъ, невозможность новыхъ пріобрѣтеній, а особенно желаніе и ожиданіе еще многихъ лѣтъ жизни. Не таковъ былъ рабъ Божій Іоаннъ во дни своей старости. Одинокій въ продолженіе всей своей жизни, а въ послѣдніе годы не имѣвшій при себѣ и никого изъ родныхъ, которые могли бы принять его въ случаѣ нужды на свое попеченіе, онъ во дни старости не поддавался внушенію житейскаго благоразумія—съ особенною тщательностію сберегать на черный день и даже умножать свои земныя пріобрѣтенія. Помня заповѣдь Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33), онъ твердо вѣрилъ, что Господь не оставитъ его и въ старости; мысль о недалекой смерти еще болѣе усиливала его равнодушіе къ земнымъ благамъ, — онъ не забывалъ, что на

судѣ Божіемъ никакія земныя сокровища не замѣнятъ собою для насъ недостатка въ богатствѣ духовномъ, и что рабы, *скрывающіе* данное имъ въ жизни отъ Бога *сребро*, по свидѣтельству Евангелія, даже *осуждены* будутъ за то, что не употребили его во славу Божию (Матѣ. 25, 27. Лук. 12, 21.). Посему любимымъ и постояннымъ его изреченіемъ во всѣ дни его старости было только одно: «ничего земнаго съ собою въ могилу не взять, а Господь потребуеть отъ насъ отчета въ имѣніи Его». Соотвѣтственно сему располагалъ онъ и всѣми дѣлами своими въ послѣдніе годы своей жизни. Еще за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, чувствуя упадокъ своихъ тѣлесныхъ силъ, онъ уже передалъ, и передалъ благотворно, свои еще процвѣтавшія торговыя занятія другимъ, а самъ весь предался устроенію спасенія своей души. Сколько вслѣдъ за симъ оказалъ онъ и явныхъ, и въ особенности тайныхъ благодѣяній нуждавшимся въ его помощи! Сколько простилъ онъ долговъ своимъ ближнимъ! Сколькимъ святымъ обителямъ и пустынямъ послужилъ онъ своими вкладами! Сколько пожертвованій совершилъ онъ и въ пользу сего святаго храма, для благоуукрашенія и для благоустройства его, равно и для будущаго пособія служащимъ ему (г)! Наконецъ, распредѣлившіи и самъ размѣстивши почти всѣ свои земныя сбереженія на дѣла святаго и богоугоднаго, онъ

(г) Не исчисляя всѣхъ многочисленныхъ его пожертвованій для приходскаго храма, скажемъ только то, что онъ внесъ 1000 рублей на будущую перестройку церкви. Кроме того, онъ пожертвовалъ 1000 рублей на построеніе при церкви дома въ пользу причта, и назначилъ на вѣчное время проценты съ 1000 рублей за его поминовеніе, а съ 300 рублей за служеніе молебна въ храмѣ по воскреснымъ днямъ.

даже и оставшіяся у него не большія средства, самыя только необходимыя для прожитія, передалъ въ руки одного изъ своихъ любимыхъ сотоварищей, и уже отъ него получалъ себѣ необходимое для послѣднихъ дней на землѣ. Когда же у него спрашивали, что онъ будетъ дѣлать, если и сіи послѣднія его средства истощатся; тогда онъ обыкновенно со всѣмъ спокойствіемъ отвѣчалъ, что поступитъ въ ту самую богадѣльню, о которой прежде сего онъ самъ такъ усердно заботился. Можно ли не видѣть во всемъ этомъ самага высокаго исполненія слышанной нами заповѣди Божіей: *не любите міра, ни яже въ міръ?*

Благословенны и весьма поучительны послѣдніе и предсмертные дни почившаго! Не имѣя при себѣ, какъ мы уже замѣтили, никого изъ родныхъ, онъ во все продолженіе своей предсмертной болѣзни былъ постоянно окруженъ болѣе чѣмъ родственными попеченіями и вниманіемъ признательныхъ ему лицъ. Лишившись возможности посѣщать святыя храмы Божіи, онъ, такъ сказать, самъ былъ постоянно посѣщаемъ святынею церковною: ему ежедневно приносились останки божественной трапезы по совершеніи литургіи; его посѣщали св. иконы, особенно имъ чтимыя; для него совершались молебствія церкви близъ самага одра его; онъ наконецъ нѣсколько разъ передъ своею смертію удостоился принять и всѣ необходимыя для напутствованія къ жизни вѣчной таинства церкви. Некратковременную послѣднюю болѣзнь свою онъ переносилъ съ кроткимъ терпѣніемъ и бладушіемъ, и, сохранивъ до послѣдней минуты полное сознаніе, мирно испустилъ духъ. Послѣ всего этого, чтущимъ память усопшаго неостается ничего болѣе

пожелать ему, какъ только того, чтобы Господь не лишилъ его Своихъ милостей и въ будущей жизни.

Соединимъ же, бл. сл., свои усердныя моленія съ моленіемъ церкви: *да учинитъ Господь Богъ душу усопшаго раба Своего Іоанна, идѣже вси праведни упокоются, — идѣже нѣсть бользнь, ни печаль, ни воздыханіе!*

Священникъ И. П.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА.

Быль у насъ въ деревнѣ старикъ, рассказывалъ намъ одинъ знакомый намъ мужичекъ, — звали его Иваномъ; старъ ужъ онъ былъ, годовъ примѣрно подь семьдесятъ, но не хиль, крѣпокъ на видъ и бодръ. Старикъ онъ былъ умный, толковый, жилъ хорошо и домъ свой правилъ какъ слѣдуетъ доброму хозяину, оттого онъ и былъ у него какъ полная чаша. Ко всему дѣдушка Иванъ на своемъ вѣку присматривался, во все вникалъ, оттого былъ опытный человекъ, зналъ много и всегда могъ дать тебѣ полезный совѣтъ во всякомъ дѣлѣ. Къ тому же онъ и словоохотливъ былъ, ласково обходился со всякимъ, и богатымъ и бѣднымъ; иной разъ и побранить, и когда говорилъ что-нибудь, такъ не любилъ чтобъ ему перечили, — да вѣдь это, почитай, со всѣми стариками такъ бываетъ. Дѣдушка Иванъ былъ, впрочемъ, вѣдь не чета другимъ старикамъ: когда онъ говорилъ, такъ ужъ говорилъ всегда дѣло; и побранить онъ когда тебя, такъ ужъ побранить по дѣлу; за то его и слушали всегда, и ни одно его слово не пропадало даромъ; особенно дѣдушка Иванъ любилъ по праздникамъ потолковать съ сосѣдями. Въ праздники къ дѣдушкѣ Ивану непременно соберется

куча народу; погода худая, такъ къ нему въ избу идутъ, а хорошая, такъ на завалинкѣ, или на крыльцѣ у него усядутся, и идетъ бесѣда. Дѣдушка Иванъ про старину рассказываетъ намъ: какъ въ старину люди жили, какіе порядки были; а то про хозяйство рѣчь поведетъ, какъ что дѣлать нужно, много побранить, кто плохо живетъ, и наставленіе дастъ,—всего бывало. И занимательно его было слушать, да и не безъ пользы....

— Ну, а что же рассказывалъ вамъ дѣдушка Иванъ про старину-то напримѣръ?

— Да разное рассказывалъ, много рассказывалъ, вотъ и про колдуновъ тоже говорилъ,—отвѣчалъ расказщикъ.

— Что же онъ про колдуновъ-то говорилъ?

— Да говорилъ, что «они просто обманщики, только темный народъ надувають, послѣдніе гроши у него выманивають, что глупы и тѣ, которые ходятъ къ нимъ съ разными дѣлами. Колдуны-то, говоритъ, такіе же люди какъ и всѣ другіе, да только безсовѣстныце. Всѣ наговоры ихъ да ворожба—обманъ одинъ». Вотъ помню я одинъ случай,—собрался въ праздникъ народъ къ дѣдушкѣ Ивану. На ту пору у одного мужика пронала лошадь, и этотъ мужикъ случился тутъ же. Дѣдушка Иванъ спросилъ хозяина лошади, нашла ли онъ ее?

— Гдѣ найдешь-то! А ужъ какъ, дѣдушка, лошадь-то нужна,—пора страдная, рабочая, что безъ лошади-то подѣлаешь теперь! плакался мужикъ.—Хочу ужъ сходить поворожить, не пособить ли.

— Бить васъ за это надобно—вотъ что, когда слова-то ужъ не дѣйствуютъ на васъ! вспылилъ на мужика дѣдушка Иванъ.—Не мало, кажется, вамъ тол-

куетъ священникъ нашъ о. П., чтобы вы перестали къ колдунамъ ходить, такъ нѣтъ, не унимаются. Случилась съ человѣкомъ бѣда, и безъ того онъ не въ барышахъ, такъ пойдетъ еще къ колдуну, или къ знахарю, понесетъ ему послѣднюю свою копѣйку трудовую, да просить, кланяться станетъ, чтобы тотъ навралъ ему пустяковъ разныхъ: бѣды не поправитъ, да и деньги пропадутъ даромъ. А ты, вотъ что, другъ любезный, вмѣсто того чтобы спрашивать колдуновъ, самъ поищи хорошенько своей лошади-то: посовѣтовалъ дѣдушка Иванъ тому мужику, у котораго пропала лошадь.

Намъ дивна показалась эта рѣчь старика. Народъ простой, деревенскій, дѣло извѣстное—спокойнъ вѣку мы привыкли и въ колдуновъ вѣрить, и къ ворожеямъ разнымъ ходить, а тутъ вдругъ свой же братъ крестьянинъ говорить, что все это пустяки одни да плутни. Хоть часто намъ говорилъ это же самое священникъ нашъ о. П., да все не вѣрилось, привычка, значить, эта ужъ очень сильна въ насъ, и отцы наши такъ вѣровали, и трудно совсѣмъ-то ее бросить. Сомнѣніе взяло насъ...

— Такъ что же, дѣдушка Иванъ, по твоему, значить совсѣмъ нѣтъ этихъ колдуновъ-то да ворожей разныхъ? спрашиваемъ мы его.

— А то по вашему есть что ли? Я на своемъ вѣку не короткомъ наглядѣлся не мало на разныя продѣлки колдуновъ, такъ теперъ ужъ меня этими штуками не проведешь. Я вамъ расскажу про свою женитьбу, какъ ее чуть было не испортилъ одинъ колдунъ, такъ вы и увидите что за люди такіе колдуны, и я съ тѣхъ поръ ужъ не вѣрю, да и не повѣрю никогда ни въ какого колдуна...

— Расскажи, говоримъ мы, — сдѣлай милость, дѣдушка!...

Сталъ онъ намъ рассказывать. «Въ молодые-то годы, говорить, я былъ не то что теперь, — безъ похвалы скажу, — что былъ парень изъ первыхъ на деревнѣ. На работу ли выйду, — отъ людей не отстану, — никакая работа изъ рукъ не валялась; ну, и собой былъ молодецъ, и изъ семьи богатой, — всѣмъ, значитъ, взялъ. Вотъ пришла пора и женить меня. У насъ вѣдь въ крестьянствѣ—дѣло извѣстное — какъ только вышли года, сейчасъ же и за свадьбу; въ домѣ, разсуждаютъ, лишняя работница будетъ, да и парню болтаться даромъ нечего; а въ старину-то еще раньше вѣнчали. Родитель мой,—царство ему небесное,—человѣкъ былъ разсудительный, и меня въ этомъ дѣлѣ не волилъ, а отдалъ все на мою добрую волю. «Жениться, говорить, тебѣ, Иванъ, пора, а невѣсту выбирай самъ какъ знаешь. Жить съ женой придется вѣдь тебѣ, такъ по своему праву и выбирай, которая невѣста любя тебѣ, а я въ это дѣло вмѣшиваться не хочу, на меня послѣ и не пѣняй: самъ ужъ ты на возрастѣ, пора и своимъ умомъ жить. За богатствомъ не гонись,—не съ богатствомъ жить; выбирай лучше жену скромную да работающую, такъ и свое добро наживешь.» Далъ мнѣ родитель такое наставленіе, и велѣлъ высматривать невѣсту. А ужъ чего высматривать,—давно высмотрѣна; мнѣ ужъ давно была по сердцу одна дѣвица изъ нашей же деревни, Марьей звали; изъ дому она была не очень богатаго, за то была скромница, работница и собой красива, и я тоже ей былъ не противенъ. Послѣ батюшкинова наказа уллучилъ я какъ-то время, и перетолковали мы съ нею на-единѣ объ этомъ дѣлѣ. Она не противорѣчила; «кромѣ тебя, гово-

рить, мнѣ некого выбирать въ женихи. И родители мои, говорить, тоже поперечить не будутъ,—въ вашъ домъ они меня съ радостью отдадутъ. Засылайте сватовъ!» Объявилъ я батюшкѣ объ этомъ выборѣ,—батюшка остался доволенъ мною, онъ самъ на эту же невѣсту мѣтилъ. «Слава Богу, сказалъ онъ, что мы сошлись съ тобой. Лучше этой невѣсты ищи, не сыщешь. Я потолкую съ Семеномъ Кругловымъ (такъ звали тестя моего), да и сватать будемъ. Дѣло откладывать надолго не-зачѣмъ.» Сказано-сдѣлано. Невѣстины родные рады; такъ насъ и сосватали, стали мы женихъ да невѣста, и ждемъ не дождемся свадьбы.

Только вотъ, спустя немного времени, пошла нехорошая молва про нашу свадьбу. Стали поговаривать про невѣсту, что она и поведеніемъ-то нечестная, и нравомъ сварливая, и невѣсть еще что. Въ деревнѣ—дѣло извѣстное—скажи одинъ, и всѣ повторяютъ за нимъ; такъ и въ этомъ дѣлѣ: скоро почти вся деревня заговорила. Досужія кумушки, охотницы разбирать да судить чужія дѣла, въ перегонку стали болтать, что онѣ и то знаютъ за невѣстой, и другое примѣчали. Я, конечно, не слушалъ этихъ пересудовъ: свадьба наша устраивалась хорошо, невѣста шла въ хорошій домъ, такъ другимъ-то невѣстамъ да ихъ роднымъ, думаю, и завидно стало, вотъ съ дасады и пропустили такую славу. Да и невѣста была завидная,—жениховъ къ ней сваталось много,—не мудрено, съ зависти-то, что не имъ досталась, и наврали на нее. Это вѣдь водится. Брать всего этого въ расчетъ, значить, мнѣ и не приходилось. Да и родитель мой терпѣть не могъ всѣхъ этихъ бабьихъ пересудовъ. Когда услышалъ онъ про нихъ, такъ «плюнь-ко, говоритъ мнѣ, Иванъ, на всѣ эти бабьи разговоры. Слушать ихъ такъ ни

одного дѣла порядкомъ не сдѣлаешь!» Я и не слушала; только вотъ надобно же было случиться бѣдѣ. Иду я какъ-то въ лѣсъ, и повстрѣчался со мной Тимоѳею,—а его считали всѣ у насъ злющимъ колдуномъ, всѣ вѣрили, что онъ всякое дѣло можетъ сладить, и попортить человѣка можетъ, если захочетъ, и всѣ его боялись. Вотъ встрѣдся оно со мной, да такъ нехорошо поглядѣлъ на меня.

— Что, парень, жениться, говорить, надумалъ?

— Да, есть такое дѣло, говорю, дѣдушка Тимоѳею!

— То-то, смотри, женись да не ожгись.—Только и сказалъ онъ, и пошелъ прочь. Смutilo меня это слово. Глупъ былъ еще въ ту пору, испугался я не на шутку. Чтò это такое сказалъ мнѣ старикъ, думаю, а что-нибудь да не даромъ. Не худое ли что ворожить онъ. Задумался я не на шутку; пришелъ домой, сердце такъ и щемить, а сказать боюсь, и чего-чего только я не передумалъ, какихъ страховъ я не настроилъ: ужъ и дѣло-то мое разстроилось совсѣмъ, и невѣста-то моя разлюбила меня, и т. д., хожу самъ не свой, такой пасмурный да сердитый, и работа на умъ нейдетъ,—стали и другіе примѣчать это. Матушка-покойница говоритъ мнѣ,—вѣдь извѣстно матери жалостливѣе къ дѣтямъ и скорѣе замѣтять чтò съ ними дѣлается: — «что это, Иванъ, съ тобою сдѣлалось такое? ходишь ты такой печальный, ужъ здоровъ ли ты?» — «Здоровъ, говорю, ничего,» Неудовольствована она этимъ. Нѣтъ, говорить, что-нибудь да не такъ, допытываться стала, и заставила рассказать настоящую правду; открылъ я ей печаль свою. Посудили, потолковали съ ней, и порѣшили не сказывать ничего отцу, а идти прямо къ колдуну-Тимоѳею, поклониться ему чѣмъ-нибудь, да пораспросить о дѣлѣ

хорошенько. Съ пустыми руками, разумеется, къ нему идти было нельзя, да дѣло такое важное подошло, что пожалуй и не жаль было ничего. Собрали мы съ матерью кое-что потихоньку отъ отца: дала она миѣ полотно свое и деньжонокъ немного, да своихъ и тоже приберегъ немного и тѣ взялъ съ собою, и пошелъ къ колдуну. Пришелъ,—дома, смотритъ на меня изъ подлѣбья, таково сурово да строго.

— Чтò, говорить, добрый молодецъ скажешь, зачѣмъ пожаловать изволил?

— Да къ твоей милости пришелъ поклониться, да объ одномъ дѣлѣ совѣта твоего спросить, съ низкимъ поклономъ говорю я ему.—Ужь будь милостивъ, побезпокойся. Жениться надумалъ, такъ ...

— А миѣ-то, говорить, какое дѣло до этого? Жениться, такъ женись, а мое дѣло тутъ сторона; а самъ еще сердитѣе да строже глядитъ.

— Да ужь не погуби, родимой! взмолился я ему.— Поворожи пожалуйста—будетъ ли миѣ счастье-то въ женитьбѣ, да поспособствуй ты этому дѣлу, вѣдь оно въ твоихъ рукахъ. Еще я поклонился ему, да и полотно съ деньгами выложилъ передъ нимъ.—Поможешь дѣлу, такъ и впередъ не забудемъ....

Какъ увидѣлъ колдунъ деньги, вижу повеселѣи и поласковѣи сталъ со мной разговаривать. «Не по годамъ, говорить, парень прытокъ ты. Молодъ еще, а и зпять никого не хочешь, точно и вправду больше тебя нѣтъ никого; спѣсью, братъ, немного добра наживешь...» и ну меня наставлять да бранить. Я молчу да только кланяюсь. «Что, дѣлать? говорю. Виновать, дѣдушка, прости, впередъ не буду!» Поуходился старикъ, тише, тише, и совсѣмъ пересталъ браниться, доволенъ сталъ моею кротостью.

— Ну ладно, говорить, повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Не безпокойся! дѣло твое я ужь улажу— будешь спокоенъ; только теперъ я тебѣ ничего не скажу и не сдѣлаю, а ты приходи ко мнѣ черезъ три дня. Къ тому времени все будетъ готово.

Еще поклонился я старику, и пошелъ домой такой веселый. Теперъ дѣло слажено, думаю: невѣста моя будетъ, никто ее у меня не отниметь,—поуспокоился. Прошли три дня,—насилу я ихъ переждалъ, долги они мнѣ показались,—пошелъ я опять къ колдуну. Теперъ ужь я шелъ къ нему посмѣлѣе; а чтобы старикъ еще поласковѣе былъ со мной, я еще кое-что захватилъ ему. Старикъ встрѣтилъ меня ласково.

— Твое дѣло, говорить, на ладъ пошло, будетъ тебѣ въ женитьбѣ счастье. Я тебѣ вотъ дамъ три корешка, ты съ нихъ три дня по зарямъ пей воду, а вотъ этими тремя угольками, передъ тѣмъ какъ пить станешь, по водѣ проведи крестъ-на-крестъ, по корешку и по угольку въ день и употребляй; тогда ужь никакая злая сила тебѣ не повредитъ, никакой недругъ худа не сдѣлаетъ. А по правдѣ сказать тебѣ, такъ были у тебя враги, которые бы тебѣ много зла понадѣлали, да ладно что догадался ко мнѣ придти, теперъ ужь тебя никто тронуть не посмѣетъ.»—Далъ онъ мнѣ корешки и угольки. Съ радости я чуть въ ноги не повалился старику.

— Я, говорить, радъ доброму чловѣку помочь, — иди съ Богомъ!

Иду я домой, а самъ чуть не прыгаю отъ радости. Все я сдѣлалъ по наказу старика въ точности: и воду пилъ три раза по зарямъ, и углемъ крестилъ. Повеселѣлъ я послѣ этого, прежнія думы черныя да печали совсѣмъ прошли, и работать сталъ хорошо, и

говорить со всѣми, иной разъ и пѣсню затыну, такъ что батюшка иной разъ смотритъ-смотритъ да и скажетъ: «вотъ запѣлъ! радъ ужь видно жениться-то!» А матушка такъ-то рада, чуть-ли не больше меня, какъ увидѣла, что я такой веселый сталъ; вѣдь женщины—дѣло извѣстное—чего не придумаютъ: и глазъ-то на тебя нехорошій взглянулъ, и испортили, и все такое....

— Позволь, Иванъ Петровичъ, слово молвить! приостановилъ на этомъ мѣстѣ дѣдушку Ивана одинъ крестьянинъ.—Какъ же такъ? Ты вотъ говоришь, что колдуны-то—обманщики, только морочатъ насъ, простыхъ людей, а вѣдь вотъ помогъ же тебѣ Тимошей-то. Ты прежде кручинился и печалился, а какъ онъ поворожилъ тебѣ, да далъ съ наговоромъ-то, у тебя и тоска-кручина пропала, и настоящимъ ты человѣкомъ сталъ. Какъ же это такъ вышло? Тутъ сила-то вся, значить, и есть въ колдунѣ.

— Неразуменъ ты, Ѳедоръ, строго и сердито замѣтилъ дѣдушка Иванъ.—Какъ это стало? просто стало, безъ всякаго колдовства дѣло сдѣлалось, самымъ обыкновеннымъ порядкомъ. Ты разсуди, отчего я кручинился-то прежде? Вѣдь всю тревогу произвелъ самъ же колдунъ, вѣдь онъ меня напугалъ да настращаль бѣдой, а я вѣрилъ тогда, что онъ и вправду можетъ сдѣлать съ человѣкомъ все чтò только задумаетъ, вотъ и закручинился отъ этого. А какъ тотъ же самый колдунъ, въ которомъ все и дѣло-то было, котораго я и боялся какъ врага своего, сказалъ, что зла мнѣ никакого не сдѣлаетъ, да и другимъ не велить, такъ съ какой стати я сталъ бы больше горевать да печалиться? Само собой и вышло, что я веселъ сталъ. Вѣдь вотъ кручинились же мы всѣ и головы повѣсили, какъ баринъ-то намъ надѣлъ нехорошій

давалъ, а какъ послѣ смиловался, да далъ намъ хорошую землю, такъ помнишь какое веселье по деревнѣ-то пошло, чуть не цѣлую недѣлю пировали. И со мной то же самое было: вѣрилъ я, что человѣкъ повредить мнѣ можетъ, ну и печаль наша, а сказалъ тотъ же самый человѣкъ, что все добромъ кончится, и повеселѣлъ я,—дѣло-то простое. Дивиться тутъ не колдуну надо, а тому какъ мы-то такъ глупы, что понять этого не можемъ, да въ обманъ даемся,—вотъ что дивно-то. А что колдунъ далъ мнѣ корешковъ да угольковъ, такъ это просто отводъ одинъ былъ,—показать хотѣлъ колдунъ, что онъ силу особую имѣетъ, и наговоръ отъ всякаго лиха знаетъ,—благо мы же вѣримъ этому; а на самомъ-то дѣлѣ эти угольки разные просто ничего не значать и не дѣйствуютъ. Ты меня отбилъ отъ разсказа-то далеко, слушай что дальше-то было.

— Послѣ того случая, началъ дѣдушка Иванъ опять, какъ сходилъ я къ колдуну-то въ другой разъ, печалиться мнѣ не о чемъ стало,—нужно только было свадьбы дожидаться,—дождался и свадьбы... Справили все какъ слѣдуетъ, отпировали, угостили всѣхъ на славу, и стали мы жить съ молодою женой, — и дай Богъ всякому такъ жить! Вотъ ужъ мы оба съ хозяйкой и состарѣлись, а промежъ нами худого слова не бывало, не только-что большой какой-нибудь ссоры. А на первыхъ-то порахъ и говорить нечего. Да и какъ намъ было не жить въ согласіи: жена мнѣ попалась добрая, умная, характеромъ хорошая и собой не дурна; все что болтали про нее досужія сосѣдки, оказалось чистыми сплетнями. Живемъ мы—люди любятъся на насъ. Вотъ какъ-то разъ, на первыхъ еще порахъ, пришли мы съ ней изъ гостей отъ брата, попиrowали тамъ

весело, и домой пришли тоже на-веселѣ. Идемъ да шутимъ,—между тѣмъ другимъ—стали припоминать прошлое. Миѣ въ ту пору и пришло на умъ, какъ я къ колдуну-то ходилъ.

— Знаешь что, говорю, Марья? Вѣдь я виноватъ передъ тобой.

— А виноватъ, шутить она,—такъ кайся да проси прощенья.

— Когда мы съ тобой еще не повѣнчались, а только были сговорены, такъ смутили меня сосѣди хорошіе, а пуще-то всѣхъ Тимошей-колдунъ, наговорили и то и другое; вѣдь я и поусомнился въ тебѣ, ходилъ къ колдуну ворожить, прости меня Христа-ради!—да тутъ же ей все и рассказалъ, какъ меня колдунъ напугалъ, какъ я къ нему ходилъ и деньги носилъ. Прослушала Марья все.

— Ахъ, онъ воръ эдакой, обманщикъ! закричала моя жена.—Вѣдь онъ обоихъ насъ съ тобой обманывалъ, вѣдь и я къ нему тоже ходила, меня онъ еще хуже надулъ,—и стала миѣ рассказывать какъ дѣло было.

Что же, вы думаете, вышло? Какъ увидѣлъ колдунъ, что угроза-то его на меня подѣйствовала, и я пришелъ къ нему съ повинною головой да съ просьбой помочь моему горю, онъ этимъ и воспользовался. Ему, видишь, мало показалось взять съ одного меня, такъ онъ захотѣлъ взять еще и съ невѣсты. Ей-то ужь онъ напрямикъ объявилъ: «смотри, дѣвка, женихъ твой отъ тебя отставать сталъ, ко миѣ ворожить приходилъ. Теперь, стало-быть, ты въ моихъ рукахъ,—могу и помиловать, а могу и несчастной сдѣлать.» Прямо-то самому сказать это ему почему-то показалось неложно, такъ онъ послалъ для этого одну солдатку,—про нее тоже у насъ на деревнѣ шла недобрая молва. Та

и передала все дѣвкѣ, да отъ себя еще прибавила, разныхъ ужасовъ насаждала ей кучу, и посовѣтовала ей хорошенько поклониться Тимоѳею, потому что кро-мѣ его, говоритъ, этому дѣлу никто не поможетъ. Сила-де тутъ нужна большая, а сильнѣй его нѣтъ никого близко. Моя невѣста, разумѣется, рада была все сдѣлать, все отдать, лишь бы только бѣдѣ пособить какъ-нибудь. Вотъ собрали онѣ съ матерью, какъ и мы, чтò было, да къ колдуну, — нѣтъ, мало еще, не беретъ. Прибавили еще, да насилу-насилу уговорили, — взялъ и обѣщаль помочь. Тоже, какъ и мнѣ, далъ травокъ да корешковъ разныхъ, и дѣло обошлось благополучно. И дни-то самые даже, въ которые онъ обиралъ мою невѣсту, какъ мы рассчитали хорошенько, вышли тѣ самые три, когда онъ велѣлъ мнѣ подождать. Вотъ какъ рассказала все это Марья, тутъ мы и догадались, что все это колдовство было просто продѣлка колдуна, чтобы вытянуть изъ насъ побольше денегъ. Свадьба-то затѣялась не бѣдная, и люди мы исправные, взять съ насъ есть чтò, и устроилъ онъ такую западню. Одиѣми деньгами колдунъ взялъ съ насъ обоихъ рублей пятнадцать, кромѣ разныхъ другихъ подарковъ, а въ старину это были не малыя деньги. И смѣшно, и досадно намъ стало послѣ этого...

Рассказаль я обо всемъ этомъ своему родителю, — побранилъ онъ насъ всѣхъ порядочно. «Глупы, говоритъ, всѣ вы, а нѣтъ чтобы спросить совѣта у людей, которые поумнѣе васъ, да побольше знаютъ. Впрочемъ, по глупости своей попались въ просакъ, такъ впередъ умнѣе будете, а вотъ до стараго-то плута добраться надобно, чтобъ онъ не надувалъ простыхъ людей, не выманивалъ у нихъ добро, а самъ бы его своимъ трудомъ наживалъ.» Матушка уговаривать было его: —

«смотри, говорить, свяжешься съ колдуномъ да разобидишь его, лиха бы онъ тебѣ не сдѣлалъ!» Извѣстное дѣло, женщины вѣдь страшливѣе мужчинъ. «Молчи! прикрикнулъ на нее батюшка. Васъ кругомъ оберутъ, а вы и тутъ ни слова не скажете. Дурныхъ людей выводить надо, а не потакать имъ; увидимъ кто кому лихо сдѣлаетъ!» Пошелъ онъ въ контору къ управляющему, — тогда мы еще за бариномъ жили, — да и рассказалъ ему все дѣло, а управляющій у насъ на ту пору былъ строгій, и спуску не давалъ никому. «Ладно, сказалъ онъ, я имъ дамъ народъ обманывать!» Ждемъ что будетъ.

Вотъ скоро по какому-то дѣлу велѣли собираться *міру на сходъ* въ контору; десятникъ сказалъ, чтобы и Тимошей колдунъ и солдатка, которая пособляла ему Марью-то обманывать, тоже шли на сходъ, хоть прежде ихъ на сходъ никогда не звали, потому что земли у нихъ не было, и дѣлъ мірскихъ они не касались. Сошлись на сходъ, потолковали съ управляющимъ о своихъ дѣлахъ, порѣшили что нужно было; послѣ всего этого управляющій позвалъ колдуна съ солдаткой: — «разсказывай, говорить ему, какъ ты людей-то обманываешь, какъ ты свадьбу-то Ивана Петрова устроилъ?» Колдунъ сначала было нахмурился, и говорить не хотеть. «Никого я не обманываю, и свадьбы никакой не устраивалъ,» пробормоталъ онъ имъ сквозь зубы. Да не на такого попалъ: управляющій шутить не любилъ. — «А вотъ, говорить, ты у меня заговоришь иначе. Разогъ!» крикнулъ онъ: расправа тогда была короткая. И ну колдуна сѣчь. Тутъ-то онъ передъ всѣмъ *міромъ* и повинился въ своихъ плутняхъ и рассказалъ всѣмъ свои продѣлки. О свадьбѣ нашей такъ прямо открылся, что хотѣлъ обмануть да

денегъ повытянуть изъ насъ; онъ и молву-то дурную про нашу свадьбу первый пустилъ, чтобы пуще напугать насъ да заставить къ нему обратиться. «Впередъ смотри не обманывай народъ, сказалъ ему управляющій, а то не такъ еще проучу; а деньги и все, что взялъ за свадьбу, отдай!» Послѣ колдуна управляющій принялся за солдатку, и съ ней расправу учинили. Она съ перваго же разу призналась, что была пособницей Тимоѳея по разнымъ его дѣламъ воровскимъ, да и на другихъ еще показала, и тѣмъ досталось—въ долгу никто не остался.

Такимъ-то вотъ способомъ и открылась цѣлая воровская шайка; коноводомъ ея былъ Тимоѳей; вотъ тебѣ и колдовство. Послѣ расправы управляющій строго-настрого наказалъ колдуну, чтобы онъ и заикаться не смѣлъ о колдовствѣ да ворожбѣ, а то обѣщаль въ другой разъ ужъ не такъ расправиться: зареклись и побожились предъ всѣмъ *міромъ*, что и говорить объ этомъ не стануть, не то-что дѣлать что-нибудь. И намъ управляющій сказалъ, чтобы мы помнили это, да никогда впередъ не вѣрили колдунамъ, и въ обманъ не давались. И вѣдь какъ вы думаете?—послѣ этой исторіи въ нашей вотчинѣ всѣ эти знахари да колдуны повывелись, и слуху не стало объ нихъ, и народъ пересталъ ходить къ нимъ почти совсѣмъ. Послѣ какъ позабыли объ этомъ, такъ опять по глупости своей къ нимъ обратились; а ужъ я такъ ни за какія блага не повѣрю никакому колдуну, прикончилъ дѣдушка Иванъ.

— А вѣдь и впрямь, дѣдушка, колдунъ тутъ одну плутню подстроилъ, сказалъ дѣдушкѣ кто-то изъ насъ.

— Да ты пойми, какъ же не плутню-то? При всемъ *мірѣ* самъ сознался, при всемъ *мірѣ* сказалъ, что все его колдовство были одиѣ плутни. Да опять же и то ты въ толкъ возьми, какой же онъ колдунъ былъ, когда

онъ допустилъ себя наказать, и деньги всѣ назадъ отдалъ? Какъ бы силу онъ имѣлъ, такъ дался ли бы на такой позоръ да срамъ? Ну, ужь если онъ тогда не могъ пособить себѣ, такъ могъ бы послѣ управляющему какое лихо сдѣлать, или бы нашей семьѣ, за то что выдали его, да подѣ обиду такую кровную подвели, наговоръ наслать, такъ ровнехонько-ничего; жили, слава Богу, всѣ, и до старости вотъ дожили благополучно; стало-быть, ничего онъ немогъ сдѣлать, и такой же человекъ, значить, былъ какъ и всѣ мы. А вѣдь Тимошей еще тогда самымъ злущимъ колдуномъ считался въ нашей сторонѣ, и говорили и вѣрили тогда всѣ, что онъ сильнѣе всѣхъ колдуновъ былъ, и порчу могъ такую напустить, что никто и не вылѣчить ее. Вотъ тебѣ и сила, и колдовство. Да обманъ-то обманомъ,— это еще не самая большая бѣда,— а предъ Господомъ-то Богомъ великій грѣхъ ходитъ къ колдунамъ. Говорятъ, что колдуны дѣйствуютъ темною силою, бѣсовскою; рассказываютъ, что къ колдунамъ вражья сила въ образѣ змѣя летаетъ и иными способами къ нимъ является. Все это, конечно, неправда, но вѣдь всему этому вѣрятъ тѣ, которые ходятъ къ колдунамъ. Вотъ и выходитъ, что кто ходитъ къ колдунамъ, тотъ прямо обращается за помощію ко дьяволу, братается съ врагомъ Бога и своего спасенія. Ну, а если грѣшно-страшно на какую бы ни было тварь паче Бога надѣяться, такъ какой же грѣхъ принимаетъ на свою душу тотъ, кто на *врага*-то надѣется, къ *врагу*-то за помощію обращается? Разсудите-ка, да подумайте хорошенько объ этомъ!

Вотъ чтò рассказывалъ намъ дѣдушка Иванъ, — заключилъ рассказикъ, который передавалъ мнѣ это.

НѢЧТО О ДРЕВНЕМЪ ОБРАЗѢ КРЕСТНАГО ЗНАМЕНІЯ (а).

Нѣкто изъ ревнителей православія, не по долгу званія, а по свободному расположенію обращающій дѣятельное вниманіе на споры о предметахъ церковныхъ, сказалъ миѣ съ видомъ заботы, что одинъ изъ вѣдшихъ изслѣдователей церковной древности, во-первыхъ, начало двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія находитъ въ концѣ пятаго вѣка христіанства; во-вторыхъ, къ началу 10-го вѣка двуперстіе представляетъ вѣдшимъ отличіемъ православнаго вѣроисповѣданія, въ противоположность монофизитскаго.

Я спросилъ: какія доказательства представляются на сіи два положенія? и получилъ отвѣтъ, что на первое положеніе не представляется никакого доказательства, а въ доказательство втораго положенія представляется одно свидѣтельство одного еретика, именно, несторіанскаго писателя Іліи дамаскаго. Миѣ казалось сомнительнымъ, чтобы кто рѣшился изъ словъ одного человѣка, и притомъ еретика, вывести заключеніе о томъ, какой былъ общій обычай православной церкви, и какое она употребляла вѣдшее отличіе своего вѣроисповѣданія. Несторіанину можно повѣрить въ томъ, что несторіане изображали крестное знаменіе двумя перстами; еретикъ, конечно, хорошо знаетъ обычай своей ереси; но изъ того, что онъ приписываетъ двуперстіе также и *малхитамъ*, можетъ-быть не многимъ извѣстнымъ ему сосѣдямъ несторіанъ, можно ли вывести столь *огромное* заключеніе, что таковъ былъ обычай православной церкви, и что двуперстіе было

(а) Изъ 2-й книги «Чтеній въ Моск. обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія».

ея отличіемъ. Но бесѣдовавшій со мною ревнитель обратилъ меня для разрѣшенія моихъ недоуменій къ печатной книгѣ, и въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ № 7-й, на страницѣ 31-й увидѣлъ, что слова ревнителя православія справедливы, и его забота основательна.

На страницѣ 30 сказано: *чтобы показывать единство Божіе многобожникамъ, творили знаменіе креста однимъ перстомъ.* Что такова была цѣль единоперстія, на то свидѣтельства никакого не представлено. Намъ же приходитъ при семъ на мысль, что первоначальное и существенное назначеніе крестнаго знаменія есть то, чтобы благословлять и освящать вѣрныхъ, а не то, чтобы показывать многобожникамъ; что первенствующие христіане не любили безъ особенной нужды показывать своихъ священныхъ знаменій невѣрующимъ, чтобы не повергать бисера предъ свиніями, но имѣли правило скрывать таинства своей вѣры; что, правда, въ знаменіи креста могли многобожники усмотрѣть знаменіе вѣры въ Распятаго, но что *одинъ перстъ* христіанина, увидѣнный многобожникомъ, *не показалъ бы ему единства Божія*; что, слѣдственно, первенствующие христіане въ учрежденіи крестнаго знаменія не руководились мыслию о многобожникахъ. Надѣмся, съ симъ заключеніемъ согласится всякій, тѣмъ удобнѣе, что христіанство, а съ нимъ и крестное знаменіе, началось не въ странѣ многобожниковъ, но въ странѣ единобожія, въ Іудеѣ; и потому, если надобно было съ крестнымъ знаменіемъ соединить выраженіе догмата, то всего нужнѣе и приличнѣе было указать на существенный христіанскій догматъ Пресвятыя Троицы, то-есть учредить троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія, сохраненное донынѣ наиболѣе общимъ и наиболѣе постояннымъ преданіемъ.

Въ указанной нами статьѣ приведены древнія свидѣтельства, въ которыхъ говорится, что знаменіе креста изображали *перстомъ*; но не говорится того, что *однимъ перстомъ*. Можетъ-быть скажутъ, что это все равно. Нѣтъ, мы находимъ здѣсь различіе. Кто говорить, что *творили знаменіе креста однимъ перстомъ*, тотъ опредѣляетъ одну единицу и исключаетъ другія. Но когда св. Златоустъ, въ 54 бесѣдѣ на Евангелиста Матѳея, говорить, что *не простъ перстомъ начертати крестъ подобаетъ, но первѣе произволеніемъ со мноюю върою*: онъ опредѣляетъ, съ какимъ душевнымъ расположеніемъ должно творить крестное знаменіе, и только мимоходомъ упоминаетъ о перстѣ для начертанія креста, не опредѣляя, одинъ ли *строга* перстъ для сего употребляется, или въ соединеніи съ другими. Естьли же хотѣли бы мы строго утверждать, что древніе православные христіане изображали крестное знаменіе однимъ перстомъ: то куда дѣнемъ выше приведенное въ той же статьѣ свидѣтельство Димитрія кизическаго, что *іаковиты избрѣли знаменать лице свое однимъ перстомъ*? Естьли они *избрѣли сіе*: то по необходимости надлежитъ заключить, что до нихъ сего не было. Куда дѣнемъ другое приведенное тамъ же свидѣтельство св. Кирилла іерусалимскаго, который въ 13-мъ оглашеніи учитъ изображать знаменіе креста *перстами*? Замѣтимъ, что это не какой-либо маловажный писатель, подобный Или дамасскому, и не мимоходомъ упоминаетъ о крестномъ знаменіи, но Іерархъ іерусалимской церкви готовящихся къ крещенію побуждаетъ и учитъ изображать знаменіе креста; слѣдственно, здѣсь надлежитъ быть болѣе точному и несомнительно церковному выраженію сего предмета. Если же св. Кириллъ велитъ изобра-

жать знаменіе креста не однимъ перстомъ, а перстами: то сколькими? не двумя ли? — Отвѣтствовать на сей вопросъ поможетъ намъ та же статья, съ которою мы споримъ. Она находитъ свидѣтельство о двуперстіи не ранѣе конца девятаго вѣка, и только догадочно возводитъ начало онаго къ концу 5-го вѣка. Но св. Кириллъ произносилъ свои оглашенія въ половинѣ четвертаго вѣка. Слѣдственно, двуперстія тогда еще не было, и святой Кириллъ не могъ говорить о двуперстіи. Чтобы творить крестное знаменіе четырьмя перстами, тому никто не училъ. О латинскомъ пятиперстіи разсматриваемая нами статья находитъ свидѣтельство не ранѣе 13-го вѣка. Слѣдственно, и сего во время св. Кирилла не было. Итакъ остается заключить, что когда св. Кириллъ учитъ творить крестное знаменіе *перстами*, то нельзя сего понимать иначе, какъ о *трехъ перстахъ*. Такимъ образомъ открывається, сверхъ неписаннаго преданія, достовѣрное писанное свидѣтельство, что въ четвертомъ христіанскомъ столѣтіи іерусалимская церковь творила крестное знаменіе *тремя перстами*.

Какъ будто для ослабленія свидѣтельства святаго Кирилла, въ разсматриваемой нами статьѣ замѣчено, что онъ *изъ древнихъ одинъ* говоритъ о крестномъ знаменіи начертываемомъ *перстами*. Мы уже сказали, что изреченіе св. Кирилла, произнесенное Іерархомъ въ поученіи въ церкви, выражаетъ обычай Церкви, и слѣдственно составляетъ свидѣтельство не одного человека, но цѣлой церкви іерусалимской. Но можемъ еще сказать, что не одинъ св. Кириллъ о семъ пишетъ, но также и Ефремъ Сиринь, въ 105-мъ словѣ, о антихриствѣ. Вотъ его слова: *несозданную глаголю, возлюбленнїи, Троицу, единосуцнну суццу, источникъ источающу жизни.*

Аще бо оградится тацѣмъ оружіемъ наша душа, то по-
 пранъ будетъ змій посредѣ. Выраженіе: оградить себя
 знаменіемъ, или оружіемъ креста, всѣмъ извѣстно и по-
 нятно. Итакъ, когда св. Ефремъ, говоря о семь оружіи,
 указываетъ на Святую Троицу: *тацѣмъ оружіемъ*, то не
 трудно понять, что онъ говоритъ о знаменіи креста
 начертываемомъ тремя перстами во имя Пресвятыя
 Троицы.

Не пройдемъ мимо встрѣчающагося здѣсь озабочи-
 вающаго вопроса: согласны ли между собою свидѣ-
 тельства святыхъ отцевъ о крестномъ знаменіи?

Нѣтъ сомнѣнія, что св. Кирилль говоритъ правду о
 начертаніи креста *перстами*, и св. Златоустъ говоритъ
 правду о начертаніи креста *перстомъ*. Но невѣроятно,
 чтобы въ одномъ и томъ же четвертомъ вѣкѣ іеруса-
 лимская церковь со св. Кирилломъ крестилась тремя
 перстами, а антиохійская и константинопольская со св.
 Златоустомъ крестилась однимъ перстомъ; и потому
 вѣроятно, что св. Кирилль и св. Златоустъ говорятъ
 объ одномъ и томъ же крестномъ знаменіи. Ихъ можно
 согласить между собою, если выраженіе св. Златоу-
 ста принять, какъ выше сказано, не въ строгомъ и
 опредѣленномъ смыслѣ. Какъ изъ словъ Господнихъ:
Азъ о персть Божіи изгою блсы напрасно вздумалъ
 бы кто-нибудь вывести опредѣлительное заключеніе,
 что Богъ творить чудеса *однимъ перстомъ*; такъ изъ
 словъ св. Златоуста — *перстомъ начертати крестъ* не
 убѣдительно выводится заключеніе, что св. Златоустъ
 творилъ знаменіе креста *однимъ перстомъ*. На вопросъ:
 чѣмъ начертывается крестное знаменіе? имѣемъ отвѣтъ
 св. Златоуста: *перстомъ*. На вопросъ болѣе опредѣ-
 ленный: однимъ ли точно перстомъ, или въ соединеніи
 съ двумя другими? имѣемъ отвѣтъ св. Кирилла: *перстами*.

Такимъ образомъ крестное знаменіе св. Кирилла и св. Златоуста оказывается одно и то же, и ихъ различныя о немъ выраженія не противорѣчатъ одно другому.

Статья говоритъ на страницѣ 31: *Треперстное знаменіе еще не успѣло освятиться употребленіемъ вѣлсто одноперстнаго, какъ монофизитство, являсь къ концу 5-го вѣка, заставило обратиться къ другому знаменію, то есть къ двуперстному.* Но это есть догадочное соображеніе безъ доказательства. Когда кончилось одноперстное знаменіе? На сіе нѣтъ въ статьѣ отвѣта.— Когда введено треперстное?—Статья говоритъ: *когда явился Арій*; но также не доказываетъ, что въ сіе именно время, а не ранѣе. Но какъ бы то ни было, если во время Арія употреблялось уже не одноперстное, а треперстное крестное знаменіе, то симъ опровергается мысль объ одноперстномъ у Ефрема Сирина, Златоустаго и другихъ, писавшихъ послѣ времени Арія. Что значать слова: *не успѣло освятиться употребленіемъ*? Неужели продолженіемъ времени освящается крестное знаменіе, а въ короткое время *не успѣваетъ освятиться*? Мы думаемъ, что крестное знаменіе освящается не временемъ, а знаменуемымъ таинствомъ креста Христова и Пресвятыя Троицы; что оно равно свято, какъ въ первый день своего употребленія, такъ и по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ.

Въ разсматриваемой статьѣ, на страницѣ 30, сказано: *ограждали однимъ большимъ перстомъ каждый членъ тѣла, отдѣльно чело, очи, грудь, одно плечо, другое плечо.* Что употреблялся большой перстъ, на это доказательства въ приведенныхъ изъ древнихъ писателей свидѣтельствахъ нѣтъ, равно какъ и на то, что ограждали крестомъ отдѣльно одно плечо, отдѣльно другое плечо. Когда св. Златоустъ въ 87 бесѣдѣ на Еванге-

листа Матѳея поучаетъ: *аще распалаемо увидиши сердце твое, назнаменуѣ перси, положи въ крестъ*: это, какъ видите, особый случай, равно какъ и то, что подобная Марія Египетская знаменала крестомъ чело, очи, устнѣ, перси въ доказательство, что она не привидѣніе. Такихъ особенныхъ случаевъ не должно смѣшивать со всеобщимъ обычаемъ христіанскимъ—полагать одно крестное знаменіе на челѣ, персяхъ и раменахъ. Не думаетъ ли писатель статьи, что св. Кириллъ въ 13 оглашеніи учить изображать крестъ на одномъ только челѣ? Мы думаемъ, что его слова можно разумѣть объ общемъ крестномъ знаменіи. Приведемъ ихъ съ точностію. *На челъ со дерзновеніемъ перстами печать, и на всемъ крестъ да бываетъ*. Не отрицая того, что *печатию* иногда называется крестное знаменіе, мы можемъ однако не безъ основанія спросить, почему здѣсь раздѣльно употреблены два слова: *печать* и *крестъ*, и почему къ челу отнесено слово *печать*, а не слово *крестъ*, которое простѣе и ближе было бы употребить, если бы весь крестъ полагался на одномъ челѣ? Вѣроятно, не просто и случайно сдѣлалъ сіе Святой, но съ особенною различительною мыслию, потому что думалъ о крестѣ, полагаемомъ на челѣ, персяхъ и раменахъ, котораго первая часть, полагаемая на челѣ, не есть цѣлый *крестъ*, однако есть священная кресту принадлежащая *печать*. Что во время св. Кирилла было обыкновеніе не на одномъ челѣ изображать крестъ, но креститься и благословлять крестомъ какъ нынѣ, въ семъ можно убѣдиться свидѣтельствомъ Василя Великаго, который въ книгѣ о Святомъ Духѣ, въ главѣ 27, говоритъ *объ осъненіи уповающихъ на имя Господа нашего Исуса Христа знаменіемъ крестнымъ*.

Люди міра да не прогибѣваются на насъ за споръ о предметѣ обрядовомъ, котораго разновидность не препятствуетъ единству вѣры. Мы чувствовали обязанность отдать справедливость древнему церковному преданію объ изображеніи крестнаго знаменія тремя перстами, чтобы оно не казалось потрясеннымъ, тогда какъ оно стоитъ тверже другихъ преданій о семъ предметѣ.

ВСЕПОДАДАНѢЙШЕЕ ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА СЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ,

представленное Его Величеству въ Зимнемъ Дворцѣ сего 8-го апрѣля депутаціей отъ московскаго духовенства, состоявшею изъ намѣстника Троицко-Сергіевой Лавры отца архимандрита Антонія и Петропавловской, въ Басманной, церкви протоіерся отца Петра Матвѣевича Терновскаго.

Благочестивѣйшій Государь!

Благословенъ Богъ вѣрный въ словесѣхъ Своихъ, недремлющею силою Провидѣнія Своего исполнившій и нынѣ Свое древнее слово: *не прикасайтесь Помазанымъ Моимъ!*

Сколько преступная, столько же безумная дерзость подняла противъ Тебя руку; но ее невидимо отразилъ Ангель (хотя видимо чрезъ человѣка), и Твоя жизнь и здравіе сохранены; а преступленію попущено слѣлать только то, чѣмъ оно обличило само себя и повергло позору и правосудію.

Благословенъ Богъ, совершившій надъ Тобою, Благочестивѣйшій Государь, Свое древнее слово: *не прикасайтесь Помазанымъ Моимъ!*

Ужасъ вѣрноподавшихъ и скорбь о томъ, что на-

шелся въ Россіи такой человѣкъ, умягчается только живѣйшею радостію о Твоемъ сохраненіи и благодарною ко Господу молитвою.

Такъ послѣ соборнаго благодарственнаго молебствія въ храмѣ Святителя Алексія, не вмѣстившейся въ храмѣ, но наполнявшій Кремль народъ просилъ, чтобы сіе молебствіе вторично совершенно было среди его, и оно вторично совершенно тѣмъ же соборомъ, со всеобщимъ умиленіемъ и радостію.

Вмѣстѣ со мною, все вѣренное мнѣ московское духовенство, и, не колеблюсь сказать, вся Московская церковь и ея народъ,—всѣ искреннѣйше привѣтствуемъ Ваше Императорское Величество свѣтлымъ на Васъ знаменіемъ охраняющаго Васъ Провидѣнія Божія, не преставая взывать къ Богу: *Господи, спаси Царя!*

Святитель Алексій, который въ своемъ храмѣ, близъ своихъ святыхъ мощей, благословилъ Твое вступленіе въ православную церковь, чрезъ свой образъ, освященный на его мощахъ, да преподастъ Тебѣ охраняющее благословеніе Божіе на грядущія времена Твоей дражайшей жизни.

Апрѣля 5-го
1866 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, ДАННЫЙ НА ИМЯ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ!

Принявъ съ благоговѣніемъ присланную Мнѣ вами икону Святителя Алексія, искренно благодарю васъ и все московское духовенство за выраженныя чувства вѣрноподданнической преданности. Призванный на Царство Всемогущимъ Промысломъ, Я возлагаю всѣ Мои

надежды на Вседержителя Бога, въ Егоже десницѣ цари и народы, и глубоко вѣрую, что благое Провидѣніе охранитъ дни Мои, доколѣ они будутъ нужны для дорогой Миѣ Россіи. Какъ ни тягостна Моему сердцу мысль о покушеніи на Мою жизнь, всецѣло отданную любимому Отечеству, но она исчезаетъ предъ благою божественною волею, отвратившею отъ Меня опасность; а единодушное сочувствіе ко Миѣ всѣхъ сословій вѣрнаго Моего народа, со всѣхъ концовъ обширной Имперіи, доставляетъ Миѣ ежеминутныя трогательныя доказательства несокрушимой связи между Мною и всѣмъ преданнымъ Миѣ народомъ; эта священная связь да останется на вѣки неизмѣннымъ залогомъ силы, цѣлости и единства нашего общаго великаго Отечества. Призываю Святую Церковь молиться о благоденствіи и славѣ Россіи.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
9-го апрѣля 1866 года.

СТИХОТВОРЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ СОБЫТІЯ 4-ГО АПРѢЛЯ.

Не бойся злобы, въ тьмѣ шипящей,
Не бойся днемъ стрѣлы летящей,—
Сонмъ Ангеловъ блюдетъ твой путь,
Не дастъ ноги тебѣ преткнуть.
Расторгнешь ты всѣ козни злыя,
Къ тебѣ не прикоснется зло.
Ты буйству сокрушишь чело,
Попрешь ногою льва и змія!

Г. Т.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1866 ГОДА.

I.

Январь, февраль, мартъ, апрѣль.

	<i>Стран</i>
1. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви. 3—25, 93—119, 189—207, 275—298	
2. Отець Іоаннъ Борисовъ, священникъ Преображенской церкви, въ Ельцѣ	26—44, 120—133
3. Что это значить, что мы, православные, начинаемъ все съ благословенія Божія?	45—49
4. Ночь христіанина.	50—58
5. Пареміи	9—75, 147—188, 328—338
6. Сорныя и болотныя травы, упоминаемыя въ Св. Писаніи.	76—84
7. Наставленіе Святителя Тихона Задонскаго, (въпервые из- даваемое)	85—92
8. О сновидѣніяхъ	136—146
9. Архимандритъ Гермогенъ, настоятель Московскаго Спа- со Андроникова монастыря	208—237
10. Верба	138—144
11. Судьба	251—274
12. Отъ Епископа Протоіерею утѣшеніе	299—301
13. Архимандритъ Макарій, настоятель Николаевскаго Пѣш- ношскаго монастыря	302—327
14. Событіе 4-го апрѣля	309

II.

(ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ).

Январь, февраль, мартъ, апрѣль.

1. Пять дней на святой землѣ. 1—35, 71—96, 127—159, 191—217	
2. Благодарное воспоминаніе о милостяхъ Божіихъ	36—40
3. Поученіе при погребеніи г. Назарова	41—46

4. Замѣчательное исцѣленіе.....	47—48
5. Въ волостномъ правленіи.....	49—64
6. Почетительный совѣтъ о приходскихъ бѣдныхъ, при Москвоской Воскресенской, въ Монетчикахъ, церкви.	65—8
7. Дѣйствіе благодати Божіей въ обращеніи грѣшника.	97—108
8. Архимандритъ Порфирій,.....	109—126
9. Поученіе предъ отпѣваніемъ почетнаго гражданина Петра Алексѣевича Мединцева.....	127—131
10. Изъ письма Ѳ. А. Голубинскаго, съ присовокупленіемъ размышленій во время болѣзни.....	132—135
11. Слово къ дворянамъ Новгородской губерніи.....	160—166
12. Участь двухъ враждовавшихъ лицъ.....	167—171
13. Неодобрительная новость въ женскомъ туалетѣ.....	172—167
14. Слово при погребеніи протоіерея Сергія Ивановича Ти- хомирова-Платонова.....	177—183
15. Георгіевскій домъ призрѣнія бѣднаго духовенства, въ Москвѣ.....	184—185
16. Изъ посланія митрополитовъ Тирскаго и Трипольскаго	185—188
17. Слово при погребеніи Астраханцева.....	217—224
18. Разсказъ изъ народнаго быта:.....	224—238
19. О древнемъ образѣ крестнаго знаменія.....	239—246
20. Всенподаннѣйшее письмо и рескриптъ.....	246—247
21. Стихотвореніе по случаю событія 4-го апрѣля.....	248—243

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1) КОМИТЕТЪ, по Высочайшему повелѣнію учрежденный для принятія и храненія приношеній на сооруженіе въ Москвѣ храма во имя св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ память освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, объявляетъ, что въ оный, въ теченіе второй половины 1865 года поступили слѣдующія пожертвованія: чрезъ Министра Внутреннихъ дѣлъ, отъ крестьянъ 2 мирового участка Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи, 78 руб. 42¹/₄ коп., отъ Стефана и Евфиміи Гуськовыхъ 2 руб., Матѳея и Марѳы 3 руб., Агафоника и Маріи 3 руб., Алексія 3 руб., крестьянина Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Тимофея Акимова 3 руб., о упокоеніи Михаила 1 руб., неивѣстнаго крестьянина Ярославской губерніи 3 руб., и неивѣстнаго 3 руб.; и того 99 руб., 42¹/₄ к. А всего съ учрежденія Комитета до 1866 года поступило одиннадцать тысячъ сто семьдесятъ руб. 80³/₄ коп. серебромъ.

Комитетъ состоитъ въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ и продолжаетъ принимать приношенія.

Членъ Комитета *Срътенскій Архимандритъ Веніаминъ.*

2) ПУСТЫНСКІЙ УСПЕНСКІЙ монастырь, при благословеніи Божиемъ и усердіи Благотворителей, начинаетъ приходить въ положеніе приличное этому древнему памятнику Православія въ странѣ Бѣлорусской. И если благотворительная помощь продолжится, о чемъ обитель усердно проситъ благочестивыхъ Благотворителей, то современемъ эта обитель будетъ благоустроеннѣйшимъ монастыремъ въ здѣшнемъ краѣ.

Пожертвованія просятъ высылать или въ Могилевскую Духовную Консисторію, или прямо, чрезъ г. Мстиславль (Могилевской Губерніи), въ Пустынскій Успенскій монастырь на имя настоятеля, игумена Анатолія, сообщая имена Благотворителей съ именами ихъ ближнихъ и сродниковъ, живыхъ и почившихъ о Господѣ, для внесенія ихъ въ монастырскій списокъ на вѣчное поминованіе.

Могилевской епархіи, Мстиславскаго уѣзда, Пустынскаго Успенскаго монастыря *настоятель, игуменъ Анатолій съ братією.*

3) Поступило въ продажу у книгопродавцевъ: СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ СВЯТОГОРЦА къ двумъ своимъ, о св. горѣ Аѳонской, Палестинѣ и русскихъ святыхъ мѣстахъ. Новое изданіе, въ четырехъ томахъ, заключающее въ себѣ, кромѣ произведеній извѣстныхъ прежде, до 70 писемъ и сочиненій, только теперь въ первый разъ являющихся въ печати, съ приложеніемъ: 1) полнаго жизнеописанія Святогорца; 2) его портрета съ факсимиле; 3) Карты св. горы Аѳонской; 4) Вида русскаго Пантелеймонова монастыря, на св. горѣ Аѳонской, и 5) Вида кельи, въ которой жилъ и скончался Святогорецъ. Спб. 1865 г. Ц. за 4 т. 3 р. 50 к., на пер. за 5 ф.

Подробное оглавленіе «Собранія», содержащаго въ себѣ 131 статью Святогорца, напечатано въ № 8 духовн. журн. Странникъ, № 237 Сына Отечества и №№ 219, 225 и 234 Московскихъ Вѣдомостей за 1865 годъ.

4) Окончено изданіе СВЯЩ.-БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ВЕТАХАГО и НОВАГО ЗАВѢТА въ лицахъ. 240 картинъ профессора Ю Шнора. Текстъ Священника К. Стратилатова. Цѣна въ портфель 8 р., съ перес: 9 р. Гребованія адресуются: Вас. Егор. Генкелю, въ С.-Петербургѣ, у *Швецкаго моста*, д. Утина, кв. № 37.

Гг. подписчикамъ послѣдніе выпуски рассылаются въ Апрѣлѣ. Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые не заплатили еще деньги за вторую половину, благоволятъ внести теперь 5 р. для полученія остальныхъ выпусковъ.

5) Въ С.-Петербургскомъ золотошвейномъ депо церковныхъ и офицерскихъ вещей Шадрина. Большой выборъ: плащаницы отъ 15 до 4,000 р., хоругви—отъ 20 до 3,000 р., воздуховъ—отъ 8 до 500 р., парчи и проч., воротниковъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ и принимаются заказы, на Тверской, въ д. Шаблыкина, въ праздничные дни занятія не бываетъ.

Знаменитую плащаницу, бывшую на Всероссийской выставкѣ, желающіе могутъ получить за 4,000 р., также имѣются хоругви отъ 2,000 р. до 3,000 р.

Подробные прейсъ-куранты высылаются для желающихъ.

Всѣ означенныя вещи можно получить лучшаго достоинства по самымъ умлр. цѣнамъ при немедленномъ исполненіи вслѣдъ порученій п. покупателей.

Въ случаѣ недоумѣнія вещи принимаются обратно.